

Российское историческое общество
Ставропольское региональное отделение
Северо-Кавказский федеральный университет
Институт славяноведения РАН
Капошварский университет

Россия и Венгрия
НА ПЕРЕКРЕСТКАХ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

ВЫПУСК II

Ставрополь
2016

Oroszországi Történettudományi Társaság
Sztavropoli körzeti részlege
Észak-Kaukázusi Szövetségi Egyetem
Az OTA Szlavisztikai Intézete
Kaposvári Egyetem

OROSZORSZÁG ÉS MAGYARORSZÁG AZ EURÓPAI TÖRTÉNELEM KERESZTÚTJAIN

II szám

Sztavropol
2016

УДК 94(439+47)(082)
ББК 63.3(2Рос-4Вен
Р 74

Редакционная коллегия:

А. Г. Айрапетов, Д. Бебеши, А. Колонтари, М. Е. Колесникова,
И. В. Крючков (ответственный редактор), Н. Д. Крючкова, О. В. Павленко,
Ф. Саваи (председатель редколлегии), А. С. Стыкалин,
Д. А. Сумской (председатель редколлегии), О. В. Хаванова, А. Шереш

Р 74 Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Выпуск II:
сборник научных статей. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. – 306 с.

ISBN 978-5-9296-0836-0

В сборник вошли материалы по истории Венгрии и России, взаимоотношений между ними. Отдельный раздел сборника посвящен исследованию роли Венгрии и России в истории международных отношений. В специальные разделы вошли опубликованные исторические документы и рецензия.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей вузов, а также для всех интересующихся историей Венгрии и России.

УДК 94(439+47)(082)
ББК 63.3(2Рос-4Вен

ISBN 978-5-9296-0836-0

© Коллектив авторов, 2016
© Северо-Кавказский федеральный университет, 2016
© Институт славяноведения РАН, 2016
© Капошварский университет, 2016

UDK 94(439+47)(082)
BBK 63.3(2Poc-4Ben
R 74

Szerkesztőbizottság

A. G. Ajrapetov, Gy. Bebesi, A. Kolontári, M. E. Kolesznyikova,
I. V. Krjucskov (felelős szerkesztő), N. D. Krjucskova, O. V. Pavlenko,
F. Szávai (a szerkesztőbizottság elnöke), A. Sz. Sztikalin,
D. A. Szumszkov (a szerkesztőbizottság elnöke), O. V. Havanova, A. Seres

R 74 Oroszország és Magyarország az európai történelem keresztútjain. II szám:
tanulmánykötet. – Sztavropol, az ÉKSZE kiadója, 2016. – 306 o.

ISBN 978-5-9296-0836-0

A kötetben a magyar és orosz történelemmel, illetve a két ország viszonyával kapcsolatos írásokat gyűjtöttük össze. Külön fejezetet szenteltünk Magyarországnak és Oroszországnak szerepének a nemzetközi kapcsolatok történetében. A kötetben külön helyet kaptak a dokumentumközlések és recenziók.

A kiadványt elsősorban társadalomtudományokkal foglalkozó kutatóknak, tanároknak, doktor-jelölteknek és egyetemistáknak szánjuk, illetve mindenkinek, aki érdeklődik Oroszország és Magyarország történelme iránt.

UDK 94(439+47)(082)
BBK 63.3(2Poc-4Ben

ISBN 978-5-9296-0836-0

© a Szerzők, 2016
© Észak-Kaukázusi Szövetségi
Egyetem, 2016
© OTA Szlavisztikai Intézet, 2016
© Kaposvári Egyetem, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ИСТОРИЯ ВЕНГРОВ

- 9 **Польская С. А.** Венгерские принцессы и французская корона: матримониальные стратегии Арпадов (вторая половина XIII – начало XIV вв.)
- 14 **Пантюхина Т. В.** Агостон Харац: жизнь и легенда венгерского иммигранта в США
- 20 **Айрапетов А. Г.** Венгерский тыл в 1917–1918 гг. (к вопросу о гуманитарной катастрофе в период Первой мировой войны)
- 24 **Мусатов В. Л.** Янош Кадар: триумф и трагедия. Размышления советского дипломата

Раздел II. ИСТОРИЯ РОССИИ

- 40 **Ляпин Д. А.** Последние годы царствования Михаила Федоровича и деятельность русского правительства Ф. И. Шереметьева (1634–1645 гг.)
- 44 **Sashalmi E.** The role of law and the rule of law: a comparison of Swedish absolutism and Russian autocracy from the 1680 s to 1730 (the importance of political ideas and political structures)
- 50 **Бебеши Д.** The ideology of the Russian extreme right at the beginning of the century – based on the political programme of the most important black hundred organization, the Russian people's union

Раздел III. ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-ВЕНГЕРСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

- 57 **Юрасов М. К.** Восточные славяне в карпатской котловине до и после освоения этого региона венграми
- 65 **Молнар Л. В.** Московская карьера профессора Ф. Керестури (1738–1811 гг.)
- 73 **Крючков И. В.** Австро-венгерские сюжеты на страницах альманаха «Вестник Европы» в последней трети XIX – начала XX вв.
- 90 **Птицын А. Н.** Бела фон Вангель: австро-венгерский предприниматель в Российской империи
- 94 **Молодикова И. Н.** Работа международных гуманитарных организаций с российскими военнопленными в лагерях Австро-Венгрии 1914–1919 гг.
- 111 **Протоиерей Николай Ким** Первый русский эмигрантский приход в Будапеште: от монархического собрания до освящения домового церкви во имя Святой Троицы
- 136 **Бебеши Д., Колонтари А.** Дмитрий Петрович Голицын-Муравлин (1860–1928 гг.). Русский князь в венгерской эмиграции
- 143 **Dávid F., Oláh P.** The role of Turkey and Caucasian region in the point of view of Hungarian foreign policy in the period of 1940's
- 149 **Шиманди И.** Сталину 70 лет: праздничные поздравления на венгерском радио
- 156 **Якименко О. А.** Русская драма на венгерской сцене, венгерская драма на русской – парадоксы взаимодействия

Раздел IV. РОССИЯ И ВЕНГРИЯ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- 166 **Bertalan P., Nagy F.** The interpretation of the Balkans as geopolitical fault line
- 174 **Амбарцумян К. Р.** Участие Турции в международном признании Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана в 1918 г.
- 180 **Кретинин С. В.** Правые организации немцев в Венгрии и Румынии в политике нацистской Германии в 1930-е гг.

-
- 183 **Сальков А. П.** Проблема словацких мадьяр в советско-венгерских отношениях в период проведения Парижской мирной конференции и реализации ее решений (июль 1946 – октябрь 1948 гг.)
- 200 **Мурашко Г. П.** Сталин и судьбы венгерского национального меньшинства в Словакии. Вторая половина 1940-х годов
- 209 **Хорняк А.** Венгерско-югославская пограничная полоса в годы разрыва И. В. Сталина и Й. Б. Тито
- 222 **Булыгина Т. А.** Советская идеология и советские гуманитарии в контексте международных связей в 1960–1970-е годы

Раздел V. ПУБЛИКАЦИИ

- 229 **Ковалев М. В.** К истории одного забытого исследования: А. В. Флоровский и его статья о Пряшевском плане австро-венгерского примирения 1710 г.
- 234 **Флоровский А. В.** Пряшевский план австро-мадьярского примирения 1710 года (Страница из истории русско-австрийских отношений в начале XVIII века)
- 243 **Дело Райка 1949: Взгляд из Югославии**
- 259 **Стыкалин А. С.** Шинко Эрвин. Те кто, не знает стыда, или Публичное воскресение отца Эскобара
- 274 **Шереш А.** Десталинизация и рефлексии на венгерскую революцию 1956 г. в Болгарии. Документы из РГАНИ 1956–1957 гг.

Раздел VI. РЕЦЕНЗИИ

- 303 **Стыкалин А. С.** Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории / отв. редактор Е. П. Серапионова. М.: Институт Славяноведения РАН, 2015. 680 с.

TARTALOM

I Rész. MAGYARORSZÁG ÉS A MAGYAROK TÖRTÉNETE

- 9 **Polszkaja Sz. A.** A magyar hercegnők és a francia korona. Az Árpádok dinasztikus politikája a 13. század végén, 14. század elején
- 14 **Pantjuhina T. V.** Haraczy Ágoston: egy magyar bevándorló élete és legendája az Egyesült Államokban
- 20 **Ajrapetov A. G.** A magyar hátország 1917–1918-ban (az első világháború humanitárius katasztrófájának kérdéséhez)
- 24 **Muszatov V. L.** Kádár János: győzelem és tragédia. Egy szovjet diplomata elmékedései

II Rész. OROSZORSZÁG TÖRTÉNETE

- 40 **Ljapin D. A.** Mihail Fjodorovics uralkodásának utolsó évei és F. I. Seremetyev kormányzati tevékenysége (1634–1645)
- 44 **Sashalmi E.** A jog szerepe és a joguralom: a svéd abszolutizmus és az orosz autokrácia összehasonlítása az 1680-as évektől 1730-ig. (A politikai eszmék és a politikai struktúrák jelentősége)
- 50 **Bebesi Gy.** Az orosz szélsőjobb ideológiája a 20. század elején – a legfontosabb feketeszázás szervezet, az Orosz Nép Szövetsége programja alapján

III Rész. AZ OROSZ-MAGYAR KAPCSOLATOK TÖRTÉNETE

- 57 **Juraszov M. K.** A keleti szlávok a Kárpát-medencében a magyarok honfoglalása előtt és után
- 65 **Molnár V. L.** Kereszturi Ferenc professzor (1738–1811) moszkvai karrierje
- 73 **Krjucskov I. V.** Osztrák-magyar témák a „Veszthnyik Jevropi” évkönyv lapjain a 19. század utolsó harmadában, 20. század elején
- 90 **Ptyicin A. N.** Béla von Wangel: egy osztrák-magyar vállalkozó az Orosz Birodalomban
- 94 **Mologyikova I. N.** A nemzetközi humanitárius szervezetek tevékenysége orosz hadifoglyok körében osztrák-magyar táborokban 1914–1919
- 111 **Kim Nyikolaj főesperes** Az első orosz emigráns egyházközösség Budapesten: a monarchista gyűléstől a Szentháromság házi templom felszenteléséig
- 136 **Bebesi Gy., Kolontári A.** Dmitrij Petrovics Golicin-Muravlin (1860–1928). Egy orosz herceg magyarországi emigrációjában
- 143 **Dávid F., Oláh P.** Törökország és a kaukázusi régió szerepe a magyarkülpolitikában az 1940-es években
- 149 **Simándi I.** Sztálin 70 éves. Ünnepi köszöntések a magyar rádióban
- 156 **Jakimenko O. A.** Az orosz dráma magyar színpadon, a magyar dráma orosz színpadon – a kölcsönhatás paradoxonai

IV Rész. OROSZORSZÁG ÉS MAGYARORSZÁG A NEMZETKÖZI KAPCSOLATOKBAN

- 166 **Bertalan P., Nagy F.** A Balkán, mint geopolitikai törésvonal
- 174 **Ambacurjan K. R.** Törökország szerepe az Észak-Kaukázusi és Dagesztáni Egyesült Hegyi Lakók Szövetségének nemzetközi elismerésében 1918-ban
- 180 **Kretyinyin Sz. V.** A magyarországi és romániai németek jobboldali szervezetei a náci Németország politikájában az 1930-as években .....

- 183 **Szalkov A. P.** A szlovákiai magyarok problémája a magyar-szovjet kapcsolatokban a párizsi békekonferencia és rendelkezéseinek végrehajtása idején (1946 július – 1948 október)
- 200 **Murasko G. P.** Sztálin és a szlovákiai magyar nemzeti kisebbség sorsa az 1940-es évek második felében
- 209 **Hornyák Á.** A magyar–jugoszláv határövezet Sztálin és Tito szakításának éveiben
- 222 **Buligina T. A.** A szovjet ideológia és a szovjet társadalomtudósok az 1960–1970-es évek nemzetközi kapcsolatainak tükrében

V Rész. DOKUMENTUMKÖZLÉSEK

- 229 **Kovalev M. V.** **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ**
- 234 **Florovszkij A. V.** Az 1710-es eperjesi osztrák-magyar béketerv (a 18. század eleji orosz–osztrák kapcsolatok történetéből)
- 243 **Дело Райка 1949: Взгляд из Югославии**
- 259 **Sztikalin A. Sz.** Sinkó Ervin – Akik nem tudják mi fán terema szemérem, avagy Escobar atya látványos feltámadása
- 274 **Seres A.** Adesztalinizáció és az 1956-os magyar forradalom visszhangja Bulgáriában. Dokumentumok a Modernkori Orosz Állami Történeti Levéltárból 1956–1957

VI Rész. RECENZÍÓK

- 303 **Sztikalin A. Sz.** Pervaja mirovajavojna i szugybinarodov Centralnoj i Jugo-Vosztocsnoj Jevropi [Az első világháború és Közép- és Délkelet-Európa népeinek sorsa] Ocserki Isztorii / Szerapionova Je. P. felelős szerk. / Moszkva: Insztyitut Szlavjanovegyenyija RAN, 2015. 680 c.

Раздел I ИСТОРИЯ ВЕНГРОВ

С. А. Польская

(Северо-Кавказский федеральный университет)

ВЕНГЕРСКИЕ ПРИНЦЕССЫ И ФРАНЦУЗСКАЯ КОРОНА: МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ АРПАДОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII – НАЧАЛО XIV вв.)

При всей географической отдаленности и разнице исторических путей средневековых Франции и Венгрии тем не менее между ними сформировался достаточно выраженный контакт в форме брачных стратегий. Он был вызван к жизни при достаточно активной роли посредников в лице пересекающихся с ними монархий – Анжу-Сицилийского и Габсбургского домов, что являлось нормой для матримониальных практик Европы. Для династии Арпадов такого рода интеграции облегчались принадлежностью к Католической Церкви, что означало причастность ко всем прочим европейским монархиям. Кроме того, близость к Византии и кочевым этносам предопределили связи венгерского дома и с этими соседями по линии столь выраженной «контактной зоны», как юг Центральной Европы¹.

Что касается брачных линий с французской короной, то мы можем говорить о трех прецедентах и, соответственно, о судьбах трех венгерских принцесс: Марии (1257–1324 гг.), ее дочери Маргариты (1273–1299 гг.) и внучки Клеменции (1293–1328 гг.). Обратная ситуация, когда представительница королевского семейства позднесредневековой Франции стала супругой венгерского монарха, имела место только один раз в лице Марии Бургундской (1505–1558 гг.), и этот заслуживающий отдельного внимания факт останется за рамками настоящей статьи.

¹ Identités hongroises, identités européennes à Moyen Age de nos jour / sous la dir. P. Nagy. – Rouen, 2001. P. 36, 30.

Раньше всего эта ситуация прослеживается на примере брачных стратегий Иштвана (Стефана) V. Его супруга – дочь хана куман² Котьяна. Этот брак, устроенный отцом Стефана Белой IV около 1253 г., в полной мере отражал реальные геополитические интересы Венгерского королевства первой половины XIII в. Зримая опасность, проистекающая от кочевников, ускорила этот союз, заключенный на Тисе сразу после принятия таинства крещения невестой, получившей имя Елизавета³. Как известно, король Стефан явился одним из самых выдающихся монархов региона. При жизни отца получивший титулы герцога Трансильвании, он с 1262 г. стал правителем Славонии, Далмации и Хорватии. С 1272 г. немецкие хроники прямо именуют Стефана королем Венгрии, и это повышение статуса заметно и в его матримониальных предпочтениях для своей семьи⁴.

Так, будучи отцом 4 дочерей, Стефан отдал руку каждой из них наиболее выгодным образом, заручившись родственной поддержкой сразу с нескольких сторон.

² Куманы – наименование половцев в западно-европейской традиции. «The» Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars and Cumans / ed. by Fl. Kurta. Vol. 2. 450–1450. – Leiden; Boston, 2008. P. 9–10.

³ Macartney C. A., Litt D. Hungary. A Short History. – Edinburgh, 1962. P. 35.

⁴ Saecula Hungariae. – S/p., 1985; Die ungarische Gesetzgebung des 13. Jahrhunderts und die Deutschen / Helbig Herbert. – S/p., s/d. S. 509–526; Die deutsche Ostsiedlung des Mittelalters als Problem der europäischen Geschichte. – Sigmaringen, 1975.

Первой из них выступала Чехия, затем Сербия. Так, согласно Георгию Пахимеру, обе старшие сестры были выданы замуж за сыновей короля Сербии Стефана Уроша: при этом Елизавета, овдовев в браке с чешским магнатом Завишей из Фалькенштайна, стала третьей супругой Стефана Уроша II Милутина; Екатерина / Каталин – его брата Стефана Драгутина. Кроме того, Стефан V являлся отцом еще одной дочери – Анны (1260–1281 гг.), получившей самую блестящую партию, став супругой византийского императора Андроника II Палеолога, и двух сыновей: Ласло (1262–1290 гг.) – будущего короля Венгрии Ласло IV – и Андраша (1268–1278 гг.) – герцога Славонии¹.

Однако наиболее драматичная судьба ожидала третью из сестер – Марию², оказавшуюся в зоне достаточно чуждой венгерской короне системы традиций французского королевского дома. Как пишет автор «Дубницкой хроники»³, «прекрасная принцесса, дочь короля Стефана V ... Мария», как и большинство женщин ее статуса, оказывается на исторической авансцене в связи с ее замужеством в 1270 г. за «Карлом, сыном дочери Карла Великого»⁴. Это первое упоминание о брач-

ном союзе между Арпадами и Каролингами, поскольку автор имеет в виду свекра 12-летней венгерской принцессы: французского принца, основателя Анжу-Сицилийского дома Карла I – одного из самых могущественных монархов своего времени, носившего титулы короля Сицилии и Неаполя, Иерусалима и Албании, графа Анжу, Мэна, Прованса и Форкалькье, князя Ахейского. Мужем Марии стал его второй сын Карл Салернский. Вместе с отцом они именовались «итальянскими принцами»⁵, что означало фактическое признание власти Анжуйского дома над Аппенинами.

Карл Салернский, как уже упоминалось выше, был назван хронистом «Карлом Хромым, сыном Карла старшего» и «сыном дочери Карла Великого». Но если смысл первого определения более очевиден, то второе требует некоторых пояснений. Дело в том, что супругой Карла Анжуйского являлась графиня Прованса Беатриса, род её восходил к Барселонскому дому, родоначальником которого являлся Суинфред I, чьим отцом считается вестгот Боррель, получивший из рук императора франков в 798 г. часть Испанской марки, отвоеванную у мавров⁶. Таким образом, *de jure* говорить о кровной связи не представляется возможным, но факт древности рода основателей Каталонии не подлежит сомнению, хотя связь с Каролингами, пусть и по женской линии, выгодно отличала бы Карла I Анжуйского от Капетингов, к дому которого он принадлежал по праву рождения. Подобная оговорка была не менее значима и для Арпадов, что и объясняет позицию хрониста.

Стремящийся к компактному расположению своих владений и отвоеванию потерянной крестоносцами Латинской империи, Карл I вступил в матримониальные связи с Арпадами в 1270 г. сразу по двум направлениям: еще ранее он заключил договор с дедом Марии Белой IV (1235–1270 гг.) о браке своей третьей дочери Изабеллы

Florianus // *Historiae Hungaricae fontes domestici. Pars I: Scriptores. Vol. 3. Lipsiae, 1884. P. 111.*

⁵ Cit.: Dunbabin J. *The French in the Kingdom of Sicily, 1266–1305.* – Cambridge, 2011. P. 294.

⁶ Lewis A. R. *The Development of Southern French and Catalan Society, 718–1050.* – Austin, 1965. Ch. 6.

¹ Георгий Пахимер. *История о Михаиле и Андронике Палеологах* / пер. И. Троицкого. – СПб., 1862. Ч. 2. IV: 1.

² Там же. Указ. соч. Ч. 2. I: 4; Hermanni Altahenses *Annales. 1272* // MGH SS. Bd. XVII / hrsg. von J. H. Pertz. Hannoverae, 1861. S. 407; Schwennicke D. *Europäische Stammtafeln, Stammtafeln zur Geschichte der europäischen Staaten.* – Bd. 2. Die außerdeutschen Staaten: Die regierenden Häuser der übrigen Staaten Europas. – Marburg, 1984. S. 155.

³ Дубницкая хроника – копия неполного перевода т. н. общевенгерской хроники, переписанной в 1479–1480 гг. в г. Надзьвараде (Трансильвания, в настоящее время – г. Орадзя Марэ, Румыния). Оригинал, в соответствии с традициями средневековой анналистики, восходит к «Иллюстрированной хронике» (*Chronicon Pictum*) 1358–1370 гг., авторство которой связывают с именем Марко Кальци – капеллана венгерско-польского короля Ласло I. – Louis The Great: King of Hungary and Poland / ed. by S. B. Várdy, G. Grosschmid, L. S. Domonkos. Philadelphia, 1986. P. 121, 123, 125.

⁴ *Chronicon Dubnicense cum codicibus Sambuci Acephalo et Vaticano, cronicisque Vindobonensi Picto et Budensi accurate collatum* / rec. et praef. M.

с его внуком Ласло¹ и рассматриваемом союзе Марии. Однако последующая потеря Сицилии и безуспешная, несмотря на поддержку племянника, французского короля Филиппа III, война с Арагоном, переросшая в крестовый поход, стоили Карлу I жизни.

На момент смерти отца его старший сын Карл более полугода находился в плену у арагонцев, где оказался в результате поражения в морском сражении 1284 г. Денег для выкупа в казне разорившегося в ходе войны Карла I не нашлось (папскому легату, явившемуся с соответствующим предложением, было сказано, что эта потеря горестна, но есть много внуков, которым можно передать власть), и наследником был объявлен старший сын Карла Салернского и Марии Венгерской Карл Мартелл при регентстве родного брата Карла I, графе Робере I д'Артуа².

Таким образом, Мария оказалась отрешенной от мужа и воссоединилась с ним только в 1288 г., когда король Арагона Хайме II после смерти своего предшественника Педро III освободил Карла в обмен на знатных заложников, 30 тысяч серебряных марок и обещание более не соперничать за Сицилию. Следует оговориться, что Карл II, прозванный Хромым, не сдержит слово, и война за Сицилию будет длиться до самой его смерти, т. е. до 1309 года³. Сложно судить по причине аутентичности источников о взаимоотношениях супругов, но известно, что в этом браке родилось 14 детей, двое из которых, учитывая продолжение связей между Капетингами / Валуа и Арпадами, вызывают наибольшее вни-

мание. Это уже упомянутый первенец, амбициозно названный Карлом Мартеллом (1271–1295 гг.) и первая супруга Карла Валуа Маргарита⁴.

Возвращаясь к судьбе Марии Венгерской, отметим, что, овдовев, она утратила статус королевы-консорты Неаполитанского королевства, формально передав бразды правления сыну, и пробыла в столь пассивном положении достаточно долгий срок, пока не пришло известие о том, что ее брат Ласло V умер бездетным. Это означало фактическое пресечение династии Арпадов по мужской линии и борьбу за власть между тремя сестрами покойного короля (Елизаветой, Екатериной и Марией) и детьми умершей ранее четвертой сестры Анны.

Что касается Марии, то дочь Стефана V сразу же заявила о себе как о дальновидном и деятельном политике. Несмотря на статус самой младшей из трех сестер, она уже 21 сентября 1290 г.⁵ заявила о своих правах на венгерский трон, тем более что 13 июля на нем воцарился Андраш III. Внук Андраша II, он имел больше прав, чем сестры и внучатые племянники покойного Ласло V, но венгерская знать постоянно оспаривала их. Пользуясь ее поддержкой, а также силой французского королевского дома, Мария получила прямую помощь столь союзного с ним Святого Престола, к тому же претендующего на инвеституру венгерских королей, в обход старшей и средней сестер и представителей семерых (!) детей покойной Анны и византийского императора Андроника II. В итоге в 1291 г. в Неаполь, где по-прежнему жила вдова Карла II, прибыл папский легат, который от имени Николая IV короновал ее как королеву Венгрии. Неизвестно, прошел ли инаугурацию Карл Мартелл, но все права на трон Арпадов и титул короля Венгрии мать передала ему.

Однако не отличавшийся властолюбием Карл Мартелл только в 1294 г. официально заявил свои претензии, которые были отвергнуты венгерской знатью. Тем не менее венгерская историография еди-

⁴ Péquignot S. Au nom du roi: pratique diplomatique et pouvoir durant le règne de Jacques II d'Aragon (1291–1327 гг.). Velázquez, 2009. P. 88.

⁵ Ласло V умер 10 июля.

¹ См. 4-ю ссылку настоящей статьи.

² Dunbabin J. Charles I of Anjou: power, kingship and state-making in thirteenth-century Europe. Longman, 1998; Capetian House of Anjou: Charles I of Naples, Charles II of Naples, House of Anjou, Capetian House of Anjou, Robert of Naples, Maria of Hungary. Books LLC., 2010; Idem. Creating an Image for a New Kingship: Charles I of Anjou, King of the Regno // Aspects of power and authority in the Middle Ages / ed. by B. Bolton, Ch. Meek. Brepols, 2007. P. 23–52; Рансимен С. Сицилийская вечерня: История Средиземноморья в XIII веке / пер. с англ. С. В. Нейсмарк. – СПб., 2007.

³ Dunbabin J. The French in the Kingdom of Sicily, 1266–1305. Cambridge, 2011. P. 73.

ногласно оценивает его как основателя Анжу-Капетингской ветви на троне Арпадов¹. Неизвестно, как события развивались бы дальше, но в 1295 г. в возрасте всего 23 лет сын Марии Венгерской умер, став одной из многих жертв разразившейся в Неаполе чумы. Папа незамедлительно (30 августа того же года²) подтвердил права его матери на трон Арпадов, тем более что племянник Марии (сын Екатерины) Стефан Владислав II не оставлял своих притязаний³.

Несмотря на это, венгерская принцесса удерживала оба трона в своих руках (отдав в 1301 г. корону Арпадов внуку Карлу Роберту) до того времени, когда, как указывает хроника, в Неаполе «в Страстную Пятницу ... 25 марта 1324 г. завершился земной путь «королевы Марии, жены короля Карла II»⁴.

Второй прецедент матримониальной связи французской и венгерской корон имел место в лице старшей дочери Марии – Маргариты Анжуйской. Еще в 1288 г., когда преемник Педро III, Альфонсо III, выпустил Карла II из вышеупомянутого плена, среди прочих он выдвинул ему условие, гарантировавшее арагонскому дому известную безопасность. Обязательство состояло в том, что Карлу II предстояло по-родственному убедить одного из сыновей французского короля Филиппа III, Карла Валуа, отказаться от арагонской короны, дарованной ему папой Мартином IV. Француз по происхождению, понтифик (в миру Симон Монпигье), придерживался профранцузской же ориентации и, следовательно, выступал на стороне Карла Анжуйского в его средиземноморских амбициях⁵. Поэтому, когда 30 марта 1289 г.

в ходе Сицилийской вечерни власть над островом перешла в руки Арагонской династии, Мартин IV использовал все свои потестарные возможности против испанцев и спас власть Анжуйской короны на Сицилии. Более того, он предал Педро III отлучению и даже потребовал крестового похода. Освободившуюся, по его мнению, корону папа преподнес в дар принцу Карлу, надеясь в его лице видеть на Сицилии «прирученного» им монарха. Однако эти усилия ни к чему не привели, и понтифик получил открытого противника в лице Арагонского королевства⁶.

В итоге Карлу II Анжуйскому пришлось выступать посредником между интересами Педро III и Франции на Сицилии, результатом которых стал своего рода компромисс: было принято решение о браке между Карлом Валуа и Маргаритой Анжуйской. Поскольку они приходились друг другу троюродными братом и сестрой (по отцу невесты), то ставший к этому времени понтификом Николай IV дал специальное разрешение. Таинство состоялось в Корбее 16 августа 1290 г.⁷, что в стратегическом смысле означало переход графств Мэн и Анжу в качестве приданого линии Валуа, взамен чего новоприобретенный зять отказывался от претензий на Сицилию и Арагон в целом.

Столь сложная подоплека, однако, не пролонгировала этот союз. В 17 лет вступившая в брак Маргарита Анжуйская, в жилах которой условно наполовину текла венгерская кровь, в 26 лет умерла, оставив мужу шестерых детей. К сожалению, столь незначительные сведения о старшей дочери Марии Венгерской сводятся к одному событию: в 1293 г. у Маргариты родится сын Филипп – будущий Филипп VI, основатель династии Валуа, сменившей Капетингов на французском престоле⁸. Так опосредованно исполнилось желание его

¹ Fügedi E. *Kings, bishops, nobles and burghers in medieval Hungary* / trad. of J. Bak. – London, 1986; Klaniczay G. *Holy Rulers and Blessed Princesses: Dynastic Cults in Medieval Central Europe* / trad. of I. Halfin. – Cambridge, 2002. P. 425–426.

² Карл Мартелл умер 19 августа.

³ В итоге сербский король Стефан Владислав II (1322–1324 гг.) довольствовался титулом герцога Славонии.

⁴ *Chronicon Dubnicense*... P. 241.

⁵ *Pope Martin IV* / Ed. by M. Lambert, M. Surhone, T. Mariam, S. Tennoe, F. Henssonow. Vatican, 2010.

⁶ Williams G. L. *Papal Genealogy: The Families and Descendants of the Popes*: 2-nd ed. Jefferson-L., 2004. P. 37, 49.

⁷ Hand J. M. *Women, Manuscripts and Identity in Northern Europe, 1350–1550*. – Farnham-Burlington, 2013. P. 217.

⁸ Levassuer M. *Des princes français, rois de Sicile, rois de Naples. Essai historique*. P., 2012. P. 235–276.

отца, правившего страной вместо своих племянников, но не имевшего легитимной власти и заслужившего поговорки: «Сын короля (Филиппа III Смелого. – С. П.), брат короля (Филиппа IV Красивого. – С. П.), дядя трех королей (Людовика X Сварливого, Филиппа V Длинного, Карла IV Красивого. – С. П.), отец короля (Филиппа VI. – С. П.), но сам не король»¹.

Сложно предположить, насколько Маргарита, выросшая при Неаполитанском дворе, ощущала в себе принадлежность к Арпадам. Вероятно, что ее племянница Клеменция полагала себя в этой роли еще меньше. Тем более что ее ожидала судьба вдовствующей королевы Франции.

Бракосочетание явилось результатом усилий Марии Венгерской. Людовик X Сварливый, как известно, был скомпрометирован своей первой супругой Маргаритой Бургундской, и находился в поиске брачной партии. Их общий дядя Карл Валуа и Мария Венгерская решили дело достаточно быстро. Настолько, что это дало жизнь версии о том, что не желавшая развода Мария Бургундская была отравлена и умерла 30 апреля 1315 г.² Так или иначе, но уже 19 августа 1315 г. Клеменция сочеталась браком с Людовиком X Сварливым и стала правящей королевой³.

Примечательно, что через несколько дней, 24 августа, она была коронована в Реймсе вместе с супругом, что было достаточно редким явлением для французской иннаугурационной традиции начала XIV в. Посвящающим прелатом выступал архиепископ Реймский Робер де Куртинэ, согласно принятому коронационному чину (*ordo*) помазавший ее Священным Елеем, надевший на безымянный палец левой руки коронационное кольцо, вручивший в правую руку скипетр и возложивший на голову Клеменции малую корону⁴.

¹ Carlier Cl. Histoire du duché de Valois, ornée de cartes et de gravures, contenant ce qui est arrivé dans ce pays depuis le temps des Gaulois jusqu'en l'année 1703 (par l'abbé C. Carlier). – P., 1764.

² Treffer G. Die französischen Königinnen. Von Bertrada bis Marie Antoinette (8–18. Jahrhundert). – Pustet-Regensburg, 1996. S. 168–217.

³ Levassuer M. Op. cit. P. 277.

⁴ Полный *ordo* коронации французских королей сложится позже, во второй половине XIV в.

Однако уже 5 июня 1316 г. вследствие скоропостижной смерти Людовика 23-летняя Клеменция стала вдовствующей королевой, носящей под сердцем наследника престола. Ее сын Иоанн родился 15 ноября, но уже 20 ноября умер, получив во французской генеалогической титулатуре поименование «Иоанн I Посмертный»⁵. Согласно Салическому закону, трон перешел к старшему представителю по мужской линии, т. е. к брату покойного короля Филиппу V. Клеменция же удалилась в замок Тампль под Парижем, где и прожила остаток своих дней, уйдя из жизни 5 октября 1328 г. в возрасте 35 лет в один год с династией Капетингов, которую столь безуспешно пыталась продлить. Клеменция не была удостоена королевского погребения в Сен-Дени, а упокоилась в церкви Св. Иакова, где по традиции хоронили придворных⁶. Как сообщает Гийом де Нанжи, во вдовстве она занялась коллекционированием предметов искусства и драгоценностей, оставив в результате немалые долги⁷.

Резюмируя, отметим, что усилия Марии Венгерской по интегрированию брачных стратегий с самым могущественным в названную эпоху королевским домом – французским – имели успех, поскольку обе партии завершились браком. Однако дальнейшие перипетии, над которыми дочь Стефана V уже была не властна, не позволили им превратиться в устойчивую матримониальную традицию.

и будет зафиксирован, среди прочего, в *ordo* Карла V 1364 г. *Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. Ordo ad inungendum et coronandum Regem // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789 / éd. de A.-J.-L. Jourdan, F. A. Isambert, Decrusy, A.-H. Taillandier: 29 vol. – Paris, 1821–1833. Vol. 5. P. 251–253.*

⁵ Ibid.

⁶ Dreux du Radier J.-F. Mémoires historiques, critiques et anecdotes des reines et régentes de France. – P., 1808. P. 73–75.

⁷ Chronique latine de Guillaume de Nangis de 1113 à 1300 avec les continuations de cette chronique de 1300 à 1368 / ed. par H. Jézar. T. 1. – P., 1843. P. 119–120, 426.

Т. В. Пантюхина

(Северо-Кавказский федеральный университет)

АГОСТОН ХАРАЦИ: ЖИЗНЬ И ЛЕГЕНДА ВЕНГЕРСКОГО ИММИГРАНТА В США

Историю жизни Агостона Хараци – одного из самых знаменитых американцев венгерского происхождения – сложно реконструировать, поскольку его биография окутана мифами. Некоторые создал он сам, другие легенды были придуманы его биографами. В последние два десятилетия в США появилась «ревизионистская» литература, развенчивающая самые распространенные мифы о Хараци. Одни исследования носят биографический характер, другие посвящены истории виноделия в Калифорнии и роли Хараци в становлении этой отрасли. Среди них выделяются научной основательностью монографии Томаса Пинни и Брайана МакГинти. В двухтомной работе Т. Пинни «История виноделия в США: от основания до „сухого закона“»¹ отдельная глава посвящена деятельности Хараци в Калифорнии. Другая монография «Крепкое вино: жизнь и легенда Агостона Хараци» написана прапраправнуком Хараци, историком Брайаном Мак Гинти².

Интерес к личности выдающегося венгра усилился в связи с 200-летним юбилеем со дня его рождения, отмечавшимся в 2012 г. Венгерские историки тоже подключились к дискуссии о «легенде Хараци». Специальный выпуск «Обзора венгерских исследований» (Hungarian Studies Review) за 2013 год посвящен истории венгерских иммигрантов в Америке. В этом выпуске интерес для нас представляет статья Ш. Левай о Хараци³. Другая венгерская пу-

бликация по теме появилась в «Будапешт телеграф» в 2012 г. Она была переведена на английский язык и перепечатана в американском издании «Пайение Вайнмейке» (Pioneer Winemaker)⁴.

Агостон Хараци происходил из знатного венгерского рода. В Америке его называли «граф Хараци», однако биографам не удалось найти письменных подтверждений его графского титула. Историк Брайан Мак Гинти, прапраправнук Хараци, утверждает, что у его знаменитого предка не было никакого титула. Хараци был из числа тех представителей венгерской знати, которые исповедовали идеи освобождения Венгрии от австрийского господства. Его биограф Верн Сет Пиз предполагает, что Хараци, возможно, участвовал в деятельности тайных организаций национально-освободительного движения и что его отъезд из Венгрии в 1840 г. связан с начавшимися репрессиями австрийских властей против венгерских патриотов и арестом Л. Кошута. Впрочем, спутник Агостона Хараци, отправившийся вместе с ним в Новый свет, утверждал, что единственной причиной их отъезда из Венгрии была «жажда странствий»⁵. Брайан Мак Гинти также отвергает мотив политических репрессий как причину иммиграции Хараци, называя это легендой.

В США Агостон Хараци нашел очень теплый прием. Он был приглашен лидера-

Revisionist Literature // Hungarian Studies Review. Vol. XL № 1 (Spring, 2013). P. 7–24.

⁴ Pioneer Winemaker – The legend of Ágoston Haraszthy. Budapest Telegraph Nov 1. 2012 URL: http://www.budapesttelegraph.com/news/48/pioneer_winemaker_%E2%80%93_the_legend_of_agoston_haraszthy

⁵ Verne Seth Pease. About Agoston Haraszthy. URL: <http://www.baraboopubliclibrary.org/files/local/wardvol2/08%20Haraszthy%20-%20Count%20Agoston%20-%20About%20Section%20T.pdf>

¹ Pinney T. A History of Wine in America: From the Beginnings to Prohibition. – Berkeley: Un-ty of California Press, 1989. URL: <http://ark.cdlib.org/ark:/13030/ft967nb63q/>

² Mc Ginty B. Strong Wine. The Life and Legend of Agoston Haraszthy, Stanford Un-ty Press, Stanford, CA, 1998. URL: <http://www.sup.org/books/title/?id=1074>

³ Csaba L. Ágoston Haraszthy: “Father of California Viticulture”? Debates in the Mirror of Recent

ми Демократической партии в Вашингтон и представлен президенту страны Тайлеру, с которым они обсудили торговые связи Венгрии и США. В течение 1840–1841 гг. Харацци был любимцем столичного светского общества, вызывая восхищение своей эффектной формой офицера венгерской гвардии.

После пребывания в столице Харацци отправился путешествовать по Западу США, который в то время еще только осваивался. Увиденное произвело на него такое сильное впечатление, что он решил обосноваться там. Он приобрел небольшой участок земли у реки Висконсин, а затем вернулся в Венгрию, чтобы продать там свое имение, забрать семью и переехать на постоянное место жительства в США. По возвращении Харацци (совместно с английским иммигрантом Р. Брайантом) купил 10 тыс. акров целинной земли в Висконсине и основал там город. Названный им труднопроизносимым венгерским словом *Szeptaj*, город был позже переименован в Сок-сити. Как руководитель «Ассоциации иммигрантов Висконсина» Харацци многое делал для заселения и освоения территории Висконсина. Благодаря ему в штате обосновались крупные сообщества английских, немецких и швейцарских переселенцев. Этот факт газета «Нью-Йорк Таймс» отметила в качестве одной из основных его заслуг¹.

В Висконсине Харацци и его семья прожили 6 лет. Энергичный и деятельный венгр перепробовал разные виды предпринимательской деятельности: кирпичный завод, лесопилка, универсальный магазин, гостиница. Он продавал участки земли, занимался поставками зерна в армию, разводил свиней и овец. Многие его начинания были пионерскими: он основал первую на реке Висконсин пароходную компанию и заложил первые в штате питомники хмеля, что способствовало зарождению пивоваренной отрасли в Висконсине. Хмель хорошо прижился на новой земле и стал прибыльной сельскохозяйственной культурой. Спустя 20 лет

¹ A remarkable career // *New York Times*. 27 February 1870.

урожай хмеля приносил производителям 2 млн долларов². Но самой амбициозной его мечтой было развести в Америке виноградники и наладить производство вина столь же высокого качества, как на его родине в Венгрии. Однако виноградники, заложенные им в Висконсине, погибли от зимнего холода.

В поисках земли и климата, благоприятного для виноградарства, Харацци путешествовал по Дальнему Западу. Свои впечатления он изложил в двухтомной книге «Путешествия по Северной Америке», которую издал в Венгрии в 1844 г. Книга написана на венгерском языке. Примечательно, что Харацци оказался вторым в истории венгерским автором травелога об Америке³. Англоязычный читатель мог ознакомиться с книгой в 1939 г., когда Историческое Общество Висконсина опубликовало в своем «Историческом журнале» перевод трех глав этого труда, посвященных путешествию Харацци по Висконсину⁴. Он был пытливым и любознательным путешественником. Ему были интересны не только земли, но и люди. Он знакомился с жизнью коренных американцев, жил несколько месяцев в индейских племенах. Во времена, когда расистское отношение к аборигенам было общепринятым, Харацци уважительно писал об индейцах: «Эти люди не так жестоки, как принято считать... Они не нарушают своих обещаний, завоевать их расположение легко»⁵.

Странствия по Дальнему Западу привели венгерского путешественника в Калифорнию. Это был конец 1848 года – разгар калифорнийской «золотой лихорадки» и стремительного экономического роста Калифорнии. Там венгерский иммигрант снова продемонстрировал свою поистине американскую предприимчивость – тем

² Ibidem.

³ Первые на венгерском языке путевые заметки о США написал Шандор Фаркас (1795–1842 гг.). – прим. Т. П.

⁴ Documents. Haraszthy's Wisconsin experience // *The Wisconsin magazine of history*: Volume 23, number 2, December 1939. P. 182–206. URL: <http://content.wisconsinhistory.org/cdm/compoundobject/collection/wmh/id/12895/show/12814>

⁵ Ibid. P. 183–184.

более что Калифорния, как, впрочем, и весь Дальний Запад, в то время была раздольем для предприимчивых людей. Помимо виноделия, Харацци перепробовал многие другие виды предпринимательства. Он закладывал виноградники и фруктовые сады, разводил крупный рогатый скот, открыл мясную лавку, занимался пассажирскими перевозками и градостроительным проектированием города Сан-Диего, где он обосновался. Район города на берегу бухты Сан-Диего, спроектированный и освоенный им, получил название Мидлтаун, однако неофициально его называли «Хараццивилль». Энергичный венгр стал заметной фигурой в местном обществе. Неудивительно, что на первых же выборах, проведенных американской администрацией после присоединения Калифорнии к США (1850 г.) Харацци был избран шерифом округа Сан-Диего. В 1851 г. население округа избрало его своим депутатом в законодательное собрание штата. Ему пришлось переехать в столицу штата – Сакраменто. После этого он уже не вернулся в Сан-Диего.

История предпринимательской деятельности Харацци в Калифорнии выглядела бы неубедительно, если бы все его бизнес-проекты строго соответствовали букве закона. Дальний Запад в то время жил не по юридическим формальностям, расписанным юристами атлантического побережья в объемистых томах и многотомных примечаниях к ним. Дальний Запад жил по законам предприимчивых людей, и официальное правосудие здесь оказывалось бессильно. В биографии Харацци есть соответствующий эпизод. В 1855 г. он был назначен президентом США на должность определителя пробы золота на монетном дворе в Сан-Франциско. Одновременно Харацци запустил свое частное предприятие по переплавке золота и серебра и даже запатентовал свои усовершенствования этого процесса¹. Спустя два года ему предъявили обвинение в растрате на сумму 150 тыс. долларов – стоимость золота, недостачу которого на монетном

дворе он не мог объяснить. Пока шло расследование и судебное разбирательство, ему пришлось продать или отдать в залог государству большую часть своей недвижимости. В конце концов, расследование пришло к выводу, что вины Харацци здесь нет. Причина исчезновения золота в таких значительных объемах – несовершенная технология выплавки: плавильные печи работали в напряженном режиме, сутками, поэтому частицы драгметалла уходили в дым по трубам в объемах, превышавших допустимый законом объем отходов. Харацци был оправдан².

В законодательном собрании Калифорнии Харацци познакомился с генералом Вальехо, который был главнокомандующим Калифорнии до ее завоевания Соединенными Штатами в войне 1846–1848 гг., а после войны стал землевладельцем и виноделом в им же основанном местечке Сонома. Вальехо пригласил венгра посетить свое владение. По словам биографа Брайана Досона, Харацци приехал в Соному, взглянул на нее и сказал: «Вот оно! Лучшее на земле место для виноделия!»³.

В 1853 г. Харацци обосновался неподалеку от Сономы, построил прекрасный дом – Бьена Виста Ранчо. Он снова заложил виноградник и открыл винный завод. «Бьена Виста» в переводе с испанского означает «прекрасный вид». Из особняка действительно открывался впечатляющий вид на долины и холмы его владений размером в 5 тысяч акров. Это была его пятая попытка основать виноделие на американской земле. Четыре предшествующих оказались неудачными по причине климата или почвы. Сонома, как верно предположил Харацци, оказалась лучшим местом. По утверждению Брайана МакГинти, в 1860-х годах поместье «Бьена Виста» было самым крупным виноградным хозяйством в мире.

В 1857 г. Харацци переехал в Соному, где открыл винный завод. Он внес много

² Pinney T. Op. cit. P. 272–273.

³ Dawson B. Nobel Prize winners and famous Hungarians. Col. Ágoston Haraszthy. URL: <http://www.americanhungarianfederation.org/FamousHungarians/businessandpolitics.htm>.

¹ New York Times. 27 February 1870.

усовершенствований в технологию производства вина. К примеру, он стал применять красное дерево для изготовления бочек, в которых «старилось» вино. Впоследствии это стало нормой. Его винный завод был первым, где вино изготовлялось в подземных каменных подвалах.

Неутомимость и энергия, с которыми Харацци принялся за дело в Сономе, можно проиллюстрировать следующими фактами. С 1858 по 1862 г. он заложил 300 акров виноградников. В 1859 г. его вина завоевали шесть наград, включая серебряный кубок на ярмарке вин штата. Он завозил виноградные черенки из Европы в огромных количествах. Начинал он свои виноградники со 165 сортов, завезенных из Европы. К концу первого года он выращивал уже 280 сортов. К тому времени деловые и политические круги Калифорнии уже убедились в благоприятных перспективах новой отрасли. Именно поэтому в 1861 г. губернатор штата отправил его в Европу для изучения технологии выращивания винограда и производства вина, а также для приобретения нужного посадочного материала. Он посетил Францию, Германию, Италию и Швейцарию. По возвращении из Европы он подготовил отчет для законодательного собрания штата, главный вывод которого звучал так: «Калифорния может производить изысканные и благородные вина не хуже, чем Европа». Эта мысль была озвучена также в его публикациях.

Харацци возвратился из европейского турне с одной сотней тысяч черенков винограда трехсот пятидесяти сортов, включая такие знаменитые, как Шардоне, Каберне, Рислинг, Мерло, Мускат, Савиньон и Сильванер¹. Какие-то из привезенных им сортов уже ранее были известны и выращивались в Калифорнии, другие были совершенно новыми. Благодаря Харацци разнообразные сорта стали успешно культивировать в Калифорнии повсюду, где позволял климат².

После возвращения из Европы Харацци опубликовал трактат «Виноградарство,

вино и виноделие», написанный им еще в 1858 г. и дополненный после поездки³. Это основательная научная работа на 420 страницах текста. Первая ее часть описывала его путешествие по винодельческим регионам Европы. Во второй части содержались переводы трактатов знаменитых европейских виноградарей и виноделов. Текст сопровождался 51 гравюрой с изображениями аппаратов для изготовления вина. Выход книги стал заметным событием. Газета «Дейли Олта Калифорния» в 1863 г. опубликовала восторженную заметку по этому поводу. Работу хвалили за основательность, ценность информации и актуальность. «Она не просто превосходит любую другую англоязычную книгу по данной теме. Она стоит всех английских книг, вместе взятых», говорилось в газетной заметке⁴.

Газета «Нью-Йорк Таймс» в 1870 г. утверждала, что книга Харацци многое дала для популяризации виноградарства и виноделия, став на многие годы практическим руководством для виноградарей и виноделов. Книга инициировала интерес к данному занятию, что превратило Калифорнию в главный винный штат Дальнего Запада⁵.

Не все начинания предприимчивого венгра поддерживались властями штата. Так, он хотел построить плодпитомник, в котором бы разные сорта винограда выращивались, пропагандировались и бесплатно распространялись среди земледельцев. Однако легислатура штата отказалась финансировать это начинание⁶.

Не все бизнес-поекты Харацци приносили ему коммерческий успех. Гибель виноградников из-за болезни растений –

³ Grape culture, wines, and wine-making.: With notes upon agriculture and horti-culture / by A. Haraszthy. – New York: Harper, 1862. <http://www.biodiversitylibrary.org/bibliography/28744#/summary>

⁴ Haraszthy's Book on Wine-Growing // Daily Alta California, Volume 15, Number 4727, 2 February 1863 <http://cdnc.ucr.edu/cgi-bin/cdnc?a=d&d=DAC18630202.2.11&e=en-20-1--txIN-1>

⁵ New York Times. 27 February 1870.

⁶ Buena Vista Carneros: A Remarkable Saga // Pinot File. Vol. 6. Issue 19. March 19. 2007. URL: <http://www.princeofpinot.com/article/272/>

¹ Pinney T. Op. cit. P. 275–277.

² New York Times. 27 February 1870.

виноградной филлоксеры привела его к банкротству в конце 60-х годов. В поисках новых форм предпринимательства он отправился в Никарагуа и начал заниматься изготовлением рома из сахарного тростника. В Никарагуа его жизнь оборвалась в 1869 году самым загадочным образом. Достоверные сведения о его гибели отсутствуют. Любопытно, что газета «Нью-Йорк Таймс», регулярно сообщавшая информацию о фактах жизни удивительного венгра, которую заимствовала из калифорнийской газеты «Alta California», напечатала некролог Хараци лишь спустя год после его смерти. В номере за 27 февраля 1870 г. опубликована статья «Выдающаяся карьера. История приключений венгерского иммигранта в Америке». В ней газета сообщает, что в редакцию пришло письмо из Никарагуа от семьи Хараци. Из него стало известно, что Хараци погиб при попытке пересечь реку 6 июля 1869 г. Он либо утонул, либо был съеден крокодилом¹.

После гибели Хараци его виноградные угодья и завод «Бьена Виста» перешли в руки новых владельцев. Новая эпидемия виноградной болезни и землетрясение 1906 г. погубили «Бьена Виста». Поместье пришло в запустение. На бывших виноградниках паслись коровы.

Новая страница в истории «Бьена Виста» была перевернута в 1943 г. и связана она с именем вице-президента «Юнайтед Пресс» Франка Бартоломео. Он оказался в командировке в Сан-Франциско и случайно увидел объявление о продаже с аукциона этого поместья. Особняк с прилегающими 434 акрами земли стоимостью всего 17 тыс. долларов был невероятно выгодным предложением, и Бартоломео приобрел его не глядя. Только после окончания войны новый владелец впервые увидел свое поместье. Бартоломео оказался энергичным предпринимателем: Он восстановил и модернизировал производство, и уже в 1947 г. завод начал выпускать продукцию. Бартоломео не разбирался в тонкостях виноградарства и виноделия, но он нашел отличного специалиста – рус-

ского иммигранта Андрея Челищева. Что касается дома, то в 80-х гг. XX в. вдова Франка Бартоломео, опираясь на сохранившиеся фотографии особняка «Бьена Виста» восстановила его в том виде, в каком он был построен Хараци².

Факты биографии Агостона Хараци позволяют нам воссоздать психологический портрет этой выдающейся личности. Прежде всего перед нами предстает истинный американец со всеми специфическими чертами национального характера и менталитета. Выделяется его предприимчивость, географическая и профессиональная мобильность, готовность бросить прежний род деятельности и место жительства и заняться новым делом, сулящим большую выгоду. Поражает неутомимость и энергия этого человека, его трудолюбие. Хараци был настоящим пионером Дальнего Запада в эпоху, когда этот регион представлял собой «землю неизведанную» и был раздольем для предприимчивых людей.

Истинно американская сущность натуры венгерского героя проявилась также и в том, что он понимал значение саморекламы и имиджа в достижении успеха. Он сам создавал легенды о себе. Например, осев в Америке, он стал именовать себя «графом». Вполне вероятно, он знал, каким романтическим и мистическим флером окутаны аристократические титулы в республиканской Америке. Американцы имели смутное представление о европейских титулах. Они мало что знали о Венгрии. По словам историка Мак Гинли, американским современникам Хараци Венгрия представлялась «экзотическим королевством со смешанным ароматом восточных властителей и азиатских воинов; страной, которая располагалась в Европе, но не была европейской»³. Другой миф, запущенный Хараци в Америке о своем венгерском прошлом, гласил, что он служил в королевской гвардии и был личным секретарем эрцгерцога Йозефа, австрийско-

¹ New York Times. 27 February 1870.

² Buena Vista Carneros: A Remarkable Saga // Pinot File. Vol.6, Issue 19. March 19, 2007. URL: <http://www.princeofpinot.com/article/272/>

³ Mc Ginty B. Op.cit. P.3.

го правителя Венгрии. Еще одну грань к имиджу уважаемого человека Харацы добавил, называя себя «полковником». Он заметил, что к уважаемым людям высокого статуса в Америке использовали обращение «полковник» вне зависимости от того, служил человек в армии и или нет. Харацы тоже присвоил себе это звание.

Еще одним примером сотворения собственного имиджа было то, что Харацы позиционировал себя как жертву политических репрессий и борца за свободу Венгрии. Он заявлял, что причиной его иммиграции в США были политические преследования на родине и его дружба с лидером национально-освободительного движения Лайошом Кошутом. Характерно, что эти заявления Харацы сделал в 1849 г., когда Америку захлестнула волна горячего сочувствия к делу венгерских революционеров, а Кошут был общеамериканским кумиром. О том, что Харацы не был политическим изгнанником, свидетельствует тот факт, что в 1842 г. он благополучно возвратился в Венгрию, путешествовал по родине, затем продал свое имение, забрал семью и уехал обратно в США.

Одна из самых популярных как в Америке, так и в Венгрии легенд гласит, что Харацы был отцом-основателем виноградарства и виноделия в Калифорнии. Такое почетное звание закрепилось за венгерским иммигрантом еще при его жизни, о чем свидетельствует упоминавшаяся выше статья в газете «Нью-Йорк Таймс», опубликованная в 1870 г., спустя год после его смерти. Первым, кто назвал Харацы пионером калифорнийского виноделия, был его сын Арпад Харацы. Эта идея была популярна в венгерской общине США. Американские историки, прежде всего историки венгерского происхождения Е. Пивани и О. Вашвари были убеждены в этом¹. Статус «отца-основателя» закреплен за Харацы официально. В 1946 г. власти штата Калифорния провозгласили Агостина Харацы «отцом-основателем виноделия в Калифорнии». Об этом напоминают две мемориальные доски – в Сономе и Сан-Диего, а также мемориал в честь Харацы

в Сономе. В 1961 г. это почетное звание было еще раз официально отмечено на специальной церемонии, когда губернатор штата посадил виноград в память о Харацы в парке Сакраменто. В округе Сан-Диего день 9 октября был провозглашен «Днем Агостона Харацы» в 1977 г.²

Современные историки «ревизионистского» направления развенчали эту легенду. Т. Пинни убедительно доказал, что искусство изготовления вина было привнесено в Америку в XVIII испанскими миссионерами. Они заложили первые виноградники и начали делать вино в Новом Свете. К 1849 году, когда Харацы приехал в Калифорнию, история виноделия там насчитывала уже три четверти столетия. Был также накоплен опыт селекции сортов винограда для изготовления вина³. Даже в местечке Сонома, где висит мемориальная доска Харацы, не он был пионером виноградарства. Генерал Вальехо, пригласивший венгра к себе в Соному, опередил его на целое поколение⁴.

Впрочем, ни самому Харацы, ни его современникам и биографам не было необходимости слагать о нем мифы. И без красивых легенд история его жизни напоминает увлекательный приключенческий роман, а личность главного героя представляется незаурядной и неординарной. Его биограф Теодор Шенман очень точно написал по этому поводу: «Рожденный аристократом, пионер границы по духу, он органично вписывался и в великосветские салоны Европы, и в общество нуворишей Сан-Франциско... Он играл Баха и Бетховена и охранял правопорядок на фронтире. Он был солдатом, писателем, шерифом, металлургом, застройщиком целинных земель, транспортником, лесопильщиком, политиком, лоббистом, гуманистом, провидцем. Но самое главное, он был отцом калифорнийского виноградарства и виноделия»⁵. И хотя последнее утверждение

² Сайт «Венгерского дома» в Сан-Диего. URL: <http://sdmagyar.org/foregoers/agoston-haraszthy>.

³ Pinney T. Op. cit. P.269.

⁴ Csaba L. Op.cit. P.14.

⁵ Цит. по: Ágoston Haraszthy. URL: <http://sdmagyar.org/foregoers/agoston-haraszthy>.

¹ Csaba L. Op.cit. P.11-12.

является явным преувеличением в свете новейших изысканий историков, достижения Хараци в этой области несомненны. Заслуга Хараци состояла в том, что он был первым, кто сумел оценить громадные по-

тенциальные возможности Калифорнии для производства вина. Главное, он сделал многое для того, чтобы этот потенциал был реализован.

А. Г. Айрапетов

(Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина)

ВЕНГЕРСКИЙ ТЫЛ В 1917–1918 гг. (К ВОПРОСУ О ГУМАНИТАРНОЙ КАТАСТРОФЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

20

Переписка венгерских фронтовиков и военнопленных с родными, близкими, друзьями в период Первой мировой войны, и в частности, на ее завершающем этапе, в 1917–1918 гг., хотя и прошла цензуру, сохранила ценную информацию о положении в тылу и отношении к войне гражданского населения. Письма из дома позволяют составить представления об общественных настроениях, складывавшихся под влиянием неофициальных источников информации и жизненного опыта людей. Через призму переписки мы попытались взглянуть на Первую мировую войну как на гуманитарную катастрофу, т. е. событие с трагическими последствиями для жизнедеятельности и самого существования населения воюющего государства. Объектом изучения стало население венгерского тыла двуединой монархии.

В фокусе исследования оказались 18 опубликованных писем родных, близких, друзей венгерских фронтовиков, посланных из разных населенных пунктов Венгрии в 1917–1918 гг. на фронт или в лагеря для военнопленных. Еще два опубликованных письма исходили от фронтовиков и адресовались родственникам. Оригиналы писем хранятся в Венском и Будапештском военно-исторических архивах. Авторы писем, в подавляющем большинстве крестьяне, умели читать и писать. Но лингвистический разбор писем выявляет

их характерную особенность: как правило, это большие абзацы, длинные фразы без знаков препинания между предложениями, без соблюдения правил и норм письменной речи, с множеством грамматических и стилистических ошибок.

Половина писем адресована мужьям, находившимся в русском или итальянском плену, остальные письма были посланы другими родственниками, друзьями, любимыми девушками. Все письма похожи одно на другое обязательными приветствиями и пожеланиями крепкого здоровья воюющим фронтовикам или оказавшимся в плену родным и близким. Редко в письмах из дома звучат жалобы на болезни. Чаще можно прочитать оптимистические, ободряющие военнослужащего или военнопленного слова: «Мы все здоровы, и того же желаем тебе»¹.

О нерегулярном характере переписки говорят постоянные сетования авторов писем на то, что одна часть корреспонденции и посылок не доходит до адресатов, а другая приходит спустя несколько месяцев после отправки. Объяснение этим фактам следует видеть в цензурном контроле и сбоях в работе почты военного времени.

Об эрозии патриотического сознания жителей тыла свидетельствует отсутствие

¹ Hanák P. Népi levelek az első világháborúból // Idem. A Kert és a Műhely. – Budapest, 1988. 232. o.

в письмах ритуальных слов о верности королю-императору Карлу I(IV), нет и выражения (за исключением одного письма) любви к отечеству. Зато в большинстве писем жены заверяют мужей в супружеской верности. В экстремальной обстановке войны, физического и психологического напряжения женщины отстаивали свое личное достоинство. Одна женщина просит мужа о прощении за то, что оступилась и изменила ему. Порой жены тревожатся, как бы муж не разлюбил их и не вступил в гражданский брак с другой женщиной¹. В письмах сельских жителей редки упоминания о событиях внутриполитической и международной жизни, но практически во всех письмах настойчиво, без оглядки на цензуру, повторяется вопрос, когда закончится война, которую называют «бойней». В письмах из дома – постоянные жалобы на тяжелое продовольственное положение в тылу. Люди не скрывают своей ненависти к спекулянтам, «богачам», наживавшимся на войне². Эта «неофициальная» правда куда сильнее армейской пропаганды действовала на морально-психологическое состояние фронтовиков, находившихся на передовой или в лагерях для военнопленных. Часть из них была настроена решительно: Шандор Кашко в письме родителям, посланном 15 мая 1918 г. из российского Троицка, обещал в скором времени, вернувшись с товарищами на родину, «освободить трудовой народ из-под ига господ», в корне изменить власть и социальный порядок. Радикальные помыслы таких фронтовиков, как Кашко, психологически были обусловлены массовым ожесточением, усилившимся после подписания Брест-Литовского мирного договора, который, как считал Кашко, «ничего не принес рабочим»³.

В иерархии жизненных приоритетов гражданского населения на первом месте стояла задача выживания в условиях продовольственного кризиса 1917–1918 гг. Характерно, что в письмах подробно описываются трудности и лишения, которые

переживала большая часть гражданского населения («Мало кто не обнищал»)⁴. Жены не скрывали отчаяния, которое охватывало их от житейских невзгод. Дефицит товаров (к примеру, жена не могла достать табака, чтобы послать на фронт мужу), дороговизна (прежде всего высокие цены на зерно), карточная система распределения продуктов питания, отсутствие кормов для скота вследствие засухи и неурожая 1917 г., починка и переделка своими руками семейной обуви и одежды – все это вместе взятое говорило о резком ухудшении обстановки в тылу⁵.

Чувство безысходности усиливалось в условиях, когда нечего было рассчитывать на помощь государства и институтов местного самоуправления. Так, некая Пирошка Чоре (по мужу Соллоши Лайошне), поведав старосте, что в доме нет ни крошки хлеба, попросила о помощи и услышала циничный ответ: «Ешьте воздух»⁶. О задушенном человеческом достоинстве говорят строки из письма Ракоци Иштванне мужу: «Эта жизнь – не жизнь... Со слезами ложимся спать, со слезами просыпаемся, встаем, едим». А Эржебет Мураньи, теряя всякую надежду, спрашивает в письме мужа: «Выдержим ли?»⁷.

Но война одновременно «закаляла» жен и матерей. Они стремились поддержать семьи, а мужей успокоить словами: «Мы обходимся». Словно экономя душевные силы, они скупно, без эмоций сообщают мужьям и сыновьям о переменах в жизни родственников, соседей, без подробностей рассказывают о сломанных человеческих судьбах. От повседневного столкновения с проявлениями черствости и равнодушия людям казалось, что рушатся устои человеческой жизни. «В этом подлом мире сердце разрывается и можно сойти с ума», – пишет мужу Пити Иштванне и, по-своему обобщив известные ей негативные факты, резюмирует: «Мир стал очень плохим»⁸.

⁴ Ibid. 229. o.

⁵ Ibid. 224–225, 232–236. o.

⁶ Ibid. 234. o.

⁷ Ibid. 233, 237. o.

⁸ Ibid. 229, 232, 234, 235, 238. o.

¹ Ibid. 225, 242–243. o.

² Ibid. 226, 236.. o.

³ Ibid. 245–246. o.

Затянувшаяся бесперспективная для Австро-Венгрии война развеяла первоначальный дух общеимперского единения. Социальный раскол наций преломлялся в сознании рядового обывателя в категориях «бедные» и «богатые». Первые испытывали все лишения, страдая ни за что. Антагонизм интересов бедных и богатых передан в одном из писем такими словами: «Пусть страдают богатые: в этой войне им есть что терять»¹.

Война заметно обостряла чувство справедливости. В тылу понимали, что фронтовикам тяжелее всего: ведь они постоянно находятся в смертельной опасности. Родных возмущали факты кражи посылок с продуктами, одеждой, деньгами. Несправедливым, в представлениях гражданского населения, было и то, что «богатые избежали фронта». Родные фронтовиков надеются на исправление этой несправедливости и желают, чтобы и их мужьям и сыновьям досталась «доля богатых» и они остались живы².

Низкий образовательный уровень авторов писем консервировал в их сознании провиденциалистские взгляды на причины войны и послевоенные порядки. Война воспринималась ими как Божье наказание, как грозное предвестие близкого конца света. Катастрофичность сознания, порождаемая экстремальными условиями жизни, лаконично, но точно передана в письме Юлии Мадьяроди, посланном брату 8 мая 1917 г. «Если в течение года не закончится война, мы все пропадем, – писала Ю. Мадьяроди, – кругом ужасающая нищета. Голодная смерть грозит народу. Урожай на полях охраняется войсками, скот реквизируют»³. Симптоматично, что в рассматриваемое время во всех уголках Монархии появились гадалки и разного рода предсказатели. Вместе с тем апокалиптические, квиетистские настроения широких слоев населения соседствовали в их сознании с надеждой на помощь «доброего Бога» и счастливое окончание войны. Их пугала перспектива развязывания другой войны – между Австрией и Венгрией, ко-

торая, по слухам, не желала поставлять зерно в Цислейтанию⁴. Не видя реальной политической силы в стране, способной вывести общество из военного кризиса, жители венгерских сел и малых городов связывали свои надежды с «добрым Богом». Лишь в письме Орош Игнацне мужу от 20 июля 1917 г. мы читаем: «Где был здравый смысл тех, кто ввергнул нас в пучину войны, которая уничтожает нацию... Мир придется заключать социалистам» (так в письме. – прим. А. А.). Он положит конец ужасной бойне, скитаниям людей, вернет военнопленных, вразумит народы и правительства⁵. Однако рассеивание иллюзий национального единства расшатывало религиозное мировосприятие людей. Дихотомическое мировидение обывателя нашло свое выражение в убеждении жителей тыла, что и Бог не един, что у «господ свой Бог, и этот Бог – такой же мерзавец... Он «хочет обездолить всех нас»⁶. Такое «раздваивание» Бога указывало на сдвиги в религиозных представлениях рядовых граждан, переносивших социальное дифференцирование общества, и на высшее существо. Инстинкт самосохранения двигал людьми, понявшими, что теперь надо полагаться на самих себя. В письмах, посланных в весенние месяцы 1917 г., сообщается, в частности, о том, что в Дьере назревают крупные перемены, вызванные обстановкой голода. Предчувствием перемен пронизано и письмо из Темешвара, в котором рассказывается о том, что 1 мая никто не работал и люди направились в центр города, чтобы потребовать мира, прав и хлеба, а также возвращения родных и близких с фронта. «Что-то произойдет в голодающем городе, и Бог поможет народу», – уверена автор письма, некая Танти, хотя она и не знает, когда «наступит конец этой собачьей жизни»⁷.

Письма мобилизованных на фронт рабочих передают их реакцию на революционные события 1917–1918 гг. в Центральной и Восточной Европе. После Февральской (1917 г.) революции в России в

¹ Ibid. 228. о.

² Ibid. 227–228. о.

³ Ibid. 230. о.

⁴ Ibid. 244. о.

⁵ Ibid. 225, 226, 227, 234, 236, 238. о.

⁶ Ibid. 238, 244. о.

⁷ Ibid. 226, 228. о.

письмах появилась метафора «восточного ветра». Большевицкая Октябрьская революция укрепила их веру в скорое заключение мира. Уже упомянутый Ш. Кашко так передал трансформацию своего гражданского сознания: «Если я однажды взял в руки оружие и защищал интересы господ капиталистов, то сейчас я знаю, что наш (рабочих – прим. А. А.) общий враг – бароны, герцоги, монархи». Кардинально изменился образ внешнего врага: «Наши господа, вооружив нас, внушили нам, что русские и сербы – наши враги, и приказали их уничтожить». В ходе войны и пребывания в плену в революционной России ему стало ясно, что «сербы и русские не наши враги, а братья-рабочие... Обманувшие нас враги – это господа магнаты, против которых мы повернем оружие». Об этом Ш. Кашко сообщал в письме родителям, эпиграфом к которому был призыв «Повесьте королей!»¹.

У большинства солдат сложно протекал процесс переосмысления их участия в войне. Например, венгерский словак Ян Стрба дезертировал, бежав к русским. Но мысль, что он нарушил присягу, не давала ему покоя. Он помнил, что пошел на войну, поклявшись воевать за короля и отчизну. Солдат решил вернуться в свою часть. Путь назад был ужасным: «Восемь дней и ночей я шел домой, голодный, босой, в мокрой одежде», – писал он из заключения находившимся в России венгерским военнопленным. За свой проступок Стрба получил в «награду» 20 палочных ударов и был посажен за решетку. «Но так и надо мне, тупому ослу, – корил себя рядовой военнослужащий, признав, что глоток свободы он вдохнул в революционной России». Он не скрывал, что испытывает «белую зависть» к соотечественникам, оставшимся в России². В массовом сознании гражданского населения война стремительно теряла свой первоначальный «справедливый» («наказать дерзкую Сербию») характер. В письме Кароя Тота сыновьям, посланном 30 сентября 1917 г. из Чепеля, отец наказывает им выяснить, «долго ли еще продлится эта комедия»³.

¹ Ibid. 245–246. о.

² Ibid. 244, 245. о.

³ Ibid. 240. о.

В 1917–1918 гг. материально нищавший, социально расколотый тыл стремительно терял свое главное предназначение опоры фронта и еще в одном отношении. В тылу раньше, чем на фронте (не считая братания), наступало окончание войны, победителем в которой оказывалась любовь. Русские и итальянские военнопленные, находясь на территории Венгрии, знакомились с венгерскими девушками, вступали с ними в интимные отношения, и на свет появлялись «дети войны». Некая Клара в письме любимому парню Мартону рассказывала, что десять девушек из их села «прибавили в весе» (забеременели – прим. А. А.). Она же, пишет Клара, «не может по-доброму относиться к военнопленным и клянется, что любит одного Мартона»⁴.

Подводя краткий итог, отметим, что с лета 1917 г. в сознании жителей венгерского тыла неуклонно нарастало негативное отношение к войне, все более воспринимавшейся как трагедия («бойня»). Война обернулась резким ухудшением условий жизни в тылу. Она подвела общество к пропасти гуманитарной катастрофы. Жажда мира и кризис доверия к власти были связаны с крепнувшей уверенностью, что война проиграна и все дальнейшие жертвы напрасны. Массовая поддержка лозунга «компромиссного мира» актуализировала в общественных настроениях недовольство условиями жизни в тылу – низкой оплатой труда, перебоями с продовольственным снабжением, бедственным положением инвалидов войны, вдов и сирот погибших фронтовиков⁵.

Амплитуда протестных чувств, идей и действий простиралась от «голодных демонстраций» и погромов, «диких стачек» до движения за легализацию профсоюзов, освобождение политзаключенных и требования ввести всеобщее избирательное право⁶.

⁴ Ibid. 241 о.

⁵ История венгерского революционного рабочего движения. Т. 1. М., 1970. С. 125.

⁶ Там же. С. 151, 164; Weltner J. Az MSzDP és a háború // Tanúságtevők. 2. köt. Budapest, 1976. 327. о.; Kende J. Bevezető // Tanúságtevők. 2. köt. – Budapest, 1976. 33. о.

В. Л. Мусатов

(г. Москва, в 2000–2006 гг. Чрезвычайный
и Полномочный Посол России в Венгрии)

ЯНОШ КАДАР: ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ. РАЗМЫШЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ДИПЛОМАТА

В Венгрии за два десятилетия после смены общественно-политического строя прошло множество дискуссий о «революции и освободительной борьбе» 1956 года, о социалистическом периоде венгерской истории, но после парламентских выборов 2010 г. обсуждение этих проблем обострилось и, вне всякого сомнения, имеет целью не объективный анализ пройденного пути, а очернение социалистической Венгрии и ее руководителя – Яноша Кадара (1912–1989 гг.), который на протяжении более 30 лет определял пути развития страны.

За годы работы в советском посольстве в Будапеште, а также в аппарате ЦК КПСС, в Отделе по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, мне довелось часто встречаться с Я. Кадаром, сопровождать его во время визитов в Советский Союз, присутствовать на его беседах с советскими руководителями, наблюдать его деятельность на многосторонних встречах лидеров соцстран. Я. Кадар выделялся на общем фоне руководителей соцстран масштабом личности, своей рассудительностью, скромностью, вниманием к людям. Внешне он представлял собой тип просвещенного европейского рабочего лидера. В молодости он не имел возможности получить образование, но восполнил это чтением и природной интеллигентностью. Член нелегальной компартии с 1931 г., он верил в торжество социалистических идей. Эту веру не смогли поколебать ни тюрьмы при довоенном режиме М. Хорти, ни сфальсифицированный судебный приговор 1951 г. при народно-демократическом строе, ни потрясения трагической осени 1956 г.

Западные и правоконсервативные венгерские оппоненты Я. Кадара обычно фокусируют свою критику на обстоятель-

ствах формирования его правительства в ноябре 1956 г., на подавлении вооруженного восстания и ставят ему в вину смерть Имре Надя. Не отрицая такого очевидного факта, как быстрая консолидация обстановки в Венгрии в 1957–58 гг., национальное согласие вокруг внутренней политики Я. Кадара, они стараются изобразить его если не как диктатора, то как лидера так называемой «мягкой диктатуры», признавая тем не менее, что за время его нахождения у власти жизнь в стране стала вполне приемлемой, а авторитет Венгрии вырос.

Обвиняя Кадара в соглашательстве с Москвой и в предательстве идей революции 1956 г., многие из современных критиков все-таки отмечают, что Я. Кадар со временем стал авторитетным и эффективным политиком, а политическая система, связанная с его именем, в 70-х годах определенно приняла черты гуманного социализма.

Фигура Кадара стала неудобной правительствам социалистов и либералов, находившимся в Венгрии у власти в 1994–1998 гг. и 2002–2010 гг., не только из-за кардинального пересмотра ими оценки событий 1956 г. и отказа от наследия Венгерской Социалистической Рабочей Партии, но и потому, что в стране затянулся переходный период, и за 20 лет со времени смены общественного строя не удалось достичь результатов, сравнимых с консолидацией, проведенной под руководством Я. Кадара. Не удалось превзойти и другой консолидации, которую осуществили после поражения в Первой мировой войне регент Венгрии адмирал М. Хорти и премьер-министр граф И. Бетлен. В межвоенный период Венгрия ориентировалась

на Великобританию и Италию, а затем на фашистскую Германию.

За тридцать лет нахождения Я. Кадара во власти (1956–1988 гг.) патроном и союзником Венгрии был Советский Союз. Венгрия, входившая в Варшавский Договор и СЭВ, сумела при поддержке своих союзников добиться неплохих результатов в экономике и социальной сфере, смогла разорвать внешнеполитическую изоляцию 50–60-х годов и стала уважаемым членом мирового сообщества. После кардинального поворота 1990 г. новая политическая элита страны обратилась к Западу, примкнула к объединенной Европе. Венгрия вступила в НАТО и Евросоюз, но, как и другие страны ЦВЕ, не выбилась в передовую линию европейской политики. Причины неудач разнообразны, в их числе и нынешний финансово-экономический кризис и особенности курса правительства В. Орбана, вызывающие нередко критику Евросоюза, а также ошибки, которые до этого совершили социалисты во главе с Ф. Дюрчанем. В любом случае корни сегодняшнего положения страны, очевидно, надо искать не в наследии Я. Кадара.

Английский историк, член консервативной партии Роджер Гау, написавший монографию «Янош Кадар: хороший товарищ»¹, анализировал основные моменты политики Кадара в 60–70-е годы. По его оценке, Венгрия в политическом смысле не была тогда каким-то исключением в социалистическом лагере, но все-таки являлась «самым веселым баракком». Атмосфера в стране была свободной. Политический курс Кадара был подвержен всем воздействиям, которые проявлялись внутри социалистического содружества, но венгерский лидер всегда знал границу, за которую ему нельзя было переступать, не подвергая опасности достижения консолидации после разгрома восстания 1956 г. и свой авторитет. Р. Гау подчеркнул, что Кадар умело выступал на международной арене, особенно начиная с Хельсинкской конференции 1975 года, но следил за тем, чтобы не противопоставлять

тесные отношения с Советским Союзом необходимости поддерживать политические контакты, экономические и финансовые связи с капиталистическими странами. Эта оценка является верной. Ссылка на Хельсинкскую конференцию, во время которой венгерский лидер открыто заявил о территориальных потерях своей страны после Первой мировой войны, позволяет подчеркнуть еще одно обстоятельство: Я. Кадар был прежде всего венгром, а потом уже коммунистом-интернационалистом.

Современники Яноша Кадара отмечают, что он не был теоретиком, но имел свое представление о социализме, которое включало стабильную политическую систему и общество благосостояния, допускавшее определенную дифференциацию в доходах и социальном статусе. В его понимании разрыв в доходах между рабочим классом и крестьянством не должен быть большим. Я. Кадар уделял внимание вопросу взаимопонимания между властью и народом. Краеугольный камень его политики – общественное согласие. Он понимал, что пока венгерское общество согласно с такой концепцией социализма, это обеспечивает легитимность политической системы, сложившейся в Венгрии после 1956 г. Несмотря на отнюдь не демократический старт его политики в 1956 году, в венгерском народе он стал популярен. Его уважали и в кругах венгерской интеллигенции. Опросы общественного мнения до сих пор свидетельствуют о том, что он входит в тройку самых почитаемых политиков Венгрии (после королей святого Иштвана и Матяша).

Он пользовался большим авторитетом и за рубежом своей страны. Его популярность в Советском Союзе была связана с быстрой консолидацией в Венгрии после трагедии 1956 г., преодолением последствий сталинизма и личным вкладом в дружбу наших стран. Наши люди помнили его крылатую фразу из выступления на XXIII съезде КПСС «Антисоветского коммунизма не было, нет и никогда не будет». Но в то же время в политике Кадар был реалистом, поэтому он не любил тех, кто пытался на 130 % (его выражение) пе-

¹ Gough R. A Good Comrade Janos Kadar. Communism and Hungary. – London, 2006.

ревыполнять нормы венгеро-советской дружбы, монополизировать дело дружбы двух народов.

Для анализа политики Я. Кадара важно правильно оценить его взаимоотношения с советскими лидерами. В июле 1956 г. при замене М. Ракоши на посту генсека Венгерской Партии Трудящихся (ВПТ), с запозданием предпринятой по инициативе Москвы, кандидатура Я. Кадара как возможного руководителя возникала. Однако большинство в венгерском Политбюро в тот момент высказалось за более легкий, как казалось, вариант – избрание первым секретарем Э. Гере, хорошо известного в Москве, прошедшего школу Коминтерна и являвшегося заместителем Ракоши. Ошибочность этого шага вскоре стала совершенно очевидной, и Н. С. Хрущев позднее признавал, что они с А. И. Микояном, который приезжал тогда в Венгрию для «инспекции», допустили ошибку, что им надо было ориентироваться на Кадара.

Его «звездный час» – это осень 1956 г. Разумеется, ученые-историки учитывают, что парламент Венгрии в 1990 г. объявил события 1956 г. «революцией и борьбой за свободу», что было сделано явно по аналогии с революцией 1848–1849 годов. Слово «контрреволюция» выпало из политического лексикона. Дата 23 октября является национальным праздником Венгрии. Президент России Б. Н. Ельцин, выступая в парламенте Венгрии в ноябре 1992 г., осудил советское вторжение в Венгрию осенью 1956 г. и принес извинения венгерскому народу. Президент Российской Федерации В. В. Путин во время визита в Будапешт весной 2006 г. отметил, что в юридическом смысле Россия не несет ответственности за действия Советского Союза в те годы, но все мы испытываем моральную ответственность.

В трагические дни октября – ноября 1956 г. Венгрия погружалась в хаос, управляемость страной исчезала, предприятия не работали, на местах возникли самодеятельные органы власти – революционные комитеты и рабочие советы. Будущее народно-демократической Венгрии становилось призрачным, хотя первоначально и

улица, и большинство политических сил выступали за «улучшение социализма». Усиливался антисоветский и антикоммунистический настрой. Правительство подержало требования «борцов за свободу» о выводе советских войск. Не было никакой уверенности в том, что левые силы могли бы выиграть свободные выборы. Решение премьер-министра, коммуниста И. Надя о разрыве с Варшавским Договором и о провозглашении нейтралитета страны объективно вело к советской интервенции, поскольку в ином случае нарушалось равновесие сил в Европе. Контакты Имре Надя с Кремлем нарушились. Своей речью на рассвете 4 ноября в момент второго ввода войск Советской Армии он только усугубил обстановку. Объявив, что венгерские войска вступили в бой, правительство находится на месте, он с группой соратников и членов семей спрятался в югославском посольстве. Историческая правда состоит в том, что в конце октября 1956 г. в Москве и других столицах социалистических стран, включая Китай и Югославию, решение венгерского кризиса виделось в вооруженном подавлении восстания и срочной замене правительства. При этом советские руководители и их союзники в условиях англо-франко-израильской агрессии против Египта сознательно закрывали глаза на совершаемое ими нарушение норм международного права. В Москве понимали, что США, помимо пропагандистских акций, никак не будут вмешиваться в венгерские события.

Руководство СССР стояло перед труднейшим выбором. Обстановка в Венгрии не улучшалась, начались расправы с коммунистами, веры в Имре Надя и его коалиционное правительство не было. А вот Янош Кадар как партийный руководитель вел себя более реалистично. Об этом свидетельствовала и его речь по радио 1 ноября 1956 г., в которой он сообщил о создании новой партии взамен распавшейся ВПТ и предупредил об опасности контрреволюции. Я. Кадара вместе с министром внутренних дел Ф. Мюннихом срочно на самолете вывезли из Будапешта и доставили в Москву. После двух дней дискус-

сий на заседаниях президиума ЦК КПСС Н. С. Хрущев, только что вернувшийся с секретных переговоров с И.Б. Тито о венгерской ситуации и встретившийся с Я.Кадаром, наконец, решил, что новое правительство должен возглавить именно Кадар, а не Мюнних. Я. Кадар не сразу согласился возглавить новое правительство, заявив вначале, что не подходит для занятия постов первого секретаря или премьер-министра. Он говорил о том, что политический путь предпочтительнее, вооруженное подавление восстания приведет к полной амортизации авторитета коммунистов. Когда же после беседы с глазу на глаз с Хрущевым он согласился встать во главе правительства, то назвал свои условия – он не будет советской марионеткой, советским товарищам нельзя ориентироваться, как в недавнем прошлом, только на одну узкую группу венгерских руководителей, нельзя допускать возврата к власти ракошистов. Имре Надь не должен мешать. Все это Кадару было обещано, включая и поддержку Надем нового правительства. Югославы обещали уговорить И. Надя. Кадар знал, что цветов и аплодисментов в Венгрии не получит. Он говорил Л. И. Брежневу, с которым познакомился в те грозные дни, что вообще не знал, останется ли жив, настолько сложной была обстановка в стране.

Английский историк Б. Картледж дает любопытное объяснение, почему Кадар согласился на поездку в Москву. По его мнению, Кадар, исходя из интересов своей партии, хотел лично разъяснить советскому руководству подлинную картину того, что происходит в Венгрии. На переговорах в Москве он дал реальную оценку положения дел в стране, но вместе с тем убедился в том, что советские руководители полны решимости подавить восстание. После беседы с Хрущевым Кадар понял, что венгерская компартия может быть восстановлена только таким руководителем, которому доверяет Кремль и что судьба отвела ему такую роль¹.

Его поступок был мужественным шагом. Разумеется, он действовал под со-

ветским протекторатом. А разве в тех условиях могло быть иначе? Хрущев как «крестный отец» помогал ему, хотя в Москве и в Будапеште было немало противников Кадара. Вновь создаваемая партия – ВСРП вначале пользовалась небольшой поддержкой населения страны. Для того, чтобы 1 мая 1957 г. на демонстрацию и митинг в Будапеште и других городах вышли до 1 млн. человек, новой власти нужно было крепко поработать и главное завоевать доверие. По мере консолидации обстановки и восстановления общественного согласия рос авторитет Кадара в стране и в мире, в том числе и в Советском Союзе. Успешно развивались советско-венгерские отношения. Конечно, венгерское общественное мнение никогда не забывало, что Советский Союз подавил восстание 1956 года. Но Советский Союз незамедлительно оказал большую помощь Венгрии в восстановлении экономики и поддержании финансовой стабильности. Размер ее вместе с помощью, полученной от Китая и стран народной демократии в 1956-60 годах, составляет примерно 1,5–2 млрд долларов². Нужно отметить, что Н. С.Хрущев внимательно относился к просьбам Я. Кадара. По мере преодоления последствий событий осени 1956 г. и нормализации обстановки Венгрия стала одним из уважаемых государств социалистического содружества, к ее голосу прислушивались в Европе. В высшем советском руководстве считались с Кадаром. Так было, например, во время «пражской весны» в Чехословакии, в период обострения советско-китайских отношений в 60–70-е годы или накануне введения военного положения в Польше в 1980–1981 г. Я. Кадару и руководимой им ВСРП была доверена важная роль в подготовке европейской конференции компартий и всемирного совещания компартий 1969 г.

Я. Кадар понимал место и роль Советского Союза и КПСС, поэтому стремился поддерживать хорошие личные отноше-

² Подсчеты автора на основании архивных документов, опубликованных в сборнике «Советско-венгерские экономические отношения 1948–1973» (М., 2012).

¹ Cartledge B. The Will to Survive. A History of Hungary. – London, 2006. P. 486.

ния с советскими лидерами – от Хрущева до Горбачева. В этом он видел в первую очередь эффективное средство служения национальным интересам Венгрии. Венгерский историк Я. М. Райнер называет отношения советских лидеров и Я. Кадара (а также других руководителей соцстран) «клиентскими связями – патрон и клиент» и считает, что М. С. Горбачев, провозглашая отказ от т. н. доктрины Брежнева, одновременно пришел к выводу о необходимости если не порвать со старой клиентурой, то, во всяком случае, перейти на «новый стиль общения»¹. Конечно, во взаимоотношениях Кадара и советских лидеров имелось много нюансов. Как он сам говорил, самые теплые и дружеские отношения были у него с Н. С. Хрущевым. Причем главный критерий для него заключался в том, что Хрущев понимал венгров. Нормальными были отношения с Л. И. Брежневым, но для него Кадар порой бывал слишком тонок для понимания. Но в целом они находили общий язык. Посол СССР в ВНР в 1985–1989 гг. Б. И. Стукалин, с уважением относившийся к Кадару, написал, что в последние годы жизни Я. Кадар не раз возвращался к оценке хрущевских и брежневских времен, но «не высказывал какого-либо недовольства „диктатом“ Москвы. Он считал, что в ошибках, допущенных в послевоенные годы, повинны сами руководители соцстран, слепо копировавшие советскую систему»².

Особо прислушивался к Кадару Ю. В. Андропов, который хорошо знал его с 1956 г. и ценил его мнение. Не могу сказать, доверял ли Ю. В. Андропов Кадару полностью, он был недоверчив «по должности», но считал его надежным партнером. Он поддерживал напрямую или через своего помощника В. А. Крючкова многолетние доверительные контакты с Кадаром. Круг их бесед был широк – от политики, экономики до истории и культуры. Советский генсек считал опыт венгерской экономической реформы «нашей коллек-

тивной ценностью». Кадар разделял мнение Андропова о необходимости постепенного, эволюционного реформирования социалистического общества.

Что касается М. С. Горбачева, то он познакомился с венгерским лидером еще в свою бытность первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС. В 1983 г. по приглашению Я. Кадара и с согласия Ю. В. Андропова будущий генсек приехал в Венгрию изучать опыт сельского хозяйства, и хозяйственной реформы. М. С. Горбачев нередко ссылался на венгерский опыт реформирования экономики, на работу кооперативного сектора, он демонстрировал уважение к Кадару. В июле 2007 г., выступая в Будапеште на юбилее бывшего премьер-министра Венгрии Д. Хорна, М. С. Горбачев сказал, что венгры еще оценят по достоинству роль Кадара. Лично у него с Кадаром не было противоречий. Кадар, дескать, критиковал его только за то, что перестройка в Советском Союзе не началась лет на десять раньше³. Но, конечно, они были политиками разных эпох. Фактически визит М. С. Горбачева в Венгрию летом 1986 г. по сути дела подтолкнул процесс отстранения Кадара от высшего поста в ВСРП и переход на отдых.

В отношениях с руководителями Советского Союза Кадар держался с достоинством и к нему относились с уважением, ему доверяли. Однако разницу в положении двух стран и партий и меру своей личной ответственности он знал. Если в 1956–1958 гг. со стороны некоторых представителей Москвы, например председателя КГБ И. А. Серова или отдельных послов, были попытки вмешиваться во внутренние дела, то позже все это практически прекратилось. Для Кадара авторитетом мог быть только Генеральный секретарь ЦК КПСС.

Отвечая тем критикам Кадара, которые обвиняют его в угодничестве перед Москвой, хотелось бы подчеркнуть, что это, конечно, не так. Кадар взвешенно относился к советским предложениям, но мог высказывать и несогласие с советской

¹ Gorbacsov tárgyalásai Magyar vezetőikkel. – Bp., 1956-os Intézet, 24 o.

² Стукалин Б. И. Годы, дороги, лица... – М., 2002. С. 325.

³ Автор присутствовал при этом выступлении М. С. Горбачева.

позицией, если считал это необходимым. Наиболее известный случай касался его возражений против формы снятия в 1964 г. Н. С. Хрущева с занимаемых постов, причем Кадар заявил об этом на митинге в Будапеште, а затем объяснил свою позицию в отдельном письме на имя Брежнева и остановился на этом вопросе в личной беседе с советским генсеком. Он подчеркивал, что назначение или отстранение советских руководителей – внутреннее дело КПСС, но Хрущев был уважаемым в Венгрии человеком. Для полноты картины следует добавить, что, несмотря на уважение к Хрущеву, венгерский лидер не стал повторять его заблуждений вроде разделения партийных комитетов на промышленные и сельскохозяйственные, не согласился поддержать «программу строительства коммунизма», провозглашенную Хрущевым, отметив, что Венгрия находится на более низком уровне общественно-экономического развития.

Кадар критически высказывался по поводу необходимости увеличения военных расходов, просил Москву уменьшить тяготы Венгрии, предоставить отсрочки по погашению советских кредитов Венгрии на закупку советского вооружения. Эта тема присутствовала почти в каждом обращении Кадара к советскому руководству по вопросам экономического сотрудничества. О значении советской помощи Венгрии Кадар не раз говорил публично, в том числе на съездах партии. В феврале 1964 г. в беседе с зампредом Совмина СССР М. А. Лесечко, положительно оценивая итоги первого заседания межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, созданной по инициативе венгерской стороны, Я. Кадар отметил, что Советский Союз, конечно, идет на жертвы ради сотрудничества. «Но мы не хотим быть паразитами, не хотим все время сидеть на шее Советского Союза, мы хотели бы стать корректными партнерами Советского Союза и других соцстран. Хотели бы завоевать доверие всех стран, сотрудничающих с нами ...Но пока Советский Союз в восемнадцати случаях помогает нам, а мы ему только в

двух». Запрашивая увеличение поставок сырья и энергоносителей, он обычно предлагал советской стороне больше товаров традиционного венгерского экспорта, а в последние годы больше высокотехнологичной продукции, содержащей западные компоненты. Признавая советские достижения, Кадар не одобрял огромные масштабы военно-промышленного комплекса в Советском Союзе, отягощавшие советскую экономику. Поддерживая необходимость перемен в СЭВ, деятельность которого не оправдывала ожиданий Венгрии и других соцстран, Я. Кадар критиковал советские подходы к реформированию этой организации, затяжки с формированием единого рынка. Венгрия выступала за активное применение товарно-денежных инструментов в процессе интеграции социалистических стран.

У него были свои представления и о путях решения чехословацкого вопроса в 1968 г., он, конечно, предпочитал политические методы. Но события «пражской весны» накладывались на старт венгерской экономической реформы, важнейшего мероприятия в политике ВСРП, поэтому Кадар не хотел рисковать, он лавировал, старался отодвинуть ввод войск в Чехословакию. Однако в итоге был вынужден согласиться с советской позицией, хотя и попытался в последний момент, 17 августа 1968 г. во время личной встречи еще раз повлиять на А. Дубчека.

В неофициальных разговорах на исторические темы выражал недоумение, почему в Советском Союзе так непродуманно обошлись со Сталиным. Но при этом он исходил из того, что сталинская модель социализма была навязана Венгрии без учета национальных и исторических особенностей. Собственно говоря, кадаровская политика продолжения строительства социализма была направлена на устранение допущенных деформаций и гибкое приспособление социалистических принципов к венгерским условиям.

У него было уважительное отношение к Китаю и опыту деятельности компартии Китая. Я. Кадар с сожалением говорил о советско-китайских разногласиях, о рас-

коле международного коммунистического движения.

Я. Кадар демонстрировал осторожность в подходе к сложным вопросам наших взаимоотношений, связанным с войной. Он, например, не торопился с ходом решать вопрос о возврате венгерских художественных ценностей, вывезенных в СССР в конце Второй мировой войны. Во-первых, надо было выяснить юридические вопросы, он опасался судебных дискуссий с наследниками бывших владельцев, а такие случаи имели место. Во-вторых, видимо, полагал, что и в Венгрии могут найтись подобные ценности, «перемещенные» в ходе войны. Я. Кадар никогда не высказывался публично о зверствах венгерских оккупационных войск на территории Советского Союза, стремясь тем самым не нанести ущерба чувствам дружбы двух народов. Только раз мне довелось услышать от него рассказ о том, что в 1958 г. во время посещения в Киеве одного из заводов он разговорился с пожилым рабочим. Тот спросил, откуда прибыли гости? Кадар ответил, что из Венгрии. «Так вы венгры?» – «Да» – «Венгры-то хорошие люди, а здесь во время войны были мадьяры. Вот это сволочи!».

Как известно, венгеро-румынские отношения отягощены сложным историческим прошлым, венгерская общественность и раньше, и сейчас болезненно реагирует на любые ограничения прав венгерского меньшинства в соседней стране. В свое время Н. С. Хрущев поступил совершенно правильно, отказавшись принять предложения руководства Румынии, а также Болгарии о выделении войск для участия вместе с Советской Армией в подавлении вооруженного восстания в Венгрии осенью 1956 г. Если бы это произошло, то взаимоотношения венгров и румын еще более бы обострились. Но и после этих событий сблизить два соседних социалистических государства не удалось, даже под знаменем «пролетарского интернационализма». Я. Кадар безуспешно пытался во время визита в Румынию в 1972 г. и встречи с Н. Чаушеску в 1977 г. в Дебрецене решить

некоторые накопившиеся вопросы, но не нашел позитивного отклика. С тех пор он не проявлял активности в этой области, стараясь не усугубить обстановку, но наблюдал за событиями в Румынии. На заседаниях Политбюро Кадар высказывал критические замечания в адрес политики Н. Чаушеску, иронизировал по поводу мании величия румынского лидера, но публично не позволял, ни себе, ни членам руководства ничего подобного. Например, бывший член Политбюро, секретарь ЦК Я. Березц описал в мемуарах случай, когда он, будучи заведующим Международным Отделом ЦК, в присутствии нескольких человек (а дело было на аэродроме, в правительственном зале) «завел» жену Кадара Марию по румынской теме. Кадар не прерывал эмоциональные высказывания своей жены о Румынии и ее руководителе, но Я. Березцу чуть позже сказал: «Если еще раз попытаешься подбросить моей жене румынские темы, то получишь такой пинок по ж...е, что улетишь далеко-далеко!».

Во время обострения контактов Советского Союза с Западом из-за ракет средней дальности в 1982–1983 гг. Кадар осуществил целую программу встреч с лидерами западноевропейских стран, стремясь сохранить внешнеполитические и экономические связи. О своих намерениях он сообщил в Москву, принципиальных возражений не последовало. У меня, в тот момент временного поверенного в делах СССР в Венгрии, сохранился в памяти телефонный звонок А. А. Громыко, который поручил передать Я. Кадару, что встречаться надо, но желательно растянуть по времени контакты с западниками. М. Тэтчер, имевшая беседу с Кадаром в феврале 1984 г., положительно оценила его политические качества, не преминув, однако, отметить в мемуарах, что Кадар, как и большинство старых коммунистических лидеров, не был лишен некоторых черт злодейства. Но «в любом случае тот факт, что он находился у власти так долго, означал, что он сумел узнать советских руководителей и их образ мышления лучше, чем другие восточноевропейские лиде-

ры»¹. Тэтчер пыталась через Кадара довести до сведения Москвы некий message Р. Рейгана по вопросам разоружения.

Я. Кадар был авторитетный и уважаемый руководитель, который добился определенной автономии в рамках социалистического содружества. Во внутренней политике с учетом трагического опыта 1956 г. это находило выражение в политике регулярного повышения жизненного уровня, эффективных нововведений в государственном аграрном секторе, в кооперативном движении и приусадебных хозяйствах, благодаря чему страна была обеспечена собственным продовольствием и осуществляла экспорт сельхозпродукции, в том числе и в Советский Союз.

Но самым, пожалуй, большим достижением политики Я. Кадара было проведение экономической реформы 1968 года. К ней готовились давно, начиная с 1957 г. Кадар не был автором реформы, но его мудрость как руководителя проявилась в выборе правильного момента с точки зрения как внутренних, так и международных условий для осуществления реформы хозяйственного механизма. Политическая ответственность, конечно, лежала на Кадаре. Он защищал реформу от критики венгерских левых, а также от нападков других социалистических стран. Реформа привела к подъему экономики и росту благосостояния, она способствовала продвижению Венгрии к рыночному хозяйству. Несомненно, были допущены и ошибки, пришлось идти на компромиссы, в том числе и по политическим причинам. Но именно благодаря наличию многих элементов рыночной экономики Венгрия сравнительно мягко перешла на новые условия развития после смены общественно-политического строя в конце 80-х – начале 90-х.

Советские руководители в целом понимали, что в основе успехов политики Кадара после катастрофы 1956 г. лежит улучшение уровня жизни, достижение общественного согласия (знаменитый лозунг «кто не против нас, тот с нами»), большая,

чем в других социалистических странах, степень свобод, большая терпимость и гибкость в культурной и религиозной сферах. Именно при Кадаре были урегулированы отношения с католиками и другими конфессиями, заключено соглашение с Ватиканом, а Кадар был принят папой Павлом VI.

Он разъяснял в Москве, что ему в маленькой стране легче идти на новшества и эксперименты, что их результаты могут пригодиться и в Советском Союзе. Известно его высказывание в беседе с итальянскими журналистами о том, что Советский Союз продолжил дорогу к социализму как медведь. А вот в Венгрии так делать нельзя, здесь надо работать при помощи более тонких методов. Кадар не торопился с объявлениями побед в социалистическом строительстве. Например, отказывался переименовывать ВСРП в коммунистическую партию, а страну – в социалистическую республику, возражал против провозглашения монопольного положения марксизма-ленинизма в общественной жизни. Он видел недостатки так называемого реального социализма и пытался искать выход. Его постулаты: по мере строительства социализма жизнь должна улучшаться; в одиночку партия ничего не создаст; для формирования нового общества требуется национальное сплочение; необходимо иметь клапаны в политическом механизме для снятия избыточного давления; требуется введение элементов рыночного хозяйства и уменьшение сферы директивного планирования. Из подобных здравых и реалистичных положений складывалась венгерская концепция «социализма с человеческим лицом».

Советский Союз до 1985 г. проводил в отношении социалистических стран политику патернализма, навязчиво опекал союзников, поэтому требовалось согласование с Москвой главных моментов политической линии. После совместной «интернационалистской акции» в Чехословакии в 1968 г. и после смены В. Гомулки в Польше в конце 1970 г. настороженность в Кремле по поводу реформ и нововведений в социалистических странах возросла.

¹ Thatcher M. The Downing Street Years. – N. Y., 1993. P. 454–455.

В феврале 1972 г. во время встречи в Завидово Л. И. Брежнев откровенно высказал Я. Кадару «товарищеские» замечания по характеру экономической и социальной политики, затронув и вопросы кадровой работы, включая состав Политбюро. Звучал рефрен: мы тебе, Янош, верим, но ты посмотри, куда идут дела. Не ослабляется ли руководящая роль партии? Чего добиваются некоторые твои коллеги?

Кадар принял все это к сведению, особых обещаний не давал. Могу подтвердить это лично, так как был единственным переводчиком на этом, как выразился Брежнев, мужском разговоре. На обеде, данном Политбюро ЦК КПСС в честь Я. Кадара в день его отлета из Москвы, Л. И. Брежнев сказал, обращаясь к своим коллегам: «Мы с товарищем Кадаром обсудили все вопросы и достигли согласия». Брежнев в такой форме отчитался перед своим Политбюро. Для Кадара главное состояло не в согласии, а в том, что ему было оказано доверие. Докладывая на Политбюро ЦК ВСРП о своей «неофициальной» встрече с Брежневым, Кадар критически отозвался о некоторых оценках обстановки, изложенных с советской стороны, но по ряду замечаний, особенно в политической и социальной сферах, вынужден был согласиться, сказав, что и сам так думает. Кадар выждал какое-то время и в 1974–1975 гг. провел замены в руководстве партии и правительства, выдержав баланс между правыми и левыми. Запомнилась его ссылка на Сократа, использованная в одном из выступлений: «Платон мне друг, но истина дороже».

До этого он запустил пробный шар со своей отставкой в мае 1972 г., когда ему исполнилось 60 лет. Этот жест был адресован как своим соратникам, так и Брежневу. Генеральному секретарю ЦК КПСС демарш Кадара не понравился, тем более что в Москве считали, что Кадар – «добрый царь» – должен остаться, а с «худыми боярами» пусть он разбирается сам. В ноябре 1972 г. во время визита в Будапешт Л. И. Брежнев сказал Я. Кадару, что, по его мнению, венгерский ЦК поступил правильно, не приняв отставку Кадара.

Кадар сделал свои выводы. Раз его попросили не уходить, он продолжал служить общему делу, не поднимал вопроса об отставке вплоть до мая 1988 г. Шутил, что сэкономил немало денег пенсионному фонду. Пытался сохранить единство руководства, искать развязки в спорах. Оставался мастером компромиссов, но не во вред делу. Но в последние годы жизни ему пришлось все чаще видеть, что политический курс ВСРП сталкивается с новой действительностью, с новыми вызовами. Чувствуя снижение собственной творческой и физической активности, нехватку информации о реальных процессах, он пытался найти выход, в том числе определить свое место. Внешние воздействия на политику Венгрии не сводились только к мнению Москвы или других столиц соцстран. Вокруг Венгрии проходила международная игра с участием США и ведущих западноевропейских стран. Запад давал кредиты Венгрии, хотя их условия после 1980 г. ужесточались, поощрял либерализацию режима, намекал на необходимость вовлечения оппозиции в процессы управления. Многозначительным жестом со стороны США было возвращение короны святого Иштвана, попавшей в руки американских войск в конце Второй мировой войны. Ради возврата национальной святыни Я. Кадар принял даже требование американцев о передаче короны не ему, руководителю компартии, а спикеру парламента. Но венгерский руководитель был, пожалуй, единственным среди лидеров соцстран – членов Варшавского Договора, кто отклонил сначала в конце 1984 г. и затем еще раз в начале 1985 г. зондаж американцев о возможности визита президента Р. Рейгана в Венгрию, сославшись на отсутствие необходимых для подобной встречи условий как в двусторонних отношениях, так и в международной обстановке. Визит Рейгана в Венгрию в тех условиях был бы превратно понят в Москве и в столицах других соцстран. А Кадар считал, что Венгрии не нужны сенсации, всегда лучше, если о ней меньше пишет международная пресса. Но в декабре 1985 г. Я. Кадар все-таки принял госсекретаря США

Дж. Шульца, однако это уже было мероприятие на другом уровне, в рамках обычной дипломатической практики¹.

С середины 70-х годов начали нарастать экономические трудности Венгрии, так как усилилось негативное влияние мировой экономики, произошел взрыв цен на энергоносители и наблюдался рост внешней задолженности соцстран, особенно Польши, Венгрии и Румынии. Для Венгрии неблагоприятным оказался 1985 год, когда объем западной задолженности вырос на 1,3 млрд долларов, суммарно составив почти 8 млрд долларов. Причины заключались в ошибочности внешнеторговых и финансовых прогнозов, а также в ослаблении курса доллара, что не удалось, как ранее, смягчить за счет перевода части долга в другие валюты. Оправдываясь, руководители Минфина и Госплана ссылались на то, что общая (за вычетом встречных требований) задолженность стран – членов СЭВ тоже выросла, по оценкам западных банков, за год на 9 млрд долларов. При обсуждении в феврале 1986 г. доклада о состоянии платежного баланса страны (брутто – задолженность в западных валютах тогда составляла 13 млрд долларов, нетто – задолженность примерно 8 млрд) Я. Кадар потребовал к апрелю представить в Политбюро не только технические расчеты по объему и структуре долга, но и конкретные предложения, затрагивающие доходы населения, уровень жизни, состояние инфляции и область социальной политики, а также подчеркнул необходимость уточнения перспектив выполнения народнохозяйственных планов – годового и пятилетнего². То есть в этой ситуации Я. Кадар поступил в первую очередь как ответственный политик, думающий о будущем страны. В итоге после повторного обсуждения, подтвердившего нарастание негативных тенденций, было решено сосредоточить усилия на обеспечении внешнего равновесия, на увеличении экспорта в капстраны и поддержании сбалансированного уровня в рублевой

торговле, на принятии мер антиинфляционного характера, включая определенное сдерживание роста реальной зарплаты. Общий рост цен допускался не более 5 %, при этом цены на крепкие спиртные напитки с апреля 1986 г. повышались в среднем на 15 %. Рассматривался и вопрос о повышении цен на табак и табачные изделия.

В переговорах с М. С. Горбачевым в 1985–1986 гг. Я. Кадар не скрывал факты ухудшения финансово-экономического положения, подчеркивал необходимость принятия мер по защите уровня жизни. Он затронул эти проблемы развития Венгрии и в своем выступлении на встрече руководителей стран – членов СЭВ в Москве в ноябре 1986 г. Информировав своих коллег по Политбюро ЦК ВСРП о беседах с новым генсеком КПСС, Кадар отмечал дружественный характер переговоров, стремление советских партнеров оказать помощь. Он был готов принять советскую помощь, правда, оговаривался, что надо еще уточнить реальные возможности советской стороны. Но переговоры по линии двух правительств не принесли существенных результатов. Возможности Советского Союза в текущей пятилетке были ограничены. К 1989 г. венгерская внешняя нетто-зadolженность достигла 14 млрд долларов. Кстати, венгерский посол Ш. Райнаи в апреле 1987 г. в донесении в ЦК ВСРП отметил, что советские специалисты видят разницу между витринами будапештских магазинов и реальным экономическим положением Венгрии, но в рамках двусторонних соглашений сделать что-то конкретное для венгров можно будет не ранее середины 90-х годов³.

А тем временем в экономике Советского Союза все более усиливались кризисные проявления. В условиях нефтяного кризиса Советский Союз был вынужден поднять цены на энергоносители, уменьшить физические объемы поставок в соцстраны. Наступал новый этап развития. Соцстраны проигрывали в экономической и технологической областях, отставали от требований научно-технической революции, от процессов глобализации. Инфор-

¹ Венгерский госархив – MOL M-KS 288.f.5/a580/c (PB 1985 dec.17).

² MOL M-KS 288.f 5/962.ö.e. (PB 1986.febr.11).

³ MOL M-KS 288. f.32/SZT/1987/23.d.

мация, поступавшая в Будапешт из Советского Союза, свидетельствовала о том, что воодушевление перестройкой проходит, усиливается критика КПСС, нарастает недовольство нехваткой товаров, потребительский рынок опустошен, деньги обесцениваются. Гласность приводит к огульному отрицанию всех прошлых достижений. Обо всех этих явлениях шла речь в докладах по международным вопросам (с ними обычно выступал секретарь ЦК М. Сюреш) на каждом Пленуме ЦК ВСРП.

В Венгрии замедлился рост ВВП, затем приостановился и рост уровня жизни, реальных доходов населения. На этом фоне происходило усиление оппозиционных сил. Раздавались голоса, призывающие к обновлению руководства и смене курса. С 1987 г. об этом стали говорить открыто. Я. Кадар предупреждал членов ЦК, что пора проснуться, что нельзя почитать на старых лаврах. Но и сам допускал промедление. Зная о том, что в Советском Союзе руководством КПСС принято решение в текущей пятилетке не повышать уровень жизни, а сконцентрироваться на перестройке управления и планирования, что на фоне пустых прилавков магазинов вряд ли было правильным, он не решался круто поворачивать руль, вводил полумеры, что усугубляло диспропорции в народном хозяйстве и вело к снижению уровня жизни. В итоге произошло нарушение национального консенсуса – между партией и населением.

Вступление Венгрии в МВФ и Всемирный банк дало только временную передышку. Предпринятая до этого попытка Кадара установить более тесные связи с ЕЭС не увенчалась успехом. Канцлер ФРГ Г. Шмидт, с которым приватно советовался венгерский лидер, не советовал ему идти на сближение с «Общим рынком», чтобы не раздражать Советский Союз. (Сейчас появились комментарии к позиции Г. Шмидта. Якобы он опасался, что Советский Союз попытается ограничить контакты ГДР с ФРГ...).

Со временем, в зените славы Янош Кадар стал рабом собственной политики стабильности. Но еще тревожнее стало

то, что стареющий руководитель начал терять чувство реальности, утратил динамизм. Кадар остался один на вершине власти, оппонентов давно не было. Ситуация в стране и внутри партии осложнялась. В противовес критикам Кадар утверждал, что кризиса в стране нет, надо просто лучше работать. Дескать, виноваты СМИ, раздувающие трудности. Умно рассуждая о необходимости безболезненной смены главного руководителя в соцстранах, Я. Кадар сам стал препятствием на пути обновления политики Венгрии. Только к лету 1987 г. он решился сменить премьер-министра, выдвинув на этот пост более энергичного К. Гроса. После поездки в Китай осенью 1987 г. у Кадара появилась мысль занять в политической жизни место, подобное положению Дэн Сяопина в Китае, но в Венгрии существовали другие традиции.

«Старик» тянул с решением вопроса о руководстве страной до начала 1988 г. Может быть, не видел преемника. Вина ложится и на его товарищей по Политбюро, которые не осмеливались говорить Кадару правду в глаза, создавали вокруг него вакуум и все тайком советовались с Москвой. Из Будапешта шла информация о том, что Кадар, размышляет об уходе на отдых, но не ранее очередного съезда партии. Процесс замены руководства затянулся, хотя глава правительства К. Грос, рвавшийся к власти, прилагал усилия по его ускорению. Да и М. С. Горбачев мог бы высказаться прямее, а не намеками на то, что Кадару надо беречь себя, лучше распределять время, больше отдыхать и т. д. Генсек КПСС поручил в 1987 г. члену Политбюро, секретарю ЦК В. А. Медведеву и зам. председателя КГБ В. А. Крючкову проследить за сменой высшего руководства в Венгрии. Крючков беседовал с Кадаром в Будапеште, встречался он и с другими венгерскими политиками, в том числе с оппозицией. В Москве понимали, что Кадар не хочет уходить как провалившийся политик. Но обновление венгерского руководства требовалось и потому, что Горбачев чувствовал – Кадар не разделяет его политику перестройки. В сентябре 1985 г.

Кадар в ходе переговоров в Москве спросил Горбачева, не боится ли он, что с ним повторится история с Хрущевым. Он говорил своему преемнику К. Гросу о том, что Горбачев не понимает свой народ, ведет Советский Союз к развалу. Нельзя строить политику на разрушении. Накануне майской партконференции (1988 г.) Кадар позвонил Горбачеву и сообщил о своей отставке и планируемом избрании на пост председателя ВСРП. Его собеседник, который давно знал об этом, в том числе от К. Гроса, на которого в Москве сделали ставку, в ответ сказал, что Кадар, как всегда, принял мудрое решение. Важно, мол, то, что на переходном периоде все кардинальные перемены проходят под руководством и при участии Кадара. Горбачеву, как мне помнится, больше всего понравилось, что венгры упраздняют секретариат ЦК. Он тогда сказал В. А. Медведеву, тоже присутствовавшему при этом телефонном разговоре, что венгры делают это правильно, вот, дескать, и нам надо кончать с двоевластием (намек на Секретариат ЦК, в котором большую роль играл оппонент Горбачева Е. К. Лигачев).

Конференция ВСРП закончилась провалом планов Кадара, ни один его соратник не был избран в Политбюро. В начале июня 1988 г. у меня, в тот момент заведующего сектором Венгрии, Румынии, Чехословакии и Польши Отдела ЦК КПСС, находившегося в служебной командировке в Будапеште, состоялась последняя встреча с Кадаром. В разговоре он просил передать Горбачеву, что ему не удалось осуществить свои планы обновления кадров, основная причина – заговор партийного аппарата. Примерно то же самое Кадар сказал и послу Б. И. Стукалину. Сейчас в венгерской литературе признается, что «партийным путчем» на конференции руководил лично К. Грос.

Мне довелось присутствовать на похоронах Я. Кадара в июле 1989 года. Его провожали несколько сотен тысяч венгров – членов партии и беспартийных. Это было прощание с эпохой.

Конец жизни Кадара – это человеческая трагедия. Рушилась социалистиче-

ская система, ради которой он трудился всю жизнь. Многие соратники, как он говорил, «качались как тростник на ветру». Очевидцы одного его разговора в 1988 г. с секретарем ЦК М. Неметом по поводу законопроекта об акционерных обществах, хозяйственных ассоциациях рассказывают, что Кадар, завершая обсуждение, сказал: «Ну, хорошо. Действуйте. Но только не думайте, будто я не вижу, что вы же восстанавливаете капитализм!»¹. После партконференции 1988 г. он остался в одиночестве. К тому же все больше прогрессируют болезни, работать он не мог. Когда начали множиться политические обвинения в его адрес за 1956 г. и нарастать активность оппозиционных сил, стремившихся отстранить ВСРП от власти, Я. Кадар получил устные приглашения от Горбачева, Ярузельского и Хонеккера приехать на отдых и лечение. Но он отказался. Вероятно, ему наверняка вспомнилась история с отъездом М. Ракоши в Советский Союз, превратившаяся в многолетнюю ссылку (с июля 1956 г. до его смерти в феврале 1971 г.).

Что касается кардинального вопроса – оценки событий осени 1956 года, – то в ноябре 1986 г. в связи с 30-летием этих драматических событий, когда даже внутри ЦК ВСРП прозвучали предложения дать более нюансированную оценку с целью как-то смягчить формулировку «контрреволюция», Я. Кадар на Пленуме ЦК ВСРП отдельно остановился на этом вопросе. По его словам, реакция на Западе на «юбилей» отражала двойственность подхода: с одной стороны, осуждение идей социализма, оправдание контрреволюции 1956 года, а с другой стороны, стремление не нанести ущерба межгосударственным отношениям с Венгерской Народной Республикой и в то же время использовать контакты для скрытой поддержки оппозиционных сил. Но общей чертой кампании на Западе было навязывание реабилитации контрреволюционного мятежа и действий его участников.

По мнению Я. Кадара, нельзя допустить послаблений в этом вопросе, ибо

¹ Sarközy T. Magyarország kormányzása – 1978. 2012. – Bp., 2012. 0.129.

за этим последуют другие требования, коренным образом меняющие подходы. По его словам, официальная оценка событий и так достаточно нюансированная: имело место вооруженное контрреволюционное восстание, были также выступления, основанные на законных обидах, и было общее замешательство среди людей. Если оценивать все это глобально, то это была национальная трагедия. Кадар подчеркнул, что за требованиями реабилитации скрывается своя логика, это не игра в слова. Отметил, что он слышит голоса из определенных кругов, с которыми у властей имеются столкновения: почему не назовете события 1956 года народным восстанием, ведь через пару лет эта точка зрения станет официальной в Венгрии? Кадар сказал: «По-моему, так не будет никогда». В этом вопросе Я. Кадар ошибался. Эта точка зрения была предложена комиссией ученых в конце 1988 г., но в 1990 г. официальные круги, венгерский парламент пошли дальше, назвав события 1956 года «революцией и национально-освободительной борьбой». А тогда в 1986 г. Кадар пытался доказать своим товарищам, что если считать события 1956 года славной национальной революцией, то силы, которые выступали против нее, являются контрреволюционными. По этой логике и ВСРП надо считать контрреволюционной партией. «Не знаю, сколько и кому нужно еще объяснять, чтобы было понятно, о чем идет речь. С этим нельзя играть!». В заключение Кадар отметил, что «время больших классовых боев в Венгрии закончилось. Партия не будет их провоцировать, не будет вводить жесткие порядки, но если речь пойдет о базовых институтах власти, мы пойдем на столкновение, будем сражаться и победим. Лично меня тени (прошлого. – *Прим. автора*) или несколько десятков наглых, самоуверенных людей не пугают»¹. В этом выступлении Я. Кадар вновь призвал партийные кадры пробудиться от спячки и действовать.

К весне 1989 г. обстановка в партии и стране значительно изменилась, венгерское общество продвигалось к политиче-

скому плюрализму. На повестке дня был вопрос о правомерности сохранения старой партии. Избранный на декоративный пост председателя ВСРП большой старик в условиях кардинального пересмотра оценок событий 1956 г. не смог защитить себя. Несмотря на свое ослабленное физическое и психическое состояние, Я. Кадар понимал, что его делают козлом отпущения. Его эмоциональная и запутанная речь на пленуме ЦК в апреле 1989 г., куда, вопреки советам генерального секретаря К. Гроса и лечащих врачей, он буквально прорвался, чтобы высказаться, была отчаянной попыткой защиты себя самого и социалистического строя – со стороны больного человека с распадающимся сознанием. Но в этой речи чувствовалась логика. Он сказал, что не выдвигал термин «контрреволюция», а говорил о тех, кто открыл дорогу к «контрреволюции». События в октябре 1956 г. развивались как студенческая демонстрация, перешедшая в восстание. Советским агентом он не был. Погиб не только Имре Надь, до него погибло немало людей. Сказал, что он, Кадар, не уклоняется от своей ответственности².

В письме в адрес ЦК в апреле 1989 года Я. Кадар просил прояснить в суде степень его ответственности за приговор 1958 года Имре Надю, но этого не стали делать. В Венгрии нет документов, доказывающих прямую причастность Кадара к вынесению смертного приговора бывшему премьер-министру, но, видимо, он не приложил усилий по замене высшей меры наказания на более мягкий приговор. Историки размышляют, что означала формулировка в решении Президиума ЦК КПСС (февраль 1958 г.) относительно судьбы И. Надя – «проявить твердость и великодушие». Сам факт, что высший орган КПСС рассматривал вопрос о суде над И. Надем, причем обсуждение велось без оформления протокола, нуждается в дополнительном изучении. Похоже, что

² Анализ этой речи Я. Кадара посвящено много книг и статей. Тексты этой речи, а также интервью Марии Кадар и другие заявления участников событий приведены в книге М. Корниша «Kadar Janos utolso beszede». – Вр.: Kalligram, 2006.

¹ MOL M-RS 288.f/ 4/220 ö.e. (KB 1986. nov. 19–20).

вопрос о судьбе И. Надя не был чисто венгерским вопросом. Известно, что свое мнение высказывали руководители Китая, Польши, Румынии и других стран. Например, китайские представители считали, что если И. Надя совершил преступления, то он заслуживает сурового наказания. Но с этим делом не надо, дескать, спешить. Один из ветеранов старой ВСРП, бывший секретарь ее ЦКК И. Шомоди рассказывает, что Кадар в беседе с ним отметил, что не хотел смерти И. Надя, у него была неофициальная договоренность с Председателем Президиума ВНР И. Доби: если в случае вынесения судом смертного приговора И. Надя попросит о помиловании, то надо его предоставить. Но И. Надя не стал просить помилования. Кадар и в своей последней речи в апреле 1989 г. упоминал какую-то неподписанную «бумагу». Осталось неясным, что он имел в виду – заявление И. Надя об отставке в декабре 1956 г., которого ждали от него, или прошение о помиловании в июне 1958 г. Психоаналитики так и не сумели раскодировать эти последние высказывания Кадара.

Взаимоотношения Я. Кадара и И. Надя – тема весьма сложная. Кадар знал, что Надя был человеком Берии, сотрудничал с органами НКВД в 30-е годы. Об этом он рассказывал Горбачеву в сентябре 1985 г. Но из трагического треугольника венгерских коммунистических политиков – М. Ракоши, И. Надя, Я. Кадар – именно он (Кадар) сделал больше всего полезного для Венгрии. Фактически он претворил в жизнь все требования участников народного восстания 1956 года.

В нынешних венгерских условиях Кадару отводят негативную роль. Но ведь именно этот политик вывел Венгрию, хотя и ценой жертв, из катастрофы 1956 г., консолидировал ситуацию, сплотил общество, а затем обеспечил экономический и социальный подъем. Благодаря его усилиям, венгерский социализм из «казарменного», административно-командного превратился в вариант «социализма с человеческим лицом». Система правления из тоталитарной превратилась в авторитарную с элементами демократизма и существенным

снижением в политике роли силовых, административных структур. Но сохранение «государственного социализма» в Венгрии и в Восточной Европе вообще зависело не только от национальных условий, не только от потенциала лидера и партии, а и от соотношения сил на мировой арене. Уход Советского Союза из стран ЦВЕ, вывод советских войск, ослабление экономических связей, что бы ни говорил М. С. Горбачев о свободе выбора, об ответственности компартии перед собственным народом, о новом политическом мышлении, нанесли удар по позициям социализма в этих странах, ускорили развал содружества соцстран. Остальное довели до логического конца оппозиционные силы, поощряемые США и западными державами.

С именем Я. Кадара связывались успехи Венгрии в 60–70-е годы, рост народного благосостояния, укрепление международного авторитета страны. Под его руководством страна стала своего рода пионером социально-экономических преобразований на востоке Европы. Я. Кадар приобрел славу авторитетного социалистического политика с суверенным мышлением и оригинальным стилем. Вместе с тем «кадаризм» как система политических приемов и технологий, как серия реформ имел объективные исторические лимиты. На фоне застоя в СССР, неудачной попытки Пражской весны 1968 г. и осложнений в советско-китайских отношениях венгерские реформы не получали поддержки. В советской перестройке Я. Кадар увидел сначала шанс для обновления социализма, но практический ход преобразований М. С. Горбачева вызвал у него, многоопытного и осторожного политика, большие сомнения. Будучи в преклонном возрасте и пройдя пик своего влияния, с опозданием поняв, что его время прошло, он пытался перед уходом в отставку внушить как М. С. Горбачеву, так и своим соратникам необходимость большей осмотрительности в политике, лучшей координации политических и экономических преобразований, более полного учета национальных особенностей в рамках союза социалистических стран, сохранения единства

партийного руководства и постепенного продвижения вперед на основе сочетания преемственности и обновления политики. По существу это была идея революции сверху при сохранении политической роли компартии, способной объединять все конструктивно настроенные политические силы. Видя ослабление социализма в Советском Союзе, Я. Кадар делал намеки советскому лидеру о необходимости более быстрого сближения с Китаем. М. С. Горбачев, уже списавший Кадара, отмахнулся от его советов. К тому же события на площади Тяньаньмэнь в мае – июне 1989 г. усилили сдержанное отношение генсека КПСС к китайскому опыту.

Генеральный секретарь ЦК КПСС в октябре 1989 г. так оценивал перемены, произошедшие в Польше и Венгрии: «...если партия делает вид, что ничего особенного не происходит, не реагирует на требования жизни, она обречена. Мы переживаем за здоровые силы в Польше и Венгрии, но помочь им очень непросто. Ведь там были сданы многие позиции потому, что вовремя не дали ответа на требования жизни, процессы приняли болезненный характер. Польские товарищи не использовали возможности, которые открылись перед ними в начале 80-х годов. Да и в Венгрии Кадар уже на исходе жизни глубоко переживал, что вовремя не сделал того, что должен был и мог сделать. Так что у нас с вами остается один выбор – решительнее идти вперед, иначе будем биты»¹. Остается добавить, что говорилось это все Э. Хонеккеру за месяц до слома берлинской стены и начавшегося потом крушения ГДР. А сам М. С. Горбачев ускорял бег от кризиса, стучавшегося в двери, ...к распаду Советского Союза.

В Венгрии новое, обновленное руководство ВСРП, раздираемое противоречиями и личными амбициями, не сумело обеспечить единства в адаптации к новым условиям. Пересмотр оценки событий 1956 г. подорвал основы легитимности режима власти, способствовал нарастанию

критики политики коммунистов в послевоенный период и их ответственности за подавление восстания 1956 г. Критика в адрес Я. Кадара была как справедливой, так и тенденциозной. Новые руководители партии начали дистанцироваться от наследия Кадара. Реабилитация И. Надя и его сторонников, новый подход к событиям 1956 года не состыковывались с пребыванием Я. Кадара на посту председателя ВСРП. После его драматического выступления на пленуме ЦК в апреле 1989 г. руководство партии, ссылаясь на врачебное заключение, освободило Я. Кадара от обязанностей председателя партии и члена ЦК. Он был отправлен на пенсию и умер в июле 1989 г.

Похороны его прошли при громадном стечении народа. Люди прощались с уходящей исторической эпохой. Присутствовали и иностранные делегации. У членов венгерского руководства, за исключением, пожалуй, К. Гроса, было сдержанное отношение к проводам Я. Кадара. Известно, что Международный Отдел ЦК ВСРП отговорил некоторых европейских политиков, хорошо знавших Кадара, например, Б. Крайского и других, приезжать на похороны. От КПСС прибыли Е. К. Лигачев и А. Ф. Добрынин. Президент США Дж. Буш-старший, за несколько дней до этого посетивший Венгрию с официальным визитом, сказал журналистам, что Кадар всю жизнь трудился ради блага своего народа.

Мне думается, что верную и справедливую оценку роли Я. Кадара дал В. Брандт. В своих «Воспоминаниях»² он отмечает: «Янош Кадар считал, что изменения у „русских“ подтверждают его правоту, однако не счел для себя необходимым из-за этого продлевать пребывание на своем посту. Он устал и был доволен тем, что в очень тяжелых условиях смог предотвратить для своего народа худшее. Его желание полностью уйти в отставку не удовлетворили, причем не последнюю роль наверняка сыграл совет „советских друзей“ Обстоятельств, при которых весной 1989 года, за несколько месяцев до смерти, его

¹ Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. – М., 2010. С. 571.

² Брандт В. Воспоминания. – М., 1991. С. 470–471.

лишили последних постов, показались мне неподобающими и недостойными». В. Брандт пишет, что представления Я. Кадара о «демократическом социализме» не были полными по сравнению со взглядами его преемников и сотрудников, но он был более последовательным в практической области.

Что касается предположения Брандта относительно «совета» из Москвы, то действительно он сводился к тому, что Кадара надо менять, но таким образом, чтобы перемены в Венгрии, хотя бы внешне, проходили при его участии. Конструкция с избранием председателя ВСРП подходила для этой цели. К. Грос и другие хотели избежать повторения прошлых сюжетов в истории партии, когда все обвинения в ошибках и прогрешениях списывали на уходящего лидера. Но новые руководители ВСРП не сумели удержаться на этой линии под огнем критики оппозиции.

За последние двадцать лет в Венгрии сменилось несколько правительств – правоцентристских, консервативных и социалистических – либеральных. Но радикальные общественные перемены, смена государственного строя, переход к рыночному хозяйству, замена внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации прошли в Венгрии в обстановке относительной стабильности, эволюционным путем, на условиях договоренности главных политических сил. В этом ощущалось и влияние опыта трех десятилетий кадаровского правления, в том числе политики национального согласия, демократических экспериментов и рыночных преобразований в экономике.

Столетие Я. Кадара в мае 2012 года было отмечено в Венгрии по-разному. Правительственные круги замалчивали этот юбилей или повторяли стандартные обвинения в адрес Кадара. Социалисты провели сугубо научное заседание, стараясь передать все оттенки настроений в обществе и научных кругах. Директор Института политической истории Д. Фельдеш сказал, что их цель – не памятник Кадару возводить, а объективно разобраться с его наследием. Бывший премьер-министр Ф. Дюрчань, пытающийся создать новую соцпартию, в своих речах отдавал предпочтение не Яношу Кадару, а Имре Надю. Две небольшие коммунистические партии, не входящие в парламент, организовали свои митинги на кладбище, возложили венки на могилу венгерского коммуниста. Любопытное объяснение ностальгии по Кадару в современном венгерском обществе дал в журнале «Рубикон» (2012. № 8) известный историк И. Ромшич: «Нынешнюю ностальгию по эпохе и человеку, давшему ей свое имя, можно объяснить тем, что для большинства людей сравнительное материальное благополучие, социальная безопасность и возможность общественного подъема более важны, чем политическая демократия и духовное многоцветие».

В Москве в мае 2012 г. в Институте экономики РАН (ОМЭПИ) прошел «круглый стол», посвященный опыту венгерских реформ и политике Я. Кадара. На юбилей коммунистического руководителя Венгрии и друга нашей страны откликнулись газеты «Правда» и «Литературная газета».

Раздел II ИСТОРИЯ РОССИИ

Д. А. Ляпин

(Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина)

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА Ф. И. ШЕРЕМЕТЬЕВА (1634–1645 гг.)

40

К концу своего правления (примерно с конца 1630-х годов) царь Михаил Фёдорович (1613–1645 гг.), первый представитель династии Романовых, сильно болел и поэтому был не в состоянии полноценно исполнять свои обязанности. В чем состояла болезнь еще нестарого государя, точно неизвестно до сих пор. Впрочем, В. Н. Козляков отметил, что «масла в огонь» царского недуга подлила его неудачная попытка женить датского королевича Вольдемара на своей старшей дочери Ирине¹.

Так или иначе, болезнь царя способствовала обострению борьбы за власть и влияние среди его окружения. Однако ход и сущность этой борьбы узнать практически невозможно, поскольку официальные русские известия, дополненные слухами, попавшими на страницы сочинений иностранцев, никогда не смогут дать нам полного представления о том, как происходили события. Московские придворные интриги оставались тайной для большинства современников. Таковыми они остаются и для нас.

Несмотря на это обстоятельство, попытку понять специфику внутривластной политической борьбы не так давно предприняла в своем исследовании Е. И. Филина². Исследовательница довольно обстоятельно изучила круг источников по данной проблеме

¹ Козляков В. Н. Михаил Фёдорович. – М., 2004. С. 307.

² Филина Е. И. «В поисках альтернативы...»: придворные партии в политической борьбе в России в 1630–1650 гг. – М., 2011.

и выделила основные борющиеся «партии». Затем, основываясь на полученных результатах, предложила свою хронологию этапов политической борьбы в верхах власти в 1630–1650-е гг. Прделанная работа заслуживает внимания, поскольку автору удалось, на наш взгляд, определить основные борющиеся стороны, а также правильно показать хронологию событий.

Однако центральным вопросом данной книги является, по нашему мнению, борьба сторонников наследования престола: Алексея Михайловича и датского королевича Вольдемара. С точки зрения Е. И. Филиной, в 1630–1640-е гг. набирает силу «партия Ф. И. Шереметьева», который был сторонником идеи воцарения датского принца Вольдемара после смерти Михаила Федоровича при условии существенных ограничений его власти. Противоположная партия, во главе которой находился А. М. Львов, выступала за коронацию Алексея Михайловича как самостоятельного государя. При этом сам Михаил Федорович, по мнению Е. И. Филиной, был приверженцем первой партии, поскольку страстно желал брака дочери и датского принца³.

Предположения Е. И. Филиной достаточно интересны, но остаются только в теории, а приведенные ею доказательства носят косвенный характер. Прежде всего, кажется странным, что Михаил Федорович не желал видеть своего сына наследником, а предпочел ему иностранца,

³ Там же. С. 138.

которым фактически управляли бы бояре. Если бы это было действительно так, то почему же государь, долго болевший перед смертью, не оставил завещания или распоряжений по поводу судьбы престола. И почему князь А. М. Львов и его сторонники не стали играть ведущую роль, когда со смертью царя победила их партия. Кроме того, сама идея ограничения царской власти в это время противоречила тенденциям развития абсолютизма в стране, народному политическому сознанию, политической культуре¹.

Следует учитывать, что сложившаяся в России монархическая система власти не предполагала смену династии. Однако Е. И. Филина не согласна с этим. Понимая, что вопрос о передаче престола Вольдемару тесно связан с этой проблемой, исследовательница предположила, что в 1613 г. население присягло только царю Михаилу Федоровичу, но не его потомкам. Однако это не так. В тексте Утвержденной грамоты 1613 г. читаем клятву, данную государю: «Богом избранному и Богом возлюбленному царю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Русии самодержцу, его благоверной царице, и **их царским детям, которых им, государем, вперед Бог даст** (выделано нами – прим. Д. Л.), служить верою и правдою, а зла которыми делынеа них, государей наших, не думати и не мыслити, и не изменити им, государем, ни в чем»². В это тексте четко сказано, что присяга была дана не только царю, но и его будущим потомкам.

По мнению Р. Г. Скрынникова, Михаил Федорович целенаправленно готовил сына к престолу, стремился дать ему хорошее образование³. В. Н. Козляков в ра-

боте, посвященной правлению Михаила Федоровича, указывает, что Вольдемар претендовал только на то, чтобы стать удельным князем, и никогда не рассматривался как кандидат на престол⁴.

Основным источником информации о том, что царь хотел передать престол датскому принцу, являются показания князя С. Шаховского, погрязшего в интригах и угодившего под следствие, где его обвиняли в том, что он мешал браку Ирины и Вольдемара. Под пытками князь якобы сознался, что Михаил Федорович хотел лишить Алексея престола из-за того, что сомневался в законности его рождения⁵. Подобные нелепые слухи были обычным явлением в народной среде того времени и обычно умело использовались в качестве политических обвинений для сведения личных счетов. Таким образом, на наш взгляд, нет существенных оснований считать, что правительство Ф. И. Шереметьева стремилось ограничить царскую власть и рассчитывало посадить на трон марионеточного Вольдемара, забрав всю власть в свои руки.

Скажем несколько слов о самом главе правительства, боярине Ф. И. Шереметьеве. Его политическая карьера началась в 1598 г., когда к власти пришел Борис Годунов. Уже в те годы он был близок к семейству Романовых. После опалы, постигшей этот влиятельный клан, Ф. И. Шереметьев отправился воеводой в Тобольск. После вторжения Лжедмитрия был возвращен и послан Борисом Годуновым для взятия Кром, которые так и не взял, зато после смерти царя перешел на сторону Лжедмитрия и получил боярство. После воцарения Шуйского Шереметьев назначался воеводой в разные участки фронта гражданской войны, а в 1610 г. оказался среди бояр, пришедших к власти, которые выступали за передачу короны Владиславу. Затем в 1612 г. он всеми способами способствовал избранию на царство Михаила Романова

⁴ Козляков В. Н. Михаил Федорович. – М., 2004. С. 306–307.

⁵ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века: в 2 т. Т. 2. – М., 1948. С. 8.

¹ Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. – М., 2000; Пери М. Народные мнения и слухи о царе (1630–1650 гг.) // Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X–XVIII столетия): Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина. – М., 2005. С. 22–24; Седов П. В. Закат Московского царства. – СПб., 2006.

² Козляков В. Н. Михаил Федорович. – М., 2004. С. 319.

³ Скрынников Р. Г. Михаил Федорович. – М., 2005. С. 317.

и участвовал в посольстве к избранному государю в 1613 г. Ф. И. Шереметьев был активным участником правительства до 1619 г., пока его не оттеснил отец молодого царя Филарет Никитич, но и тогда он оставался близок к власти¹. В 1619 г. Шереметьев расследовал дело по поводу расторжения брака Михаила Федоровича его родственниками по матери, вопреки желанию молодого государя. Для этого, как отмечал Р. Г. Скрынников, «нужен был человек, который бы не побоялся бросить вызов временщикам»². Однако стремительное возвышение боярина начинается только после смерти могущественного патриарха в 1634 г., что хорошо показано в работе Е. И. Филиной³.

Из числа сторонников Ф. И. Шереметьева следует назвать прежде всего князя И. Б. Черкасского, также активно участвовавшего в политической жизни. Е. И. Филина считает, что он был даже реальным главой правительства, тогда как Ф. И. Шереметьев – только формальным, во всяком случае так было до 1642 г., когда И. Б. Черкасский скончался⁴. Однако на то, что Ф. И. Шереметьев вполне реально занимал весомые позиции в стране, указывают различные документы. В частности в 1637 г. ему поручалась охрана южной границы и целый комплекс связанных с этим важнейшим делом мероприятий, он же отвечал за отношения с Речью Посполитой и за внешнеполитический курс страны⁵.

Анализируя политику, которую проводило правительство Ф. И. Шереметьева, можно выделить ее основную особенность: не решать текущие вопросы, а лавировать между интересами различных кланов, а также социальных групп. Показательным примером была в этой связи практика ежегодного созыва Земских соборов в 1636–1639 гг., когда правительство в ответ на просьбы и жалобы населения

решило устраивать массовое обсуждение проблем. И хотя результаты этого обсуждения были незначительными, но население, «выпустив пар», временно успокаивалось⁶.

С 1640 г. правительство применяло и другие меры в том же направлении: не препятствовало увеличению числа льгот, прощало долги, не останавливало бесконтрольный рост белых слобод, увеличивалась численность бюрократического аппарата, а также – число иностранцев (прежде всего протестантов)⁷. В 1642 г. иноземцам было разрешено поселиться в Москве за Земляным городом между Флоровскими и Покровскими воротами, а кроме того, построить здесь лютеранскую церковь⁸.

В конце 1630-х годов начинаются массовые раздачи «отказных» земель помещикам в уездах, причем получить землю в пределах своего оклада мог каждый желающий с условием соблюдения соответствующих норм. В результате в 1640-е годы возникает огромное количество отказных книг, распределяющих государственный земельный фонд⁹. Эта политика раздач земель должна была снизить напряженность в среде мелкого и среднего дворянства, а также однодворцев, которые не имели крестьян и выступали против отмены срока сыска беглых, которое было на руку крупным землевладельцам, укрывавшим беглых крестьян.

В этой связи показателен указ 1642 г., по которому беглых крестьян можно было возвращать на прежние места, правда

⁶ Шмелев Г. Отношение населения и областной администрации к выборам на земские соборы в XVII в. // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. – М., 1909. С. 492; Андреев И. Л. Дворянские выборные на земских соборах в XVII в. // Научные труды МГПИ им. В. И. Ленина. Серия: Социально-исторические науки. Ч. 1. – М., 1994. С. 122; Козляков В. Н. Михаил Федорович... С. 271–274.

⁷ О покровительстве протестантам в это время Москва см.: Dunning C. The ancestor of the M. Y. Lermontov George Learmonth serving in Russia in the XVII century // История: Факты и символы. № 1. 2014. С. 89–102.

⁸ Собрание государственных грамот и договоров. – М., 1822. Т. 3. С. 404.

⁹ Котков С. И. Отказные книги. Памятники южно-великорусского наречия. – М., 1977.

¹ Барсуков А. П. Род Шереметевых. – СПб., 1881–1883. Т. 1.

² Скрынников Р. Г. Михаил Федорович... С. 255.

³ Филина Е. И. «В поисках альтернативы...»... С. 109.

⁴ Там же.

⁵ АМГ. Т. 2. – СПб., 1894. С. 47–50 и далее.

только по специальному суду, при предъявлении «крепостей», выписок из писцовых книг и по решению суда¹. Эта мера, с одной стороны, позволяла мелким дворянам вернуть своих беглых, а с другой – крупный землевладелец имел массу оснований для того, чтобы максимально не дать ход этому процессу (подтверждение подлинности «крепостей», выписки из писцовых книг, да и сам суд могли затянуться на долгие годы).

Правительство Ф. И. Шереметьева не решалось отменить сроки сыска беглых крестьян полностью, лавируя между интересами знати и основной массы мелких и средних помещиков. Последних (которые имели 1–2 крестьян или вообще не имели крестьянских дворов) такая отмена сроков сыска полностью лишала возможности приобретения новых рабочих и обрекала на хозяйственный застой.

Политика лавирования между интересами различных социальных групп приводила к тому, что население считало нормой составление коллективных челобитных, созыв соборов, внимание к просьбам от «городов», практику обсуждения актуальных политических вопросов. После 1645 г., когда подобные меры были свернуты, в народе наблюдалось недовольство, которое нашло отражение в т. н. «Большой челобитной июня 1648 г.», составленной во время бунта в столице. Среди прочего восставшие указывали на то, что раньше в Москве существовала практика советов «всей землей», когда все дела решались сообща².

В условиях экономического кризиса, охватившего страну, показательна реакция правительства на предложение казаков принять в состав России Азов, означавшее обострение отношений с Османской империей. Собор 1642 г., созванный по этому поводу, был также не более чем популистской акцией, поскольку средств на ведение масштабной войны у государства не было. Хотя собравшиеся и высказа-

лись за возможность начала ведения военных действий, этого не случилось. Само заседание проходило в условиях, когда «воздух столицы был наэлектризован недовольством, выход которого грозил погромом боярских усадеб, забытыми со времен Смуты»³.

Внешняя политика правительства была продолжением внутренней: Россия стремилась не вмешиваться в дела соседних государств даже в случае нарушения ее интересов. Например, в 1638 г. в западные уезды страны устремились представители православного духовенства, спасавшиеся от преследований в Литве. В этой связи воевода пограничного Путивля Н. Плещеев докладывал о старцах, монахах и монахинях, прибывающих в город и просящих защиты от гонений. Затем границу России стали пересекать вооруженные отряды казаков, грабя и разоряя русские поселения и уводя людей в плен. Реакция правительства на притеснения православных и нарушения границ (разбойные вторжения казаков с территории Литвы) была довольно слабой. Никаких протестов и требований, официальных объяснений не последовало. Казаков надлежало силой выдворять обратно, а православное духовенство проверять на ересь и определять в ближайшие монастыри⁴.

Конечно, правительство Ф. И. Шереметьева не могло обойтись без повышения налогов, которое стало систематически происходить с 1640 г. За пять лет только «стрелецкие деньги» (на содержание московских стрелецких полков) выросли в 7 раз⁵. Увеличение налогов коснулось в первую очередь посадов и частновладельческих земель. При этом, облагая налогами уезды, правительство назначало общую сумму налоговых сборов на данный год, а уже сам уездный мир разверстывал налоги между собой. Это обостряло обстановку в провинции, так как создавало хорошую почву для взаимных претензий и

³ Козляков В. Н. Михаил Федорович... С. 284.

⁴ Акты Юго-западной России. Т. 3. – СПб., 1861. С. 1–27.

⁵ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. I. – М., 1915. С. 157.

¹ Акты исторические. – СПб., 1842. Т. 3. С. 110.

² Лейденская брошюра // Городские восстания в Московском государстве XVII в.: сб. документов. – М., 1936. С. 64.

подозрений. Кроме того, часть лиц, близких к воеводе, вообще избегала налоговых выплат. Обычно это были богатые, обеспеченные горожане, т. е. самая платежеспособная часть местного общества¹.

В последние годы правления Михаила Федоровича правительство, понимая опасность дальнейшего роста сборов с населения, начало прощать населению недоимки, не требуя полной выплаты положенной суммы сбора налогов. Уездный мир фактически получил право самостоятельно решать, какую часть положенного сбора за год необходимо заплатить.

В результате, в 1640–1645 гг. образовалась огромная сумма «недоимок», страна ежегодно испытывала дефицит бюджета,

а казна недосчитывалась нескольких тысяч рублей. Таков был мрачный итог деятельности правительства. Нерешительность Ф. И. Шереметьева, возможно, была связана с болезнью Михаила Федоровича (смерть царя означала бы стремительные перемены в эшелонах власти) и с внутриполитической борьбой, о которой мы имеем весьма смутные представления.

За смертью сорокадевятилетнего государя 12 июля 1645 г. последовал уход главы правительства с политической сцены, что было связано, на наш взгляд, с его неудачной внутренней политикой, а дело королевича Вольдемара сыграло здесь второстепенную роль.

E. Sashalmi

(Печский университет)

THE ROLE OF LAW AND THE RULE OF LAW: A COMPARISON OF SWEDISH ABSOLUTISM AND RUSSIAN AUTOCRACY FROM THE 1680s TO 1730 (THE IMPORTANCE OF POLITICAL IDEAS AND POLITICAL STRUCTURES)*

I. Theoretical foundations. S. E. Finer in his magisterial work, the History of Government from the Earliest Times, divided limitations on governments into two groups: «substantive» and «procedural» respectively². According to Finer the first type of constraints «delimit the ruler's activities, the second subject him following certain strict procedures»³. His conception of substantive limitations, in fact, is identical with the types of legitimacy developed by Max Weber, as the following passages shows: «Substantive limitations are of three main kinds, singly or in combination,

¹ Базилевич К. В. Вступительная статья // Городские восстания в Московском государстве XVII в.: сборник документов. – М., 1936. С. 6.

* The present scientific contribution is dedicated to the 650-th anniversary of the foundation of the University of Pécs.

² Finer S. E. History of Government from the Earliest Times. Vol. I. – Oxford, 1997. P.72.

³ Finer S. Op.cit. P. 72.

and these stem from the principles by which the monarchy is legitimated. The three basis of legitimation are first, the religious; secondly, the tradition; and thirdly, the laws»⁴.

What concerns the problem of procedural limitations, they can also be called institutional in my view. This analytical framework employed by Finer is a very useful one in a comparison of absolute monarchy with autocracy – a comparison encouraged by Finer himself⁵.

The second author whose work is worth mentioning in the context of procedural or institutional limitations is M. J. C. Vile's book, entitled Constitutionalism and the Separation of Powers⁶. In this classic work on the subject Vile showed how organic the connection was

⁴ Finer S. Op.cit. P. 74.

⁵ Finer S. Op.cit. P. 74.

⁶ Vile M. J. C. Constitutionalism and the Separation of Powers. Oxford, 1967. Italics are mine (E. S.).

between the modern, 18th century perception of the division of power based on checks and balances, and the idea of mixed monarchy or limited government which had long preceded it, and which had been manifested from the Late Middle Ages in the type of government called the polity of estates: «Though the theory of mixed government is not logically connected to the theory of the separation of powers, the former theory provided suggestive ideas which formed the basis of the new doctrine. Both theories are concerned with the limitation of power by instituting internal checks within the government»¹.

Closely connected to the two types of constraints advocated by Finer is the notion of the rule of law. For this notion could simply imply a non-institutional type of constraint, as in case of Finer's «substantive» limitation but it could also have institutional implications: conceived as a part of the medieval idea of mixed government, or in terms of checks and balances linked to the idea of the separation of powers as in the 18th century.

A relevant definition of the rule of law for the context of Early Modern Europe was given by H. A. Lloyd. His definition is useful not only for the interpretation of the concept historically, but also for the comparison undertaken in the present article. According to his formulation the rule of law was a «doctrine that power should be exercised in accordance with a normative system which had as its end the good of the community. Within the system positive human law formed a stratum bounded and conditioned by the imperatives of divinely instituted and natural law on the one hand and the custom of the community on the other»².

As we shall see, this perception of rule of law accords not only with the medieval division of power as it existed in the polity of estates where lawmaking was a joint business of the prince and the estates, but it also fits in the idea of absolute monarchy where no outer institutional limitation was posed on princely

legislation which, nevertheless, was to be exercised within a normative legal framework.

II. The Exposition of the Problem. The former president of Russia, Dmitry Medvedev, complained before his election as president (2008) that no other country in Europe had showed such a disregard for rule of law as Russia, both by its citizens and officials. This mentality is, of course, a legacy of Russia's past. For laws in Romanov Russia were, for the most part, just «a guide for the operation of Russia's institutions and they did not exert any formal restraint» either on the monarch or its officials³. Moreover, the latter were not conceived as a civil service but rather the stretched arm of the autocrat⁴. In 1884 Pobedonostev, one of the greatest Russian lawyers of the 19th century and tutor and advisor to tsar Alexander III (1881–1894), declared the «Romanov state's conception of law»: «Institutions are not important, everything depends on individuals»⁵.

Some lights can be thrown on the roots of this attitude by comparing Swedish absolutism and Russian autocracy in a wider historical perspective: namely from the angles of both political ideas and political structures. The two obvious issues which need to be explained concerning this approach are as follows: the choice of the two states, on the one hand, and the time span, on the other.

The comparison of Sweden and Russia is neither accidental nor artificial in my view for Swedish absolutist ideology and government institutions heavily influenced the reforms of Peter the Great (1682–1725), while the new Swedish constitution of 1720 had an impact on the Russian political elite which attempted to curb autocracy in 1730. In other words, the decades under scrutiny were the crucial era of westernization of Russian ideology of power and state infrastructure. (Be it enough to mention in the latter field, that the new organs of central government in Russia, the so-called «colleges» (the forerunners of ministries) which replaced the old system of chanceries (*prikazy*) were predominantly modelled on

¹ Vile M. J. Op. cit. P. 34.

² Lloyd H. A. Constitutionalism // Burns J. H., Goldie M. (eds.) The Cambridge History of Political Thought 1450–1700. – Cambridge, 1991. P. 272. Italics are mine (E.S.).

³ Waldron P. Governing Tsarist Russia. – Basingstoke, 2007. P. 76.

⁴ Waldron P. Op. cit. P. 76.

⁵ Waldron P. Op. cit. P. 75.

Swedish practice.) At the same time, the interdependence of ideologies of power and political structures can hopefully explain not only the Swedish «political pendulum», i.e. a swing from the polity of estates into absolute monarchy from the 1680s, and then towards a constitutional monarchy after 1720, but also why Russia was to remain an autocracy.

Let us begin with working definitions in general and then apply them to Sweden and Russia.

III. The Comparison. My comparison, in accordance with the title, will concentrate more on political ideas, and the interdependence of political ideas and political structures, than the political structures themselves. Priority will be given to Russia due to the peculiar nature of Russian political tradition.

Ideologies. *Absolute monarchy* means that the king is independent of all institutions and stands above positive laws (*rex legibus [ab]solutus*) in order to preserve/promote the common good, still he is below (*rex sub lege*) and constrained by fundamental law(s), natural law and divine law. Therefore, absolute power, which entails first of all the right to make positive laws, impose taxes at the king's pleasure means not legally unlimited but institutionally unconstrained power. To be sure, rule of law and absolute monarchy were not mutually exclusive notions, rather they must be considered as complementary¹.

«Absolutism signifies freedom from any procedural constraint»² – Finer claims, which justifies our view of identifying his procedural limitation with institutional limitation. This perception, of course, is in accordance with R. Bonney's formulation who states that an absolute ruler «is not limited by institutions outside the kingship itself»³.

Autocracy is often defined, though erroneously, as an extreme form of absolute monarchy. By autocracy I mean an authority and a political system in which the God-appointed ruler's range of power is not

limited either by corporate institutions or laws (positive laws, fundamental laws, natural law), and the ruler's policy is not subject to public opinion. The only limitation recognized by the ruler is the law of God, which he interprets as it pleases him.

It must be noted, however, that this law-minded approach to the perception of the power of the Russian tsars is relevant only from the 1680s onwards, for Russia's case was special in Europe. Muscovite ideology of rulership lacked not only the idea of rule of law (in its 17th century meaning, i. e. compliance with fundamental laws, natural law) but also the language (i. e. vocabulary) of law—both crucial to absolutist ideology. Therefore western concepts of law (natural law for instance, or the distinction between private law and public law, etc.) and even the term *potestas absolute* were virtually unknown in Muscovy.

Thought on ruling power existed in Muscovy, of course, but predominantly within the framework of Orthodox theology. It means that the «origin, purpose and limits» of the tsar's authority «were almost always discussed in a religious context»⁴. We can safely state that «law-centred» and «polity-centred» perceptions of kingship (to borrow the terms of E. Kantorowicz) were virtually unknown in Muscovy⁵. Of the three main sources of Western political thought indicated by the subtitle of a recent comprehensive book on European political thought, *Political Thought in Europe 1450–1700 Religion, Law, Philosophy*, the «religious side» was «hypertrophied» in Muscovy⁶. The community governed by the tsar «was depicted by elite writers as a household and as a Godly Christian community, not as a cohesive political unity of a common people»⁷.

⁴ D. Rowland's view is quoted by V. Kivelson. Kivelson, V. *Autocracy in the Provinces. The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century.* – Stanford, 1996. P. 213.

⁵ Kivelson V. *Op. cit.* P.16.

⁶ Rowland D. *Muscovy* // Lloyd H. A., Burgess G., Hodson S. (eds), *European Political Thought 1450–1700.* – New Haven; London, 2007. P. 269.

⁷ Kollmann N. S. *Concepts of Society and Social Identity in Early Modern Russia* // Baron H. S., Kollmann N. S. (eds.) *Religion and Culture in Early*

¹ For this see: Hartung F., Mousnier R. *Quelques problèmes concernant la monarchie absolue* // *Relazioni del Congresso di Scienze Storiche IV. Storia Moderna.* – Florence, 1955. P. 4–15.

² Finer S. *Op. cit.* P. 72.

³ Bonney R. *Absolutism: What's in a Name?* // *French History.* 1987. P. 94.

The core of Muscovite ideology could be squeezed in one sentence: «The Tsar's heart is in God's hand». This passage coming from the Old Testament (Book of Proverbs) was so common that it was thought to be a proverb in the 17th century¹.

To summarize on this point: Not only was the idea of legal limitation alien to Muscovite perception of power, but the notion of internal institutional constraints on the monarch's power (mixed government) did not exist either. Therefore, to look upon Russian ideology of power in terms of legal and institutional limitations before roughly 1700, betrays a Western way of thinking. A comparative approach, however, should take into account the problem of conceptual difference.

The tsar's power was not devoid of norms, to be sure: first of all, he had to defend and keep Orthodoxy, and maintain order². These norms, at the same time, were not of legal or institutional but of ethical-religious nature subsumed in the images of the «Orthodox tsar» and «good tsar», and in my view it is not proper to call them limitations but rather expectations. But these expectations were «norms of proper behaviour» or «ideals to be reached» which were never formalized legally³. In contrast to the West, they were expressed not in coronation oaths, much less in coronation charters or even contracts (these phenomena were unknown!) but first of all in religious ceremonies and imagery⁴,

Modern Russia and Ukraine. De Kalb, 1997. P. 38–39. Italics are mine. (E.S.)

¹ For a detailed treatment of this issue see my article: Sashalmi E. 16–17th Century Muscovite Ideology of Power in a European Perspective. Proverbs as Means of Understanding Muscovite Ideology // Szvák Gy (ed.), *Mesto Rossii v Evrope / The Place of Russia in Europe*. – Budapest, 1999. P. 166–172.

² Rowland D. Did Muscovite Literary Ideology Place Limits on the Power of the Tsar 1540–1660s? // *Russian Review*. 1990. P. 148.

³ Lukin P. V., *Narodnye predstavleniya o gosudarstvennoj vlasti*. – Moscow, 2000. C. 253.

⁴ For a case study on this imagery see my article: Sashalmi E. *Écrire et peindre l'histoire russe: l' Histoire des tsars et princes du pays russe de Fedor Griboedov et l'Arbre de l'État russe de Simon Ušakov (1668–1669)* // Gonneau P., Rai-Gonneau E. (eds), *Écrire et réécrire l'histoire russe d'Ivan le Terrible à Vasilij Ključevskij (1547–1917)*. – Paris, 2013. P. 53–64.

and admonitions by clergymen in the manner of the mirrors of princes.

Western political vocabulary, including the key legal concepts of absolute monarchy came to Russia as a result of its westernisation mainly after 1700: the term subject definitely replaced Orthodox Christian in government documents and reference to the common good (first mentioned in a government document only in 1682) also became the indispensable element of government rhetoric as the justification of the tsar's policy. The trump cards in the adaptation of Western absolutist vocabulary, of course, were the formulae: «The will of the king has the force of law»; «The king is above the law». But in the Russian context these maxims were conceived without the idea of the rule of law, i. e. without recognizing the normative force of natural law and the fundamental laws.

Since the new ideology created under Peter the Great⁵ made use of the key terms and concepts of absolutist ideology, therefore it is relevant to interpret this new ideology from a legal (-political) point of view. At the same time, it must be emphasized that western concepts were moulded by the previous Muscovite perception of power which had the result that the meaning of these concepts was not the same in the new soil, as the case of sovereignty, for instance, proves clearly. The nature of change can be demonstrated by the following comparison. Of sovereignty in Muscovite times D. Rowland states: «Although the Russians were ignorant of the concept of sovereignty as a term in formal political discourse, if we were to ask who was sovereign in the Russian state, the only correct answer from any abstract or theoretical point of view would be that God Himself was sovereign»⁶.

Let us compare this statement with the exposition of sovereignty in the main work of the new political ideology (The Justice of the

⁵ For this see my article: Sashalmi E. *Contract Theory and the Westernization of Russian Ideology of Power under Peter the Great // Specimina nova. Pars Prima. Sectio Mediaevalis II*. – Pécs, 2003. P. 89–100 (Accessible through academia. edu.).

⁶ Rowland D. *Op. cit.* P. 278. Italics are mine. (E.S.).

Monarch's Will in Designating an Heir to His Realm) written for Peter in 1722 by Feofan Prokopovich, Bishop of Pskov: «Let us approach still closer to the royal throne, and ask the meaning of that glorious title, majesty (velichestvo), or, as the other European peoples call it, from the Latin, majestas or Majestät... But we are not here considering majesty in this broad sense, but only in the sense in which it is used in political theory¹; ...it refers to the supreme authorities alone, and it denotes not only their high dignity, than which, after God there is none greater in the world, but also the supreme legislative, judicial and executive power, that power which is itself not subject to any laws whatsoever... It must be understood, however, that when the jurists say that the supreme power called majesty (velichestvo) is not subject to any other power, they mean any human power; for it is subject to God's power, and it must obey the laws of God, both those which he has written in men's hearts and those which he has handed down in the Decalogue; but it is not subject to the laws of man, even if they are good and promote the general welfare. But it is subject to God's law only in the sense that it is answerable for transgressing it to God's judgement alone, and not to man's: and so no sovereign monarch (samoderzhavnyi godudar) is obliged to observe man-made law»². «A sovereign monarch can lawfully command the people not only everything that is necessary for the significant benefit of the fatherland, but also everything that pleases him, provided it is not harmful to the people and not contrary to the will of God... and this includes civil and ecclesiastical rites of every kind, changes in customs and dress, house-building, procedures and ceremonies at feasts, weddings, funerals, etc., etc., etc.»³.

Firstly, it is clear from the passages that, in contrast to absolutist ideology, the will of the ruler is completely above the laws, and overrules even the common good! The

¹ Bodin used the Latin term maiestas in his Latin translation of the French word souveraineté.

² Lentin A. Peter the Great: His Law on the Imperial Succession. The Official Commentary. – Oxford, 1996. P. 85–187.

³ Lentin A. Op. cit. P. 222–223.

comment in the first passage (given by me in italics) is completely contrary to the spirit of the rule of law, and therefore, the western legal concept of sovereignty. Secondly, there is no mention of fundamental laws at all. Thirdly, tradition is not taken into consideration: by contrary, it is to be done away, and the clause «etc. etc. etc.», is a blank cheque for total power. To conclude: the ruler's will is above everything. Therefore, the birth of interest in law in Russia was closely connected to the idea of law as being merely a means regulating society. This «Polizeistaat» perception of law had long lasting consequences in a country without a legal tradition: law was reduced to being a tool of government and administrative convenience, and was not a goal on its own right. Therefore, «law was something that was imposed by the state on its population, but that the state itself – personified by the sovereign – did not need to abide»⁴.

We can speak of the role of law but not the idea of the rule of law. The lack of a medieval legal tradition in Russia, especially the concept of natural law, which was crucial to the idea of the rule of law, is of great importance.

In 1667 Louis XIV stated in an ordinance: «Let it be not said that the sovereign is not subject to the laws of his State; the contrary proposition is a truth of natural law... what brings perfect felicity to a kingdom is the fact that the king is obeyed by his subjects and that he himself obeys the law»⁵.

The significance of the idea of law as an end in itself in Western thought was aptly described by B. Z. Tamanaha: «Monarchs... confirmed, time and again, that they were bound by the law, whether positive, natural, or divine, not just admitting but endorsing the proposition that fidelity to the law was an appropriate standard against which to evaluate regal conduct. This routine helped render self-imposed obligation into a settled general expectation»⁶.

The following quotation from Charles XI (1660–1697) also shows the enormous difference between the Russian and the

⁴ Waldron P. Op. cit. P. 20.

⁵ Tamanaha B. Z. On the Rule of Law. History, Politics, Theory. – Cambridge, 2004. P. 22.

⁶ Tamanaha B. Z. Op. cit. P. 22.

Western interpretation of absolute power. Charles was declared «absolute sovereign» by the Diet (called Riksdag) of 1680, but he had to rule «according to law and lawful custom»¹. Despite of the fact that the latter phrase «was left out of the sovereignty declaration of 1693, it can be held to be implicitly confirmed by it»². Furthermore, the idea of rule of law was evident from the king's letter of 1682. «We can be said, in a case, to be above the law, to the extent that We have power and the right, with mature and deliberate advice, to change, or proclaim, or modify the Law when some evident reason, or unavoidable necessity demands or permits... But, without due legal cause and in the ordinary processes authorized by Us, to make an alteration, or esteem Ourselves so above the law, that We will not allow Our subjects to enjoy and profit from it for their security and defence, that is absolutely foreign to Our royal office, and incompatible with our subjects' security which we have promised and sworn to them in return for their duty of faith and obedience»³.

Political Structures. Both Russian tsars and emperors believed in their divine right⁴ and all of them «rejected any suggestions that their power could gain any legitimacy from other sources», namely from the people⁵. This was not the case in Sweden, of course, where the Riksdag was a formidable institution in the 17th century. Indeed, it was the Riksdag which step by step conferred absolute power on the king in the 1680s. Though stripped of its powers theoretically, the Diet, paradoxically, remained alive: Charles XI summoned another Diet in 1697, and because of the continuous fighting (and

the consequent absence from Sweden) of the belligerent Charles XII (1697–1718), a smaller assembly was summoned in 1710 by the home government, just to be followed by a proper Diet in 1713–1714. All these mean that the existence of the Riksdag, even though it was without powers formally, (at least from 1693) was never legally eliminated. This paradox state of affairs had the result that after the death of Charles XII in 1718, absolutism was soon abolished in Sweden, and according to the new constitution of 1720 the king only had two votes and a casting vote in the council of state.

In contrast to the Swedish Riksdag, there was no assembly of estates in Muscovy. The so-called «assemblies of the land» (zemskie sobory) which existed from the mid-16th century roughly to the mid-17th century, had no power over taxation and legislation. Their relationship to the tsar was not defined at all, and the tsar could overrule the advice given to him by the assembly. As it was written of these assemblies: «In form and symbolism they were consistent with Muscovite ideology, an ideology that mandated personal consultation between tsar and his people. They should probably best be regarded as a consultative process rather than as formal institutions, particularly of a proto-parliamentary type»⁶.

Therefore, what concerns the impact of political structures, I think it crucial that absolute monarchy grew out of the polity of estates which, in turn, was based on corporations and estates. In the West «state-building and estate-building were reciprocal actions»⁷. D. Gerhard called the type of political organization which preceded the polity of estates (Ständestaat) the corporate order state⁸. Furthermore, corporations, endorsed even by Bodin, were to remain an integral part of the social and political structure even under the absolute monarchy,

¹ Upton A. F., *Charles XI and Swedish Absolutism*. – Cambridge, 1998. P. 243.

² Upton A. F. *Op. cit.* P. 243.

³ Upton A. F. *Op. cit.* P. 243. Italics are mine. (E. S.).

⁴ For this and the comparison with the divine right of kings see my study: Sashalmi E. Some Remarks on «Proprietary Dynasticism» and the Development of the Concept of State in 17th century Russia. (Richard Pipes' Interpretation of Muscovy and the European Perspective) // *Specimina Nova. Pars Prima. Sectio Mediaevalis III.* – Pécs, 2005. P. 157–194. (Accessible through academia. edu.)

⁵ Waldron P. *Op. cit.* P. 26.

⁶ Kollmann N. S. *Op.cit.* P. 39. Italics are mine. (E. S.).

⁷ Henshall N. *The Myth of Absolutism*. – London; New York, 1992. P. 11.

⁸ Gerhard D. Regionalism and Corporate Order as a Basic Theme of European History // Anderson M. S. (ed.), *Studies in Diplomatic History: Essays in Memory of David Bayne Horn*. – New York, 1970. P. 168.

which developed its institutions «alongside the old corporate order»¹.

The lack of estates and corporations in Muscovy had a profound impact on the nature of society and the type of state-building: Muscovy was neither a corporate order state nor a polity of estates. I agree with M. Raeff that Russia failed to develop into a *Ständestaat* which, in the long run, prevented it from evolving into a *Rechtsstaat*. At the same time the Russian political experience confirms W.Ullmann's view that «historically conditioned ideas cannot successfully be transplanted onto soil which was not fertilized by the former development»². These abovementioned factors explain the failed attempt to curb autocracy in 1730.

Following the Swedish model, a higher circle of the Russian elite wanted to impose serious limitations on the new ruler, Empress Anne in 1730 which would have given the most important rights to a council in state affairs.

The short document she had to sign even had an unprecedented security clause at its end, allowing for the right of resistance: «If I fail to keep my promise I shall be deprived of the Russian Crown»³. But when it had turned out that this limitation of autocratic power was not supported by the bulk of the nobility, Anne simply tore up the document and issued a decree restoring autocratic power.

I cannot evade a comparison with Emperor Joseph II (1780–1790) who refused to be crowned King of Hungary for in this case he should have taken the coronation oath to preserve the liberties of Hungary which, in turn, would have limited him in his reform of the state. Though this move earned Joseph the nickname, the «King with the Hat», and he is still known as such in Hungary, the contrasting attitude is striking as to the observance of law.

THE IDEOLOGY OF THE RUSSIAN EXTREME RIGHT AT THE BEGINNING OF THE CENTURY – BASED ON THE POLITICAL PROGRAMME OF THE MOST IMPORTANT BLACK HUNDRED ORGANIZATION, THE RUSSIAN PEOPLE'S UNION

The intellectual antecedents of the Russian extreme right go back to Slavophilic political conservatism and, during the XIX century, it comprehended traditions of anarchism and noble counter-terrorism raised to state level. It integrated the «Neoslavophilic» ideological system of the end of the century, characterized by the names of Pobedonoscev, Katkov and Gringmut. It derived elements from mysticism, which was fashionable at that time. Out of Western origins, one may primarily stress French and German thinkers preaching racial

separation. This essay makes an attempt at presenting the most important elements of radical political conservatism by analysing the famous *Ustav*, the fundamental declaration of the Russian People's Union – a Black Hundred mass organization.

The RPU was founded in Sankt-Peterburg (St. Petersburg) at the end of October 1905 and the fundamental rules were laid down and the first sitting was held on 8th November⁴. Founders included: Purishkevich

¹ Gerhard D. *Old Europe. A Study of Continuity 1000–1800.* – New York; London, 1981. P. 132.

² Ullmann W. *Medieval Political Thought.* – London, 1975.

³ Anisimov E. *Rossiya bez Petra.* – St. Petersburg, 1994. С. 181.

⁴ Писаренко И. *Монархические партии и организации дореволюционной России.* – Калуга, 1995. С. 87.

from Bessarabia – a member of the lower nobility and a state official of the Home Office, Dubrovin – a former army surgeon and a doctor from St. Petersburg working for rich Jewish families, Baranov – one of the richest fishmongers, and lawyer Trishatni. Their first public debut was held on 20th November in the Mikhailov Manège and the first issue of their newspaper «Russkoie Znamia» was published on 28th November¹.

The RPU, as the most important Black Hundred organization, from the moment of its foundation, laid emphasis on its historical roots in order to give identity to the party. These roots go back to the medieval traditions of the time of the «smuta», when people rose to save the country and the Russian state from the Polish usurpers. Therefore, it was always accentuated by the leaders that the idea of Black Hundreds really meant Russian people of lowly origin. They regarded themselves as a party of the true Russians or patriots. Although they had all symbols of a party, they denied being a political party (in the traditional meaning of this word) and thought that they were the «union of all true Russians». Membership in the Union, in the eyes of the extreme right, was not a question of free choice but a duty for each loyal dependant. Membership in any other party, including even octobrists, – in their opinion – was a crime against the state. In spite of this, they were forced to follow the tsar's proclamation of 17th October, which allowed the organization of parties. The founders spoke about the foundation of the Union in the following way: «The fight was started by two doctors, six traders, two or three old women writers and other simple Russian men – workers, shopkeepers, citizens and peasants – and so on»². At the time of the bringing into existence of the organization, the participation of intellectuals came up as a serious problem. Although they generally took a position against the government, it was not more than simple criticism or a

friendly expression of opinion. Even taking a public stand in the press was a curiosity. But the RPU could count on the conservative intelligentsia, which organized the Russian Gathering, the first Black Hundred chapter at the turn of the century. This way they turned frankly against the cosmopolitanism of other intellectuals, the principles of West-European social thinking and several socialistic theories.

The Programme of the RPU was elaborated in November 1905 and it fundamentally followed the draft plan of the Russian Gathering of 1901³. The detailed programme «Osnovopolozhenie» («Fundamentals») was issued in January 1906, which contained the electoral principles of the Union⁴. But in the leaders' opinion the programme was not successful and they prepared a new draft registered on 7th August 1906 and passed on 2nd September by the congress of the Union's section delegates. It was a significant re-evaluation of purposes and tasks⁵. Finally, the resolution of the Fourth Monarchist Congress sitting between 26th April and 1st May 1907 was adopted. This document was a political manifesto for all monarchist organizations⁶. From the beginning both fundamental documents stressed the importance of the coalition of extreme right organizations. Soon after their formation, the «Society of Church Flag- Keepers», the «Society of Active Fight against Revolution and Anarchy», the «Union of the White Flag» etc. merged into the RPU⁷.

³ The first variant of the Ustav in respect of ideology and structure was strongly influenced by the ideas of the Russian Gathering. It took over 7 of the 14 most important points of the programme of the RG. Of course this also expressed the idea that extreme right organizations had to follow the same political aims. For comparison of the two programmes, see: Программы политических партий России. – М., 1905. С. 420–424, С. 440–454.

⁴ Устав и Основоположение Союза Русского народа. – М., 1906; Черновский А. Союз Русского народа: по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. 1917 г. – М.; Ленинград, 1929. С. 413.

⁵ Черновский А. Союз Русского народа: по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. 1917 г. – М.; Ленинград, 1929. С. 413.

⁶ Там же. С. 414.

⁷ Политическая история России в партиях и лицах. – М., 1993. С. 131.

¹ Писаренко И. Монархические партии и организации дореволюционной России. – Калуга, 1995. С. 87.

² Политическая история России в партиях и лицах. – М., 1993. С. 130.

*Political programme*¹. The nationality question was the most important problem for the RPU as well as for all other extreme right programmes. In the Russian Empire ethnical conflicts arose from time to time and this led to the formation of nationalist parties in certain territories of the country. At the same time the separatism of the outskirts incited reactions from majority inhabitants². And because Russian liberal and democratic parties did not take charge of the representation of Russian nationalism, Black Hundreds – recognizing the possibilities – entered the political vacuum. The political conception of the ultraconservatives was imperialistic and xenophobe. Russians comprised less than 50 % of the inhabitants at the end of XIX century, besides, the development and coming to consciousness of the regions resulted in a new situation during the capitalistic development. Russian people grown up on the ideas of a centralized, unified empire did not know what to make of the new processes. They interpreted fight for self-determination simply as rebellion and they considered the parties supporting it as traitorous. In this way, requests to save Russian people against the danger of aliens could produce serious echoes. Besides this, there was a contradiction, namely, that the standard of living in the nationality territories was in many cases higher than the standard of living of the ruling nation. Purishkevich, as a member of the zemstvo-council in Akkerman (in Bessarabia) and later the president of the RPU, said: «The masses of aliens settled here make up a closed block, separated from the Russian inhabitants living on the outskirts, whose economic rise should have been served by the settlement»³. Antipathy to aliens is an immanent feature deeply rooted in Russian history. Big reforms required a lot of sacrifice, which was always attributed to external factors. This mistrust and hostility

¹ Программы политических партий России. – М., 1905. С. 440–445.

² About foundation of the national political parties: История национальных политических партий в России / под ред. А. И. Зевелева, В. В. Шелохаева. – М., 1997.

³ Политическая история России в партиях и лицах. – М., 1993. С. 322.

toward otherness joined the peasantry with the intelligentsia of Slavophilic thinking and culture.

Strangely enough, Black Hundreds remained careful in their foreign policy. They did not stand up in support of hegemony on the Balkans or Panslavic ideas, because they saw clearly that a war-conflict would lead to a new revolutionary situation. Moreover, they did not want a new mass of aliens, foreign languages and foreign religions in the Russian Empire. They protected the supremacy of the ruling Slavic nation and the supremacy of the orthodox religion. So in foreign affairs their home policy of radicalism was combined with temperateness, which was strange only at first sight. The substance of their state theory was dominated by the idea of a «unified and indivisible Russian state», in the programme they wrote about «lands conquered through the ancestors blood» and they made unmistakably clear that «Russia is for the Russians»⁴.

Under the Slavophilic influence the state appeared in their political conception as a unified organism with collective purposes and wishes, from which foreign matters and disease must be excised. The Fundamentals was opposed to any change in the form of government in a constitutional or parliamentary direction. This they contrasted with the ancestral traditions of Russian coexistence and took a stand for convening the Zemski Sobor (National Assembly). This point lost its practical importance during the time of elections for the Duma in 1906. On the other hand, Black Hundreds emphasized that they did not regard the State Duma and State Council as parliamentary institutions.

The first clause of the programme emphasized that «the Russian People's Union resolutely aims to strengthen Russian national consciousness and unite Russians of all ranks in collective work for the benefit of our dear country, the only and indivisible Russia»⁵. Setting out from this theory, they

⁴ Программы политических партий России. – М., 1905. С. 444.

⁵ Осетров В. Черная сотня и красная сотня. – М., 1991. С.41; Черновский А. Союз Русского народа: по материалам Чрезвычайной следственной

considered Byelorussians and Ukrainians as integral parts of the Russian nation, in spite of the cultural and linguistic differences. In consequence of this, they were considered to be entitled to the same rights as the ruling nation. They interpreted their languages as Russian dialects and their cultures as Russian culture with some local peculiarities¹. They disregarded Ukrainian separatist aspirations, and they even took it for certain that the Black Hundred propaganda in the nationality territories would be crowned with success. They formulated the Russian inhabitants' claim to complex economic and political privileges. Such exclusive rights included: settling on the peripheries of the Empire, acquisition of the right of lease of lands owned by the Treasury, the right of monopoly to exploit natural resources in the Caucasus, Poland, Finland, the Baltic states and Central Asia. Besides, they demanded the exclusive right for Russians to undertake governmental posts – especially teacher's and lawyer's positions – moreover to conduct entrepreneurial activity. Russians on the periphery must have prerogatives. Members of the extreme right divided non-Russian nationalities into friendly and unfriendly peoples, based on their participation in national and revolutionary movements. In spite of this, in the electoral programme passed in September 1906 they gave up the claim to privileges for Russians and laid stress on ensuring the same rights for every people in the Empire, with the exception of the Jews. The reality pressed them to change their postulates continuously. They were forced to correct the designation «true Russian», which turned out to denote a political conviction instead of a nationality. Those who disagreed with their programme were called by them as «persons of Jewish-like manner».

It was established in their programme that only the Russians should have a right to

комиссии Временного правительства. 1917 г. – М.; Ленинград, 1929. С. 411.

¹ Черновский А. Союз Русского народа: по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. 1917 г. – М.; Ленинград, 1929. С. 412.

participate in building, operating and running the state. The system of government shall be solely Russian and Pravoslavlic. The Russian language and the Pravoslavlic religion shall be obligatory for each dependant, education and schools must be based on (Russian) national principles². They wanted to subject primary level education entirely to control by the clergy. Similarly, the teaching staff also had to be Russian and Pravoslavlic, teachers' training colleges had to be built solely in the heart of the country in Moscow and not in the «cosmopolitan Sankt-Peterburg». The Black Hundred cast of mind – continuing the Slavophilic traditions, according to which Peter the First was the Satan – regarded the tsar as the originator of all trouble, in their opinion he destroyed unity and the integral organizations of Russian society. Thus, they looked upon Sankt-Peterburg, which was founded by him – and which was rather western in comparison with Moscow – as the cosmopolitan birthplace of anti-state theories and movements. In Russia – in contrast with modern colonial empires – there was not a big difference between the outskirts and the main country. The Union strove after this artificially by laying down privileges for the ruling nation. They extended the autochthonous Russian territories to Ukrainian and Belorussian lands, the Holmsk governorship, the Caucasus, Central Povolzie, the Baltic countries (and Poland), Central Asia and territories beyond the Caucasus.

The programme contained elements of state security connected with the suppression of revolutions and rebellions. Among others, the Union demanded the immediate dissolution of the Duma, the putting down of revolutionary and national liberation movements and the elaboration of a new electoral law without delay. Apart from keeping the various state institutions and offices under strict control by generals and governors vested with full powers, they declared a state of siege in certain provinces, introduced martial law and passed a bill that made revolutionary activity a criminal act.

The political platform of the RPU theoretically involved respect for other

² Ibid.

nations, customs and cultures. They treated especially ancient colonists living inside the country as equals (above all they alluded to the Germans along the Volga). They adopted the principle «Divide et impera!» saying that the solution of nationality problems depends on the extent of support for Russian people and Russia. The patriots imagined the state as a besieged fortress. In the first draft of the programme it was declared that the Russians must be on the alert for such dependants as Finns, Armenians, Poles, and Latvians etc.

The question of the Jews was especially serious, and the RPU was the only party speaking about anti-Semitism openly. Even in a proclamation of November 1905 they underlined, that if the Jews – making the best of the opportunity created by the manifesto of 17 October – were allowed to participate in the first State Duma, this would pose a danger for the Russians. This way, the Jews would be given the possibility to show their spiteful attitude toward the Russians and to support revolutionary movements openly¹. In their opinion the Jews have demonstrated their difference from other nations and this was based on religious, political and economic motives. History did not only prove that they were God's chosen people, but also that they had been cursed². Even before getting in touch with the Jews, Eastern Christianity had formed a sarcastic opinion of them and firmly believed that the Jews were ardent opponents of Christianity³. About half of the European Jews arrived in the territories of the Russian Empire after the partitioning of the «Pospolita Rech» (the Polish State)⁴. Their total number amounted to 5% of the entire population, but they represented a significant proportion in the financial-commercial sphere. This proportion doubled every 10 years. The Jews constituted a successful element of Russian

¹ Правые партии. Документы и материалы 1905–1910. – М., 1998. С. 81.

² Политическая история России в партиях и лицах. – М., 1993. С. 135.

³ Черновский А. Союз Русского народа: по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. 1917 г. – М.; Ленинград, 1929. С. 247.

⁴ Gilbert M. Zsidó történelmi atlasz (Jewish historical atlas). – Budapest, 1991. P. 71.

capitalism⁵. Their usurious transactions and their connections with acquaintances living beyond the borders heightened mistrust of them. This picture characterized the settling zone above all, outside this zone the Jews were artificially driven back by restrictive laws during the XIX century⁶.

The RPU dealt with the Jewish question in detail in various programmes and documents. It was in them that anti-Semitic elements and principles of a real anti-Semitic creed were formulated, which have often been referred to by members of the extreme right. They stressed that the Jews lived in an ethnical community with the aim of achieving world dominance. The revolution was due solely to the Jews and it was assisted by them financially. The Union wanted to restrict the constitutional rights of the Jews, e. g. maintaining the settling zone or qualifying them as foreigners, but without the rights due to foreigners. In their programme they promised to deprive the Jews of all public and civil rights and economical privileges⁷. They demanded prohibiting the Jews from going to the same school as Christian children, and at the same time, prohibiting the foundation of schools of their own. The ultimate intention was to force them to emigrate. They backed Zionism on the understanding that it promoted the Jewish inhabitants' migration to Palestine and the foundation of their own state there without any donations from the Russians⁸. However, all this did not lead to establishing and maintaining relations with Zionistic organizations. The electoral programme of the Union⁹ drawn up before the third Duma elections – and going beyond the original programme – turned into an anti-Semitic

⁵ Юхинова Н. Евреи Петербурга и губернии – этнографическое исследование. – Ленинград, 1989. С. 23–24.

⁶ Bebesi Gy. A pétervári zsidók (The Jews in Peterburg). In: A zsidók Oroszországban (Jews in Russia). Ruzsisztikai könyvek. – Budapest, 1995. P. 27.

⁷ Левицкий В. Правые партии. – СПб., 1914. С. 423.

⁸ Политическая партия России (первая четверть XX в.). Справочник. – Брянск, 1993. С. 17.

⁹ Накануне (Политическая партия перед 3-й Думой). – Харьков, 1907.

manifesto and contained grave threats. They wrote: «Russian people could thwart the wicked wishes of the Jews in a day». Black Hundreds proposed further restriction of their rights. They demanded «strict surveillance» of the Jewish provinces, a total embargo on their university level education, depriving them of their suffrage, prohibiting them from working as doctors, lawyers or journalists. Pecuniary and social differences had minor importance for them in comparison with the anti-Semitic and anti-nationalistic principles.

Members of the Union thought that the land question should be solved while representing the interests of the nobility, i. e. further distribution of lands or any kind of alienation of demesne lands were unimaginable for them. They wanted to improve the conditions of the peasantry by raising the level of cultivation, developing agricultural techniques, and tilling fields lying fallow at that time and rationalizing tax burdens. They expected a great deal of the renewal of the resettling policy to Siberia. They had plans to sell state land, to provide agricultural loans, and they considered possible even the dissolution of the Obshina. Of course, all this served to prevent the need for the expropriation of noblemen's estates. In their documents reflecting their ideological position they declared that the life of the Russian people was interwoven with the Church, therefore, they had the sole right to preach. By this thesis the extreme right took a stand for the ruling position of the Church, because they saw – rightly – a steady pillar of power in the clergy. Therefore, Catholicism as the religion of the marginal territories carried more danger for them than the faith of the loyal Muslim inhabitants.

As a result of the monarchist mentality the Union found partners among the conservatives, nationalists and even moderate liberals in the Duma. The criterion for political alliance was the acknowledgement of absolute autocracy – so the range of parties extended to the Octobrists. But the Black Hundreds did not accept the legislative rights of the Duma. They set out from the proposition that the manifesto of 17th October did not mean the giving up of autocracy, nor did it

change it fundamentally. They emphasized that the monarch – having absolute power – is responsible only to God but not to his dependants. In the Fundamentals they also stressed that «although tsars ruling from the time of Peter the First called themselves autocrats; this was not Russian-Pravoslavnic autocracy but rather similar to the power-system of West-European absolutisms»¹. This conviction was spread all over the country in their leaflet of 11th November 1905². Parallel to preserving the monarchist system, they criticized bureaucracy in a biting tone; they were loath to call autocracy absolutism, because it was considered too western. Modern bureaucracy was interpreted by them as having been introduced by Peter I and foreign to Russian nature. They professed the Slavophilic view about the unity of the tsar and the people having been torn apart by Peter I, the restoration of which they thought timely after the 200 years that had passed from his time. Although they voiced that the *druzhins*, *dumas* of Boyars and popular assemblies supported the tsar, however, their teachings were atavistic, because they did not harmonize them with contemporary conditions.

Black Hundreds considered it necessary to guard the long established order, at the same time, their programme also contained capitalistic elements. For example, they regarded private property as sacred and inviolable and they recognized the freedom of enterprise. The programme essentially reflected a slowed-down capitalistic model. They gave the bourgeoisie the possibility to rise economically, while insisting on the political importance of the nobility. In accordance with their national and anti-Semitic cast of mind they promised help to the Russian bourgeoisie in their struggle against foreign entrepreneurs, including cheap loans and other protectionist measures. They preferred providing support to home banks as opposed to «Jewish banks».

Their standpoint in the workers' question included the intention to regulate conditions

¹ Программы политическх партий России. – М., 1905. С.576; Программы политическх партий России. – М., 1905. С. 441.

² ГАРФ. Ф. 1741. Д. 13409.

of work and shorten working hours¹. In this respect, they had in mind the improvement of working conditions, and the introduction of certain elements of accident and social insurance. They spoke about the problem of the Cossacks as being connected with the workers' question. As a solution they proposed that the government should provide them special financial assistance and grant them priority when filling police and other state positions². Their programme also stipulated that the All-Russian Bank must extend credit to the workers' sections and societies³.

The aforesaid programme and its conceptions about society, economy, nationalities, state institutions, power etc. summarize and crown the development of Russian conservatism from the 1830s, or rather present a more radical variant appearing at the time of the first revolution. Political elements of the extreme right's thinking were preserved until the second revolution, during the civil war they supplied the ideology of the white guards and they were present in the Russian emigration between the two world wars. After the fall of the Soviet Union, in today's Russia, this thinking is a reviving, sharp political trend in spite of having only 5% support. We can interpret it as a historical resultant of ideological traditions deeply rooted in Russian society.

SUMMARY

The intellectual antecedents of the Russian extreme right go back to Slavophilic political conservatism and, passing through

the XIX century, it comprehended traditions of anarchism and noble counter-terrorism raised to the state level. It integrated the «neo-Slavophilic» ideological system of the end of the century, characterized by the names of Pobedonoscev, Katkov and Gringmut. It derived elements from mysticism, which was fashionable at that time. Moreover, out of Western origins, one may stress French and German thinkers preaching racial separation in the first place.

This essay makes an attempt at presenting the most important elements of radical political conservatism by analysing the famous Ustav, the fundamental declaration of the Russian People's Union – a Black Hundred mass organization.

The aforesaid programme and its conceptions about society, economy, nationalities, state institutions, power etc. summarize and crown the development of Russian conservatism from the 1830s, or rather present a more radical variant appearing at the time of the first revolution. Political elements of the extreme right's thinking were preserved until the second revolution, during the civil war they supplied the ideology of the white guards and they were present in the Russian emigration between the two world wars. After the fall of the Soviet Union, in today's Russia, this thinking is a reviving, sharp political trend in spite of having only 5% support. We can interpret it as a historical resultant of ideological traditions deeply rooted in Russian society.

¹ In this respect the programme contrasted with the programme of the Russian Persons' Union which had an aristocratic character. It contained detailed economic arguments for the necessity of long working-hours. But the RPU could turn into a mass party only by giving hope to every stratum of the society: Правые партии. Документы и материалы 1905–1910. – М., 1998. С. 86, 87, 88.

² We must mention that, according to our present knowledge, worker members made up 0,5–2 % of Black Hundred organizations. See: Королева Н. Помещичьи-монархические организации в 1905–1907 гг. Образование, структура, тактика // Не-пролетарские партии России. Урок истории. – М., 1989. С. 103.

³ Спирин Л. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. – М., 1977. С. 161.

Раздел III ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-ВЕНГЕРСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

М. К. Юрасов

(Институт российской истории РАН)

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В КАРПАТСКОЙ КОТЛОВИНЕ ДО И ПОСЛЕ ОСВОЕНИЯ ЭТОГО РЕГИОНА ВЕНГРАМИ

Мнение о том, что западные пределы расселения восточного славянства распространялись и на земли внутри «подковы», образуемой цепью Карпатских гор, прямо или косвенно высказывались еще в Средние века западнославянскими книжниками. Кроме того, есть сведения, позволяющие предположить проживание древних русов в Центральной Европе, и в некоторых документальных источниках того времени. В настоящей статье рассматриваются только свидетельства, гипотетически касающиеся т. н. Подкарпатской Руси (бассейн Верхней Тисы и прилегающие территории) – исторической области, где проживает основная масса современных русинов, которые по своему языку являются восточными славянами.

Составитель рифмованной (т. н. Болеславской) хроники, которого принято называть Далимилом (Мезиржицким), живший во второй половине XIII – начале XIV в. пишет о первоучителе славян св. Мефодии: «Тот архиепископ русин был, мессы славянские служил». Другой хронист – Пшибик из Раденина (Траденина), прозванный Пулкавой (ум. в 1380 г.), в своей «Чешской хронике» перечисляет народности, подвластные великоморавскому князю Сватоплуку I (870–894 гг.), среди которых оказываются и *Russani*¹. Скорее всего, вследствие использования чешских источников в Хронографе западнорусской редакции, созданном во второй полови-

не XVI в., появился небольшой рассказ о том, как тот же Сватоплук приблизил к себе русского боярина, которого он – как христианина – поставил в пример своему брату-язычнику Борживою, а потом удостоил чести стать своим кумом².

Безусловно, все приведенные свидетельства содержатся только в поздних источниках, что вызывает сомнения исследователей в их подлинности. Однако, полностью игнорируя их, специалисты не утруждают себя ответом на вопрос: зачем чешские книжники классического Средневековья вообще упоминали о русах, проживавших на землях Великоморавского княжества, подчеркивая при этом их важную роль в распространении христианства среди западных славян? Можно понять известного далматинского историка Мавро Орбини (ум. в 1611 г.), жившего в то время, когда в Восточной Европе уже существовала могущественная «Московия» – одно из двух сильнейших славянских государств (наряду с Речью Посполитой). В то время когда славянские народы зарубежной Европы, за исключением поляков, находились под гнетом Австрийской или Османской империи, Русское государство являлось для таких народов символом славянской силы, оно вселяло в них надежды на то, что когда-нибудь их братья – потомки древних русов – помогут освободиться славянам, страдающим от чужеземной власти.

Что же касается эпохи, когда создавали свои труды Далимил и Пшибик Пул-

¹ Dalimil. Kronyka Boleslawská // Magnae Moraviae fontes historici. T. I. – Praha; Brno. 1966. P. 274; Pribislav Pulkava de Radenin. Chronica Bohemorum // Fontes rerum Bohemicarum. T. V. – Praha, 1893. P. 15.

² Полное собрание русских летописей. Т. XXII. Ч. 2. С. 255–256.

кава, то раздробленные на огромное количество уделов русские земли сами находились тогда под властью Литвы и Золотой Орды и никак не могли вызывать в славянском мире такого же чувства гордости за родственный народ, какое проявлялось у некоторых западно- и южнославянских книжников и писателей в раннее Новое время и в эпоху Просвещения. Исходя из этого напрашивается вывод о том, что названные чешские хронисты и автор источника, использованного в Хронографе западнорусской редакции, имели в виду именно тех восточных славян, которые проживали на землях, подвластных князю Великой Моравии Сватоплуку I. Представляется совершенно фантастическим, что Далимил и Пшибик Пулкава имели в виду распространение власти этого князя по ту сторону Карпат, на территорию Древней Руси. Если бы дело обстояло именно так, чешские хронисты должны были бы рассказать своим читателям о том, когда и как были завоеваны эти земли и когда ушли из-под власти моравских правителей.

Таким образом, в исторической памяти средневековой чешской народности, нашедшей свое отражение в сочинениях Далимила и Пшибика Пулкавы, закрепились представления о том, что русины / руссаны еще в эпоху существования Великой Моравии жили где-то по соседству и сыграли едва ли не решающую роль в приобщении предков чехов к Христовой вере. Безусловно, относиться к ним нужно не как к доказанному историческому факту, а лишь как к элементу национального самосознания, этническому стереотипу. Однако есть и другие свидетельства, содержащиеся в более ранних и, соответственно, более достоверных источниках, которые, согласно установившейся историографической традиции, исследователи либо а priori относят к русам, проживавшим в Восточной Европе, либо (когда это не получается) бездоказательно признают недостоверными, либо оставляют открытым вопрос о том, какие русы / росы / рутены в данном случае имелись в виду. Практически во всех подобных случаях текст источника никоим образом не указывает

на то, что носители приведенных этнонимов проживали в Восточной Европе.

Древнейшее сообщение такого рода содержится в хранящейся в Париже византийской рукописи, получившей условное название *cod. Par. gr. 2303*¹. В этом памятнике XV в. явно процитирован текст, относящийся к концу IX – первой половине X в., на что указывает написание этника «Русь» – Ρῶς (с острым ударением вместо обличенного, которое закрепилось в византийской книжности с эпохи Константина Багрянородного, т. е. с середины X в.). Информация о восточных славянах, содержащаяся в рассматриваемом источнике, предельно лаконична: «в правление Василия Македонянина, в 6390 г., был крещен народ Русь»². Из всех употреблявшихся в Византии систем счета лет лишь сентябрьский 6390 г. падает на время правления Василия I Македонянина (867–886), поэтому время крещения упомянутых в парижском кодексе «росов» – между 1 сентября 881 и 31 августа 882 г.³

Приводимая в хронике, приписываемой Михаилу Апостолису, дата приобщения «северных варваров» к Христовой вере ставит в тупик исследователей, поскольку, во-первых, никак не согласуется с крещением «росов» после их набега на Константинополь 860 г., о котором есть свидетельство в хронике Продолжателя

¹ Текст хроники и пассаж, повествующий о «росах» издан и прокомментирован П. Шрайнером, в т. ч. в работе, переведенной на русский язык. См.: Шрайнер П. *Miscellanea Byzantino-Russica* // Византийский временник. 52 (1991). С. 151–160. См. также: Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 г.: Проблемы источниковедения / отв. ред. Л. В. Столярова. – М., 2003. С. 157–158. По мнению П. В. Кузенкова, большая часть рассматриваемой рукописи написана греческим ученым гуманистом Михаилом Апостолисом, в том числе, возможно, и заметка о росах (Там же. С. 157).

² Шрайнер П. Указ. соч. С. 156.

³ Подробнее об этом см.: Юрасов М. К. Какие «росы» были крещены в год захвата вещим Олегом Киева? // Проблемы славяноведения: сб. научных статей и материалов. Вып. 12. – Брянск, 2010. С. 6–7.

Феофана и в одном из «окружных посланий», составленных константинопольским патриархом Фотием в годы его первого правления (858–867), а во-вторых, совпадает со временем, когда, согласно летописной хронологии, в Киеве произошла смена власти в результате убийства Олегом Аскольда и Дира.

Однако, если предположить, что упомянутый в рассматриваемой хронике «народ Рос» проживал не в Поднепровье, а на землях Карпатской котловины, то как раз в это время (около 881 г.) произошла поездка св. Мефодия из Моравии в Константинополь, описанию которой посвящена глава XIII его Жития¹. Путь первоучителя славян вполне мог пролегать через земли, населенные предками современных русинов, находившиеся если не под властью, то, по крайней мере, под политическим влиянием Великой Моравии, достигшей своего наибольшего территориального расширения в правление Сватоплука I, владения которого распространились до бассейна Верхней Тисы². Представляется, что проживавшие здесь восточные славяне, южными соседями которых были принявшие в 864 / 865 г. христианство болгары, знали об этой религии не понаслышке и под влиянием проповеди Мефодия объявили себя частью христианского мира. Об этом первоучитель славян сообщил по прибытии в Константинополь патриарху (которым вновь, после временного оставления кафедры, был Фотий), и это событие было отмечено в одной из византийских хроник, информацию которой воспроизвел в своем сочинении Михаил Апостолис.

Следующим известием, позволяющим предположить проживание восточных славян до прихода венгров в Карпатскую котловину, является одна из статей т. н. Раффельштеттенского торгового устава, составление которого датируется 904 или 906 гг. Хотя венгры в это время уже начали освоение Среднего Подунавья, описанные

в уставе реалии явно относятся ко времени до обретения ими своей современной родины. А. В. Назаренко считает упоминаемых в рассматриваемом документе «ругов» не только жителями Восточной Европы, но и вдобавок варягами³. Между тем в тексте источника ничего не говорится, ни о Поднепровье, ни о варягах. Там речь идет о славянах, приходящих в Раффельштеттен (городок в Баварской Восточной марке) «от ругов или от богемов»⁴. Ни в коей мере не оспаривая мнение о том, что приходившие на земли будущей Австрии «руги» были жителями Поднепровья, считаю, что нельзя исключать и того, что они могли быть соседями чехов, в связи с чем о них и говорится в одной фразе⁵.

В «Чешской хронике» Козьмы Пражского, написанной в первой четверти XII в., под 967 г. (I, 22) приводится текст буллы римского папы Иоанна XIII о разрешении организовать Пражское епископство и конгрегацию святых дев при церкви святого мученика Юлия. При этом удовлетворивший просьбу чешских христиан папа поставил непременным условием, чтобы для руководства миссионерской деятельностью среди местных язычников был вызван священник «не принадлежащий к обряду или секте болгарского или русского народа, или славянского языка»⁶. Проблема достоверности приведенного Козьмой текста папской буллы до сих пор не решена исследователями. Все попытки объявить ее подложной и даже сочиненной самим хронистом так и не получили всеобщего признания в исторической науке.

Если же допустить распространение восточнославянского населения на зем-

³ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых политических связей IX–XII веков. – М., 2001. С. 32, 82–86.

⁴ Назаренко А. В. Раффельштеттенский таможенный устав // Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. С. 65.

⁵ Подробнее об этом см.: Юрасов М. К. Откуда приходили «руги» в Раффельштеттен на рубеже IX–X вв. // Русин [Кишинев]. 2009. № 4 (18). С. 6–14.

⁶ Козьма Пражский. Чешская хроника. Вступ. статья, пер. и комм. Г. Э. Санчука. – М., 1962. С. 66.

¹ Сказания о начале славянской письменности / отв. ред. В. Д. Королюк. – М., 1981. С. 100.

² См.: Profantová N. Období Velké Moravy // Velké dějiny země Koruny české. Sv. I. Do roku 1197. – Praha, 1999. S. 223 (карта).

ли, граничившие с Чехией на востоке и юго-востоке, то тезис о подложности буллы 967 г., которая якобы была сочинена с целью удревнения даты возникновения Пражского архиепископства, теряет свою главную опору. Вряд ли Иоанн XIII опасался распространения «неправильного» христианства из Киева, где в то время еще господствовало язычество и существовала весьма небольшая группа христиан во главе с княгиней Ольгой. В папской булле подчеркивается неприемлемость отправления обрядов на русском, болгарском и славянском языках (под последним, видимо, имеется в виду чешский), следовательно, практиковавшие их христиане проживали либо в самой Чехии, либо в пограничных с ней землях. Если сопоставить рассматриваемый пассаж буллы Иоанна XIII со свидетельством ранней византийской хроники, приводимым в сочинении Михаила Апостолиса, то источник опасности для папской курии, требовавшей использования в богослужении исключительно латинского языка (о чем идет речь дальше в рассматриваемой булле), видится вполне реальным. На большую вероятность локализации христиан, составлявших «секту русского народа», в бассейне Верхней Тисы и на прилегающих территориях намекает и упоминание в одной «связке» с ними «болгарской секты». Как известно, северные пределы Болгарии, принявшей христианство из Византии, до прихода венгров в Среднее Подунавье достигали верхнего течения Тисы.

Европейские хронисты XI в. неоднократно упоминают загадочную «Руссию», которая явно или предположительно является частью тогдашней Венгрии. Первое по времени упоминание такого рода содержится во французском средневековом источнике – «Хронике» Адемара Шабаннского (ум. в 1034 г.), но не в первоначальном ее варианте, а в т. н. редакции С, созданной в XII в. Здесь в отрывке, посвященном итогам миссионерской деятельности св. Бруно Кверфуртского (ум. в 1009 г.), отмечается, что после крещения им Белой и Черной Венгрии, а также пограничных с ней территорий, Бруно «обратил к

вере другую область Венгрии, которая называется Русью». Попытка А. В. Назаренко представить эту фразу как результат ошибки переписчика, пропустившего постфикс *-que* (соответствующий союзу *et* – «и») представляется малоубедительной, поскольку исследователь остается в рамках чисто филологического анализа¹, оставляя без внимания другие известия о «венгерской Руси», о которых речь пойдет ниже.

Если, опять же, допустить, что речь в данном случае идет о бассейне Верхней Тисы, территория которого долгое время не входила в состав освоенных в административном отношении владений Арпадов (тех, где были созданы королевские замковые округа), оставаясь в статусе пограничной области (марки), то становится вполне объяснимым то, что в Хронике Адемара Шабаннского «провинция Русь» названа «другой областью Венгрии». Кстати, исторические предания русинского народа сохранили память о том, как «немецкие попы» пытались силой перекрестить тогдашних русинов в «правильную» веру².

В 1016 г. сыновья английского короля Эдмунда Железнобокого вынуждены были покинуть родину, боясь расправы над ними Кнута Великого – создателя огромной державы, включавшей в себя Данию, Англию и Норвегию. Сообщающие об этом событии хроники Флоренция Вустерского (ум. в 1118 г.), Жеффрея Гаймара (первой половине XII в.), Роджера из Ховедена (ум. в 1201 г.), т. н. «Законы Эдуарда Исповедника», составленные при Вильгельме I Завоевателе (ок. 1070 г.) и другие английские средневековые сочинения, а также Адам Бременский (первой половине XII в.) в своей «Хронике гамбургских епископов»³ называют в качестве регио-

¹ Adémar de Chabannes. Chronique / ed. J. Chavanon. Paris, 1897 [Collection de textes. T. 20]. P. 153; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 343.

² Духнович Александр. Истинная история карпато-россов или угорских русинов / подг. к печати Ф. Ф. Аристов // Русский Архив. 1914. № 4. С. 547–548.

³ См.: Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв.: тексты, пер., ком. – М.,

на, где нашли убежище принцы Эдуард и Эдмунд, то Русь, то Венгрию. Безусловно, о пребывании принцев на Руси не может быть и речи, поскольку в источниках нет даже намеков на этот счет, в то время как достоверно известно об их нахождении в Венгрии. Путаница в месте убежища сыновей Эдмунда Железнобокого, скорее всего, связана с тем, что принцы пребывали не в собственно Венгрии, разделенной на королевские замковые округа, а в той самой «провинции Руссии» – пограничной области (марке), которую обратил в христианство западного обряда св. Бруно Кверфуртский. Ее труднодоступность и малонаселенность были лучшей гарантией безопасности для изгнанников, опасавшихся происков Кнута Великого.

Следующее упоминание «провинции Руссии», которое также никак не соотносится с фактами, изложенными в наших летописях, содержится в написанной Випоном (сер. XI в.) биографии германского императора Конрада II (1024–1039 гг.). Здесь дважды (в гл. X и XXIX) упоминается о том, что польский князь Мешко II (1025–1031 гг., 1032–1034 гг.) изгнал своего брата Оттона в «провинцию Руссию». В первом случае Випон пишет об этом в рассказе о событиях, происшедших в 1025 г., во втором случае – в контексте событий 1032 г.¹ Специалисты по истории внешней политики Древней Руси (В. Д. Королюк, В. Т. Пашуто, А. В. Назаренко) считают, что в данном случае Випон косвенно свидетельствует о том, что между Германией и Русью в то время существовали союзнические отношения, поскольку Конрад II активно поддерживал Оттона, которому удалось временно отнять у брата поль-

ский престол (1031–1032 гг.), а Ярослав Мудрый, по свидетельству «Повести временных лет», как раз в 1030 и 1031 гг. совершал походы на юго-восточные окраины Польши.

Однако исследователи почему-то не обратили должного внимания на слово *miserabiliter* (лат. «жалким, несчастным образом»), которое Випон употребляет, характеризуя в целом проживание Оттона в этой самой «Руссии». Вот как описывает биограф императора пребывание Оттона в изгнании в главе XXIX своего сочинения: «...Мешко, преследовавший своего брата Оттона, изгнал его в Руссию. Когда тот несчастливо пожил там некоторое время, он начал просить милости у императора Конрада, чтобы по его личной просьбе и поддержке он был возвращен на свою родину»². Это описание никак не подтверждает не только наличие союзнических отношений между Русью и Германией, но и вообще какие-либо контакты ставленника германского императора с русскими князьями, однако вполне соответствует реалиям труднодоступной окраины Венгерского королевства, «Русской марки», малочисленное население которой несло пограничную службу³.

О существовании русской области на территории Венгрии в XI в. свидетельствует также Регенсбургская хроника императоров, написанная между 1136 и 1147 гг. Здесь при описании событий 1044 г. сообщается, что потерявший венгерский престол шурина Иштвана I Святого Шамуэл Аба (1041–1044) бежал с женой и детьми *"ze den Riuzen"*. По мнению А. В. Назаренко, взятую в кавычки фразу следует переводить «на Русь»⁵, однако подобное

² Ibid. P. 48.

³ Подробнее об этом см.: Юрасов М. К. Существовал ли антипольский русско-германский союз после смерти Болеслава I Храброго? // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы: материалы Межгос. научн. конференции. – Брянск, 2010. С. 428–432.

⁴ Kaiserchronik eines Regensburger Geistlichen / Ed. E. Schröder // Monumenta Germaniae Historica, scriptores, qui vernacula lingua usi sunt (Deutsche Chroniken). T. I. Pars 1. – Hannover, 1892. P. 378.

⁵ Назаренко А. В. Об одном эпизоде венгерской политики Ярослава Мудрого // Норна у источника

1979. С. 38, 58; Florentii Wigornensis chronicon ad adventu Hengesti et Horsi in Britanniam usque ad annum MCXVII / ed. V. Thorpe. Vol. I. – London, 1848. a. 1017. P. 181; Adam von Bremen. Hamburgische Kirchengeschichte / ed. V. Schmeider. – Hannover; Leipzig, 1917 [Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi (далее: MGH SS rer. Germ.). T. 2]. P. 114.

¹ Wiponis Vita Chuonradi II imperatoris // Die Werke Wipos / Hg. H. Bresslau. – Hannover; Leipzig, 1915 [MGH SS rer. Germ. T. 61]. P. 32, 48.

толкование свидетельства источника не является единственно возможным.

Обращают на себя внимание, во-первых, предлог *ze*, который в значительно большей степени соответствует русскому *к*, чем *на* или *в* (в ответе на вопрос «куда?»), а во-вторых, употребление определенного артикля множественного числа *den* перед именем собственным *Riuzen* наталкивает на мысль о том, что здесь, скорее всего, имеется в виду не *Русь*, а *русские*. По моему мнению, рассматриваемое выражение следует понимать как свидетельство того, что Шамуэл Аба бежал «к русским». Данное уточнение делает весьма вероятным предположение о том, что разгромленный немецкими рыцарями венгерский король бежал не в днепровскую Русь, где он не имел шансов найти военную помощь, поскольку в Киеве в то время находился принц Эндре (будущий король Эндре I) – зять Ярослава Мудрого, а в ту же «провинцию Русию» или «Русскую марку», находившуюся на русско-венгерском пограничье.

Род Аба, откуда происходил свергнутый венгерский король, издревле возглавлял каваров, предки которых еще в середине IX в. отпали от хазар и присоединились к союзу «Семи мадьяр», и владел землями в нынешней Восточной Словакии. Предки современных подкарпатских русинов были непосредственными соседями подвластного Аба населения, и не исключено, что по причине своей малочисленности и административной неосвоенности их области (первые королевские замковые округа возникли здесь в последней трети XI в.) они примыкали к каварам и считали род Аба своими покровителями.

Автор известного средневекового рыцарского романа «Деяния венгров», подписавший свое сочинение «магистр П.», вследствие чего фигурирующий в исторических исследованиях под именем Анонима или Венгерского Анонима, рассказывает о том, что русская жена короля Эндре I (1046–1060 гг.) предпочитала жить в одном из замков, который ее муж выкупил у по-

Судьбы: сборник статей в честь Е. А. Мельниковой. – М., 2001. С. 278.

томков храброго воина Кетеля¹. Правда, при этом Аноним перепутал два предания, касающихся населенных пунктов с похожим названием, в результате чего у него получилось, что дочь Ярослава Мудрого Анастасия стремилась обезопасить себя от возможного нападения германского императора Генриха III (1039–1056 гг.), укрывшись в окрестностях Комарома, т. е. недалеко от границы со Священной Римской империей. На самом же деле, как установили венгерские исследователи, Анастасия Ярославна избрала местом своего пребывания Шарошпатак в комитате Земплен, находившийся на северо-востоке Венгрии, в бассейне Верхней Тисы².

Д. Лазар объяснял выбор Ярославны не только тем, что названная крепость находилась далеко от германских земель, в противоположной части Венгрии, но и желанием королевы общаться со своими земляками – русскими купцами, проходившими через Шарошпатак по пути в Прагу или дальше в немецкие земли³. Однако вполне возможно, что Анастасия Ярославна сознательно поселилась на земле, где уже давно проживало русское население, появившееся здесь еще до прихода венгров.

Административное освоение северо-восточных окраин Венгерского королевства, населенных восточными славянами, началось в последней трети XI в. По свидетельству Композиции венгерских хроник XIV в. (гл. 134), во время нападения половецкого хана Кутеска на восточные окраины страны в 1075 г. там уже существовали королевские замковые округа (комитаты) Унг и Боршова. Центром первого из них был Унгвар (соврем. Ужгород – центр Закарпатской обл. Украины). По

¹ P. magistri, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum / ed. Ae. Jakubovich // Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / edendo operi praefuit E. Szentpétery. Vol. I. – Budapestini, 1937. P. 55–56.

² Подробнее об этом см.: Юрасов М. К. Географические представления Венгерского Анонима // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Автор и его текст. XV Чтения памяти В. Т. Пашуто: материалы конференции. – М., 2003. С. 283–284.

³ Lázár I. Kiált Patak vára. – Budapest, 1974. 197–198. l.

мнению Д. Кришто, создание этих комитатов было вызвано нападением половцев на Венгрию в 1068 г.¹ Территория Унга и Боршовы охватывала лишь небольшую часть земель, населенных предками современных подкарпатских русинов. Впоследствии, несмотря на то, что ареал их расселения немного уменьшился из-за распространения на восток словаков, в эпоху существования Австро-Венгерской монархии русины составляли большинство населения в семи северо-восточных венгерских комитатах.

«Русская марка» продолжала существовать по крайней мере до конца первой трети XII в., а возможно, и еще несколько десятилетий. Об этом свидетельствует «Житие Конрада, епископа Зальцбургского»², описывая события, датируемые большинством исследователей 1127 г. Этот сюжет достаточно хорошо известен и многократно был в центре внимания историков, поскольку в названном агиографическом сочинении содержится единственное письменное упоминание именно «Русской марки», а не «провинции Руси». Пребывание венгерского короля Иштвана II (1116–1131 гг.) в этой пограничной области, скорее всего, обуславливалось его активным участием в междоусобице наследников перемышльского князя Володаря Ростиславича (ум. в 1125 г.). В самом начале войны между Ростиславом и Владимиром Володаревичами, в 1126 г., Иштван II совершил неожиданное нападение на Польшу, фактически прекратив прежние союзнические отношения с Болеславом III Кривоустым (1102–1138 гг.). Теперь же, находясь в «Русской марке», венгерский король, по всей видимости, хотел помешать польскому князю оказать военную помощь Ростиславу Володаревичу, поскольку сам он поддержал Владимира Володаревича.

Помимо данных письменных источников, которые, как показано выше, со значительно большей степенью вероят-

ности указывают на Подкарпатскую, чем на днепровскую Русь, о возможности распространения восточного славянства уже в эпоху раннего Средневековья на северо-восточные районы Карпатской котловины свидетельствуют также данные археологии, лингвистики и топонимии. Еще в конце XIX – начале XX в. исследователи (Д. Зубрицкий, А. И. Добрянский, Н. И. Барсов, С. М. Середонин) приводили данные топонимии, на основании которых западные пределы расселения восточных славян распространялись на Верхнюю Вислу и Верхнюю Тису³.

На основании материалов, полученных в ходе изучения особенностей диалектов славянского населения, проживающего на востоке современной Словакии и в Закарпатской области Украины, также был сделан вывод о том, что в древности восточные славяне проживали по обе стороны Карпат в районе водораздела бассейнов Верхней Тисы и Днестра⁴. Археологи отмечают однотипность материальной культуры славян Верхнего Поднепровья, Северной Буковины и Украинского Закарпатья в VIII–IX вв.⁵

Главной причиной недоверия исследователей к рассматриваемым в настоящей работе свидетельствам письменных источников, в плане отнесения их к восточным славянам, проживавшим в бассейне Верхней Тисы, является то, что все они содержат упоминания этнонима «русский» в различных модификациях. После выхода в свет книги А. Н. Насонова, в которой

³ Zubrzycki D. O granice między Ruskim i Polskim Narodem w Galicyi. – We Lwowie, 1849; Die Gränzen zwischen der russischen und polnischen Nation in Galizien. – Lemberg, 1849; Добрянский А. И. О западных границах Подкарпатской Руси со времен св. Владимира // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCVIII. – СПб., 1880. март. С. 134–159; Барсов Н. И. Очерки русской исторической географии. – Варшава, 1885. С. 104, 111–112; Середонин С. М. Историческая география. Лекции. – Пг., 1916. С. 147–149, 189–190.

⁴ Лизанец П. Н. Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья. Венгерско-украинские межъязыковые связи. – Будапешт, 1976. С. 49–50.

⁵ Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. – М., 1982 [Археология СССР]. С. 126.

¹ Kristö Gy. A vármegyék kialakulása Magyarországon. – Budapest, 1988. 415. l.

² Vita Chonradi archiepiscopi Salisburgensis / ed. G. H. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. XI. – Hannover, 1854. P. 74.

была сформулирована концепция Русской земли «в узком смысле», т. е. территориально-политического «ядра», вокруг которого впоследствии восточные славяне объединились в Древнерусское государство (земли с центрами в Киеве, Чернигове и Переяславле Южном)¹, в исторической науке постепенно сложились представления о том, что русами в IX в. можно называть, если не варягов (вслед за автором соответствующего пассажа «Повести временных лет»), то только жителей названных областей Древней Руси. Из этого естественным образом вытекает убеждение в том, что все упоминания о русинах / русах / рутенах в различных модификациях, а также о «провинции Руссии» следует либо относить к днепровской Руси, либо объявлять недостоверными.

Между тем А. Н. Насонов не ставил перед собой задачи очертить ареал расселения восточных славян в эпоху складывания Древнерусского государства и не анализировал те данные, которые приведены в настоящей статье. Он на основании свидетельств ранних русских летописей и некоторых других источников локализовал тот «оселок», из которого путем территориального расширения постепенно выросла Древняя Русь. Один из современников А. Н. Насонова – русский эмигрантский историк А. В. Соловьев – также на основании раннего летописного материала сделал вывод о том, что этноним *русь*, *русский* распространялся в конце I тысячелетия н. э. на всех восточных славян².

Вопрос о распространении восточного славянства в раннее Средневековье внутрь Карпатской котловины рассматривался исследователями и в другом ракурсе: на основании утверждения о том, что там жили упоминаемые «Повестью временных лет» *белые хорваты*. При этом высказывалось мнение, что эта этническая группа принадлежала к числу подвластных киевскому князю (т. е. Подкарпатская Русь перед приходом венгров входила в состав Древней Руси), что представляется крайне маловероятным³. Более того, современные исследователи склоняются к мнению, что под белыми хорватами, упоминаемыми Константином Багрянородным в трактате «Об управлении империей» следует понимать одну из этнических групп, проживавших на территории современной Чехии. Именно это обстоятельство не позволяет включать известия о белых хорватах в число возможных свидетельств о восточнославянском населении Подкарпатской Руси в раннее Средневековье.

Таким образом, гипотеза о том, что западные пределы распространения восточных славян – северо-восток Карпатской котловины, представляется вполне правдоподобной. Как показано в настоящей статье, целый ряд известий источников в значительно большей степени соответствует реалиям «Русской марки», чем днепровской Руси, не требуя конъектур и выдвижения дополнительных гипотез, призванных объяснить отсутствие параллельных сведений в русских летописях.

¹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: историко-географическое исследование. – М., 1951. С. 28–46.

² Soloviev A. V. Der Begriff „Russland“ im Mittelalter // Studien zur älteren Geschichte Osteuropas. Teil I. – Graz; Köln, 1956. S. 149–150.

³ Обзор мнений см.: Юрасов М. К. Венгры в Закарпатье. С кем могли контактировать венгерские племена в период «обретения родины»? // *Rossica Antiqua: материалы и исследования* / под ред. А. Ю. Дворниченко и А. В. Майорова. – СПб., 2010. С. 411–416.

А. В. Молнар

МОСКОВСКАЯ КАРЬЕРА ПРОФЕССОРА Ф. КЕРЕСТУРИ (1738–1811 гг.)

России, ставшей в XVIII веке великой державой, были крайне необходимы хорошо образованные специалисты в области здравоохранения. Увеличение числа врачей стало срочным и необходимым из-за создания огромного сухопутного войска и морского флота, а также развития городов и основания первых больниц. Первая школа врачей возникла в Москве уже в 1654 году, за ней следовали военные госпитали в Петербурге и Кронштадте¹. Частые эпидемии, высокая смертность младенцев и уничтожающие болезни заставили Петра I отправить за границу юношей дворянского происхождения для обучения в медицинских учебных учреждениях. Уже во второй половине XVIII столетия в западных государствах получают диплом врача 330 русских студентов, из них 49 – в университетах Италии, 47 – в Лейдене, 43 – в Гёттингене, 34 – в Галле и 25 студентов – в Страсбурге². В зарубежных учреждениях защитили диссертации такие выдающиеся медики своего времени, как М. М. Тереховский, А. М. Шумлянский, Д. С. Самойлович, И. А. Полетика, К. К. Карпинский, И. Л. Данилевский, Н. Г. Квятковский и Н. М. Максимович-Амбодик³.

¹ Чистович Я. История первых медицинских школ в России. – СПб., 1883. С. 15–19.

² Об истории здравоохранения и медицины России XVIII века: Багдасарьян С. М. Очерки истории высшего медицинского образования. – М., 1959; Громбах С. М. Русская медицинская литература XVIII века. – М., 1953; Заблудовский П. И. История медицины. – М., 1953; Михайлов С. С. Медицинская служба русского флота в XVIII веке. – Л., 1957; Ковригина В. А., Сысоева Е. К., Шанский Д. Н. Медицина и здравоохранение. Очерки русской культуры XVIII века / гл. ред. Б. А. Рыбаков. – М., 1988. С. 50–85; Richter W. M. Geschichte der Medizin in Russland. Band I–III. – Moskau, 1813–1819.

³ Невский В. А. Диссертации русских врачей XVIII века // Советская медицина. 1951. № 3. С. 37–38.

Увеличение числа врачей очевидно: если в Российской Империи 1780 года насчитывалось всего 46 докторов, 488 лекарей (не защитивших диссертацию) и 364 подлекарей, то в 1793 году в одном только Петербурге работали 36 докторов, 147 лекарей и 35 подлекарей⁴. Появление исключительно образованных в те времена врачей можно связывать с основанием в 1798 году Петербургской военно-медицинской академии, среди преподавателей которой заслуживает внимания П. А. Загорский, И. Ф. Буш, Ефрем Мухин и немногим позже – Н. И. Пирогов. Это учебное заведение сыграло решающую роль в том, что в 1809 году в России работали уже 2 508 образованных врачей. С 1793 года в Петербурге издается медицинский журнал, который уже чаще печатает материалы о необходимости клинической формы обучения медиков, а также о необходимости современной фармакологии, госпитальной практике, осмотровой палаты, необходимости предупреждения заболеваний. Развитие медицинской науки в России доказывает и тот факт, что если до 1763 года медицинские труды появлялись с частотой раз в десять лет, то за 1771–1780 годы были опубликованы 32 книги, за 1781–1790 годы – 58, а в последнем десятилетии этого столетия было опубликовано 89 книг⁵.

Несмотря на достигнутые значительные результаты, желанными гостями в России оставались зарубежные врачи, прибывающие в «Северную Венецию» с целью воплощения в жизнь своих преимущественно научных планов, быстрого достижения профессиональной карьеры и в надежде более значительного материального признания. Привлекательным было

⁴ Громбах С. М. Указ. соч. С. 11.

⁵ Там же. С. 26.

для них и то, что русские власти разрешили поселение как католиков, так и протестантов, обеспечивая для них благоприятные условия для работы. Были среди них и венгры, по моим подсчетам около 15–20 человек¹, деятельность которых заслуживает внимания потомков².

Венгерская медицинская наука XVIII века относилась к сравнительно развитым, самостоятельным дисциплинам, располагающим давними традициями, несмотря на то что в основанном в 1635 году Надьсомбатском (Трнава) университете до 1769 года не было медицинского факультета³. Поэтому юноши из знати и буржуазии получали медицинское образование за пределами своей родины, но внутри монархии Габсбургов, главным образом в университетах Вены, Граца и Праги. Протестанты (среди них реформаты и евангелисты) были вынуждены обучаться в Голландии (Лейден, Утрехт, Амстердам, Гронинген, Франекер, Хардервийк), в Швейцарии (Базель, Берн, Женева, Цюрих и Санкт-Галлен) и в Германии (Галле, Гёттинген, Марбург, Хейдельберг, Хернборн, Берлин, Эрланген и др.)⁴. Известно,

¹ Список врачей венгерского происхождения, находящихся на службе в России во второй половине XVIII – начале XIX века: Шамуэл Хамбахер, Пал Дьёндьешши, Ференц Керестури, Керестей Пекен, Матьяш Пекен, Янош Орлаи, Дьёрдь Коритары, Ласло Барани, Ференц Добша, Игнац Поянкаи, Антал Черски, Ференц Нилашши, Липот Остеррайхер. См: В. Молнар Л. Венгерские врачи в России (1750–1815 гг.). *Studia Slavica*. 1993. Т. 38. № 3–4. С. 271–309.

² Schultheisz E., Tardy L. Fejezetek az orosz-magyar orvosi kapcsolatok múltjából. – Budapest, 1960. Русское издание: Шультейс Э. Тарди Л. Главы из истории русско-венгерских медицинских связей. – М., 1976.

³ К истории венгерской медицины XVIII века: Demkó K. A magyar orvosi rend története, tekintettel a gyógyászati intézmények fejlődésére Magyarországon a XVIII. század végéig. – Budapest, 1894; Magyary-Kossa Gy. Magyar orvosi emlékek. T. I–IV. – Budapest, 1929–1940; Gortvay Gy. Az újabbkori magyar orvosi művelődés és egészségügy története. T. I. – Budapest, 1953; Győry T. Magyarország orvosi bibliográfiája. – Budapest, 1900; Schultheisz E. Az orvoslás kultúrtörténetéből. – Budapest; Piliscsaba, 1997.

⁴ К истории обучения венгерских студентов в зарубежных университетах: Lukinich I.

что в одном только университете города Галле в первой половине XVIII века получили диплом 60 венгерских студентов⁵.

Дальнейшему развитию венгерской медицинской науки способствовало открытие медицинского факультета Надьсомбатского университета 14 декабря 1769 года, образцом для которого послужил реорганизованный Ван Свитеном медицинский факультет Венского университета⁶. После семилетнего существования этот факультет – со всеми остальными учреждениями университета – переехал сначала в Буду (в 1777 году), позже, во времена Йосифа II (в 1784 году) в Пешт⁷. В первое десятилетие существования венгерского медицинского образования на медицинском факультете в Надьсомбате, а позже в Буда получили образование 55 лекарей, 211 хирургов и 43 фармацевта. Сравнительное развитие доказывается и тем, что в 1788–1789 учебном году уже 19 студентов окончили медицинский факультет Пештского университета⁸.

Положение молодых специалистов значительно затруднялось тем, что комитаты не принимали врачей протестантской веры, вопреки закону 1781 года, согласно

A magyarok egyetemjárása külföldön // A magyar tudománypolitika alapvetése / red.: Magyary Z. – Budapest, 1927. P. 149–165; Dümmerth D. Göttinga és a magyarszellemélet. Filológiai Közlöny, 1961. P. 351–373; A magyarországi értelmiség a XVII–XVIII. Században / red. Zombori I. – Szeged, 1984.

⁵ Kosáry D. Művelődés a XVIII. századi Magyarországon. – Budapest, 1980. P. 160; Balázs É. A magyarországi felsőoktatás a felvilágosult abszolutizmus korában // Felsőoktatási Szemle. 1964. № 7–8. P. 407–413.

⁶ Győry T. A Nagyszombati Egyetem orvosi fakultásának első évei. Van Swieten emlékezete. Orvosképzés, 1931. P. 573–599; Duka Zólyomi N. Orvosképzés a nagyszombati egyetem orvostudományi karán, Országos Orvostörténeti Könyvtár Közleményei. № 51–53. 1963. P. 35–50.

⁷ Antall J.-R., Harkó V.-Vida T. Az orvosi kar fejlődése Budán és Pesten, 1777–1806, Országos Orvostörténeti Könyvtár Közleményei. № 57–59. 1971. P. 119–139.; Они же. Die Ofener Jahre der Medizinischen Fakultät nach der Übersiedlung der Tyrnauer Universität, 1777–1784, Országos Orvostörténeti Könyvtár Közleményei. № 57–59. 1971. S. 141–153.

⁸ Kosáry D. Op. cit. P. 509.

которому на этом пути не должно было быть препятствий. Положение венгерских медиков по существу снижалось и тем, что в австрийских и наследных провинциях монархии Габсбургов дипломы, полученные в Надьсомбате и Пешт-Буде, не считали равносильными дипломам, полученным в знаменитых зарубежных университетах¹. Этим объясняется то, что врачи протестантской веры, обучавшиеся в Западной Европе, а также медики католической веры, получившие диплом в Венгрии, одинаково часто искали работу за пределами своей родины.

О первой половине жизни, то есть о жизни в Венгрии, Ференца (Федора) Керестури, ставшего известным профессором и деканом медицинского факультета Московского университета, мы не располагаем достоверными данными. Он родился 28 мая 1738 года в обедневшей дворянской семье². Противоречивые данные были опубликованы и в связи с его местом рождения, так как некоторые считают, что он родился в окрестностях Кашши (Кошице), другие же предполагают местом его рождения город Шарошпатак³.

¹ Molnár L. Magyar-orosz kulturális kapcsolatok (1750–1815). Kapcsolattörténeti tanulmányok. Piliscsaba, 2000. P. 34–35.

² О дате рождения Ференца Керестури, 28 мая 1738 года, упоминают: В. М. Рихтер Указ. соч. Т. III. С. 354–355; Эмил Шультейс и Лайош Тарди (Главы, С. 87). В то же время Йожеф Кирай и Конштантин Силваи указывают 28 мая 1735 года; См.: Király J.-Keresztúri Ferenc: Adalékok a 18. századi magyar pszichológia történetéhez, Acta Universitatis Szegediensis, Pedagógia és pszichológia. Szeged, 1956. P. 83–91. Szilvay K.-Keresztúry Ferenc: 1735–1811. Országos Orvostörténeti Könyvtár Közleményei, 1961. P. 54–103. Однако считаю важным отметить, что на мраморной плите надгробия на Веденском кладбище дата рождения профессора Керестури, скончавшегося 16 февраля 1811 года, указана: 28 мая 1739 года. Молнар Л. Русско-венгерские культурные связи, 1750–1815 гг. – Йошкар-Ола, 1994. С. 33–34.

³ Magyary-Kossa Gy. Op. cit. T. IV. P. 174; Schultheisz E.-Tardy L. Op. cit. P. 87; Király J. Op. cit. P. 83. Документ, однозначно доказывающий, что Шарошпатак есть место рождения Керестури. – РГАДА (Российский гос. архив древних актов). Ф. 344 (Медицинская коллегия). Оп. 1. Кн. 5. Д. 266. Л. 183.

Почти настолько же противоречивы и данные о том, где он получил образование. По мнению В.М. Рихтера, женившегося на дочери венгерского врача Иоганне Амалии (1773–1846 гг.) от первого брака, Керестури обучался на медицинском факультете Пештского университета⁴. Живший в XVIII веке Иштван Веспреми-Чанади говорит о том, что Керестури обучался в Йене⁵. Венгерские и российские историки в последние десятилетия пришли к согласию в том, что Керестури не мог учиться ни в Пештском, ни в Йенском университете, ведь доказано, что с 24 мая 1756 года он был студентом теологического института в Шарошпатаке⁶. Так как его родители рано умерли и молодой человек протестантской веры остался без надлежащего состояния и поддержки, чтобы обучаться в одном из известных западноевропейских университетов, становится понятным его переселение в Россию летом 1762 года. Для талантливого и жаждущего знаний молодого человека казалось очень привлекательной возможность по окончании московской госпитальной школы попасть на доходную государственную службу.

Керестури уехал из Венгрии летом 1762 года, а 10 сентября он записался в Московскую госпитальную школу, о чем свидетельствует архивная запись от 24 сентября⁷. Под руководством одного из самых выдающихся врачей того времени К. И. Щепина он с отличием закончил учебу, особенно отличившись в анатомии и хирургии. Документы экзамена подлекарей от 22 мая 1763 года особо подчеркивают подготовку и знание латинского языка в совершенстве⁸. Из 14 студентов госпитальной школы ему, как отличившемуся «в успешном освоении анатомии и хирургии и

⁴ Richter W. M. Op. cit. T. III. S. 354–355.

⁵ Weszprémi-Csanády I. Succincta medicorum Hungariae et Transilvaniae Biographia. T. IV. – Leipzig, 1774. P. 157. Венгерский перевод этого произведения, Weszprémi I. Magyarország és Erdély orvosainak rövid életrajza. T. I–IV. Fordította: Kővári Aladár. – Budapest, 1960–1970. Schultheisz E.-Tardy L. Fejezetek. P. 87.

⁶ Király J. Op. cit. P. 83. Szilvay K. Op. cit. P. 55.

⁷ РГАДА. Ф. 344. Оп. 5. Кн. 294. Д. 204. Л. 5–6.

⁸ РГАДА. Ф. 344. Оп. 5. Кн. 294. Д. 204. Л. 9.

на основе примерного поведения», 12 июня 1763 года было присвоено звание подлекаря¹. После этого Керестури еще один год продолжал учебу в госпитальной школе, а 19 мая 1764 года успешно сдал экзамен на лекаря-хирурга, о чем свидетельствует диплом². В приложении к нему члены экзаменационной комиссии (среди них К. И. Щепин) подчеркивают великолепные знания Керестури в анатомии и хирургии³.

По окончании госпитальной школы, приказом от 30 июня 1764 года Керестури был направлен в южноукраинский город Бахмут (совр. Артёмовск. – *Прим. авт.*) «для проверки прибывших в Россию и работы в карантине»⁴. Эта работа в далеком от Москвы городе, не соответствующая его таланту и способностям, отнюдь не показалась привлекательной, поэтому 15 июля 1764 года он обратился к Медицинской Коллегии с просьбой освободить его от командирования в Бахмут⁵. И хотя свое прошение Керестури мотивирует неудовлетворительным состоянием здоровья, движущими пружинами в его стремлении были желания применять свои отличные знания по анатомии и хирургии на открытом в 1764 году медицинском факультете Московского университета. Во многом помог ему его покровитель, куратор университета В. И. Адодуров, который в дополнение к письму Керестури, адресованному председателю Медицинской Коллегии барону А. Черкасову, отправляет и свое письмо. Он пишет: «... на медицинском факультете университета к публичным лекциям по анатомии нужен опытный прозектор и на этот пост я считаю самым подходящим хирурга Керестури... находящегося под Вашим надзором. Поэтому осмеливаюсь просить Вас... освободить Керестури на благо молодежи Московского университета»⁶. Черкасов принял упомянутое прошение положительно, но для освобождения Керестури он запросил справку о состо-

янии его здоровья⁷. Решением Медицинской Коллегии от 14 сентября 1764 года он установил комиссию (в его состав входили Петер Аш и Христиан Минау) для изучения состояния здоровья Ференца Керестури⁸. 24 октября эта комиссия докладывает о следующем: «...лекарь Керестури страдает обструкцией желчных путей, от чего часто болеет желтухой и острой коликой, а тело его свидетельствует о слабости»⁹. На основании этого документа 15 декабря 1764 года Керестури освобождается из-под опеки Медицинской Коллегии, после чего в январе 1765 года его назначают прозектором медицинского факультета Московского университета и лекарем госпиталя университета¹⁰. Это было началом восходящей карьеры Керестури, когда он работал под непосредственным руководством Семена Герасимовича Зибелина (1735–1802 гг.)¹¹.

Помимо деятельности в качестве прозектора и университетского лекаря Керестури принял активное участие в преподавательской работе, в ходе которой он преподавал сначала анатомию и хирургию, позже неврологию, физиологию, спланхнологию и судебную медицину¹².

⁷ РГАДА. Ф. 344. Оп. 1. Кн. 5. Д. 266. Л. 175.

⁸ РГАДА. Ф. 344. Оп. 1. Кн. 5. Д. 266. Л. 181.

⁹ РГАДА. Ф. 344. Оп. 1. Кн. 5. Д. 266. Л. 183.

¹⁰ РГАДА. Ф. 344. Оп. 2. Кн. 117. Д. 12. Л. 2.

¹¹ Российский Д. М. Первый русский профессор терапии С. Г. Зибелин // Советская медицина. 1948. № 4. С. 38–40.

¹² Произведения, касающиеся врачебной и педагогической деятельности Керестури: Király J. Указ. соч. P. 83–91; Schultheisz E., Tardy L. Fejezetek. P. 86–102; Szilvay K. Op. cit. P. 54–103; Громбах С. М. Материалы к истории санитарного просвещения в России в XVIII веке. – М., 1951. С. 60; Гурова Р. Г. Передовая психологическая мысль в Московском университете в XVIII веке // Советская педагогика. 1952. № 6. С. 66–69; Дерябина В. Л. Очерки развития прозекторского дела в России и в СССР. – М., 1958. С. 20; Очерки по истории Московского медицинского института имени И. М. Сеченова / отв. ред. В. В. Кованов. – М., 1959. С. 5–13, 93–94, 98, 428, 584; Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета. М., 1955. С. 30–31; Шевырёв С. История Императорского Московского университета, написанная к 100-летию его юбилея. – М., 1855. С. 185, 189, 196, 230, 250–252.

¹ РГАДА. Ф. 344. Оп. 5. Кн. 294. Д. 204. Л. 4.

² РГАДА. Ф. 344. Оп. 1. Кн. 3. Д. 147. Л. 267.

³ РГАДА. Ф. 344. Оп. 1. Кн. 3. Д. 147. Л. 269.

⁴ РГАДА. Ф. 344. Оп. 1. Кн. 5. Д. 266. Л. 167.

⁵ РГАДА. Ф. 344. Оп. 1. Кн. 5. Д. 266. Л. 170.

⁶ РГАДА. Ф. 344. Оп. 1. Кн. 5. Д. 266. Л. 174.

В 1770–1771 годах во время эпидемии чумы Керестури со своими коллегами (в том числе С. Г. Зибелиным и профессором Петером Ашом) лечил больных в самых зараженных районах Москвы¹. Признанием его энергичной и самоотверженной работы было назначение в 1772 году на пост протохирурга (главного хирурга) университетского госпиталя.

18 августа 1776 года Московский университет обратился к Медицинской Коллегии с просьбой назначить Керестури штаблекарем, подчеркивая, что «...он заслуживает повышения. Поэтому Императорский Московский университет просит Медицинскую Коллегию сообразованно назначить прозектора Керестури штаблекарем в награду за длинную и безукоризненную службу преподавателем анатомии университета, поощряя на дальнейшее усердие и старание»². На основании этой просьбы 5 сентября 1776 года Медицинская Коллегия принимает решение «...повысить в звании названного прозектора Керестури, назначив его штаблекарем»³.

Год спустя с помощью влиятельного профессора Петера Аша, Керестури был назначен чрезвычайным преподавателем кафедры анатомии и хирургии, а в 1778 году – профессором университета⁴.

Профессиональный престиж и университетская репутация медика венгерского происхождения, известного как пионера XVIII века в нейрофизиологии и применении микроскопа, достигнуты лекциями чрезвычайно высокого уровня, на которых он демонстрировал прозекторские знания на трупах, а физиологические испытания – на животных⁵. Непревзойденные знания латыни и знание в совершенстве русского языка сопровождалось великолепными способностями, благодаря которым он стал одним из самых популярных профессоров. Наверное, этим объясняется то, что

после встречи с Екатериной II в Могилеве 9 июня 1780 года Йосифа II при посещении Московского университета приветствовал именно Керестури стихами, написанными им на венгерском языке⁶.

Основу научной деятельности Керестури составляют те речи (орации) на латинском языке, которые он произносил на праздниках и которые позже были опубликованы университетом. 22 апреля 1778 года в честь дня рождения императрицы Екатерины II прозвучала речь «*Oratio de sensationibus tam in tuenda sanitate, quam in corrigenda adversa valetudine, homini necessaria et amica auxilia praebentibus*» («О необходимой и полезной помощи человеку на сохранение его здоровья и восстановление ослабленного здоровья»), которая в том же году была опубликована. В первой части своего труда о физиологических процессах восприятия автор исследует проблематику формирования восприятий. Несомненная заслуга Керестури заключается в том, что в общем он стоит на позициях материализма, ибо в основе психологического восприятия лежит теория, согласно которой психика, сознание происходят из тех чувств, которые вызваны восприятием органами чувств окружающего мира. «Ощущения – наши главные учителя», – говорит Керестури, ссылаясь на то, что конечный источник и начальная стадия всех познаний заключается в опыте органов чувств⁷.

В следующем разделе своей работы он исследует вопрос, как происходит процесс восприятия, или «как движется душа?». В ответе Керестури долго цитирует произведение Лукреция «*De rerum natura*» («О делах природы») и приходит к выводу, что тела своим изображением проходят через нервы к сознанию, а различная структура органов восприятия служит распознаванию ощущений. Фактически Керестури сохранил материалистическую концепцию Лукреция, дополнив ее новейшими результатами физиологических и неврологических исследований⁸.

⁶ Schultheisz E., Tardy L. Fejezetek. P. 96.

⁷ Király J. Op. cit. P. 85.

⁸ Гурова П. Г. Указ. соч. С. 67–68.

¹ Király J. Op. cit. P. 74.

² РГАДА. Ф. 344. Оп. 2. Кн. 117. Д. 12. Л. 1.

³ РГАДА. Ф. 344. Оп. 2. Кн. 117. Д. 12. Л. 2.

⁴ Русский биографический словарь, изданный под наблюдением Императорского Русского Исторического Общества, А. А. Половцова. – СПб., 1897. С. 619–620.

⁵ Шевырëв С. Указ. соч. С. 230.

В этой работе Керестури высказывает свои соображения об анатомическом и функциональном отличии чувствительных и двигательных нервов (так называемых сенсорных и моторических нервов), благодаря чему он стал одним из первых ученых в Европе, сформулировавших эти соображения¹. Несомненная заслуга его научного понимания заключается в том, что вместо спекулятивных теорий он делает заключения на основании точных результатов испытаний.

30 июня 1783 года он произносит праздничную речь в Московском университете «*Qui disseret de cognoscenda vita, ut intimo corporis humani indoles clarius eluceat*» («О познании жизни, с целью более ясного освещения внутреннего характера человеческого тела»), которая позже была опубликована². Первая часть этой работы посвящена анализу процесса ощущения и познания, затем автор переходит к анатомическому исследованию построения человеческого тела. И хотя Керестури в своих взглядах не всегда мог освободиться от механического материалистического мировоззрения, поразительно то, настолько осведомленным он был в вопросах гидравлики, гидродинамики и гидростатики, которые он сам считал дополнительными науками физиологии. Однако в изучении законов физиологии человека он излишне большую роль придает механике, что, по всей вероятности, объясняется его бескритичным отношением к западноевропейским литературным источникам³. Для историков медицины самыми ценными и важными разделами этой работы являются те, в которых автор обсуждает психофизиологические и нейрофизиологические вопросы, ведь здесь мы находим определения, являющиеся по сей день правильными.

Результаты научной деятельности Керестури стали известными за пределами России. Доказывает это тот факт, что 21 мая 1781 года его избирают почет-

ным членом *Imperialis Leopoldino-Caroline Academia* в Вене⁴. Через три года Керестури был удостоен еще одного значительно профессионального признания, вторым в России получив звание доктора медицины⁵. Из архивных источников можем хорошо проследить ход событий, связанных с получением этого почетного звания, началом которого было заявление Керестури от 19 февраля 1784 года, адресованное Медицинской Коллегии: «Я – действительный профессор анатомии и хирургии Московского университета; также удостоен быть членом Римской Императорской Академии... поэтому считаю обоснованным со стороны высших органов позволить мне сдать экзамены на звание доктора медицины»⁶. Удовлетворяя эту просьбу, Медицинская Коллегия издает следующий приказ Московской медицинской конторы: «Приказываем проэкзаменовать коллежского асессора Ференца Керестури, профессора анатомии и хирургии и с докладом передать Медицинской Коллегии свидетельство, подписанное всеми экзаменаторами»⁷.

Об экзамене, состоявшемся 21 марта 1784 года, комиссия (члены ее: Хелиас Рутцки, Генрих Фрезе, Йоахим Раушерт и И. Тимковский) выдала свидетельство, согласно которому Керестури «...на вопросы по анатомии, физиологии и патологии ответил правильно... и считается достойным привилегий доктора медицины»⁸. Когда Медицинская Коллегия попросила его предоставить научные публикации⁹, Керестури передал для изучения изданную праздничную речь, прозвучавшую 30 июня 1783 года «*Qui disseret de cognoscenda vita*» («О смысле жизни»), касающуюся вопросов нейрофизиологии¹⁰. Эта работа была

⁴ РГАДА. Ф. 344. Оп. 3. Кн. 274. Д. 1. Л. 9.

⁵ Степени доктора медицины первым в России был удостоен Густав Орреус в 1768 году. Об этом: Российский Д.М. Российские доктора медицины в XVIII веке // Военно-медицинский журнал. 1947. № 7. С. 47–48.

⁶ РГАДА. Ф. 344. Оп. 3. Кн. 274. Д. 1. Л. 1.

⁷ РГАДА. Ф. 344. Оп. 3. Кн. 274. Д. 1. Л. 3.

⁸ РГАДА. Ф. 344. Оп. 3. Кн. 274. Д. 1. Л. 6.

⁹ РГАДА. Ф. 344. Оп. 3. Кн. 274. Д. 1. Л. 8.

¹⁰ РГАДА. Ф. 344. Оп. 3. Кн. 274. Д. 1. Л. 23.

¹ Király J. Op. cit. P. 88.

² РГАДА. Ф. 344. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 274. Л. 11–15.

³ Schultheisz E., Tardy L. Fejezetek. P. 96.

принята в качестве докторской диссертации, после чего 9 мая 1784 года Медицинская Коллегия издала приказ: «Упомянутый Ференц Керестури, коллежский ассессор, на основании экзаменов найден быть достойным звания доктора медицины и получить все права, которыми пользуются подобные доктора в Российской Империи, и об этом выдать ему свидетельство, писанное на пергамене от имени Медицинской Коллегии и подписанное Председателем Коллегии и заверенное его печатью»¹.

1780–1790-е годы были самым значительным периодом деятельности Керестури. О его лекциях по анатомии и физиологии, экспериментах на животных и микроскопических исследованиях с признательностью высказывались не только его студенты, но и историки медицины последующих времен². В ходе своей профессорской деятельности с 1777 по 1805 год Керестури воспитал ряд выдающихся специалистов, таких как И. Ф. Венсович, И. С. Андреевский и др., ставших позже знаменитыми преподавателями медицинского факультета Московского университета.

В это время была написана третья известная работа Керестури под названием «Oratio de politia medica ejusque in Rossia usu» («Об инспекции гигиены и ее применении в России»), прозвучавшая как юбилейная речь 28 июня 1795 года в Московском университете в честь годовщины вступления на престол императрицы Екатерины II. Самое высокое достоинство его труда (на 21 странице) заключается в том, что автор первым определил принципы гигиенического обслуживания в России³.

Во введении Керестури размышляет о том, какой должна быть забота государства и властей о сохранении здоровья своих граждан, каковы средства и возможности гигиенической инспекции. В дальнейшем

ученый, сочувствующий просветительству, анализирует возможности обеспечения постоянного роста численности населения, а также предотвращения гибели их от «народных» болезней, защиты от вредоносных влияний эпидемий. Автор считает, что превентивные меры, направленные на предупреждение заболеваний, являются такими же ценными, как работа лечащего врача, подчеркивает также важность и полезность просветительской деятельности властей. Государству, считал Керестури, нужны здоровые и работоспособные подданные, чего можно достичь улучшением общего состояния гигиены, а также увеличением числа лекарей, хирургов, госпиталей и аптек. Власти должны заботиться о благосостоянии населения государства, о воспитании здоровых поколений, ибо «...государственным властям поручается заботиться о том, чтобы законы и правила охраны здоровья лучше соблюдались»⁴.

Керестури подробно анализирует в своей работе роль воды, воздуха, продуктов, квартирных условий и гигиены в здоровом образе жизни. Для предотвращения инфекционных заболеваний и эпидемий он считал очень важным осушение болот, отведение стоячих вод, просушивание мокрых помещений, удаление мастерских сапожников, мыловаров, мясников, а также больниц и кладбищ за стены города. Керестури обратил внимание на важность правильного хранения зерна, фруктов и других продуктов, на ядовитые влияния некоторых растений и грибов, опасности употребления медной и свинцовой посуды.

Из перечисленных выше вопросов, анализированных Керестури, становится ясным, насколько важными он считал меры по предупреждению заболеваний и насколько большое значение он уделял роли властей в организации всеобщей гигиены. В заключении автор начертил краткую историю развития социальной гигиены, важнейшие ее события (среди них открытие московского госпиталя в 1706

¹ РГАДА. Ф. 344. Оп. 3. Кн. 274. Д. 1. Л. 19.

² Дерябина В. Л. Указ. соч. С. 20.

³ Труд Керестури по гигиене был опубликован среди первых в Европе. Ему предшествовал труд: Frank J. P. System einer vollständigen medizinischen Polizei. – Halle, 1779.

⁴ Kereszturi F. Oratio de politia medica ejusque in Rossia usu. – Mosquae, 1795. P. 8.

году и петербургского госпиталя военно-морского флота в 1715 году, создание Медицинской Коллегии в 1764 году), напомнил о результатах медицинского образования и в конце составил список зарубежных медиков, служащих в России¹.

К концу 1790-х годов Керестури становится одним из самых авторитетных и известных профессоров медицинского факультета Московского университета. Профессиональный престиж его обозначается и тем, что 27 августа 1804 года он избирается председателем Общества соревнования медицинских и физических наук, которым он оставался в течение семи лет². В этом же году он был назначен деканом медицинского факультета, но на этом почетном посту он оставался в течение одного года, так как тяжелая болезнь помешала ему в исполнении своих обязанностей.

В 1803 году его постигла апоплексия, вследствие которой отдельные части его тела стали временно парализованными. В 1808 году он сыграл решительную роль в издании публикации Общества соревнования медицинских и физических наук, под названием «*Commentationes Societatis Physico-Medicae*». Велики были его заслуги и в издании первого медицинского журнала России – Медико-физического журнала, первым редактором которого с 1808 года стал его бывший студент И. П. Венсович³.

О личной жизни Керестури мы знаем очень мало. Известно, что 16 июня 1764 году он вступил в брак с Екатериной Ортлебен, от этого брака родилось несколько детей, но, кроме дочери Иоганны-Амелии, никто не достиг совершеннолетия. Спустя год после смерти жены, происшедшей в ноябре 1783 года, он женился на Софии Шварц, женщине немецкого происхож-

дения, от их брака родилось три дочери (Александра, Елизавета, Екатерина). Вторая супруга пережила его и получила как вдова пенсию от университета, а именно четверть профессорского жалования своего мужа⁴.

В конце 1810 года Керестури постигла апоплексия, после которой 16 февраля 1811 года он скончался и был похоронен на Введенском кладбище Москвы. Университет установил на его могиле мраморную плиту, 11 апреля 1811 года В. М. Рихтер, председатель Общества соревнования медицинских и физических наук, удостоил его деятельность речью «*Oratio in memoriam Francisci Keresturi*»⁵.

Медико-профессорская деятельность Керестури была известна и в Венгрии, в узком кругу, ведь о его карьере в 1807 году сообщалось в журнале *Hazai Tudósítások*⁶. Отдельные представители научной общественности, наверное, были ознакомлены с деятельностью Керестури в Москве, об этом свидетельствует письмо живущего в Петербурге Михаила Балудянского, направленное Якобу Фердинанду Миллеру, директору Национального Музея Венгрии. Согласно этому письму, «...среди тех, кого родина без стыда и позора может назвать своими, есть и несколько ученых. На первом месте я должен назвать Керестури, профессора-доктора из Москвы, удостоенного Ордена Святой Анны, коллежского советника, в ранге полковника. По происхождению он из Шарошпатакской Коллегии»⁷.

Сорокалетняя деятельность Керестури в Московском университете составляет один из самых значительных разделов культурных связей России и Венгрии, положительная оценка которого в последние двести лет ни разу не была принижена из-за изменения политического курса.

¹ Ibid. P. 9–18.

² Российский Д. М. Указ. соч. С. 30–31.

³ Кованов В. В. Указ. соч. С. 5.

⁴ Szilvay K. Op. cit. P. 89, 100.

⁵ Ibid. P. 77, 79.

⁶ Hazai Tudósítások. 1807. T. IV. P. 30–31.

⁷ Országos Széchényi Könyvtár Kézirattára, 781. Quart. Lat. tomus VI. pag. 125.

И. В. Крючков

(Северо-Кавказский федеральный университет)

АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЕ СЮЖЕТЫ НА СТРАНИЦАХ АЛЬМАНАХА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Введение

«Вестник Европы» принадлежал к числу самых популярных литературно-политических альманахов России. Он издавался с марта 1866 г. по март 1918 гг. ежемесячно (с 1869 г.). Альманах стоял на либеральных, западнических позициях, что не раз приводило к его острым дискуссиям с консерваторами и славянофилами. «Вестник Европы» традиционно уделял много внимания исследованию ключевых моментов политической жизни России, зарубежных государств и внешней политики.

В 1867 г. Австрийская империя трансформируется в дуалистическое государство Австро-Венгрия. «Вестник Европы» не скрывал своего отрицательного отношения к дуалистической системе. По его мнению, дуализм требовал срочного реформирования, поскольку он имел династический характер и не предоставлял полной свободы национальным меньшинствам. Правда, в оценке перспектив дальнейшего развития Австро-Венгрии у авторов и редакции альманаха не было полного единства. Большинство авторов, не верила в возможность сохранения единства Австро-Венгрии: «...бескровная операция разделения обеих половин империи должна быть совершена рано или поздно»¹. В то же время ряд экспертов вполне допускал реальность эволюционной трансформации империи по пути федерализации.

Внешняя политика

Темой постоянного внимания альманаха являлась внешняя политика Австро-Венгрии. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. привела к всплеску интереса в России к событиям, происходящим на

Балканском полуострове. В стране с большим воодушевлением встретили заключение Сан-Стефанского мирного договора, и полное разочарование вызвали решения Берлинского конгресса. С этого момента «Вестник Европы» регулярно анализировал внешнюю политику Австро-Венгрии и положение дела на Балканском полуострове.

Одним из последствий Русско-турецкой войны, по мнению «Вестника Европы», становится рост антироссийских настроений в Австро-Венгрии и подозрений в проведении Россией панславистской агитации на территории империи Габсбургов и на Балканах. Многие австрийские и венгерские политики предполагали, что после разгрома Турции и закрепления России на Балканах, она могла предъявить претензии Австро-Венгрии, в том числе территориального плана².

Через три года после оккупации Боснии и Герцеговины альманах сомневался в целесообразности таких действий Вены, что подтверждалось мощным народным восстанием на территории оккупированных провинций. По мнению «Вестника Европы», политика Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине требовала колоссальных финансовых затрат, а средств у империи не хватало даже для удовлетворения самых насущных проблем³. Кроме этого, население провинций явно тяготело к Сербии, что в будущем могло привести к осложнению ситуации вокруг Дунайской империи. Издание подчеркивало, что Босния и Герцеговина стала ловушкой для правящих кругов Вены и Будапешта, поскольку они не имели четкого плана своей боснийской

² Первольф И. Мадыры и восточный вопрос // Вестник Европы. 1877. № 10. С. 798–799.

³ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1882. № 11. С. 915.

¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1906. № 7. С. 409.

политики. В одном из номеров «Вестник Европы» четко выделял провалы боснийской политики Австро-Венгрии: отсутствие эффективной административной системы в провинциях; смутное представление о целях и стратегических задачах оккупации Боснии и Герцеговины; отсутствие опытного политика, способного проводить внятную политику в Боснии и Герцеговине¹.

В 1882 г. в Боснии и Герцеговине только устанавливался оккупационный режим, поэтому оценки новой системы управления вызывали живой интерес не только в российской периодике. «Вестник Европы» отмечал, что полноценными хозяевами провинций стали австро-венгерские военные, которые управляли Боснией и Герцеговиной плохо и сумбурно. Все конфликты между военной и гражданской администрациями заканчивались не в пользу последней².

«Вестник Европы» давал свой рецепт разрешения конфликта в Боснии и Герцеговины: отмена крепостного права и проведение аграрной реформы, отказ от туркофильства и угнетения православного населения, демократизация политической системы в провинциях. «В противном случае наша (как уже отмечалось, автором данной статьи являлся австриец. – И. К.) власть над Боснией и Герцеговиной и их оккупация будут служить вечной причиной кровопролития и вечной опасностью для европейского мира», – заключал автор материала³.

Подводя итоги внешней политики Австро-Венгрии за 1882 г., альманах отмечал крайнюю воинственность австрийской прессы, оказывающей очевидное влияние и на поведение МИД Австро-Венгрии⁴.

В 1888 г. на страницах издания появляется, казалось бы, сенсационный материал: Венгрия поддерживает предоставление независимости балканским народам.

¹ Корреспонденция из Вены // Вестник Европы. 1882. № 5. С. 384.

² Корреспонденция из Вены // Вестник Европы. 1882. № 5. С. 385.

³ Там же. С. 400.

⁴ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1882. № 11. С. 916.

Но альманах пояснял, что истинным намерением Будапешта является утверждение в новых балканских государствах австро-венгерского влияния и вытеснения оттуда России. Поэтому за всеми красивыми словами К. Тисы о праве наций на свободу крылись цинизм и ложь⁵.

Дальневосточная политика России в конце XIX – начале XX вв. несколько отвлекла внимание Санкт-Петербурга от Балканского полуострова. Начало русско-японской войны вызвало опасения в России по поводу реакции на эти события в Австро-Венгрии. «Вестник Европы» в июне 1904 г. с удовлетворением отмечал, что в империи Габсбургов и даже в ее венгерской половине отсутствовал всплеск антирусских настроений. В то же время издание обратило внимание на возросшую антитурецкую риторику министра иностранных дел Австро-Венгрии А. Голуховского и увеличение военного бюджета Дунайской империи. У «Вестника Европы» возникло опасение, как бы Австро-Венгрия, воспользовавшись обострением ситуации на Дальнем Востоке, не предприняла попытки по укреплению собственных позиций на Балканах в ущерб интересам России⁶.

Данные опасения подтвердились в октябре 1908 г., когда Австро-Венгрия объявила об аннексии Боснии и Герцеговины. «Вестник Европы» решительно осудил данную политику Австро-Венгрии. По мнению издания, согласно статьям Берлинского трактата, империя Габсбургов и так фактически являлась полной хозяйкой в данных провинциях, несмотря на некоторые косметические права Порты. Воспользовавшись ослаблением России после русско-японской войны, Австро-Венгрия пошла по опасному и не совсем понятному изданию пути – аннексии Боснии и Герцеговины. Империя Габсбургов в один миг уничтожила всю систему сдержек и противовесов, утвержденную на Балканах Берлинским трактатом. Кроме грубого

⁵ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1888. № 2. С. 868.

⁶ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1904. № 6. С. 801.

попирания норм международного права, Австро-Венгрия открывала «ящик Пандоры» для последующей нестабильности и кризисов на Балканах¹. В этой связи неминуемо было осложнение отношений Австро-Венгрии с Сербией и Черногорией. Союзником Австро-Венгрии выступала Болгария. Альманах не сомневался в том, что София полностью согласовала объявление своей независимости с австро-венгерской дипломатией.

Рассуждая о событиях в Боснии и Герцеговине в 1908 г., альманах отмечал, что Австро-Венгрия, как и другие великие государства незаслуженно забывает о праве народов на самоопределение. Она руководствовалась замшелыми «историческими правами» или интересами современной стратегии. В данном очерке издание напомнило о постыдном факте из российской истории, когда в 1878 г. Санкт-Петербург, ввязываясь в войну с Турцией под лозунгом защиты южных славян, отдал славян Боснии и Герцеговины на откуп Вене, не спрашивая их мнения².

«Вестник Европы» внимательно отслеживал политику Вены и Будапешта внутри Боснии и Герцеговины после ее аннексии. В одном из номеров подробно рассматривались особенности конституционной реформы 1910 г. По мнению альманаха, первые выборы в собор Боснии и Герцеговины прошли в целом спокойно и без административного давления, открывая перед провинциями «новую историческую эпоху»³.

После поражения в русско-японской войне «Вестник Европы» признавал ослабление внешнеполитического авторитета России на Балканах и Ближнем Востоке. Альманах критиковал воинствующих патриотов, которых события на Дальнем Востоке ничему не научили, и они по-прежнему готовы были бездумно грозить силой всем внешним конкурентам России. По

мнению издания, России в ложившейся после Портсмутского мира ситуации следовало вести очень осторожную внешнюю политику, избегая обострения отношений, прежде всего с Германией и Австро-Венгрией и любых дипломатических авантюр. Альманах признавал, что поражение России развязало руки Австро-Венгрии для активных действий на Балканском полуострове, и Россия этому никак не могла противостоять⁴. В Вене и Будапеште прекрасно осознавали слабость России в сложившейся ситуации и ее временную переориентацию на решение судьбоносных внутренних проблем. Более того, по мнению издания, Россия оказалась под австрийским влиянием, потеряв самостоятельность действий на Балканах. Она постоянно запаздывала с принятием стратегических решений. Отчасти это было связано с министром иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталем, долгое время являвшимся послом империи Габсбургов в Санкт-Петербурге, где он хорошо изучил особенности работы российской бюрократической машины и заимел необходимые знакомства среди представителей правящей элиты России⁵.

Действия А. Эренталя, направленные на разрушение берлинской системы без конференции великих держав с последующим переводом конфликта в разряд локального австро-турецкого спора вызвали решительные возражения со стороны Великобритании и слабые протесты из Парижа и Санкт-Петербурга⁶. Действия Вены означали грубое нарушение норм международного права, что не вызывало сомнения в данных кругах.

«Вестник Европы» утверждал необходимость сосредоточения России на внутренних реформах: без глубокого реформирования империи Романовых, без поднятия культурного уровня населения, экономического роста, без введения в стране основных прав и свобод личности

¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1908. № 11. С. 363.

² Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1908. № 11. С. 365.

³ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1910. № 7. С. 404–405.

⁴ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1908. № 3. С. 430.

⁵ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 387.

⁶ Там же. С. 389.

с ликвидацией самодержавия невозможно было вести речь об укреплении могущества России и росте ее авторитета на международной арене¹.

Кроме этого, на взгляд издания, России следовало изменить методы внешнеполитической деятельности, и пример Балканского полуострова об этом ярко свидетельствовал. В войне 1878–1879 г. Россия понесла огромные людские и материальные потери, но она, несмотря на симпатии славян, не смогла закрепиться на Балканах. Грубые, чванливые действия российских генералов и политиков в Болгарии привели к ухудшению российско-болгарских отношений, игнорирование интересов Сербии не способствовало развитию ее взаимоотношений с Россией. Более того, политические акции России не подкреплялись ее экономическим и культурным проникновением на Балканы.

«Вестник Европы» в качестве образца балканской политики приводил действия Австро-Венгрии, которая, не проливая крови своих солдат, а лишь расчетливыми действиями дипломатии присоединила Боснию и Герцеговину. Австро-Венгрия активно проникала на Балканы в экономическом и культурном отношении, что облегчало действия ее дипломатам и вело к вытеснению России с полуострова². Образцом данной политики империи Габсбургов являлась Босния и Герцеговина, которую за 30 лет Вена и Будапешт из состояния средневекового Востока вывели в разряд европейских регионов, уверенно вставших на путь модернизации, где появились современные города, промышленность, железные дороги, либеральная политическая система, образцовая школа: «Несчастливая, нищенская, запущенная турецкая область преобразовывается на наших глазах в культурный благодатный край с зажиточным населением...»³. России в данном отношении следовало учиться у своего противника⁴. Так как рос-

сийская бюрократия ориентировалась на внедрение имперского могущества в национальных окраинах, подчинении и страхе, не заботясь об экономическом и культурном развитии региона. Австро-Венгрия, наоборот, опиралась на компромиссы с местным населением: «Оттого и австрийский способ управления приводит к совершенно другим результатам, чем наш самобытный антикультурный метод: в Боснии и Герцеговине нет почвы для народного и общественного разделения, и бывшие противники власти превратились в ее друзей, тогда как в русских областях правительство искусственно возбуждает против себя недовольство и превращает мирных людей в крамольников»⁵.

Еще одним преимуществом политики Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине являлся постепенный перевод области на самофинансирование при рачительном использовании средств из общеимперского бюджета, то время как в России любые политические акции мало волновали нашу бюрократию с точки зрения финансовых трат, она полагала, что имперское величие оправдывает любые затраты материальных и людских ресурсов, что было неприемлемо для империи Габсбургов⁶.

Альманах предполагал, что наступательная политика Дунайской империи на Балканах, очевидно, была связана с обострением славянского вопроса внутри Австро-Венгрии. Через балканские проекты Вена стремилась дать собственным славянам новые перспективы, связанные с увеличением численности славян внутри Австро-Венгрии с дальнейшим ее преобразованием в федерацию⁷.

Наряду с этим «Вестник Европы» признавал еще один дополнительный аргумент для проведения Австро-Венгрией наступательной политики на Балканах – беспрекословную поддержку Германией своей союзницы. Именно поддержка Берлина позволила Австро-Венгрии проводить агрессивную политику и добиться

¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1908. № 3. С. 426.

² Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1908. № 3. С. 427.

³ Там же. С. 428.

⁴ Там же. С. 427.

⁵ Там же. С. 429.

⁶ Там же. С. 427–428.

⁷ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 387.

признания Сербией и Черногорией аннексии Боснии и Герцеговины¹. Вена, используя поддержку Германии и слабость России, готова была воевать с Сербией, разжигая в империи националистический, антисербский угар.

«Вестник Европы» соглашался с утверждениями ряда французских и британских газет, доказывавших, что Вильгельм II сознательно отказался от роли посредника в конфликте Австро-Венгрии с Сербией. Он заявил о полной поддержке действий Вены, отправив соответствующее письмо эрцгерцогу Францу-Фердинанду. Тем самым германский император стремился привязать к своей политике наследника австро-венгерского престола, что ему и удалось реализовать. Примечательно, что император Франц-Иосиф придерживался осторожной политики и почти не принимал участия в переговорах вокруг австро-сербского конфликта в 1908–1909 гг.². Все решали Вильгельм II и Франц-Фердинанд.

Германская общественность, на взгляд «Вестника Европы», горячо поддерживала успехи Австро-Венгрии на Балканах, видя в этом проявление мощи и величия германской культуры и промышленности. «Австро-Венгрия будет всегда иметь на своей стороне не только официальную Германию в качестве надежной и верной союзницы, но и всю германскую нацию», – заключал альманах³.

В конфликте Австро-Венгрии и Сербии «Вестник Европы» находился на стороне Белграда. Это ни в коем случае не объяснялось славянофильскими взглядами его редакции, таковые у издания традиционно отсутствовали. Альманах стоял на стороне слабой стороны, которая только призывала к международному арбитражу в сложившемся конфликте, альманах не мог согласиться с империалистической политикой великих держав, игнорировавших законные права малых государств.

Как альманах оценивал позицию России во время австро-сербского конфликта

¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1909. № 4. С. 855–856.

² Там же. С. 859.

³ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 394.

1908–1909 гг.? По его мнению, Санкт-Петербург повел себя беспринципно и недальновидно, часто меняя свою позицию даже там, где этого и не требовалось. В частности, когда Великобритании удалось с Веней согласовать компромиссное решение по аннексии Боснии и Герцеговины, Россия вдруг заявила об ее полном признании и т. д.⁴. Причина заключалась в неумении МИД и политической элиты России адекватно оценивать ситуацию, нарастающий страх перед войной с Германией и Австро-Венгрией сковывал инициативу и заставлял делать одну глупость за другой. Санкт-Петербург не мог отделить шантаж и пропагандистскую риторику от реальных внешнеполитических акций своих оппонентов. Данный факт вызывал большую озабоченность у издания по поводу внешней политики России в будущем. К тому же Санкт-Петербург не имел реальных ресурсов для сдерживания Австро-Венгрии на Балканах⁵.

Одним из последствий аннексии Боснии и Герцеговины, по мнению альманаха, являлся кризис Тройственного союза. Решительные действия Австро-Венгрии на Балканах напрямую затрагивали интересы Италии. Рим был уязвлен, в стране нарастали антиавстрийские настроения. Действия Австро-Венгрии осудили все ведущие политики страны, включая премьер-министра. Поэтому во время «боснийского кризиса» Италия оказалась на стороне Великобритании, Франции и России⁶. В то же время Рим не был готов поддерживать излишнее усиление в регионе Сербии, в частности отклонив предложение о строительстве железной дороги от Дуная до Адриатики, на чем настаивал Белград.

«Вестник Европы» отреагировал на смерть 17 февраля 1912 г. министра иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталя. Оценки министра не были лицеприят-

⁴ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1909. № 4. С. 862.

⁵ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 394.

⁶ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 389.

ными. По мнению издания, А. Эренталь не отличался глубоким умом и не обладал искусством тонкого дипломата, он не был способен на изобретательные комбинации в сфере международных отношений, его ораторские качества являлись предметом для насмешек, а отчеты отличались сухостью и скучностью в сравнении с его предшественниками на посту министра иностранных дел Австро-Венгрии. Когда в парламенте на него нападали оппозиция, он быстро терялся и не находил достойных аргументов для полемики со своими оппонентами. Его довольно быстро разоблачил Т. Масарик во время проведения сфальсифицированного А. Эренталем «Загребского процесса»¹.

Вместе с тем альманах признавал, что А. Эренталь оказался кстати на своей должности. С 1888 г. по 1906 г. он на различных должностях работал в Санкт-Петербурге, в том числе с 1899 г. являясь послом Австро-Венгрии в России. Он хорошо знал российских политиков, их образ мышления, что позволило ему ловко и без особых рисков проводить активную политику на Балканах с 1907 г. А. Эренталь, на взгляд издания, по всем статьям обыграл Россию на Балканах, выставив ее в неприглядном свете в глазах славян как страну, способную ради обладания черноморскими проливами пожертвовать интересами славянского мира².

Австрия

Австрийская половина империи Габсбургов вызывала больше внимания журналистов «Вестника Европы» в сравнении с Венгрией. Австрия для них являлась уникальной экспериментальной площадкой, где в условиях конституционной монархии и реального соблюдения либеральных свобод предпринимались усилия по решению национального вопроса. России, где до 1905 г. доминировало самодержавие, только предстояло вступить на тернистый путь одновременного построения конституционализма и решения наци-

онального вопроса в новой политической ситуации.

«Вестник Европы» в целом положительно оценивал перспективы развития австрийской половины империи Габсбургов. В мае 1882 г. на страницах «Вестника Европы» публикуется интересный материал, в котором делалась попытка определения места Австрии в мировой политике XIX в. Его автором, судя по всему, являлся житель Австрии. Автор материала делал смелый для российской журналистики вывод: «...ошибочно мнение, что австрийское государство не обладает достаточной жизнеспособностью, что оно не сегодня, завтра немедленно должно распасться, что вся политика современной Австрии построена на угнетении славян...»³. По мнению автора представленного материала, централистская Австрия погибла еще в 1848 г. и все попытки ее реанимации в 50–60-е гг. провалились. В 1866 г. в империи Габсбургов окончательно рухнула монополия австро-немцев на власть в Дунайской империи. В этих условиях Цислайтания отказалась от политики угнетения народов, выстраивая свою новую политику на учете интересов всех народов, живущих в стране. Безусловно, рецидивы прошлого себя постоянно проявляли, но они, на взгляд автора, не определяли общий дух австрийской политики⁴. Попытки возрождения политики централизма вызывали острую реакцию со стороны большинства политических сил Австрии⁵.

Оптимизм политической элиты Австрии базировался на том, что национализм не затронул широких слоев населения, и прежде всего рабочих и крестьян: «Даже в коронных землях с смешанным населением распри между национальностями вовсе не пустили таких глубоких корней в народной массе... Даже в Чехии и Моравии, пользующихся репутацией постоянного очага национальной борьбы, массы чешских и немецких крестьян целый год живут мир-

¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 3. С. 381.

² Там же. С. 381–382.

³ Корреспонденция из Вены // Вестник Европы. 1882. № 5. С. 382.

⁴ Там же.

⁵ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1870. № 5. С. 356.

но бок о бок... то же самое происходит во многих промышленных центрах»¹. По мнению альманаха, в авангарде национальных склок находились интеллигенция, часть бюрократии и буржуазии.

Основные тенденции развития Австрии в конце 60-х – 70-е гг. сводилась в данной статье к следующим моментам: 1) постепенное развитие федералистских принципов во внутренней политике; 2) стремление распространить свое влияние на Восток. Об этом свидетельствовали австро-венгерское соглашение 1867 г., соглашение Вены с поляками и чехами, оккупация Боснии и Герцеговины, внутренняя политика графа Э. Тааффе. Федерализм и укрепление позиций Австрии на Востоке, по мнению автора материала, являлись историческим предназначением Австрии². После этого шел вывод, что в России должны не желать распада Австрии, ибо последствия данного процесса непрогнозируемые, а создать благоприятные условия для развития конституционной, федералистской Австрии, с которой Россия сможет выстроить добрососедские отношения. В условиях доминирования в России негативного взгляда на историю и современность Австрии, такие выводы были весьма смелыми. Возможно, для российских либералов конституционная и федералистская Австрия являлась неким образцом развития самой России.

Автор материала признавал наличие двух врагов позитивного варианта развития Австрии. Первый – это внешние угрозы. Второй – позиция части бюрократии, унаследованной от эпохи централизма и политиков разных мастей, стремившихся любыми способами затормозить и даже приостановить федерализацию Австрии. Проявлением данной тенденции стал и знаменитый «львовский процесс».

«Вестник Европы» внимательно следил в 1882 г. за набирающим силу «львовским процессом». В начале 1882 г. по подозрению в «государственной измене»

¹ Корреспонденция из Вены // Вестник Европы. 1882. № 7. С. 333.

² Корреспонденция из Вены // Вестник Европы. 1882. № 5. С. 382.

были арестованы Ольга Грабарь, Венедикт Площанский, Осип Марков и ряд других лидеров национального движения Галиции, Подкарпатской Руси и Буковины. Обвинения также выдвигались против А. Добрянского и В. Наумовича. Доказать «государственную измену» прокурору не удалось, но большинство участников процесса были приговорены к тюремному заключению. По мнению издания, процесс во Львове являлся проявлением борьбы поляков с украинцами в Галиции. Все следователи и прокурор являлись поляками, которые предвзято относились к украинцам. Поэтому они не могли рассчитывать на честное судопроизводство. В то же время «Вестник Европы» отметил оправдание поляками-присяжными большинства обвиняемых, несмотря на весь пессимизм предыдущих публикаций.

Правительство вместо того чтобы примерить обе конфликтующие стороны, открыто поддерживало поляков. «Вестник Европы» указывал, что после заключения дуалистического соглашения Вена по инерции придерживалась политики «стравливания» народов Цислайтании друг с другом. Она вызывала рост недоверия к правительству и центробежные процессы³.

Галицию Вена полностью отдавала под управление поляков, игнорируя мнение украинцев; поляки оказались полновластными хозяевами в области. Альманах отмечал засилье польского языка в Галиции, доминирование католической церкви и ее борьбу с униатами и, самое главное, попытки полонизации украинской молодежи. Не найдя поддержки в Вене, часть украинских лидеров обратила свои взоры на Россию.

В декабре 1882 г. «Вестник Европы» опубликовал размышления одного из читателей о ситуации в российской части Польши. Он решительно осудил политику русификации, проводимую в Царстве Польском, обращаясь к анализу ситуации в Галиции. Автор восхищался борьбой украинцев с поляками за свои права, их упорством и энергией, отмечая, что укра-

³ Корреспонденция из Вены // Вестник Европы. 1882. № 10. С. 377.

инцы стали патриотами собственного края без всякого участия русских славянофилов и в частности М. Н. Каткова¹. В данном случае журнал продолжал полемику со славянофилами о степени и необходимости вмешательства в дела зарубежного славянства. Описывая «львовский процесс» альманах приводил слова главного редактора газеты «Слово» В. Площанского, который отмечал полную бездеятельность и безынициативность всякого рода славянских комитетов и преувеличивание в Вене и Будапеште степени их влияния на ситуацию в Галиции и других регионах империи Габсбургов².

«Вестник Европы» приходил к заключению, что украинцы Галиции были заинтересованы только в получении из России материальной помощи для ведения борьбы с поляками. Несмотря на все заявления славянофилов, в Галиции панславизм не пользовался популярностью и постепенно угасал. «Вестник Европы» делал следующее заключение к большому разочарованию славянофилов в Галиции: никто из представителей серьезных политических движений не выступал за отделение от Австрии, тем более за вхождение в состав России³.

Тема развития славянского движения за пределами России, в том числе в Австро-Венгрии, активно интересовала издание. Это определялось несколькими обстоятельствами: во-первых, общим интересом российского общества к судьбам зарубежного славянства; во-вторых, острой дискуссией «Вестника Европы» со славянофильскими кругами; в-третьих, с помощью опыта развития зарубежных славян альманах стремился определить основные векторы внутренней и внешней политики России; в-четвертых, альманах интересовала судьба разделенных славянских народов, проживавших на территории России и соседних с ней империй (поляки, украинцы).

¹ Письмо из провинции // Вестник Европы. 1882. № 11. С. 889.

² Корреспонденция из Вены // Вестник Европы. 1882. № 10. С. 378.

³ Там же. С. 384.

Еще в 1877 г. «Вестник Европы» полемизируя со славянофилами, доказывал опасность смешивания славянской и русской идей, так как они не являлись тождественными понятиями. Интересы зарубежных славян не всегда совпадали с интересами России, и это было естественное явление. Более того, по мнению альманаха, европеизация и модернизация не являются вредными для славян процессами. Они были неизбежными, к тому же они не вели к уничтожению славянской самобытности⁴.

В июле 1908 г. в Праге состоялся IV Славянский съезд. «Вестник Европы» внимательно отслеживал его деятельность. Работа съезда в очередной раз заставила издание обратиться к полемике со славянофилами и о месте России в славянском мире: «...прежде чем стремиться к единению с иноземными славянскими племенами, необходимо позаботиться о внутреннем мире в нашей собственной стране»⁵. Альманах подчеркивал, что отсталая и консервативная Россия не пользовалась популярностью среди славян, ей требовались кардинальные реформы, которые могли бы привести к утверждению парламентаризма, либеральных свобод и равноправия всех народов империи. Только в этом случае Россия могла претендовать на политическое лидерство среди славян.

В июне 1911 г., обращаясь к итогам V Славянского съезда, состоявшегося в Софии, альманах довольно критично оценивал его результаты. По мнению издания, ложь и лицемерие пронизывали весь ход съезда, который игнорировал наличие между славянскими народами глубоких противоречий. Полемизируя с К. Крамаржем, заявившем о том, что «...славянин не может притеснять славянина», «Вестник Европы» указывал на то, что очень даже может⁶.

⁴ Заметки по южнославянскому вопросу. Ответ «Русскому миру» // Вестник Европы. 1977. № 6. С. 805–807.

⁵ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1908. № 4. С. 797.

⁶ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1911. № 6. С. 315.

В 1911 г. К. Крамарж еще не раз становился объектом критики альманаха. «Вестник Европы» отмечал его вялые и неубедительные выступления в парламенте. За этим крылось то, что неославизм преследовал только экономические и культурные цели. По мнению издания, К. Крамарж не хотел славянизации Австрии, понимая, что данное обстоятельство приведет к острой конфронтации между западными и восточными славянами и к политическим авантюрам австро-немцев¹.

К числу беспокойных регионов Австрии «Вестник Европы» относил Триест и Приморскую область, где набирала силу итальянская ирредента. В августе 1882 г. в Триесте произошел взрыв. Это событие привело к итальянским погромам и введению в городе осадного положения. Издание отмечало оперативное вмешательство властей, не допустивших дальнейшего разжигания страстей².

Национальный вопрос в Триесте, в чешских и словенских землях стремилось решить правительство Э. Тааффе. Приход к власти нового правительства в 1879 г. для альманаха означал полный отказ Вены от политики централизма и заигрывания с австро-немецкими либералами³. Э. Тааффе относился к представителям традиционной имперской бюрократии, выступавшей против национализма и верившей в космополитизм империи. Э. Тааффе был готов идти на существенные уступки славянам и итальянцам, что вызывало резкую критику со стороны австро-немецких либералов. По мнению «Вестника Европы», для решения национальной проблемы Австрии Э. Тааффе разработал комплекс реформ: административную; социальную, которая по своим масштабам могла сравниться только с аналогичной политикой О. Бисмарка в Германии; уступки славянам и итальянцам в вопросах развития

культуры и образования; избирательную реформу.

Альманаху импонировало желание Э. Тааффе улучшить жизнь широких слоев населения страны, в том числе рабочих и крестьян, и в этом, на взгляд редакции, премьер-министр занимал бескомпромиссную позицию, несмотря на острую критику со стороны предпринимателей и либералов⁴. Одновременно, альманах защищал Э. Тааффе от обвинений в сочувствии клерикалам. На взгляд издания, премьер-министр лавировал, ему приходилось считаться с мнением католической церкви, но он никогда не относился к числу клерикалов⁵. В то же время «Вестник Европы» критиковал Э. Тааффе за излишнюю осторожность в проведении избирательной реформы, так как он пошел на чрезмерные уступки либералам. Одновременно сам же альманах оправдывал премьер-министра тем, что в консервативной Австрии невозможно было быстро провести радикальные реформы⁶. Следует отметить, что правительство Э. Тааффе являлось самым продолжительным в истории дуалистической Австрии, находясь у власти с августа 1879 г. по ноябрь 1893 г. Его отставка была связана с очередным обострением чешско-немецкого конфликта и провалом новой избирательной реформы, предложенной Э. Тааффе. «Вестник Европы», несмотря на критику некоторых действий Э. Тааффе, считал его самым выдающимся австрийским политиком последней четверти XIX в.

В 1897 г., после опубликования 5 апреля правительством К. Бадени законопроекта о необходимости знания чиновниками в Богемии чешского и немецкого языков, политическая ситуация в Австрии крайне обостряется. В Вене, Граце, Праге проходили многочисленные демонстрации и столкновения, так как австро-немцы решительно выступили против данного законопроекта. «Вестник Европы» в 1897 г. предрекал скорую отставку правитель-

¹ Ратнер М. Национальные и политические моменты в парламентской жизни Австрии // Вестник Европы. 1911. № 1. С. 153.

² Корреспонденция из Вены // Вестник Европы. 1882. № 10. С. 387–388.

³ Корреспонденция из Вены // Вестник Европы. 1882. № 7. С. 335.

⁴ Там же. С. 353–354.

⁵ Корреспонденция из Вены // Вестник Европы. 1882. № 7. С. 355.

⁶ Там же. С. 352.

ства, поскольку оно не имело сильной поддержки, даже среди его сторонников наблюдались острые противоречия. Личность самого премьер-министра у альманаха вызывала большие симпатии, поскольку он верно полагал, что будущее Австрии заключалось в полном равноправии ее народов. Бадени нельзя было отказать в благородстве, когда он с согласия императора вызвал на дуэль одного из лидеров австро-немецкой оппозиции депутата рейхсрата Вольфа и был ранен в руку. Хотя сам альманах называл дуэль глупостью, ничего не давшей К. Бадени, кроме некоторого повышения авторитета. Однако он оказался плохим политиком, который постоянно допускал серьезные ошибки, в том числе преждевременно закрыв сессию парламента в июне 1897 г.¹ 30 июня 1897 г. император подписал указ об отставке К. Бадени и его правительства.

В 1900 г. в Австрии к власти приходит правительство Э. Кербера, состоявшее из опытных технократов. Ему раздавались реверансы, и на него возлагались большие надежды. «Вестник Европы» среди первоначальных успехов нового правительства выделял налаживание сотрудничества с парламентом². После прихода к власти Э. Кербера альманах внимательно следил за его попытками решения чешско-немецкого конфликта, но в апреле совещание, где обсуждался вопрос о статусе немецкого и чешского языков, зашло в тупик³. Более того, энергичные действия правительства Э. Кербера в деле разрешения национального вопроса в Австрии привели к всплеску политической борьбы в стране и очередному обострению взаимоотношений чехов с австро-немецкими и австро-немецков с итальянцами после попытки создания итальянского факультета в Университете Инсбрука.

«Вестник Европы» на основе анализа ситуации в Австрии в 1904 г. приходил к неутешительному для Вены выводу. С одной

стороны, народы Цислайтании не были настроены на компромиссы и уважение прав оппонентов. Лозунг «Все или ничего!» определял их поведение и разрушал самые разумные предложения австрийского правительства в деле гармонизации межнациональных отношений. Во-вторых, действия правительства Э. Кербера базировались на поддержке высшей бюрократии, не имея большинства в парламенте, что снижало шансы правительства на успех своих реформ⁴. Большие надежды издание возлагало на занявшего 1 июня 1906 г. пост премьер-министра М. Бека, называя его осторожным и прагматичным политиком⁵. Ему удалось ввести в Австрии всеобщее избирательное право и провести ряд социальных реформ. Однако этот оптимизм продолжался недолго, ибо в ноябре 1908 г. М. Бек ушел в отставку.

С большим воодушевлением «Вестник Европы» отнесся к введению в 1907 г. в Австрии всеобщего избирательного права. Альманах полагал, что Россия должна была пойти по такому пути. По его мнению, всеобщее избирательное право стабилизировало политическую ситуацию в стране. Однако до полного успокоения было далеко. Так как конфликты между народами и политическими партиями Австрии достигли значительных масштабов, им требовались компромиссы и согласие, чего нельзя было сделать без взаимных уступок⁶.

Летом 1908 г. «Вестник Европы», в очередной раз подводя итоги введения в Австрии всеобщего избирательного права, указывал на чрезмерное влияние клерикализма на все стороны жизни Цислайтании, причем клерикалы активно вмешивались в дела светских властей. По степени влияния католической церкви на жизнь общества только Испания могла сравниться с Австрией. Клерикализм мешал развитию в Австрии либерализма и парламентаризма всеми силами. Клерикалы, по мнению

¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1897. № 10. С. 783.

² Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1901. № 6. С. 827.

³ Там же. С. 795.

⁴ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1904. № 12. С. 819.

⁵ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1908. № 1. С. 410.

⁶ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1908. № 1. С. 409.

издания, вели Австрию к глубокому кризису¹. В качестве одного из примеров альманах приводил отставку прогрессивного профессора Вармуда из Университета Инсбрука по требованию клерикалов.

В 1910 г. «Вестник Европы» признавал общую стабилизацию ситуации в Австрии и снижение накала межнациональной борьбы за одним только исключением. Страна погрязла в бесконечном чешско-немецком конфликте. Ни одно правительство не могло решить этот ребус, ни одна из конфликтующих сторон не шла на уступки. Вся политическая жизнь Австрии в начале XX в. вращалась вокруг споров чехов с австро-немецками².

В одном из номеров издания публикуется материал, посвященный чешскому национальному движению. Прежде всего альманах обращает внимание на личность К. Ригера, которого оно считал великим патриотом чешского народа, стоявшего на позициях прагматичной политики. Ему удалось привлечь к чешскому национальному движению аристократию и подготовить не реализованный в 1870 г. проект, предоставлявший особые права Чешскому королевству в рамках империи Габсбургов. Но, к сожалению, данный проект был сорван усилиями Венгрии и австро-немецких централистов³. К. Ригер избегал крайностей, стремясь на основе компромисса с ведущими политическими силами Австрии расширить права чешских земель. По мнению издания, К. Ригер оказался незаслуженно забыт на родине и за пределами Дунайской империи. Он оказался в тени младочехов, оттеснивших его на второй план. «В судьбе Ригера сказались обычные черты славянских движений – склонность к раздорам и внутренним провокациям, отсутствие единства и поддержки в преследовании общих и национальных целей», – указывал по данному поводу «Вестник Европы»⁴.

¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1908. № 6. С. 867.

² Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1910. № 1. С. 405.

³ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1903. № 4. С. 799.

⁴ Там же. С. 800.

Младочехи не вызывали симпатий у альманаха, так как они, разгромив «старых» чешских патриотов, за 20 лет ничего не сделали на практике для Чехии, их радикальная политика сводилась только к бесконечным крикам, шуму и пиару. На фоне консолидации австро-немцев, на взгляд альманаха, в чешском движении царил полный хаос и разброд, от которого чешское общество начинало уставать. В заключении альманах приходил к выводу, шокировавшему славянофилов: «Если бы история новейшего национального движения Чехии не была искусственно прервана по воле младочехов, то, без сомнения, чешско-немецкий кризис распутался бы уже давно и национальная борьба под влиянием мирной тактики Ригера превратилась бы, быть может, в спокойное культурное сожительство равноправных соседей»⁵. Таким образом, критикуя действия младочехов, альманах поддерживал идею мирного урегулирования чешско-немецкого конфликта на основе компромиссов, он видел в неконструктивной политике младочехов угрозу для стабильности всей Австрии.

В 1911 г. «Вестник Европы» заинтересовался партийно-политической системой Австрии. Известный публицист и общественный деятель М. Б. Ратнер опубликовал на страницах издания статью по данному поводу. По его мнению, было вполне очевидным деление политических партий в стране по национальному признаку, исключением стали только социал-демократы и христианские социалисты. По его мнению, после введения всеобщего избирательного права этот процесс только усилился, в частности, три ведущие австро-немецкие партии взяли курс на консолидацию для противостояния нарастающему влиянию славян в империи Габсбургов, создав «Немецкий национальный союз». В то же время внутри национальных союзов, коалиций было налицо деление по социальному признаку, поэтому неслучайно, что они раскололись, когда поднимались основные проблемы социально-экономического развития Цислайтании. В качестве примера приводилась ситуация,

⁵ Там же. С. 801.

развивавшаяся внутри «Польского коло» и «Немецкого национального союза», где члены коалиций расходились во мнениях по поводу дальнейшего развития в стране социального законодательства¹.

М. Ратнер спессимизмом относился к будущему самой массовой партии Австрии – христианским социалистам. Традиционно партия занимала лояльные позиции к славянам Австрии, но в последние годы жизни К. Люгера, она постепенно дрейфовала в сторону поддержки австро-немецких националистов, особенно данная тенденция проявилась в Нижней Австрии. Партия раскололась на несколько фракций по всем злободневным проблемам развития Цислайтании. Это во многом стало результатом объединения партией широких слоев населения, придерживавшихся диаметрально противоположных взглядов (крестьяне, ремесленники, мелкие буржуа, промышленные рабочие, мелкие и средние чиновники). Антисемитизм, антикапиталистическая риторика и христианская доктрина консолидировали данные социальные группы, но по мере развития этих основ Австрии становилось недостаточно для консолидации партийных рядов. В партии развернулась жаркая дискуссия по поводу социального законодательства. Партия все больше ориентировалась на консервативное крестьянство, что ослабляло ее позиции среди остальных слоев общества, что привело ее к острому кризису².

Сложная ситуация, по мнению М. Ратнера, развивалась и в другой ведущей наднациональной партии Австрии – СДПА. Партию объединяли железная дисциплина и доктринальная четкость. Наряду с этим в ней также прослеживалось разделение по национальному принципу, поэтому партия представляла собой союз национальных федераций социал-демократов. Социал-демократы решительно отстаивали свои программные установки, отодвигая

на второй план национальные интересы. Чешские социал-демократы критиковали главный лозунг чешских националистов – доктрину «чешского государственного права». Однако чешско-немецкий конфликт не мог не затронуть и социал-демократов. Не раз чешские и австро-немецкие социал-демократы давали различную оценку тем или иным политическим событиям. Апофеозом разногласий между ними становится вопрос о развитии профсоюзного движения в Австрии. Австро-немцы выступали за создание единого общеимперского профсоюзного движения, а чехи требовали создания самостоятельного чешского профсоюзного движения³.

Такая пестрая картина в партийно-политической системе Австрии привела к проблемам формирования правительственного большинства в парламенте и после введения в стране всеобщего избирательного права. Формально правительство имело небольшой перевес над оппозицией в рейхсрате, однако в любой момент переход одной партийной группы или фракции в стан оппозиции мог полностью изменить расстановку сил в парламенте. Самым слабым звеном в правительственной коалиции являлось «Польское коло»⁴.

М. Б. Ратнер не очень верил в возможность создания в рейхсрате единого «славянского союза». Конфликт между немцами и славянами во многих коронных землях отходил на задний план на фоне острых склок между самими славянскими народами. Наибольшую остроту в этой связи приобрел конфликт между поляками и украинцами в Галиции и Буковине, хорватами и сербами в Далмации. Поляки, контролирующие Галицию при поддержке Вены, занимали проправительственные позиции, поэтому они не были готовы входить в «Славянский блок». Украинцы долгое время не проявляли интереса к союзу с другими славянскими партиями, и только в 1910 г. некоторые украинские политики заявили о возможности вхождения в «Славянский блок». Однако такой шаг мог при-

¹ Ратнер М. Национальные и политические моменты в парламентской жизни Австрии // Вестник Европы. 1911. № 1. С. 146.

² Ратнер М. Национальные и политические моменты в парламентской жизни Австрии // Вестник Европы. 1911. № 1. С. 147.

³ Там же. С. 151.

⁴ Там же. С. 153.

вести к конфликту союза с польскими депутатами практически всех польских партий и охлаждению к блоку со стороны чехов, заинтересованных в поддержке их поляками в противостоянии с австро-немецами. «Славянство в Австрии не представляет собой в настоящее время единого начала, и мысль о разделении всей габсбургской монархии на два резко противоположных лагеря – славянский и немецкий – по самому существу своему неосуществима», – заключал по данному поводу М. Б. Ратнер¹. По мнению автора, Австрия, скорее всего, пойдет по пути консолидации буржуазных партий. Пример австро-немцев и поляков показал, что различные народы Цислайтании могли находить компромиссы ради решения сложных стратегических вопросов, стоявших перед Австрией. К союзу поляков и австро-немцев могли в будущем присоединиться ряд чешских и словенских партий и на этой основе сформировалось бы правительственное большинство. Опозицию будут представлять социал-демократы и ряд мелких демократических партий национальных меньшинств.

При освещении ситуации в Австрии издание привлекала не только большая политика, оно публиковало светскую хронику, скандалы и другие новости, вызывавшие пристальное внимание общества. В сентябре 1882 г. «Вестник Европы» писал о самоубийстве Марии Дюмэн, долгое время встречавшуюся с графом Куденхове. Когда их роман стал достоянием общественности, граф пытался убедить М. Дюмэн покинуть Австрию, однако она предпочла покончить жизнь самоубийством. Альманах не сомневался в чистоте намерений М. Дюмэн во время ее романа с графом и был возмущен комментариями австрийских газет, оклеветавших несчастную девушку². По мнению «Вестника Европы» вся эта история символизировала деградацию, обмельчание «золотой молодежи» Австрии.

¹ Ратнер М. Национальные и политические моменты в парламентской жизни Австрии // Вестник Европы. 1911. № 1. С. 156.

² Корреспонденция из Вены // Вестник Европы. 1882. № 10. С. 365.

Большой интерес в России вызывала личность К. Люгера, лидера христианских социалистов, долгое время занимавшего должность бургомистра Вены. К. Люгер не раз попадал на страницы газет в связи со своими экстравагантными действиями и высказываниями. В 1882 г. он обвинил подрядчика-англичанина в махинациях и в попытках подкупа членов городского совета. Суд не подтвердил данный факт. В то же время во время судебного процесса вскрылась связь многих членов совета с банками, биржами, фирмами, особенно принадлежавшими Ротшильдам.

Венгрия

События 60–70-х гг. XIX в. на Балканском полуострове привели к всплеску национального самосознания народов региона и интереса великих держав к событиям на полуострове, в том числе Австро-Венгрии. По мнению альманаха, наиболее болезненная реакция на балканские события оказалась у Венгрии. Будапешт исходя из собственных представлений о зоне влияния средневекового Венгерского королевства на Балканах, включал в нее Сербию, Румынию, Болгарию, Боснию и Герцеговину³. Внешнеполитические потери в восприятии венгерского правящего класса сочетались с осознанием нарастающей славянской угрозы для Венгрии, исходящей как со стороны независимых славянских государств в союзе с Румынией, так и со стороны собственного славянского населения, проживавшего на территории Венгрии. Альманах обратил внимание на то, как в 1872 г. венгерские политики и пресса набросились не сербов Венгрии, заподозрив их в симпатиях к Сербии, они обвинялись в сепаратизме, в проповедовании в жизнь концепции «Великой Сербии» и прочих грехах⁴. Русско-турецкая война и провозглашение независимости Сербии, Румынии и Черногории привели, на взгляд альманаха, к ужесточению политики Будапешта по отношению к собственному славянскому населению.

³ Первольф И. Мадыары и восточный вопрос // Вестник Европы. 1877. № 9. С. 899.

⁴ Первольф И. Мадыары и восточный вопрос // Вестник Европы. 1877. № 10. С. 793.

Во время войны Турции с Сербией, а затем с Россией венгерский правящий класс не скрывал своих симпатий к туркам. Альманах обратил внимание в данной связи на заявления венгерских политиков об этническом родстве мадьяр и турок¹. Одновременно альманах, подозревал венгров в том, что, заявляя о родстве с турками и призывая к сохранению территориальной целостности Османской империи, они были не прочь расширить границы Венгрии за счет балканских территорий, включая Боснию и Герцеговину². По мнению И. Первольфа, автора данного материала, чеха по национальности, вхождение народов Балканского полуострова в состав Австро-Венгрии было опасно. Австро-немецки превосходили их по численности и уровню культурного развития, поэтому они могли ассимилировать балканские народы, а мадьяры находились на одном уровне развития с народами Балканского полуострова, следовательно, они не могли им дать ничего положительного, кроме угнетения³.

Празднование в Венгрии «Миллениума» в 1896 г. привлекло внимание «Вестника Европы». Альманах подробно описывал, что было сделано в стране к юбилею, как проходил сам юбилей. Одновременно юбилейные мероприятия дали повод для рассуждений о политическом развитии дуалистической Венгрии. По мнению альманаха, венгры (мадьяры) с помощью энергии, политического искусства заняли лидирующие позиции не только в венгерской половине империи Габсбургов, но и в Австро-Венгрии в целом. Венгры (мадьяры) отличались высокой степенью солидарности, пронизывающей все слои общества. Нация быстро развивалась, рос ее культурный уровень.

Венгры, на взгляд «Вестника Европы», были способны развивать и другие народы Транслайтании, для этого они имели все возможности⁴. Они могли бы стать

своеобразным мостиком, соединившим народы Юго-Восточной Европы с достижениями Западной цивилизации. Но этого не произошло. Причина данного явления заключалась в так называемой «болезни XIX в.», поразившей и венгерское общество. Ее симптомы «Вестник Европы» сводил к двум моментам: 1) национализм; 2) гипертрофированное увлечение внешней политикой⁵. В этих условиях венгерская политическая элита берет курс на проведение политики мадьяризации национальных меньшинств с помощью образования, внедрение венгерского языка во все сферы жизни, ущемление национальных меньшинств при формировании органов государственной власти, парламента и т. д. Однако насильственные действия Будапешта, по мнению альманаха, привели к абсолютно противоположным результатам: к росту национального самосознания и антиправительственных настроений. «Вестник Европы» не сомневался в том, что будущее Венгрии заключалось только в ее автономизации или федерализации с предоставлением равных прав всем народам, проживавшим на территории Венгерского королевства⁶.

В марте 1914 г. «Вестник Европы» вновь рассуждает о причинах венгерского национализма. По его мнению, он являлся проявлением «...сознания своей слабости и страхом за будущее»⁷. Венгры (мадьяры) имели незначительное этническое большинство в стране, их взаимоотношения с Австрией были довольно туманны, на границах Венгрии набирали силу Румыния, Сербия и присутствовала извечная «угроза с Востока» в лице России.

В начале XX в. в условиях набравшего силу политического кризиса в Венгрии, вызванного действиями «национальной оппозиции» во главе с Ф. Кошутом, «Вестник Европы» постоянно отслеживал очередные его проявления. Начало конституционного кризиса в Венгрии 1 января 1905 г. и последовавшая за этим отставка прави-

¹ Первольф И. Мадьяры и восточный вопрос // Вестник Европы. 1877. № 10. С. 797.

² Там же. С. 800–801.

³ Там же. С. 803.

⁴ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1998. № 6. С. 804.

⁵ Там же. С. 805

⁶ Там же. С. 805.

⁷ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 3. С. 373.

тельства И. Тисы привели к министерской чехарде и нарастанию конфликтности в обществе. Назначение в июне 1905 г. премьер-министром Венгрии барона Г. Фейервари «Вестник Европы» не рассматривал в качестве долгосрочной перспективы, полагая, что барон являлся временной компромиссной фигурой. Большой переполох в Венгрии и за ее пределами вызвали слова нового премьер-министра о необходимости расширения избирательно права в Венгрии для борьбы с засильем дворян в парламенте¹. «Вестник Европы» поддерживал такую инициативу, правда, несколько сомневаясь в возможностях Г. Фейервари в реализации данного проекта.

Одним из пунктов расхождений короны и оппозиции являлся вопрос о введении венгерского языка в австро-венгерской армии в качестве одного из языков командования. По мнению альманаха, реализация данного проекта на практике привела бы к развалу армии Австро-Венгрии, ее полному коллапсу².

В марте 1906 г. «Вестник Европы» признавал, что ситуация в Венгрии зашла в тупик, так как ни одна из конфликтующих сторон не могла одержать полной победы. При этом, на взгляд издания, только «замечательная сдержанность» венгерского народа в данной ситуации не привела к кровопролитию³.

Назначение в апреле 1906 г. нового премьер-министра Венгрии Ш. Векерле вызвало появление очерка, посвященного данному политику. По мнению издания, Ш. Векерле на практике будет проводить курс на постепенное отделение Венгрии от Австрии в политическом и экономическом отношении⁴. Издание прокомментировало отставку К. Куэн-Хедервари 22 апреля 1912 г., полагая, что премьер-министр Венгрии был отстранен от власти за вынос

на обсуждение в парламенте вопроса о сборах резервистов, не заручившись поддержкой большинства депутатов⁵.

Отставка правительства Ш. Векерле осенью 1909 г. дала повод обратиться к анализу ситуации в Австро-Венгрии и в ее венгерской половине. На взгляд издания, неопределенность во взаимоотношениях между Австрией и Венгрией только нарастала. Общение императора с Ф. Кошутом в 1909 г. не внесло ясности в венгерские дела империи. Лидер национальной оппозиции требовал учреждения самостоятельного Венгерского государственного банка и введения в армию венгерского языка в полном объеме. «Вестник Европы» полагал, что Франц-Иосиф на эти реформы никогда не согласится, ибо для императора они означали окончательный распад империи. Эту позицию, по данным издания, поддерживал и наследник престола Франц-Фердинанд⁶. Однако Ф. Кошут выражал позицию, поддерживаемую большинством венгров (мадьяр). Следовательно, переговоры императора и Ф. Кошута еще больше запутали ситуацию и не прояснили перспективы австро-венгерских взаимоотношений.

В мае 1912 г. в Будапеште произошла многочисленная демонстрация рабочих, в результате столкновений с полицией и войсками погибло 6 чел. и было ранено 165 чел. «Вестник Европы» не скрывал сочувствия к рабочим. По его мнению, бесконечная смена правительств, расстрел демонстрации рабочих, общая политическая нестабильность свидетельствовали об отсутствии в Венгрии политической партии или отдельного политического лидера, способного объединить страну. Ф. Кошут и его окружение не имели соответствующих способностей и политической дальновидности. Страна раскололась по национальному и социальному признакам, и это ослабляло ее позиции в диалоге с Австрией и монархом⁷. «Вестник Европы» выделял

¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1905. № 12. С. 802.

² Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1908. № 4. С. 363–364.

³ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1906. № 3. С. 363.

⁴ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1906. № 7. С. 409.

⁵ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1912. № 6. С. 412.

⁶ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1909. № 9. С. 637.

⁷ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1912. № 6. С. 414.

несколько раздиравших Венгрию в начале XX в. кризисных процессов: между Венгрией и короной; господствующим классом и трудовым населением из-за избирательной реформы; мадьярами и национальными меньшинствами из-за попыток мадьяр монополизировать власть и навязать меньшинствам венгерский язык¹. Страна зашла в тупик, правящая элита оказалась не в состоянии вывести Венгрию из острого политического кризиса. По мнению альманаха, Венгрии нужен был мудрый и авторитетный политик типа Ф. Деака, который в 1867 г. придал стране мощный импульс развития.

«Вестник Европы» указывал на влияние венгерского кризиса на внутривнутриполитическую ситуацию в Австрии, где остро реагировали на высказывания и действия «национальной оппозиции». Одним из проявлений данных настроений стала антивенгерская демонстрация в Вене у здания, в котором находилась венгерская делегация. Демонстрантов возглавлял бургомистр Вены К. Люгер, не скрывавший своих антивенгерских взглядов².

Лето 1914 г.

Убийство в Сараево 28 июня 1914 г. эрцгерцога Франца-Фердинанда обратило внимание альманаха на судьбу самой династии Габсбургов, и она оказалась не очень утешительной, на лицо был кризис самой семьи Габсбургов. Самоубийство кронпринца Рудольфа (альманах сомневался в официальной версии гибели кронпринца, склоняясь в пользу версии о самоубийстве Рудольфа. – *Прим. И. К.*), трагическая гибель от рук террориста императрицы Елизаветы, казнь мексиканскими националистами эрцгерцога Максимилиана, скорострительная смерть эрцгерцога Карла-Людвига привели Австро-Венгрию к острому династическому кризису. В этих условиях император пошел на немыслимый для обычной ситуации ход, сделал наследником престола эрцгерцога Франца-Фердинанда, состоявшего в морга-

нистическом браке с графиней С. Хотек. Правда, альманах признавал, что сам император Франц-Иосиф пользовался колоссальной популярностью среди различных социальных и национальных групп населения империи Габсбургов³.

Династические правила и придворный этикет становились тягостными обязанностями для многих представителей династии, поэтому они предпочитали становиться обычными буржуа, отказываясь от своих титулов и многих привилегий⁴. Так поступили эрцгерцог Иоганн Сальватор, принцесса Стефания – жена покойного Рудольфа, единственная дочь Рудольфа Елизавета-Мария и другие.

Личность убитого наследника австро-венгерского престола вызывала сочувствие у издания, несмотря на всю противоречивость данной натуры. «Вестник Европы» наделял его следующими качествами: ревностный католик; человек, веривший в безграничные возможности армии; грустный и замкнутый человек, который мог радоваться только в кругу своей семьи⁵. Он ненавидел Италию, Сербию, Россию, допуская возможность войны с ними вместе или поодиночке.

«Вестник Европы» попытался разобраться в причинах сараевских событий. В этой связи издание несколько меняет свое отношение к политике Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине. По его мнению, сербов в Боснии и Герцеговине притесняли, что вызвало их недовольство и стимулировало рост симпатий к Сербии и династии Карагеоргиевичей. Австро-Венгрия вместо поиска компромиссов с боснийскими сербами расширяла репрессии против лидеров сербского национального движения в аннексированных провинциях, способствуя развитию сербского терроризма⁶.

После известий об убийстве эрцгерцога в Сараево, Мостаре и в других городах Боснии и Герцеговине прошли сербские

³ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 7. С. 407.

⁴ Там же. С. 407.

⁵ Там же. С. 409.

⁶ Там же. С. 405.

¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1912. № 6. С. 425.

² Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1906. № 7. С. 409.

погромы. «Вестник Европы» решительно осудил действия погромщиков по отношению к ни в чем неповинным людям и бездействие армии и полиции¹.

***

Таким образом, австро-венгерский блок в информационной политике «Вестника Европы» занимал весомое место. В отличие от большинства российских изданий альманах стремился объективно подойти к анализу ситуации в Австро-Венгрии и ее внешней политики. Интерес к империи Габсбургов объяснялся схожестью ее развития с Россией. Австро-Венгрия раньше приступила к решению национального вопроса в условиях развития конституционализма, что предстояло сделать России, австрийская половина империи в 1907 г. ввела всеобщее избирательное право, и России также предстояло пойти на такой шаг. Поэтому для российских либералов Австро-Венгрия стала экспериментальным полигоном, где отрабатывались многие политические тренды будущего развития конституционной России.

В начале XX в. постепенно обострялась ситуация на Балканском полуострове, особенно после аннексии Дунайской империей Боснии и Герцеговины. Альманах полагал, что Вена проводила грамотную политику на Балканах, поэтапно решая собственные геополитические задачи,

в то время как ослабленная поражением в русско-японской войне Россия не могла достойно противостоять Австро-Венгрии на полуострове. Во многом это было связано с неграмотной внешней политикой Санкт-Петербурга и игнорированием Россией интересов южных и западных славян. По мнению «Вестника Европы», славянофильская риторика официальной России зачастую служила прикрытием для решения собственных политических задач на Балканах.

Альманах не мог прийти к общему мнению в оценке перспектив развития империи Габсбургов. Большинство его авторов не сомневалось в распаде Австро-Венгрии. В то же время они допускали возможность федерализации Австрии и тем самым сохранения ее единства. Менее ясности было применительно к Венгрии. Политика ущемления Будапештом прав национальных меньшинств, его конфликт с короной, торможение процесса демократизации венгерского общества делали перспективы Венгрии не столь радужными. Спасением венгерской половины империи Габсбургов могла стать ее федерализация, но готова ли была политическая элита страны пойти на столь решительный шаг? «Вестник Европы» в начале XX в. не видел политических сил в Будапеште, способных пойти на радикальные реформы.

¹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. № 7. С.410.

А. Н. Птицын

((Северо-Кавказский федеральный университет))

БЕЛА ФОН ВАНГЕЛЬ: АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Среди многочисленных переселенцев из Австро-Венгерской монархии, осевших в России в дореволюционный период, особое место занимали предприниматели. Наряду с представителями интеллектуальных и творческих процессов они составляли своего рода переселенческую элиту.

Законодательством Российской империи с середины XIX в. иностранные предприниматели были фактически уравнены в правах с российскими, что вызвало приток в нашу страну деловых людей из различных европейских государств, в том числе из Габсбургской монархии.

Австро-венгерские предприниматели действовали в различных сферах российской экономики, наиболее широким их представительство было в торговле и ряде отраслей промышленности (металлообработка, текстильная и пивоваренная промышленность). Они принадлежали к различным народам дуалистической монархии, при этом подавляющее большинство из них были уроженцами Цислейтании (чехи, австрийские немцы, евреи). Выходцами из Транслейтании являлись словаки, занимавшиеся в России развозной торговлей либо открывавшие металлообрабатывающие мастерские. Кроме того, среди иностранных торговцев были отдельные венгры, венгерские немцы и евреи, хорваты и трансильванские румыны¹.

Самым крупным предпринимателем дореволюционной России, происходившим из венгерских земель, являлся Бела фон Вангель (в нашей стране его называли Бела Иванович). Он был основателем и главным акционером одной из крупнейших в России компаний по строительству арте-

зианских колодцев и производству бурового оборудования.

Б. И. фон Вангель родился в 1850 г. в небольшом городке Батасек в центральной Венгрии (комитат Тольна). Судя по венгерскому имени и немецкой дворянской фамилии, он происходил из мадьяризованной немецкой (либо из смешанной немецко-венгерской) семьи. В Россию Б. И. фон Вангель переселился в 1880 г., в 30-летнем возрасте. Он поселился в Москве, крупнейшем торговом и промышленном центре страны, и стал одним из основателей и младшим компаньоном «Московской фабрики игрушек А. Шварцкопф и К^о» (ее основным владельцем являлся германский подданный Александр Шварцкопф)².

В 1886 г. во дворе этой фабрики под руководством Б. И. фон Вангеля был построен первый артезианский колодец. В то время Москва, как и другие российские города, испытывала острый дефицит воды, поскольку существовавшие тогда водопроводы были маломощными. Поэтому строительство артезианских колодцев представлялось весьма перспективным делом. Б. И. фон Вангель решил сосредоточиться в этой сфере и, отойдя от дел на игрушечной фабрике, в 1891 г. открыл техническую контору по бурению артезианских скважин. Ему удалось получить заказы на устройство ряда артезианских колодцев в Москве и успешно их выполнить. Б. И. фон Вангель вникнул во все тонкости бурового дела и вскоре приобрел репутацию опытного специалиста. В 1892 г. он опубликовал практическое руководство по устройству артезианских скважин³.

² Альбом участников Всероссийской промышленной выставки в Нижнем Новгороде в 1896 г. – СПб., 1896. Ч. 2. Раздел «Ж». С. 4.

³ Вангель Б. И. фон. Устройство артезианских колодцев способом указанным практикою. – М., 1892.

¹ См.: Птицын А. Н. Предприниматели из австро-венгерских земель в России (XIX – начало XX века) // Славяноведение. 2010. № 1. С. 83–90.

С целью расширения бизнеса и выхода на всероссийскую арену австро-венгерский предприниматель организовал компанию в виде товарищества на паях «Московское товарищество повсеместного артезианского водоснабжения, орошения и осушки Б. И. фон Вангель». После согласования учредительных документов в Канцелярии московского генерал-губернатора и Министерстве финансов этой компании был утвержден императором Александром III (3 мая 1893 г.). В уставе определялось, что «товариществу предоставляется право повсеместно в империи производить работы по устройству артезианских колодцев, буровых скважин и водопроводов, а равно устраивать соответствующие цели товарищества мастерские и заводы, и приобретать для сего движимое и недвижимое имущество с соблюдением соответствующих постановлений»¹.

Данная компания открыла свои действия в 1894 г. и успешно действовала вплоть до Первой мировой войны. Основным его пайщиком и председателем правления являлся Б. И. фон Вангель. Правление компании состояло из 4 директоров, избираемых пайщиками, и размещалось в принадлежавшем Б. И. фон Вангелю доме в Москве по адресу: ул. Покровка, д. 84² (он сохранился и поныне).

Вначале планировалось, что основной капитал данного товарищества составит 600 тыс. руб., однако такую весьма значительную по тем временам сумму собрать не удалось, и в 1895 г. решением общего собрания пайщиков она была уменьшена до 360 тыс. руб. Основной капитал общества был разделен на 1 200 паев по 300 руб. каждый. Первоначально Б. И. фон Вангелю принадлежало 960 паев, и еще 50 паев находилось в собственности его жены Берты Фердинандовны (в течение нескольких лет она также числилась одним из директоров компании). Остальные 8 пайщиков – предприниматели и инженеры российского и германского происхождения – владели наибольшими пакетами акций (от 10 до 50

паев каждый), из их среды были избраны остальные члены правления³.

Таким образом, вначале данная компания было фактически единоличным владением ее основателя. Однако затем число пайщиков и количество принадлежавших им паев стало увеличиваться, при этом часть паев приобрел Московский учетный банк. Постепенно товарищество все больше стало приобретать черты акционерного, коллективного предприятия. Так, в 1898 г. Б. И. фон Вангелю принадлежало 470 паев и еще 10 – его супруге, 300 паев принадлежало Московскому учетному банку, 120 паев – крупному московскому капиталисту С. И. Лямину, остальные же пайщики были мелкими⁴.

Среди пайщиков «Московского товарищества повсеместного артезианского водоснабжения, орошения и осушки Б. И. фон Вангель» были двое австро-венгерских предпринимателей, живших в Москве – Альфред Вентцелли, совладелец фабрики по производству пуговиц (имел 16 паев), и Игнатий Кербер, владелец фирмы по продаже тканей и пряжи (имел 30 паев)⁵.

Уже к 1896 г. компанией Б. И. фон Вангеля было сооружено в общей сложности 438 артезианских колодцев, в том числе 174 – в Москве, их строительство активно продолжалось и в последующие годы. Эти скважины снабжали водой промышленные и торговые предприятия, бани, объекты городской инфраструктуры, а также иногда служили источником питьевой воды. В Москве один из крупнейших артезианских колодцев был оборудован в подвале построенных в 1893 г. Верхних торговых рядов (ныне – ГУМ), он имел глубину 110 метров, был снабжен мощным газовым насосом и давал тысячи ведер воды в сутки. В некоторых городах (например, подмосковной Коломне) за счет артезианских скважин, устроенных товариществом, полностью питался городской водопровод. Компания выполняла и государственные заказы. Так, по заказу военного ведомства в крепости Ивангород в Польше было сооружено 7 ар-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 24. Д. 128. Л. 27.

² Там же. Л. 55.

³ Там же. Л. 60, 85, 91–92.

⁴ Там же. Л. 97.

⁵ Там же. Л. 97, 118.

тезианских колодцев¹. В 1896 г. за свои достижения товарищество Б. И. фон Вангеля было награждено серебряной медалью на Всероссийской промышленной выставке в Нижнем Новгороде².

На рубеже XIX–XX вв. компания Б. И. фон Вангеля получила концессию на строительство водопровода в г. Аккермане Бессарабской губернии. За свой счет она пробурила 3 скважины и построила первую очередь водопровода, однако строительство так и не было доведено до конца, поскольку Аккерманская Городская дума не смогла выполнить свои обязательства по его финансированию. Это вызвало у компании серьезные финансовые трудности³.

Помимо строительства артезианских колодцев, Б. И. фон Вангель занимался таким перспективным делом, как разведка нефти. Его компания в 1895–1896 гг. организовала буровые работы на реке Ухте (Печорский уезд Архангельской губернии), где было пробурено 26 скважин. Результаты экспедиции имели только научное значение – было проведено изучение качества местной нефти и доказана выгодность ее добычи, но промышленного значения эти скважины не имели⁴. Примечательно, что результаты геологоразведочных работ были опубликованы самим Б. И. фон Вангелем⁵. В этой связи следует заметить, что из-за трудных условий залегания промышленная добыча ухтенской нефти развернулась уже в советский период.

В 1896 г. Б. И. фон Вангель в принадлежащей ему усадьбе на Покровке (д. 84) открыл мастерскую по изготовлению буро-

вого инструмента для нужд собственной компании. Постепенно она стала расширяться за счет установки новых токарных и сверлильных станков, прессов, горнов, паровых и электрических двигателей и другого оборудования. Со временем небольшая мастерская превратилась в механический завод, который изготавливал трубы, насосы, буровой инструмент и другое оборудование. Он полностью удовлетворял потребности товарищества Б. И. фон Вангеля, а также продавал свою продукцию другим фирмам. К концу 1900-х гг. этот завод выпускал продукции на 300 тыс. руб. в год, на нем было занято 250 рабочих⁶. Таким образом, теперь основные доходы товарищество получало уже не за счет строительства скважин, а от производства бурового оборудования.

Активы «Московского товарищества повсеместного артезианского водоснабжения, орошения и осушки Б. И. фон Вангель» составляли значительные суммы, их стоимость постепенно росла: в 1894 г. она составляла 662 тыс. руб., в 1904 г. – 714 тыс. руб., в 1914 г. – 820 тыс. руб. (в том числе: стоимость оборудования и материалов – 381 тыс. руб., стоимость готовых изделий – 160 тыс. руб., стоимость недвижимости – 84 тыс. руб., дебиторы – 151 тыс. руб., акции аккерманского водопровода – 38 тыс. руб.)⁷.

Финансовые показатели деятельности компании Б. И. фон Вангеля колебались вместе с экономическим положением страны. В середине и второй половине 1890-х гг. (до 1899 г.) она получила хорошие доходы (чистая прибыль составляла от 33 до 44 тыс. руб. в год), а затем начались трудности, связанные с ухудшением экономической конъюнктуры и финансовыми потерями при строительстве аккерманского водопровода. На всем протяжении 1900-х гг. чистая прибыль товарищества была небольшой (от 1 до 12 тыс. руб. в год), а 1902 г. и 1910 г. оно вообще закончило с убытками. Накануне Первой мировой

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 24. Д. 128. Л. 107 об.

² Альбом участников Всероссийской промышленной выставки в Нижнем Новгороде в 1896 г. – СПб., 1896. Ч. 2. Раздел «Ж». С. 4.

³ Коваль Г. П. Діяльність Аккерманської думи в галузі благоустрою міста: 1870–1917 рр. // Наукові праці Чорноморського державного університету імені Петра Могили. Сер.: Історія. 2011. Т. 147. Вип. 134. С. 12.

⁴ Юрченко В. В. История освоения и изучения Печорского края (с древнейших времен до 1928 г.). – Ухта, 2008. С. 44.

⁵ Вангель Б. И. фон. Ухтенская нефть по разведочным работам. – М., 1900.

⁶ Список фабрик и заводов России. 1910. По официальным данным фабричного, заводского и горного надзора. – СПб., 1910. С. 290.

⁷ РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 128. Л. 117, 132.

войны наступило оживление деятельности компании, и ее доходы стали расти (в 1914 г. чистая прибыль составила 23 тыс. руб.). Эти колебания прямо отражались на доходах пайщиков и членов правления компании: если в 1890-е гг. они получали годовой дивиденд в размере 8–9 % от внесенного капитала, то в первой половине 1900-х гг. он не выплачивался вовсе¹.

В 1897 г. Б. И. фон Вангель стал учредителем еще одной компании – «Русско-го товарищества вулканизации дерева Б. И. фон Вангель и К^о», которая взяла в аренду в Сокольниках участок земли для постройки деревообрабатывающей фабрики². Однако данное начинание успеха не имело, и вскоре эта фирма была ликвидирована.

Б. И. фон Вангель пользовался большим авторитетом в российских деловых кругах, его компания по строительству артезианских скважин являлась крупнейшим предприятием подобного рода в России. Сам предприниматель вникал во все технические вопросы и имел репутацию одного из лучших в России специалистов-гидротехников. Он опубликовал несколько работ технического характера, а также уделял большое внимание внедрению изобретений и получению патентов³.

Б. И. фон Вангель активно участвовал в жизни австро-венгерской переселенческой общины в Москве, в 1910–1914 гг. он являлся вице-председателем Австро-Венгерского вспомогательного (благотворительного) общества в этом городе и участвовал в финансировании его деятельности⁴.

¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 128. Л. 13, 98, 115; Указатель действующих в империи акционерных предприятий / под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. – СПб., 1903. С. 1334–1335; Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов / под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. Т. 1. – СПб., 1905. С. 335–336.

² Справочная книга о лицах, получивших на 1898 год купеческие и промышленные свидетельства по г. Москве. – М., 1898. С. 87.

³ Альбом участников Всероссийской промышленной выставки в Нижнем Новгороде в 1896 г. – СПб., 1896. Ч. 2. Раздел «Ж». С. 4.

⁴ Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1910 год. – М., 1910. С. 69; Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1914 год. – М., 1914. С. 942.

Конец бизнесу Б. И. фон Вангеля положила Первая мировая война. Сразу же после ее начала российское правительство взяло курс на всемерное ограничение прав подданных воюющих с Россией держав, а с 1915 г. приступило к планомерной ликвидации их собственности. Был принят ряд чрезвычайных законов, согласно которым «враждебные подданные» были выведены из руководящего состава всех действовавших в нашей стране компаний, принадлежавшие им предприятия переходили под надзор правительственных инспекторов и должны были ликвидироваться либо переходить в руки российских подданных, также конфисковывались или передавались другим владельцам акции и прочие ценные бумаги, находившиеся в собственности данной категории иностранцев.

Все эти меры испытал на себе и Б. И. фон Вангель. Уже осенью 1914 г. он был выведен из состава правления основанной им компании, где остались только российские подданные. Новым председателем правления стал один из прежних директоров И. И. Керцелли. Новое правление передало часть паев, принадлежавших Б. И. фон Вангелю и его супруге, в руки российских пайщиков, а оставшиеся паи поступили в распоряжение Государственного казначейства. Такая же судьба постигла и паи других членов товарищества, бывших австро-венгерскими и германскими подданными. Состоявшееся 13 мая 1915 г. собрание пайщиков предложило новое название компании – «Московское на паях товарищество бурения, артезианского водоснабжения и механического завода». В 1915 г. в его состав была включена еще одна фирма – контора горно-технических работ, основанная в начале 1914 г. в Москве двумя компаньонами – австрийским подданным Отто Маврикиевичем Старкметом и российским горным инженером Георгием Артемьевичем Гамазовым, которая также имела собственные мастерские. При этом О. М. Старкмет, как и Б. И. фон Вангель, был полностью отстранен от дел и лишен своих акций, а Г. А. Гамазов стал членом правления объединенной компании⁵.

⁵ РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 128. Л. 107 об. – 108.

Отстраненный от дел своей компании, Б. И. фон Вангель, которому в 1914 г. исполнилось 64 года, в годы Первой мировой войны остался жить в Москве. В отличие от ряда других австро-венгерских и германских предпринимателей, он не подвергался каким-либо репрессиям и не был выслан из города (вероятно, по причине своего преклонного возраста). Последний раз сведения о нем содержатся в адресном справочнике «Вся Москва на 1917 г.»¹. Дальнейшая судьба предпринимателя неизвестна.

Российская карьера Б. И. фон Вангеля была достаточно типичной по сравнению

с другими австро-венгерскими предпринимателями. Приехав в нашу страну достаточно молодым человеком, он вначале выступал в качестве младшего компаньона в германской фирме, затем основал свою компанию, действующую в слабо освоенной сфере, и постепенно превратил ее в одну из ведущих в стране. Эта компания успешно действовала на российском рынке более 20 лет. В годы Первой мировой войны Б. И. фон Вангель, как и другие австро-венгерские и германские предприниматели, был отстранен от экономической деятельности и лишен своей российской собственности.

И. Н. Молодикова

(Центрально-Европейский университет, г. Будапешт)

РАБОТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С РОССИЙСКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ В ЛАГЕРЯХ АВСТРО-ВЕНГРИИ 1914–1919 гг.

Введение

Первая мировая война (ПМВ) была одной из первых войн, которые вовлекли в насильственные передвижения миллионы людей всей Европы, а не только армии. Огромные массы беженцев и вынужденных переселенцев спасались от боевых действий на Западе и востоке Европы, иностранцы в воюющих странах оказались, как в ловушке, и были интернированы. Около 7,8 млн военнопленных неожиданно для воюющих стран оказались за годы войны в странах-участницах, особенно в Германии, Австро-Венгрии и России.

Поэтому неслучайно, что именно гуманитарные организации с начала Первой мировой войны начали играть важную роль в оказании помощи военнопленным,

установлении их местонахождения для семей, обеспечения их жизнедеятельности в лагерях, защиты их прав, предусмотренных международными конвенциями, и содействию при возможности их скорейшей репатриации.

К сожалению, в западной историографии отмечался низкий интерес к тематике австро-венгерских лагерей, и особенно к русским военнопленным, до 1990-х годов. Даже начиная с этого периода доминировали исследования по отдельным лагерям², либо антропологические работы по

¹ Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1917 год. – М., 1917. С. 73.

² Koch R. Im Hinterhof des Krieges. Das Kriegsgefangenenlager Sigmundsherberg. – Klosterneuburg, 2002; или Mihalkovits E. Das Kriegsgefangenen- und Interniertenlager des Ersten Weltkriegs in Neckenmarkt mittleres Burgenland 1915–1919. Dissertation Universität. – Wien, 2003; Rappersberger P. Das Kriegsgefangenenlager Freistadt 1914–1918. Diplomarbeit Universität Wien. – Wien, 1989; Wiesenhofer F. Gefangen unter Habsburgs Krone. K.u.k. Kriegsgefangenenlager im Erlaufthal. – Purgstall, 1997.

воздействию плена на австро-венгерских солдат¹. Комплексных работ было мало².

В то же время последние публикации, особенно Кеннета Стейера (2009, 2013 г.) используют обширные архивные материалы Международного Красного Креста (МККК) и архивы библиотеки университета Миннесота, хранящие записи сотрудников Джона Мотта руководившего УМСА во время войны и «Студенческого движения в лагерях, окопах, госпиталях и тюрьмах» собранных в отчеты, дневники секретарей УМСА³ в два больших манускрипта⁴, которые были использованы автором статьи, и также архивов МККК, касающихся совместной деятельности с УМСА⁵. Они содержат много информации, дополняющей знания о проблемах военнопленных, через отчеты сотрудников этих агентств. Используя «дипломатию взаимности»

¹ Berner M. Die "rassenkundlichen" Untersuchungen der Wiener Anthropologen in Kriegsgefangenenlagern 1915–1918 // Zeitgeschichte. 30 / Heft 3. 2003. С. 124–136; Moritz V. & Leidinger H. Zwischen Nutzen und Bedrohung. Die russischen Kriegsgefangenen in Österreich 1914–1921. – Bonn, 2005; Walleczek J. Hinter Stacheldraht. Die Kriegsgefangenenlager in den Kronländern Oberösterreich und Salzburg im Ersten Weltkrieg, Dissertation Universität Innsbruck. – Innsbruck, 2012.

² Jones H. Violence against Prisoners of War in the First World War. Britain, France and Germany. – Cambridge, 2011; Moritz V. & Walleczek-Fritz J. Prisoners of War (Austria-Hungary), 2014, B website: 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War, ed. by Ute D., Gatrell P., Oliver J., Heather Jones, Jennifer Keene, Kramer A., Nasson B., issued by Freie Universität Berlin. Berlin 2014.10.08. DOI: <<http://dx.doi.org/10.15463/ie1418.10374>>.

³ Steuer K. The American YMCA and Prisoner of War Diplomacy with the Central Powers during the First World War. – New York, NY: Columbia University Press, 2009 или Steuer K. Pursuit of an «Unparalleled Opportunity»: The American YMCA and Prisoner-of-War Diplomacy Among the Central Power Nations During World War I, 1914–1923. (с 2008) (HTML and PDF files at gutenberg-e.org) или Steuer K. First World War Central Power Prison Camps. History Faculty Publications. Paper 1. Western Michigan University, 2013. <http://scholarworks.wmich.edu/history_pubs/1>

⁴ For The Millions of Men Now under Arms 1 и For The Millions of Men Now under Arms 2.

⁵ World's Alliance of YMCAs Archives, Geneva.

(diplomacy of reciprocity) или «параллельную дипломатию», международные организации должны были одновременно работать, помогая военнопленным воюющих стран⁶. Настоящая статья представляет собой краткий обзор деятельности международных организаций, таких как Международный Красный Крест (МККК), Международная Ассоциация Молодых Христиан (Youth Men's Christian Association – УМСА) и других в годы Первой мировой войны (ПМВ), по оказанию гуманитарной помощи российским военнопленным в лагерях Австро-Венгрии⁷ и особенностей их пребывания, представленных в отчетах сотрудников организаций.

Роль международного права и международных организаций в помощи военнопленным

Первые конкретные шаги по гуманному обращению с военнопленными были предприняты после итальянской войны Воссоединения, когда Анри Дюнан, наблюдая страдания раненых в битве при Сольферино в 1862 году, написал «Сувениры де Сольферино»⁸, описывая ужасные условия военнопленных. Он призвал глав государств выработать цивилизованные подходы к ведению войн, отношению к военнопленным и к раненым на полях сражений. Его призыв нашел отклик в странах Европы, и в 1864 г. был основан Красный Крест и национальные общества Красного Креста как добровольное объединение людей (в то время представителей элиты), готовых помогать людям, находившимся в ситуации опасности во время военных конфликтов⁹.

До этого времени «условно-досрочное освобождение» за обещание не братья за оружие против врага в течение войны, давало возможность комбатантам вернуться домой. Уход и кормление большо-

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Dunant H. UN SOUVENIR DE SOLFÉRINO, CICR. <<https://www.icrc.org/fre/assets/files/publications/icrc-001-0361.pdf>>

⁹ The Hague conventions and declarations of 1899 and 1907 / ed. By J. B. Scott. 3 ed. – New York, 1918. XXXIV. Carnegie Endowment for international peace. Division of intern. law. P. 303.

го количества войск считалось слишком сложной задачей для большинства воюющих сторон.

Первые шаги по созданию правовой базы относительно ухода за военнопленными и их лечения были сделаны на международной конференции по вопросам военнопленных в Женеве в 1864 году. Там была принята «Конвенция об улучшении условий раненых в войсках во время военных действий». Наиболее важные положения лечения раненых военнопленных получили развитие в Гаагских первой и второй мирных конвенциях 1899 и 1907 годов¹.

Фактически вторая мирная конференция в Гааге 15 июня 1907 году заложила основы международного гуманитарного права как совокупности международно-правовых норм и принципов отношения воюющих сторон между собой². Делегатам удалось договориться о новых ограничениях во время ведения войны и охране нейтральных лиц и нонкомбатантов. Была законодательно утверждена необходимость гуманного обращения с военнопленными и артикулировано требование их быстрой репатриации. Пятый параграф регулировал права и обязанности нейтральных государств и физических лиц в сухопутных войнах, и определял их ответственность³.

Цели и задачи международных гуманитарных организаций в ПМВ

Начало войны показало важность роли нейтральных государств и организаций в оказании помощи миллионам людей, находящихся в вынужденном заточении или бегстве. Международный Красный Крест (МККК) на момент начала войны имели отделения в десяти странах-участницах. Поэтому с началом войны он включился в гуманитарную деятельность по исполнению конвенции 1907 г. Однако МККК еще

не имел мандата в начале войны на оказание помощи военнопленным. Основание 21 августа 1914 г. Международного Агентства по делам военнопленных МККК было призвано восстановить связи людей, разделенных войной – военнопленных, гражданских интернированных и гражданских на оккупированных территориях⁴.

Из 7 млн военнопленных, в годы Первой мировой войны около 2 млн из 14 участвующих стран прошли через учет Агентства МККК. Эти данные подавали страны по захваченным военнопленным в МККК и данные по поиску военнопленных подавались другой стороной. Файлы российских военнопленных заполняло датское отделение Агентства Красного Креста. Международное Агентство по делам военнопленных МККК получило статус дипломатической миссии, и разрешение инспектировать лагеря и улучшать условия жизни военнопленных⁵.

К концу войны МККК имел уже 54 миссии и посещал 524 лагеря, места содержания интернированных и возвращающихся, тяжело больных и раненых. Деятельность Агентства проходила при активной кооперации с национальными фондами Красного Креста и также правительственными фондами помощи государств-участниц и нейтральных стран, а также Ватиканом. В России они работали с Фондом Александры Федоровны и фондами других членов царской фамилии. Очень активным участником помощи военнопленным стал фонд Шведский кронпринцессы Маргарет, осуществлявший мероприятия по поддержке военнопленных и посреднические функции по посылке гуманитарной помощи⁶.

Несколько стран исполняли функции нейтральных (Швеция, Дания, Швейцария и США). Так, к началу 1915 года, правительство США как нейтральное государство представляло интересы Великобритании, Германии и Австро-Венгрии по

¹ Speed R. B. III, Prisoners, Diplomats, and the Great War: A Study in the Diplomacy of Captivity. – N. Y., 1990. P. 1–3.

² The International Prisoners-of-war Agency. The ICRC in World War One. Geneva, Switzerland. – Geneva. 2007. URL: <https://www.icrc.org/eng/assets/files/other/icrc_002_0937.pdf>

³ Там же.

⁴ The International Prisoners-of-war Agency. The ICRC in World War One. Geneva, Switzerland. – Geneva. 2007. <https://www.icrc.org/eng/assets/files/other/icrc_002_0937.pdf>

⁵ См. Steuer K. Conclusion. 2009.

⁶ Ibid.

всему миру. Однако все договаривающиеся стороны (американский дипломаты и воюющей правительства) в переговорах о реализации положений Гаагских конвенции по-разному интерпретировали каждый ее пункт.

Пользуясь нейтральной ролью США, важную роль играла Международная Ассоциация Молодых Христиан (YMCA), имеющая корни в Америке. Она открыла свои национальные отделения еще с конца XIX века во многих странах Европы. YMCA была создана в США в начале XIX века для помощи молодым людям, прибывающим в период массовой урбанизации в города из глубинки и чувствовавшим себя там одинокими. Они часто попадали под влияние соблазнов. Создавая для молодежи места, где они могут проводить досуг, YMCA исходила из подхода, что надо развивать тело, ум и дух молодежи. Не случайно ее эмблема – красный треугольник, представляет единство этих задач. Членом YMCA в Америке в свое время был и президент США Вудро Вильсон. Поэтому организация имела хорошие связи в правящих кругах США, что помогало ей в сборе пожертвований. Например, в 1914 г. YMCA потратила на помощь военнопленным 23 тыс. долларов, а к ноябрю 1919 года эта цифра достигла 2,8 млн долларов США¹.

Задачей YMCA по работе в лагерях было убедить военнопленных посмотреть на ситуацию заключения как на возможность улучшить свои знания, умения и выйти из лагеря с новым жизненным опытом и навыками. YMCA открыла в своих представительствах отделения помощи военнопленным во всех столицах Европы. Бюро информации YMCA совместно с Австро-Венгерским Красным Крестом и национальными австрийским и венгерским Красным Крестом помогали собирать информацию о пропавших военнопленных. Они сотрудничали и с русскими ассоциациями, например, с ассоциацией семей военнопленных Красноярска².

¹ См. Steuer K. Chapter 9. P. 1 и chapter 19. 2009. P. 11.

² Mac Naughten Ed. to A. C. Harte, 26 December 1916, 1-8. Box X 391.2: War Prisoners' Aid, YMCA,

В Европе работало 68 американских представителей YMCA в лагерях, включая 15 в Австро-Венгрии. Они столкнулись с разной степенью недоверия и подозрения в лагерях, так как их часто воспринимали как шпионов и вражеских агентов обе стороны – военнопленные и охранники. Работников не хватало, так как организации было достаточно трудно найти людей, которые бы соответствовали нужным критериям и имели хорошее знание языков военнопленных. Также фамилии работников для русских или британских пленников не должны были быть немецкими. Их вероисповедание представляло еще одну трудность в случае религиозного несоответствия³.

Военнопленные в Австро-Венгрии и их размещение

Первый большой наплыв российских военнопленных начался уже в течение первого года войны во время походов русской армии в Польшу и на Карпатском фронте. Боевые действия в течение первых месяцев компании повлекли пленение с обеих сторон такого количества военнопленных, к приему которого ни одна из сторон не была готова. Уже к марту 1915 года около 200 тыс. русских и сербов находились в лагерях Австро-Венгрии⁴. На основании международных конвенций, которые подписали большинство европейских стран, с военнопленными надлежало обращаться как с солдатами собственной армии по их обеспечению проживанием, одеждой, продовольствием и предоставлением лечения. Поэтому все воюющие государства должны были срочно решать вопросы их размещения и содержания.

Австро-Венгрия, Россия и Германия

1914–1918: P.O.W. Camps in Austria-Reports. Folder: War Prisoners 'Aid in Austria, 1914–1918. World's Alliance of YMCA Archives, Geneva; Money from Home, For the Millions of Men Now Under Arms 2 (1 June 1917). P. 38.

³ International Committee, Report of the International Committee of the Young Men's Christian Associations to the Fortieth International Convention at Detroit, MI, November 19–23. – N. Y., 1919. P. 133; Steuer K. Chapter 19, 2009. P. 1,7.

⁴ См. Moritz V. & Walleczek-Fritz J. Prisoners of War (Austria-Hungary). 2014.

захватили самое большое количество военнопленных. Цифры оценок количества военнопленных различаются в зависимости от учета уровня их смертности, указываемого официальными источниками. Военные ведомства Австрии предлагают по Австро-Венгрии цифру в 1,3 млн человек, зарегистрированных в январе 1918 года¹, другие источники называют от 1,86 млн до 2,3 млн человек². Точно известно, что большинство пленных было из Российской империи (1 269 000 солдат), а также в австро-венгерском плену находилось 369 тыс. итальянцев, 52 800 румын и 154 700 сербов. Остальных национальностей было представлено мало³.

Большинство заключенных, в том числе русские, содержались в Австрии (более 830 000 человек). В Венгрии находилось около 220 тыс. пленников. Расширение восточного фронта давало постоянный приток пленных до заключения Брестского мира и выхода России из войны⁴. По сравнению с другими странами-участницами Австро-Венгрия создала самые крупные модели лагерей, построенных самими военнопленными, в которых находилось от 40 тыс. до почти 100 тыс. пленных. Они разместили большинство этих лагерей, как и в Германии, вблизи крупных железнодорожных линий (для облегчения перевозки заключенных и организации их снабжения).

¹ Leidinger H. & Moritz V. Kriegsgefangenschaft und Kriegswirtschaft. Vergleiche und Problembereiche unter besonderer Berücksichtigung Mittel- und Osteuropas im Ersten Weltkrieg / Dornik W. & Gießauf J., Iber W. M. (eds.): Krieg und Wirtschaft. Von der Antike bis ins 21. – Jahrhundert, Innsbruck. 2010. С. 461-470; Также см. Heather J. Prisoners of War <http://encyclopedia/1914-1918-online.net/article/prisoners_of_war> P. 7.

² Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918, Bd. VII: Das Kriegsjahr 1918. – Wien, 1938. P. 45, а также Weiland H. & Kern L. (eds.) In Feindeshand. Die Gefangenschaft im Weltkrieg in Einzeldarstellungen, Bd. 2. – Wien, 1931. С. 173, 214.

³ Scheidl F. J. Die Kriegsgefangenschaft von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. – Berlin, 1943. С. 97.

⁴ Mc Entee G. L. Military History of the World War: A Complete Account of the Campaigns on All Fronts. – N. Y., 1937. P. 28–30.

В австро-венгерской монархии было две отдельных лагерных системы: одна – Австрийской империи, а другая – Королевства Венгрии⁵. Лагеря для военнопленных подчинялись военному министерству, а лагеря для интернированных гражданских лиц – Министерству внутренних дел. Гражданские лагеря для интернированных были гораздо меньше в масштабах по сравнению с лагерями военнопленных. Власти, как правило, размещали их в замках или казармах, построенных еще до войны. Так же как и в крупных лагерях для военнопленных, гражданские лагеря для интернированных включали места труда, карантинные станции, станций наказания, станции для содержания под арестом⁶.

Так, в Австрии насчитывалось 28 главных лагерей (Stammlager) в 1917 году, в пяти военных округах – в Нижней Австрии (Niederösterreich) в округе Вены; в Верхней Австрии (Oberösterreich) округе Грац; в южной Богемии в округе Праги; в северной Богемии в округе Лейтменец (Leitmenitz); в Зальцбурге и Тироле в округе Инсбрук. Коменданты австрийских лагерей отчитывались непосредственно командующим своих военных округов о ситуациях в лагере.

В Королевстве Венгрии главные лагеря имели гораздо меньшее количество заключенных. Главных лагерей было 11. В отличие от австрийских лагерей все коменданты венгерских лагерей отчитывались начальнику V военного округа в г. Пожони (сейчас Братислава)⁷.

Уже с сентября 1914 года правительство Австро-Венгрии начало создавая лагеря, включать специальные станции для пленных офицеров (Stationen für kriegsgefangene Offiziere). Однако к середине 1915 г. офицеры были перемещены в обычные лагеря, но в специальные отделения. Их привилегированное положение сохранялось на протяжении всего периода плена, таким образом, плен для офицеров и рядовых был разным. Так же как и в Германии, в Австрии и Венгрии были лагеря

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

интернированных, пропагандистские, карантинные и лагеря для наказанных¹.

**Международные организации
в Австро-Венгрии: начало работы
в лагерях**

Австро-Венгрия и Россия были последними из воюющих стран Европы, которые разрешили УМСА и МККК войти в свои лагеря. Это частично объяснялось слабостью национальных обществ УМСА и МККК в Австро-Венгрии и России. Не случайно с 1916 года отделение УМСА, слабое для поставленных перед ней задач, стало интегральной частью Австрийского и Венгерского Красного Креста, и главы их миссий были частью его персонала. Иностранные программы помощи, такие как комиссия русских сестер милосердия (Russian Sisters' Commission) входили в состав МККК².

Однако представители УМСА получили разрешение работать в лагерях Австро-Венгрии самостоятельно до слияния с МККК с мая 1915 года, а в России с конца 1915 г. В Австро-Венгрии им разрешили работать не только несколько часов в день в лагерях, как в Германии, но и постоянно там находиться для организации своей деятельности. Сначала УМСА получила разрешение на работу в 2 лагерях – один в Венгрии (Sopronnek) и один в Австрии (Graunau – in Bohmen в Богемии) – в каждом находилось по 30 тыс. русских военнопленных³. Позже к ним прибавились лагеря Брунн (Brunn) в Моравии, Прага, Кеньермезо (Kenyermezö), Спратцен (Spratzern bei St.Pölten) и Вейселбург (Wieselburg). Условием доступа в эти лагеря было создание параллельной активности по помощи австро-венгерским военнопленным в России. Поэтому генеральный секретарь американской УМСА А. С. Харте, предпринял две длительные поездки в Сибирь с целью организации помощи немецким и австро-венгерским военнопленным в сибирских лагерях. Эта инициатива

привлекла внимание властей Германии и Австро-Венгрии и была поддержана ими⁴.

Для параллельных мероприятий в России, как требовали австро-венгерские чиновники, УМСА активизировала работу в своем представительстве в России, которое было открыто еще в 1900 году в Петрограде под названием «Маяк». Оно было мало, так как в России относились негативно к иностранным миссионерским организациям, поскольку Россия сама претендовала на эту роль. Прогресс в развитии деятельности в России наступил, когда представитель УМСА Харте в Петрограде встретился с царицей и ему удалось произвести на нее положительное впечатление. Русское правительство надеялось на улучшение положения своих военнопленных в Германии и Австро-Венгрии и уже в начале июня 1915 г. Харте получил разрешение военного министра Сухомлинова посетить лагеря в Сибири. Организация УМСА выделила на эту поездку по лагерям 25 тыс. долларов⁵.

В июне 2015 г. в своем первом путешествии по России начиная с Томска Харте понял, что основные проблемы работы в России с военнопленными – это не питание военнопленных, а их учет, который был плохо поставлен, и также проблемы антисанитарии и тифа. После путешествия в 1915 году Харте написал доклад о российском плене, в котором отметил, что он не нашел в российских лагерях тех ужасов, о которых писала немецкая пресса. Ни в одном из лагерей, которые он посещал, он не нашел такого кошмара, которому был свидетелем, посетив лагерь Кассел (Cassel) в Германии. Военнопленные

⁴ Harte A. C. With Prisoners of War./In the Camps, Trenches, and Prisons of Asia, Africa, and Europe. – Oxford: Frederick Hall, Printer to the University, 1916.

⁵ Day G. M. From Day, Student Secretary in Petrograd, July 3, 1915. For the Millions of Men Now Under Arms 1 (15 September 1915). P. 12–13; Colton E. T. Forty Years with Russians. – N. Y., 1940. P. 14–18; Harte A. C. & G. M. Day, Russia: Visit of Harte and Day to the Hospitals and German Prisoners Camps in Russia and Siberia, Petrograd, June 25, 1915 / For the Millions of Men Now Under Arms 1 (15 September 1915). P. 5–10.

¹ Смотри выше Moritz V. & Walleczek-Fritz J. Prisoners of War (Austria-Hungary). 2014.

² Steuer K. Chapter 5. 2009. P. 1–2.

³ Ibid.

в России в основном чувствовали себя свободно и не было проблем с едой в тот период¹.

Отчет Харте о поездке произвел благоприятное впечатление на российское правительство, и решение о начале гуманитарной помощи было получено в ноябре 2015 года. После этого последовало второе путешествие Харте от Иркутска на Дальний Восток. Посещая лагеря, он распространял письма, посылки и деньги, устанавливая связь многих военнопленных с их родственниками. Военный министр Австро-Венгрии Александр фон Кробатин (Alexander von Krobatin) выделил 100 тыс. марок для раздачи своим военнопленным в России. Немецкое правительство также выделило 200 тыс. марок на раздачу в лагерях, еще 14 тыс. УМСА получила от родственников немцев (от 5 до 500 марок), а также письма, музыкальные инструменты, книги и посылки и 120 тыс. марок было передано от американских доноров. Представитель УМСА приезжал в Иркутск, Владивосток, Курган, он был в Манчжурии. Организация распределяла деньги, открывала библиотеки и намечала основные лагеря для работы².

Вначале осторожное отношение двойной монархии к деятельности УМСА сменилось на либеральное после этой поездки. Были открыты отделения УМСА с МККК в 34 лагерях Австро-Венгрии с декабря 1915 по октябрь 1917 года, в том числе в двадцати восьми крупных лагерях. Первый павильон УМСА для русских военнопленных в Австро-Венгрии был открыт в декабре 1915 года в Graupen-in-Bohemen в присутствии представителей Датского и австрийского Красных Крестов. К концу войны УМСА совместно с МККК работали в 80 лагерях в Германии и в 35 в Австро-Венгрии, включая лагеря для интернированных, открывая свои отделения в самых крупных из них. Таким образом, эти организации охватила около 63 % всех крупных лагерей³.

¹ Steuer K. Chapter 16. 2009. P. 10.

² Ibid.

³ Taft W. H., Harris F., Kent F. H. and Newlin W. J., eds. Service with Fighting Men: An Account of

Лагеря: болезни и голод

Одной из самых больших угроз для военнопленных в плену были инфекционные болезни, которые превращались в эпидемии в лагерях. Российские практики санитарии были позади западных стандартов, и российские войска часто имели случаи инфекционных заболеваний в армии. Поэтому наши военнопленные часто попадали в лагеря уже больными⁴.

Но и медицинское обеспечение лагерей было слабым, особенно в начале войны. Подобно германским властям, военные власти монархии также недооценили важности санитарии и гигиены в лагерях. Поэтому зимой 1914 / 1915 г. в большинстве лагерей Австрии и Венгрии отмечались эпидемии брюшного тифа, например в Маутхаузен (Mauthausen) или Мархтрэнк (Marchtrenk) в Верхней Австрии, они привели к тысячам погибших. Однако уже в середине 1915 года все лагеря Австро-Венгрии были оборудованы необходимыми санитарными устройствами, чтобы избежать вспышек эпидемий⁵. В них были созданы дезинфекционные и карантинные отделения.

Установление странами Антанты блокады Германии и Австро-Венгрии привело к ухудшению ситуации с продовольствием начиная с 1915 года в этих странах, а затем к голоду населения и соответственно военнопленных в лагерях. К маю 1916 г. стало уже понятно, что голод в лагерях может убить тысячи военнопленных. Несмотря на обязанность Германии и Австро-Венгрии по гаагскому соглашению содержать военнопленных адекватно солдатам своей армии, эти страны не могли обеспечить военнопленных продоволь-

the Work of the American Young Men's Christian Association in the World War, 2 vols. NY., 1922. P. 290; Speed R. B. III, Prisoners, Diplomats, and the Great War: A Study in the Diplomacy of Captivity. – Westport, 1990. P.78.

⁴ См. Moritz V. & Walleczek-Fritz J. 2014.

⁵ См.: J. W. Gerard. My Four Years in Germany, 1917. С. 189–190. URL: <http://net.lib.byu.edu/estu/wwi/memoir/Gerard/4yrsTC.htm>; Также: James W. Gerard My First Eighty-Three Years, 1917. P. 209. <<https://www.questia.com/library/159937/my-first-eighty-three-years-in-america-the-memoirs>>

ствием, так как и местное население также страдало от голода. Когда немцы подписали перемирие в ноябре 1918 года, немецкое и австрийское население испытывало массовый голод. По данным Управления здравоохранения Германии, в декабре 1918 года 763 тыс. немцев умерло от голода, недоедания и болезней, связанных с блокадой Антанты. Похожая ситуация была в Австрии, немного лучше ситуация в Венгрии как сельскохозяйственной стране. Из-за голода военнопленные становились безразличными ко всем предлагаемым гуманитарными организациями инициативам и говорили, что лучше бы им дали поесть¹.

Национальные Красные Кресты воюющих стран были ответственны за обеспечение продовольствием своих сограждан в лагерях. Специальные государственные комитеты в этих странах занимались снабжением военнопленных. Так, Британия для своих военнопленных организовала по 3 десятифунтовые посылки раз в две недели и снабжение одеждой². Франция и Бельгия также снабжали своих соотечественников, хотя не так хорошо.

Военнопленные русские, а также сербы и румыны страдали особенно жестоко от нехватки еды³. Правительство России было очень занято проблемами ведения войны, и вопросы помощи военнопленным в лагерях были не приоритетными. С 1917 года политические проблемы и февральская революция в России вообще сняли с повестки дня вопрос судьбы военнопленных⁴. Российские газеты писали, что посылки разворачиваются, возможно,

охранниками⁵. Поэтому помощь русским, сербам и румынам была в приоритете гуманитарных международных организаций. Так, к Рождеству 1916 года было подарено 1700 игр, 1600 свечей, 165 музыкальных инструментов, 4500 сигарет и 1100 сигар для более чем 1 млн человек. В 1917 году на рождественские подарки УМСА истратила 200 тыс. марок, включая подарки для охранников, но это была капля в море человеческих нужд⁶.

Возможность пополнить свой рацион была у военнопленных во время сельскохозяйственных работ на фермах. Организовать посылки из дома, к сожалению, русские военнопленные практически не могли. Поэтому их рацион питания был крайне скудным и ухудшался из-за усиления блокады Германии и Австро-Венгрии странами Антанты. К 1917 г. рацион австро-венгерского лагеря был сведен к капустному или говяжьему бульону и четверти буханки хлеба в день. У многих военнопленных не было нужной одежды, если они были пленены летом⁷.

УМСА и МККК пытались закупать продовольствие на местах в Германии и Австро-Венгрии. Но законы Австро-Венгрии по покупке продовольствия внутри страны были крайне суровы. Даже на внутреннем рынке нельзя было свободно купить продовольствие для военнопленных. Поэтому УМСА и МККК стали посредниками, переправляя из Российского Красного Креста, Русского фонда помощи и Шведского фонда помощи посылки в Австро-Венгрию и Германию⁸. По законам Австро-Венгрии посылки можно было получить только на конкретного человека. Поэтому организации закупали продовольствие в Швеции и Дании, паковали посылки для конкретных людей в лагерях, те получали посылки и сдавали в специальные лагерные Комитеты помощи, которые распределяли продовольствие среди нуждающихся или

¹ Vincent C. P. *The Politics of Hunger: The Allied Blockade of Germany, 1915–1919*. – Athens, 1985. P. 27, 124.

² Hoffman C. *For Starving Romanian Prisoners. For the Millions of Men Now Under Arms 2* (1 November 1917). P. 47, а также Speed R. B. *III, Prisoners, Diplomats, and the Great War: A Study in the Diplomacy of Captivity*. – Westport, 1990. P.73.

³ Hoffman C. *In the Prison Camps of Germany*. P. 67–68; Dennett, *Prisoners of the Great War*. P. 45; Steuer K. Chapter 8. 2009. P. 15.

⁴ Нагорная О. С. *Другой военный опыт. Российские военнопленные первой мировой войны в Германии. (1914–1922)*. – М., 2011. 400 с.

⁵ Там же.

⁶ Hoffman C. «Prisoners». *For the Millions of Men Now Under Arms, 2* (June 10, 1918). P. 47.

⁷ См. Mac Naughten E. *Austria-Hungary: For Prisoners of War*. P. 34.

⁸ Ibid.

в лагерные кооперативы для тех, кто мог купить его за деньги¹. Параллельно УМСА и МККК организовывали посылку гуманитарной помощи и в Россию для немецких и австро-венгерских военнопленных.

Наиболее трудоемкой операцией была организация отправки продовольствия под патронажем кронпринцессы Маргарет Шведской. Для покупки и пересылки продуктов, их переупаковке в Дании в Копенгагене был организован склад, где одновременно находилось 60 тонн продовольствия, а также ткани и кожа (чтобы военнопленные могли сами себе шить одежду и обувь). Так, в январе 1918 года было закуплено и отправлено из Копенгагена и Швеции 150 тонн продовольствия в Германию и Австро-Венгрию. К июню 1917 года пропускная способность центра достигла около 26 тыс. индивидуальных посылок в месяц, к началу 1918 года – ежемесячно отсылалось около 30 тыс. посылок. В конце войны в Германию и Австро-Венгрию отсылалось около 100 тыс. посылок в месяц. Но это все равно была капля в море, которая не могла помочь всем, кто нуждался².

Была сделана попытка институционализировать процесс помощи военнопленным через американский Красный Крест и Комиссию Рокфеллера, которые вошли вместе с УМСА в созданный для этого Благотворительный Совет для военнопленных, который собрал около 1 млн долларов для закупки продовольствия для военнопленных. Переговоры между воюющими и нейтральными странами почти закончились положительно, но в последний момент Великобритания отказалась от договоренности, настаивая на жесткой блокаде Германии и Австро-Венгрии. Когда США также вступили в войну, шансы военнопленных на дополнительную помощь испарились³.

По существу, благотворительная активность, направленная на улучшение

жизненных условий военнопленных, обучение их новым навыкам и изучение ими грамоты, в конце концов, свелись к изысканию возможности снабжения их продовольствием для выживания. Продовольственное снабжение наладилось для русских и сербских военнопленных только после января 1919 года, когда британские, французские, бельгийские, американские и итальянские военнопленные вернулись домой и главы стран-победительниц переключили свое внимание на репатриацию русских, создав для этого специальный комитет, а в июне 1919 г. блокада была снята⁴.

Дети – сыновья военнопленных в лагерях: организация помощи

У военнопленных из России и Сербии в лагерях обнаружилась еще одна проблема в дополнение к голоду и эпидемиям – нахождение со взрослыми их детей. Многие мальчики бежали за своими отцами на войну и были захвачены в плен вместе с ними. Немецкое и австро-венгерское командование отказалось их вернуть в Россию и Сербию. По данным МККК и УМСА, около 1500 подростков собрали в Хаммерштейне (Hammerstein) в Германии. В Австро-Венгрии также нашли около 1500 мальчиков сначала в Браннау (Braunau-in-Bohmen), а потом и в других лагерях. В лагере Браннау они проживали рассредоточено. Для начала для них открыли специальную комнату-школу. Однако мальчиков было очень много, поэтому получив одобрение начальства лагеря и округа, МККК их решили поместить в особый барак «Дом мальчика». Цена такого содержания была 6 центов на мальчика в день. Министерство разрешило построить десятикомнатный дом-школу в Браннау⁵. Позже министерством были выделены в лагере 10 бараков для их проживания отдельно, а также столовая и мастерские. С этого времени была начата для них образовательная программа, включающая

¹ Ibid.

² Steuer K. Chapter 8. 2009. P. 16–17.

³ Steuer K. Chapter 8 Columbia University Press. URL: www.gutenberg-e.org/, а также: Harte A. C. With the Prisoners of War. P. 36; Gerard J. W. My Four Years in Germany. – N. Y., 1917. P. 297–298.

⁴ См. Hoffman C. In the Prison Camps of Germany. P. 255–256; American National Red Cross, Annual Report. June 30. 1919. P. 150.

⁵ Penningroth L. P. Yang boys in the prison camps. P. 41–42.

овладение шитьем и другими навыками. Им выделили участки земли для сельскохозяйственной деятельности – выращивания кроликов и садоводства – для улучшения своего рациона питания. Для раненых детей-инвалидов сделали специальную школу. Успешность детской программы дала возможность распространить ее в Вейсенбурге (Wieselburg) и Незедере (Nezsider) в 1917 году¹. Так как в Вейсенбурге было много мальчиков от 12 до 17 лет, то в двух бараках организовали для них школу и мастерские, как и в Браннау. Много детей также были найдены в лагере Харт (Harth). Для них было создано специальное отделение для проживания и школа².

Жизнь в плену и свободное время

Начиная с середины 1915 г. военные власти Австро-Венгрии начали понимать, что в лагерях должны быть какая-то культурная жизнь и культурные мероприятия для предотвращения лагерной болезни. Поэтому они разрешили МККК и УМСА, имеющим свои ресурсы и большой опыт подобных работ, наладить культурную жизнь, устроив библиотеки, любительские театры, обучение, спортивные состязания, поделочные мастерские, празднования праздников. Так, Российское отделение МККК помогало книгами и музыкальными инструментами. Так, в лагере Браунау (Braunau-am-Inn), где находилось 35 тыс. военнопленных, в основном русских, были организованы театральная и музыкальная программы. Однако, поскольку большинство военнопленных работало, то основными получателями культурных мероприятий были офицеры и небольшой состав пленных, занятых в обслуживании лагерной жизнедеятельности или больных. УМСА пыталась изменить эту ситуацию,

¹ Phildius Ch. Prisoners of War in Austria-Hungary. P. 41; Fries K. & Phildius Ch. Prisoners of War in Austria-Hungary. P. 34–35; Penningroth L. P. Young Boys in the Prison Camps. P. 41–42; Bartz C. W. At Braunau. For the Millions of Men Now Under Arms, 2 (1 February 1917). P. 44; также: Mac Naughten Ed. F. In Hospitals and Among Boys. P. 31.

² Hecker J. F. Wieselburg and Harth, Austria. P. 37; Penningroth L. P. A Practical Life-Saver in a Prison Camp. P. 18.

формируя и рассылая в трудовые отряды передвижные библиотеки, игры и принадлежности для обучения грамоте³.

Практически каждый из лагерей стараниями международных организаций имел оркестр. УМСА организовала показ кино, купив мобильную установку, показывались американские фильмы. В специальных центрах «красного треугольника» организовывались турниры по играм, дебаты. Спорт также был одной из составляющих реабилитационных программ. Во многих лагерях были оборудованы площадки для волейбола, баскетбола, футбола и тенниса для офицеров⁴.

УМСА и МККК также работали в лагерях в Праге, Вейсенбурге, Спратзерне (Spratzern), Брунне (Brunn-am-Gebirge). Например, в Спратзерне были организованы площадки для футбола, крокета, различных русских видов спорта (русский крокет). В лагерях, где были кавказцы, были ансамбли танца лезгинки⁵.

Образование и новые навыки для будущей жизни: роль

благотворительных организаций

Проблема образования военнопленных в лагерях была очень важной, так как уровень неграмотности среди русских и сербских военнопленных был очень высоким – от 75 до 85 %⁶. В сентябре 1916 года одним из первых проектов сотрудника УМСА Энтони Чеза (Chez) было открытие в Кеньермезо школы, построенной заключенными. В течение месяца после открытия школы она была заполнена до отказа. Одной из проблем было найти достаточное количество учителей для военнопленных, хотя их также набирали из грамотных военнопленных. Большим стимулом для обучения была возможность самим напи-

³ Moritz V. & Walleczek-Fritz J. 2014.

⁴ Steuer K. Chapter 8. 2009. P. 9–10.

⁵ The Association Hall in the Camp at Spratzern/ For the Millions of Men Now Under Arms 1 (31 July 1916): P. 40; Prisoner-of-War Camp at Spratzern, Austria: The Russian Prisoners Quartered Here Number 37,000/For the Millions of Men Now Under Arms 1 (31 July 1916). P. 40B; Schroeder Th. Spratzern / For the Millions of Men Now Under Arms 2 (1 November 1917). P. 38.

⁶ Steuer K. Chapter 8. 2009. P. 3.

сать письмо близким и прочитать ответ от них. Военнопленные по межправительственным соглашениям могли послать 2 письма и 1 почтовую карточку в месяц, поэтому УМСА помогала писать письма и поставляла открытки. Посылали корреспонденцию через Нидерланды. МККК имела свои бюро информации о военнопленных в каждой из воюющих стран¹.

Военнопленные формировали Комитеты образования в лагерях, и им уже благотворительные организации посылали необходимые для проведения занятий учебники, оборудование и материалы². Для решения проблемы с русскими текстами УМСА перепечатывала книги, особенно учебники для начального образования, и, наконец, основала в Берне издательство русскоязычной литературы.

В Венгрии начали образовательные программы с Залаегерсег (Zalaegerszeg) в 1916 году, где открыли школу по обучению неграмотных, а также организовали проведение футбольных матчей и занятия другими видами спорта, был организован хор, привезли граммофон³.

В Вейсельбурге как в самом крупном лагере (где находилось 70 тыс. человек в 700 бараках) был большой госпиталь для военнопленных инвалидов. С одобрения главного врача госпиталя для инвалидов была организована мастерская по производству протезов и школа, где их учили новым навыкам жизни. С марта 1916 года УРСА начала в Вейсельбурге свои культурные программы в нескольких бараках, выделенных для организации основных видов занятий. Были открыты 2 библиотеки – одна для охранников, а другая для военнопленных. Поскольку большинство военнопленных работали и жили вне лагерей, УМСА решили делать копии небольших книжек по 32 листа и выпустила всего 10 тыс. таких копий. Их распространяли как в Германии, так и в двойной монархии.

¹ Steure K. Chapter 9. 2009. P. 10–11.

² Steuer K. Chapter 8. 2009. P. 1.

³ Bartz C. W. Russian Camps in Austria/For the Millions of Men Now Under Arms, 2 (1 June 1917). P. 40; Steuer K. Chapter 9. 2009. P. 4, note 8.

В лагерях открывали мастерские по коже, дереву, коврам, переплету книг⁴.

В мае 1920 г. прошли слухи в лагерях, что советское правительство не будет принимать назад тех военнопленных, которые неграмотные. Комитеты по борьбе с неграмотностью говорили, что должен быть сдан тест на грамотность. Были созданы комитеты по образованию, учебные пособия и учителя опять стали нужны. К концу лета только 15 % военнопленных не могли читать⁵.

Организация религиозной жизни в лагерях

Богослужения были важной составляющей жизни общества того времени и также источником поднятия духа военнопленных всех вероисповеданий. Поэтому воскресные богослужения, организация молельных комнат, празднований Пасхи, Рождества, соблюдение похоронных ритуалов были важной частью жизни лагерей. Однако возможности организации духовной жизни военнопленных появились не сразу. Вначале правительство Австро-Венгрии позволяло распространять христианскую литературу через Красный Крест Австро-Венгрии. С его помощью было распространено 27 тыс. евангелий только в первый год войны, и эта активность продолжалась до ее конца войны⁶.

Особенной проблемой была доставка антими́нса⁷, на котором совершается пра-

⁴ Hecker J. F. For Prisoners of War: Wieselburg Camp of 57,000 / For the Millions of Men Now Under Arms 1 (31 July 1916). P. 38; Prisoners Cheered at an Entertainment. For the Millions of Men Now Under Arms 2 (1 February 1917). P. 26F.

⁵ См. Steuer K. Chapter 18. 2009. P. 3.

⁶ Phildius Ch. From the Secretary for Austria-Hungary, Vienna, March, 1915 / For the Millions of Men Now Under Arms, 1 (April 12, 1915). P. 20–21; Phildius Ch. Geneva, April 29, 1915. P. 35; Phildius Ch. The Secretary of the World's Committee Working in Austria-Hungary, April 1. 1915 / For the Millions of Men Now Under Arms 1 (24 June 1915). P. 40.

⁷ Антиминс – (греч. – вместо и лат. – престол) – четырехугольный плат из шелковой или льняной материи с зашитыми частицами мощей, на котором совершается литургия. На антими́нсах изображается положение во гроб Иисуса Христа после снятия с Креста, орудия его казни, и четыре евангелиста.

вославная литургия и к которому нельзя притрагиваться неправославным священникам. Это условие противоречило правилам безопасности военного времени. Для разрешения проблемы доставки антиминса в лагерь Святейший Синод в России благословил антиминс, который запечатали в специальные пакеты и на границе православный священник, сопровождавший сестру милосердия Красного Креста, перевозившую его, открыл их при военных представителях, а потом опять закрыл и положил в пакеты. После этого антиминс прибыл в лагерь для богослужений.

Для военнопленных особо тяжкими были дни праздников (Пасхи и Рождества), когда им особенно не хватало чувства дома. Кронпринцесса Маргарет Шведская и русские принцессы посылали тысячи подарков, в том числе через МККК и УМСА, давали деньги на организацию в госпиталях лагерей праздничных обедов. Так, УМСА на 3 000 марок были закуплены сосиски для 6 000 русских больных военнопленных. Благотворительные организации Норвегии, Дании и Швеции передавали яблоки и апельсины для больных в новогодних посылках.

Кронпринцесса Маргарэт через свой фонд организовала также выставки работ военнопленных и их распродажу в 1916 и 1917 гг. в Швеции, Норвегии и Дании, помогая военнопленным заработать немного денег. Были организованы конкурсы рождественских карточек, приготовленных русскими и польскими военнопленными. УМСА и МККК организовывала лотереи, в которых разыгрывались яблоки, апельсины, сигареты среди русских, сербов и румынских военнопленных как наименее обеспеченных¹.

Свободное время в лагере

Свободное время было важной частью жизни военнопленных, часто страдавших от лагерной болезни (болезни «за колючей

провоолокой»). Но организовать досуг было сложно, так как большинство солдат работали вне лагерей и не бывали в лагерях подолгу. Одним из крупных лагерей Венгрии с российскими военнопленными, в котором УМСА открыла свою программу досуга был лагерь Кеньермезо (Kenyermezö) в 1919 г. Для развлечения военнопленных Чез привез кинетоскоп², которого многие военнопленные никогда раньше не видели. Он взял его в лагерную больницу, где собрались четыреста человек, чтобы увидеть кино. Поэтому он расширил свои услуги в соседних военных госпиталях вокруг Кеньермезо и давал представления для инвалидов и выздоравливающих по пять раз в день. Из-за популярности шоу, главный хирург просил оставить машину в больнице лагеря. Энтони Чеза привез также фонограф, чтобы расширить развлекательную программу. Успеху программы был большой³.

Как и другие секретари миссии, Чез стремились установить хорошие отношения с лагерными охранниками и должностными лицами, поэтому тоже включил их в культурную программу. Он раздобыл венгерские книги взаимы для офицеров и охранников лагеря⁴.

Развитие самоуправления как средство улучшения жизни военнопленных в лагерях Австро-Венгрии

Для организации распределения гуманитарной помощи такие международные организации, как МККК и УМСА содействовали созданию комитетов самоорганизации военнопленных, чтобы можно было иметь дело с их представителями, а не с каждым военнопленным в отдельности. Например, в Австрии, в лагере Грониг, под Зальцбургом, создали специализированные комитеты из военнопленных, ответственных за работу по разным направлениям жизнедеятельности: социальные

¹ Nastasijewitc W. Appreciation of Serbian Committee [For the Millions of Men Now Under Arms 2 (1 June 1917). P. 47; Well Beloved Christmas Symbols Brought Home Near to Many in the Prisoners-of-War Camps / For the Millions of Men Now Under Arms 2 (1 June 1917). P. 42A; Steuer K. 2009. Chapter 8. P. 8.

² Кинескоп – машина для производства подвижных картинок, в которой фильм получается посредством последовательных движущихся сцен.

³ Steuer K. (2009) The American YMCA and WPA Operations in Austria Hungary. URL: <<http://www.gutenberg-e.org/steuer.ch9html#txt24>>

⁴ Ibid.

нужды, школы, библиотека, читальный зал, музыка, театр, кино и граммофон, атлетика и спорт, игры, искусство, религия, мастерские (для деревянных и других поделок). Главный кабинет самоуправления состоял из трех секретарей: одного – выбранного представителя от всех комитетов, второго – секретаря миссии гуманитарных организаций, который курировал лагерь, и третьего – представителя (офицера) от администрации лагеря. Также в кабинет входили представители десяти специализированных комитетов. Члены кабинета самоуправления встречались раз в неделю вечером в понедельник для планирования мероприятий на неделю¹.

Например, комитет религий включал по одному представителю от трех основных конфессий: римской католической церкви, православной ортодоксальной и иудейской². Музыкальный комитет организовывал обычно музыкальную часть всех праздников, например выступления бала-лаечного оркестра, для людей в лагерных госпиталях. В социальном комитете было Бюро петиций, которое по воскресеньям встречалось с военнопленными, имеющими какие-то проблемы, и писали от их имени просьбы. В случае важности проблемы просьба немедленно передавалась представителю комитета от лагерного командования для передачи коменданту лагеря. Также члены социального комитета, например, обходили в воскресенье госпиталь и организовывали концерты, а также теплое молоко для больных вечером в воскресенье. Они готовили доклад о нуждах госпиталя³.

Военнопленные получали лагерные деньги, которые только там могли тратить.

¹ Bartz C. W. Report of the Christmas Festivities at the Prison Camp Josephstadt. 15 January 1917. P.1; Bartz C. W. Report for January and February 1917. War Prisoners Camp Josephstadt, Bohemia, circa February 1917. P. 1–2.

² Ebersole A. A. A Model College Association in Camp Grödig / For the Millions of Men Now Under Arms 2 (1 June 1917). P. 32–33; Folder: War Prisoners Aid in Austria, Reports from P.O.W. Camps: Aschbach, Grödig, Braunau, 1914–1918. World's Alliance of YMCAs Archives, Geneva.

³ Steuer K. Chapter 9. 2009. P. 13, note 31.

Так, социальный комитет в лагере Гронинг собрал от 246 человек по 10 крон как стартовый капитал и создал «Общество чаепития», куда приходили военнопленные пить чай и покупали его за символические деньги. Была создана библиотека, которая насчитывала около 2 000 книг, работал театр на русском и украинском языках, в который можно было сходить за небольшую плату лагерными деньгами⁴.

Комитет самоуправления занимался распределением продовольствия и одежды для наиболее нуждающихся, что помогало улучшить скудный рацион и жизнь военнопленных. Были специальные волонтеры (на год) – «русские добровольцы», помогающие в своих лагерях. Такие добровольцы были в Шоморья (Somorja), Болдогассоньфа (Boldagasszonyfa), Дунасердахей (Dunaszerdahely), Оштфассоньфа (Ostffyasszonyfa), Надьмедьер (Nadymegyér) и Куньермезо (Kenyérmező) в Венгрии, а также в Чехии в г. Эгер (сейчас г. Хеб) и Хейнриксгрюн (Heinrichsgrün – сейчас город Йиндриховица (Jindřichovice)⁵.

К середине войны УМСА и МККК все труднее было закупать дополнительное продовольствие на рынке, так как правительства Германии и Австро-Венгрии вводили все более жесткий контроль его продаж. Для улучшения снабжения продовольствием в лагерях были созданы также продовольственные кооперативы, которые получали от УМСА и МККК продукты и продавали их по небольшой цене тем, кто мог купить, а тем, кто не мог, распределяли бесплатно через Комитеты помощи (около 100 тыс. имен было указано в таком распределении)⁶.

Вербовочные лагеря: неудачи двойной монархии

Тяжелая лагерная жизнь имела ослабления для небольшой части военно-

⁴ Steuer K. Chapter 9. 2009. P. 14, (34), note 31.

⁵ Lauterbach W. E. Report of January and February 1917. War Prisoners Camps Reichenberg, Deutsch-Gabel, Theresienstadt, circa March 1917. P. 1–7.

⁶ Mac Naughten Ed. Austria-Hungary: For Prisoners of War. P. 34; Julius F. Hecker Wieselburg and Harth, Austria / For the Millions of Men Now Under Arms 2 (1 November 1916). P. 35; Steuer K. Chapter 8. 2009. P. 15–16.

пленных с созданием «агитационных лагерей» для этнических меньшинств. Как и в Германии, власти Австро-Венгрии хотели привлечь меньшинства воюющих стран в ряды борцов с режимом в своей стране, обещая им «национальное самоопределение». Подобно Германии, правительство двойной монархии начало разыгрывать националистическую карту российских меньшинств, но с большей осторожностью, поскольку в отличие от Германии, монархия была сама полиэтнична, и имела сложные отношения с подобными меньшинствами. Поэтому найти аргументы для эффективной агитации было трудно¹.

К тому же с началом войны Австро-Венгрия немедленно интернировала значительное число польских и чешских гражданских лиц, которых считало политически неблагонадежными. Австрийцы и венгры, не колеблясь, расправлялись со своими меньшинствами, которые перешли на сторону Антанты в поддержку своих националистических целей. Так, монархия открыла на восточном фронте в военных судах слушания захваченных членов чехословацкого легиона².

Зачастую военнопленные выбирали между голодом, смертью и такими лагерями. Выбравшие этот путь получали лучшее питание, с ними занимались родным и немецким языком, географией, и старались привить чувства превосходства культуры австрийцев и собственной над культурой русских своей страны. Они должны были, как и в Германии, вступить в специальные полки для борьбы с Российской империей. Основными этническими группами, среди которых велась агитация, были украинцы, поляки, прибалтийцы, казаки, грузины и татары.

Например, около 10 тыс. украинцев были собраны в лагерь пропаганды в Фрейштадте (Freistadt) в Верхней Австрии, где они изучали украинскую историю, литературу и географию³. Тем не менее кри-

зис рынка труда был так велик, что даже их использовали на работах. Неудивительно, что только 1600 военнопленных вступили в украинский казацкий батальон (Kosaken-Schützen-Division)⁴. В Фрейштадте были открыты такие же школы для грузинских и татарских военнопленных, причем их было так много, что школы были организованы в нескольких бараках. Эти «национальные» школы были так же, как и для украинцев, «вербовочными» и поддерживали националистические настроения меньшинств⁵.

По версии некоторых австрийских историографов, сложные отношения сложились с вербовкой австро-венгерской монархией поляков. Для них было подготовлено несколько лагерей – План (Plan) в Австрии, Чот (Csót) и Папа (Pápa) в Венгрии с целью формирования Польского легиона. Лагеря стали пользоваться большой популярностью у поляков. Наплыв желающих подать заявления был так велик, что чиновники заподозрили просто желание поляков улучшить свои условия жизни, а не сражаться против России. Во время февральской революции 1917 года окончательно прекратилась запись поляков в этот легион и, в конце концов, власти оставили эту инициативу и послали всех рекрутируемых поляков к марту 1917 г. на трудовые работы⁶.

В лагере Эгер в Богемии было собрано также и 10 тыс. мусульман для подготовки к священной войне против неверных в России вместе с турецкой армией. Однако только несколько сот российских мусульман влилось в турецкую армию, несмотря на затратную пропаганду. Также неуспешна была вербовка русских военнопленных. Это объяснялось тем, что пропагандистская работа властей по созданию образа «высокоразвитой» Австро-Венгерской монархии и образа «неразвитой» России

⁴ Mc Entee G. L. *Military History of the World War: A Complete Account of the Campaigns on All Fronts. A Complete Account of the Campaigns on All Fronts Accompanied by 456 Maps and Diagrams.* – N. Y., 1937. P. 28–30.

⁵ Mac Pherson H. Donaldson, «Work Among Illiterate Russian Prisoners». P. 42–43; Steuer K. Chapter 9. 2009. P. 13, note 28.

⁶ См. Moritz V. & Walleczek-Fritz J. 2014.

¹ Moritz V. & Walleczek-Fritz J. 2014.

² Ibid.

³ Hoffman C. Jr. *In the Prison Camps of Germany A Narrative of "Y" Service among Prisoners of War.* – N. Y., 1920. P. 81–83; Gerard J. W. *Face to Face with Kaiserism.* – N. Y., 1918. P. 96, 345.

не достигала результатов, так как многие этнические регионы монархии также были бедными, а голод населения Австро-Венгрии не придавал популярности агитации. Выпускавшаяся военным министерством на русском языке газета «Неделя» была скорее антипропагандой¹.

Труд российских военнопленных и возможности помощи

В годы войны огромное количество мужского трудоспособного населения было изъято из хозяйственной деятельности стран-участниц. В Австро-Венгрии в армию было рекрутировано 7,8 млн человек, или 15,2 % населения по сравнению с Россией, в которой было рекрутировано 12 млн военных (что составляло 7,6 % населения)². Поэтому огромная потребность в рабочей силе существовала прежде всего в отраслях, обеспечивающих войну амуницией, продовольствием и материалами.

Одним из способов решить проблему нехватки рабочих рук, с одной стороны, и кормления и выживания военнопленных, с другой стороны, было решение послать их на работу, особенно в сельскохозяйственные отрасли. Это была хорошая возможность для военнопленных выйти из неволи лагерей и заработать деньги. Большинство работали в сельском хозяйстве, где их кормили наравне с членами крестьянских хозяйств, поэтому шанс выжить у них возрастал³. В сельском хозяйстве в Австро-Венгрии работали около 500 тыс. военнопленных к концу 1918 г. Для больших групп военнопленных были созданы специальные станции, где они размещались. Если их не могли каждый день возвращать в лагеря, они проживали при месте работы. При таких станциях были

специальные наблюдательные батальоны, которые занимались именно сопровождением работающих военнопленных. Это была отдельная служба, не являющаяся лагерной охраной, имеющая свои обязанности и порядки⁴.

По ст. 6 Гаагской конвенции 1907 года, рядовые солдаты-военнопленные могли быть привлечены к работе и не имели права отказа. Унтер-офицеры и офицеры имели возможность выбирать. Однако, согласно Конвенции, заключенные не могли быть принуждены к труду в отраслях, связанных с войной или работать в небезопасных условиях (например, в военной зоне на рытье окопов). Тем не менее это случилось на практике в Австро-Венгрии часто⁵. Так, мобильные рабочие отряды работали и на заводе Шкода (Škoda) в г. Пилзене (Pilsen – сейчас Чехия), а также в добывающих отраслях и на передовых, где были с 1917 года созданы специальные станции размещения во фронтовой зоне для эффективного их использования в строительстве окопов и других сооружений⁶.

Военнопленные также трудились в горнодобывающей промышленности, лесном хозяйстве, строительстве дорог и коммунальном хозяйстве (особенно в чистке канализации, например, в г. Будапеште, г. Сегеде и других городах)⁷, работали на фабриках, на строительстве железной дороги и перевозках.

Как в Германии и России, в Австро-Венгрии военнопленные, работая за пределами лагерей, возмещали нехватку рабочей силы и имели условия жизни лучше, чем в лагерях. Эта работа помогала увеличить их скудные пайки. Кроме того, работая на фермах и на небольших заводах, население и пленные видели человеческую сторону друг друга, а не только образ врагов.

Возвращение домой

Процесс возвращения военнопленных из Австро-Венгрии был организован более хаотично, по сравнению с Германией.

⁴ Steuer K. 2009. Annex.

⁵ Moritz V. & Walleczek-Fritz J. 2014.

⁶ Mc Entee G. L. Military History of the World War: A Complete Account of the Campaigns on All Fronts. – N. Y., 1937. P. 28–30.

⁷ Ormos M, Vilaghaboru is forradalmak 1914–1919. – Budapest: Kossuth Kiado, 2009.

¹ Leidinger H. & Moritz V. Kriegsgefangenschaft und Kriegswirtschaft. Vergleiche und Problembereiche unter besonderer Berücksichtigung Mittel- und Osteuropas im Ersten Weltkrieg / Dornik, W., Gießauf, J., Iber, W. M. (eds.) Krieg und Wirtschaft. Von der Antike bis ins 21. Jahrhundert. – Innsbruck, 2010. С. 128.

² Effect of World War I on Each Country. A New Terrible Type of Warfare, New Nations Created in Europe. URL: <http://www.worldology.com/Europe/world_war_1_effect.htm>

³ Moritz V. & Walleczek-Fritz J. 2014.

Репатриационный процесс русских был очень заторможен приоритетом возвращения военнопленных стран Антанты. В некоторых лагерях охрана ушла, открыв их в конце 1918 года. Туда возвратились военнопленные, работавшие в трудовых командах, боясь, что они будут забыты при репатриации. Лагеря оказались переполненными и не подготовленными снабжать такое количество военнопленных скудной пищей, поэтому голодные и нервные военнопленные стали опасны для местного населения. Они вышли из лагерей на поиски продовольствия, так как голодали¹. К сожалению, после развала монархии в октябре 1918 года судьбы российских военнопленных вообще никого не интересовали. Возвращение их было хаотичным, и только Чехословакия постаралась быстро организовать отправку, опасаясь революционных речей военнопленных. В Венгрии власти не смогли организовать нормального процесса возвращения, и многие военнопленные добивались самостоятельно. Оставшиеся в лагерях снова страдали от тифа и голода².

Хотя заключение Германией Брест-Литовского мира дало надежды русским военнопленным в Австро-Венгрии на скорое возвращение, монархия в течение долгого времени не могла договориться с Советами об их возвращении из-за необходимости открытия репатриационных миссий в обеих странах³. Также Россия была объята Гражданской войной, и существование белых и красных не способствовало организации репатриационного процесса. Австро-Венгрия после Брест-Литовского договора продолжала воевать с Италией и Румынией, поэтому до конца войны не спешила вернуть дешевую рабочую силу⁴.

¹ См. Moritz V. & Walleczek-Fritz J. 2014.

² Moritz V. & Leidinger H. Zwischen Nutzen und Bedrohung, 2005. С. 230; Procacci G. Fahnenflüchtige jenseits der Alpen. Die italienischen Kriegsgefangenen in Österreich-Ungarn und Deutschland / Oltmer, J. (ed.): Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. – Paderborn, 2006. С. 194–195.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

В дополнение к вышеназванным проблемам существовали противоречия внутри руководства страны. Военное министерство хотело продолжать использовать военнопленных для своих целей, в то время как верховное командование хотело как можно скорее их вернуть по домам. В конце концов, было решено отпустить только больных, которые не могли быть использованы на работах, а остальные продолжали трудиться до июля 1919 года, хотя империя распалась 31 октября 1918 года⁵.

До конца войны только 60 тыс. человек вернулось в Россию, несмотря на забастовки военнопленных⁶. Правительство Австро-Венгрии (а потом Австрии и Венгрии) отправляло возвращающихся в свои приграничные территории и гнало маршем к российской границе, снабдив их небольшим количеством пищи. Там они часто были встречены большевистскими вербовщиками и не имели выбора. К сожалению, судьба возвращающихся офицеров в этой ситуации была печальной, если им не удавалось присоединиться к белой армии. По данным Конрада Хоффмана (представителя миссии УМСА), не менее 800 офицеров были убиты на границе. Американская УПСА и МККК также организовали небольшое питание и питье военнопленным на границе, стараясь отправить их как можно скорее в Москву и Петроград. Но летом 1918 г. они уже не могли работать в России на территории большевиков⁷.

Большевистская миссия прибыла в Вену в августе 1918 года и началась вербовка и агитация военнопленных в Красную Армию. Большевистские представители развернули большую пропагандистскую работу и активно рекрутировали в свои ряды военнопленных. Правительство Австро-Венгрии боялось, что голодные и злые военнопленные могут выплеснуться из лагерей. Это было нежелательным и для правительств стран Антанты. Присоединение военнопленных к Красной Армии было им также невыгодно. Поэтому и

⁵ Ibid.

⁶ См. Steuer K. 2009.

⁷ Steuer K. Chapter 17. 2009. P. 4–5.

удержание военнопленных в Австро-Венгрии, и отправка их в Россию были неблагоприятны. Американская военная миссия старалась охладить стремления военнопленных вернуться в Россию, объятую гражданской войной. Только в январе 1919 года, как уже говорилось выше, когда все военнопленные британцы, американцы, французы, бельгийцы и итальянцы вернулись домой, Верховный военный совет союзных сил вернулся к вопросу о русских военнопленных, и союзники стали обеспечивать возвращающихся продовольствием и одеждой.

В это время в России шла Гражданская война, и А. И. Деникин рвался в Москву осенью 1919 года, поэтому путь возвращения через Польшу и по Дунаю для военнопленных был закрыт. Ожидалось, что с победой белых все русские вернутся уже зимой 1919–1920 года. Но оказалось, что им предстояла еще одна зима, так как белые были разбиты¹.

Заключение

Первая мировая война сильно повлияла на усиление роли международных благотворительных организаций в оказании помощи уязвимым группам населения (беженцам, военнопленным, интернированным) и их роли в переговорах и налаживанию информационных каналов. Однако они были еще слабы для осуществления крупномасштабных задач. Тем не менее информационные виды деятельности принесли большие плоды – местонахождение и судьба около 2 млн человек во время войны были установлены.

К сожалению, страны-участницы во время ПМВ трактовали Конвенцию 1907 г. как им было удобно. Это позволило Великобритании, Франции и Бельгии добиться возможности получения гуманитарных посылок для своих военнопленных, страдавших от голода, вызванного блокадой центральных держав. В то же время для русских военнопленных, сербов и румын страны Антанты не захотели разрешить такое снабжение, чем обрекли их на голод, ставя в неравное положение со своими пленными. Масштабы помощи междуна-

родных гуманитарных организаций в решении этой проблемы были незначительные и не смогли уберечь пленных от голода.

Многих мандатов по оказанию различных видов помощи международные гуманитарные организации еще не имели в то время. Поэтому часто опирались не на Конвенцию, а на подходы параллельной дипломатии во взаимоотношении с враждующими странами, которые позволяли им проникать в лагеря и работать в них. Хотя международные гуманитарные организации в ПМВ были еще слабые, для усиления эффективности помощи они объединяли усилия, что привело к вхождению, например, национальной и американской УМСА и также организации Сестер милосердия в состав МККК.

Этот подход и забота не только о военнопленных, но и о персонале лагерей позволили МККК, и особенно УМСА, охватить более половины лагерей Австро-Венгрии, особенно крупных, своими инициативами по развитию образования, спорта и культуры, воплотив идеи символов организаций – красного треугольника и красного креста в жизнь.

К сожалению, получателями культурной помощи чаще всего были находящиеся в лагерях офицеры (которые не работали) и небольшое количество обслуживающих лагерь военнопленных (а большинство рядовых военнопленных находилось вне лагерей на работах). Тем не менее Красному Кресту, УМСА и другим благотворительным организациям удавалось реализовывать культурные и образовательные программы для военнопленных, помогавшим скрасить жизнь в неволе, получить новые знания и навыки, овладеть грамотой и новыми профессиями. Голод в лагерях подрывал интерес военнопленных к гуманитарным программам.

Сотрудники международных гуманитарных организаций, работая в лагерях, испытывали большие трудности в создании доверия как в работе с многоконфессиональным и многонациональным контингентом военнопленных из России, так и с таким же персоналом лагерей Австро-Венгрии.

¹ Steuer K. Chapter 17. 2009. P. 4–5; Chapter 18. 2009. P. 2.

Важным достижением деятельности международных организаций было улучшение жизни мальчиков, попавших вместе с отцами в плен и в лагеря, и создание для них возможности учиться. Также важным результатом работы гуманитарных организаций было воспитание во многих военнопленных навыков самоорганизации и

создания Комитетов самопомощи, а также умения устанавливать контакты с администрацией лагерей. Эта система помогала улучшить организацию жизни и обеспечение военнопленных продовольственными пайками, что была позитивно оценено как администрацией лагерей, так и самими военнопленными.

Протоиерей Николай Ким

((настоятель прихода в честь иконы Божией Матери «Живоносный источник» в г. Хевиз, Венгрия)

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ЭМИГРАНТСКИЙ ПРИХОД В БУДАПЕШТЕ: ОТ МОНАРХИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ ДО ОСВЯЩЕНИЯ ДОВОМОЙ ЦЕРКВИ ВО ИМЯ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ

Введение

Первый русский эмигрантский приход в Венгрии¹ был образован в 1922 году по инициативе местной монархической организации. Осенью 1921 года, когда только возникла эта идея, Будапешт еще рассматривался как центр монархического движения, на что были свои веские причины: здесь была создана местная общественная организация – Русское Монархическое Объединение в Венгерском Королевстве; в 1920 году в Венгрии было формально восстановлено монархическое правление (в отсутствие короля правил регент – адмирал Хорти); шли переговоры о возможности приема Венгрией Русской Армии генерала Врангеля.

Однако к весне 1923 года, когда была обустроена домовая церковь во имя Святой Троицы в помещении Русской школы, ситуация резко изменилась: уже произошел раскол в русском монархическом движении на «кирилловцев-легитимистов»

¹ После свержения первого коммунистического режима в Венгрии в 1920 году было формально восстановлено королевство во главе с регентом. С 1920 по 1944 годы официальное наименование страны – Венгерское королевство. Несмотря на это, в русскоязычных документах того времени гораздо чаще встречается более привычное наименование страны – Венгрия.

(их сторонники были в большинстве в Венгрии) и «николаевцев-непредрежденцев» (сторонники Высшего Монархического Совета), кроме того, династия Габсбургов была лишена прав на венгерский престол решением Национального Собрания, а Армия генерала Врангеля не принята Венгрией. В таких непростых политических условиях началась деятельность русского прихода в Будапеште под руководством настоятеля протоиерея Леонида Розанова из военного духовенства (в юрисдикции митрополита Евлогия) и с участием церковного старосты Владимира Маламы, уполномоченного Российского Общества Красного Креста (РОКК) в Венгрии.

История образования прихода воссоздана по ранее не опубликованным документам из Архива Епархиального управления Западно-Европейского Русского Экзархата – Архиепископии Константинопольской Патриархии в Париже (АЕУА): нумерованные рукописные и машинописные единицы хранения в делах «Будапешт», «Л. Розанов» и «Иром»². Ис-

² Иром, совр. Ирем, вен. Üröm – село близ Будапешта, где находится русский храм (освящен в 1803 г.) св. мц. царицы Александры на месте упокоения великой княгини Александры Павловны Романовой (1783–1801 гг.), первой супруги венгерского палатина Иосифа Габсбурга (1776–1847 гг.).

пользовано личное дело священника Сергия Галецкого из Архива Епархиального управления Венгерской епархии Московского Патриархата в Будапеште (АВЕ), оно не нумеровано.

Краткое сообщение об образовании первого русского эмигрантского прихода во имя Святой Троицы в Будапеште в 1923 году в юрисдикции митрополита Евлогия было впервые изложено в докладе автора (*Nykolaj Kim. «Az orosz egyházi emigráció Magyarországon az 1920-as és az 1930-as években»*) на научной конференции, состоявшейся 26 февраля 2010 года в католическом университете им. Петра Пазманя в Будапеште, опубликованном в сборнике «Az orosz „fehérgárdista” emigráció Magyarországon (1918–1945)»¹. На русском языке доклад «Русская церковная эмиграция в Венгрии в 1920–1930 годы»² издан в сборнике материалов научной конференции, состоявшейся в апреле 2010 года в Москве в Доме русского зарубежья имени А. Солженицына.

Подготовка к образованию прихода. Инициативная группа

Инициатива образования русского православного прихода в Будапеште исходила от Правления Русского Монархического Объединения (РМО) в Венгерском Королевстве. Эта белоэмигрантская организация во главе с Львом Александровичем Казем-Бекем³ была создана в Будапеште в

¹ Nykolaj Kim. *Az orosz egyházi emigráció Magyarországon az 1920-as és az 1930-as években* // *Az orosz „fehérgárdista” emigráció Magyarországon (1918–1945)*. Szerk. Halász Iván. – Budapest; Esztergom, 2011. P. 85–90.

² Протоиерей Николай Ким. *Русская церковная эмиграция в Венгрии в 1920–1930 годы* // *Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы)*. – М., 2012. С. 127–132.

³ Казем-Бек Лев Александрович (1875–1952 гг.), корнет Лейб-гвардии Уланского полка, предводитель дворянства Спасского уезда Казанской губернии. С началом Первой мировой войны ушел добровольцем в действующую армию. С марта 1922 года Член Центрального комитета Русского народно-монархического союза. В 1938 г. в Париже выступил в Союзе Пажей с воспоминаниями о службе пажей. Участвовал в собраниях кружка политики и экономики «Русская беседа» (Волков С. В. *Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога*. – М., 2002. С. 215).

декабре 1921 года⁴. Одним из первых важных мероприятий, проведенных по инициативе РМО, было собрание проживающих в Венгрии православных русских эмигрантов, на котором единогласно было решено образовать в г. Будапеште православный русский приход. В последующих письменных обращениях к священноначалию это собрание, по сути учредительное, называется частным совещанием или советом, на нем были избраны церковный староста и комиссия для дальнейшей подготовительной работы по созданию прихода.

Переписка со священноначалием

Уже 1 февраля следующего года президент РМО из Будапешта (Josef Körut 16, Hotel Savoy № 5)⁵ написал ходатайство архиепископу Евлогию «о скорейшем назначении в Будапешт тактичного (в виду политической конъюнктуры) и энергичного монархиста – хорошего проповедника»⁶. В данном письме цитировалось решение, которое приняли «религиозно настроенные проживающие в Венгрии русские люди»⁷, собравшиеся на Совет по инициативе Правления РМО: «признать настоятельно необходимым организовать в г. Будапеште (на всю Венгрию) православный Русский приход с собственным храмом и священнослужителем и поручить Церковному Старосте В. В. Малама⁸ обратиться

⁴ Емельянов Ю. Н. *Монархическое движение и монархические организации русской эмиграции (1920-е – середина 1930-х годов)* // *История и историки: историографический вестник* / отв. ред. член-корр. РАН А. Н. Сахаров. – М., 2003. С. 121.

⁵ Правильно: József körút. Сейчас гостиница восстановлена по тому же адресу.

⁶ Л. А. Казем-Бек, президент Русского монархического объединения в Венгрии, архиепископу Евлогию 1 февраля 1922 г. за № 118 // АЕУА. Дело «Будапешт», Вх. № 70, от 13 февраля 1922 г., рукопись, оригинал.

⁷ Там же.

⁸ Малама Владимир Владимирович (1872–1935 гг., Ницца), камер-юнкер двора Его Императорского Величества Николая II, действительный статский советник, офицер Лейб-гвардии Гусарского полка. Окончил Императорский Александровский лицей. Предводитель дворянства в Екатеринославе. Автор труда «Род Малама» (Екатеринослав, 1912). Уполномоченный Российского общества Красного Креста в Венгрии. В эмиграции во Франции (База данных Биографического

к Высокопреосвященнейшему Евлогию¹ с ходатайством о скорейшем назначении в Будапешт священнослужителя-законоучителя и проповедника»². Со своей стороны РМО гарантировало поступление содержания священнослужителю в сумме 4 000 венгерских крон в месяц в текущем году и возмещение его расходов на дорогу. При этом «к его обязанностям относились совершение богослужений, преподавание Закона Божиего в русской школе и организация духовно-нравственных бесед»³. Определенное РМО содержание хотя и соответствовало «безбедному существованию», но весьма скромно, поэтому в письме было ходатайство об ассигновании дополнительно 1000 крон, чтобы поднять уровень материального благосостояния командированного лица.

В те же дни на имя архиепископа Евлогия приходили письма по данному вопросу и от других представителей монархического движения. 10 февраля 1922 года из Берлина (Guentzelstrasse 49) писал генерал-майор Евгений Доливо-Долинский⁴,

словаря «Российское зарубежье во Франции» [Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: биогр. слов.: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008]. Опубликовано на <http://www.dommuseum.ru>).

¹ Митрополит Евлогий, в миру Василий Семёнович Георгиевский (1868–1946 гг., Париж). «В 1912 г. возведен в сан архиепископа. С 1914 г. архиепископ Волынский и Житомирский. В 1920 г. Высшим Церковным управлением на юге России назначен управляющим русскими православными приходами в Западной Европе, в 1921 г. назначение подтверждено Патриархом Тихоном. С 1922 г. в сане митрополита. В 1926 г. прекратил общение с Архиерейским Синодом в Сремских Карловцах. В 1931 года перешел в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, назначен экзархом Западной Европы. В 1945 г. воссоединился с Московским Патриархатом, оставлен Экзархом Западной Европы» (Кострюков А. А. Русская зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской патриархией при жизни патриарха Тихона. – М., 2007, С. 369–370).

² Л. А. Казем-Бек архиепископу Евлогию 1 февраля 1922 г.

³ Там же.

⁴ Доливо-Долинский Евгений Петрович (1874–1950 гг., Париж), выпускник академии Генштаба,

адресуя письмо епископу (правильнее было бы: архиепископу⁵) Евлогию⁶. В это время (1920–1922 гг.) архипастырь находился в Берлине, и указанное письмо было продолжением их разговора, который произошел у Марии Николаевны Кандыба⁷ и касался состояния православного прихода в Венгрии. Евгений Доливо-Долинский просил своего соратника в Будапеште собрать сведения о приходе, и полученная из Будапешта справка (без подписи, от имени Монархического Объединения) прилагалась к его письму. В конце справки было указание, что дополнительную информацию предоставит церковный староста прихода, что и было сделано последним без промедления: Владимир Малама в качестве Уполномоченного Российского Общества Красного Креста в Венгрии (Budapest, Podmaniczky utca, 61) отправил письмо в Берлин 6 февраля 1922 года⁸.

Следует отметить, что В. Малама, скорее всего, уже был известен Владыке Евлогию, так как незадолго до этого он выступал с сообщением о положении монархического движения и судьбе русских беженцев в Венгрии на съезде русских монархистов-эмигрантов, положившем начало организованному монархическому движению в русском рассеянии («Съезд Хозяйственного Восстановления России», более 100 делегатов из 30 стран). Этот съезд проходил с 16/29 мая по 23

офицер Лейб-Гвардии Петроградского полка. Генерал-майор. В эмиграции во Франции, председатель Гренадерского объединения (Волков С. В. Офицеры...С.172).

⁵ Постановлением Священного Синода, по предложению Патриарха Тихона, от 30 января 1922 года он был возведен в сан митрополита.

⁶ Генерал-майор Е. Доливо-Долинский епископу Евлогию 10 февраля 1922 г. // АЕУА. Дело «Будапешт», Вх. № 110, от 10 февраля 1922 г., рукопись, оригинал.

⁷ Кандыба, урожденная Глебова, Мария Николаевна (1866–1944 гг., Париж). В эмиграции во Франции. Член правления Союза русских матерей (1930-е). (База данных «Российское зарубежье во Франции»).

⁸ В. Малама, Уполномоченный РОКК в Венгрии архиепископу Евлогию 6 февраля 1922 г. // АЕУА. Дело «Будапешт», Вх. №. 133, от 28 февраля 1922 г., рукопись, оригинал.

мая / 4 июня 1921 г. в баварском городке Рейхенгалль (Германия), его открыл приветственным словом архиепископ Евлогий (Георгиевский), отслуживший вслед затем молебен¹. Сразу после открытия выступил председатель Организационного Бюро по созыву съезда Н. Е. Марков² с докладом о работе Бюро и задачах съезда, позже он был избран на съезде Председателем Высшего Монархического Совета. Поэтому заслуживает внимания письмо Николая Маркова с выражением заинтересованности в образовании православного русского прихода в Будапеште:

«Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему ЕВЛОГИЮ Архиепископу Волынскому и Житомирскому. Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь! Высший Монархический Совет, давно озабоченный образованием православного прихода в Будапеште и сносившийся по сему вопросу с Вашим Высокопреосвященством, ныне по просьбе местной монархической организации, организовавшей приход, просит Вас не отказать ускорить назначение в Будапешт священника, при том, конечно, в соответствии с настроением прихожан, монархиста. Испрашивая молитв Ваших, имею честь быть вашего Высокопреосвященства покорнейшим слугой.

(Подпись) Н. Марков»³.

Это письмо было отправлено 23 февраля / 8 марта 1922 г., получено 24 февраля / 9 марта 1922 г., в тот же день рукой архиепископа начертана резолюция о необходимости уведомить в ответном

письме, что место настоятеля прихода в Будапеште предложено занять архимандриту Дабичу⁴, о чем на следующий день было отправлено письмо на имя Николая Евгеньевича Маркова от архиепископа Евлогия⁵. Это решение было принято Владыкой уже ранее и дано в виде резолюции от 14 / 27 февраля 1922 года на письме В. В. Малама от 6 февраля 1922 г.

Подбор кандидатуры настоятеля прихода

Со стороны Монархического Объединения в уже упоминаемой справке высказывалась надежда «вполне руководить общей деятельностью нового прихода, не афишируя своего влияния»⁶. Тут же разбирались возможные кандидатуры священников на должность настоятеля прихода, причем сразу исключался о. Стефан Колумбов⁷, настоятель Иремской церкви⁸, которому за 80 лет, и подчеркивалось, что желательно, чтобы «вновь назначенное лицо пользовалось самостоятельностью и не было бы связано в своих действиях»⁹. Высказывалась просьба прислать одинокого «(т. к. содержать семейного не представляется возможным), умеющего хорошо говорить и национально настроенного;

⁴ Сергей (Дабич Николай Федорович; 1877–1927 гг.), архимандрит. Настоятель русской посольской церкви в Афинах (1914–1920 гг.). (Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: биографический справочник / Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». – М.; Париж, 2007. С. 432–433).

⁵ Архиепископ Евлогий Н. Е. Маркову 10 марта 1922 г. за №210 // АЕУА. Дело «Будапешт». Исх. № 210 от 10 марта 1922 г., рукопись, оригинал.

⁶ Справка (в приложении к письму Е. Доливо-Долинского архиепископу Евлогию от 10 февраля 1922 г.) // АЕУА. Дело «Будапешт». Вх. № 110 от 10 февраля 1922 г., рукопись, оригинал.

⁷ Стефан Яковлевич Колумбов (1842–1926 гг.), протоиерей, настоятель церкви св. мч. цар. Александры в Иреме.

⁸ Ким Николай, протоиерей. История русской духовной миссии в Венгрии. Судьба храма в Иреме и преемственность священства // Славянский альманах 2008. Институт славяноведения РАН. М., 2009. С. 45–69.

⁹ Справка (в приложении к письму Е. Доливо-Долинского архиепископу Евлогию от 10 февраля 1922 г.).

наш интерес иметь тактичного, энергичного монархиста, умеющего возбудить в пастве интерес к религии»¹.

В первую очередь обсуждается как возможный кандидат проповедник, видный церковный писатель и публицист о. Владимир Востоков², который был известным приверженцем великого князя Кирилла Владимировича, опубликовавшим 26 июля 1922 года статью «К сердцу и совести великого князя Николая Николаевича»³, содержащую яркую апологетику своего патрона, за что он был подвержен многочисленным нападкам со стороны противоположного крыла монархистов, особенно из военной среды. Его кандидатура упоминается в справке в негативном смысле: он «здесь не подходит – слишком много уделяет он политике, а мало Богу! Здесь нужна не “ударная” система, а “организационная”, т. к. для местной “аполитичной” интеллигенции и офицерства сначала необходима для объединения религиозная и национальная почва»⁴. Также сообщается, что на собрании после

обсуждения кандидатур Сергия, епископа Тифлисского (бывш. Херсонского)⁵ и о. Иконникова было «постановлено просить Высокопреосв. Евлогия прислать лицо по своему выбору»⁶.

Архимандрит Сергей Дабич формально полностью соответствовал пожеланиям Монархического Объединения: одинокий архимандрит, беспорный монархист-«кирилловец», о чем знал и Владыка Евлогий, свидетельствуя об этом в своих воспоминаниях о лете – осени 1921 года: «В Ницце скопилось в те дни активная политическая группа эмиграции, возглавляемая Великим Князем Кириллом Владимировичем⁷. К этой группе примыкали и некоторые другие его родственники, а из духовенства старался играть роль бывший настоятель посольской церкви в Афинах, архимандрит Сергей Дабич»⁸.

Первые настоятели прихода.

Первый настоятель архимандрит Сергий Дабич

В марте 1922 г. митрополит Евлогий поручил архимандриту Сергию организацию прихода в Будапеште. Одновременно он был назначен благочинным приходов в Венгрии, Австрии и Баварии. Широта охвата новообразованного благочиния гово-

¹ Справка (в приложении к письму Е. Доливо-Долинского архиепископу Евлогию от 10 февраля 1922 г.).

² Владимир Игнатъевич Востоков (1868–1957 гг., Сан-Франциско), протоиерей. Священник с 1891 г., член Всероссийского церковного собора в Москве от Уфимской епархии (1917–1918 гг.). Полковой священник в Добровольческой Армии у ген. А. И. Деникина, организовал при Армии «Братство животворящего Креста для борьбы с большевиками». Духовник и проповедник в Добровольческой Армии при главнокомандующем генерале П.Н.Врангеле в Крыму, эмигрировал в Галлиполи (15.11.1920 г.), переселился в Сербию, член Карловацкого зарубежного церковного съезда (21.11–4.12.1921 г.), член Зарубежного церковного Совета от духовенства (1921 г.), законоучитель русской гимназии в Кикинде, Воеводина, и по совместительству разъездной священник по Банату, южная Венгрия (1922–1925 гг.). Состоял в юрисдикции РПЦЗ (Нивьер А. Биографический справочник... С. 139–140).

³ Косик В. И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии: материалы к словарю-справочнику. – М., 2008. С. 93.

⁴ Справка (в приложении к письму Е. Доливо-Долинского архиепископу Евлогию от 10 февраля 1922 г.).

⁵ Епископ Сергий, в миру Петров Стефан Алексеевич (1864–1935 гг.), из семьи духовенства. Окончил Донскую духовную семинарию (1886 г.) и историко-филологический факультет Московского университета (1890 г.). Работал в Алтайской миссии, затем (с 1892 г.) в Киргизской миссии. В 1892 г. принял монашество и был рукоположен в иеромонаха. Епископ Бийский (1899 г.), Омский и Семипалатинский (1901 г.), Ковенский (1903 г.), Сухумский (1913 г.), Черноморский и Новороссийский (1919 г.). Эмигрировал в Константинополь, затем в Сербию. Принимал участие в работе церковного Собора в Сремских Карловцах (1921 г.). Скончался в сербском монастыре Привина Глава (Нивьер А. Биографический справочник... С. 436–437).

⁶ Справка (в приложении к письму Е. Доливо-Долинского архиепископу Евлогию от 10 февраля 1922 г.).

⁷ Великий Князь Кирилл Владимирович Романов (1876–1938 гг.), внук императора Александра II. Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. Приветствовал Февральскую революцию. С осени 1917 г. в эмиграции во Франции. В 1924 г. объявил себя главой дома Романовых.

⁸ Митрополит Евлогий. Путь моей жизни... С. 359.

рит о первоначальной неупорядоченности церковной жизни в эмиграции и явной нехватке кадров.

Известно, что архимандрит Сергей приехал в Будапешт в апреле 1922 года, им был «сконструирован»¹ новый Приходской Совет из 10 членов, половина из которых к концу года покинула Венгрию и вышла из состава Совета. Как следствие, возникла неясность с полномочиями членов первого состава Приходского совета, который был избран на учредительном собрании прихожан еще до приезда настоятеля 6 / 19 февраля 1922 года. Поэтому в письме архимандриту Сергию от В. Вадковско-го² из Nemetboly (место в южной Венгрии между городами Печ и Мохач, совр. название Bóly) от 25 октября 1922 г. по поводу ситуации в Будапеште возникают вопросы: когда утверждён состав Приходско-

го Совета Епархиальным начальством и каков его состав. Это письмо вызвано не праздным любопытством или борьбой за места в Приходском совете, а насущными потребностями жизнедеятельности прихода, ибо при составе Приходского Совета с председательством в нем о. Колумбова невозможно рассчитывать на финансирование прихода через пособие от Великой Княгини Виктории Феодоровны³. Архимандриту Сергию также сообщается об усилении агитации «монархистами не нашего толка»⁴, и о том, что помощник старосты С. С. Прохоров⁵ вернулся из Берлина, и там ему сказали, что архимандрит Сергей Дабиш принадлежит к «Живой Церкви»⁶. Однако вопросы и сведения, изложенные в письме, были, очевидно, уже

¹ Рапорт настоятеля церкви православного русского прихода в г. Будапеште протоиерея Леонида Розанова митрополиту Евлогию, Управляющему русскими православными церквями в Западной Европе 20 декабря 1922 г. за № 96 // АЕУА. Дело «Будапешт». Вх. № 968 от 17 / 30 декабря 1922 г., рукопись, оригинал.

² Вадковский Василий Васильевич (1876–1941 гг., США), сотрудник журнала «Новик», дворянский деятель. В 1900 г. окончил Императорский Александровский лицей и причислен к Министерству внутренних дел. Отбыл воинскую повинность в Лейб-гвардии Конном полку, прапорщик запаса. Служил в МВД. Во время Первой мировой войны прикомандирован к Военно-эвакуационному отделу. В 1916 г. произведен в статские советники. После эвакуации из России и пребывания на Принцевых островах, жил в Венгрии и Германии; прибыл в Нью-Йорк, где принимал участие в деятельности национально-монархических организаций. В 1925 г. назначен представителем Великого Князя Кирилла Владимировича в США. В 1933 г. явился инициатором создания Союза российских дворян в Америке, в котором был избран товарищем председателя и состоял в должности до 1939 г. Вошел в число учредителей Русского историко-родословного общества в Нью-Йорке. Автор нескольких родословных статей. См.: Русские в Северной Америке. Александров Е. А. Биографический словарь / под ред. К. М. Александрова, А. В. Терещука. Хэмден (Коннектикут, США); Сан-Франциско (США); Санкт-Петербург (Россия), 2005. Цит. по: <http://www.tez-rus.net>; Плешко Н. Д. В. В. Вадковский // Новик. Нью-Йорк, 1941. Вып. 3 (31). С. 34–35.

³ Виктория Федоровна, урожденная Виктория Мелита (1876 г., Валлетта, Мальта-1936 г., Аморбах, Германия), урожденная принцесса Великобританская, Ирландская и Саксен-Кобург-Готская, герцогиня Гессенская, с 1907 года великая княгиня с титулом Императорского Высочества; по мнению кирилловцев, с 1918 года де-факто и с 1924 года де-юре – императрица с титулом Императорского Величества (титул оспаривался противниками кирилловцев).

⁴ В. Вадковский архимандриту Сергию (Дабишу) 25 октября 1922 г. // АЕУА. Дело «Будапешт». Вх. № пометка «56», рукопись, оригинал.

⁵ Pestí Napló. 17.03.1921, 1. Газета сообщает, что в Будапеште к марту 1921 года собралось около 100 беженцев из России, среди которых называется и промышленник Прохоров (Федор Лукьянов). Из истории русской белой эмиграции в Венгрии. Первая волна. Год 1921-й // Российский Курьер. Вена – Будапешт. Декабрь 2011.

⁶ «Живая церковь» – до 1923 года основная обновленческая группа. Создана 29 мая 1922 года, организована по принципу партии. «Действия против обновленцев РПЦЗ стала предпринимать уже в мае 1922 г., когда стало известно о захвате ими церковной власти в России... 30 июня 1922 г. Соединенное присутствие Зарубежного Синода и Церковного Совета РПЦЗ заявило, что считает обновленцев находящимися под анафемой. Архиерейский Собор РПЦЗ в сентябре 1922 г. издал специальное послание против обновленцев, где подтверждалось, что они отлучены от Церкви, а священнослужители, уклонившиеся в раскол, считаются лишенными сана» (Кострюков А. А. Русская зарубежная Церковь и обновленческий раскол в 1920–1930-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2011. № 34 (249). Вып. 48. С. 85).

неинтересны для адресата, ибо, побыв в Будапеште несколько дней, отец архимандрит уехал и через несколько месяцев отказался от настоятельства. Уже в следующем году он был уволен митрополитом Евлогием за нерадение¹.

***Настоятель-организатор прихода
протоиерей Леонид Розанов***

Дело организации прихода пришлось вновь начать протоиерею Леониду Розанову², назначенному Указом Епархиального управления № 832 от 1 ноября 1922 года.

Сведения о протоиерее Леониде Алексеевиче Розанове и его старшем брате протоиерее Алексее Алексеевиче Розанове содержатся в Биографическом справочнике Нивьера³. Происходили они из семьи духовенства, дети сельского священника Новгородской губернии. Леонид родился 7 апреля 1874 года, старший брат Алексей в 1872 г. Оба закончили полный курс Новгородской духовной семинарии (в 1895 г. и 1893 г. соответственно). Алексей Розанов был определен на церковную службу за границей с назначением на должность диакона Св.-Елизаветинского храма в Висбадене (1895–1902 гг.), священник с 1902 г., настоятель русской посольской церкви в Гааге (1902–1923 гг.), а затем церкви св. Марии Магдалины в том же городе (1923–1936 гг.). Протоиерей Алексей Розанов оставался на службе в Голландии во время Первой мировой войны и после революционных событий в России.

¹ Дальнейшая судьба Дабича печальна: перешел в католичество в Париже у Шапталя (6.10.1923 г.), за что и был запрещен в священнослужении с лишением сана по указу митрополита Евлогия (8.12.1923 г.), жил в Неаполе (1925 г.), умер в Сан-Ремо от внезапной болезни (1927 г.) (Нивьер А. Биографический справочник... С. 432–433).

² Розанов Леонид Алексеевич (1874–1936 гг., Берлин), протоиерей. Священник с 1898 г., находился в Ведомстве военного духовенства; участник Гражданской войны в рядах Добровольческой Армии на Юге России. После настоятельства в Будапеште (1922–1924 гг.), служил в Берлине, Гамбурге, Тегеле. Член Правления Берлинского Св. Владимирского Братства. Благодетельный приход в Германии с 1933 г. (Нивьер А. Биографический справочник... С. 396–397).

³ Нивьер А. Биографический справочник... С. 396–397.

Его брат протоиерей Леонид Розанов, который был священником со 2 мая 1898 г., служил в Ведомстве военного духовенства. Участвовал в военных походах против Австро-Венгрии с 21 июля 1914 года по 3 марта 1918 г. Получил ранение в бою в 1915 году, за «подвиги, оказанные на поле брани в июне и июле 1917 года»⁴ награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. Во время Гражданской войны находился в рядах Добровольческой Армии на Юге России с 8 ноября 1918 года. Согласно его послужному списку⁵, сначала состоял священником Корниловского Ударного полка, затем стал благочинным 1-го армейского корпуса Добровольческой армии и потом благочинным Корниловской ударной дивизии. После эвакуации в составе Русской армии из Крыма в Галлиполи был благочинным Галлиполийского лагеря. По завершении «галлиполийского сидения» поселился сперва в Нидерландах, где работал на фабриках, и одновременно помогал брату, который был настоятелем русской церкви в Гааге. Отсюда 12 октября 1922 г. он написал письмо митрополиту Евлогию с просьбой о занятии вакансии священника церкви при Русской колонии в Будапеште⁶. Вскоре им был получен Указ Епархиального управления за № 832 от 1 ноября 1922 года о назначении его исполняющим должность настоятеля русской православной церкви в г. Будапешт.

Опорой отца Леонида стала уже не только монархическая организация, а рус-

⁴ Справка Епархиального Управления Западно-Европейского митрополичьего округа протоиерею Леониду Розанову о награждении его в 1917 году золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте // АЕУА. «Личное дело прот. Л. Розанова», без исх. №, от 24 декабря 1925 г., машинопись, копия.

⁵ Краткая записка о прохождении службы протоиерея Леонида Розанова. Составлена 15 февраля 1933 г. // АЕУА. «Личное дело прот. Л. Розанова». Вх. № 1492, от 4 июля 1933 г., машинопись, копия.

⁶ Прошение бывшего военного священника, протоиерея Леонида Розанова митрополиту Евлогию о назначении на вакансию священника при русской колонии в Будапеште от 12 октября 1922 г. // АЕУА. «Личное дело прот. Л. Розанова». Вх. № 532 от 6 ноября 1922 г., машинопись, оригинал.

ская колония в целом. Своим адресом по прибытию в Будапешт в письме от 20 декабря он указывает Komitee de russ Kolonie in Ungarn, VIII Dugonics utca, 21, Budapest¹. В Будапеште не было собственного помещения для церкви, и протоиерей Леонид Розанов первое время проводил богослужения в кафедральном сербском соборе и в русской школе по очереди. К весне 1923 года он уже стал владеть ситуацией и докладывал о первых результатах в Епархиальное управление. Испросив благословение на пастырскую деятельность в Венгрии у епископа Будимского Георгия², протоиерей Леонид Розанов получил от него и пожертвование 32 тысячи крон в пользу бедных детей русского прихода. Проведя запись в члены прихода, он получил гарантии на содержание настоятеля в 25 тысяч крон в месяц на 1923 год, принимая во внимание то, что единовременное пособие Великой Княгини Виктории Феодоровны и помощь Всерусского³

¹ Постройка 1912 года, премодерн, в которой сейчас находится средняя школа и гимназия Kövessi Erzsébet Szakképző Iskola. В 1922 году общежитие РОКК.

² Епископ Георгий, в миру Зубкович Джурадж (1878, Будапешт–1951 гг., там же), епископ Будимский (1912–1951 гг.) Сербской Православной Церкви. Выступал против введения венгерского языка и нового календаря в богослужение. Благодаря действиям епископа Георгия Будимская епархия, несмотря на стремление венгерских властей создать самостоятельную Венгерскую Православную Церковь, осталась канонически и территориально неприкосновенной. Дважды, в 1938 и 1950 гг., выдвигался кандидатом на сербский Патриарший престол (Православная энциклопедия. Т. 11. С. 34).

³ Первая местная русская монархическая организация в Венгрии, образованная в декабре 1921 года, имела бланк с названием PRÉSIDENT De l'UNION MONARCHIQUE RUSSE EN HONGRIE, в письме его председателя Л. А. Казем-Бека именуется как «Русское Монархическое Объединение в Венгерском Королевстве». «Всерусское Монархическое Объединение в Венгрии» – название в рапорте протоиерея Леонида Розанова в Епархиальное Управление от 6 марта 1923 года. Вероятно, речь идет об одной и той же организации, хотя, например, осенью 1922 года в письме В. Вадковского говорится о возможности возникновения параллельной монархической организации «не нашего толка».

Монархического Объединения в Венгрии совершенно прекратились.

Протоиерей Леонид Розанов был настоятелем прихода Святой Троицы в Будапеште менее двух лет (1.11.1922–2.9.1924 гг.) и получил благодарность за понесенные труды от митрополита Евлогия⁴. За это время он провел два приходских собрания 22 апреля 1923 и 17 февраля 1924 года, но из-за материальных трудностей и невозможности содержать семью, которая находилась в России, по его просьбе был переведен в Германию, где со временем стал благочинным русских приходов в Германии, членом Правления Берлинского Св. Владимирского братства, начальником Корниловской группы в Германии, митрофорным протоиереем.

25 мая 1936 года отец Леонид, получив телеграмму из Гааги о том, что его брат протоиерей Алексей Розанов находится при смерти (последний тяжело и долго болел), разволновался, стал готовиться к поездке на погребение, почувствовал себя плохо и вскоре скорострительно скончался 26 мая 1936 г. в Берлине от кровоизлияния в мозг. Похоронен на кладбище Тегель в Германии⁵.

Митрополитом Евлогием был подписан некролог 13 / 26 мая 1936 г.: «Господу угодно было сегодня призвать к Себе двух наших пастырей, двух родных братьев. Настоятеля Гаагского прихода Протоиерея Алексея Розанова и Настоятеля Тегельского прихода Протоиерея Леонида Розанова. Да упокоит Он в своем небесном царствии души этих добрых, достойных тружеников на ниве Христовой. Предлагаю во всех церквах епархии помянуть их за Божественной Литургией, а в тех церквах, где они настоятельствовали, творить постоянное их поминовение»⁶.

⁴ Грамота Митрополита Евлогия настоятелю Будапештского прихода протоиерею Леониду Розанову (без даты) // АЕУА. «Личное дело прот. Л. Розанова», без исх. №, машинопись и рукопись копии.

⁵ Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 гг. Т. 6. Кн.1. – М., 2005 («Возрождение». 31.5. 1936. № 4015).

⁶ Кончина протоиереев о. Л. Розанова и о. А. Розанова (некролог). Митрополит Евлогий. 13 / 26 мая 1936 г. // АЕУА. «Личное дело прот. Л. Розанова», без вх. №, машинопись, копия.

Вопрос о каноническом статусе нового прихода. Канонический статус прихода

Для православной русской общины в Венгрии, как и в других местах эмиграции, в первую очередь вставал вопрос о своем каноническом статусе. Волна эмиграции, вызванная революцией и Гражданской войной, привела к многократному увеличению русских общин и приходов в европейских странах, которым было необходимо вписаться в иерархическую структуру Церкви на новом месте. Решение этого вопроса было не очевидно, так, «по первоначальному убеждению митрополита Антония¹, русские православные беженцы должны были влиться в Поместные Православные Церкви в стране проживания. Однако под влиянием окружения его позиция изменилась»².

Тенденция к самостоятельности прихода прослеживается и в прошениях представителей русской общины в Венгрии архиепископу Евлогию, в которых особенно подчеркивается необходимость организовать в Будапеште именно Русский приход с собственным храмом и священнослужителем. А если вопрос о помещении для храма не удастся решить, то предполагалось первое время служить в походной церкви: «Если ни один из имеющихся православных храмов не может быть использован для этой цели, то производить богослужения предложено в походной церкви; таковая имеется у сербов, а у венгров может быть удастся получить походную нашу церковь, взятую во время войны как военную добычу»³.

¹ Антоний (Храповицкий Алексей Павлович, 1863–1936 гг.), митрополит, Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей. С 1918 г. Митрополит Киевский и Галицкий. С 1921 г. проживал в Сремских Карловцах (Королевство СХС), был Председателем Высшего Церковного Управления за границей, с 1922 г. Председателем Архиерейского Синода РПЦЗ.

² Попов А. В. Российское православное зарубежье: история и источники. С прил. системат. библиогр. // Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 10. – М., 2005. С. 237.

³ Справка (в приложении к письму Е. Доливо-Долинского архиепископу Евлогию от 10 февраля 1922 г.).

То есть община изначально было настроена на канонический статус, не зависящий от юрисдикций уже существующих на территории Венгрии православных епархий и приходов, хотя таких возможностей было несколько. Ниже перечислим главные из них.

Русский храм в Иреме

В начале 20-х годов по Справке Монархического Объединения в Будапеште действует несколько православных церквей: 2 сербские, болгарская, греческая, но русской нет; имеется в 30 верстах одна русская церковь, ныне закрытая⁴. Малама уточняет, что «церковь-часовня на могиле Великой Княгини Александры Павловны, принадлежащая эрцгерцогу Иосифу, ныне закрыта вследствие разгрома ее во время коммунизма в Венгрии⁵. Настоятелем церкви состоит отец Стефан Колумбов, всеми уважаемый и весьма отзывчивый, преклонных лет, старец»⁶.

Протоиерей Стефан Колумбов – сын диакона Иремской церкви Иакова Колумбова, который прослужил при храме 33 года, будучи прислан, как и весь клир придворной надгробной церкви, из России. Русский по происхождению, Стефан Колумбов родился в Венгрии, был женат на немке, урожденной Fibinger, учился в России, после окончания Санкт-Петербургской Духовной семинарии в 1863 г. был определен псаломщиком в Ирем, рукоположен в сан священника в 1910 году (проживал в Буде по адресу: Fő utca, 18)⁷. Всю свою жизнь он посвятил служению в Российской Императорской церкви св. мч.

⁴ Справка (в приложении к письму Е. Доливо-Долинского архиепископу Евлогию от 10 февраля 1922 г.).

⁵ Венгерская Советская Республика (венг. Magyarországi Tanácsköztársaság) – политический режим коммунистического толка, существовавший в Венгрии в период с 21 марта 1919 года до 1 августа того же года.

⁶ Малама В. Уполномоченный РОКК в Венгрии архиепископу Евлогию 6 февраля 1922 г.

⁷ Протоиерей Стефан Колумбов в Епархиальное управление Западно-Европейского митрополичьего округа 10 / 23 июня 1925 г. за № 24 // АЕУА. Дело «Будапешт». Вх. № 1226, от 25 июля 1925 г., рукопись, оригинал.

царицы Александры, но не был принят белой монархической эмиграцией (вероятно, не только из-за своего возраста).

Осенью 1921 года, когда в русской колонии возникла мысль об образовании в Будапеште прихода, то, по свидетельству В. В. Малама, «этим вопросом очень заинтересовался отец Стефан Колумбов и его стараниями удалось получить от сербского духовенства разрешение на русскую литургию два раза в месяц, т. е. через воскресенье»¹. Представитель Монархического Объединения в Венгрии также подтверждает, что местное сербское духовенство очень много делает для русских и «потому весьма желательно с ними сохранить установившуюся связь»².

Сербские православные приходы

В Венгрии Будимская епархия Сербской Православной Церкви была учреждена еще в 40–50-х гг. XVII в., ее правящим архиереем в 1911–1951 гг. был епископ Георгий (Зубкович). По прибытии в Будапешт протоиерей Леонид Розанов в первую очередь испросил благословения у сербского епископа Георгия на пастырскую деятельность в пределах Будимской епархии. Сербы являлись равноправными гражданами Венгрии, а православным епископам было дано право участвовать в работе венгерского парламента (на Пожуньском сейме 1792 г.)³. По венгерскому закону 1868 г. о нациях, сербы потеряли остатки политической автономии, но при этом они получили церковно-школьную автономию, которая сохранила некоторые черты государственности, в частности сохранились патриарший совет, национально-церковный собор, компетенция которого выходила далеко за рамки церковных проблем и вопросов образования. Фактически собор занимался и финансово-экономическими вопросами, все постановления собора утверждались королем. Приостановле-

на была церковно-культурная автономия в 1912 году. По уровню благосостояния и размерам собственности сербская церковь занимала второе место после католической церкви Венгрии (вся собственность сербской церкви в Венгрии оценивалась генеральным консулом России в Будапеште в 1912 г. почти в 100 млн крон)⁴. Небольшую материальную поддержку от епископа Будимского получал и престарелый протоиерей Стефан Колумбов. Из числа русских священников, оказавшихся в Венгрии, вероятно, некоторые переходили на службу в Будимскую епархию как, например, священник Сводного Казачьего полка отец Симеон (Прекрасный), что известно из рапорта настоятеля русского прихода в Будапеште протоиерея Леонида Розанова от 28 марта 1923 г. Вообще, переходы русских священников в эмиграции на службу в Сербскую Церковь были очень распространены в эти годы, чему способствовало и благожелательное отношение сербских властей: «Большое значение имело указание министра по делам религии о принятии русских священников на приходскую службу в Сербскую Православную Церковь, данное в мае 1920 г. по предложению епископа Нишского Досифея (Василича). В результате около 250 русских пастырей нашли себе приходские места в сербских храмах, в основном, в бедных сельских общинах... В 1920-х гг. русские священники составляли около 10 % всего клира Сербского патриархата»⁵.

Болгарский православный приход

Кроме сербских храмов, в Будапеште был и болгарский православный приход, но каноническое положение самой Болгарской Церкви было очень двусмысленно. «Болгары предлагали свою церковь, но о. Колумбов заявил, что болгар Православ-

¹ В. Малама Уполномоченный РОКК в Венгрии архиепископу Евлогию 6 февраля 1922 г.

² Справка (в приложении к письму Е. Доливо-Долинского архиепископу Евлогию от 10 февраля 1922 г.).

³ Костяшов Ю. В. Сербия в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997. С. 87.

⁴ Крючков И. В. Сербия и сербская церковно-школьная автономия в поликультурном пространстве дуалистической Венгрии (1867–1914 гг.) // Славянский сборник: межвузовский сб. научных тр. – Саратов, 2008. Вып. 7. С. 47.

⁵ Шкаровский М. В. Возникновение РПЦЗ и религиозная жизнь эмигрантов в Югославии // Христианское чтение. № 4. 2012. С. 117–118.

ная церковь считает схизматиками¹ и служить в болгарской церкви он не может»².

Начало деятельности прихода.

Обустройство храма в Русской школе

Важным событием для прихода стало освящение 12 / 25 марта 1923 года с благословения местного православного архиерея, епископа Будимского Георгия, домовой церкви в помещении Русской школы в городском доме (Szív utca 6. I)³, и совершение первой Божественной Литургии.

Русская школа в Будапеште состояла в ведении Венгерского Министерства Народного Просвещения и Городское самоуправление на просьбу настоятеля прихода разрешило устроить в ней домовую церковь.

Антиминс был получен от священника Сводного Казачьего полка о. Симеона (Прекрасного), прибывшего из Галлиполи⁴ и перешедшего на службу в епархию епископа Будимского.

Обустройство домовой церкви удалось провести достаточно быстро не только благодаря трудам прихожан и пожертвованиям «от различных обществ и учреждений, а также и частных лиц со всей Европы»⁵, но и благодаря заимствованиям

¹ В сентябре 1872 года на Соборе в Константинополе болгары были обвинены в «филетизме» (преобладании национального начала) и осуждены как схизматики после одностороннего провозглашения 11 мая 1872 года автокефалии Болгарской церкви иерархами Константинопольского Патриархата болгарского происхождения (фактически раскол произошёл ещё в апреле 1860 года). В 1945 году осуждение было снято, а в 1953 году Болгарская церковь стала Патриархатом.

² Малама В. Уполномоченный РОКК в Венгрии архиепископу Евлогию 6 февраля 1922 г.

³ Сейчас в небольшом двухэтажном здании по этому адресу (сохранилась табличка со старым правописанием utcza) находится муниципальный детский сад: Terézvárosi Önkormányzat Szív Óvodája.

⁴ Из Галлиполи прибыл и протоиерей Леонид Розанов, который был гарнизонным Благочинным Галлиполийского лагеря (Русская армия в Галлиполи / публ. [и коммент.] В. Лобыцына // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М., 2004. Т. XIII. С. 451–468).

⁵ Рапорт настоятеля русского православного прихода в Будапеште протоиерея Леонида Розанова митрополиту Евлогию, Управляющему Западно-Европейскими Церквями 28 марта 1923 г. за № 26 // АЕУА. Дело «Будапешт». Вх. № 337 от 12 апреля 1923 г., рукопись, оригинал.

церковно-богослужебной утвари у Императорской надгробной церкви, что находится в Иреме на месте погребения Александры Павловны Романовой, а также от эрцгерцога Иосифа⁶, из хранящихся у него вещей Иремской церкви.

В ведомости № 77, составленной исполняющим должность псаломщика Ирем-

⁶ Эрцгерцог Австрийский Иосиф Август (1872–1962 гг.) был старшим сыном эрцгерцога Иосифа Карла (1833–1905 гг.) и эрцгерцогини Клотильды, урождённой принцессы Саксен-Кобург-Готской (1846–1927 гг.). Принадлежал к так называемой «венгерской» ветви династии, был внуком венгерского палатина Иосифа (1776–1847 гг.), первой женой которого была Великая Княгиня Александра Павловна (1783–1801, Буда), и племянником последнего палатина (1847–1848 гг.) Стефана Франца (1817–1867). Приходился троюродным братом императору Францу Иосифу I и фельдмаршалу эрцгерцогу Фридриху. Жил преимущественно в Будапеште и своем имении Альчут. В 1936–1944 годах занимал пост президента Венгерской академии наук. В конце 1944 года переехал в США. Скончался эрцгерцог Иосиф Август 6 июля 1962 года в Баварии.

⁷ В 1928 году, после кончины настоятеля храма протоиерея Стефана Колумбова (1926 г.), были составлены опись имущества и список Библиотеки Иремской Надгробной церкви, среди этих документов Ведомость № 7 с перечнем вещей, заимствованных из Ирема для прихода в Будапеште. Опись краткая, составленная на основании сведений 1923 г.: «Список вещей Иремской надгробной церкви, заимствованных для обустройства русской церкви в Будапеште: 27 февраля 1923 г. были переданы крест напрестольный серебряный; Св. Евангелие в серебряной оправе в 1/8 листа; напрестольный ковчег-дарохранильница, серебряная; венцы брачные серебряные одна пара; чашечка для теплоты; тарелочка к ковшечку; облачение священника белое серебряное; риза, эпитрахиль, палица и набедренник; облачение священника зеленое форменное с золотым оплечьем; риза, эпитрахиль, набедренник и палица; стихарь зеленый для псаломщика; облачение Св. Престола зеленое, форменное с покровом; облачение на аналой зеленое; два покрывала зеленые форменные; воздухи белые. 18 января 1923 г.: кадило; книга молебных пений; требник; коврик; мирница. 17 марта 1923 г.: плащаница; поручи и пояса к зеленому и белому облачению; подризник; траурное облачение; ризы, эпитрахиль, пояс и поручи; богослужебные книги; триодъ постная; триодъ цветная; Апостол; две книги недели Св. Пасхи. 26 августа 1923 г.: минея праздничная I; минея месячная III (две август и сентябрь); октоих ч.2 I. 6 декабря 1923 г.: минеи месячные (декабрь и январь) 2; минеи праздничные 1; служебник; обиход нотного пения;

ской надгробной церкви полковником Владимиром Богославским¹ 17 марта 1928 г. на основании своевременных донесений бывшего псаломщика Льва Лисицкого², имеются сведения о пяти случаях передачи им протоиерею Леониду Розанову богослужебной утвари и книг. В течение 1923 года были получены церковные предметы высокого качества, серебряные изделия, а также комплекты священнических облачений разных цветов и с золотым оплечьем, облачение для Престола, Плащаница. По мере надобности выдавались богослужебные книги. Это была посильная помощь новому приходу от настоятеля Иремского храма протоиерея Стефана Колумбова и знак хороших отношений с эрцгерцогом Иосифом.

Священные Сосуды даны во временное пользование Гаагским православным приходом³. Этот приход также связан с судьбой представительницы рода Романовых, младшей сестры Великой княгини Александры Павловны. В 1816 году русский и голландский царственные дома породнились: сын Вильгельма I (впоследствии Вильгельм II) женился на сестре императора Александра I Анне Павловне⁴. Выйдя замуж, она не поменяла сво-

ирмологий» (Ведомость № 7: Опись вещей, заимствованных из Ирема для прихода в Будапеште, составлена и. д. псаломщика Иромской надгробной церкви В. Богославским, в приложении к его Рапорту Митрополиту Западно-Европейских Православных Русских Церквей Евлогию // АЕУА. Дело «Иром». Вх. № 652 от 31 марта 1928 г., рукопись, оригинал.)

¹ Богославский (Богуславский) Владимир Дмитриевич (1874–1930 гг., Париж). В службе с 1891 г., офицером с 1893 г. Полковник л.-гв. Конно-гренадерского полка. Назначен исполнять должность псаломщика Иремской надгробной церкви указом митрополита Евлогия от 18 июля 1927 года, последний рапорт подписан Богославским 30 января 1930 г.

² Лисицкий Лев, служил псаломщиком в Иреме более 25 лет, скончался между 1923 и 1928 гг., был женат на сестре полковника В. Д. Богославского.

³ Родным братом настоятеля Леонида Розанова был протоиерей Алексей Розанов (1872–1936 гг.), настоятель церкви св. Марии Магдалины в Гааге в 1923–1936 гг. (Нивьер А. Биографический справочник... С. 396).

⁴ Анна Павловна (7 / 18 января 1795, Санкт-Петербург – 17 февраля / 1 марта 1865, Гаага), ве-

ей веры, и это было условием брачного контракта (как и в случае ее старшей сестры Александры). Анна Павловна (скончалась в 1865 г.) имела свою домовую церковь прямо во дворце в Гааге, а позже эта церковь святой Марии Магдалины была устроена в доме о. Алексия Розанова. Прежде он был священником (с 1902 г.), затем настоятелем посольской церкви в Гааге, протоиерей с 1909 г. Митрополит Евлогий так отзывался об этом пастыре: «Священник семинарского образования, не очень ревновавший о своем приходе. Церковь, устроенная в доме бабушки, со входом через его гостиную, привлекала преимущественно его друзей и знакомых, а богомольцы со стороны идти в квартиру бабушки иногда и не отваживались. Приход, и без того малочисленный, захирел»⁵. Церковь святой Марии Магдалины является преемницей дворцовой церкви королевы Анны Павловны, в ней хранятся знаменитый Кутузовский иконостас, который Анна Павловна в 1816 году взяла с собой в Гаагу, царские золотые сосуды, литургические чаши. Они переместились сюда из походного храма императора Александра I времен Отечественной войны 1812 года. Скорее всего, для нового прихода в Будапеште были заимствованы не эти исторически ценные, а обиходные сосуды, о дальнейшей судьбе которых неизвестно.

Иконостас и все остальное оборудование домового храма в Будапеште изготовлены приходом самостоятельно – своими мастерами на собранные пожертвования.

Организован хор певчих из 12 человек. Обязанности псаломщика, по вольному найму, исполнял регент хора поручик Л. А. Захарченко.

Пасху 1923 года (8 апреля по новому стилю) русский православный приход в Будапеште смог встретить уже в своем домовом храме.

ликая княжна, младшая дочь Павла I Петровича и Марии Фёдоровны. Сестра Александра I. Королева Нидерландов и великая герцогиня Люксембурга в 1840–1849 годах.

⁵ Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. – М., 1994. С. 399.

Наименование прихода

22 апреля 1923 года в помещении Русской школы состоялось второе¹ Приходское собрание русского православного прихода в Будапеште под председательством настоятеля протоиерея Леонида Розанова. На нем присутствовали 98 человек. Было рассмотрено 11 вопросов, среди которых первый после доклада настоятеля вопрос о храмовом празднике прихода. По предложению настоятеля храмовым праздником установлен день Святой Троицы.

К сожалению, в «Биографический справочник» Антуана Нивьера вкралась ошибка с указанием должности настоятелей, служивших в Будапеште, как настоятелей Свято-Сергиевской церкви в Будапеште². Возможно, это разночтение связано с тем, что в официальной переписке прихода с епархиальным управлением стоит его наименование «Русский Приход в Будапеште», что было указано и на штампе прихода. Позже, уже после Второй мировой войны единственным русским приходом в Будапеште долгое время (до 2001 года) был другой приход – Свято-Сергиевский, но в период между двумя войнами его еще не было, а русский приход в ведении митрополита Евлогия, расположенный в русской школе имел храмовым праздником день Святой Троицы, поэтому его надо называть Троицким приходом.

Вопрос о наименовании русского эмигрантского прихода встал только на втором приходском собрании, протокол собрания за № 2 был отправлен в Епархиальное управление 15 мая того же года³. Действующими до этого момента считались ре-

шения первого собрания прихожан от 6 / 19 февраля 1922 года. Первое собрание было учредительным и поэтому в текст его Постановления внесли по предложению настоятеля следующее добавление: «Объединиться в Общество Православных Христиан русской национальности, проживающих в пределах Государства Венгерского, под сению Храма во имя СВ. ТРОИЦЫ в г. Будапеште, с подчинением в каноническом отношении Митрополиту, управляющему русскими православными церквями в Западной Европе, под духовным руководством поставленного им Священника-Настоятеля, на основах положения о Православном Русском Приходе, выработанном Собором Православной Российской Церкви в его определении от 7–20 апреля 1918 года»⁴.

Регистрация прихода

Сразу встал вопрос о легализации Прихода по местным законам с предоставлением ему, если возможно, официального статуса, на что было предписание Епархиального управления православными русскими церквями в Западной Европе от 10.02. 1923 года за № 119. Было решено, «объединившись в приход, возбудить через Русского Дипломатического Представителя в Будапеште ходатайство пред Венгерским Правительством о легализации Прихода с предоставлением ему прав юридического лица»⁵.

Следует учитывать, что фигура русского дипломатического представителя, признаваемого венгерскими властями в начале 20-х годов, претерпевала значительные изменения. С 1921 года им был бывший царский дипломат князь Петр Волконский⁶, до войны генеральный кон-

¹ Первое приходское собрание, а по сути, простое совещание инициативной группы, не решало никаких практических приходских вопросов.

² Нивьер А. Биографический справочник: бывший архимандрит Сергей (Дабич), прот. Леонид Розанов, прот. Иоанн Церетели, прот. Григорий Ломако, бывший прот. Михаил Попов, прот. Николай Езерский, архимандрит Сергей (Мусин-Пушкин).

³ Рапорт настоятеля русского православного прихода в Будапеште протоиерея Леонида Розанова в Епархиальное управление православными русскими церквями в Западной Европе 15 мая 1923 г. за № 36 // АЕУА. Дело «Будапешт». Вх. № 533 от 22 мая 1923 г., машинопись, оригинал.

⁴ Протокол № 2 Приходского собрания в Будапеште 22 апреля 1923 г., в приложении к Рапорту настоятеля русского православного прихода в Будапеште протоиерея Леонида Розанова в Епархиальное управление православными русскими церквями в Западной Европе 15 мая 1923 г. за № 36 // АЕУА. Дело «Будапешт». Вх. № 533 от 22 мая 1923 г., машинопись, оригинал.

⁵ Там же.

⁶ Волконский Петр Петрович (1872–1957 гг.), светлейший князь, на службе по МИД с 1898 г.; чиновник сверх штата при канцелярии (1899 г.);

сул в Будапеште, который СовеЩанием послон в Париже был назначен главой дипломатического представительства в Венгрии (покинул Венгрию в конце 1924 года). В те же годы, после назначения генералом Врангелем своим представителем в Венгрии полковника Алексея Александровича фон Лампе¹, венгерское правительство состояло также и с ним в полуофициальных отношениях. С 1924 года ситуация изме-

1-й секретарь канцелярии (1902); 2-й секретарь посольства в Лондоне (1902 г.); 2-й секретарь миссии в Мюнхене (1904); 1-й секретарь посольства в Берлине и генконсул в Будапеште (до 1914 г.). В 1921 эмигрировал. Был аккредитован при Святейшем престоле в Ватикане. Входил в состав комитета Общества служащих Министерства иностранных дел. В 1951 был избран в Центральную генеалогическую комиссию при Союзе русских дворян (База данных «Российское зарубежье во Франции»).

¹ фон Лампе Алексей Александрович (1885–1967 гг.), полковник Генштаба, уже в эмиграции получил от Врангеля чин генерал-майора. Окончил 1-й кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и Николаевскую военную академию (1913 г.). Участник русско-японской и Первой мировой войн. В Добровольческой армии – начальник оперативного отдела в группе войск генерала Врангеля, а затем на той же должности в Управлении генерал-квартирмейстера Кавказской Добровольческой армии. В 1920 г. выполнял различные поручения генерала Врангеля в Константинополе и за границей. Генерал-майор. В начале эмиграции занимал должность военного представителя Русской армии за рубежом: в Дании, в Венгрии и с 1923 г. в Германии. После ликвидации этих должностей возглавлял 2-й отдел РОВСа в Берлине. После роспуска РОВСа в Германии арестовывался гестапо. После Второй мировой войны переехал во Францию и стал заместителем начальника РОВСа генерала Архангельского. С февраля 1957 г. – его преемник. Возглавлял РОВС до конца жизни. Скончался 28 мая 1967 г. в Париже. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа. В эмиграции издал семь томов сборника «Белое Дело», где в 4-м и 5-м томах впервые опубликованы «Записки» генерала Врангеля. Автор книги (сборник статей) «Пути Верных» (Париж, 1960). См.: Волков С. В. Офицеры... С. 272–273; Широкова Е. А. Фон Лампе Алексей Александрович (1885–1967 гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 3. С. 186–189; Алексей фон Лампе – военный агент барона Врангеля в Венгрии: сборник документов / вступительная статья, составление, комментарии А. Колонтари. – М., АИРО-XXI, 2012.

нилась, после усилий Советского Союза по его дипломатическому признанию князь Волконский и полковник фон Лампе были исключены из списка аккредитованных в Венгрии дипломатов. «Однако, при сохранении своих экстерриториальных прав, они, с молчаливого согласия властей, могли продолжать свою деятельность»².

Легальной русской организацией в Венгрии было Российское Общество Красного Креста, оно же и занималось церковными делами, а Уполномоченный РОКК в Венгрии В. В. Малама был церковным старостой прихода.

Выборные органы руководства приходом

Собрание провело выборы Ревизионной комиссии и Приходского совета, который за минувший год потерял половину своих членов, так как они выехали из пределов Венгрии на постоянное жительство в другие страны, а также помощника церковного старосты, на место отказавшегося от должности С. С. Прохорова.

Прежний состав Приходского совета состоял из 10 членов, Собрание установило на будущее число их в 12 человек и дополнительно одного запасного, на случай выбытия из состава действительного члена. Из протокола собрания известны выбывшие члены, это Б. А. Казенбек³, А. Т. Прокин, А. В. Свистунов⁴, А. Н. ЛиневиЧ⁵ и А. П. Туч-

² Халас Иван. Русская белая эмиграция и Венгрия в начале 1920-х годов // Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы). – М., 2012. С. 28.

³ Возможно, в протоколе опечатка, правильно: Л. А. Казем-Бек (см. ссылки 8 и 12).

⁴ Свистунов Александр Владимирович, старший лейтенант. В 1920 г. в эмиграции в Берлине. Принял участие в съезде в г. Рейхенгалль, до 1923 г. состоял в Военной миссии полковника Лампе (В Списке офицеров Флота и Морского ведомства с их семьями, зарегистрированных у ВМА в КСХС на конец декабря 1921 г. См.: Судьбы морских офицеров в эмиграции на сайте: war.kortic.borda.ru).

⁵ ЛиневиЧ Александр Николаевич (1882–1961 гг., Берлин), флигель-адъютант Свиты императора, полковник Лейб-гвардии Конной артиллерии. В дни Февральской революции находился в Александровском дворце, принимал активные меры по его защите от восставших солдат. Георгиев-

ков¹. Приходской совет, как, впрочем, и Венгрию, за истекший год покинули видные деятели монархического движения и инициаторы создания прихода.

В члены Совета путем закрытого голосования избрано большинством голосов семь новых действительных членов и один запасной: В. А. Иловайский², В. Г. Барон Розен³, А. Н. Шмеман⁴,

ское оружие за войну 1914–1917 гг. (Чернова О. В. Верные до смерти. – СПб., 2007. С. 8).

¹ Тучков Александр Павлович (1889–1968 гг.), ротмистр Лейб-гвардии Конного полка, лейтенант французской армии, редактор, общественный и церковный деятель. Потомок героя Бородинской битвы. В Гражданскую войну воевал в Добровольческой армии в Крыму. В составе армии генерала П. Н. Врангеля эвакуировался в Константинополь, был прикомандирован к Управлению представителя Главного командующего Русской армией при союзном командовании. Переехал в Венгрию, затем в Австрию, жил в Париже, затем в Бордо, создал православный приход. С началом Второй мировой войны был мобилизован во французскую армию с прикомандированием к Главному штабу Вооруженных сил. С 1944 г. на фронте в составе армии генерала Леклера; воевал в Вогезских горах, участвовал в освобождении Парижа. Член Гвардейского объединения во Франции. В 1958 – начале 1960-х – член правления Представительства России при национальных организациях во Франции. Состоял членом Морского собрания в Париже. Член группы Ревнителеев единства Русской православной зарубежной церкви. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (База данных «Российское зарубежье во Франции»).

² Иловайский Владимир Алексеевич (1886–1946 гг., Париж), есаул Войска Донского. Окончил юридический факультет Московского университета. Участник Первой мировой войны. В эмиграции в Болгарии, редактировал и издавал в Софии газету «Россия» (1920–1921 гг.). В 1926 г. переехал во Францию. Долголетний сотрудник газеты «Последние новости», в 1945–1946 гг. сотрудник «Русских новостей» (База данных «Российское зарубежье во Франции»).

³ Розен Владимир Григорьевич (1896 г., Женева-1966 г., Буэнос-Айрес), барон. Состоял в Пажемском корпусе. Капитан Лейб-гвардии Преображенского полка. В Вооруженных силах Юга России; с 25 сент. 1919 г. командир роты Лейб-гвардии Преображенского полка в Сводно-гвардейском полку. В эмиграции в Аргентине. (Волков С. В. Офицеры... С. 414).

⁴ Шмеман Андрей Николаевич (1883 г., Санкт-Петербург – 1961 г., Вена), сын действительного тайного советника, его отец Николай Эдуардович

Е. Д. Лукин⁵, К. И. Ершов⁶, А. П. Малама⁷, В. П. Ильин и запасным членом графиня М. И. Сечени. В. П. Ильин же единогласно выбран помощником церковного старосты, которым остался ранее избранный В. В. Малама. Собрание единогласно приняло предложенные настоятелем протоиереем Леонидом Розановым кандидатуры Н. В. Семенова, М. С. Самсонова⁸ и П. Г. Соболева в члены Ревизионной комиссии.

Материальные вопросы

Последняя группа вопросов, обсужденных собранием, связана с материальным обеспечением деятельности прихода. Согласно ст. 56 Приходского устава, попечение об обеспечении членов причта содержанием и утверждение хозяйственных смет прихода принадлежит Приходскому собранию. Действующая смета к моменту проведения Собрания была определена постановлением Приходского совета от 18 декабря 1922 года § 2, а именно: 20 000 венгерских крон в месяц как настоятелю церкви и 5 000 крон за уроки Закона Божия в Русской школе. Ввиду значительного падения курса венгерской кроны по (1850–1928 гг.), член Государственного Совета, сенатор. Статский советник, чиновник Сената, офицер с 1916 г. Поручик Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады. В эмиграции в Венгрии и Франции (Волков С. В. Офицеры... С. 540).

⁵ Лукин Евгений Дмитриевич (1884–1957 гг.), русский военный инженер, полковник. Участник Белого движения. Воевал в составе ВС Юга России и Русской армии до эвакуации Крыма. Командир Технического полка в Галлиполи (1920 г.). Председатель Общества Галлиполийцев в Венгрии. Майор Парагвайской армии (1949). (Волков С. В. Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога: в 2 т. – М., 2012).

⁶ Ершов Ксенофонт Игнатьевич, полковник, первый атаман венгерской казачьей станицы имени Краснова (подотдел Союза Русских Офицеров в Королевстве Венгерском). См.: Колонтари А. Русская белая эмиграция в Венгрии: люди и организации // Российский Курьер, январь 2012 г.

⁷ Анна Павловна Малама, жена Владимира Владимировича Малама, урожденная Самойлова (род. 1878 г.), дочь надворного советника.

⁸ Самсонов Михаил Степанович, бывший царский дипломат, обучал русскому языку студентов-экономистов. См.: Стыкалин А. С. Российская белая эмиграция в межвоенной Венгрии. Проблемы изучения // Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы). – М., 2012. С. 18.

становлением Приходского совета от 20 апреля 1923 года, т. е. накануне собрания, решено было перевести вышеозначенную сумму 25 000 венгерских крон в более устойчивую валюту, а именно в французские франки (по курсу, каким он был к 1-му января 1923 года, что равнялось тогда 120 франкам содержания по должности настоятеля храма и 30 франков по должности законоучителя школы). В дальнейшем, а именно с 1-го мая 1923 г., выплачивать эту сумму сто пятьдесят франков венгерскими кронами по курсу, официально объявляемому 15 числа каждого месяца. Указанная смета с переводом ее в французские франки была утверждена. Собрание поручило Приходскому совету озаботиться изысканием средств на поддержание уже организованного хора певчих, разрешая производить на сей предмет расход из церковных и приходских сумм, в размере, какой он найдет возможным. Признавая назначение штатного псаломщика желательным, но имея в виду отсутствие у прихода средств на уплату ему содержания, собрание поручило настоятелю донести о сем Епархиальному управлению и пригласить для исполнения обязанностей псаломщика лицо по усмотрению настоятеля, на условиях, какие найдет он возможным по соглашению с Приходским советом.

Сбор средств на содержание церкви, причта и хора осуществлялся добровольной подпиской сравнительно небольшого количества прихожан, и этих сумм – около 35 000 венгерских крон в месяц – по докладу настоятеля, было недостаточно. Приходской совет поставил вопрос о самообложении прихожан в пользу церкви. Приходское собрание, выразив признательность всем прихожанам, добровольно вносившим взносы, просило не уменьшать их, а всех остальных членов русской колонии призвало записаться в приход и вносить свой вклад на нужды церкви. Собрание постановило ввести с 1-го мая 1923 года самообложение на нужды церкви, нравственно обязательное для всех православных христиан, кто хочет считать себя членом прихода. Был установлен «минимум» ежемесячных обязательных

взносов, равный стоимости одного фунта¹ (½ кило) белого хлеба для каждого прихожанина, живущего самостоятельным трудом. Ввиду постоянного колебания цен на хлеб Приходскому совету было поручено на первом заседании в начале каждого месяца фиксировать взнос по цене хлеба того дня. Прося более состоятельных членов Прихода не ограничиваться минимальным взносом, а жертвовать столько, сколько каждый из них признает для себя возможным, собрание нашло возможным освободить беднейших прихожан от обязательных взносов, предоставив решение вопроса об их бедности их христианской совести, разрешив казначею Приходского совета принимать от них и самые незначительные ежемесячные взносы.

В конце заседания был заслушан доклад настоятеля о пожертвованиях на церковь. Приходской совет Парижской церкви выделил 125 франков, Приходской совет Гаагской церкви – 50 голландских гульденов и еще 37 000 венгерских крон пожертвовано лицами, пожелавшими остаться неизвестными. 50 франков из личных средств пожертвовал на устройство приходской домово́й церкви митрополит Евлогий, за этот дар собранием была выражена благодарность, о чем ему сообщено в письме протоиерея Леонида Розанова от 7 мая 1923 года: «Просить о. Настоятеля Церкви выразить Его Высокопреосвященству чувства глубочайшей сыновней признательности за его дар, давший нам возможность во Святые дни Великого Праздника Пасхи молиться уже в своем храме»².

¹ Фунт (от лат. *pondus*) – традиционная мера веса (единица измерения массы) вне метрической системы, имевшая разные стандарты в различные эпохи и в разных странах. Положением о мерах и весах 1899 года был закреплен эталонный вес русского фунта: 0,40951241 кг. В европейских странах, использующих метрическую систему, с конца XIX века используется так называемый «метрический фунт» (пруссский фунт – нем. *Pfund*, новый ливр – фр. *livre*, голландский фунт – голл. *pond*), равный 0,5 кг.

² Рапорт настоятеля русского православного прихода в Будапеште протоиерея Леонида Розанова митрополиту Евлогию, Управляющему

**Деятели монархического движения
в организации православного прихода
в Будапеште. Русское монархическое
движение за рубежом**

На Съезде Хозяйственного восстановления России (с 16 / 29 мая по 23 мая / 4 июня 1921 года) произошло организационное и политическое оформление монархического движения («Рейхенгалльская платформа»), основанного на признании необходимости реставрации монархии в постбольшевистской России при сохранении у власти правящей до Февральской революции 1917 г. династии Романовых (без уточнения фигуры претендента)¹. Итогом работы специальной Церковной комиссии съезда стала резолюция, согласно которой «религиозно-нравственное возрождение Родины в духе исконной веры Православной» объявлялось залогом восстановления Российского Царского Престола².

Политическая платформа правых монархистов была выражена в выступлении Н. Е. Маркова на Церковном соборе, проходившем с 21 ноября по 3 декабря 1921 г. в сербском городе Сремски-Карловцы³. Речь Маркова вызвала противодействие тех, кто выступал против поляризации русского Православия. Их духовным лидером был митрополит Евлогий. Его сторонники старались убедить участников Собора, что призывы к реставрации монархии приведут к осложнению положения Церкви в России. Однако, несмотря на его усилия, на Карловацком Соборе было принято «Воззвание к чадам Православной Рос-

русскими православными церквями в Западной Европе 7 мая 1923 г. за № 33 // АЕУА. Дело «Будапешт». Вх. № 504, от 14 мая 1923 г., рукопись, оригинал.

¹ Серегин А. В. Высший Монархический Совет и Командование Русской Армии в Европейской эмиграции в 1920-х – начале 1930-х годов // Отечественная история. 2007. № 5. С. 138–145.

² Двуглавый орел. 1921. Вып. 9. 1(14) июня. С. 6. (Цит. по: Антоненко Н. В. Идеология и программа русской монархической эмиграции. – Мичуринск, Изд-во Мичуринского государственного аграрного университета, 2007).

³ Кострюков А. А. Русская зарубежная Церковь... С. 54–68.

сийской Церкви»⁴, в котором указывалось на необходимость восстановления в России монархического строя. Частным примером попытки влияния на Церковь со стороны монархических групп было ходатайство того же Маркова (письмо архиепископу Евлогию от 23 февраля / 8 марта 1922 г.) об образовании православного прихода в Будапеште и ускорении назначения туда священника, «в соответствии с настроением прихожан, монархиста»⁵.

Монархические, легитимистские организации неоднократно (например, в 1923 году общество «Русский двуглавый орел» и т. д.) выдвигали предложения повсеместно помянуть на богослужениях представителей Императорского Дома, которые были отклонены Архиерейским Синодом. Неудивительно, что Архиерейский собор 1924 года отказался признать великого князя Кирилла Владимировича императором и помянуть его в качестве такового на богослужениях⁶.

Иерархи и церковные деятели старались отдалиться от углубления в династические споры и политические распри, которые никак не способствовали поиску единства в сложной ситуации, в которой оказалась Российская Православная Церковь после революции. Тем более, что и в самом монархическом движении со временем только усиливались внутренние разногласия. Так, неким рубежом, после которого стало невозможно вернуться к обсуждению согласованной монархической позиции, было провозглашение себя императором Великим князем Кириллом Владимировичем в 1924 году. Этому предшествовал манифест 1922 года, где он объявляет себя сначала блюстителем престола. Другой претендент от династии Романовых Великий князь Николай Николаевич⁷ пользовался большей популярно-

⁴ История Русской Православной Церкви от Восстановления Патриаршества до наших дней. Т. 1. – СПб., 1997. С. 592–593.

⁵ Н. Е. Марков, председатель Высшего монархического совета, архиепископу Евлогию 23 февраля / 8 марта 1922 г.

⁶ Кострюков А. А. Русская зарубежная Церковь... С. 206–207.

⁷ Великий князь Николай Николаевич (Младший), (1856–1929 гг.), внук Николая I; Верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими

стью в среде русской эмиграции и потому поддерживался Высшим монархическим советом, первым председателем которого был Марков¹.

Монархические тенденции Венгрии

В Венгрии среди русской эмиграции в политическом смысле «доминировала монархистская правая сторона. Это объяснялось тем, что выбравшие Будапешт эмигранты в большинстве своем были германофилами, основная масса которых являлась консервативными монархистами. Были среди них и прибалтийские немцы, и русские аристократы того же происхождения. Венгерские власти относились к ним с большим доверием, чем к левым и либеральным эмигрантам, большинство из которых было франкофонами»². Для этого предпочтения были основания и в картине политической жизни самой Венгрии тех лет.

Венгрия официально была монархией, но короля в ней не было, а главой государства являлся регент – бывший адмирал австро-венгерского флота Миклош Хорти³. Считалось, что Венгрией символически правит Корона Святого Иштвана, поэтому венгерские национальные движения ставят задачей не реставрацию династии и силами Российской Империи в начале Первой мировой войны (1914–1915 гг.). В эмиграции жил в Италии, с 1922 года – во Франции. Некоторыми группами белой эмиграции считался претендентом на российский Престол как старший по возрасту член Династии, хотя сам никаких монархических притязаний не высказывал. Решительно отверг притязания Кириллы Владимировича на Императорский титул, заявив, что вопрос о монархии может решаться «русским народом на родной земле».

¹ В то же время следует отметить, что в дальнейшем тот же Марков все-таки оказал поддержку великому князю Кириллу Владимировичу, а потому в 1931 г. был вынужден выйти из состава Высшего Монархического совета (Ю. Н. Емельянов. Монархическая идея... С. 135–136.).

² Халас И. Русская белая эмиграция и Венгрия в начале 20-х годов. // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. – М., 2010. С. 255.

³ Миклош Хорти, дворянский титул Хорти де Надьбанья (венг. *vitéz nagybányai Horthy Miklós*, нем. *Nikolaus von Horthy und Nagybánya*; 1868–1957), правитель (регент) Венгерского королевства в 1920–1944 годах, адмирал.

даже не восстановление трона, а возвращение Земель Священной Венгерской Короны, ведь после Трианонского договора 1920 года Венгрия потеряла две трети своей территории⁴. Прежде Прагматическая санкция 1713 года⁵ связывала венгерский престол с династией Габсбургов (Габсбургско-Лотарингский дом), которая не всегда пользовалась поддержкой венгров, хотя, например, последний император Карл I⁶ короновался в Будапеште, несмотря на военное время. После распада Австро-Венгрии в ноябре 1918 года император Карл I объявил, что «отстраняется от управления государством» (подчеркивая, что это не является отречением от престола)⁷.

⁴ Чуканов М. Ю. Граф Альберт Аппони об условиях мирного договора с Венгрией (1920 год) // Центрально-европейские исследования. Вып. 2. Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время / Институт Славяноведения. – М., 2004. С. 211–226.

⁵ Прагматическая санкция – закон о престолонаследии, принятый императором Священной Римской империи Карлом VI (1711–1740 гг.) 19 апреля 1713 года (одобрен Венгерским сеймом 6 декабря 1724 года, согласно ему Габсбурги управляли Венгрией не в качестве императоров (Священной Римской империи), а как короли Венгрии, следовательно, подчиняясь её законам). Прагматическая санкция вошла в состав основных законов австрийской монархии. Кроме того, необходимым требованием Санкции являлось, чтобы все земли, находящиеся под властью австрийского монарха, составляли одно единое, нераздельное целое и чтобы при этом строго соблюдалась государственная, национальная и административная самостоятельность Венгрии. Прагматическая Санкция и послужила основанием для выработки новых политических отношений между обеими половинами империи, выразившихся в австрийском основном законе 21 декабря 1867 г. и в ст. 12 венгерских законов 1865–1867 (Бахлова О. В. Венгерское королевство в условиях династического кризиса в доме Габсбургов и становления Австрийской империи (XVII–XVIII вв.): политико-правовые аспекты // Финно-угорский мир. 2009. № 2. – Саранск: Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, 2009. С. 64–75).

⁶ После кончины Франца Иосифа 21 ноября 1916 года Карл Франц Иосиф (нем. *Karl I. Franz Josef*; 1887–1922) вступил на престолы Австрии и Венгрии как Карл I – император Австро-Венгрии и как Карл IV – король Венгрии (венг. *IV. Károly*).

⁷ Шимов Я. В. Последний австрийский император // Славяноведение. 2008. № 1. С. 3–22.

В Венгрии жил представитель «венгерской ветви» Габсбургов эрцгерцог Иосиф Август. 27 октября 1918 года император Карл I назначил Иосифа Августа регентом Венгрии. Но уже через несколько дней утверждённое регентом правительство было свергнуто в ходе «революции астр», а сам он уехал в свое поместье Альчут¹. Летом 1919 года после падения Венгерской Советской республики эрцгерцог Иосиф вновь стал регентом, 7 августа в Будапеште было сформировано правительство во главе с Иштваном Фридрихом², в него вошли сторонники возвращения Габсбургов, объявлялось о реставрации монархии, но уже 23 августа эрцгерцог Иосиф сложил с себя полномочия. Одним из изданных распоряжений в этот период стало назначение адмирала Хорти на должность командующего венгерской армией.

1 марта 1920 вновь избранный парламент провозгласил Миклоша Хорти регентом вплоть до определения судьбы короны. Официально он титуловался «его светлость регент Венгерского королевства»³.

В марте 1921 года Карл IV сделал первую попытку вернуть венгерский престол мирным путём, тогда у него было много сторонников, в том числе (на словах) и адмирал Миклош Хорти, но соседние государства, опасаясь восстановления династии, объявили мобилизацию, и реставрация Габсбургов не была осуществлена. В октябре 1921 г. Карл IV снова предпринял попытку вернуть престол. Вторая попытка едва не завершилась удачей, но под давлением Антанты Карл IV был арестован и 19 ноября того же года был доставлен на остров Мадейра, определенный ему в качестве места ссылки. 6 ноября

¹ Венг. Alcsút.

² Иштван Фридрих (венг. István Friedrich; 1883–1951 гг.), венгерский политик, в 1919 г. в течение 3 месяцев занимал должность премьер-министра Венгрии. В начале 1920-х годов основал крайне правую политическую ассоциацию. Был членом Венгерского парламента в 1920–1939 годов. Арестован в 1951 г. в годы режима М. Ракоши, предположительно погиб в тюрьме.

³ Желицки Б. Й. Регент Венгрии Миклош Хорти (1868–1957) // Новая и новейшая история. 1996. № 2–3.

1921 г. Национальное Собрание Венгрии под давлением Хорти и представителей Антанты объявило о «прекращении суверенных прав короля Карла IV»⁴.

Деятельность русских монархистов Венгрии

«Русские монархисты для осуществления замысла реставрации монархии в России стремились заручиться поддержкой националистических элементов Германии, Австрии и Венгрии, разрабатывавших план создания Союза побежденных держав для восстановления династий... Для осуществления этих планов предполагалось создать военный и политический центры, которые должны были осуществлять руководство “добровольческой армией”, сформированной не только из белогвардейцев, но и офицеров других “дружественных” стран»⁵. Таким центром виделся Будапешт. Со всей определенностью эти идеи были выражены в «Меморандуме» генерала В. В. Бискупского⁶: «Монархические группы, генералы императора и большая часть русского народа ясно видят, что это катастрофическое положение может кончиться лишь в том случае, если побежденные народы заключат между собой тайный Союз, избрав общую программу и начав очень активную политику. Великая Россия, Великая Германия и Великая Венгрия, связанные друг с другом экономически и политически, – вот единственное спасение в нашем отчаянном положении»⁷. Этот план рассматривался как единственная возможность для восстановления тронов. В июле 1920 г. в Будапеште был подписан трехсторонний договор об объединении усилий в деле

⁴ Шимов Я. В. Последний австрийский император // Славяноведение. 2008. № 1. С. 3–22.

⁵ Емельянов Ю. Н. Монархическая идея... С. 113.

⁶ Бискупский Василий Викторович (1878–1945 гг.), русский и украинский военный и политический деятель, генерал от кавалерии. Монархист-легитимист. Родился в семье уездного председателя дворянства, вице-губернатора г. Томска.

⁷ Опубликовано в эсеровской газете «Воля России». Прага, 1920. 5 декабря, подлинность документа была подтверждена ее редакторами В. М. Зензиновым и О. С. Минором. (Цит. по: Ю. Н. Емельянов. Монархическая идея... С. 113).

восстановления монархий в этих странах¹ (текст трехстороннего соглашения обозначен как вышеупомянутый «Меморандум Бискупского»).

Следует отметить, что деятельность В. В. Бискупского финансировала великая княгиня Виктория Федоровна, на пособие от которой предполагалось и содержание церковной общины и настоятеля прихода в Будапеште. Об этом речь идет, например, в письме В. Вадковского (в будущем представителя великого князя Кирилла Владимировича в США с 1925 г.) первому назначенному настоятелю архимандриту Сергию (Дабичу) от 25 октября 1922 г. Вадковский получил деньги от великой княгини (Виктории Федоровны) в сумме 12 500 крон, но не стал передавать их Приходскому совету, т. к. посчитал, что «едва ли Великой Княжне угодно будет передать ему эти деньги»², если Совет реорганизован и в его состав не входят монархисты-«кирилловцы», а в Будапеште есть опасность возникновения параллельной «враждебной» монархической организации. Сам архимандрит Сергей Дабич до назначения в Будапешт проживал в Ницце, где состоял в группе эмигрантов, возглавляемых великим князем Кириллом Владимировичем. «Он жил в отеле на широкую ногу, устраивал приемы, на которых бывали и Великие Князья. Настроения в местной эмиграции царили чисто политические, атмосфера была сгущенная, монархическая, реставрационных вождедений не скрывали»³. После отказа от настоятельства в Будапеште некоторое время, вероятно, с осени 1922 г., жил в Мюнхене у великого князя Кирилла Владимировича⁴. За время формального настоятельства (весна – осень 1922 г.) архимандрита Сергия произошло

¹ Серёгин А. В. Русские монархисты-легитимисты в эмиграции и консервативная реакция в Европе начала 1920-х годов // VIII Международная научно-практическая конференция «Дни науки – 2012». – Чехия, Прага, 27.03.2012–05.04.2012 (www.rusnauka.com).

² В. Вадковский архимандриту Сергию (Дабичу) 25 октября 1922 г.

³ Митрополит Евлогий. Путь моей жизни... С. 359.

⁴ Нивьер А. Биографический справочник... С. 432–433.

много событий как в Венгрии, так и во всем монархическом движении в целом.

На основе документов Информационной службы ВЧК-ГПУ о деятельности в начале 1920-х годов русских зарубежных монархических организаций⁵ известно, что в мае – июне 1922 г. шла усиленная подготовительная работа к предстоящему второму монархическому съезду именно в Будапеште, откуда исходило недовольство политикой Высшего Монархического Совета и стремление сменить его главу на князя Голицына⁶, который, будучи ярким монархистом, по свидетельству информаторов ВЧК, «занял почти официальное положение при венгерском правительстве и пользовался правами аккредитованного посла, с которым правительство Хорти неизменно совещалось по всем “русским вопросам”»⁷. В связи с заключением советско-германского договора в Рапалло⁸ обсуждалась также необходимость перенесения деятельности ВМС либо во Францию, либо в Венгрию. В работе Л. П. Колодниковой приведена оценка ГПУ положения в монархическом движении и событий, связанных со съездом монархистов в Будапеште: «Май и июнь [1922 г.] прошли в интенсивной подготовке монархического съезда. Съезд состоялся в июне месяце в Будапеште. На этом съезде “хозяйственного восстановления России” об-

⁵ Колодникова Л. П. Документы Информационной Службы ВЧК-ГПУ о деятельности в начале 1920-х годов русских зарубежных монархических организаций // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11. № 2. 2009. С. 250–256.

⁶ Дмитрий Петрович Голицын-Муравлин (1860–1928 гг., Вышеград, Венгрия), князь, русский общественный и государственный деятель, писатель. В 1920 г. бежал из Советской России, жил в Венгрии, где в 1921 г. был представителем Высшего Монархического Совета, а с 1922 г. представителем Великого Князя Кирилла Владимировича. Сотрудничал в журнале «Двуглавый орёл».

⁷ Колодникова Л. П. Документы Информационной Службы ВЧК-ГПУ... С. 251.

⁸ Рапалльский договор – договор между РСФСР и Веймарской республикой, заключённый 16 апреля 1922 года во время Генуэзской конференции в городе Рапалло (Италия). В его основе лежало общее для двух стран неприятие Версальского договора.

суждались способы и средства переезда русских монархистов из Болгарии в Венгрию, а главным образом вопрос о созыве конгресса всех монархистов, проживавших за границей. Задачи предстоящего конгресса – обсудить вопросы переброски некоторых контингентов армии Врангеля в Венгрию, а также принять решение по вопросам, возникшим в связи с конференцией в Гааге. Основными побудительными причинами к созыву будапештского съезда... послужили, во-первых, назревший «министерский» кризис в Высшем монархическом совете и, во-вторых, необходимость пересмотреть основные вопросы, связанные с ориентацией»¹. Данные документы ГПУ иллюстрируют борьбу разных направлений монархического движения, особенно в Венгрии, где в большинстве были «кирилловцы».

Принятие на себя звания Блюстителя Престола Великим князем Кириллом Владимировичем в 1922 году предполагало создание при нем аппарата для придания официального характера его общественно-политической деятельности. В первую очередь была образована Канцелярия Блюстителя Государева Престола, первым начальником которой стал генерал Е. П. Доливо-Долинский (в мае 1924 г. был заменен капитаном 2 ранга Г. К. Графом). Именно через него в феврале 1922 года поступает справка о положении дел в Будапеште от Монархического Объединения в Венгрии для архиепископа Евлогия, т. е. в организации русского эмигрантского прихода в Будапеште участвовали самые близкие соратники великого князя Кирилла Владимировича.

Оценивая деятельность «легитимистов», или сторонников Кирилла Владимировича, А. В. Серегин² отмечает, что они выиграли борьбу за монархическую молодежь, подчеркивая, что «Союз мла-

дороссов»³ во главе с харизматичным лидером А. Л. Казем-Бек⁴ являлся самой сильной организационной структурой всей эмиграции конца 1920 – начала 1930-х гг.⁵ Этот лидер младороссов Александр Львович Казем-Бек был сыном главы Русского Монархического Объединения в Венгерском Королевстве Льва Александровича Казем-Бека, чьим ходатайством к архиепископу Евлогию и начинается история русского православного прихода в Будапеште⁶.

***Русская колония в Будапеште
(о составе русского православного
прихода). Состав колонии русских
беженцев в Венгрии***

В вышеупомянутой Справке Монархического Объединения приводится численность русских беженцев в Венгрии

³ Закатов А. Н. Партия младороссов и идея социальной монархии // Трибуна русской мысли. № 9. 2008. С. 208–218.

⁴ Казем-Бек Александр Львович (1902–1977 гг., Россия), историк, политический, общественный деятель. В 1920 г. эмигрировал в Белград. В 1923 г. переехал в Мюнхен. Учился в Мюнхенском университете. Один из учредителей и лидер союза «Молодая Россия» (младороссы), его председатель (с 1923 г.). В 1925 г. приехал во Францию. Неизменный участник (докладчик) всех собраний Союза младороссов в Париже (1929–1939 гг.). В 1930–1932 гг. редактор журнала «Младоросс». Входил в состав редакторов газет «Наше знамя» (1929 г.) и «Фронт молодых» (1930 г.). В 1937 г. оставил пост главы Младоросской партии. В 1940 г. был арестован и заключен в концлагерь. После выхода из лагеря уехал в США. Сотрудничал в газете «Новая заря» (Сан-Франциско). С 1944 г. преподавал русский язык в Йельском университете, с 1946 г. возглавлял кафедру русского языка и литературы в Коннектикутском колледже в Нью-Лондоне. В 1957 г. вернулся в Россию. Работал сотрудником Отдела внешних церковных сношений Московской патриархии. Член редколлегии «Журнала Московской Патриархии» (База данных «Российское зарубежье во Франции»...).

⁵ Со своей стороны Высшим Монархическим Советом организация Младороссов оценивается (спустя более полувека) «как типичная советская провокция». См.: Куликовский-Романов Т. Н. Краткая история Высшего Монархического Совета (ВМС). Доклад на 70-летие ВМС // Имперский Вестник. № 13. январь 1991 года. Опубликовано: www.apologetika.com.

⁶ Л. А. Казем-Бек архиепископу Евлогию 1 февраля 1922 г.

¹ Колодникова Л. П. Документы Информационной Службы ВЧК-ГПУ... С. 252.

² Серегин А. В. Программы политических организаций русской монархической эмиграции в Европе в 1920–1930-х гг. по реставрации монархии в России // Преподаватель. XXI век. 2009. № 4. С. 228–233.

(февраль 1922 г.): в Будапеште проживало около 1 000 русских беженцев, а по всей Венгрии вместе с бывшими военнопленными, которые вышли на свободу из лагерей (по инициативе правительства Михая Каройи¹ в конце 1918 – начале 1919 гг.)² – около 4 000 человек, «кроме того, имеются русские женщины – жены военнопленников венгров, прибывшие из Совдепии с мужьями»³. Подчеркивается, что большинство русских – православные.

Уполномоченный Российского Общества Красного Креста (РОКК) в Венгрии В. В. Малама, он же на протяжении долгих лет церковный староста, описывает русскую колонию как многочисленную: «имеются русские представительства, имеются и русские учреждения: два общежития и русская школа»⁴. Бывший полковник конного полка Владимир Владимирович Малама являлся одним из приближенных генерала Глазенапа⁵, принадлежавшего

к германофильскому крылу русских монархистов, вокруг которого образовался целый штаб. «В 1920 и 1921 гг. генерал Глазенап попытался организовать контрреволюционный русский легион. С этой целью был сформирован комитет, состоявший из русских офицеров и гражданских лиц»⁶. Таким образом, русская колония в Будапеште к началу 20-х годов была достаточно организационно оформлена и политически активна, хотя и разнообразна по составу.

На Приходском собрании 22 апреля 1923 г. закрытым голосованием были избраны взамен уехавших из страны новые члены Приходского совета. Ввиду того что состав русской эмиграции в Венгрии в те годы носил преимущественно военный характер, вполне логично, что в Приходском совете преобладали представители военных организаций и монархического движения, речь идет о Союзе Русских Офицеров в Королевстве Венгерском (СРОВОКВ), Обществе Галлиполийцев, казачьей станице имени Краснова. Кроме того, невозможно было обойтись и без представителей Российского общества Красного Креста (РОКК) как официальной организации, защищающей интересы русских эмигрантов.

Необходимо сказать несколько слов о каждой из этих общественных организаций, игравших важную роль в жизни русской общины в Венгрии в начале 20-х годов.

Судя по архивным документам, инициатором и основателем **Союза Русских Офицеров в Королевстве Венгерском** (СРОВОКВ) был генерал-лейтенант Петр Владимирович Глазенап. Первым председателем союза был избран в 1922 году Николай Владимирович Шмидт (1863–1934 гг.), морской офицер; служил в Вооруженных Силах Юга России, был произведен в гене-

рали в Варшаву, пытался сотрудничать с Борисом Савинковым в деле создания антибольшевистского фронта. Умер в Мюнхене в 1951 г. (Волков С. В. Офицеры... С. 132; Лукьянов Ф. Из истории русской белой эмиграции в Венгрии... // Российский Курьер, декабрь 2011).

⁶ Халас И. Русская белая эмиграция и Венгрия в начале 20-х годов. // Славянский мир в третьем тысячелетии... С. 255.

¹ Граф Михай Каройи де Надькарой (венг. Mihály Ádám György Miklós Károlyi de Nagykároly, 1875–1955 гг.), венгерский политик, руководивший страной после распада Австро-Венгрии. 31 октября 1918 г. Каройи возглавил леволиберальное правительство, состоявшее из членов его собственной партии, «независимых» политиков, радикалов и социал-демократов. 16 ноября Венгрия была провозглашена республикой, а Каройи был избран ее временным президентом, 11 января 1919 г. официально утвержден в этом качестве Национальным советом. 21 марта 1919 г., после предъявления Венгрии представителями Антанты новых, совершенно неприемлемых для нее территориальных требований, Каройи подал в отставку с поста президента, передав власть коалиции коммунистов и левых социал-демократов, а в июле того же года эмигрировал во Францию.

² Стыкалин А. С. Российская белая эмиграция... С. 23.

³ Справка (в приложении к письму Е. Доливо-Долгинского архиепископу Евлогию от 10 февраля 1922 г.).

⁴ В. Малама, Уполномоченный РОКК в Венгрии архиепископу Евлогию 6 февраля 1922 г.

⁵ Глазенап Петр Владимирович (1882–1951 гг.), русский офицер, дворянин, лютеранин. Генерал-лейтенант, с ноября 1919 г. командующий Северо-Западной армией вместо Юденича. В эмиграции с 1920 года, сначала в Риге, потом в Лондоне и Будапеште. В 1921 г. пытался создать в Венгрии «Полицейскую армию» из бывших солдат и офицеров Австро-Венгерской армии для

рал-майоры П. Врангелем¹. К концу 1923 г. в организацию вошли 167 офицеров, был принят устав, где зафиксировано, что председатель союза утверждается в своей должности Главкомандующим Русской Армии (П. Врангелем), а постановления правления вступают в силу только после утверждения их военным представителем главкомандующего А. фон Лампе.

Общество Галлиполийцев было образовано приказом генерала Врангеля 21 ноября 1921 года с целью поддержания связи между частями и отдельными военнослужащими Русской армии, оказавшимися в разных странах. Построенное по типу общественной организации, а не военного подразделения, оно было более приспособлено к деятельности в условиях мирного времени. Отделы общества существовали во многих европейских государствах, в том числе и в Венгрии².

В начале 1922 г. при активном содействии полковника фон Лампе была основана венгерская казачья станица имени Краснова. Первым атаманом станицы был выбран полковник Ксенофонт Игнатьевич Ершов. В станицу вошел 61 казак. Конечно, в условиях эмиграции станица не могла носить военного характера (о военной подготовке, ношении оружия не могло быть и речи), а служила представительным органом казаков перед венгерскими властями и другими эмигрантскими организациями, оказывала материальную помощь своим членам и способствовала сохранению казачьей идентичности³.

Особо следует выделить Российское Общество Красного Креста, ибо именно под его эгидой существовали русская школа и русский приход в Будапеште. Еще во времена Российской империи это была крупнейшая общественная организация, начавшая свою деятельность с 1893 года. После революции члены Главного управ-

ления РОКК, оказавшиеся в эмиграции, восстановили руководящие органы и наладили его работу. Центр управления возобновленного общества с председателем Б. Е. Иваницким⁴ находился в Париже. По всей Европе была создана сеть представительств общества (к 1926 г. в 25 государствах уполномоченный РОКК в Венгрии – В. В. Малама). Серьезный официальный статус организации подкреплялся и твердым финансовым положением: «До середины 30-х гг. Главное управление эмигрантского Красного Креста исправно, из года в год, получало денежные ассигнования, колебавшиеся от 102 до 62 тыс. фр. от Финансовой комиссии при Соединении послов в Париже. Кроме того, из этого же источника на представительские расходы ежегодно выделялось 36 тыс. фр. Эти ассигнования дополнялись частными пожертвованиями»⁵. Однако нарастающее давление Советского «Общества Красного Креста и Красного Полумесяца» в конце концов привело к свёртыванию деятельности РОКК в 30-е годы.

Персональный состав приходского совета

Итак, от вышеозначенных ведущих общественных организаций русских эмигрантов в Венгрии в состав Приходского совета вошли следующие представители: статский советник Андрей Николаевич Шмеман⁶, представитель Великого Князя Кирилла Владимировича; есаул Иловай-

⁴ Иваницкий Борис Евгеньевич (1855–1938, гг. Париж), государственный деятель, сенатор, член Государственного совета, тайный советник, товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием. Во время первой мировой войны председатель Главного управления Российского общества Красного Креста (РОКК). Эвакуировался в 1920 г. в Константинополь, затем переехал во Францию. Член организационной комиссии по учреждению в Париже Русского объединенного эмигрантского комитета (1924 г.). Последние годы жил в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа (Баз данных «Российское зарубежье во Франции»...).

⁵ Голотик С. И., Ипполитов С. С. Российское Общество Красного Креста (1917–1930-е гг.) // Новый исторический вестник. – М., 2001. № 4. С. 167–174.

⁶ Колонтари А. Несостоявшаяся ось // Российская белая эмиграция в Венгрии... С. 69.

¹ Колонтари А. Несостоявшаяся ось // Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы). – М., 2012. С. 81.

² Карпов Н. Д. Крым – Галлиполи – Балканы. – М., 2002. С. 137.

³ Колонтари А. Русская белая эмиграция в Венгрии... // Российский Курьер, январь 2012.

ский Владимир Алексеевич¹, заместитель военного представителя в Венгрии полковника Алексея Алексеевича фон Лампе с апреля 1922 г.; полковник Лукин Евгений Дмитриевич², Председатель Общества Галлиполийцев в Венгрии (подотдел СРОВОКВ), носил титул Старшего Галлиполийца; полковник Ершов Ксенофонт Игнатъевич³, первый атаман венгерской казачьей станицы имени Краснова (подотдел СРОВОКВ); барон Розен Владимир Григорьевич⁴, капитан Лейб-гвардии Преображенского полка; Малама Анна Павловна, жена В. В. Малама⁵.

Таким образом, в состав Приходского совета вошли лидеры Русской колонии, представители монархических движений и белого офицерства, что отражало «военно-монархический» характер русской эмиграции в Венгрии, как ее охарактеризовал А. Колонтари⁶. При этом и сам настоятель прихода тоже был из среды военного духовенства.

Внешние и внутренние проблемы русского прихода в Будапеште

Противоречия, существовавшие в рядах монархического движения, отрази-

лись и на православной общине Будапешта. Уже в период формирования прихода было разделение на монархистов «нашего» и «не нашего толка»⁷. «Конкурировавшие друг с другом разные группировки белых эмигрантов с особой старательностью обвиняли друг друга перед венгерскими властями в шпионаже. Как правило, за этими интригами стояла борьба, которая велась в российском монархическом движении между сторонниками великих князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича. В Венгрии, несмотря на немногочисленность русских эмигрантов (а может быть, именно поэтому), эта борьба отличалась особой остротой»⁸.

К внутренним противоречиям эмигрантской среды добавлялись и объективные трудности внешнего характера. Так, юридическое оформление прихода было сильно осложнено тем, что в 1924 году русских беженцев стали считать лицами без гражданства, а церковно-каноническая структура митрополита Евлогия, которой принадлежал приход, в Венгрии не получила официального признания.

Заключение.

Краткий обзор дальнейшей истории русского прихода в Будапеште

К сожалению, благословение архиерея о постоянном поминовении бывшего настоятеля в будапештском приходе не было выполнено по объективным причинам. Приход во имя Святой Троицы существовал до конца Второй мировой войны. После ее окончания верующих двух русских приходов в Будапеште – прихода во имя Святой Троицы в юрисдикции митрополита Евлогия (последний его настоятель иеромонах Сергей, в миру Мусин-Пушкин⁹) и

⁷ В. Вадковский архимандриту Сергию (Дабичу) 25 октября 1922 г.

⁸ Колонтари А. Несостоявшаяся ось // Российская белая эмиграция в Венгрии... С. 63.

⁹ Архимандрит Сергей, в миру Мусин-Пушкин Мстислав Владимирович, граф (1899–1960 гг., Франция), сын члена Государственного Совета. Участник Гражданской войны, эмигрировал в Константинополь. Учился в Парижском Св.-Сергиевском институте (1934–1937 гг.). Иеромонах с 1937 г., рукоположение совершил митрополит Евлогий в Св. Александро-Невском соборе в Париже.

¹ Колонтари А. Несостоявшаяся ось // Российская белая эмиграция в Венгрии... С. 66.

² Колонтари А. Русская белая эмиграция в Венгрии... // Российский Курьер, январь 2012.

³ Ершов Ксенофонт Игнатъевич, полковник, первый атаман венгерской казачьей станицы имени Краснова (подотдел Союза Русских Офицеров в Королевстве Венгерском). См.: Колонтари А. Русская белая эмиграция в Венгрии: люди и организации // Российский Курьер, январь 2012 г.

⁴ Розен Владимир Григорьевич (1896 г., Женева-1966 г., Буэнос-Айрес), барон. Состоял в Пажеском корпусе. Капитан Лейб-гвардии Преображенского полка. В Вооруженных силах Юга России; с 25 сент. 1919 г. ко-мандир роты Лейб-гвардии Преображенского полка в Сводно-гвардейском полку. В эмиграции в Аргентине. (Волков С. В. Офицеры... С. 414).

⁵ Малама Анна Павловна, урожденная Самойлова (род.1878), дочь надворного советника, имела медаль Красного Креста в память Русско-Японской войны 1904–1905 гг. В своей будапештской квартире организовала политический салон (в начале 20-х годов). (Халас И. Русская белая эмиграция... // Российская белая эмиграция в Венгрии... С.30.)

⁶ Колонтари А. Русская белая эмиграция в Венгрии...// Российский Курьер, январь 2012.

прихода в юрисдикции митрополита Анастасия (настоятель священник Афанасий Донецков¹) – попытались объединить в один приход, так как «настоятели обоих приходов бежали на запад»².

В 1948 году возобновление деятельности русского прихода в Будапеште начал священник Сергей Галецкий³, рукоположенный в 1943 году митрополитом Берлинским Серафимом⁴ (РПЗЦ), но не смог его успешно осуществить, так как «у него самого были заметны симпатии к одним и холодность к другим»⁵. Окормляемый им Настоятель церкви в Будапеште (1938–1945 гг.), председатель Комитета русских организаций в Венгрии (1938 г.). Настоятель храма Сергиевского подворья в Париже с 1948 г. (Нивьер А. Биографический справочник... С. 436).

¹ДонецковАфанасийМихайлович(1887–1979гг.), протопресвитер. Сын казака. Участник Первой мировой войны в 19-м Донском казачьем полку, Гражданской войны – в чине командира сотни 61-го Донского казачьего полка Добровольческой армии. Эмигрировал через Константинополь в Венгрию. Священнический сан принял в 1933 г. в юрисдикции РПЦЗ. Настоятель церкви в Будапеште (1933–1944 гг.). Служил в лагерях для перемещенных лиц из Восточной Европы (1945–1951 гг.). Переехал в США (1951 г.), настоятель церкви в Ричмонде (Нивьер А. Биографический справочник... С. 183–184).

² Характеристика священника Галецкого Сергея Ивановича. Будапешт, 15 июля 1950 г. // АВЕ, Личные дела священников.

³ Галецкий Сергей Иванович (1891–1972 гг.), священник. Окончил Витебское торговое училище и Московский сельскохозяйственный институт. В эмиграции в Будапеште находился 25 лет, был на гражданской службе. В 1935 г. женился гражданским браком на разведенной Маргарите, урожденной Шмеринга, церковным браком обвенчался с ней в 1943 г. Организовал венгерский православный приход в г. Ниредьхаза (Характеристика Галецкого... // АВЕ).

⁴ Митрополит Серафим, в миру Ляде Карл Георг Альберт (1883–1950 гг.), член Архиерейского Синода РПЦЗ. Принял православие в 1904 г. После окончания Санкт-Петербургской духовной семинарии рукоположен архиепископом Волынским Антонием (Храповицким) во иерея в 1907 г. Принят в РПЦЗ в 1930 г. С 1938 г. правящий епископ Германской епархии, с 1942 г. митрополит Берлинский и Германский возглавил Средне-Германский митрополичий округ (Косик В. И. Русское церковное зарубежье... С. 310–313).

⁵ Характеристика священника Галецкого 15 июля 1950 г.

приход во имя преподобного Сергия Радонежского фигурирует в документах Венгерского благочиния с 7 июня 1949 года как новообразованный (т. е. не является преемником ни одного из эмигрантских приходов). Юрисдикционное оформление закончилось принятием этого русского прихода (а также нескольких венгерских) в состав Московского Патриархата. В 1950 году настоятелем прихода прп. Сергия Радонежского был назначен отец Михаил Толмачев⁶, при нем приход получил помещение в жилом здании на ул.Лендваи, где существует и поныне.

В 2002 году в Будапеште был образован новый приход во имя Святой Троицы по благословию архиепископа Павла (Пономарева), при этом было сознательно восстановлено название первого русского эмигрантского прихода, память о котором к тому времени уже совершенно стерлась в среде современных прихожан венгерских православных храмов.

История русского прихода в контексте церковных и политических событий между двумя мировыми войнами

Завершая обзор истории образования русского эмигрантского прихода в Будапеште, можно сказать, что на этом частном примере как в капле воды отразились проблемы и настроения того непростого времени. В первую очередь, это изменчивая внутри- и внешне- политическая обстановка, в которой зарождалась русская эмигрантская община. В течение буквально нескольких месяцев ситуация подчас

⁶ Толмачев Михаил Дмитриевич (1920–2004 гг.), священник. Родился в дворянской семье. Окончил среднюю техническую школу в Нови-Саде в 1939 г. В 1942 г. рукоположен митрополитом Анастасием (Грибановским) во диакона, в 1943 г. епископом Бачским Иринеем во иерея. В 1947–1948 гг. проучился три семестра на богословском факультете в Белградском университете. В 1950 г. выслан в Венгрию, принят в Московскую Патриархию, с 16 мая 1950 г. настоятель русской церкви преподобного Сергия Радонежского в Будапеште. В 1973 г. направлен в Австралию, где служил в сербском Свято-Троицком соборе Мельбурна с 1977 по 1986 гг. В 1988 г. создал Свято-Троицкий приход Московской Патриархии в Мельбурне (Косик В. И. Русское церковное зарубежье... С. 350–351).

менялась кардинальным образом. Что раньше служило опорой – вдруг исчезало с исторической сцены, а что было второстепенным и незначительным – неожиданно становилось новым основанием государств. Именно с учетом такой специфики исторического контекста следует рассматривать все сложности и проблемы, сопутствовавшие появлению эмигрантских русских приходов в Европе.

Первые годы эмиграции совпали с трудным временем в самой Венгрии, только что преодолевшей краткое правление коммунистического режима. Поэтому со стороны венгров поначалу был проявлен большой интерес к русской белой эмиграции, имевшей те же политические устремления, что и победившее коммунистов правительство Миклоша Хорти. Однако вскоре изменения в позициях обеих сторон – венгерского государства и русской эмиграции, не дали развернуться полномасштабному сотрудничеству. Венгерские консервативные политические силы после закрепления у власти и признания их международным сообществом уже не нуждались в таких помощниках для реализации своих целей, а в среде русской эмиграции со временем разрослись внутренние противоречия.

Дополнительные сложности для новой церковной общины привнесило непонимание иерархами и клириками русской эмиграции традиций организации православной диаспоры в Венгрии. Православное население империи Габсбургов на протяжении нескольких предыдущих веков представлял сербский архиерей. Поэтому, будучи поначалу тепло встреченной православными собратьями, русская община в своем дальнейшем развитии в сторону большей самостоятельности встретила непонимание местных православных представителей, к числу которых относился даже священник российского бывшего императорского храма в Венгрии. Кроме того, неразбериха с каноническим порядком церковной иерархии эмигрантских приходов рано или поздно давала о себе знать холодным отношением официальных структур, осторожно относящихся к представителям, имеющим сомнительные полномочия.

Тем не менее насущная необходимость в полноценной церковной жизни для тысяч наших соотечественников преодолела все сложности исторического момента и привела к образованию в Венгрии русского православного прихода.

А. Бебеш

(Печский университет)

А. Колонтари

(Капошварский университет)

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ ГОЛИЦЫН-МУРАВЛИН (1860–1928 гг.). РУССКИЙ КНЯЗЬ В ВЕНГЕРСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Жизненный путь. Руководитель Русского Собрания

Общественный деятель, один из выдающихся деятелей правых и крайних правых движений, литератор, часто публиковавший под псевдонимом, член Государственного совета. В историю он вошел как основатель и первый председатель Русского Собрания, ранней черносотенной организации культурно-национального характера.

Д. П. Голицын родился в Висбадене, в Германии в древней русской княжеской семье. Учился в Императорском Александровском лицее, и окончил его в 1881 г. После военной службы в Павловском полку, начал работать в Государственной канцелярии. В 1890-е годы он уже был секретарем Государственного совета, а с 1902 г. членом совета министра народного просвещения. С 1906 г. – товарищ главно-

управляющего, а с 1910 г. – главноуправляющий канцелярии императрицы Марии Федоровны, вдовы императора Александра III. Почетный член екатерининского сельского попечительства детских приютов Тульской губернии. С 1904 по 1917 г. – тайный советник¹.

Русское Собрание как культурное объединение было создано им и 17 его единомышленниками еще в феврале 1900 г. Основателями были представители санкт-петербургского чиновничества, офицерского корпуса, консервативной интеллигенции, но скоро к ним присоединились и представители духовенства. Сразу после основания организация уже насчитывала 120 членов. Д. П. Голицын исполнял должность председателя до 1906 г. Несмотря на несомненную лояльность организации к власти, ее регистрация затянулась почти на год, так как самодержавие изначально относилось с подозрением к любому общественному начинанию. Наконец, 26 января 1906 г. товарищ министра по внутренним делам П. Н. Дурново санкционировал существование организации. Их устав отражал славянофильское влияние, основной целью организации являлось «ознакомление людей с достижениями, созданными русскими людьми в области культуры, науки и искусства»². Они считали важной задачей сохранение красоты и грамотности русского языка, также популяризацию правильных форм земледелия. Создание общества явилось ответом консервативной интеллигенции на русский либерализм и космополитизм на рубеже столетия. Русское Собрание очень скоро стало общеизвестной организацией, которая создавала свою сеть и филиалы по всей стране, они особенно укрепились в университетских центрах. Местные организации издавали собственные газеты, журналы, среди наи-

более известных можно упомянуть, например, харьковский «Мирный труд» издаваемый профессором истории А. С. Вязигиным. В 1903 г. они создали свой центральный орган печати под названием «Известия Русского Собрания». На страницах этих изданий они боролись главным образом против «еврейского масонства», которое считали своим основным духовным противником. Члены Русского Собрания читали доклады на исторические темы, организовывали концерты, лекции по литературе, эти мероприятия целиком были посвящены произведениям русских авторов. С 1905 г. местные организации и их члены становились социальной базой и тылом в политическом и военном смысле активного черносотенства. Сам князь Д. П. Голицын-Муравлин в 1904 г. был в составе депутации к государю-императору, выразившей свое недовольство и опасения в отношении чуждых общественному порядку страны процессов³. Присутствовавшие заверили Николая II в своей верности, а император пожелал им дальнейших успехов в их деятельности. С 1906 г. Голицын-Муравлин принимал активное участие в организации и работе более радикальных обществ и объединений. В феврале 1906 г. стал почетным председателем на «Первом Всероссийском Съезде Русских Людей» в Санкт-Петербурге.

Князь проявлял заметную активность в общественной жизни и вне рамок Русского Собрания, он был членом Совета Общества ревнителей русского исторического просвещения памяти Императора Александра III, членом-директором Русского литературно-художественного общества. В апреле 1912 г. он был назначен членом Государственного Совета. В Верхней палате Государственной Думы он, само собой, разумеется, примкнул к правому крылу.

Литератор

Князь уже с ранней юности занимался литературой, первые стихи опубликовал еще будучи лицеистом в 1879 г. С 1884 г. он писал романы и повести, в этих произведениях основной темой являлось вырождение русской аристократии.

¹ Основные биографические данные Голицына-Муравлина см.: Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / отв. ред. О. А. Платонов. – М., 2008. С. 148–149; Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия / под ред. В. В. Шелохаева и др. – М., 1996. С. 156.

² Bebesi G. A feketeszázak [Черная сотня]. – Budapest, Magyar Ruzsisztikai Intézet, 1999. С. 127.

³ Ibid. С. 129.

Его первые сочинения были опубликованы в «Живописном обозрении» под псевдонимом «Дмитрий Чертков». Его наиболее известными прозаическими произведениями считаются: «Тенор», «Баба», «Мрак», «Убогие и нарядные», «Рубли», «На безлюдье», «От смутных дней», «Святыни» и др. В 1899 г. в Санкт-Петербурге была поставлена на сцене его историческая драма «Максим Сумбулов». В свое время он был известным и популярным писателем, многие его работы были переведены на иностранные языки.

В эмиграции

В 1919 г. он сбежал из России и остановился в Венгрии, в южной ее части, которая в то время находилась под сербской оккупацией, но которая по Трианонскому договору подлежала передаче обратно Венгрии. Здесь в комитатах Шомодь, Баранья в 1919–1920 гг. появились видные представители дореволюционной элиты Российской империи, такие как, например, бывший флигель-адъютант императора Николая II и бывший Таврический губернатор генерал-майор Н. А. Княжевич или князь С. Д. Оболенский, последний губернатор Ставропольской губернии. Князь Д. П. Голицын-Муравлин со своей семьей нашел приют у барона Имре Бидермана, в его имениях в деревнях Сентегат и Можго. Голицын познакомился с Бидерманом еще в 1910 году, когда он был в Венгрии как представитель русских организаций по попечительству детей¹. Именно тогда он встретился первый раз с бароном Бидерманом, который был известен в области общественной и благотворительной деятельности. Появление Голицына-Муравлина в южной части Венгрии было отмечено и в местной прессе. Газета «Дунантул» («Задунайский край») в своем номере от 21 декабря 1919 г. посвятила короткую статью видному гостю Барани. Поводом для статьи послужило то обстоятельство, что Голицын-Муравлин будучи в Пече зашел в редакцию «Кишгаздак Лапя» («Газеты Мелких хозяев»), где выписал немецкоязычное издание газеты. В беседе с журна-

листами упомянул, что сейчас он главным образом интересуется экономическими вопросами и начал изучать венгерский язык. Газета «Дунантул» с некоторым преувеличением представила своим читателям Голицына как одного из ведущих политических деятелей довоенной России, хотя он на самом деле не был членом «первого эшелона» власти, как например П. А. Столыпин, С. Ю. Витте, С. Д. Сазонов или В. К. Плеве. Голицын, пишется в статье, был вынужден сбежать от бури, охватившей всю Россию, и он нашел временный приют в этой части земного шара².

Голицын, как и многие из заселенных в Баранье русских, остались в Венгрии и после вывода сербских войск. Он сразу начал активную политическую деятельность, немедленно после передачи этих территорий венгерским властям нанес визит главе государства, адмиралу М. Хорти. Д. П. Голицын-Муравлин в небольшой, но раздробленной на разные фракции русской колонии в Венгрии стал одним из лидеров монархического крыла. С осени 1921 г. он выступал как представитель Высшего Монархического Совета в Венгрии. Совет старался объединить разные монархические течения, его руководство в первом его составе состояло из Н. Е. Маркова, А. М. Масленникова и князя А. А. Ширинского-Шихматова. Статус Голицына-Муравлина в Венгрии как представителя ВМС был полуофициальным, он не был официально признан, следовательно, не получил дипломатических привилегий, но благодаря его социальному положению (княжескому титулу) и широким общественным связям перед ним открывались двери политических и общественных кругов до самого Правительства. Поэтому его влияние лишь немного отстало от влияния официально признанных венгерским правительством дипломатического и военного представителей князя П. П. Волконского и полковника А. А. фон Лампе. В эмиграции они принадлежали к противоположному лагерю, поэтому между ними и Голицыным часто возникали острые столкновения.

¹ HL (Hadtörténeti Levéltár – Архив военной истории). 1921 VKF микрофильм В/169 3619/1987 без № Л.

² Dunántúl[Дунантул]. 1919. December 21. № 271. С. 4.

Группа Голицына, или «печская колония», уже осенью 1921 г. вступила в конфликт с остальной частью русской эмиграции в Венгрии. Поводом послужил довольно значительный по тем временам кредит в 8 млн венгерских крон, предоставленный Голицыну и его товарищам (всего 12 лиц) разными венгерскими банками по рекомендации Министерства иностранных дел. Ссора возникла вокруг использования и разделения этой суммы. Члены группы в качестве покрытия за кредит предложили свои имения в России. Таким образом, речь шла о частной банковской операции, хотя остался открытым вопрос, насколько венгерские финансовые учреждения и их специалисты считали серьезным и надежным покрытием, оставшуюся в Советской России недвижимость¹. Однако в документах были указания на то, что здесь речь шла о нечто большем, чем о частном кредите. В одном месте мы читаем, что кредит предоставляется «Комитету оказания помощи русским гражданам, заселенным в комитате Баранья»², и слово комитет еще неоднократно повторяется в документах. Значит, формально в качестве получателя выступила не группа частных людей, а юридическое лицо (комитет), которое теоретически должно было обладать уставом и конкретной программой оказания помощи беженцам. Ничего такого не было, Голицын и его товарищи разделили деньги между собой и растратили на свои собственные нужды. Своим поведением они вызвали недовольство тех, которым денег не доставалось. Внутренние распри дошли до венгерских властей, когда по инициативе Голицына-Муравлина главу недовольных – упомянутого уже генерал-майора Княжевича – обвиняли в ан-

тивенгерской деятельности, в шпионаже в пользу сербов и французов³.

Князь Д. П. Голицын-Муравлин не только старался играть решающую роль в жизни русской колонии в Венгрии, но его деятельность повлияла и на европейские дела эмиграции. В раздробленной по вопросам престолонаследия и будущей формы правления постбольшевистской России, в монархической среде острые споры вызывал манифест великого князя Кирилла Владимировича от 8 августа 1922 г., в котором он провозгласил себя «Блюстителем Государева Престола». Имеются сведения, что именно Голицын-Муравлин предложил великому князю издание манифеста и взять на себя титул блюстителя престола «по примеру адмирала Хорти» до окончательного решения вопроса о престолонаследии. Подобную версию сам Голицын охотно распространял о себе в русской эмигрантской среде в Венгрии. Взамен за совет и услуги Кирилл Владимирович назначил его своим представителем «при всех дворах и правительствах»⁴.

³ В результате доносов Княжевич был арестован венгерскими властями, хотя через несколько дней он был освобожден и оправдан от необоснованных обвинений. Но с этого момента в недрах русской колонии противоборствующие группировки часто старались очернить друг друга в глазах венгров: «Стыдно становится за русских, мало нам того, что мы всюду пария, так еще идет и взаимное обливание грязью и клеветой. Говорят, что эмиграция всегда безобразна...» – записал А. А. фон Лампе в своем дневнике в связи с этим сюжетом // ГАРФ (Государственный Архив Российской Федерации). Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 72).

⁴ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 18, 24; Бочарова З. С. Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории. – М., 2011. С. 101. и http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/golicyn_dp.html

В связи с этим А. А. фон Лампе, один из главных оппонентов Голицына-Муравлина в Венгрии, не без враждебной иронии писал в дневнике: «По-видимому нет сговора ни с Императрицей [речь идет о вдове императора Александра III, императрице Марии Федоровне, прожившей в это время в Дании. – Прим. автор.], ни с Николаем Николаевичем, ни с Гирсом – словом, ни с кем, кроме Гольцины-Муравлина, который величает себя представителем Великого Князя при всех дворах и правительствах Европы. Неужели никого нет, кроме него. Плохо тогда дело монархизма,

¹ По свидетельству переписки между банками, у них были серьезные опасения и сомнения, хотя они шли навстречу пожеланию Министерства иностранных дел. Но в документах они старались с тщательной скрупулезностью установить, кто из них в какой степени отвечает и ручается за кредит.

² Документы, связанные с предоставлением кредита см.: MNL (Magyar Nemzeti Levéltár – Венгерский Национальный Архив) Z-100-25. cs.-45. t. № R2352/1921. и HL 1922 VKF микрофильм В/169 3620/1987 № 573/pol.

На этом посту Голицын активно, хотя в конечном итоге безуспешно, работал над тем, чтобы авторитетные учреждения русской эмиграции, как например Совецание послов или Высший Монархический Совет, сплотились вокруг великого князя Кирилла Владимировича и признали его первенство в династии Романовых. Голицын-Муравлин в письме М. Н. Гирсу, дуайену Совецания послов, признал заслуги дипломатических миссий, хотя назвал проблематичным, что многие из руководителей этих представительств были назначены Временным правительством. К оценке их деятельности прибавил: «... эти учреждения под Вашим руководством оказали нашему многострадальному беженству несомненные услуги... Ваша опытность принесла делу великую пользу». Но после выступления Кирилла Владимировича дальнейшее существование этих миссий как «искусственных продлений временного правительства» не соответствовало фактическому положению. Поэтому от имени великого князя он просил Гирса с сохранением «установленного (...) служебного строя» восстановить законность. Другими словами, это означало предложение, что взамен признания Кирилла Владимировича послы смогут оставаться на своих постах. Ответ Гирса был отрицательным. Дипломатические миссии он назвал носителями идеи российской государственности, которые не участвуют во внутренней борьбе эмиграции и не могут подчиняться тем или иным партийным начинаниям. Со слов Гирса стало ясно, что именно таким он считает выступления Кирилла Владимировича¹.

Еще более щекотливой оказалась ситуация с Высшим Монархическим Советом. Речь шла об учреждении, которое Голицын несколько месяцев назад еще считал носителем государственной власти и представителем которого он выступал

так как этот человек хитрый и практик, но нечистоплотный нравственно и не умный» (ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 22).

¹ Письмо Голицына и ответ Гирса см: АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи) ф. 166. Оп. 508/3. Д. 79. Л. 25.

в Венгрии. После издания прокламации Кирилла Владимировича в письме Монархическому Объединению в Баварии он назвал ВМС уже партийной организацией частного характера, которая хотя в свое время принесла немалую пользу делу монархии, но в новых условиях является излишней. Он подчеркнул, что Совет не имеет права ставить себя выше основных законов Российской империи. На бланке в заголовке он употреблял титул: «Главный Политический Представитель Августейшего Блюстителя Государева Престола». Подобно Совецанию послов Высший Монархический Совет тоже отказался от сотрудничества с великим князем².

Для большей ясности нам необходимо упомянуть, что великий князь Кирилл Владимирович (внук императора Александра II) был двоюродным братом убитого императора Николая II, и по родословной таблице он был ближайшим по мужской линии уцелевшим родственником государя. Поэтому часть монархической эмиграции видела в нем законного наследника престола. Его оппоненты обычно подчеркивали его морганатический брак и в связи с этим его временное исключение из порядка престолонаследия. Относительная непопулярность Кирилла в монархической среде объяснялась и теми упорно муссировавшимися в рядах эмиграции слухами о его поведении в дни Февральской революции. Согласно этим версиям, будучи контр-адмиралом Императорского флота, он надел на свой мундир красный бант, повел своих матросов к Таврическому дворцу и поспешил принять присягу верности Временному правительству³. В военной и монархической эмиграции наибольшим авторитетом обладал великий князь Николай Николаевич, бывший верховный главнокомандующий, внук императора Николая I, старший по возрасту член семьи Романовых. С выступлением Кирилла Владимировича монархическая эмигра-

² ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 104, 220–222.

³ Голдин В. И. Русское военное зарубежье в XX веке. – Архангельск, 2007. С. 54. Кирилл Владимирович в эмиграции резко отрицал правдоподобность этих слухов.

ция разорвалась на «кириллистов» и «николаевцев».

Не в последнюю очередь благодаря деятельности Голицына-Муравлина, в отличие от других европейских стран, Русское Монархическое Объединение в Венгрии стало оплотом «кирилловского» движения. С этого момента к членам этой группы стали применяться такие эпитеты, как «легитимисты», «верноподданные», в их аргументации появилась мысль, что они являются единственными законными представителями царской России, наследниками идеи дореволюционной российской государственности. В Венгрии определенная часть монархически настроенной общественности, главным образом легитимисты, или как по-другому их называли, карлисты (по имени последнего венгерского короля Карла IV) относились с симпатией и пониманием к такой точке зрения. Благодаря их широким общественным связям позиции «кириллистов» в Венгрии были более сильными, чем в других государствах. Голицын-Муравлин с этого момента выступал в Венгрии в качестве «представителя Августейшего Блестителя Государева Престола», хотя официального признания ему по-прежнему не удалось добиться. Он особое внимание уделял осведомлению Хорти и членов правительства по этому вопросу и судя по архивным источникам ему удалось вызвать симпатию адмирала к делу Кирилла. В разговоре с А. А. фон Лампе Хорти приветствовал инициативу Кирилла и прибавил, что он считает Кирилла законным наследником престола и национальным вождем в борьбе за освобождение родины от большевиков¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 40–45, 50–54. Фон Лампе, который был военным представителем П. Н. Врангеля, последнего главнокомандующего Русской Армией в Венгрии, резко оспаривал такую оценку, и в его аргументации была своя внутренняя логика, знание венгерских политических событий ближайших времен и понимание образа мышления М. Хорти. Фон Лампе провел параллель между неудачными попытками Карла Габсбурга вернуться на венгерский престол в апреле и в октябре 1921 г. и выступлением Кирилла. Обе акции он назвал преждевременными

Князь Голицын-Муравлин скоро отошел от активной политической жизни, руководство «группой кириллистов» в Венгрии передал другим лицам, как, например, Л. А. Казем-Беку, генерал-майору Б. В. Шульгину; представителем Кирилла Владимировича в стране в 1924 г. был назначен А. Н. Шмеман, бывший статский советник. Голицын продолжал заниматься публицистикой, изданием и редактированием разных монархических изданий. В своих статьях видел выход для русских из создавшегося положения в православии, в укреплении веры в Божью милость. Князь Голицын был одним из наиболее активных авторов журнала «Двуглавый орел», ведущего органа монархического движения, где публиковал свои статьи и стихотворения. Его литературным секретарем в Венгрии был А. Л. Казем-Бек, в будущем один из основателей и лидеров движения младороссов. В июле 1924 г. он еще раз сделал неудачную попытку и выдвинул свою кандидатуру на пост главы русской колонии в Венгрии против В. В. Малама, но провалился, не получив ни одного голоса².

На закате жизни в позиции старого князя произошел крутой и удивительный поворот. Незадолго до своей смерти из Сентегатского дворца барона Бидермана (вблизи небольшого венгерского городишки Сигетвар) он вел переписку с князем Н. Л. Оболенским, с секретарем великого князя Николая Николаевича. Его письма от июля – августа 1928 г. достойны подробного анализа и цитирования, не только из-за драматического и удрученного тона, но и из-за их содержания, которое свидетельствует о том, что взгляд бывшего главного представителя Кирилла на монархический вопрос и на вопрос престолонаследия кардинальным образом изменился. На основе писем мы не можем судить о его ментальном здоровье и об интактности

и непродуманными, намекнул на то, что национальным вождем типа Хорти в русском белом движении могут быть либо Врангель, либо великий князь Николай Николаевич, потому что в военной эмиграции они обладают достаточной популярностью и авторитетом.

² ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 36.

его личности, но, видимо, он воспринимал всерьез все, о чем писал. По конспиративным соображениям он дал кодовое название лицам и географическим местам. Но его систему не трудно разгадать даже не особенно опытному читателю. «Автор первого Сириуса [письмо] называется Орша [Голицын-Муравлин], автор ответного Сириуса Шибанов [князь Оболенский]. То лицо, коему был показан первый Сириус, – Великанов [великий князь Николай Николаевич]. Вредоносный племянник Великанова – Отран [великий князь Кирилл Владимирович]. Страна, где живет Орша, – Георгина [Венгрия]. Та, где живет Шибанов, – Валя [Франция]. Их общая родина – Маша [Россия]. Тот, коего враги Маши во что бы то ни стало хотят представить убитым, – Ориол [Николай II]»¹. Кроме этой излишней и нехитрой осторожности, и само содержание свидетельствует о том, что автор писем полностью оторвался от реальности и живет в рамках своих фантазматических. Он пишет о всемирном заговоре, целью которого является скрытие истины. В центре этой истины стоит тот факт, что император Николай II жив. Враги России, темные силы во всем мире во что бы то ни стало стараются скрыть эту истину, чтобы «Маша не выздоровела». К этим темным силам он среди строк относит не только большевиков, но и западные державы, бывшие союзницы и врагов России, великого князя Кирилла Владимировича, который пытается ловить рыбу в мутной воде. К его личности и движению в письмах уже применены такие выражения, как «вредоносный», «идиотский», «смута» и т. д. Он, Голицын-Муравлин и его сторонники, ко-

нечно, обладают веским доказательством против всемирной лжи, но в интересах дела они пока не могут их обнародовать, а в тайне подготавливают почву для торжества истины. Основная конклюдия писем сводится к тому, что «один только Великанов может нас спасти», он должен властно, спокойно и громко заявить, что «кончина не доказана», то есть законный государь жив, и тогда «во имя Ориола все пойдут за Великановым». И в результате «без борьбы осуществится продвижение Великанова к Маше, а там он все быстро и крепко наладит, обретет вечную славу»². Этот почти беспрепятственный, нерискованный «поход на Москву», предложенный Голицыным в качестве единственно возможного сценария спасения России от всемирного заговора, показывает, что он уже, по всей вероятности, не мог реально и трезво воспринимать окружающий его мир. Хотя до сих пор в архивах не обнаружены ответы Оболенского и великого князя Николая Николаевича на эти письма, они, наверное, четко осознали полную несостоятельность этих мыслей.

Князь Д. П. Голицын-Муравлин скончался 3 / 16 декабря 1928 г. Его семья, дети, внуки остались в Венгрии. По всей вероятности вместе с ним прибыл в Венгрию его сын, Петр Дмитриевич и старший внук, Дмитрий Петрович. Его второй внук Андрей родился уже в Будапеште в 1920 г. (он умер в 1932 г.). Его старший внук Дмитрий женился в Будапеште в 1942 г., здесь родились и его дети: Петр, Марианна и Иван³. Об их дальнейшей судьбе мы пока не располагаем сведениями.

¹ АБФРЗ (Архив Библиотеки Фонда Русского Зарубежья). Ф. 2. Оп. 2. К. 7. Д. 4. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ О родственных связях Голицыных смотри: <http://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%B%D0%B8%D1%81%D1%8C:164690>

F. Dávid

(Печский университет)

P. Oláh

(Университет имени Л. Этвеша, г. Будапешт)

THE ROLE OF TURKEY AND CAUCASIAN REGION IN THE POINT OF VIEW OF HUNGARIAN FOREIGN POLICY IN THE PERIOD OF 1940'S Ideologies, Foreign Affairs and Opportunity of Military Intelligence during WW II

Introduction

Turkey managed to keep its independence until the last days of World War II. The country's importance has been clearly realized by all the participants. Turkey was not only a bridge in between Asia and Europe, but served as a beach-head for all the national intelligence services of the hostile powers. Not just the former Ottoman capital, but Ankara, – the heart of the new Turkish state – gained an extraordinary role in these services.

In our study we try to outline the connections of Hungarian foreign policy and the Near-East and Caucasian region. These relations occurred in different ways, and of course, during the warfare the existing connections have also been used to reach some political, economic and cultural goals.

The Role of Turkey in Hungarian Foreign Policy

Hungary's political and economical relations with Turkey were supported especially by cultural organizations. The Turan Society (Turáni Társaság) and the Hungarian Turan Alliance (Magyar Turáni Szövetség). Both of these groups is financially supported by the government. After the foundation of Turan Society in 1910, almost every famous Hungarian orientalist has joined it. Some of these¹: Pál Teleki², Ármin Vámbéry³, Jenő

¹ Farkas Ildikó A turanizmus. PhD értekezés. Budapest, 2001. P. 62–63.

² Pál Teleki (Budapest, 1879. Nov. 1. 1941. április 3.): Hungarian Prime Minister (1920–1921; 1939–1941), professor of geography. Kenyeres, Ágnes (ed.): Magyar Életrajzi Lexikon (1000–1990). Arcanum Adatbázis Kft., – Budapest, 2001.

³ Ármin Vámbéry (Dunaszerdahely, 1832. március 19 – Budapest, 1913. szeptember 15.): orientalist, professor of turkology. Special adviser of Sultan

Cholnoky⁴, Alajos Paikert⁵, Béla Erődi⁶, Gyula Mészáros⁷ or Béla Vikár⁸. The Society was focusing on bilateral cultural and scientific attitudes. With the help of *Turanian idea* it also aimed to make the Hungarian foreign policy much more open and wider towards the Abdülhamid II. He was one of the first persons who used Turanism as a political ideology. See: Kenyeres, 2001.

⁴ Jenő Cholnoky (Veszprém, 1870. Július 23. – Budapest, 1950. Július 5.): professor of geography, writer. He studied in China and Manchuria. In 1937 he became the chairman of Turan Society.

⁵ Alajos Paikert (Nagyszombat, 1866. máj. 31. – Bp., 1948. júl. 30.): economist, writer. Founder of the Agricultural Museum of Budapest and the Association of Hungarian Foreign Affairs. One of the founders of Turan Society and its periodical, called Turán.

⁶ Béla Erődi (Harrach) (Szászrégen, 1846. április 16 – Budapest, 1936. május 5.): philologist, traveler. Pupil of Vámbéry Ármin, expert of Turkish and Persian languages. His literary translations (Ferdowsi, Omar Kayyám) are still in use. See: Kenyeres, 2001.

⁷ Gyula Mészáros (Szakcs, 1883. 03. 28. – New York, 1957. 05. 25.): professor of turkology and ethnography. Between 1909 and 1915 worked in the Hungarian National Museum. Later on became the professor at University of Istanbul. In 1924 started to plan the Turkish Ethnographic Museum in Ankara. He turned back to Hungary in 1932. In 1943–1944-ben was nominated as the cultural instructor of the Hungarian consul in Istanbul. He had good contacts to the German intelligence services. After 1951 he settled down in New York. Haraszi, György (ed.): Vallomások a holtak házából. Ujszászy István vezérőrnagynak, a 2. vkf. osztály és az Államvédelmi Központ vezetőjének az ÁVH fogságában írott feljegyzései. Állambiztonsági Szolgálatok Történelmi Levéltára – Corvina Kiadó. – Budapest, 2007. P. 200.

⁸ Béla Vikár (Hetes, 1859. április 1. – Dunavecse, 1945. szeptember 22.): ethnographer, translator of Kalevala. He was the first one, who used phonograph to collect folk music. See: Kenyeres, 2001.

Eastern markets. In order to find and exploit the eastern economic markets, Danube served to improve commerce and reach the Black Sea region. Due to the efforts made by the government and Turanist movement, by the beginning of World War I a quite well organized management and cooperation level was established. In 1915 Yusuf Akçura, one of the most important representatives of Turanian idea, visited Budapest. Every member of Central Power signed a common memorandum that demanded autonomy and political rights for the Russian Tatars. In addition Akçura with the help of Hüseyinzade Ali created a committee called «Türk-Tatar Müslümanların Haklarını Koruma Komitesi»¹. The first steps of a common policy has been made².

After 1918 some of the members left Turan Society and founded the Hungarian Turan Alliance. This group wanted to underline the political aspects of the movement rather than the cultural, scientific projections of it. Not to mention the new intellectual headquarter called Kőrösi Csoma Society, founded by the scientific elite. In 1940's all turanist groups have well functioning network in Turkey. The bilateral connections were outstandingly important for Budapest, however the ideological background of the turanists never could occur in the level of official foreign policy³. Hereby we would like to highlight that the state could effectively cooperate with some turanists. From a Hungarian point of view the Turanian Press Agency played an important role in the neutral states. The agency was heavily supported by Miklós Kozma⁴ and the member of the Hungarian

Turan Alliance, László Túrmezei⁵. Hamit Zübeyir Koşay –a friend of Gyula Mészáros– had an important role in Hungary's positive judgement in the press⁶. In 1932, Ferenc Zajti, member of Turan Alliance, had been adjured to be a member of the Turkish History Foundation (Türk Tarih Kurumu) and find out of the new concept of Turkish history⁷. Also, the former Hungarian consul of Istanbul, Edirne, Trabzon and Ruse, Péter Móricz who supported the movement⁸. Honorary members of Turan Society⁹ were Ahmet Hikmet¹⁰, Ahmet Zeki Velidi, Behiç Erkin¹¹, Abdülatif Tanrısever¹², Hamdullah Suphi Tanrıöver¹³. The information flow between the two countries was encouraged by Faculty of Hungarology in Ankara University. The institution was established in 1935, led by the famous turkologist and historian László Rásonyi¹⁴. Hüseyin Namık Orkun, one of the first Hungarologist was absolutely engaged

the head of the Hungarian News Agency (MTI), 1935–1937 Minister of Interior.

⁵ See: Ablonczy, 2006.

⁶ Koşay finished his university studies in 1923, in Budapest. He was Németh Gyula and Gombocz Zoltán's pupil. In: Güngörmüş, Naciye: *Hungarológia Törökországban/Hungarologische Beiträge* 4. *Hungarológia Magyarországon* kívül. Jyväskylä 1995. P. 24. And Demirkan, Tarık: *Macar Turancıları*. – İstanbul, 2000. P. 50.

⁷ Çolak M. *Atatürk Macarlar ve Türk Tarih Tezi, Türkiyat Araştırmaları Dergisi*, Sayı:27. – Bahar 2010.

⁸ Ablonczy, 2006.

⁹ *Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltár (MNL)*. P 1384.

¹⁰ Ahmet Hikmet was the ambassador of the Ottoman Empire in Budapest, during World War I / Önen. 2005. P. 63.

¹¹ Behiç Erkin was the Turkish ambassador of Budapest between 1928–1939. With the help of his friends he founded the Turkish Intelligence Services (Milli İstihbarat Teşkilatı).

¹² Abdülatif Tanrısever (1886–1946): the leader of the Muslim minority in Hungary. University teacher/ Önen, Nizam: *İki Turan. Macaristan ve Türkiye'de Turancılık*. – İstanbul, 2005. P. 64.

¹³ Hamdullah Suphi Tanrıöver: member of Turkish National Council (Türkiye Büyük Millet Meclisi), between 1931 and 1944 Turkish ambassador in Bucharest / Sepetçioğlu, Necati: *Hamdullah Suphi Tanrıöver*. – İstanbul, 1971. IX.

¹⁴ Güngörmüş, 1995. P. 24.

¹ Council of the Rights of Turkic and Tatar Muslims.

² Georgeon, François: *Türk Milliyetçiliğinin Kökenleri. Yusuf Akçura (1876–1935)*. – Ankara, 1996. P. 120.

³ In 1942, Turan Society got 6000 "pengő" direct financial support from the Hungarian state. In: Önen, Nizam: *İki Turan. Macaristan ve Türkiye de Turancılık*. İstanbul, 2005. P. 240. According to the Hungarian sources, the amount is approximately the same. Ablonczy, Balázs: "Ländzsahegy", néprokonság, small talk. *Turanizmus és keleti gondolat a két világháború közötti magyar külpolitikai gondolkodásban // Magyar külpolitikai gondolkodás a 20. Században*. – Budapest, 2006.

⁴ Kozma Miklós (Nagyvárad, 1884. szept. 5. – Ungvár, 1941. dec. 8.): politician. In 1922 he became

to the turanist movement both in Hungary and Turkey¹.

As one of the most active personality of the Society, Antal Ullein-Reviczky played an important role in finding official or semi-official ways to the Allied Powers². Ullein-Reviczky started his duty in Istanbul in 1929. Later on, after his marriage³, he started negotiations with the allied forces, especially with British diplomacy worked in Turkey. As a close friend of Miklós Kállay, Ullein-Reviczky tried to decrease several times the Nazi impact on the Hungarian politics. Together with Jenő Cholnoky, he enlarged the turanist propaganda⁴. Turkey could be the only country in which the Hungarian diplomacy had the chance to cooperate with the Western states. As a result of this, a preliminary armistice was signed.

However, there were obvious connections between the turanists and some tendencies of the policy followed by Budapest, we cannot say that the decisions made by the Foreign Ministry were influenced by them. In 1930, after having a meeting with Mustafa Kemal and İsmet İnönü, András Hóry⁵ sent the following report to Budapest: «The gazi underlined...that according to Hungarians as well, Turks and Hungarians are two relative races». Later Hóry declared «the operations of turanists would not be the proper way of cooperation, because their enemies may think that Turkey is following the Turanian way of foreign policy. Therefore, they would prefer the improvement of Turkish-Hungarian and

Bulgarian-Hungarian relations separately»⁶. All this suggests that the historical and genetical affinity is not enough for the strategic and economical cooperation. Although it could be enough for a conversation to start.

In the spring of 1942 Miklós Kállay became a Prime Minister in Hungary. His government immediately tried to normalize the British-American relations with Hungary. In January of 1943 András Frey travelled to Turkey. His semi-official aim was to negotiate with the mentioned British-American diplomacy. The Hungarian's main message was that if the British-American forces reach the Balkan region Hungary will turn against Germany. The negotiations were mainly led by László Veres. His most important result was the preliminary armistice on 17 th August signed by Hughe Knatchbull-Hugessen, British consul of Ankara⁷.

Others say, the preliminary armistice was perhaps a way to mislead the well informed German intelligence services.

Until 1944, the Hungarian politicians agreed on the theory that the British-American forces will reach the Hungarian borders before the Red Army would do the same. However, in 1941, the Hungarian government declared war on USA and Great-Britain. Actual fights did not start because of geographical -and partially- political reasons. That was the reason of the Kállay-government paying special attention to the above mentioned negotiations. Apart from the Frey-mission, two missions were also sent to Turkey by the Kállay-government. The first one was the famous turkologist, Gyula Mészáros, the second was Albert Szent-Györgyi⁸. Regarding Szent-Györgyi's activity, we don't want to go into the details. Briefly it can be stated that

¹ The details and characteristic features of the turanist movement in Turkey is not included this article, but shortly we have to mention the following facts. In parallel with the German capitulation, the Saraçoğlu government finally in 3rd of May in 1944 banned all the pan-turkic and turanist groups. As part of this action, many leaders – Hüseyin Namık Orkun as well – were arrested / Önen, 2005. P. 322.

² Turán, 1941. XXIV / II edition.

³ His wife was Lovice Louisa Grace, daughter of the British consul, Cyril James.

⁴ Ullein-Reviczky A. Német háború – orosz béke. – Budapest, 1993. P. 116–117.

⁵ András Hóry (Kolozsvar, 05.01.1883. – Vienna, 02. 04. 1971.): Between 1927 and 1934 he was the Hungarian ambassador of Rome. 1934–1936 deputy of Hungarian Foreign Minister, 1936–1939 ambassador in Warsaw. See: Kenyeres, 2001.

⁶ MNL. K 64 1930–1932. P. 41.

⁷ Juhász G. Magyar-brit titkos tárgyalások 1943-ban. – Budapest, 1969. P. 299.

⁸ Albert Szent-Györgyi (Budapest, 16. 09. 1893. – Woods Hall, 22. 10. 1986.): Nobel Prize winner in 1937, biochemist. From 1931–1945 he worked a professor of University of Szeged. During the World War II. He took place in the Hungarian opposition and made efforts against the Nazi politics. From 1947 he started to work in the USA. He had membership of several scientific societies and universities. See: Kenyeres, 2001.

thanks to the unexpert attempt, the German intelligence was able to get information on his activity¹. In case of Gyula Mészáros – due to his Azerbaijani connections – it is possible that he could get some information about the Caucasian region without the permission of Budapest².

Hungarian Intelligence Services in Turkey Asia Minor and the Caucasian region played a highly important role in the field of intelligence services. Turkey – as a neutral country – was seen as a potential headquarter by all intelligence agencies. After the outbreak of the World War, the newly formed American intelligence organization, the OSS³ settled in Turkey. OSS described Turkey as a place where German, British, Soviet and Hungarian espionage network and intelligence activities were too overcrowded⁴.

After the declaration of the war, the maneuver opportunities of Hungary narrowed substantially. The Hungarian military secret services could only gain information from Romania if we consider the neighbouring countries because the region was under German control. The Hungarian intelligence's attention was to have an active cooperation with the Germans. The Hungarian military attaché and embassy network operated on demand of the Germans. The Hungarian cultural relations in Asia Minor and in the Caucasus appreciated just after the German invasion had began against the Soviet Union.

The Hungarian military secret service, especially the second chief of staff department focused its activity on the Little Entente states (Czechoslovakia, Romania, Yugoslavia) and on the Soviet Union⁵. The Hungarian state and government had a clear interest to work on the intelligence activities against the Soviet Union which had a high military potential and

accepted the leftist and communist refugees of the Republic of Councils. In order to achieve its goals and build up an intelligence network with the Soviets, Hungary could use the Czarist emigrants, Polish refugees who lost their country in 1939, the supporters of the Ukrainian independence movement, the White Russian refugees, the Muslim population around the Black Sea and in the Caucasus. The good relations with the northern and Baltic states had also outstanding importance, just like River Danube and Black Sea shipping connections. The isolation of the Soviet Union, the 3 km wide empty border area, the strict regulation and control of foreigners, the distrust of local people⁶ and the war conditions made it difficult to build up a network and to smuggle agents in.

The lack of success and the failure of the offensive counter-intelligence⁷ against the Soviet Union⁸ has led to the revise of methods. As a reason of this, the role of the Asian scene, the Caucasian Soviet border and the cultural relations of Hungary became more important. These cultural relations with Turkic-speaking Azerbaijani and Turkmen popularity, living in the southern areas of the Soviet Union, became highly relevant and gave a priority to the Hungarian-Turkish relations. It was partially the Hungarian contacts in Turkey who started and organized the investigation for local agents. The settlement was accomplished via plane or with the help of the inhabitants of the Caucasus⁹. Recruiting and hiring was mainly organized by Polish officers, Sub-Carpathian relations mostly through exponents of the official trade and foreign missions who were gathering political information.

⁶ PIL. 274. f. 11. g. 16. rg. P. 31.

⁷ The offensive counter-intelligence aims to (1) mislead the foreign country's intelligence agencies on the own military and military-political conditions, (2) detect intelligence agents of foreign, (3) expose people who are supposed to be agents and serving a foreign state (agent provocateur). PIL. 274. f. 11. g. 16. rg. P. 70.

⁸ In 1939 a Hungarian reserve ensign and in 1940 Ratko Ravič a Polish first lieutenant also tried to get the confidence of the Soviet intelligence service, but both of them uncovered. PIL. 274. f. 11 g. 16. rg. P. 77.

⁹ PIL. 274. f. 11. g. 16. rg. P. 31.

¹ Juhász, 1969. P. 274–275.

² MNL. K 64.32-258.

³ Office of Strategic Services was the intelligence service of the United States between 1942 and 1945.

⁴ Leimbach, 2011. P. 42–43.

⁵ Politikai és Szakszervezeti Levéltár (Institute of Political History Archives of Political History and of Trade Unions) (PIL.). 274. fond (f.) 11. group (g.) 16. record group (rg.) [A VKF/2 és az Államvédelmi Központ szervezetéről, személyzetéről, tevékenységéről készült jelentés]. P. 25.

Lothár Kövess, the representative of the MFTR¹ in Istanbul, Dezső Újváry, consul general in Istanbul, Gyula Mészáros, the economic referent of the Hungarian embassy in Ankara were the ones we definitely need to mention². Tamás Márffy-Mantauno secretary of the embassy in Ankara played also an important role in contacting the Anglo-Saxon allies and operating secret activities against the Soviet Union. The contact persons, the role of River Danube and Black Sea maritime suggest that the complex route was through the Caucasus. This ran through Turkey and used the land and sea trade to reach the Soviet Union from the southwest direction³.

Apart from the Hungarian state embassy the military attache accredited in Ankara had a particular task. The actions of the office did not pass the borders of Turkey⁴. The position of the Hungarian military attache of Ankara (located in Istanbul) was taken by two military staff officers. They were sometimes appointed or deposed in accordance with the actual political trends and changes. The Hungarian military attaches were Chief of Staff Lieutenant Colonel Ottó Hatz 01. 02. 1941–01. 11. 1941.⁵, Kálmán Bartalis Chief of Staff Lieutenant Colonel 15. 09. 1941–01. 02. 1944.⁶, Ottó Hatz Chief of Staff Lieutenant Colonel 01. 11. 1943–01. 05. 1944.⁷, Kálmán Bartalis Chief of Staff Lieutenant Colonel 01. 05. 1944–01. 12. 1944⁸. After the World War II started, the role of military attaches working in neutral countries was heavily controlled by the Germans. In other words, it became much more difficult to contact the Anglo-Saxon powers⁹. It was basic interest for the

¹ Hungarian (Royal) River and Sea Shipping Co.

² PIL. 274. f. 11. g. 16. rg. P. 31.

³ PIL. 274. f. 11. g. 16. rg. P. 31–32.

⁴ PIL. 274. f. 11. g. 16. rg. P. 63.

⁵ Honvédelmi Minisztérium Hadtörténeti Levéltár (Ministry of Defense Archives of Military History) (HM. HL.) Honvédelmi Minisztérium (HM.) Igazoló Bizottság (Certifying Commission) (Ig. Biz.). 4648.

⁶ HL.Akvi 1899/112.

⁷ HL. HM. Ig. Biz. 4648.

⁸ HL.Akvi 1899/112.

⁹ Ödön Wieser was the Hungarian military attache in London, but following the outbreak of war he became a persona non grata on the 20 th May 1940, his mandate was withdrawn on 21st May 1940 and later he was arrested and became interment on 10th

Hungarian military intelligence to maintain an embassy like the Turkish one. Hungary wanted to continue its intelligence work against the enemy via neutral state¹⁰. At the same time, Budapest also wanted to keep the opportunity to cooperate, or at least interact with Anglo-Saxons.

Because of the fact that the Royal Hungarian Army was fighting against the Red Army and had occupying tasks on the territory of USSR, Hungary had a national interest to contact the Western Allies and at the same time, keep the Red Army away from the Carpathians. The leaders of the German and Hungarian intelligence services had one or two consultations in every year. During the official meetings the participants discussed the political and military political situation regarding the countries they had common interest for. The meetings took place in Berlin, Budapest, Drezda, or Munich, while to have a proper contact, the leaders decided to deploy liaison officers to each other¹¹. After the German offensive started against the Soviet Union, the Hungarian military intelligence agreed with Admiral Wilhelm Canaris on a cooperation for the year of 1942. In the same year, the Germans asked Hungarian services to help directly in Egypt, Turkey and Bulgaria.

As the German military offensive failed in 1942, the German Army was stopped near to Moscow. But the Axis powers and their allies still held the initiatives in the eastern lines. The German strategic plan for the next year was to attack on the southern section of the USSR and keep the oil fields of the Caucasus. The Germans wanted to support their offensive with agents who were dropped behind the Soviet front line. The Hungarian relations in Asia Minor and in the Caucasus seemed beneficial to achieve their goals. They had to smuggle in as many agents and saboteurs as they can via their turanist contacts¹². The most preferred territory of the

June 1940, due the Alien Order Art. 12. National Archive (London) (NA.) Security Service (KV.) 2/3324.

¹⁰ PIL. 274. f. 11. g. 16. rg. P. 64.

¹¹ PIL. 274. f. 11. g. 16. rg. P. 121.

¹² Magyarországi Turán Szövetség (Hungarian Turan Alliance), see: PIL. 274. f. 11. g. 16. rg. P. 33.

activity was the Caucasus region and the area of Baku, Armavi and Stalingrad.

From the Hungarian side Chief Of Staff Colonel Jenő Padányi¹, the leader of the offensive sub-department of 2nd chief of staff department and Gyula Mészáros, while from the German side, the Sofia based Otto Wagner (under the pseudonym Dr. Delius)² and Colonel Rudolf von Marogna-Redwitz the head of the German Abwehrstelle in Wien were responsible for the implementation of the plan³. The details were discussed between the German foreign minister Joachim von Ribbentrop and the Hungarian ambassador Döme (Sztójakovics) Sztójai who was accredited in Berlin. The Hungarian Ministry of Foreign Affairs ordered dr. János Vörösmarty to support Franz von Papen who was the German ambassador accredited in Ankara. In case of military matters the Hungarian Chiefs of Staff ordered Colonel Kálmán Bartalis to support the German General, called Rhade⁴. Ferenc Bágyoni the adjutant of Lieutenant Colonel Ottó Hatz⁵, was an important person also, as he was the expert of wireless telegraphs⁶.

The fact that the intelligence network existed and operated does not mean that it was efficient. There are no relevant sources on success and effectiveness of the «Turan» based Hungarian relations and on the Caucasus route. Further questions could be asked from the German partners, because after all they had their own separate intelligence network. If we want to get a better picture on German intelligence activities

¹ Jenő Padányi: (Miskolc, 31. 07. 1905. 07. 31. – Soviet Union, [?]) Colonel Chief of Staff: served at 12nd infantry division from 01. 09. 1926., 6 th border guard district (Debrecen) from 01. 05. 1934., 6th mixed brigade (later corps) head quarters from 01. 10. 1935, 2 nd chief of staff department between 01. 05. 1939. and 05. 12. 1944, the chief of staff of the 7th military district from 01. 07. 1944. 07. 01. Spent eleven month on the front during 1943/44. Served in the new army after the war, on 27. 01. 1949. the Soviet authorities took away. – Ujszászy, 2007. P. 245.

² NA. KV. 2/284.

³ Ujszászy 2007. P. 239.

⁴ Ujszászy 2007. P. 239.

⁵ NA. KV. 2/3646.

⁶ National Archives and Records Administration (NARA.) RG. 226. E. 250. B. P. 12.

and effectiveness of this region we have to focus on the issues of the so called «Klatt-network». The question concerns to Richard Wagner who was the head of the network and managed information gathering on Soviet army of the eastern front and British forces of the Middle East. His supposed success was based on obscurity and there are two reasons for this. One is that the White Russian emigrants and other informers living in the Soviet Union were controlled by the Soviet authorities. The USSR officials could have given them disinformation from the background and let the German intelligence network running in accordance with their interest. Another possible answer could be that the Klatt network itself was corrupt and they could get more and more financial support from the German intelligence for false information. The reality is the mixture of the two possibilities. In addition to make money the network had interesting White Russian emigrant members like Anton Turkul and Ira Longin. General Anton Turkul was one of the head of White Russian emigrants in Rome who besides his role in the Klatt network also maintained relationship with the Soviet secret services, while Ira Longin – following the orders of the Soviet authorities – continually sent disinformation from the eastern front line⁷.

The Hungarian network and organizations which was built up and kept running by the Hungarian partner services supported the German intelligence interest. The reason of that is the following. The Hungarians offered an alternative option and source to expand the German intelligence network and different information from different sources could fill out gaps or verify each other as well. We have no relevant information on the results of the Hungarian network or the knowledge of the Soviet authorities what could demonstrate their effectiveness. Beside the fact of its operation can not be excluded either, that the Soviet authorities uncovered the agent who had been smuggled in the Soviet Union and used them for disinformation as we have seen in the case of the Klatt network.

⁷ NA. Dienstelle Klatt. See: http://www.nationalarchives.gov.uk/releases/2004/may21/dienstelle_klatt.htm (29. 5. 2012).

Conclusion

In this study, we outline the political, scientific and intelligence connection networks used by Hungary in the 1940's Turkey. For the Hungarian foreign policy, Ankara had an outstanding role. However, Hungary lost World War II, Turkey was one of the places, where the Hungarian diplomacy could try to keep it's positive image. The Turkish-Hungarian relations were mainly encouraged by the Hungarian friends of Turkey. Basically

they emphasized the common historical and cultural heritage. The connection network maintained by the turanists helped a lot for the Foreign Ministry in creating a strategic plan. The national intelligence also used this network (e.g. Gyula Mészáros). As the effectiveness of the intelligences (Hungarian, German, British and Soviet) is not perfectly reconstructable, in our opinion further researches would be needed.

И. Шиманди

(Высшая школа им. Я. Кодолани
г. Секешфехервар)

СТАЛИНУ 70 ЛЕТ: ПРАЗДНИЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ НА ВЕНГЕРСКОМ РАДИО

По окончании войны Венгерское радио¹ возобновило трансляцию передач 1 мая 1945 г. В восстановительных работах и создании технических условий, а также в обеспечении работников радио продовольствием играла роль действовавшая в Будапеште Советская городская комендантура, которую возглавлял генерал Чернышев². В своем письме руководитель радио Дюла Ортутаи³ подробно информировал

генерала об условиях деятельности радио. На торжественной церемонии по случаю возобновления трансляции радиопередач уже присутствовали и представители Союзной контрольной комиссии. Контрольные полномочия СКК прекратились 15 сентября 1947 г.

Период с 1945 по 1948 гг. в венгерской истории называют годами многопартийной коалиции, для этого периода было характерно тесное сотрудничество будапештского и московского радио. На основании сообщений успешно работавших телеграфных агентств – Венгерского телеграфного агентства и ТАСС – они взаимно информировали своих слушателей о наиболее важных политических, эконо-

ведующего литературным отделом Венгерского радио. В 1943 г. основал гражданское отделение Независимой партии мелких хозяйев. В 1945–1947 гг. был председателем А/о «Венгерская центральная служба информации» (Magyar Központi Híradó Rt.). В 1945–1953 гг., а также с 1958 г. до самой смерти был депутатом Государственного собрания. В 1947–1950 гг. занимал должность министра по делам религии и образования, а в 1957–1963 гг. – ректора Будапештского университета им. Лоранда Этвеша. Magyar Nagylexikon. 11. kötet. Magyar Nagylexikon Kiadó. – Bp., 2002. 271.

¹ Автор настоящей статьи занимается изучением истории Венгерского радио. См. ее монографию о Венгерском радио в годы многопартийной коалиции: *Politika, társadalom, gazdaság a Magyar Rádióban 1945–1948* (Политика, общество, экономика на Венгерском радио 1945–1948). Gondolat Kiadó. – Bp. 2012.

² Генерал Чернышев был комендантом Будапешта, предшественником генерала Ивана Терентьевича Замерцева. См. об этом: I. T. Zamercev: *Emlékek, arcok, Budapest... egy szovjet városparancsnok visszaemlékezései* (Воспоминания, лица, Будапешт... Мемуары советского коменданта). Zrínyi Katonai Kiadó. – Bp., 1969. S. 15–17. О приеме у Чернышева, состоявшемся 22 февраля 1945 г., рассказал Ласло Равас: *Ravas László. Emlékezéseim* (Воспоминания). Kiadja a Református Egyház Zsinati Irodájának Sajtóosztálya. – Bp., 1992. S. 314–315.

³ Дюла Ортутаи (1910–1978 гг.) – политик, этнограф. В 1935–1944 гг. был заместителем за-

мических, общественных и культурных событиях в двух странах и за рубежом. Передачи подготавливались и пересылались московскому радио работниками международного отдела Венгерского радио.

В годы коалиции руководство радио было многопартийным при постоянно усиливавшемся влиянии коммунистической партии. Венгерские выборы 1949 г. легитимировали политическую власть Венгерской партии трудящихся (ВПТ). К этому времени коалиционные партии уже исчезли с политической палитры страны и из руководства радио. В 1949 г. Венгерское радио было национализировано. Политическое руководство радио перешло в руки Отдела агитации и пропаганды ВПТ. Руководимая Матьяшем Ракоши¹ партия во всем старалась удовлетворить ожидания Москвы. В результате этого как руководство, так и передачи радио приспособлялись к изменившимся обстоятельствам. Радио превратилось в орудие пропаганды, служившей осуществлению целей и программы ВПТ. В соответствии с заимствованной из СССР тенденцией центральными темами передач Венгерского радио стали международные события «холодной войны», борьба с империализмом и клерикальной реакцией, создание колхозов, промышленность, пропаганда пятилетнего плана и борьба за мир.

¹ Матьяш Ракоши (1892–1971 гг.) – политик. После падения Венгерской Советской Республики эмигрировал, с 1920 г. работал в СССР в Коминтерне. В конце 1924 г. был послан в Венгрию на нелегальную партийную работу. В сентябре 1925 г. арестован, его жизнь была спасена благодаря международной кампании протеста. В 1940 г. по инициативе советского правительства был выслан в СССР в обмен на венгерские военные знамена 1848–1849 гг., захваченные царскими войсками. В 1945 г. вернулся в Венгрию и стал генеральным секретарем Венгерской коммунистической партии, а затем с 1948 г. – Венгерской партии трудящихся. Создал вокруг себя культ личности, допустил тяжелые политические и экономические ошибки. На нем лежала главная ответственность за проведение незаконных судебных процессов. После XX съезда КПСС был смещен Центральным руководством ВПТ. С июля 1956 г. до самой смерти жил в СССР.

В 1949 г. наиболее значительным событием на Венгерском радио считалось 70-летие Сталина. Ракошистская пропаганда сделала все возможное для того, чтобы «достойно» поздравить Сталина в радиопрограммах.

Подготовка поздравительных передач началась за месяцы до праздничной даты. По радио сообщалось о трудовых обязательствах, трудовых соревнованиях и «сталинских сменах». Обо всем этом говорилось в радиопередачах «События прошедшей недели», трансляция которых началась 8 ноября 1949 г.

Трудящиеся Электротехнического завода «Ганц» вызвали всех трудящихся страны на «соревнование по принятию трудовых обязательств». В передаче говорилось о том, что они решили «встретить день рождения товарища Сталина выдающимися социалистическими трудовыми достижениями», поскольку это стало бы наилучшим подарком человеку, который проявляет заботу «о благосостоянии, свободе и независимости венгерского трудового народа». Сообщалось, что «уже на множестве наших заводов и предприятий развернулось огромное, воодушевленное, массовое движение по принятию трудовых обязательств, которыми наши трудящиеся готовятся отпраздновать 70-й день рождения великого Сталина». При этом отмечалось, что наряду с заводскими трудящимися, рабочими и интеллигенцией, в социалистическом соревновании принимает участие и трудовое крестьянство». В качестве примера упоминались крестьяне Яношхиды, которые в письме Матьяшу Ракоши писали о том, что взяли на себя трудовые обязательства, так как обязаны Сталину «своей свободной и счастливой жизнью».

В программе сообщалось и о том, что «в среду прошлой недели трудящиеся „Красного Чепеля“ удостоились особой награды: они первыми в стране получили ожидавшуюся с большой любовью и интересом книгу, венгерское издание первого тома сочинений товарища Сталина. В цехах с нетерпением ждали обеденного перерыва в тот день, когда в рамках не-

большого праздника были розданы коричневые тома с золотыми буквами на парадном переплете [...]. После короткого празднества трудящиеся „Красного Чепеля“ вернулись на рабочие места, готовясь к еще более крупным трудовым достижениям и разглядывая, перелистывая, читая книгу Сталина»¹.

Радиопередача «Служба общественно важных новостей», транслировавшаяся 17 декабря 1949 г., также началась с напоминания о том, что «21 декабря трудящиеся всего мира будут праздновать 70-й день рождения их вождя и учителя, Сталина. Внимание всего прогрессивного человечества обращено к любимому Сталину, строителю социализма, освободителю угнетенных, вождю лагеря мира». Далее в передаче говорилось: «Сталин – большой друг венгерского народа. Мы обязаны ему освобождением от фашистского ига, рабочие обязаны ему освобождением от эксплуатации со стороны фабрикантов, а безземельные крестьяне, бывшие поденщики, слуги, батраки – освобождением от рабовладельческого гнета помещиков и возможностью работать на самих себя. Наша трудовая, свободная, счастливая жизнь, наше растущее благосостояние осуществились и развиваются далее благодаря братской помощи, поддержке и учению Сталина и советского народа». Все отлично понимают это, «поэтому все венгерские трудящиеся во главе с рабочим классом принимают участие в праздновании 70-го дня рождения Сталина. Венгерские рабочие, как и освобожденные трудящиеся всего мира, отмечают этот праздник, работая больше и лучше». В день рождения Сталина «трудящиеся, помимо взятых на себя обязательств, работают в сталинскую смену, максимально увеличивают производство с помощью применения новых методов труда и лучшего использования рабочего времени». В качестве примера в переда-

че был упомянут один из рабочих завода «Электрическая лампа», молодой токарь Янош Луц, который обязался, «переняв метод советских стахановцев, работать в сталинскую смену столь результативно, что один сумеет выполнить работу 30 человек, подняв производственную норму на 3 000 %». В передаче подчеркивалось, что трудовые обязательства, «более результативный и качественный труд доставят Сталину истинную радость. Сталин счастлив тогда, когда счастлив, силен и процветает и наш народ, поскольку тем самым наш народ укрепляет огромный лагерь борцов за освобождение угнетенных и сохранение мира, во главе которого стоят Сталин и СССР»².

О важном дне рождения Сталина говорилось и в передаче «Производственные новости», вышедшей в эфир 17 декабря 1949 г. В ней сообщалось о том, что трудящиеся преподносят «перевыполнение трудовых обязательств и сталинскую смену» как результат наших успехов «в подарок ко дню рождения тому, под чьим руководством советская армия дала нашему народу самый ценный подарок – свободу и возможность построения социализма»³.

В передаче «События прошедшей недели» от 19 декабря 1949 г. по случаю дня рождения Сталина были показаны некоторые моменты сталинской внешней политики. «Сталинская внешняя политика обладает мощным оружием, которым не обладают и не могут обладать наши враги. Этим оружием является возможность широко раздвинуть границы исторического предвидения с помощью строго научного анализа». Такой анализ «возможен только на основе марксистско-ленинской теории развития общества, ценнейшего достижения партии Ленина – Сталина». Глубокий «анализ порождает твердое убеждение,

² Közérdekű Hírszolgálat. 1949. december 17. (Служба общественно важных новостей. 17 декабря 1949 г.). MRA. Műsorboríték. Передача транслировалась 17 декабря 1949 г. с 11:00.

³ Termelési Híradó. 1949. december 17. (Производственные новости. 17 декабря 1949 г.). Műsorboríték. MRA. Передача транслировалась 17 декабря 1949 г. с 17:50 до 18:00.

¹ Az elmúlt hét eseménye. 1949. November 8 (События прошедшей недели. 8 ноября 1949 г.). Magyar Rádió Archivuma (в дальнейшем: MRA). Műsorboríték. Передача транслировалась 8 ноября 1949 г. с 16:40 до 17:00.

что социализм значительно превосходит капитализм, что в конечном итоге социалистический строй, безусловно, одержит победу».

Передача продолжалась так: «Ныне мировое общественное мнение считает Сталина самым могучим борцом за мир. Сталинская дипломатия вела и ведет твердую, последовательную и успешную, хотя и трудную, борьбу за мир, против поджигателей войны».

В качестве примера внимание слушателей было обращено на статью «Справедливый приговор» из газеты «Сабад неп» («Свободный народ»), посвященную процессу Трайчо Костова¹. Верховный суд Болгарской Народной Республики вынес по делу Костова смертный приговор «за измену, шпионаж и саботаж». «Этот приговор не мог удивить никого. В ходе судебного разбирательства был пролит свет на все детали деятельности шпионской организации и были доказаны все пункты обвинения. Болгарский народ с гневом и презрением слушал разоблачительные свидетельские показания, которые поставили перед судом народа его злобных врагов. С напряженным вниманием следили за процессом и жители СССР и братских стран народной демократии, а также все те, кто ради защиты мира встал на сторону лагеря, возглавляемого СССР. Все

¹ Костов Трайчо Джунев (1897–1949 гг.) – болгарский политик. В 1920 г. вместе с Г. Димитровым был одним из основателей Болгарской коммунистической партии, а позже – ее руководителем, одним из организаторов болгарского движения сопротивления. С осени 1944 г. до возвращения Г. Димитрова в 1946 г. был практическим руководителем партии и считался возможным преемником Г. Димитрова. Под давлением советских органов госбезопасности Т. Костов был выбран главным обвиняемым серии сфабрикованных восточно-европейских антиитовских процессов; сначала он был вынужден выступить с самокритикой, позже, 10 июня 1949 г., был арестован по ложным обвинениям, а в декабре 1949 г. казнен. В рамках процесса Т. Костова было арестовано около 200 человек. В ходе процесса только Т. Костов отказался от вырванного у него ранее признания и заявил о своей невинности. В 1956 г. был реабилитирован.

моменты процесса пролили новый свет на опасность, угрожающую сторонникам мира: империалисты хотели использовать Костова для того, чтобы подчинить Болгарию власти Тито и создать титоистский, националистический «балканский союз, который выступит против СССР и присоединится к лагерю сторонников войны».

Редакторы передачи познакомили слушателей и с мнением некоторых западных газет. Они утверждали, что «империализм проиграл еще одно сражение. Поэтому не приходится удивляться, что империалистическая пресса в бессильной ярости способна лишь забрасывать страны народной демократии новыми, все более глупыми клеветническими утверждениями. По мнению «New York Times», процесс Костова и вынесенный на нем приговор являются «оскорблением интеллигенции». Газета «Manchester Guardian» считала, что процесс «направлен против независимого мышления». А обозреватель газеты «Le Monde» «удивлялся тому, что смертный приговор был вынесен тому, кто отрицал свою вину, в то время как признавшиеся получили более мягкое наказание».

В статье болгарской газеты «Изгрев» («Восход солнца») говорилось, что «Маниу² в Румынии, Петков³ и Костов в Бол-

² Юлиу Маниу (1873–1953 гг.) – румынский юрист, политик, в 1919–1938 гг. – руководитель Румынской национальной партии. Трижды занимал пост премьер-министра Румынии. В 1926 г. его партия объединилась с Царанистской партией, и после 1945 г. новая Национал-царанистская партия стала главным препятствием на пути создания однопартийной системы советского типа. Летом 1947 г. его партия была объявлена вне закона, а ее руководители были арестованы. Осенью 1947 г. в ходе сфабрикованного процесса Ю. Маниу был приговорен к пожизненной каторге, которая позже была заменена тюремным заключением. Bárdi Nándor – Wéber Péter Kisebbségben és többségben: Iuliu Maniu nézőpontjai. Életrajzi vázlat (В меньшинстве и в большинстве. Точки зрения Юлиу Маниу. Биографический очерк).

³ Никола Петков (1893–1947 гг.) – болгарский политик. Один из деятелей болгарской оппозиции. 6 августа 1947 г. в ходе сфабрикованного процесса был приговорен к смерти и казнен.

гари, [...] Миндсенти¹ и Райк² в Венгрии были разоблачены и уничтожены». [...] «Клика Тито тоже должна будет понять, что она больше не может мечтать ни о какой балканской или дунайской империи, в которой она сыграла бы роль полицейского англо-американских империалистов».

Продолжая изложение содержания газетной статьи, авторы передачи подчеркнули, что «разоблачением банды Костова болгарская народная демократия выполняет задачу, поставленную перед диктатурой пролетариата Лениным, который предупреждал, что необходимо беспощадно расправляться с врагами трудящихся, саботажниками, шпионами и контрреволюционерами. Болгарская коммунистическая партия выполняет наиболее важную задачу, поставленную Коминформбюро³

¹ Йожеф Миндсенти (1892–1975 гг.) – архиепископ Эстергома, примас Венгрии, кардинал. Процесс Миндсенти состоялся 3–5 февраля 1949 г. Материалы процесса были опубликованы отдельной книгой: Mindszety József a Népbíróság előtt (Йожеф Миндсенти перед Народным судом). Állami Lapkiadó. Budapest. 1949. Fekete Könyv). Выдвинутые против Миндсенти обвинения содержались в «Желтой книге», вышедшей в свет под названием Mindszenty bűnügy okmányai (Документы дела Миндсенти) 20 января 1949 г.

² Ласло Райк (1909–1949 гг.) – венгерский коммунист, политик. В 1937 г. сражался в Испании против отрядов Франко в качестве комиссара венгерского батальона Интернациональной бригады. После 1945 г. занимал важные партийные посты. С 20 марта 1946 г. по 5 августа 1948 г. был министром внутренних дел, а затем до 20 мая 1949 г. – министром иностранных дел. 30 мая 1949 г. по ложным обвинениям был арестован, позже приговорен к смерти и казнен. В 1955 г. был реабилитирован. О процессе Райка см. т. н. «Синюю книгу»: Rajk László és társai a Népbíróság előtt (Ласло Райк и его сообщники перед Народным судом). Szikra, 1949. В книге содержатся все материалы процесса от обвинительного заключения до приговора.

³ Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформбюро) было создано в сентябре 1947 г. в польском городе Шклярска-Поремба. Управлявшаяся из Москвы Международная коммунистическая организация была основана для координации «народно-демократических» переворотов 1947–1949 гг. Позже Бюро вело формальную деятельность, ограничивавшуюся изданием газеты «За прочный мир, за народную демократию» и прекращенную в 1956 г.

и состоящую в усилении революционной бдительности, разоблачении и уничтожении буржуазных националистических элементов и империалистических агентов, под какой бы вывеской они ни скрывались»⁴. Характерной чертой поздравительной передачи в честь Сталина является то, что сфабрикованные процессы были представлены в ней частью внешней политики, как бы иллюстрируя венгерские события: ссылка на аналогичные процессы в Болгарии и Румынии указывала на главного инициатора всех этих процессов, Сталина, отводя ему положительную роль.

В передаче «Сельского радио» транслировавшейся 19 декабря 1949 г., сообщалось о том, что «сотни тысяч крестьян в городах и селах, производственных группах и государственных хозяйствах в честь великого Сталина взяли на себя и выполнили осенние работы по глубокому вспахиванию почвы. Из 25 наших комитатов лучше всех работали трудящиеся комитата Бекеш: крестьяне комитата Бекеш лучше остальных воспользовались помощью, оказанной им рабочим классом. Они больше всех пахали на тракторах с машинно-тракторных станций»⁵.

Уже празднуя день рождения Сталина, радио в программе «Сельского радио» «Одно село – одна песня», прозвучавшей 19 декабря 1949 г., уделило внимание укреплению союза рабочих и крестьян. В передаче помимо прочего сообщалось о том, что «члены мишкольцкого земледельческого кооператива в качестве сталинского трудового обязательства пообещали привлечь в кооператив 218 новых членов. Они уже перевыполнили свое обязатель-

Székely Gábor «Háborúk, forradalmak és a faszizmus kora. Válogatott tanulmányok és írások» («Войны, революции и эпоха фашизма. Избранные статьи»). Volos Kiadó, 2014. 323–339. o.

⁴ Az elmúlt hét eseményeiből. 1949. december 19. (События прошедшей недели. 19 декабря 1949 г.). MRA. Műsorboríték. Передача транслировалась 19 декабря 1949 г. с 15:45 до 16:00.

⁵ Falurádió. A Falurádió negyedórása. 1949. december 19. (Сельское радио. Четверть часа «Сельского радио». 19 декабря 1949 г.). MRA. Műsorboríték. Передача транслировалась 19 декабря 1949 г. с 19:00 до 19:15.

ство». Дальнейших успехов членам мишкольцского земледельческого кооператива пожелали пославшие им песню рабочие вагонного завода из г. Дьёра, которые «к 15 декабря выполнили свои сталинские трудовые обязательства на 105 %»¹.

В праздничной радиопрограмме приводились примеры того, как поздравляли «творящего и поддерживающего культуру и искусство Сталина» венгерские писатели и поэты. В передаче, прозвучавшей 19 декабря 1949 г., говорилось: «Сквозь какофонию безудержного подстрекательства к войне и бряцания оружием как чистая и гармоничная мелодия пробиваются глубокое уважение и любовь, с которыми лучшая часть человечества празднует день рождения великого Сталина. Только 70 лет? Семь столетий дел. Ты – яркий, чистый свет для сотен миллионов людей». Далее в передаче подчеркивалось: «Сталинские дела, продвинувшие человечество на столетия вперед, сталинский свет, осветивший тьму бесчеловечности капитализма, стали достоянием сотен миллионов людей. Прежде всего, достоянием рабочего класса СССР, [...] который рука об руку с крестьянством и интеллигенцией уже строит коммунистическое общество. Стали они и достоянием угнетенных и эксплуатируемых жителей капиталистических и колониальных стран, которые получают силу, поддержку и наставления от политического и теоретического гения Сталина, от его великой деятельности, от социалистического Советского Союза. Сталинские дела и сталинский свет стали и достоянием мировой прогрессивной интеллигенции, деятелей культуры, которые в поисках выхода нащупывают дорогу к новому искусству, питающемуся из здоровой жизненной почвы трудящихся масс». В сталинском искусстве выражается «не ужас и уродливость капиталистического мира, а смелый оптимизм человека, сражающегося за социализм. Сталин, обогативший

¹ Falurádió. Egy falu – egy nóta. 1949. december 19. (Сельское радио. Одно село – одна песня. 19 декабря 1949 г.). MRA. Műsorboríték. Передача транслировалась 19 декабря 1949 г. с 19:40 до 20:00.

и развивший марксистско-ленинскую теорию и в области культуры, показал миру на практике, какую огромную роль играет искусство в здоровом, свободном от эксплуатации социалистическом обществе, где искусство стало насущным хлебом широких масс, где к художнику предъявляется самый большой спрос, зато искусство пользуется самым большим признанием». Деятели всех областей культуры, от литературы до музыки, идут по пути, наметенному Сталиным. Венгерские музыканты, «и как венгры, и как деятели культуры страны, идущей к социализму, на языке своего искусства посылают свои приветствия Сталину, величайшему человеку нашей эпохи. Тем самым они передают горячую любовь всего нашего народа тому государственному мужу, которому мы обязаны самым важным – своей свободой и независимостью»².

20 декабря 1949 г., накануне дня рождения Сталина, количество поздравительных передач увеличилось. В передаче «Советские дни – советские люди» прозвучало: «Трудовой народ всего мира приготовился к достойной встрече 70-летней годовщины со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина. Села и города освобожденных стран оделись в праздничный наряд, и в душе отмечают юбилей и миллионы еще страдающих от угнетения людей во всем мире». В следующей радиопередаче восхвалялась «огромная деятельность» Сталина на благо СССР. «Трудящиеся СССР добились триумфа всемирно-исторического значения под руководством товарища Сталина». В заключение авторы передачи заверили слушателей, что «советский народ под мудрым руководством Сталина продолжает двигаться к своей великой цели, к коммунизму»³.

² Kossuth díjas magyar művészek ünneplik Sztálint. 1949. december 19. (Венгерские деятели культуры, обладатели премии им. Кошута приветствуют Сталина. 19 декабря 1949 г.). MRA. Műsorboríték. Передача транслировалась 19 декабря 1949 г. с 21:00 до 22:00.

³ Szovjet napok – szovjet emberek. 1949. december 20. (Советские дни – советские люди. 20 декабря 1949 г.). MRA. Műsorboríték. Передача транслировалась 20 декабря 1949 г. с 17:40 до 17:50.

Радио познакомило слушателей со вторым томом венгерского издания собрания сочинений Сталина, о котором было подробно рассказано в передаче «Книжный обзор», вышедшей в эфир 20 декабря 1949 г. В этот том были включены работы Сталина, написанные в 1907–1913 гг. По мнению книжного обозревателя, эти работы свидетельствовали об обширной теоретической подготовленности Сталина. Так, например, в этих работах Сталин определил классовую природу меньшевизма как мелкобуржуазного политического течения. Но в книге отражен и практический революционный опыт, поскольку Сталин пишет об опыте бакинского и петербургского рабочего движения, в котором он и сам играл руководящую роль. Особое значение имеет включенная в том статья «Марксизм и национальный вопрос», которую «уже Ленин назвал выдающимся произведением», хотя обозреватель не упомянул о том, что серьезная роль в написании статьи принадлежала и Николаю Бухарину. В ней Сталин резко противопоставил пролетарский интернационализм и буржуазный национализм. По мнению книжного обозревателя, эта работа имеет выдающееся значение, поэтому радио предложило книгу Сталина вниманию всех партийных работников, рабочих, крестьян и интеллигентов¹.

По мере приближения дня рождения в эфир выходили все более субъективные по тону передачи. Одной из них была программа «Пусть тебя поздравит песня», прозвучавшая по радио вечером 20 декабря 1949 г. В ней говорилось: «Во всем мире, везде, где возвышаются заводские трубы, где в глубине шахт, у раскаленных доменных печей, на полях и в учреждениях работают люди, взор сотен миллионов рабочих и крестьян обращен сейчас на одного человека [...] На него смотрят женщины, знающие, что он оберегает их детей, на него смотрят будущие трудящиеся, молодежь, знающая, что под знаком его имени строится [...] общество будущего

¹J. V. Sztálin művei, 2. kötet. 1949. december 20. (Сочинения И. В. Сталина, том 2. 20 декабря 1949 г.). MRA. Műsorboríték. Передача транслировалась 20 декабря 1949 г. с 18:15 до 18:30.

[...] На него смтрят все свободолюбивые люди [...] История не знает другого руководителя государства, который пользовался бы таким уважением и такой любовью во всем мире [...] Жизнь Сталина, деятельность Сталина составляют важнейшую эпоху всемирной истории. [...] Великая сталинская эпоха является не только рядом экономических, социальных и военных триумфов, но и периодом расцвета новой культуры. [...] Сталина поздравляют, в честь Сталина работают, о Сталине поют трудящиеся всех стран»². После этого по радио транслировались песни и стихи о Сталине.

На заре «праздничного дня», 21 декабря 1949 г., передача «Сельского радио» разбудила слушателей сообщением, что сегодня «200-миллионный народ СССР и вместе с ним сотни миллионов свободолюбивых, жаждущих мира людей с вдохновением и любовью празднуют 21 декабря, день рождения величайшего человека нашего времени, Сталина. В сознании сотен миллионов трудящихся имя Сталина прочно слилось со всем хорошим, добрым и благотворным, – с жаждой мира, повышением материального благосостояния и культурного уровня, свободой народов и независимостью наций».

Говорилось и о том, что в Москве, в Музее революции, выставлены присланные Сталину ко дню рождения подарки, подготовленные советскими людьми и трудящимися всего мира в знак их признательности и любви.

В передаче было рассказано о том, что в Москву пришли миллионы писем с поздравлениями: «Сталин! Это самое дорогое и близкое имя для советских людей, для миллионов строителей коммунизма. Сталин! Самое чистое и честное имя для трудящихся стран народной демократии, освобожденных от фашистского ига»³.

²Téged köszöntsön az ének... 1949. december 20. (Пусть тебя поздравит песня... 20 декабря 1949 г.). MRA. Műsorboríték. Передача транслировалась 20 декабря 1949 г. с 21:00 до 22:00.

³Falurádió. Gazdakalendárium. 1949. december 21. (Сельское радио. Календарь земледельца. 21 декабря 1949 г.). MRA. Műsorboríték. Передача транслировалась 21 декабря 1949 г. с 6:00 до 6:30.

В декабре 1949 г. Венгерское радио транслировало слушателям посвященную Сталину праздничную программу «Счастлив тот, кто поёт о Тебе...». Восхвалениям, проявлениям любви и благодарности не было ни конца, ни края. Одно за другим следовали прозаические, поэтические произведения и песни о великом Сталине¹.

К важной годовщине было приурочено и появление «Радиогазеты». Ее содержание было тождественно тому, что звучало по радио. Главная мысль содержалась в опубликованной в газете статье Ивана Болдижара² «Наш Сталин». В своей статье Болдижар писал следующее: «В сердце венгерских трудящихся чествование Сталина, вождя трудящихся всего мира, хранителя нашего мира и независимости,

нашего великого учителя, не закончится рекордными достижениями сталинской смены. Каждый день пятилетки мы чувствуем нашего Сталина хорошим трудом и растущими результатами»³.

* * *

В своих передачах, подготовленных ко дню рождения Сталина, Венгерское радио показало своим слушателям Сталина, находившегося в зените культа личности. Сталин и в дальнейшем часто фигурировал в радиопередачах вместе со «своим лучшим венгерским учеником», Матьяшем Ракоши. 5 марта 1953 г., в день смерти Сталина, венгерские средства массовой информации похожими славословиями прощались с «великим вождем».

О. А. Якименко

(Санкт-Петербургский государственный университет)

РУССКАЯ ДРАМА НА ВЕНГЕРСКОЙ СЦЕНЕ, ВЕНГЕРСКАЯ ДРАМА НА РУССКОЙ – ПАРАДОКСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Двойственная природа драмы как рода литературы позволяет знакомиться с культурой и литературой конкретной страны более непосредственно, зачастую даже без обращения непосредственно к тексту в бумажном / электронном виде, прямо со сцены. В то же время обмен между культурами всегда неравномерен и зависит от огромного количества факторов; анализ же причин такой неравномерности часто бывает предвзятым, обусловленным идеологической и политической ситуацией. Тем более убедительными при рассмотрении подобных вопросов оказываются статистические данные: отчасти с их помощью мы и попытаемся проследить исто-

рию взаимодействия русской и венгерской драмы. Русская и венгерская литературы находятся в отношениях сложного взаимодействия: русская, во всех своих проявлениях, стала неотъемлемой составляющей венгерской культуры; венгерская, напротив, практически отсутствует в русском культурном сознании как полноценная часть европейской и мировой литературы. То же самое можно сказать и о драматургии обеих стран.

История венгерско-российских отношений в области театра насчитывает не так уж много лет – в обеих странах национальная театральная традиция формировалась как сплав внутренних театральных практик, главным образом, народных, уличных (в отличие от многих европейских государств, до XVIII в. стационарных теа-

¹ Boldog az ember, ki Rólad dalol... 1949. december 21. (Счастлив тот, кто поёт о Тебе... 21 декабря 1949 г.). MRA. Műsorboríték. Передача транслировалась 21 декабря 1949 г. с 17:10.

² Иван Болдижар (1912–1988 гг.) – писатель, публицист.

³ Boldizsár Iván: A mi Sztálinunk (Наш Сталин). Rádió Újság, 1949. december 21. 1.

тров не было ни в Венгрии, ни в России) и иностранных школ. В Венгрии первые попытки воспроизвести на национальной почве европейскую театральную модель относятся к концу XVII в. (венгерский театр в Клуже (Коложвар) 1695 г.). Сто лет спустя, в 1790 г. Ласло Келемен открыл первый венгерский театр. Правда, через год этот театр закрыли, а большинство актеров отправилось в провинцию, положив начало «бродячему театру». Довольно долгое время основу театрального репертуара составляли иностранные пьесы, поскольку собственной национальной драматургии (как корпуса, а не в виде отдельных пьес) в Венгрии тогда не существовало. Ставились адаптированные варианты итальянских, французских и немецких пьес или либретто. Разыгрывавшие их труппы тоже были по большей части иностранными.

В России историю существования похожего на европейский театр также принято отсчитывать с конца XVII в., с Артамона Матвеева (1672–1676 гг.), который также затеял театр по немецкому образцу, но затем, как и в венгерском случае, наступил период некоторого «охлаждения» к театру на государственном уровне – практически до восшествия на престол Анны Иоанновны театр в России существовал в «домашнем» варианте. При Анне в Россию приезжают итальянская опера и немецкие комедианты и начинает создаваться собственно русская театральная традиция.

Таким образом, до XIX в. Венгрии и России обмениваться в области театра было еще нечем. Вслед за первыми более-менее успешными опытами драматургов эпохи Просвещения, сумевших соединить классицистическую традицию с оригинальным культурным элементом (в Венгрии это был Дёрдь Бешшенеи – автор «Философа» (1777), в России – Денис Фонвизин с его «Недорослем» (1782)), появляются национальные театры, где ставятся комедии, трагедии, драмы, а затем и оперы, написанные уже на национальных языках. Формируется и собственный театральный канон. На этом этапе, как правило, культуры уже могут демонстрировать друг другу свои театральные достижения,

однако в паре Россия – Венгрия знакомство российского зрителя с венгерским театром произошло намного позже, нежели проникновение русской драматургии (а затем и русских гастрольных спектаклей) на венгерскую сцену.

Чтобы понять, какие пьесы и почему формируют представление венгерской публики о русской драме, мы обратились к источникам, которые (по нашим сведениям) ранее не попадали в поле зрения историков театра и литературы, занимающихся венгерско-российскими театральными связями, а именно – к ежегодным репертуарным сводкам венгерских театров¹.

Активно ставить русскую драму в Венгрии начали лишь в конце XIX века. Если русские пьесы шли на венгерской сцене, то это были только абсолютные хиты – достаточно взглянуть на перечень постановок в столице, Будапеште, начиная с 1870-х гг.²:

1874, 1877 – Н. Гоголь «Ревизор», Немzeti синхаз.

1901 – А. Чехов «Медведь», Немzeti синхаз; Л. Толстой «Власть тьмы», труппа Лайоша Мако, Будапештское театральное общество.

1902 – И. Тургенев «Чужой хлеб» («Нахлебник»), Немzeti синхаз.

1903 – М. Горький «На дне», Будапештский летний театр.

1903 – А. Чехов «Сватовство», Виг синхаз; М. Горький «На дне», труппа Абони и Силади в Брадо.

1905 – И. Чириков «Евреи», Летний театр в Варошлигет.

1907 – М. Горький «На дне», труппа театра «Талия» в Фоли-Каприс.

1911 – Л. Толстой «Живой труп», Мадьяр синхаз.

1912 – А. Чехов «Чайка», реж. Ирен Фельд, Камерная труппа в Варсинхаз.

1915 – Н. (Миклош) Гоголь «Ревизор», Немzeti синхаз.

1917 – Арцибашев «Ревность», Виг синхаз.

¹ Информация о гастрольях и постановках 1990–2010 гг. любезно предоставлена Андрашем Козма.

² Staud Géza. Orosz és szovjet színművek a magyar színpadon. Színháztudományi Intézet. Budapest, 1960. P.52.

1918 – А. Аверченко «В вагоне поезда», Белвароши синхаз; Арцибашев «Страсть», Виг синхаз.

1919 – М. Горький «На дне», Мадьяр синхаз; А. Чехов «Просительница», театр Меддясаи; Н. Евреинов «Такая женщина», театр Меддясаи; Л. Андреев «Жизнь человека», Мадьяр синхаз; Н. Гоголь «Ревизор», Немzeti синхаз.

1920 – А. Чехов «Дядя Ваня», Виг синхаз.

1922 – Н. Гоголь «Игроки», театр Аполло; Н. Евреинов «Веселая смерть», история арлекина, Белвароши синхаз; А. Чехов «Три сестры» (пер. Костолани), Виг синхаз; Л. Андреев «Тот, кто получает пощечины», театр «Ренессанс».

1923 – Н. Гоголь «Женитьба» («Женихи»), Немzeti синхаз; А. Чехов «Иванов», Виг синхаз.

1924 – Л. Толстой «Живой труп», Немzeti синхаз; Л. Урванцов «Вера Мирцева», театр «Ренессанс»; А. Чехов «Вишневый сад», Виг синхаз.

1925 – О. Дымов «Ню», Виг синхаз; С. Юшкевич «Сонькин и главный выигрыш», театр «Ренессанс».

1927 – И. Тургенев «Наталия или месяц в деревне», Немzeti синхаз, реж. Хевеши.

1928 – Л. Урванцов «Маруся», Уй синхаз.

1929 – О. Дымов «Певец своей печали» («Песня печали»), Коложварский венгерский театр.

1930 – А. Чехов «Чайка», камерная сцена Немzeti синхаз.

1931 – Н. Гоголь «Ревизор», Немzeti синхаз; А. Чехов «Сватовство», Уй синхаз; В. Катаев «Квадратура круга», Уй синхаз.

1933 – И. Тургенев «Наталия или месяц в деревне», Немzeti синхаз; А. Чехов «Медведь», Немzeti синхаз; И. Тургенев «Иждивенец» (Чужой хлеб), Немzeti синхаз.

1935 – Осип Вронкоп и Павел Рурк «Санкт-Петербург», Мадьяр синхаз,

1936 – М. Мусоргский «Хованщина», Оперный театр.

1938 – А. Бородин «Князь Игорь», Оперный театр; Евг. Ильин «Две царицы», Немzeti синхаз.

1940 – А. Бородин «Половецкие пляски», Оперный театр; М. Мусоргский «Хованщина», Оперный театр.

1941 – М. Арцибашев «Ревность», Виг синхаз; Н. Островский «Гроза», Немzeti синхаз.

Из перечня отчетливо видно, как с годами меняется репертуарная политика венгерских театров в отношении русских пьес и опер. До 1919 г. (крах Венгерской советской республики, начало хортистского периода в Венгрии) «русская» афиша венгерских театров в целом ориентируется на тех авторов, которые были не просто популярны в России, но и актуальны (рано начинают ставить Чехова, появляются спектакли по пьесам Арцибашева, Евреинова) После 1920 г. за небольшими исключениями (в виде всемирно признанного Стравинского) венгерские театры стараются выбирать «проверенную» классику (Чехова, Толстого, Тургенева). Представления о советском театре у широкой венгерской публики были довольно смутные. Радикальные эксперименты нового театра (спектакли Мейерхольда, например) можно было увидеть в Берлине и Париже (где с ними как раз и познакомились те венгры, которые были вынуждены покинуть страну после событий 1919 г.), но не в Будапеште. Следует отметить и тот факт, что многие русские пьесы попадали в венгерское культурное пространство через немецкий язык, что порой приводило к курьезам: так «Вишневый сад» в переводе Арпада Тота, выполненном именно с немецкого, превратился в «Черешневый» (в современных постановках этот перевод почти не используют, а если и используют, то с исправлениями). С немецкого переводили и пьесы Горького, в частности «На дне».

После 1945 г. количество русских и советских пьес, поставленных в театрах по всей стране, резко возросло. Уже осенью 1945 г., 11 ноября в Национальном театре состоялась премьера пьесы К. Симонова «Русские люди», однако советским репертуаром будапештские и другие театры не ограничивались, активнее стали ставить и «старые» русские пьесы, например, Чехова, Гоголя и т. п. Культурная экспансия русского театра, в первую очередь в его советском варианте, особенно усилилась в конце 1940-х гг.

По данным на 1962 г.¹, за десятилетие с 1950 по 1960 гг. из русской классической драматургии в Венгрии больше всего ставили гоголевского «Ревизора» (181 один спектакль по этой пьесе в девяти театрах по всей стране посмотрели 94 906 зрителей), на втором месте – «Женитьба» (80 спектаклей в пяти театрах, включая не только будапештский Виг синхаз, но и театр Чоконани в Дебрецене, театры в Мишкольце, Кечкемете, Дёре). Из авторов большой популярностью пользовались Островский (пьесы «Гроза», «Волки и овцы», «Лес», «Карьера» – так в венгерском переводе стала называться драма «На всякого мудреца довольно простоты»), Чехов («Три сестры», «Дядя Ваня», «Чайка», «Вишневый сад»), Тургенев («Чужой хлеб»), Толстой («Живой труп», «Плоды просвещения» + постановки по романам «Война и мир» и «Анна Каренина» в будапештском Виг синхаз и Немзети синхаз в Пече), Горький («На дне», «Мещане», «Егор Булычев и другие», «Сомов и другие», «Дачники», «Последние» – в венгерском варианте «Последнее поколение», «Враги», «Мать» – пьеса Коложвари по одноименному роману), Достоевский («Дядюшкин сон»).

Если выбор произведений классической русской драмы не слишком отличался от довоенного – только, пожалуй, из Горького стали ставить не только «На дне», то с советской драматургией дело обстояло совсем иначе. Каждый театр был обязан регулярно ставить пьесы советских авторов, причем это всегда были произведения с сильной идеологической составляющей, и только в конце 60-х – в 70-е, начинают появляться пьесы, которые и в СССР воспринимались как актуальные и «острые» – «Прошлым летом в Чулимске» Вампилова, «А зори здесь тихие» Васильева, «Таня», «Иркутская история» Арбузова и т. д.

¹ Здесь и далее данные приводятся по изданиям Orosz és szovjet színművek a magyar színpadokon: 1945–1979. Magyar Színházi Intézet. – Budapest, 1979. P.100; Staud Géza. Orosz és szovjet színművek a magyar színpadon. Színháztudományi Intézet. – Budapest, 1960. P.52; Színpad és közönség. Magyar színház adatok I-II. Színháztudományi Intézet. – Budapest, 1962. P.216, 272.

Об обязательной советской программе в театрах иронически упоминает Иштван Эркенъ в своей новелле «Кафе „Ниагара“» (1958), герои которой – пара провинциальных интеллигентов – во время поездки в Будапешт идут в оперу, оперетту и смотрят в драматическом театре советскую пьесу, воспринимая это как скучную повинность.

Чаще всего в 1950–1960-е гг. ставили пьесу Рахманова «Беспокойная старость», больше известную советскому зрителю как сценарий фильма «Депутат Балтики» 1937 г. (пьеса шла в девяти театрах и выдержала 279 представлений), на втором месте героико-революционная драма «Разлом» Лавренёва и его же «Голос Америки» (вместе – более 300 представлений в 11 театрах). Следом идут Корнейчук, чьи пьесы «Серьезная операция» – «Платон Кречет», «В степях Украины», «Калиновая роща», «Почему улыбались звезды», «Гибель эскадры») чаще шли в театрах Солнока, Мишкольца, Печа, Кечкемета и Сегеда, чем в Будапеште; Вишневский («Оптимистическая трагедия» и «Незабываемый 1919-й»); «Не личное дело» – «Вас вызывает Таймыр» Исаева и Галича. Предпочтение отдавалось пьесам публицистического характера, довольно схематичным, иногда с элементами детектива или мелодрамы, таким как «Особняк в переулке» братьев Тур (творческий псевдоним драматургов Л. Д. Тубельского и П. Л. Рыжея), военные драмы Буряковского и Собко («За вторым фронтом»), идеологические памфлеты Михалкова («Красный галстук», «Я хочу домой» «Илья Головин» – пьесы, по меткому замечанию сценариста и драматурга Натальи Белюшиной, «совершенные в своей радостной бездарности»²), революционная «классика» – «Как закалялась сталь» Н. Островского в сценической версии Габора Берени. Пьесы Горбатова «Молодость отцов», «Одна ночь», Тренёва «Любовь Яровая», «Гимназисты», «На берегу Невы», Лео-

² Белюшина Н. Сергей Михалков. Нечитаемые страницы // Snob.ru, 15.03.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://snob.ru/profile/26524/blog/58510> свободный. Яз. рус. (дата обращения: 14.01.2015).

нова «Незначительный человек», «Очи- стительный огонь», «Золотая повозка». «Кремлевские куранты» и «Песнь моей жизни» Погодина, «Сын полка» Катаева.

Шли в театрах и детские пьесы совет- ских авторов: «Город мастеров» Габбе, «Тимур и его команда» по повести Арка- дия Гайдара, «Панюшкина школа» – «Еди- ная боевая» Бруштейн, «Волшебная па- лочка» Маршака.

Учитывая богатые традиции оперетты в Венгрии, активно продвигали и совет- скую оперетту. За указанное десятилетие в театрах Венгрии было поставлено более 15 советских оперетт, а число спектаклей перевалило за тысячу. Самыми популяр- ными были оперетты Дунаевского: «Воль- ный ветер», «Веселая ярмарка» – «Ку- банские казаки», «Белая акация», а также «Сибирская рапсодия» («Беспокойное счастье») и «Трембита» Милютин, «Та- бачный капитан» Щербачева, «Свадебное путешествие» Богословского и другие.

В 1970–1980-е гг. репертуарная по- литика в отношении русских и советских пьес несколько меняется, уходят со сце- ны жесткие идеологические агитки (вроде пьес Симонова и Михалкова или много- численных украинских советских драма- тургов), им на смену приходят более «че- ловеческие», социальные пьесы, вроде «Мой брат играет на кларнете» по повести Алексина (Будапештский детский театр, 1975 г.), в музыкальном театре появляют- ся Прокофьев, Шостакович и Хачатурян. Даже в статистических отчетах театров пе- рестают выделять постановки по русским и советским пьесам в отдельную графу. Теперь они часть «иностранной» драма- тургии. Наряду с Шолоховым ставят и «Бе- сов» Достоевского. Неизменными автора- ми остаются Горький и Чехов. Последний стал, наверное, самым популярным дра- матургом на венгерской сцене не только среди русских, но среди всех зарубежных авторов – по частоте постановок пьесы Чехова стабильно удерживают лидерство на протяжении уже почти полувека¹.

¹ Якименко О. А. Чехов в венгерской театраль- ной культуре. История и современность // Славя- новедение. 2010. № 6. С. 63–70.

Знаменательным моментом в истории театрального сотрудничества стала поста- новка «Ревизора», осуществленная в 1975 г. Г. Товстоноговым. Спектакль стал одним из самых посещаемых (в течение пяти лет после премьеры он неизменно входил в число постановок, которые смотрело бо- лее 20 000 зрителей в год).

В это же время в театрах по-прежнему идут пьесы Рахманова и Вишневого – параллельно со «Старомодной комедией» Арбузова и «А зори здесь тихие» Василье- ва. Появляются и новые авторы, например Шукшин («Энергичные люди», театр им. Аттилы Йожефа, Будапешт, 1975), Айтма- тов («Белый пароход», «Микроскоп», Бу- дапешт, 1976).

После успеха венгерского перевода романа Булгакова «Мастер и Маргарита» (впервые он вышел в Венгрии еще в 1970 г., причем перевод Клары Сёллэши оказал- ся более полным, нежели официально доступный тогда в СССР вариант текста, т. к. был сделан по редакции, опубликован- ной в журнале «Москва») в театрах начи- нают активно ставить пьесы этого автора: «Театральный роман» в театре «Талия» (Будапешт, 1977 г.); в том же году «Кабала святош» в театре Сиглигети (Солнок). В 1979 г. состоялась премьера спектакля «Мастер и Маргарита» в театре «Талия» (Будапешт). В дальнейшем были также поставлены «Зойкина квартира» (Немzeti синхаз, Мишкольц, 1982 г.) и «Полоумный Журден» (Театр им. Петёфи, Веспрем).

В том же 1979 г. на сцене были показа- ны «Обмен» Трифонова и «Утиная охота» Вампилова (Театр Сиглигети, Солнок и Виг- синхаз, Будапешт). В 1980 г. – «Синие кони на красной траве» Шатрова («Талия»), «Берег» Бондарева и «Ольга» Рощина (Немзетисинхаз, Печ), «Мы жили рядом» Арутуняна (Театр им. Кишфалуди, Дёр).

В целом венгерский театр выбирает то, что и в СССР становилось популяр- ным в этот период, проявляя интерес к таким неожиданным для Венгрии авторам, как Сухово-Кобылин («День Расплюева» в театре им. Йожефа Катоны в Кечкеме- те, в 1975 г. был поставлен после успеха «Смерти Тарелкина»). Информацию о

предпочтениях русской публики получали главным образом благодаря гастролям советских театров. Наиболее активным двусторонний театральный обмен был в период с 1975 по 1986 г. За это время в Венгрии побывали крупнейшие московские и ленинградские театры (Большой, МХАТ, «Современник», БДТ им. Горького), реже – украинские и белорусские театры; остальные республики были, как правило, представлены фольклорными коллективами.

Во второй половине 1970 – начале 1980-х гг. советские пьесы уступают место современной венгерской драматургии, которая в этот период набирает силу – это не только пьесы обретшего международную известность Иштвана Эркеня, но и произведения таких авторов, как Иштван Чурка, Дюла Хернади, Дюла Иллеш, Ласло Немет, Имре Шаркади. Активно ставятся также и современные или «недоигранные» в свое время западные авторы: Дюренмат, Одон фон Хорват, Пинтер, Брехт, Вайсс и т. д.

Изменения в репертуарной политике, применительно к русским и советским пьесам можно проследить на примере «главного» столичного театра – Национального (Немзети синхаз)¹:

1945 – К. Симонов «Русский вопрос»; А. Чехов «Медведь», «О вреде курения»; Л. Рахманов «Беспокойная старость» (последняя пьеса также ставилась в 1967 и 1970 гг.).

1946 – Н. Гоголь «Ревизор» (также в 1951 и 1973 гг.).

1947 – М. Горький «Егор Булычев и другие»; А. Грибоедов «Горе от ума»; К. Симонов «Русский вопрос».

1948 – А. Чехов «Вишневый сад»; А. Островский «Лес».

1949 – М. Горький «Васса Железнова»; М. Горький «Враги»; П. Павленко «Счастье»; А. Фадеев «Молодая гвардия»; В. Щербачев «Табачный капитан» (оперетта); К. Симонов «Чужая тень», Л. Толстой «Анна Каренина».

1950 – А. Островский «Доходное место»; Н. Вирта «Заговор обреченных»;

К. Тренёв «Любовь Яровая» (также в 1958 г.); Б. Лавренёв «Голос Америки».

1951 – В. Михайлов и Л. Самойлов «Тайная война».

1952 – Вс. Вишневский «Незабываемый 1919-й».

1953 – А. Корнейчук «В полях Украины»; М. Горький «Сомов и другие».

1954 – А. Островский «Гроза».

1956 – Ю. Чепурин «Весенний поток».

1957 – Б. Горбатов «Одна ночь».

1960 – А. Зак и И. Кузнецов «Два цвета»; А. Арбузов «Иркутские истории».

1961 – Л. Толстой «Живой труп».

1969 – Ф. Достоевский «Идиот».

1970 – А. Чехов «Иванов».

1974 – А. Вампилов «Прошлым летом в Чулимске»; М. Горький «Егор Булычев и другие».

1975 – Ф. Гладков «Время пришло» («Цемент»).

1976 – А. Гельман «Протокол одного заседания».

1977 – А. Гельман «Обратная связь».

1979 – М. Горький «На дне».

В отличие от главной сцены, на малой можно было ставить менее «обязательные» пьесы, это хорошо видно по репертуару камерной сцены Национального театра, которая впоследствии стала отдельным театром и получила имя Йожефа Катоны:

1952 – А. Чехов «Дядя Ваня» (также 1960 г.).

1959 – А. Арбузов «Таня».

1964 – В. Маяковский «Баня».

1968 – Л. Зорин «Варшавская мелодия».

1970 – М. Булгаков «Иван Грозный» («Иван Васильевич»), «Кабала святош».

1970 – А. Арбузов «Сказки старого Арбата».

В начале 1980-х гг. (с 1982 г.) среди самых посещаемых спектаклей уже нет постановок пьес русских и советских авторов. В 1984 г. среди премьер уже только три пьесы современных советских авторов – «Скамейка» Гельмана, «Летят журавли» Розова и «Старший сын» Вампилова, а в 1985 – ни одной. К 1986 г. из русских авторов в репертуарах венгерских театров остаются в основном Горький, Чехов,

¹ Staud Géza. Orosz és szovjet színművek a magyar színpadon. Színháztudományi Intézet. – Budapest, 1960. P. 52.

Островский и Достоевский. За последние десять лет XX в. в Будапеште было поставлено чуть более десяти спектаклей по русским пьесам (и то основная масса приходится на 1998–1999 гг.).

В начале XXI в. Венгрия активно знакомится с современной русской драматургией (этому не в последнюю очередь способствовали такие театроведы и переводчики как Андреа Томпа и Андраш Козма). Это прежде всего пьесы братьев Пресняковых, Ивана Вырыпаева, Василия Сигарева, а также переводимых на венгерский современных русских писателей – Людмилы Петрушевской, Владимира Сорокина, Людмилы Улицкой. Неполный перечень постановок последних десяти лет свидетельствует об искреннем интересе к русским пьесам. Чаще всего ставят произведения братьев Пресняковых: «Терроризм» (Солнок, 2005), «Ковер» (Будапештский камерный театр – Студия Эрикссон, 2009), «Изображая жертву» – совместная постановка театра им. Йожефа Катоны и театра «ТАП» (Будапешт, 2010), «Лодка» («Перед потопом») (театр «Талия», Будапешт, 2012), «Перед потопом» (государственный театр Чики Гергея, Будапешт, 2012); не менее популярны «Иллюзии» Ивана Вырыпаева (Театр Чоконаи, Дебрецен, 2012) и «Парикмахерша» Сергея Медведева (Театр Чоконаи, Дебрецен, 2009). Однако большинство этих постановок носят разовый характер.

Классический русский репертуар (с некоторыми вкраплениями произведений советского периода) тем не менее продолжает пользоваться популярностью. Театральная афиша сезонов 2014–2015 и 2015–2016 гг. демонстрирует сохранение интереса к русской драме. Не последнюю роль в этом играет и связь конкретных режиссеров, завлитов и актеров с русской / советской театральной школой. Так, директор будапештского Театра Комедии (Вигсинхаз) актриса и режиссер Эникё Эсени – сама в прошлом ученица Ю. Любимова и Иштвана Хорваи, который сам учился в Ленинграде, – постоянно обращается к русским пьесам и сценическим адаптациям прозы. В настоящее время

в театре идут «Ревизор» Гоголя и постановка «Мастер и Маргарита» по Булгакову. Драматург и переводчик, завлит театра Радноти Геза Морчани поддерживает интерес к русской драме и литературе в своем театре: в нынешнем сезоне, помимо столь популярного в Венгрии чеховского «Платонова»¹, зритель Радноти может познакомиться с оригинальной драматической версией «Братьев Карамазовых» Достоевского (в постановке отсутствуют все женские персонажи романа). Русская драматургия неизменно присутствует в репертуаре театра им. Йожефа Катоны, где за последние десять лет были поставлены практически все пьесы Чехова и Горького. В сезоне 2015–2016 гг. за русскую драму в этом театре «отвечают» «Дети солнца» Горького и постановка по роману В. Сорокина «Сахарный Кремль». Придя в Национальный театр в 2012 г. его новый руководитель Аттила Виднянский (выпускник Киевского университета театра и кино им. Карпенко Карого) перенес на столичную сцену ряд «русских» спектаклей со своего предыдущего места работы – дебrecенского театра им. Михая Чоконаи («Человек крылатый» о визионерах и реальных покорителях космоса – Циолковском, Королеве, Гагарине, Титове и Глушко; «Парикмахерша» Сергея Медведева), а также инициировал новые постановки классики в новых переводах («На дне», 2014).

Количественный анализ показывает, что неотъемлемой составляющей регулярного репертуара венгерского театра является русская драма XIX в., а влияние на венгерский театр русской и советской драматургии более поздних периодов носит более опосредованный характер. При этом следует отметить, что на уровне экспериментального, не «мейнстримного» театра интерес к современной и заново осмысленной классической русской драме сохраняется. Можно отметить камерные постановки пьесы Людмилы Улицкой «Шурик» на площадке «Рожавельдисалон» и современного «Нахлебника» по Тургеневу в Пинцесинхах (обе постановки – 2015 г.).

¹ Спектакль по этой пьесе идет последние два года сразу в двух театрах Будапешта – Радноти и Маладипе.

Если русская драма, несмотря на все исторические перипетии и политические сложности, представлена на венгерской сцене довольно убедительно, о венгерской драматургии в России и СССР сказать того же нельзя. По нашим сведениям, нет такого театра (на территории России или бывшего СССР), в связи с которым можно было бы говорить о «венгерском репертуаре» (по аналогии с описанным выше русским репертуаром); также отсутствует и подробная статистика о количестве постановок и сыгранных спектаклей. Таким образом, исследовать присутствие венгерской драмы в русском театральном пространстве мы можем лишь с помощью культурно-исторического метода.

В первой половине XIX в. венгерские пьесы, ставшие основой национального репертуара, вроде исторической трагедии Йозефа Катоны «Бан Банк» (1815), объективно не представляли особого интереса для русского театра, перед которым в тот же период стояла задача создания собственной драматургии на национальном материале¹. С венгерской литературой русский читатель в XIX в. чаще всего знакомился точно так же, как и венгерский с русской – через немецкий язык. Как следствие, венгерские пьесы попадали в поле зрения русской публики крайне редко. В изданиях, печатавших переводные пьесы (издававшиеся с 1840 по 1856 гг. в журналах типа «Репертуар русского театра», затем – «Пантеон и репертуар русской сцены» и т. д.) венгерская драматургия не фигурирует. Тем более удивительным кажется в самом начале XX в. обращение к монументальной, трудной для постановки и перевода пьесе в стихах Имре Мадача «Трагедия человека» (1861). Причиной интереса к «Трагедии» принято считать упоминание ее Горьким² в 1899 г. В 1904 и 1905 гг. появились сразу три перевода

этого произведения на русский язык: с немецкого – В. Мазуркевича 1904 г., Н. А. Холодковского 1904 г. (у него Мадача зовут Эмерих на немецкий манер) и с венгерского – З. Крашенинниковой 1905 г., однако на русской (точнее, советской) сцене она появляется только во второй половине XX в., сначала (на эстонском языке) в театре «Ванемуйне» в Тарту (1971), а затем в Минске (1979) в переводе Мартынова (1964) (последний перевод Ю. П. Гусева 2011 г. пока не ставился).

Тогда же, в начале XX в., популярность приобрела пьеса Мельхиора Ленделя³ «Тайфун» (1909), переведенная на русский в 1910–1914 гг. как минимум четыре раза. Как мы видим уже по первым примерам, венгерская драматургия была изначально представлена в русской культуре, прежде всего как часть литературы и лишь во вторую очередь как театральное явление⁴.

Более полное знакомство с венгерской драмой началось после 1945 г., когда Венгрия как одна из стран социалистического лагеря попадает в сферу идеологических интересов СССР. В целях «взаимообогащения национальных культур» осуществляется перевод большого количества венгерских пьес: не только идеологически «подходящих» Дюлы Ийеша (1960) и Йозефа Дарваша (1962), но и всех заметных драматических произведений, включая пьесы таких авторов межвоенного периода, как Ференц Мольнар (1960) и Ене Хелтаи (1959) (в 1920–1930-е гг. Мольнара, например, характеризовали как «технического, остроумного, но безыдейного глашатая этики биржевиков» и переводить не

³ Русскому и советскому зрителю этот драматург, скорее, известен как автор либретто балета «Волшебный мандарин» Белы Бартока (1916) и сценария фильма «Ниночка» (реж. Э. Любич, 1939).

⁴ Мы намеренно оставляем за рамками исследования постановки 1920–1930-х гг., вроде спектакля Мейерхольда «Рычи, Китай» по пьесе Балажа (1930) (см. Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века. Вып. 4. – М.: Индрик, 2009. 888 с.), т. к. подобные эксперименты носили разовый характер и имели мало отношения к национальному театру в традиционном понимании.

¹ Впоследствии «Бан Банк» попал на русскую сцену уже только в качестве либретто оперы одноименной оперы Ференца Эркеля (постановка Б. Покровского 1959 г. в Большом театре).

² Горький М. Аллегии Оливии Шрейнер // Горький М. Несобранные литературно-критические. – М., 1941. С. 33–37.

рекомендовали¹). Однако ставить на сцене венгерских авторов никто не спешил.

Настоящий сдвиг произошел в начале 1970-х гг., когда в СССР прошел первый фестиваль венгерской драматургии (1971). В рамках фестиваля 74 театра по всей стране поставили 25 венгерских пьес (во втором фестивале 1979 г. участвовали уже около двухсот театров), от классических («Бана Банка» Катоны, «Тигра и гиены» Шандора Петёфи, «Трагедии человека» Мадача) до произведений 1920–1930-х гг. (Мольнара и Хелтаи), однако в постоянном репертуаре большинство этих пьес не осталось. В том же году в московском Театре Сатиры состоялась премьера одной из самых популярных (по числу сыгранных спектаклей) венгерских пьес – «Проснись и пой» Миклоша Дярфаша (1965)², а гротескную трагикомедию Иштвана Эркеня «Тоот, другие и майор» (1967) (варианты названия «Тоот и другие», «Семья Тотов», «Тоты») поставили сразу два театра – ленинградский БДТ (реж. Г. А. Товстоногов) и московский «Современник» (реж. А. А. Алов и В. Н. Наумов). После успеха «Тоота» на русской сцене начали активно ставить еще одну пьесу Эркеня – «Кошки-мышки» (1963) (первая постановка – БДТ, 1974). Сценическим интерпретациям этой драмы в 1978 г. был даже посвящен отдельный Всероссийский фестиваль. Можно также упомянуть и две сатирические комедии Кароя Сакони «Телевизионные помехи» (1970) и «Парик из Гонконга» (1973) – обе шли на сценах различных театров страны, в том числе в Рижском театре русской драмы и в Новосибирском театре «Красный факел». Нельзя не отметить и популярность детской пьесы Агнеш Балинт «Гном Гномыч и Изюмка» – с 1978 г. она ставилась практически каждый год в каком-нибудь из детских театров страны (последняя постановка – в 2014 г. Большой театр кукол, СПб.).

Если музыкальная комедия Дярфаша и ироничные истории Сакони поддержи-

¹ Литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1934. С. 445–446.

² За год до этого, в 1970 г., была осуществлена радиопостановка по этой же пьесе.

вали у советского зрителя стереотип Венгрии как «самого веселого барака» социалистического лагеря, то пьесы Эркеня с их неоднозначной жанровой принадлежностью (сочетание реалистической драмы с гротескными ситуациями, доводимыми до абсурда) и скрытым трагизмом казались более современными, «проблемными» и вызывали живой отклик аудитории. Из всех венгерских пьес, шедших когда-либо на русской сцене, драмы Эркеня задержались на ней дольше всего: в начале XXI в. и «Кошки-мышки» и «Семья Тотов» с разным успехом были возобновлены сразу в нескольких театрах (МХТ, 2004; Московский областной театр им. А. Островского, 2006; БДТ им. Г. А. Товстоногова, 2009 и др.).

В 1980-е гг. центр интереса к венгерской драме в советском театре перемещается в Эстонию. По свидетельству Арво Валтона, в этот период «в эстонских театрах был настоящий бум венгерской драматургии... Назовем здесь таких авторов, как Молнар – «Офицер гвардии», «Игра в замке»; Шпиро – «Сад», «Куриные головы»; Эркеня – «Кошачья игра» [имеются в виду «Кошки-мышки»], «Тоты»; Сакони – «Телевизионные помехи»... «Вдовы» Акоша Кертеса выдержали на сцене Таллиннского драматического театра более двухсот постановок»³.

Среди перечисленных Валтоном драматургов встречается имя Дёрдя Шпиро – представителя следующего поколения венгерских театральных авторов. К сожалению, венгерская драматургия последних десятилетий XX – начала XXI вв. практически не представлена на российской сцене – в некотором смысле, повторяется ситуация начала XX в., когда венгерская драма была для русского читателя лишена своей театральной составляющей и существовала исключительно в виде драмы для чтения. Венгерские пьесы по-прежнему переводятся⁴, но не ставятся. Причин

³ Валтон А. Венгерско-эстонские литературные связи // INF: информационный вестник. № 2 / Ассоциация финно-угорских литератур. – Таллинн, 1996. С. 27–35.

⁴ Современная венгерская драматургия в двух томах. – М., 2006, 2009. 392 с.; 440 с.

тому можно найти несколько: в экспериментальном театре и в Венгрии, и в России значительное место сегодня занимает документальная драма, тесно связанная с национальными, часто локальными культурными кодами, не поддающимися пересадке на чужую почву; в Венгрии довольно активно развивается стихотворная драма (Янош Тереи, Балаж Салингер, Силард Борбей), сложная для перевода и не имеющая прямых аналогов в современной российской драме; наконец, в русской и венгерской культурах (не только в них, разумеется) наблюдается кризис драмы как рода литературы, радикальная трансформация театра, все чаще отказывающегося от текста в традиционном понимании или же играющего с классическими текстами. Редкие исключения, вроде пьесы Алэн Польц «Женщина и война» (постановка петербургского МДТ, 2013), созданной в эстетике театра, лишь подтверждают сказанное выше: личная трагедия автора связана с событиями, актуальными и для российского зрителя (освобождение Венгрии советскими войсками в 1944–1945 гг.) – и одновременно поднимают конкретные события на вневременной, общечеловеческий уровень. В отсутствие политической подоплеки и идеологического заказа, подкрепленного государственным финансированием, только такая национальная

драматургия может по-настоящему заинтересовать аудиторию другой страны.

Еще одной попыткой пробудить интерес к современной венгерской драматургии в России стали читки венгерских пьес на Новой сцене Александринского театра в Санкт-Петербурге в ноябре 2015 г. в рамках большого проекта, призванного познакомить российскую театральную общественность с современной зарубежной драматургией. Зрители увидели «эскизы» спектаклей по четырем пьесам: «Амалька» Петера Эстерхази, «Принцесса пирожных» Белы Пинтера, «Ресторанная музыка» Яноша Тереи и «Групповой портрет без Льва» Адама Фекете. Эти и другие драматические тексты войдут в сборник новой венгерской драмы, который в данный момент готовится к выходу в издании НЛО.

Стимулировать интерес к венгерской драме могли бы и постановки венгерских режиссеров на российской сцене, однако вся практика театрального сотрудничества между двумя странами демонстрирует тенденцию приглашать венгерских постановщиков для работы с международным репертуаром (см. последняя постановка Эникё Эсени пьесы Э. Олби «Кто боится Вирджинии Вулф?» в петербургском театре им. В. Ф. Комиссаржевской, 2015) или с русским материалом (например, «Мастер и Маргарита» Яноша Саца в МХТ им. Чехова в 2011 г.).

Раздел IV РОССИЯ И ВЕНГРИЯ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

P. Bertalan, A. Nagy
(Капошварский университет)

THE INTERPRETATION OF THE BALKANS AS GEOPOLITICAL FAULT LINE

166

The aim of the study is to show a new geopolitical approach to the understanding of international processes. The authors come up with the idea of connecting geographical elements with international relations and the moves of great powers and smaller states. The new approach of matching geographical fault lines with the region of Central-Eastern Europe, a region between the Baltic and the Black Sea provides us a deeper view on international events and networks. Connecting the two fields of research, geography and international diplomacy, the authors describe the short XX century and the beginning of the XXI century as the period of earthquakes and volcanic eruptions along the fault lines, concentrating on the history of the Balkan region, providing us with a better view on the international system and the situation of smaller states among the great powers.

The interpretation of the Balkans as geopolitical fault line

The political face of our world was being formed from the second half of the XIX century to the end of the XX century. This face is ever since continuously changing just like the upper layer of the Earth's crust. The tensions generating in the deeper layers of the crust result in the movements of structure of the crust. These movements make changes on the surface as well. Fault lines are created in the crust, along which strong volcanic activity and movement of the crust, earthquake can be experienced. The formation of political image is a similar process. The reasons of tensions in the deeper layers of politics can vary. The

crust also forms due to varying reasons. In addition to crust movements the weather also strongly forms the surface. In politics the political climate can also be mentioned, whose effects are smaller than the outcomes of conflicts of deeper layers. A politician may cause a storm, the passing of which does not lead to fundamental transformation. The main causes of controversies occurring in the deeper layers of politics can be traced back to economic, ethnic, religious, ideological, cultural controversies, controversies among social systems and world views. Briefly with modern scientific expression we can call the geopolitical reasons.

Coming back to the metaphor of crust and geopolitical shape we can say that the geopolitical shape is divided by fault lines. Along these political eruption and phenomena similar to earthquakes may occur. From the geopolitical fault lines, smaller ones start, like networks. These can also cause smaller political changes.

The biggest political fault line stretches from the Baltic Sea to the Black Sea in Central-Eastern Europe. The first and second world wars broke out along this line. The peace treaties closing the two world wars did not put an end to the political conflicts, tensions remained in the deep. «The four and a half decades following the Second World War was the period of the cold war. ... It was the product of differences in the strategic, geopolitical considerations, differences in the consideration of value systems and world views, thinking traditions, political structure,

and partly the product of the differences derived from the idealist thinking of Roosevelt based on the principles of Wilson and Stalin's thinking of realpolitics, and political practice»¹.

This was the period of cold war, so to say the war of nerves, which was carrying the danger of another world war. The balance of military power is the explanation for the seemingly peaceful political tug of war between the great powers – the Soviet Union and the USA, which is the source of constant political instability. «The literature of history divides the cold war into four periods: freeze (1947–1953), rivalry (1953–1969), détente (1969–1979), and another freeze and the end of the cold war (1980–1990)»². This periodization is based on the changes of diplomacy and politics. It does not give explanation to local wars and dangerous centres of tension along geopolitical fault lines (War of Korea, Vietnam, Cuban Crisis etc.). The geopolitical approach takes into consideration the global changes of the political, economic, military range of action of great powers. This is also influenced by the ideological clash on global scale. «Starting from the last third of the XX century the coordinates of the five dimensional concept of space define the frame of analysis embodying the ruling comprehension of geopolitical thinking»³. The traditional geographical concept of space was complemented by outer space and cyberspace, part of space of information in a wider sense. From the military point of view the orbit around the Earth also belongs to this concept⁴. «In case of the orbit around the Earth the following trajectories can be differentiated: 150–800 km: low height, 800–35000 km medium height, above 35 000 km high height trajectory. The geostationary orbit can also be mentioned, rotating together with Earth, in 36 000 km height from the surface, revolving in the line of the Equator in 24 hours revolving time»⁵.

Concept of space was not only complemented by outer space, but the area

of world seas. We know from the programs of Viasat History TV channel that submarines equipped with more nuclear warheads can stay below the ice of the North Pole for several months. The concept of space expanded here as well from the strategic point of view. The Cold War was going on in spaces which can be defined by geopolitics. This can be extended by the global spatial network of communication. The front-lines, battlefields of Cold War in the first instance define economic political conditions; this is the main point of view, based on which the war can be measured. This aspect defines the geopolitical periods of the Cold War. Based on the geopolitical aspects certain parts of the Cold War were determined by military political aspects and the economic resources behind them.

The clash of the forces facing each other can be modelled just by scientific means. It is hard to decide from the outside, who is about to win in the fierce clash, who is stronger. This is expressed by the geopolitical periodization.

1. First phase (1945–1956): nuclear stalemate and deterrence, drawing the ring of containment. This strategy meant the isolation of the soviet block from the free world, called the West. The atmosphere of mutual fear and uncertainty dominated.

2. The second phase (1957–1979) was the communist deep penetration into the sea zone. The Soviet Union broke through the limits set up by the American isolationist policy. It penetrated into the territorial waters of the USA – said to be the lord of world seas – and those territories which question the hegemony of the USA. Good example for this the Cuban Crisis of 1962–1963 and the Soviet invasion of Afghanistan⁶.

3. The third phase (1980–1991)⁷ meant the collapse of the Soviet Union. It was a shocking moment of history of the XX century. Peoples of the Eastern Block experienced similar feelings when Stalin died in 1953, and when Khrushchev was exposed in 1956. Khrushchev revealed the vileness and immorality of personality cult on the XX. Congress of the Soviet Communist Party.

¹ Szilágyi I. Geopolitika. Publikon Kiadó. – Pécs, 2013. P. 81.

² Ibid. P. 93.

³ Ibid. P. 125.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 127.

⁶ Ibid. P. 93–95.

⁷ Ibid. P. 99.

The first reaction to this was the Hungarian revolution and war of independence of 1956. The Soviet Union and the block of power ruled by it did not break. Comparing the two events can give explanation to the significance of the new era starting in 1991, and the analysis of events occurring in the deeper layers of geopolitics. The bipolar world, coming into being after the Second World War suddenly collapsed. One of the pillars of this world order was two economic and military alliances led by the Soviet Union, the Comecon and the Warsaw Pact.

The block led by the USA relied on the power of the USA. The explanation to this is, that «it gives quarter of the world's GNP. This equals to the GNP of China, Japan, Germany and Great Britain in total. Being the state of the highest industrial potential, the headquarters of one third of the 100 largest transnational companies can be found there. The growth rate of the so called new economy and money capital is the fastest in the USA. In the field of technology, the USA leads the informational and communicational revolution. In case of military in spite of decreasing expenses it could increase its range of action hand in hand with NATO. The USA has the only army, which can be deployed immediately in any part of the world, capable of immediate action. It has strengthened its traditional influence greatly in political sense in international organizations of strategic importance, like the International Monetary Fund, the World Bank and the World Trade Organization»¹.

In addition to the above mentioned facts, the following should be mentioned: «The monetary system of Bretton Woods – coming into being after the negotiations of 1–22 July 1944 – can be considered the first cornerstone of the new world order. That was the time when the American dollar became world money»². The struggle and fierce competition of the two poles was decided to the advantage of the West because of economic reasons in the long lasting Cold War. The basis of the military competition going on between the Soviet Union and the USA was the development of military technology. The balance of power

was ensured by nuclear stalemate and Soviet land forces. This enormous force created great moving armoured force after the Second World War, which was able to quickly reach the Atlantic Ocean from East Germany according to data of the TV channel Viasat History. This was the basis of fear of the West, and a cornerstone of Stalin's strategy. In the time of the Cold War the Cuban Crisis brought a new turn to the state of balance of power. Based on the idea of President Reagan the USA announced the program of star wars, which meant the establishment of anti-missile defence systems. This caused a competition of military technology, which did not have the economic conditions in the Soviet Union. According to Viasat History, the USA spent 6 % of national income on military expenses, while the Soviet Union spent 40 %. The unequal competition led to collapse of the Soviet system. The great collapse led to geopolitical earthquake in Central-Eastern Europe, which after effect was that the geopolitical fault lines were torn mainly in the Balkans because of the geopolitical aftershocks. So the states of Central-Eastern Europe came to the historical task of change of regime, the solution of which was a common problem of the region within the given geopolitical scope. The terminus technicus of geopolitics should be emphasized, because it determined the fate of the region in the given historical situation. History also plays a relevant role, because the region was put in the shade of global bloody events of the First and Second World Wars. The superficiality of the peace treaties was found again. The fate of Ukraine also proves that the change of regime has not finished yet. The expression itself, «change of regime» expresses that the historical turn is inevitable. There are no other alternatives for the small peoples of Central-Eastern Europe, just the task to somehow get back on their feet economically after the end of the Cold War. This is only possible by taking advantage of the possibilities by joining the international economic circulation. Small nations need economic blood transfusion. The situation of Hungary is a picturesque example. The situation of the country is also determined by the globalizing world apart from

¹ Ibid. P. 104.

² Ibid. P. 91.

the region. «The world became global, the mutual dependencies and the new regionalist type of integrations, processes organizing in the form of networks and streams transformed the conceptual frames of geopolitical spaces and places and contributed to the collapse of old structures»¹.

Foreshocks

The First World War, just like earthquakes, was preceded by a series of foreshocks. The Balkan region is worthily called the powder keg of Europe and the world even nowadays. The First World War was preceded by two conflicts, the geopolitical interpretation of which can be approached from more sides. On the one hand it is the scene of rivalry of great powers, acquiring areas of geostrategic importance (reaching the seas, straits), on the other hand the scene of struggles among smaller states for the same territories. «There were two ranked officers at the head of the Austro-Hungarian Monarchy, who wanted to renew the policy of dynastic expansion. Count Aloys Aerenthal-Lexa minister of foreign affairs and count Franz Konrad von Hötendorf chief of general staff thought that just like in 1881, an agreement can be put into practice with Russia about the mutual division of the Balkans»². According to the agreement Russia would have got the straits of the Ottoman Empire and the Austro-Hungarian Monarchy would have been able to reach the harbour of Salonica. Russia came up against the resistance of England; the Monarchy annexed Bosnia and Herzegovina³.

Bulgaria, Serbia, Crna Gora and Greece, creating the Balkan Alliance, laid claim to the European territories of the Ottoman Empire. The «distribution of loot” after the first foreshock, the war of 1912 carried the outbreak of the second Balkan war, which was this time launched by Bulgaria against its former allies, on the side of who Romania and the Ottoman Empire also joined»⁴. It turned out that in the two Balkan wars the

three small Balkan states, Greece, Serbia and Bulgaria were struggling against each other for the control of the Valley of Vardar and Salonica⁵. «The Valley of Vardar ... is the strategic gate to the harbour of Salonica. ... Who controls the Valley of Vardar, dominates the Balkans»⁶. This is the interpretation of the geopolitical view of Mackinder for the Balkans.

The first global earthquake

«The Balkan-question could rise to the level of world politics because the opposing sides in the national debate and the great powers lining up behind them were member states of great European blocks, and the decision of the debate had effects on a series of systems of alliances»⁷. The waves of the earthquake spread all over the world.

Immediately after the outbreak of the world war Russia asked Serbia to give up Macedonia to the advantage of Bulgaria for the resurrection of the Balkan Alliance. Serbia was only willing to give up the territories east to the Valley of Vardar, on the condition of the other member states of the Balkan Alliance also make concessions to Bulgaria, and Serbia would receive Serbo-Croatian territories with seashores belonging to them in return. Neither Greece, nor Bulgaria was willing to make concessions to Bulgaria, so the allied demanded Macedonia from Serbia with the Valley of Vardar. They offered Dalmatia and Bosnia and Herzegovina in return. But the political elite of Serbia insisted on keeping the valley due to the above mentioned reasons⁸.

Russia «wanted to keep the area of the Dardanelles and Bosphorus for itself, so tried to push Bulgaria to the central area of the Balkans, which provides strategic dominance embracing the Valley of Vardar»⁹. This got Serbia to change the principals to follow in the foreign policy of warfare and the national program. «Instead of taking under the settling of the Serbian question in a narrow

¹ Ibid. P. 91.

² Major N. Egy állameszme tündöklése és bukása. – Forum Könyvkiadó, 2013. P. 8.

³ Ibid.

⁴ Juhász J. Volt egyszer egy Jugoszlávia. Aula Kiadó, 1999. P. 12–13.

⁵ Major N. Egy állameszme tündöklése és bukása. – Forum Könyvkiadó, 2013. P. 9.

⁶ Ibid. P. 12.

⁷ Ibid. P. 9–10.

⁸ Ibid. P. 10–12.

⁹ Ibid. P. 12.

sense, it took under the settling of the more comprehensive Yugoslav question»¹. But it required the victory of the Entente and the dissolution of the Austro-Hungarian Monarchy. According to Nikola Pašić, prime minister of Serbia the peace of the Balkan region depends on the creation of a strong national state, giving up the principal of balance of power. In his idea the key to guarantee a lasting peace is the creation of a strong south Slavic state, which would embrace the Serbs, the Croats, and the Slovenes too². But the idea only served to disguise the expansive policy of Serbia, Pašić himself did not believe in the existence of the Yugoslav nation, all the nations had their own separate national consciousness. The official aim of Serbia in the war at the end of 1914 was to crush the Austro-Hungarian Monarchy and to liberate and unite the Serb, Croat and Slovene brothers.

But the Entente was not interested in crushing the Monarchy, they were rather thinking in a separate peace treaty, considered the Monarchy an important factor in the balance of power of European great powers. Furthermore the Entente had greater interest in drawing Italy into the war. But Italy, being afraid of the creation of a strong Yugoslav state, stipulated in a secret agreement with the allied to prevent the unification of Serbia, Croatia and Montenegro. According to the agreement Croatia can decide at the end of the war whether to join one of the countries or remain independent.

Russia was against the creation of a strong south Slavic state till 1917. The reason for this is that Russia could not take it for sure that the dominance of the orthodox Serbia will remain over the non-orthodox peoples. Later history proved their assumption. Although it did not support the efforts of Pašić, «Russia, based on its best self-interest, entered the war on the side of Serbia to preserve, and if possible, turn to its side the balance of power of great powers in Southern-Eastern Europe, which would be upset with loosing Serbia to the advantage of the Austro-Hungarian Monarchy»³.

¹ Ibid. P. 13.

² Ibid. P. 15.

³ Ibid. P. 18.

Serbia had to change its policy after the fall of czarism in 1917, get closer to the Yugoslav Committee. «The Yugoslav Committee was set up by those Slovenian, Serbian but mainly Croatian politicians, who emigrated from the Austro-Hungarian Monarchy to the West, who were staying in contact with the Serbian government before the war»⁴. The Yugoslav Committee stood up for the creation of a unified, strongly centralized Yugoslavia, based on the principal of trialism, the equality of the three tribes, three nations. But hitherto the relation between the Serbian government and the Yugoslav Committee with the seat in London was characterized by mutual mistrust. The Committee accepted the Serbian Karađorđević dynasty as the ruler of the new state 20 July 1917 in the declaration of Corfu, while the Serbian government accepted that all the tribes would have equal rights. The aim of Pašić was to gain the support of the Entente powers and the USA joining the war on their side. But the Entente powers ignored the declaration or took it with a grain of salt. France was thinking about the creation of two south Slavic states, Italy saw in it the obstacle to obtain the territories promised to it⁵.

The Entente powers, after the negotiations about separate peace treaties with the Monarchy ended in failure, tried to destabilize the weaker central power by encouraging national movements inside the Monarchy. In April 1918 the congress of nation subjugated by the Austro-Hungarian Monarchy was organized in Rome⁶.

The international conditions needed for the establishment of the Serb-Croat-Slovene Royal State were created by the victory of the Entente, but we cannot talk about a simply artificial formation on the basis of the will of great powers. Although the Serbs, Croats and Slovenes entered the southern Slavic states due to several forcing circumstances, but they did it on their own accord. The state struggled with strong inner conflicts⁷. Serbia, as a winner of the world war, with the Valley

⁴ Ibid. P. 20.

⁵ Ibid. P. 27–28.

⁶ Ibid. P. 29.

⁷ Juhász J. Volt egyszer egy Jugoszlávia. – Aula Kiadó, 1999. P. 30.

of Vardar in its hands felt it a historical task to fill in the vacuum of power coming into being after the collapse of two empires, the Austro-Hungarian Monarchy and czarist Russia¹.

The second global earthquake

After the First World War the southern Slavic state adjusted its foreign policy primarily to France, who had continental hegemony, and insisted on the country against the German «revengism», the restauration of the Habsburgs, the isolation of the Bolshevik revolution, and the restraint of Italian aspirations². Yugoslavia could insist on its traditional allies only until the 1930's. Due to the effects of the world economic crisis Yugoslavia turned towards Germany, first economically, then politically. In the relations of the two countries one sided dependency came into being in a short time³. The primary goal of Yugoslavia was to stay out of the war. 25 March 1941 Prime Minister Cvetković signed the Tripartite Pact, in which Germany guaranteed the fulfilment of the demands of Yugoslavia in three appendices⁴. «According to the first appendix Yugoslavia would have got exit to the Aegean Sea with the harbour of Salonica in the finalization of state borders – this was promised. With this the dream of Serbia would have come true»⁵. The second appendix was about guaranteeing sovereignty and territorial integrity. According to the third appendix Germany and Italy would not require military help from Yugoslavia in case of war⁶. But after signing the pact, probably with English assistance General Dušan Simović carried out a coup d'état, anti-fascist demonstrations started all over Serbia. 6 April 1941 Hitler attacked both Greece and Yugoslavia. The winners divided the country. Serbia came under the control of Germany due to its geographical location and important mining.

¹ Major N. Egy állameszme tündöklése és bukása. – Forum Könyvkiadó, 2013. P. 59–60.

² József J. Volt egyszer egy Jugoszlávia. – Aula Kiadó, 1999. P. 68.

³ Nándor M. Egy állameszme tündöklése és bukása. – Forum Könyvkiadó, 2013. P. 76.

⁴ Ibid. P. 84.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

After the invasion all hell broke loose. «In Yugoslavia for four years there was war not only against the invaders, but also among the partisans, Serbian Chetniks, Croatian Ustashas, Albanian leftists, Slovenian white guardsmen, Muslim legionaries, none of them spared the civil population. In parallel, intertwined with each other there was war of liberation, civil war, armed revolution going on, the social classes tried to settle the bill with each other»⁷. The fault line of the Balkans, which extends not only among great powers, but also the Slavic people, took the life of at least 1 million people in Yugoslavia according to more researches.

Until 1918 Russia and the Austro-Hungarian Monarchy struggled for the Balkans. After the First World War, France tried to put the northern part of the Balkans in its sphere of interest. This time Italian aspirations also appeared. The French were ousted by the economically stronger, geographically closely located Germany in the 1930's. In parallel with the outbreak of the Second World War the English tried to extend their influence towards the north (coup d'état of General Simović). After it became clear in the second phase of the war that the Germans and Italians had lost ground on the Balkans, England encountered the Soviet Union, which «tried to collect its imperial share of inheritance»⁸.

After the Second World War Great Britain lost its great power status, Europe and Yugoslavia was lying in ruins. The bipolar world was in formation, between the everything-winning USA and Soviet Union, which won and lost a lot. «But this uncertain situation offered many opportunities. In Yugoslavia Tito and the communists recognized them, and quickly established their system»⁹.

Yugoslavia in the bipolar world order

After 1945 strong alliance came into being between Yugoslavia and the Soviet Union. Yugoslavia created the network of declarations of friendship with the Eastern European states. With the Western powers

⁷ Ibid. P. 132.

⁸ Ibid. P. 138–139.

⁹ Mészáros Z. A korai titoizmus propagandája. – Életjel Kiadó, 2008. P. 49.

the relationship was tense, mainly due to territorial claims. Mainly the Yugoslav claims for Trieste became sources of conflicts with the Anglo-Saxon powers and Italy. The atmosphere of the Cold War left its mark on the Yugoslav-Soviet relations. Stalin wanted to homogenise and centralize the eastern block, wanted to put Yugoslavia into a dependent situation. Tito went against it¹. «Tito could do it due to the geographical location of the country, the lack of Soviet military presence and the outstanding internal support comparing to the other eastern European communist leaders»².

After the Cominform conflict of 1948 foreign policy was focused on improving the relationship with the West to get out of isolation. The western powers also had interests in getting Yugoslavia on their side, because with it the area closing Moscow from the Mediterranean, extending from Turkey to Italy can be completed, and the Italian and Greek communist movement can be controlled better. In 1951 the USA, England, France, in 1952 West Germany signed economic aid agreements with Yugoslavia. The aim of the Balkan Pact signed in 1954-1954 (declaration of friendship among Yugoslavia, Greece and Turkey, later alliance) was to tie Yugoslavia to the western block. But the alliance did not really work due to the disagreements of member states³.

Yugoslavia did not want to fit in any of the blocks; its aim was to create the group of countries outside the blocks, so he contacted the newly liberated African and Asian countries, India, Egypt and Indonesia. In the meeting of Brion 18-19 July 1956 Tito, Nehru head of the state of India, Nasser President of Egypt bound themselves to keep the principals of Bandung (anti-colonialism, peaceful coexistence). The death of Stalin allowed the normalization of Soviet relations, which broke again with the second Soviet-Yugoslav debate (1957–1961), which excluded the possibility to return to the socialist block for Yugoslavia. In 1962 the

¹ Juhász J. Volt egyszer egy Jugoszlávia. – Aula Kiadó, 1999. P. 124–126.

² Ibid. P. 126.

³ Ibid. P. 181–182.

Soviet Union acknowledged the international status of Yugoslavia. The aim of Moscow was to prevent Yugoslavia from becoming part of the West⁴.

After the deterioration of Yugoslav-Soviet relations in 1957 the attention turned to those countries that were outside the blocks. In 1961 the first congress of non-aligned countries was held in Belgrade. The Titoist Yugoslavia played a major role in the preservation of the third-way nature of the movement of non-aligned countries, which increased its international importance. «The transitional international status, the role played as opinion leader of the non-aligned countries and the active peace policy gave Yugoslavia an outstanding international reputation and authority in comparison with its size and economic weight»⁵.

With the end of the bipolar world Yugoslavia lost its particular international status and with the dawn of the non-aligned movement a scene of foreign policy. «For the beginning of the 1990's the great powers were constantly losing their interest towards Yugoslavia. The Soviet power efforts were gone, the old English and French rivals were not afraid of the German predominance. Moscow was concentrating on its inner problems and new connections with the West...»⁶. The great powers wanted to keep together Yugoslavia because their interest was to have foreseeable changes. After all the great powers let Yugoslavia fall apart.

The south Slavic crisis, channel the fault lines

Among the reasons of the collapse of Yugoslavia the temporary devaluation of the region on the scene of great power politics and the emerging inner conflicts can be mentioned. The personality of Tito was a centrifugal force, but after his death the centripetal forces reached the surface. The political climate also became tempestuous when Slobodan Milošević appeared on the scene. After the outbreak of the south Slavic war the great powers followed a

⁴ Ibid. P. 184.

⁵ Ibid. P. 186.

⁶ Ibid. P. 187–188.

«ocalizational» policy, their aim was to keep the new conflict of old basis within the region, to prevent the recurrence of 1914. The USA left the south Slavic issues to Europe for a time. But Europe could not agree on the aim of the interventional policy, it was a stalemate, which the USA could not stand in 1994–1995. The policy of localization was changed to the policy of intervention. On top of that the USA won a battle in its invisible war against Western Europe: it was proved, that Europe could not deal with a European regional conflict¹.

After the treaty of Dayton putting an end to the Bosnian war in 1995 several questions remained open, among which the most important was the Alban question and Kosovo. The USA, being afraid of the escalation of the conflict started the air strikes 24 March 1995. The motivation of NATO was more complicated. The aim was not only to force the compromise between Serbs and Albans (agreement of Rambouillet). «They wanted to represent the new role of NATO, assigning the place of other great powers, Russia and China in the new, evolving international order»².

After Milošević

After Milošević was overthrown by the key persons of the police, the wrangling of the Balkans continued. Serbia was at the crossroads in the beginning of the XXI century: on the one side joining the European Union, on the other keeping Montenegro and Kosovo. The aim was to achieve both. «Serbia insisted on keeping Montenegro because of two reasons. From the two getting exit to the sea was more important. The other: with Montenegro there is a greater chance to keep Kosovo»³. In case of Kosovo from the point of view of Serbia the spiritual, religious dimensions are of greater importance. «Kosovo does not have so much influence in world politics... that is why the luminaries of great powers are not worried about having and controlling it. ...Having Kosovo also lost its local importance to the beginning of the

¹ Ibid. P. 272–273.

² Ibid. P. 296.

³ Major N. Szerbia Milošević után I. – Forum Könyvkiadó, 2006. P. 74.

XXI century, as it does not mean a significant advantage in the relations of Balkan states»⁴. «It might be true, that the Serbian electors and the majority of the political elite want to join the European Union as soon as possible, but only if they accept the country as it is, without painful reforms and carrying the remnants of Milošević»⁵.

Russia, the traditional ally of Serbia approved that Serbia signed the pre-accession agreements with the European Union, and promised support for Serbia in the fight for Kosovo. The reasons of Russia are clear: «Russia would take a greater advantage of a Serbia growing in the European Union, fighting for its own interests there, than a Serbia hopelessly impoverishing, fighting with the Union from the outside»⁶.

Assessment

The fault line extending from the Baltic Sea to the Black Sea can be interpreted as the chessboard of the rivalry of great powers, scene of geopolitical games. Nationalisms of small nations easily fell victim to the assertion of interest of great powers. The small countries of the region have to accommodate to the movement of great tectonic plates of Earth, the great powers of a given period as we have seen in the processes of the XX century in case of the two world wars and the Cold War, in proportion to their geopolitical circumstances. The great powers according to their geopolitical aims use the tool of resurrecting or breaking down small national nationalisms. The Balkan region lost some of its importance for the short period of the unipolar world order, as there was no other power to counterbalance the USA, after the Soviet Union collapsed. In the rather multipolar world order of the XXI. century the value of the Balkan region was put up again, foreshocks can be experienced in eastern Europe. Fortunately the global earthquake has not occurred yet, we can rather talk about the clash of networks in the background.

⁴ Major N. Szerbia Milošević után III. – Forum Könyvkiadó, 2008. P. 27.

⁵ Major N. Szerbia Milošević után II. – Forum Könyvkiadó, 2007. P. 121–122.

⁶ Major N. Szerbia Milošević után III. – Forum Könyvkiadó, 2008. P. 158.

К. Р. Амбарцумян

(Северо-Кавказский федеральный университет)

УЧАСТИЕ ТУРЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРИЗНАНИИ СОЮЗА ОБЪЕДИНЕННЫХ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ДАГЕСТАНА В 1918 г.

В современной исторической науке оказалась востребованной тема возникновения государственных образований на Северном Кавказе после революции 1917 г. В условиях советской идеологической ангажированности беспристрастное обращение к этой проблеме было невозможно, но за последние два десятилетия сформировался комплекс кавказоведческих исследований, которые в той или иной степени касаются истории Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана¹. Большой вклад в изучение темы внесли авторы-составители сборника документов «Союз объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская Республика (1918–1920 гг.)»². Так как создание Союза горцев имело международный резонанс, то обращение к нему неизбежно происходит в контексте исследования Закавказья в политике стран Антанты и Четвертного союза³. При этом в

более тщательном рассмотрении и глубоком анализе нуждается роль Турции, для которой Северо-Кавказский регион является важной сферой реализации геополитических интересов.

Революция 1917 года стала одним из самых драматичных и переломных моментов российской истории XX века. Для многонационального Северного Кавказа свержение монархии явилось началом сложного этапа для народов, там проживающих, и попыток создания ими собственной государственности, спровоцировала подъем национального самосознания на окраинах⁴. А. И. Деникин в «Очерках красной смуты», указывая на масштабы и беспрецедентность происходящего, писал: «Северный Кавказ бушевал. Падение центральной власти вызвало потрясение здесь – более серьезное, чем где бы то ни было. Примиренное русскою властью, но не изжившее еще психологически вековой розни и не забывшее старых взаимных обид разноплеменное население Кавказа заволновалось»⁵.

В условиях государственного распада Российской империи организационную активность проявила горская интеллигенция, инициировавшая и возглавившая формирование суверенного государства. Так, во Владикавказе в марте 1917 года было принято решение о созыве съезда горских народов для обсуждения вопроса о национально-государственном образовании. 1–10 мая 1917 года прошел Первый съезд горских народов, принявший Конституцию

¹ См. например, диссертации: Месхидзе Д. И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1920 годы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб.: СПбГУ, 2006. 26 с.; Османов О. И. Возникновение, функционирование и ликвидация государственных образований на Северном Кавказе: исторический опыт (март 1917 – апрель 1920 гг.) (март 1917 – апрель 1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владикавказ: СОГУ, 2014. 26 с.; Доного М. М. Нажмуддин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века: дис. ... д-ра ист. наук. – М.: РАГС при Президенте РФ, 2008. 454 с.

² Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская республика (1918–1920): документы и материалы / отв. ред. А. И. Османов. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2013. 290 с.

³ Мамулия Г. Кавказ и державы Четвертного союза в 1918 г. // Nowy Prometeusz. 2013. Numer 5. S. 125–158.

⁴ Очерки истории Северного Кавказа. XX век. – Пятигорск; Ставрополь: ПГЛУ, 2014.

⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты [Электронный ресурс] URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/2_15.html (Дата обращения: 6.01.2015).

Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, был также сформирован Временный Центральный комитет, и после вхождения Абхазии в сентябре 1917 года он стал именоваться Горским правительством. Возглавил его чеченский нефтепромышленник Абдул Меджид (Тапа) Чермоев. На съезд собралось примерно 300 делегатов из разных частей Северного Кавказа. По мере углубления кризиса и нарастания политического хаоса в стране радикализировались планы Союза горцев: от поддержки Временного правительства и создания национально-территориальной автономии до полного отмежевания от Советской России. Ослабление и разрушение российского центра, который консолидировал край жесткостью своей политики, рождало ощущение свободы и опасение внутренних усобиц одновременно. Поэтому местные элиты старались придать нарастающему хаосу государственный порядок на региональном уровне.

Форсированное государственное строительство, возникнув стихийно, нашло негласную поддержку извне. Без опоры на авторитет крупного игрока на международной арене стремление к суверенитету было бы полной авантюрой. Осознавали это лидеры и активисты Союза горцев, поэтому поспешили консолидироваться с Турцией. Важным моментом в этом процессе была религиозная идентичность, которая в совокупности с политической ориентацией влияла на расстановку приоритетов северокавказских представителей. Она определяла тяготение к Турции и Азербайджану. В этой ситуации симптоматично следующее событие, предшествовавшее конференции. В конце марта 1918 года состоялось заседание мусульманских фракций Закавказского сейма и делегации от горцев Северного Кавказа. На повестке дня стоял вопрос о присоединении их к Закавказскому государству. Было очевидно, что Закавказская республика слаба по причине внутренней разобщенности, наибольшее понимание у горцев было достигнуто только с азербайджанской стороны. Помимо общей религии сближало и отношение к Турции, которую ни предста-

вители Азербайджана, ни Горское правительство, а отличие от армян или грузин, не воспринимали как источник опасности¹.

Следует отметить, что большую роль в процессе поддержки независимости Кавказа сыграла северокавказская диаспора в Турции, которую правительство всячески использовало для достижения своих целей в регионе. Оказавшись вне родины, представители народов Северного Кавказа не утрачивали своей идентичности, ощущали причастность к происходящим там событиям. Это использовали турецкие власти. Северокавказские представители становились экспертами в дипломатической и военной сферах, так как хорошо знали Северный Кавказ. Например, к диаспоре относился Юсуф-Изет-Паша – черкес по происхождению, главнокомандующий армией республики Союза горцев². Потомки черкесов в Турции занимали высокие посты и поэтому часто выступали лоббистами северокавказских интересов. Были и другие представители, которые не порывали связей с Северным Кавказом, например, осетин Бекир Сами-бей – сын генерала Муссы Кундухова.

В 1918 году к международной активности Горское правительство мотивировали закономерные опасения, что самостоятельно справиться с большевистским напором из России не удастся. С марта 1918 года министром иностранных дел молодой горской республики стал кумыкский политический деятель Гайдар Бамматов. В первую очередь о своей независимости Горское правительство уведомило Цен-

¹ Протокол заседания всех мусульманских Сеймовых фракций и делегации от горцев Северного Кавказа. 25 марта. 11 час. Тифлис. Дворец. // Протоколы заседаний мусульманских фракций Закавказского сейма и Азербайджанского национального совета 1918 г. – Баку: «Adiloğlu» nəşriyyatı, 2006.

² Поздравительная телеграмма командующего Армией Республики Союза горских народов Кавказа Юсуф-Изета-Паши на имя председателя правительства республики и военного губернатора по поводу освобождения Петровска. 20 апреля 1918 // Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская республика (1918–1920): документы и материалы. – Махачкала, 2013. С. 67–68.

тральные державы, то есть противников России в Первой мировой войне, и направление сообщения в Константинополь, Вену, Берлин, Софию. Турция стремилась, как минимум, контролировать ситуацию на Северном Кавказе, так как исторический противник в борьбе за регион – Россия – была в глубочайшем кризисе, поэтому Османское правительство шло на диалог с непризнанным правительством.

В «Воспоминаниях о Кавказе» Мустафы Бутбая, отправленного турецкой властью на Северный Кавказ в 1918 году для выяснения политической обстановки, отмечаются геополитические надежды и амбиции слабеющей Турции и говорится, что после войны, потеряв ряд владений на Востоке, она хотела восполнить потери землями на побережье Черного моря. В первую очередь претендовала на Батумский округ, а в более поздней перспективе рассматривалось создание на Северном Кавказе Мусульманского государства, буферного между турецкой и российской границей¹.

Называемые автором дневника причины для вмешательства в дела Северного Кавказа во многом продиктованы пониманием турецкими властями того, что другого такого момента для вмешательства не будет². Например, одним из оснований таких ожиданий был пункт доктрины В. Вильсона, в котором говорилось о таком условии мирного и справедливого мирового развития, как освобождение всех русских территорий и т. д. Этот тезис был актуален для Кавказа, и Турция бралась разъяснить его кавказским народам, что позволяло ее эмиссарам проникать на кавказскую территорию, бывшую недавно частью России. Кроме того, как побежденная в мировой войне сторона, Турция пыталась «педалировать» вопрос об опасности потери независимости и свободы для народов региона. Это был существенный повод для ведения антиросийской пропагандистской кампании. Стимулировало активность Турции на Кавказе и то обстоя-

тельство, что с территории этого региона постоянно направлялись делегации с разными задачами³.

После большевистского переворота Союз горцев не признал власти Совета Народных Комиссаров, стало усиливаться турецкое влияние. В нагорной части Дагестана велась проповедь панисламизма, между большевиками и Турцией металась Чечня⁴. Независимость Северного Кавказа для Османской империи была лишь ширмой для собственного усиления в регионе, с этой же целью планировалось создать здесь зависимое буферное государство. Отсутствие опыта государственности, разобщенность кавказских обществ, их противостояние и маломощность не оставляли сомнений, что им так или иначе понадобится покровитель.

Таким образом, под влиянием комплекса обстоятельств северокавказское направление внешней политики Турции актуализировалось. Возвращаясь к фактору северокавказской диаспоры, следует обратить внимание, что в Турции было создано Северо-Кавказское политическое общество, которое полностью оказалось во власти двух османских государственных деятелей Энвер-паши, идеолога и практика пантюркизма, и Талат-паши. Вышеупомянутый Мустафа Бутбай писал, что они в рамках одной организации пытались соединить исламистские и националистические цели⁵.

Мы видим, что волею обстоятельств политическая судьба Кавказа стала важным международным вопросом только что родившейся советской республики. Практически с завершением Брест-Литовских переговоров 1 марта 1918 года начала свою работу Трапезундская конференция, которая должна была разрешить противоречия сугубо между Турцией и Закавказьем. Турция затягивала начало работы и ожидала подписания мирного договора с Россией, чтобы окончательно развязать себе руки. Уже 7 марта 1918 г. исполняющий обязанности великого ви-

¹ Мустафа Бутбай. Воспоминания о Кавказе. – Махачкала, 1993. С. 5–6.

² Мустафа Бутбай. Указ. соч.

³ Там же. С. 6.

⁴ Деникин А. И. Указ. соч.

⁵ Мустафа Бутбай. Указ. соч. С. 6–7.

зия Энвер-паша заявил в палате депутатов, о том, что поспешит признать все автономные правительства Кавказа¹. Однако на Трапезундской конференции камнем преткновения стал Брестский договор и территориальные проблемы, из него вытекающие. Закавказское правительство не признавало этого «позорного» мира, а Порты настаивала на том, что, не участвуя в Брест-Литовских переговорах, представители Закавказья автоматически признали себя частью России, а значит, должны были признать и договор. Турция также требовала отказаться от санджаков Батума, Ардагана и Карса и только в этом случае она признавала независимость Закавказья².

Трапезундская конференция для Союза Горцев стала международной площадкой, на которой он смог заявить о себе. Делегация, прибывшая в составе Абдул-Меджида (Тапы) Чермоева, Мухаммад-Кади Дибирова и Гайдара Бамматова представила проект Кавказской федерации. Горские лидеры заявили о политической целостности Кавказа и необходимости консолидации³. Они прекрасно осознавали, что независимость для Северного Кавказа довольно относительна, поэтому о полной самостоятельности не говорили. В своем выступлении министр иностранных дел Союза Горцев Гайдар Бамматов акцентировал внимание на необходимости единения всего Кавказа, что, по его мнению, диктовалось географическими, экономическими, стратегическими и политическими факторами.

Примечательно, что из Трапезунда делегация отправилась в Стамбул, прощаясь надеяться на помощь Турции в деле международного признания независимости. В своем дневнике Мустафа Бутбай упоминает этот визит. До отъезда на Кавказ он встречался с Т. Чермоевым и Г. Бамматом, а также с представителем абхазского национального совета и Севе-

ро-Кавказского правительства Симоном Басарией. Именно общение с ними подвигло его к поездке в Северо-Кавказский край⁴. Из Стамбула представители Союза горцев выехали в Батум вместе с турецкой делегацией, что уже означало их особый статус и наличие поддержки. Из телеграммы главнокомандующего турецкой армией на Кавказском фронте Вехиб-паши, адресованной Закавказскому правительству следует, что Северный Кавказ уже ратифицировал свою независимость перед имперским правительством и что на предстоящих переговорах будут предприняты шаги к объединению⁵.

В мае 1918 г. открылась Батумская конференция. Состав участников был шире, нежели на переговорах в Трапезунде, так как прибыл представитель германской стороны – генерал-майор Отто фон Лоссов. Выражая мнение военных кругов Берлина, которые были сторонниками более решительной политики в отношении как большевиков, так и Турции, он являлся противником экспансионистских планов младотурок на Кавказе, считая главной задачей турецкой армии операции против англичан в Северном Иране⁶.

Представитель Турции на Батумских переговорах, министр юстиции Халил-бей первым обратился к делегации Закавказья с вопросом о возможности участия горцев в работе конференции и прокомментировав, что он не будет возражать⁷. После

⁴ Мустафа Бутбай. Указ. соч. С. 7.

⁵ Из телеграммы Главнокомандующего Кавказским фронтом Турецкой Армии Вехиб-Махмуд-Паши на имя председателя Закавказского Правительства о признании его правительством независимости Закавказской республики и объявлении горскими народами о своей независимости // Там же. С. 38.

⁶ Телеграфное сообщение германского посла в Османской империи Бернсторфа в МИД Германии от 23 мая 1918 // Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества: документы и комментарий / Ю. Г. Барсегов. – М.: Гардарики, 2005.

⁷ Стенограмма предварительного заседания представителей делегаций, прибывших на Батумскую конференцию по вопросу допуска делегации Горской республики на конференцию. 9 мая 1918 // Союз объединенных горцев Северного Кавказа и

¹ Известия. 1918. 9 марта (№ 44).

² АВР РФ. Ф. 4. Оп. 1. Папка 321. Д.54836. Л.72.

³ Баммат Г. Кавказ и русская революция (с политической точки зрения). – Махачкала: [б.и.], 2000.

этого согласие Закавказского правительства было чистой воды формальностью. Обсуждения на предварительном заседании, возникшие по инициативе Турции, имели целью только разобраться, в каком качестве будет участвовать делегация от Союза горцев – как часть Закавказской республики или как самостоятельное государство. Гайдарбек Бамматов настаивал на том, что объединение с Закавказьем возможно только после международного признания независимости Союза горцев, поэтому вынести на обсуждение предлагал именно эту проблему. Подчеркивалось, что предварительно вопрос о гарантиях независимости уже обсуждался с Халил-беем и на тот момент он уже располагал заверением Порты в поддержке.

При этом Г. Бамматов осторожно подчеркнул, что помощь Турции не безусловна, а возможна в случае «осложнения с Севера». Более того, он категорически отверг факт заявления о независимости Союза горцев и назвал телеграмму Вехиба-паши, о которой говорилось ранее, недоразумением¹, что звучит странно. Будучи в Стамбуле, они не могли не вести речи о самостоятельности с турецким правительством. Так, Мустафа Бутбай описывает Г. Бамматова как ярого поборника кавказской независимости². При всей активности участия Турции в судьбе горцев формирование независимого государства для международного сообщества должно было выглядеть максимально самостоятельным процессом. 8 мая 1918 года был заключен договор с Императорским Османским правительством, согласно которому турецкая сторона брала обязательства в отношении «политических стремлений народов Северного Кавказа»³.

Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская республика (1918–1920): документы и материалы. – Махачкала, 2013. С. 70.

¹ Там же. С. 73–74.

² Мустафа Бутбай. Указ. соч. С. 9.

³ Письмо члена Горского правительства Г. Бамматова поверенному в делах Австро-Венгрии в Турции барону Чилаки с просьбой признать независимость Горской республики. Не ранее 9 мая 1918 года // Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская

Что касается восприятия России, то участники Трапезундской и Батумской конференций не брали ее в расчет. По замечанию грузинского дипломата Зураба Авалова, Россия в период Батумских переговоров была страной далекой, ситуацию он описывал так: «...обширные и неустроенные пространства отделяли пока Закавказье от истинных центров Советской России, хотя аванпосты ее были разбросаны по близости»⁴. В самый разгар работы Батумской конференции германское правительство предложило в Москве свое посредничество с целью примирения Закавказья и Советской России. Однако в Батуми советский представитель так и не прибыл.

Реакция Советской России на независимые контакты горского представительства с Османским государством не заставила себя ждать. Отсутствие советских представителей не означало индифферентности к происходящему или полного бессилия. 30 мая 1918 г. турецкий посланник Халиб Кемаль бей получил соответствующую ноту Г. Чичерина. В ней подчеркивалось, что далеко не всё население Северного Кавказа поддерживает действия Г. Бамматова, Т. Чермоева и их сподвижников. В прилагаемых к ноте документах заседаний Совета Терской области выражался протест против участия Северного Кавказа в отделении Закавказья от России⁵. Большевики приложили максимум усилий в национально-государственном строительстве в регионе с целью вернуть его в орбиту российского и советского влияния. Они хотели предотвратить отделение Кавказа от Советской России. Совет Терской области, объединивший чеченское, кабардинское, осетинское, ингушское и казацкое население, указал, что Совет никого и никуда не делегировал,

республика (1918–1920): документы и материалы. – Махачкала, 2013.

⁴ Авалов З. Независимость Грузии в международной политике 1918–1921 гг.: Воспоминания. Очерки. – Париж, 1924. С. 52.

⁵ Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел Турецкому Посланнику Халиб Кемаль бею // Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959. С. 335–338.

соответственно договоренности Горского правительства не признавал легитимными.

Большевики упорно настаивали на том, что в пользу независимости выступает меньшинство (в основном Г. Бамматов и Т. Чермоев), «опекаемое «захватчиками-империалистами»¹. Пропаганда внутри страны старалась муссировать темы национального, религиозного шовинизма, социального расслоения. Вместе с тем конкретно турецкое влияние не озвучивалось². Со своей стороны Горское правительство настаивало на том, что оно реализует право на самоопределение, которое большевики сами же им даровали в «Декларации прав народов России». Вероятно, в контексте недавно заключенного мирного договора с Турцией и в связи с легитимной возможностью народов отделяться, большевики не настаивали на турецком влиянии, а акцентировали внимание на том, что Горское правительство не признается населением Северного Кавказа.

В дальнейшем Г. Бамматов был назначен в Турцию дипломатическим представителем и уже на этом поприще пытался расширить круг государств, признавших Союз горцев. Но сделать это не удавалось, и Турция оставалась единственным союзником и другом, причем с целым рядом собственных проблем. Письма, адресованные Т. Чермоеву, доказывают германскую политику сдерживания, которая допускала только неофициальную отправку на Северный Кавказ турецкого оружия и инструкторов. Постепенно исчезали иллюзии эффективности помощи: «Тапа, мы не можем решительно ни на что надеяться, если с теми немногими средствами, которые мы получили и получим от Турции, мы не организуемся внутренним образом и наши народы не покажут своими действиями, что с ними нужно считаться»³. Более

того, в августе 1918 года было очевидно, что Германия лучше осведомлена о делах Кавказа, чем Турция⁴.

Активность Горского правительства на международной арене сочеталась с полным неприятием его в России, причем как со стороны большевиков, так со стороны А. И. Деникина. В этой ситуации поддержка, оказываемая Горскому правительству Турцией, придавала авторитетности и заставляла уделять ему больше внимания. И представители разных политических сил ассоциировали Горское правительство именно с Османской империей. Советские источники настойчиво утверждали, что горцам чужды идеи, проповедуемые руководителями Союза горцев, что население на стороне большевиков. При всей тенденциозности и пропагандистском характере подобных заявлений они были не лишены оснований. Ярый противник большевиков А. И. Деникин также утверждал, что Союз горцев Северного Кавказа не имеет под собой единой поддержки населения, которое было разобщено. Единственным источником существования «союзного правительства», по версии А. И. Деникина, были деньги чеченца Топы Чермоева, богатого нефтепромышленника. Горцы были оторваны от края и занимались политикой за его пределами. Пока они призывали «варягов последовательно в лице турок, немцев, англичан, грузин» Северный Кавказ разрешал свои вопросы самостоятельно⁵.

Кавказские социал-демократы, в частности С. Аркоменд (Г. Караджан), также обращали внимание на связь Союза горцев с Турцией, видели в нем её агентов⁶. Борец за советскую власть в Дагестане А. Тахо-Годи обвинял Горское правительство в том, что в результате именно его политики в Дагестане появились турки, которые шли туда «не ради прекрасных глаз Чермоева», а под влиянием исторических задач своей кавказской политики⁷.

¹ Известия. 1918. 16 мая (№ 96).

² См. например: Кавказские шовинисты // Известия. 1918. 21 мая (№ 364).

³ Письмо дипломатического представителя Горского правительства Г. Бамматова председателю правительства А. Чермоеву о политике Германии и Турции в отношении Кавказа и России // Союз объединенных горцев ... С.93.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ Деникин А. И. Указ. соч.

⁶ Аркомед С. Т. Материалы по истории отпадения Закавказья от России. – Тифлис, 1931. С. 92.

⁷ Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. – Махачкала, 1927. С. 78.

Таким образом, вовлеченность Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана в международные отношения стала следствием не только ослабления России, но и активной поддержки Турции. Именно её протекция вовлекла Горское правительство в международные диалоги и вела их под ее прикрытием. И Турцией, и Закавказьем Северный Кавказ мыслил-

ся как буферная зона и как часть Большого Кавказа, но никак не суверенное государство. Поэтому в этом контексте признание независимости Союза горцев в контексте завершения Первой мировой войны выглядит целью утопичной. Поражение Турции в войне привело к ослаблению влияния на Кавказе и соответственно к реорганизации Горского правительства.

С. В. Кретинин

(Воронежский государственный университет)

ПРАВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НЕМЦЕВ В ВЕНГРИИ И РУМЫНИИ В ПОЛИТИКЕ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В 1930-е гг.

После окончания Первой мировой войны более 10 млн этнических немцев оказались обособленными в рамках новых границ, в частности на территории Венгрии и Румынии.

Немцы были третьей по численности этнической группой в Румынии после венгров (7,7 %), и составляли, по данным на 1940 г., более 976 тыс. чел. (6 %)¹. На отошедших после 1918 г. Венгрии территориях проживало до войны 1,5 млн немцев. После 1918 г. их численность сократилась до 750 тыс. человек².

И в Венгрии, и в Румынии немцы подвергались притеснениям по национальному признаку в рамках политики мадьяризации и романизации³. В такой ситуации они находились к моменту прихода Гитлера к власти в Германии.

¹ АВПРФ. Ф. 125. Оп. 22. П. 31. Д. 31. Л. 31.

² Tilkovszky L. *Zeitgeschichte der Ungarndeutschen seit 1919: mit einer Vorgeschichte*. – Budapest, 1991.

³ Подробнее см.: Кретинин С. В. *Немецкое население Румынии в конце 1930-х – начале 1940-х гг.: общественно-политические настроения, отношения с властями, проблема переселения в Германию // Кавказ – Карпаты – Балканы: геополитические, этноконфессиональные, региональные и локальные компоненты национального менталитета населения в XVIII–XX вв.: материалы Международной научной конференции / отв. ред.: И. В. Крючков, К. В. Никифоров, Ф. Саваи. – Ставрополь, 2015. С. 43–46.*

Нужно отметить, что до середины 1920-х гг. к этническим немцам в Германии активно применялось понятие «заграничные немцы» (*Auslandsdeutsche*). В 1930-е гг. ситуация изменилась, и оно было заменено понятием «этнические немцы» (*Volksdeutsche*), что несло в себе важный идеологический посыл к лицам немецкой национальности: они считались не просто немцами, проживающими «за границами» Германии, а, напротив, трактовались как «младшие братья», о которых «*Vaterland*» помнил и заботился⁴. Важнейшей институцией по «обработке» фольксдойче в Венгрии, Румынии и других странах было Центральное управление по делам этнических немцев (*Volksdeutsche Mittelstelle – VoMi*), находившемуся под формальным патронатом Р. Гесса. Как отмечает О. Ю. Пленков, именно «расизм был тем основанием, которое составляло гитлеровское видение мира»⁵.

⁴ Kessler W. *Die «Ostforschung» und die Deutschen in Polen // Nordost-Archiv*. 2000. Н. 2. S. 409. См. также: Кретинин С. В., Некрасова Т. А. Рецензия на книгу: Экерт А. *Между Исследованием Востока и Восточноевропейской историей. К биографии историка Готхольда Руде (1916–1990)* (Оснабрюк, 2012. 330 с.) // *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. 2014. № 2. С. 120–125.

⁵ Пленков О. Ю. *Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм*. – СПб., 1997. С. 550.

В 1933 г. Р. Гесс создал Немецкий народный совет во главе с Карлом Хаусхофером. Этот орган играл координирующую роль. Фактически Совет находился под контролем аппарата СС. В 1935 г. появилось Бюро Отто фон Курзеля, на смену которому пришло VoMi. Его создание должно было предотвратить межпартийную борьбу среди заграничных немцев.

В апреле 1933 г. Ассоциация немцев за границей сменила – под давлением из Германии – название на Народный союз немцев за границей. Его председателем был избран видный австрийский защитник прав немецкого населения и сторонник великогерманской идеи Ганс Штайнахер, который отличился во время борьбы за Каринтию в 1919–1920 гг. Он пытался сохранить независимость организации от нацистской Германии, но без успеха. Союз превращался в орудие внешней политики гитлеровской Германии, а сам Штайнахер был вынужден в 1937 г. оставить пост председателя¹.

С 1937 г. вопросами заграничных немцев занималось VoMi, бессменный руководителем которого был Вернер Лоренц, назначенный по рекомендации Г. Гиммлера². С 1938 г. Лоренц возглавил Народный союз немцев за границей, и таким образом национал-социалистическая политика по отношению к заграничным немцам полностью перешла в руки СС.

Основной сферой VoMi было распространение национал-социалистической идеологии на районы, населенные этническими немцами, что предполагало также проведение разведывательной и подрывной деятельностью, финансирование прогерманских организаций и деятелей среди заграничных немцев. Наиболее важной задачей управления стало осуществление переселенческой политики Третье-

го рейха, за что отвечал лично Гиммлер. VoMi пытались вмешиваться в деятельность германского МИДа в конце 1938 г. – начале 1939 г. по вопросам немецкого национального меньшинства.

Позднее, в 1939 г. в рамках СС и по личному приказу Гитлера, был создан Рейхскомиссариат по консолидации немецкого народа (Reichskommissars für die Festigung deutschen Volkstums – RKFDV). Рейхскомиссариат координировал работу главного управления СС по вопросам расы и поселения и главного управления по делам этнических немцев. Его основной задачей было расселение немцев на «новых территориях», проведение репатриации этнических немцев, а также экспроприация собственности в оккупированных странах и отправка в Германию рабочей силы³.

Посредством VoMi и других контролируемых ими организаций германские нацисты старались интегрировать немецкие национальные меньшинства в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в объединения, союзы, партии. Поддерживались дружественные национал-социализму движения. Примерами тому были не только развитие ситуации в Чехословакии, где создание массового национально ориентированного движения судетских немцев имело соответствующую базу и предпосылки.

Развитие немецкого националистического движения в Венгрии проходило по аналогичному сценарию для многих других стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, обретших свои новые границы с большим количеством национальных меньшинств.

После окончания Первой мировой войны немцы в Венгрии, так же как и их соотечественники в других частях бывшей Австро-Венгрии, вели борьбу за самоопределение. 6 декабря 1918 г. в Западной Венгрии, населенной преимущественно немцами, произошло самопровозглаше-

¹ Luther T. Volkstumspolitik des deutschen Reiches 1933–1938: Die Auslandsdeutschen im Spannungsfeld zwischen Traditionalisten und Nationalsozialisten. – Stuttgart, 2004. S. 159.

² Подробнее об этом см.: Хавкин Б. Л. Рейхсфюрер СС Гиммлер. Второй после Гитлера. М., 2014. С. 116–128. См., так же: Кретинин С. В., Некрасова Т. А. Банальность зла // Родина. 2014. № 6. С. 107.

³ См.: Heinemann I. Rasse, Siedlung, deutsches Blut. Das Rasse- und Siedlungshauptamt der SS und die rassenpolitische Neuordnung Europas. – Göttingen, 2003.

ние республики Хайнценланд. Наряду с этой республикой возник Народный совет немцев Венгрии во главе с профессором Я. Блейером, который выступал против выхода немцев из состава Венгрии. В 1924 г. Блейер возглавил Народный просветительский союз венгерских немцев, который боролся за сохранение национальной идентичности фольксдойче в стране, против мадьяризации. Союз был лоялен режиму Хорти, но после смерти Блейера в 1933 г. в его руководстве возобладали сторонники «немецкого братства» Франца Антона Баша. Созданный в 1938 г. Народный союз немцев в Венгрии находился под сильным влиянием национал-социалистических идей, получал поддержку из Берлина, но сохранял лояльность Венгерскому государству, ставшему союзником Гитлера¹. В 1940 г. Баш был назначен Гитлером фольксgruppenführером немцев в Венгрии². И его Союз стал единственным «для всех немцев объединением»³.

Специфика ситуации в Венгрии состояла в том, что местные немцы должны были выступать союзниками режима Хорти. Речь об их массовом переселении в Германию не шла. Напротив, после Венских арбитражей 1940 г. в составе Венгрии оказалось более 300 тыс. немцев Трансильвании⁴.

Сторонники Баша были привлечены к приему и размещению немецких переселенцев из бывших румынских территорий, в первую очередь – Бессарабии. Так, 1 октября 1940 г. прибыл первый транспорт с немцами из Северной Буковины в Будапешт, где его встретила и обслуживала организация немецкого Союза⁵.

¹ Seide G. Die Deutschen in Ungarn zwischen den beiden Weltkriegen // Ungarn-Jahrbuch. – München, 1974/75. Bd. 6. S. 155–156; Spannberger N. Der Volksbund der Deutschen in Ungarn 1938–1944 unter Horthy und Hitler. – München, 2002.

² Neue Deutsche Biographie. Bd.1.– Berlin, 1953. S. 612.

³ АВПРФ. 125. Оп. 22. П. 20. Д.37. Л. 57.

⁴ Подробнее см.: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг. Документы российских архивов. – М., 2000.

⁵ АВПРФ. 125. Оп. 22. П. 20. Д. 37. Л. 194.

В несколько иных условиях происходило развитие пронацистского движения в Румынии. Здесь немцы создали ряд организаций право-националистического толка. Крупнейшей стало так называемое «движение возрождения» (Erneuerungsbewegung), ориентировавшееся на национал-социалистическую Германию. «Возрожденцы» во главе с Ф. Фабрициусом, подобно «молодым» и младонемцам в Польше, боролись с «консерваторами» апеллируя при этом к германскому руководству. Внутри возрожденцев выделилось радикальное национал-социалистическое крыло В. Густа – А. Бонферта. В ситуацию в 1938/39 гг. было вынуждено вмешаться VoMi и лично Гиммлер. Радикалы были дезавуированы и исключены из организации румынских немцев. В период массового переселения этнических немцев с румынских территорий (1940–1941 гг.) «фюрером» румынских немцев официально был назначен представитель VoMi Андреас Шмидт, который сменил не устраивавшего Берлин Вольфрама Брукнера. Шмидт согласовывал свои действия с германским послом в Румынии М. фон Киллингером⁶.

Немцы в Румынии, так же как и Венгрии, были обязаны проявлять подчеркнутую лояльность государственному режиму. Шмидт писал: «Сегодня мы идем плечом к плечу с легионерским движением. Наша связь с ним не официальная, а дружественная... в духе национал-социализма»⁷.

Подчеркнутая «дружба» между нацистской Германией и авторитарными режимами Венгрии и Румынии проявились и в еврейском вопросе. Так, когда в сентябре 1940 г. Антонеску обратился к румынам с призывом о «корректном отношении к национальным меньшинствам», то речь шла

⁶ Подробнее см.: Broneske O. Deutsches Schicksal in der Fremde. – Stuttgart, 1976; Lang P. Nationalsozialistische Indoktrination der Deutschen in Rumänien, 1932–1944. – Frankfurt / Main, 2008; Schmidt U. Bessarabien. Deutsche Kolonisten am Schwarzen Meer. Deutsches Kulturforum östliches Europa e.V. – Potsdam, 2008. S. 307–308; Schüller S. O. Für Glaube, Führer, Volk, Vater- oder Mutterland? Die Kämpfe um die deutsche Jugend in rumänischen Banat (1918–1944). – Berlin, 2009.

⁷ АВПРФ. 125. Оп. 22. П. 20. Д. 37. Л. 112.

лишь о немцах и итальянцах. В частности, во всех румынских школах с 1 октября 1940 г. было введено обязательное изучение немецкого языка.

Применительно к евреям политика была качественно иной. По данным советской резидентуры в Румынии, там началась широкая антисемитская кампания, в частности, бойкот евреев. «Христиане, не входите: Здесь жидовский магазин»¹ – такими вывесками пестрел Бухарест.

Таким образом, внешнеполитические структуры нацистской Германии про-

водили сходную политику в отношении фольксдойче в странах Центральной Восточной и Юго-Восточной Европы. Главной целью было установление контроля над немецкими этническими группами, в первую очередь над их политическими организациями. При этом официальный Берлин стремился избегать конфликтов с властями Венгрии и Румынии, которые рассматривались в качестве потенциальных союзников. Этим объясняется отсутствие должной поддержки радикальным национал-социалистическим группам.

А. П. Сальков

(Белорусский государственный университет)

ПРОБЛЕМА СЛОВАЦКИХ МАДЬЯР В СОВЕТСКО-ВЕНГЕРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ И РЕАЛИЗАЦИИ ЕЕ РЕШЕНИЙ (ИЮЛЬ 1946 – ОКТЯБРЬ 1948 гг.)

183

На Парижской мирной конференции 1919 г. вопреки продекларированным этническим принципам в состав Чехословакии (ЧСР) были включены земли с почти миллионным венгерским населением, которое компактно проживало в Южной Словакии и Подкарпатской Руси. После Мюнхенской конференции (29 сентября 1938 г.) Будапешт предъявил Праге ультиматум о передаче Венгрии без переговоров районов с мадьярским населением. В условиях появления автономной Словакии события все же привели к двусторонним переговорам. Они состоялись 9–13 октября 1938 г. в Комарно, но закончились провалом. Следующим этапом решения проблемы стал Венский третейский суд 2 ноября 1938 г. Его решением Венгрии передавались 10,3 тыс. кв. км словацкой территории с населением более 850 тыс. чел., 59 % которого составляли венгры. Новая венгеро-словацкая граница де-факто Москвой была признана. В результате острейшего

политического кризиса середины марта 1939 г. Словакия провозгласила независимость, Германия оккупировала «Вторую республику», Венгрия – словацкую Карпатскую Украину².

Германо-словацкий Охранный договор (18–23 марта 1939 г.) и словацко-венгерская война (23–26 марта 1939 г.) привели к оккупации Германией обширной зоны в Западной Словакии и очередной аннексии Венгрией части Восточной Словакии. В условиях начавшейся Второй мировой войны Берлин сделал спор между Словакией и Венгрией объектом политического торга, что стало одной из причин их присоединения в ноябре 1940 г. к Тройственному пакту. После Сталинградской битвы и Венгрия, и Словакия начали искать пути выхода из войны на стороне «оси». Однако в октя-

² Сальков А. П. Проблема границ и национальных меньшинств в чехословацко-венгерских отношениях (ноябрь 1918 – март 1939 г.) // Российские и славянские исследования: сборник научных трудов / А.П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.). Вып. VII. – Минск, 2012. С. 9–28.

¹ АВПРФ. 125. Оп. 22. П. 20. Д. 35. Л. 30.

бре 1944 г. обе страны были оккупированы Германией, что лишило их возможности бороться за реализацию ревизионистских программ. В антифашистском блоке с началом мировой войны проблема возврата утраченных Словакией в пользу Венгрии земель перешла в плоскость отношений чехословацкого эмигрантского правительства с союзниками. Э. Бенеш выдвинул принципы непризнания решений Мюнхенского соглашения и Первого Венского арбитража, связывая проблему границ с возможностью выселения из ЧСР национальных меньшинств. Венцом этих идей стал советско-чехословацкий договор 12 декабря 1943 г. и устные договоренности с И. В. Сталиным о возможности выселения немцев и венгров. С осени 1944 г. начали реализовываться постановления Словацкого национального совета, предусматривавшие дискриминационные меры по отношению к венграм. Результатом визита Э. Бенеша в СССР в марте 1945 г. стало согласие Москвы на трансфер из ЧСР немецкого и венгерского населения¹.

События мая – сентября 1945 г., связанные с антивенгерскими акциями в Словакии, потсдамскими решениями и подготовкой к I сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) свидетельствовали о том, что Чехословакии не удалось явочным образом реализовать свои намерения полностью избавиться от венгерского меньшинства. Основным способом решения проблемы становился обмен населением, однако вовсе не такого масштаба, как предполагала Прага, преувеличивавшая количество словаков в Венгрии. Фактом было примерно пятикратное превосходство численности словацких венгров над венгерскими словаками. Переговоры проходили в Праге 3–6 декабря 1945 и 6–10 февраля 1946 г. В результате 27 февраля 1946 г. в Будапеште было подписано венгеро-чехословацкое соглашение о равноценном обмене населением, кото-

¹ Сальков А. П. Словацко-венгерский национально-территориальный конфликт и международные отношения в Карпато-Дунайском регионе (март 1939 – май 1945 гг.) // Там же. Вып. VIII. – Минск, 2013. С. 68–96.

рое вводило известные правовые нормы вместо произвольной депортации. В это время в формате СМИД шло согласование текста мирного договора с Венгрией. Прага потребовала от Будапешта дополнительного (сверх квоты по договору о переселении) принятия еще 200 тыс. словацких мадьяр. Венгрия готова была принять и их, но только «вместе с землей», на которой они проживали. Стремление венгерской дипломатии получить поддержку или хотя бы понимание у советской стороны не принесли результатов. Однако обещания и недомолвки Москвы сохраняли у Будапешта некоторые иллюзии. Они рассеялись по результатам визита в СССР чехословацкой делегации накануне открытия Парижской мирной конференции (ПМК) – Москва полностью поддержала планы ЧСР по выселению всех венгров из Словакии².

Венгерско-словацкий конфликт в формате Парижской мирной конференции (июль – октябрь 1946 г.)

Сразу после начала ПМК (29 июля – 15 октября 1946 г.) венгерский посланник в Москве Дьюла Секфью 31 июля составил доклад о планах ЧСР на конференции и советской точке зрения на ее требования³. 1 августа венгерский посланник в Париже Пал Ауэр, который координировал подготовку Венгрии к форуму, передал в американское посольство пожелание, чтобы США поддержали идею пересмотра венгерско-чехословацкой границы и выступили посредником билатеральных переговоров двух стран. Такой вектор активности не был случайным – в начале августа министр иностранных дел СССР В. М. Молотов в выступлении по советскому радио выразил поддержку намерениям Чехословакии выселить в Венгрию своих

² Сальков А. П. СССР и решение проблемы Верхней Венгрии (Южной Словакии) в период подготовки Парижской мирной конференции (май 1945 – июль 1946 г.) // Там же. Вып. IX. – Минск, 2014. С. 61–82.

³ Szekfű Gyula követ és moszkvai magyar követség jelentései (1946–1948) / György Lázár, Gecsényi Lajos (szerkesztette). – Budapest : Magyar Országos Levéltár, 1998. 96–98. old.

мадьяр¹. Это прибавило Праге решимости. Министр иностранных дел ЧСР (с 5 апреля 1945 по 10 марта 1948 г.) Ян Масарик не мог скрыть своего раздражения в адрес немецкого меньшинства в Богемии и венгерского в Словакии. Выступая на пленарном заседании ПМК 2 августа, он заявил, задавая тональность всей работе своей делегации: «Нам давно надоели интриги, связанные с меньшинствами»².

Защита прав мадьярского меньшинства в ЧСР была одной из главных забот и венгерской делегации, распространившей проект своего меморандума для ПМК. Заведующий отделом балканских стран НКВД А. А. Лаврищев направил первому заместителю министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому письмо с оценкой этого проекта, который «по содержанию не отличается от венгерских меморандумов, врученных СМИДу в июне». Лаврищев особо выделил предложения о предоставлении словацким мадьярам прав национального меньшинства, либо о передаче части территории ЧСР с этим населением в руки Венгрии, либо о проведении плебисцита в районах проживания венгров³.

Глава венгерской делегации на ПМК, министр иностранных дел Венгрии (с 22 декабря 1944 по 31 мая 1947 г.) Янош Дьендьёши выступил на пленарном заседании конференции 14 августа 1946 г. Он привел развернутую и весьма эмоциональную картину преследования мадьяр в Чехословакии – изгнание с конфискацией имущества, лишение всех гражданских и социальных прав, тотальный запрет на использование венгерского языка во всех сферах, ликвидация системы образования на родном языке. Он подчеркнул, что Будапешт позволил чехословацкой миссии в составе 700 человек в течение шести недель проводить беспримерную пропагандистскую кампанию среди венгерских

словаков с использованием венгерского радио, прессы, наглядной агитации и массовых собраний. В результате количество венгерских словаков, согласившихся на переезд в ЧСР, составило только 1/8 от общей численности словацких мадьяр. Дьендьёши доказывал, что венгерское меньшинство не сыграло, в отличие от судетских немцев, значительной роли в событиях 1938 г. Более того, именно словацкие венгры выступали против введения фашистского режима в Словакии в 1939 г. В заключение, защищая права своих соотечественников в ЧСР, он заявил: «Земля и тот народ, который обрабатывал ее в течение веков, неразрывно связаны друг с другом... Если Чехословакия хочет сохранить за собой территорию, где проживают венгры, то пусть она сохранит также и венгров и пусть предоставит им всю полноту прав человека и гражданина»⁴.

20 августа 1946 г. В. М. Молотов принял Я. Дьендьёши в Париже в связи с подготовкой проекта мирного договора с Венгрией. Речь зашла и о дополнительном трансфере 200 тыс. венгров из ЧСР, но диалог не заладился. Молотов говорил, что Москве «было трудно отказать чехам в этой просьбе». Дьендьёши утверждал, что это «не внутренний вопрос чехословацкого государства, а международный вопрос, вопрос человеческих прав». Молотов переводил разговор на результаты соглашения об обмене населением. Дьендьёши сообщал о выдуманной в Праге цифре в 300 тыс. словаков в Венгрии, в то время как их насчитывалось только 103 тыс. (по переписям 1930 и 1940 г.) и половина их них не желала переселяться в ЧСР. Молотов отделялся отговоркой «это очень сложная проблема». Дьендьёши предостерегал, что освободившись от 200 тыс. своих венгров, Чехословакия может «оказаться перед лицом враждебно настроенного 9-миллионного населения Венгрии»⁵.

Слабая попытка Молотова выступить с посреднической миссией не удалась. Сразу

¹ Romsics Ignác. *Parížska mierová zmluva z roku 1947.* – Bratislava, 2008. S. 256, 265–266.

² Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 432 (Парижская мирная конференция, 1946 г.). Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 129.

³ АВПРФ. Ф. 077 (Референтура по Венгрии). Оп. 26. П. 118. Д. 26. Л. 1–2.

⁴ АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 140–145.

⁵ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: в 2 т. / отв. ред. Г. П. Мурашко. – М.; Новосибирск, 1997–1998. Т. 1: 1944–1948 гг. 1997. Док. 170. С. 515–517.

после этой бесплодной беседы венгерская делегация представила Замечания к проекту мирного договора, где большое место уделялось проблеме «восстановления этнических и юридических прав» 650-тысячного венгерского населения в ЧСР¹.

ПМК создала рабочий орган – Территориальную и политическую комиссию для Венгрии (Комиссия по Венгрии), где 28 августа 1946 г. началось рассмотрение территориальных вопросов. Границы Венгрии с Австрией, Югославией и СССР были приняты без обсуждения. Далее ЧСР предложила передать ей пять венгерских деревень на правом берегу Дуная у южной окраины Братиславы. Венгерская делегация, не комментируя эту претензию, указала на аннулирование результатов Первого Венского арбитража и восстановление границы 1938 г., включавшей эти деревни в состав венгерской территории. В тот же день ЧСР озвучила на конференции свой известный план выселения дополнительных 200 тыс. мажар. Венгры ответили отказом разместить их у себя. Одновременно ими было заявлено, что Братислава вовсе не нуждается в расширении своей городской черты за счет территории Венгрии².

С этого рубежа рассмотрение на ПМК чехословацко-венгерские противоречий локализовалось в трех проблемах: 1) стремлении ЧСР расширить район Братиславского предместья за счет пяти венгерских деревень, 2) борьбы вокруг планов Чехословакии избавиться от еще 200 тыс. словацких мажар, 3) обеспечении интересов ЧСР в тексте мирного договора с Венгрией. Чехословацкая делегация распространила на ПМК два меморандума и внесла ряд поправок в проект мирного договора, касавшихся содержания этих меморандумов. Данные подходы в полной мере обозначили характер и объем претензий Чехословакии.

Первая проблема – расширение Братиславского предместья за счет пяти венгерских деревень – отразилась в мемо-

¹ АВПРФ. Ф. 06 (Секретариат В. М. Молотова). Оп. 8-б. П. 81. Д. 173. Л. 4.

² Romsics Ignác. *Parížska mierová zmluva z roku 1947*. S. 271–272, 280.

рандуме «Об упорядочении венгерских границ». Он начинался с требования: «Чехословацкая республика требует небольших изменений венгерских границ в единственном месте», в котором линия границы по экономическим соображениям ее не удовлетворяет. Это был редкий вариант предъявления территориальных претензий, которые обосновывались не этническими и даже не историческими аргументами, а простыми экономическими потребностями. Они выводились из градообразующих тенденций развития Братиславы, ее порта и ее хинтерланда. Братиславское предместье (д. Петржалка с населением в 1 тыс. человек на правом, южном, берегу Дуная), полученное по Трианонскому договору, удовлетворяло потребности полиса с 80-тысячным населением. Однако за 1918–1938 гг. численность населения Братиславы выросла до 140 тыс., а ставшей городом Петржалки – до 16 тыс. человек, при этом товарооборот порта увеличился в 20 раз. Рост Братиславы и расширение портовых сооружений на левом, северном, берегу Дуная было невозможным по геологическим и топографическим особенностям (к востоку – болотистые и подтопляемые почвы, к западу – отроги Малых Карпат). На основании этих факторов делался вывод: «природные условия для расширения Братиславы находятся только на южном берегу Дуная». Выдвигались и иные аспекты: запланированное строительство Лабско-Одерско-Дунайского канала, который выйдет к Дунаю у Братиславской пристани как исходного пункта для транзита в ближайший морской порт – Триест; близость границы у окраин Братиславы будет препятствовать военной безопасности страны; аэропорт у самой границы не сможет удовлетворять требованиям дальнего авиационного сообщения; проектируемая Дунайская гидроэлектростанция не впишется в настоящие границы ЧСР³.

На основании всех упомянутых причин в меморандуме указывалось, что «Чехословакия остро нуждается в территории,

³ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 8-б. П. 82. Д. 178. Л. 3–4.

принадлежащей Венгрии» и включающей пять селений. Это были: Райка (площадь 5 517 га, население 2 932 человека по переписи 1930 г., из которых 78,0 % немцев, 20,8 % венгров, 0,8 % хорватов), Безенье (2 994 га, 1 381 человек – 14,4 % немцев, 16,2 % венгров, 69,2 % хорватов), Оросвар (2 532 га, 1 678 человек – 72,2 % немцев, 25,9 % венгров, 0,8 % хорватов), Хорватярфалу (2 104 га, 845 человек – 16,4 % немцев, 21,5 % венгров, 59,4 % хорватов), Дуначун (1 521 га, 687 человек – 18,3 % немцев, 23,3 % венгров, 58,2 % хорватов). Из этой статистики выводилось, что требуемый участок земли с тремя хорватскими и двумя немецкими селами этнически «не является венгерским». Кроме того, доказывалось, что данные села экономически всегда тяготели к Братиславе, входя в ее хинтерланд, так как другие центры – Шопронь, Раб, Вена – находились много дальше. Хорватское же население этой области «вне всякого сомнения... приветствовало бы свое присоединение к Братиславе»¹.

6 сентября югославский и украинский делегаты энергично поддержали претензию Праги на пять венгерских деревень². Венгерское замечание о том, что эти деревни «никогда не носили словацкого характера и в них проживает всего 15 словаков» осталось неслышанным³. Тем более что эта претензия изначально носила экономический, а не этнический характер.

9 сентября в составе Комиссии по Венгрии была образована подкомиссия из пяти членов (председатель – представитель Украинской ССР) с задачей рассмотреть чехословацкую поправку о получении пяти деревень. Доводы в пользу ЧСР, приведенные на подкомиссии, повторяли положения ее меморандума «Об упорядочении венгерских границ»⁴. Венгерские контраргументы сводились к тому, что участок не носил стратегического характера; его передача ЧСР перерезала дорогу Бу-

дапешт – Вена на 25-километровой протяженности; Братислава не имела ранее тенденции к развитию на правом берегу Дуная⁵.

В обсуждение активно вмешался американский делегат Уолтер Беделл-Смит (посол США в СССР с марта 1946 по декабрь 1948 г.), который назвал территориальные пожелания ЧСР «симпатичными», но вел речь только о трех деревнях⁶. Поддержав аргументацию Праги, он посчитал запрашиваемый ею район слишком обширным и предложил исключить из него селения Райка и Безенье⁷.

На заседании Комиссии по Венгрии 30 сентября была вынесена рекомендация о справедливости претензий ЧСР «на исправление границы»⁸. 2 октября чехословацкая делегация согласилась на получение трех сел⁹. В результате трианонская чехословацко-венгерская граница была пересмотрена. Три села на правом берегу Дуная – Оросвар (Русовце), Хорватярфалу (Яновце), Дуначун (Чуново), составлявшие 43 км кв. территории, перешли под чехословацкий суверенитет, расширив площадь Братиславского предместья¹⁰.

Вторая проблема – стремление выселить дополнительно 200 тыс. словацких мадьяр – нашла отражение в меморандуме «О трансфере венгерского населения из ЧСР». Этот масштабный, состоявшийся из девяти разделов документ начинался фразой: «Чехословакия подает на мирную конференцию требование выселения остатка венгерского населения численностью до 200 000 человек». Утверждалось, что все национальные меньшинства «служили орудием для ее раздробления и уничтожения», поэтому ЧСР не может далее терпеть у себя «внутреннего врага, подрывающего ее жизнеспособность». Далее на примере Мюнхена и Венского арбитража обосновывалась угроза без-

¹ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 8-б. П. 82. Д. 178. Л. 4–5 об.
² Romsics Ignác. Parížska mierová zmluva z roku 1947. S. 281.

³ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 8-б. П. 81. Д. 170. Л. 6–8.

⁴ АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 18. Д. 50. Л. 112–114.

⁵ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 8-б. П. 81. Д. 172. Л. 32–34.

⁶ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 8-б. П. 81. Д. 168. Л. 70–72.

⁷ АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 18. Д. 50. Л. 34.

⁸ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 8-б. П. 81. Д. 172. Л. 37–38.

⁹ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 8-б. П. 81. Д. 172. Л. 58–59.

¹⁰ Ижак Л. Политическая история Венгрии. 1944–1990. – М., 2006. С. 117.

опасности со стороны немецкого и венгерского меньшинств. Главный заряд негативного пафоса был направлен против «неблагодарных» словацких мадьяр, чьи права в Чехословакии «многократно превышали те права, которыми венгры пользовались в самой Венгрии», которые питали своей активностью ирредентизм Будапешта и якобы играли в ЧСР роль пятой колонны. Венгрия, отказывавшаяся по экономическим соображениям принять дополнительно 200 тыс. своих соплеменников, обвинялась в стремлении оставить в Чехословакии «вражески настроенное» меньшинство как возможность сохранения предпосылок для ревизионизма¹.

Далее в документе давалось подробное обоснование имеющихся у Венгрии возможностей для приема 200 тыс. переселенцев из ЧСР. Были учтены и уже случившиеся процессы (людские потери Венгрии в ходе войны, катастрофическая демографическая ситуация, уничтожение 300 тыс. евреев), и те процессы, которые Прага советовала Будапешту запустить в действие (выселить 470 тыс. немцев с лишением их имущества и земли, провести земельную реформу). В итоге делался широкозвучающий вывод: если не ликвидировать проблему мадьярского меньшинства в ЧСР, то «будет существовать непрерывно живой ревизионизм», который сделает «невозможной консолидацию в Центральной Европе», всегда будет «потенциальной опасностью для мира»².

7 сентября 1946 г. В. М. Молотовым было получено адресованное ему от имени съезда венгерских епископов письмо кардинала, принца-примаса Венгрии, Эстергомского архиепископа Йожефа Миндсенти. В послании выражался протест «перед всем культурным миром» против гонений на словацких мадьяр. Иерарх предлагал: «Ввиду того, что Чехословакия не желает предоставить этому блоку венгров человеческих прав – пусть эта территория будет возвращена обратно Венгрии. Таким образом, прекратится несправедливость с одной стороны и страдания с

другой стороны, и мир будет водворен в Средней Европе»³. Заметим, что надежды Венгрии на реализацию национальной идеи связывались с прозападной ориентацией избирателей, голосовавших за Партию мелких сельских хозяев, и с решениями ПМК, а не с католической церковью и фигурой примаса⁴. Тем не менее известный непреклонностью убеждений Й. Миндсенти, содержащийся под арестом еще во время нилашистского режима за меморандум протеста главе фашистского правительства Ференцу Салаши по поводу экспроприации церковного имущества на нужды армии, пользовался авторитетом в широких кругах общественности и в известной степени отражал ее настроения⁵. Письмо принца-примаса Венгрии Молотову получилось кратким, исполненным достоинства, но не возымевшим никакого действия.

20 сентября 1946 г. в Комиссии по Венгрии произошла перепалка между У. Беделл-Смитом и А. Я. Вышинским. Представитель США назвал неприемлемым чехословацкий проект о выселении дополнительно 200 тыс. мадьяр⁶. Следом выступил Вышинский, который поддержал проект о выселении, назвав его «корректным»⁷. Он признал, что идет «борьба цифр и статданных», а также эскалация взаимных обвинений в фальсификации. Однако приписал Венгрии наличие планов отторжения части чехословацкой земли, а венгерскому населению ЧСР ревизионистские тенденции, поэтому «Чехословакия права в своей настойчивости». По заявлению Вышинского, «одно из возможных решений национальной проблемы в условиях столкновения национальных интересов – это освободить одну страну от лиц наци-

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8-б. П. 82. Д. 179. Л. 3–5 об.

² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8-б. П. 82. Д. 179. Л. 6–10.

³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8-б. П. 82. Д. 179. Л. 11.

⁴ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. – М., 2008. («История сталинизма»). С. 534.

⁵ Стыкалин А. С. Кардинал Миндсенти // Вопросы истории. 2013. № 7. С. 39.

⁶ Romsics Ignác. Párizska mierová zmluva z roku 1947. S. 287.

⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8-б. П. 81. Д. 172. Л. 2–3.

ональностей другой страны, и этих лиц устроить хорошо у себя дома, на родине»¹.

На этом фоне продолжалась драматическая реализация соглашения об обмене населением от 27 февраля 1946 г. МИД ЧСР направил в советское посольство в Праге ноту от 31 августа 1946 г. о том, что венгерские власти побуждают своих чехов и словаков, подавших заявку на переселение в ЧСР, взять эти заявки обратно². Однако имели место и события иного свойства. Так, 18 августа в городе Бекешчаба на юго-востоке Венгрии прошел митинг венгерских словаков, которые выступали против обязательного переселения в Словакию и выражали готовность жить в согласии с венграми³. 13 сентября 1946 г. в ЧСР был принят закон «О предоставлении гражданства лицам чешской и словацкой национальности, переселившимся из Венгрии», предусматривавший для них ряд льгот⁴. Вместе с тем, Будапешт справедливо указывал на наличие у венгерских словаков гораздо больших имущественных прав и возможностей по сравнению со словацкими мадьярами, что было сдерживающим фактором для переселения последних. Кроме того, стало очевидным, что Прага путем переселения стремилась парцелировать крупные и компактные районы проживания венгров в Словакии⁵.

Третья проблема – стремление ЧСР обеспечить свои интересы в тексте мирного договора с Венгрией, тесно переплеталась с проблемой дополнительного трансфера 200 тыс. венгров. Было предложено включить в ст. 4 проекта договора абзац о роспуске организаций, открыто или тайно поддерживавших венгерский ревизионизм и враждебное отношение к ЧСР. Было также предложено включить в проект целую новую статью – именно о переселении 200 тыс.

венгров⁶. 23 сентября в Комиссии по Венгрии план выселения мадьяр поддержали делегаты Белорусской ССР, Украинской ССР и Югославии. Однако английский представитель Самуэль Худ резко осудил этот план ЧСР и предложил начать прямые чехословацко-венгерские переговоры⁷. Тем самым усилиями США и Великобритании инициатива Праги о дополнительном переселении 200 тыс. словацких венгров была фактически отклонена.

Из-за непреклонности сторон западные делегации разработали свои компромиссные формулы урегулирования, неофициально предложив их Чехословакии и Венгрии. По британскому проекту, в случае если ЧСР будет продолжать выселение мадьяр, она должна уступить Венгрии 1 130 км кв. с 80 тыс. преимущественно венгерских жителей в двух пограничных районах. Первый – к югу от линии Филяково (город на р. Белина) – Римава Собота (город в долине р. Римава) на южных предгорьях Словацкого Рудогорья. Второй – часть субрегиона Медзибодрожие (венг. Бодрогкёз) в юго-восточном углу Словакии между реками Бодрог и Тиса. Американский проект предусматривал принятие Венгрией всех словацких мадьяр, $\frac{2}{3}$ из которых были бы выселены без территории, а $\frac{1}{3}$ – с землей, на которой они проживают (без конкретизации района). Что касалось венгерской стороны, то она мыслила шире и размашистей. Проект ее экспертной комиссии предполагал на основе этнического принципа присоединение к Венгрии 4 000 км кв. южно-словацкой территории более чем с 200 тыс. жителей. Венгрия же в ответ передала бы ЧСР 900 кв. км с 50 тыс. человек населения. В результате венгерское правительство (включая министров-коммунистов) выработало подход, по которому Венгрия соглашалась принять в два раза больше словацких мадьяр, нежели их будет на территории, которую ЧСР уступит Венгрии, что фактически соответствовало американской формуле.

¹ АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 18. Д. 50. Л. 106–108.

² АВП РФ. Ф. 138 (Референтура по Чехословакии). Оп. 26. П. 45. Д. 33. Л. 79.

³ Vadkerty Katalin. Maďarská otázka v Československu 1945–1948.: Trilógia o dejinách maďarskej menšiny. – Bratislava, 2002. S. 299.

⁴ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 26. П. 45. Д. 33. Л. 77.

⁵ Vadkerty Katalin. Maďarská otázka v Československu 1945–1948. S. 274–276.

⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8-6. П. 81. Д. 174. Л. 6–8.

⁷ Romsics Ignác. Parížska mierová zmluva z roku 1947. S. 287.

В рамках этого подхода предполагалось, что Чехословакия может уступить от 3 000 до 4 000 кв. км территории с 300 тыс. мадьярского населения. Окончательная позиция была сформулирована премьер-министром (с 4 февраля 1946 по 31 мая 1947 г.) Ференцем Надем: если ЧСР передаст Венгрии 300 тыс. словацких мадьяр с их территорией, то Будапешт согласен принять «всех остальных мадьяр, которые не считают себя словаками». Тем самым кабинет Нада скорректировал американскую формулу с пропорции 2:1 на пропорцию 1:1¹.

На завершающем этапе противостояния Чехословакии и Венгрии на ПМК, локализовавшегося в дискуссии их министров иностранных дел, вполне определилась слабость позиций Венгрии. Эта слабость выражалась отнюдь не в содержательной стороне венгерских предложений, а в отсутствии у нее надежных ходатаев и главное – в последовательной прочехословацкой позиции СССР. 29 сентября Я. Дьёндьёши предпринял последнее усилие, заявив, что Венгрия согласится с обменом населения только при обмене территориями. Ответ Я. Масарика гласил, что это предложение не представляет для ЧСР никакого интереса. На заседании Территориальной и политической комиссии для Венгрии 2 октября он внес предложение о переходе к режиму двусторонних переговоров об обмене населением². Было решено, что в случае если две страны не достигнут компромисса, ЧСР будет иметь право обратиться в СМВД за окончательным вердиктом. Измотанная венгерская делегация 3 октября приняла это предложение, а 5 октября 1946 г. комиссия прекратила свою работу³.

Последний раз вопрос о 200 тыс. словацких мадьяр был поднят на пленарном заседании ПМК 12 октября 1946 г. Прага вместо первоначального требования пе-

реселении 200 тыс. мадьяр в Венгрию, выдвинула новое предложение о двусторонних переговорах с Будапештом о судьбе национальных меньшинств⁴. Однако и в этих условиях госсекретарь чехословацкого МИД Владимир Клементис утверждал, что все оставшиеся в Словакии этнические венгры будут источником ревизионизма и ирредентизма⁵. Выступивший вслед за этим заместитель министра иностранных дел Ф. Т. Гусев заявил, что СССР поддерживал как первоначальное предложение ЧСР, так и ее новое предложение⁶.

Таким образом, на Парижской мирной конференции Чехословакия добилась изменения границы с Венгрией в районе Братиславского предместья и расширения этого плацдарма. Однако попытки Праги добиться решения о выселении 200 тыс. словацких мадьяр были отвергнуты вначале делегацией Великобритании, затем США. С тем обстоятельством, что венгерский миноритет остается в ЧСР, в конечном счете, вынуждена была согласиться и советская делегация.

Венгерско-словацкий конфликт на этапе международно-правового урегулирования: III сессия СМВД и подписание мирного договора с Венгрией (ноябрь 1946 – февраль 1947 г.)

После ПМК Совету министров иностранных дел было поручено доработать и окончательно оформить содержание мирного договора с Венгрией (как и с другими сателлитами), урегулировав все оставшиеся противоречия. Этому была посвящена III сессия СМВД (4 ноября – 12 декабря 1946 г.), проходившая в Нью-Йорке.

Великие державы, и в первую очередь СССР, оказались вовлечены в сложный конфликт между Венгрией и Чехословакией, проистекавший из столкновения их политических концепций по национальному вопросу. Венгерская концепция базировалась на пропаганде идеи сосуществова-

¹ Romsics Ignác. *Parížska mierová zmluva z roku 1947*. S. 288–289.

² Romsics Ignác. *Parížska mierová zmluva z roku 1947*. S. 290–292.

³ Irmanová Eva. *Maďarsko v éře sovětizace: Mezinárodní a politické aspekty*. Ústí nad Labem: Albis international, 2008. S. 61–66.

⁴ АВП РФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 2. Д. 4. Л. 215–216.

⁵ Dejmek Jindřich. *Československo, jeho sousedé a velmoci ve XX. století (1918 až 1992)*. – Praha, 2002. S. 214.

⁶ АВП РФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 2. Д. 4. Л. 250–251.

ния разных национальностей в рамках одного государства и отказе от переселения по этническому признаку. Чехословацкая – настаивала на трансфере и обмене, и том числе и насильственном, неславянского населения, а также фетишизировала национальное государство, основанное прежде всего на принадлежности к славянству¹.

Одна из чехословацких поправок к проекту мирного договора с Венгрией (поправка 5 к ст. 4) касалась выселения венгров из Словакии. Замечание венгерской делегации к поправке содержало ряд экономических и демографических аргументов, доказывавших невозможность разместить выселяемых в Венгрии². Эта дискуссия послужила одним из поводов для углубления провозглашенной в ЧСР политики «ресловакизации» чехословацких венгров. Однако ее попытка включить такой пункт в текст мирного договора с Венгрией была отвергнута. Советской делегации пришлось в этом согласиться с подходами западных стран³.

Основным документом по реализации ресловакизации было постановление МВД ЧСР от 17 июня 1946 г. В нем методом исключения определялось, кого не следует считать венграми. Это были, во-первых, лица, которые обозначили себя по переписи 1930 г. словаками, чехами или другими славянами. Во-вторых, лица, которые в настоящий момент приписывали себя к венгерской национальности, на самом деле являясь словаками, чехами либо даже имели мадьярское происхождение. При этом в последнем случае не несли вины перед ЧСР, не были функционерами венгерских фашистских организаций, не способствовали политике мадьяризации⁴.

¹ Носкова Х. Венгерское меньшинство в Чехословакии и словацкое – в Венгрии: решение участи // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 / отв. ред. В. В. Марьина. – М., 2004. С. 296.

² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8-6, П. 81. Д. 174. Л. 54–55.

³ Желички Б. Й. Проблема выселения венгров из Чехословакии // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. С. 268–269.

⁴ Šutaj Štefan. Maďarská menšina na Slovensku v rokoch 1945–1948: (východiská a prax politiky k

Упомянутым постановлением открывался первый этап ресловакизации, продлившийся до октября 1947 г. и отличавшийся административным нажимом и массовым характером⁵.

В этих условиях кабинет Ф. Надя упорно продолжал почти безнадежные попытки отстоять свои интересы и надеялся хотя бы несколько смягчить жесткие положения проекта мирного договора. Он распространил свой меморандум от 9 ноября 1946 г. Документ начинался с пронзительной фразы, гласящей, что на ПМК Венгрия «с горечью узнала»: несмотря на заверения в V разделе Крымской декларации и успехи страны в демократической и экономической сферах, рекомендации мирной конференции «в действительности увеличили суровость проекта договора, составленного СМВД (имелась в виду его II сессия. – Прим. А. С.)». Поэтому Венгрия изложила ряд просьб. Во-первых, она просила отвергнуть решение ПМК о передаче ЧСР трех венгерских поселений, так как «это изменение не оправдывается ни с практической точки зрения, ни с точки зрения принципа». Во-вторых, утверждала, что до тех пор пока проблема венгерского населения в ЧСР не будет урегулирована «путем ли обмена территорией или каким-либо другим путем», ему должны быть предоставлены права человека, провозглашенные в Уставе ООН⁶.

Уже 13 ноября А. А. Лаврицев составил для В. М. Молотова замечания в связи с венгерским меморандумом. По первому пункту о линии границы Лаврицев сослался на единогласное решение о передаче в состав чехословацкой территории трех сел, принятое и в Комиссии по Венгрии, и на пленарном заседании ПМК. Поэтому сформулировал вывод: «нет оснований для пересмотра в СМВД этого вопроса». По второму пункту о положении венгерского меньшинства в ЧСР он упомянул о заявле-

maďarskey menšine na Slovensku. – Bratislava, 1993. S. 85.

⁵ Vadkerty Katalin. Maďarská otázka v Československu 1945–1948. S. 407–418.

⁶ АВП РФ. Ф. 0431/III (III сессия СМВД в Нью-Йорке). Оп. 3. П. 3. Д. 16. Л. 130.

ниях в Комиссии по Венгрии американского, английского и французского представителей об их удовлетворенности решением этого вопроса. Вывод Лаврищева: «СМИД не следует возвращаться к рассмотрению» данной проблемы¹. Последняя попытка Будапешта повлиять на содержание мирного договора и добиться от великих держав адекватного понимания своих интересов закончилась безрезультатно.

10, 17 и 24 января 1947 г. венгерское правительство обсуждало полученный из Парижа текст мирного договора. По итогам обсуждения было принято решение не поднимать в связи с текстом договора проблему положения венгров в Чехословакии².

10 февраля 1947 г. двенадцатью государствами был подписан мирный договор с Венгрией, жесткий и суровый по своему содержанию. В нем ставился вопрос о национальных меньшинствах, в том числе, и венгерском, но решение вопроса возлагалось на страну проживания меньшинства³. Я. Масарик, подписавший договор за ЧСР (вместе с В. Клементисом) по-прежнему считал, что выселение венгров «единственно возможное решение этой крайне неудобной проблемы». Будапешту при этом не удалось добиться международных гарантий прав венгерского национального меньшинства в ЧСР и Румынии, запрет же на венгерскую ревизионистскую пропаганду был наложен⁴.

В ст. 1 части I мирного договора решения Венского арбитража от 2 ноября 1938 г. объявлялись «несуществующими», а линия венгерско-чехословацкой границы восстанавливалась по состоянию на 1 января 1938 г. за исключением изменений, связанных с расширением Братиславского предместья. Ст. 5 части II мирного договора предписывала Венгрии вступить в переговоры с ЧСР «с целью разрешения вопроса о тех жителях мадьярского этни-

ческого происхождения, проживающих в Чехословакии, которые не будут поселены в Венгрии» в соответствии с соглашением 1946 г. об обмене населением. В случае неуспеха указанных переговоров по истечении шестимесячного срока после вступления мирного договора в силу ЧСР получала право поставить данный вопрос перед СМВД в расчете на его содействие⁵. Международно-правовая нерешенность проблемы словацких мадьяр не компенсировалась декларативным признанием гражданских свобод в Уставе ООН.

Будапешт, с нараставшей тревогой взиравший на ухудшающееся положение венгров в ЧСР, вынужден был направить меморандум представителям СССР, США, Великобритании и Франции в Венгрии. В этой связи 14 февраля 1947 г. состоялась встреча Д. Секфью с заместителем министра иностранных дел СССР В. Г. Деканозовым. Венгерский посланник изложил содержание меморандума, особое внимание в котором было уделено массовому насильственному переселению венгров из Словакии в Судетскую Богемию на освободившееся место высланных в Германию судетских немцев. Это, по убеждению Секфью, делалось вопреки соглашению об обмене населением от 27 февраля 1946 г., которое предусматривало паритетные принципы и двусторонний формат урегулирования вместо тотального переселения⁶.

Советская запись беседы по дневнику Деканозова содержала его отсылку на ст. 5 мирного договора и совет о том, что «лучше будет Венгрии и Чехословакии договориться между собой». Эта запись зафиксировала и весьма резкие, но обоснованные оценки Секфью: Прага оттягивает переговоры, чтобы «тем временем распылить венгерское меньшинство внутри Чехословакии и ассимилировать венгров»; власти Праги сделали из соглашения об

¹ АВПРФ. Ф. 0431/III. Оп. 3. П. 3. Д. 16. Л. 17–18.

² Romsics Ignác. *Parížska mierová zmluva z roku 1947*. S. 308–309.

³ Irmanová Eva. *Maďarsko v éře sovětizace: Mezinárodní a politické aspekty*. S. 67.

⁴ Dejmek Jindřich. *Československo, jeho sousedé a velmoci ve XX. století*. S. 212–213.

⁵ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами: в 27 вып. М., 1926–1974. Вып. XIII. 1956. Док. 514. С. 55–58.

⁶ Szekfű Gyula követ és moszkvai magyar követség jelentései (1946–1948) / György Lázár; Gecsényi Lajos (szerkesztette). 39. dok. 138–142. old.

обмене от 27 февраля «нечто вроде лабиринта для того, чтобы запутать венгров и проводить свою политику ликвидации венгерского нацменьшинства»; чехословацкое правительство подобно двуликому Янусу, так как Я. Масарик «говорит “разумно и справедливо”, а другие министры делают обратное, притесняя венгров»¹. Было очевидно, что обе стороны имели «свою правду». Чехословакия подозревала Венгрию в том, что она хочет оставить венгров на юге Словакии, «имея в виду использовать их как предлог для ревизии в будущем венгерско-чехословацкой границы». Будапешт справедливо указывал на репрессивные методы и двойственную позицию Праги, которая искала и получала поддержку из Москвы.

В феврале 1947 г. принц-примас Венгрии Й. Миндсенти направил радиogramму королю Великобритании Георгу VI и президенту США Г. Трумэну с призывом о помощи. Иерарх указал на «немилосердное и ужасное преследование почти 625 000 венгров» Чехословакией. Он призвал своих адресатов выразить протест против вопиющих мучений и насильственных депортаций словацких мадьяр в Венгрию, что является «вызовом вечным Божьим законам и гуманности»². Подобная позиция иерарха – смелая, независимая и вполне патриотичная – вызвала глубокое раздражение венгерских коммунистических властей. Год спустя, 19 февраля 1948 г., оно прорвалось агрессивной тирадой генерального секретаря ЦК Венгерской КП Матяша Ракоши, зафиксированной в его беседе с секретарем и заведующим Отделом внешней политики (ОВП) ЦК ВКП (б) М. А. Суловым: если католическая церковь и кардинал Миндсенти «начнут вести войну против нас, мы найдем хороших психиатров, которые признают Миндсенти сумасшедшим»³.

¹ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы: в 2 т. / отв. ред. Т. В. Волокитина. – М., 1999–2002. Т. 1: 1944–1948 гг. 1999. Док. 147. С. 410–411.

² Ижак Л. Политическая история Венгрии. 1944–1990. С. 113–114.

³ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. Док. 259. С. 761–762.

Политическое руководство Венгрии, особенно Ф. Надь и Я. Дьендьёши, также много раз делало попытки привлечь внимание представителей СМВД к продолжавшемуся в ЧСР ущемлению прав венгерского меньшинства и ухудшению его положения. Однако все эти старания не привели к должным результатам.

Венгерско-чехословацкие противоречия в условиях взаимных надежд на советское участие в их урегулировании и трансформации позиции СССР (март 1947 – октябрь 1948 г.).

С подписанием мирного договора с Венгрией в развитии конфликта наступила новая фаза. Прага осмысливала позитивные для себя результаты международно-правового урегулирования и выработывала дальнейшие способы избавления от венгерского меньшинства. Будапешт же с марта 1947 г. предпринял самый энергичный нажим на Москву, добиваясь помощи СССР в решении фактически отложенной проблемы словацких мадьяр. М. Ракоши в своих контактах с советскими руководителями настойчиво проводил идею о том, что чехословацкие коммунисты своей политикой преследования венгров в Словакии наносят урон по монополюльным и без того политическим позициям венгерских коммунистов в стране⁴.

5 апреля 1947 г. М. Ракоши направил секретарю ЦК ВКП (б) А. А. Кузнецову письмо о внутривнутриполитической ситуации в Венгрии. В нем, в частности, отмечалось, что в сфере международных отношений «наши чехословацкие товарищи ухудшают наши дела. Даже если бы они действовали по поручению американских империалистов, то они не смогли бы доставить нам больше проблем, чем в настоящее время. Они зашли в преследованиях венгерского меньшинства так далеко, что даже в кругах венгерских коммунистов это вызвало недовольство. В Словакии все местное

⁴ Мурашко Г. П. Судьбы венгерского меньшинства в Словакии после Второй мировой войны. Переселение или словакизация? (Трансформация позиций Москвы) // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века / отв. ред. Е. П. Серапионова. – СПб., 2011. С. 549.

управление держит в руках переименованная в Демократическую партию Гвардия Глинки...»¹.

В беседе М. Ракоши с В. М. Молотовым 29 апреля 1947 г. о политической ситуации в Венгрии большое место было уделено и проблеме словацких мадьяр. Ракоши обозначил тему резкими заявлениями: «Вообще отношения с чехословаками у нас очень плохие... Дело зашло в тупик. Контакта с компартией Чехословакии у нас сейчас нет». В числе причин такой ситуации он назвал тотальное преследование в Словакии всех этнических венгров, в том числе и коммунистов. Это приводило к абсурдным эксцессам. Так, католическая церковь имела возможность издавать в Словакии молитвенники на венгерском языке, а коммунистические газеты словацких венгров печатать было запрещено. Ракоши сделал хлесткий вывод: «Мы смотрим на наших чехословацких товарищей, как на сумасшедших» и прямо попросил у Молотова содействия в урегулировании. Тот вначале попытался сузить проблему до вопроса о переселении, но сорвался в несвойственные для него эмоции: «А я, признаться, сам хочу вам пожаловаться на чехов». Фраза касалась мучительных усилий Молотова в деле подготовки польско-чехословацкого соглашения, затрудненного территориальным конфликтом в Тешенской Силезии. Он заключил, что «пока с Чехословакией говорить трудно, может быть, это явление временное, но пока чехи очень неподатливы»². Итак, Ракоши в апреле 1947 г. в Москве ничего не добился от Молотова, как и Я. Дёндьёши в августе 1946 г. в Париже. Однако содержание этой беседы дает основания предполагать, что в Москве уже начал вызревать крутой поворот в оценке чехословацко-венгерского конфликта и уход от безоговорочной поддержки Праги.

И Молотов, и Ракоши прожили баснословно богатую политическую жизнь, пол-

ную взлетов и падений. Они не раз встречались, но упомянутая выше встреча была в числе наиболее доверительных. Спустя тридцать лет, Молотов в частной беседе обронил показательную характеристику: «Ракоши был хороший... но тоже имел недостатки: изображал из себя Сталина в Венгрии. Чересчур. Чересчур»³.

Мирный договор с Венгрией вступил в силу 15 сентября 1947 г. после его ратификации Великобританией и США⁴. Это произошло уже при следующем венгерском премьер-министре Лайоше Диньеше (с 31 мая по 24 сентября 1947 г.) и министре иностранных дел Эрнё Михайфи (с 31 мая по 24 сентября 1947 г.). Данный рубеж открывал счет шести месяцам, упомянутым в ст. 5 договора. Вслед за этим в ЧСР прошел второй этап ресловакизации (3 октября 1947 – 1 января 1948 г.), который не отличался новыми подходами, а носил завершающий характер и был рассчитан на тех, кто еще не определил свою позицию⁵.

Борьбу за эвентуальную поддержку Советского Союза и стремление довести до его сведения свою позицию как наиболее объективную и адекватную продолжила и Чехословакия. Ее посол в Москве Йиржи Горак передал 22 октября 1947 г. В. М. Молотову памятную записку МИД ЧСР о ходе выполнения договора 1946 г. об обмене населением. В документе содержалось обвинение Венгрии в нарушении «с самого начала» этого договора. Собственная же позиция рисовалась в розовых красках. Утверждалось, что с чехословацкой стороны «была проявлена безграничная и часто даже доходящая до границ возможности терпеливость». Несговорчивостью Будапешта объяснялось решение Праги представить свои предложения на мирную конференцию⁶.

В феврале 1948 г. в Москву для подписания договора о дружбе с СССР при-

³ Чувев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чувева. – М., 1991. С. 113.

⁴ Dejmeek Jindřich. Československo, jeho sousedé a velmoci ve XX. století. S. 213.

⁵ Vadkerty Katalin. Maďarská otázka v Československu 1945–1948. S. 443–445.

⁶ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. Док. 179. С. 505–506.

¹ Moszkvának jelentjük... Titkos dokumentumok, 1944–1948 / Izsák Lajos és Kun Miklós (szerk.). – Budapest, 1994. 159–160 s. old.

² Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. Док. 209. С. 618–619.

была официальная венгерская делегация. В ходе приема делегации И. В. Сталиным 17 февраля состоялась его беседа с президентом Венгрии Золтаном Тилди, идеологически разделявшем платформу Партии мелких крестьянских хозяев. Беседа, в которой приняли участие премьер Л. Диньеш и новый министр иностранных дел (с 24 сентября 1947 по 5 августа 1948 г.) Эрик Молнар, проходила в сдержанной тональности, но когда речь зашла о венгерско-чехословацких отношениях, Тилди дважды, буквально через фразу, заявил о горячем желании установить хорошие отношения с Чехословакией и просил Сталина «помочь этому», что ему дважды и было обещано¹.

Начавшаяся эволюция советских подходов к проблеме венгерского меньшинства в ЧСР и постепенное осознание реалий самим чехословацким руководством стали приносить первые плоды. Заместитель председателя правительства ЧСР Зденек Фирлингер в ходе визита в Будапешт заявил 15 марта 1948 г., что венгерский народ не ответственен за угнетение словацкого народа в прошлом, а также преступления режима Хорти во время войны. Председатель КПЧ Клемент Готвальд 9 июня высказался, что венграм в Чехословакии нужно дать некоторые политические права, но ни собственную партию и ни какой-то особый национальный статус².

10 июня 1948 г. министр иностранных дел ЧСР (с 18 марта 1948 по 14 марта 1950 г.) Владимир Клементис на встрече с советским послом М. А. Силиным сообщил, что с избранием нового президента (после отставки 7 июня Э. Бенеша президентом 14 июня 1948 г. был избран председатель КПЧ Клемент Готвальд) состоится пересмотр политики по отношению к словацким мадьярам. Власти будут исходить из того факта, что «венгров невозможно не только просто выселить в Венгрию, но невозможно даже произвести полный обмен населением с Венгрией». Поэтому в обеих странах

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. Док. 258. С. 758.

² Pástor Zoltán. Slováci a Maďari. Martin, 2011. S. 113.

взаимно сохранятся национальные меньшинства. Однако в отличие от межвоенной Чехословакии в нынешней ЧСР за ними не будет признан официальный статус. Тем самым венгерский вопрос будет решен Прагой «самостоятельно, без переговоров с Венгрией. Ни на какие переговоры с Венгрией чехословаки не пойдут»³.

На протяжении 1948 г. венгерско-словацкие миграционные и этно-идентификационные процессы (ресловакизация, внутренняя депортация, обмен населением, проходившие в ЧСР) приобрели наибольшие масштабы и получили свое логическое завершение. Это позволяет говорить об их итогах и результатах.

В ходе двух этапов ресловакизации, по сведениям авторитетного исследователя проблемы словацкого историка венгерского происхождения Каталин Вадкерти, было подано 120,6 тыс. семейных заявлений, в которые были вписаны 435,3 тыс. чел. Просьба о признании словацкой национальности была удовлетворена для 282,0 тыс. словацких мадьяр, обратившихся в комиссии по ресловакизации (64,8 %)⁴. Венгерский исследователь Арпад Попель приводит свою статистику: 410,8 тыс. обратившихся с заявлением о ресловакизации, из которых 326,7 тыс. словацких мадьяр были признаны словаками (79,5 %)⁵. В официальной «Истории Словакии» Любомир Липтак сообщает, что в атмосфере исторического реванша и в абсолютном противоречии с длительной борьбой самих словаков за признание их национальной самобытности было ресловакизировано 326,7 тыс. венгров⁶. Видный российский хунгарист Б. Й. Желицки ввела в научный оборот самую масштабную статистику – от 327 до 400 тыс. ресловакизированных мадьяр⁷.

³ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. Примечание. 1 к док. 213. С. 621.

⁴ Vadkerty Katalin. Maďarská otázka v Československu 1945–1948. S. 446–447.

⁵ Minority Hungarian Communities in the Twentieth Century / Nándor Bárdi, Csilla Fedinec, László Szarka (eds). – New York, 2011 (Atlantic Studies on Society in Change. №. 138). P. 303–304.

⁶ История Словакии / отв. ред. Е. Маннова. – М., 2003. С. 339.

⁷ Желицки Б. Й. Международная правовая защита и венгерское национальное меньшинство //

Внутренняя депортация словацких мадьяр в чешские и моравские районы ЧСР проходила в период с ноября 1946 по февраль 1948 г. Было выселено 11,6 тыс. семей, что составило 43,6 тыс. чел., из которых 41,6 тыс. чел. (95,6 %) были депортированы принудительно (позже часть депортированных вернулась в Южную Словакию)¹. На деле Прага продолжала расселение компактно проживавшего в Южной Словакии венгерского меньшинства, но национальный аспект стал умело подменяться социально-классовыми лозунгами.

Обмен населением между ЧСР и Венгрией на основе соглашения от 27 февраля 1946 г. продолжался в своей активной фазе до декабря 1948 г. (официально закончился 21 июня 1949 г.) и дал следующие результаты. Из 92,4 тыс. словаков из Венгрии, заявивших о намерении переехать в ЧСР, реально переселились 73,3 тыс. чел. (79,3 %). Что касается чехословацких властей, то они «выбрали» для переселения 105,1 тыс. словацких мадьяр. Кроме того, на основе § 8 планировалось дополнительно выселить еще 65,2 тыс. чел. Тем не менее из этих 170,3 тыс. мадьяр по официальной статистике переселилось в Венгрию лишь 68,4 тыс. чел. Однако к ним следует добавить еще 21,3 тыс. чел., ушедших самостоятельно, и поэтому не учтенных в официальных транспортах. Таким образом, по мнению К. Вадкerti, правильно говорить о 89,7 тыс. словацких мадьяр, от которых теми или иными мерами избавилась Чехословакия². А. Попель приводит схожие цифры переселенцев: 71,8 тыс. словаков из Венгрии и 89,7 тыс. словацких мадьяр³. Л. Липтак говорит о равных пропорциях обмена: 73,0 тыс. вен-

Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение / отв. ред. Е. П. Серапионова. М., 2014. С. 292.

¹ Vadvarty Katalin. Maďarská otázka v Československu 1945–1948. S. 75–76, 131.

² Vadvarty Katalin. Maďarská otázka v Československu 1945–1948. S. 363–364.

³ Minority Hungarian Communities in the Twentieth Century. P. 302–303.

герских словаков и 74,0 тыс. словацких мадьяр⁴.

Нормативным, хотя и во многом формальным, завершением миграционных и этноидентификационных процессов в ЧСР и Венгрии стало принятое Прагой 25 октября 1948 г. решение о восстановлении всех прав венгерского населения⁵. Чехословацко-венгерское соглашение 31 декабря 1948 г. зафиксировало завершение в целом обмена населением и гарантировало права переселенцев в обеих странах⁶. Это повлекло смену ориентиров во всей внешней политике Праги. Если в предшествующий длительный период венгерский вектор был важнейшим, то с рубежа 1948 / 1949 г. он стал второстепенным – и ЧСР, и Венгрия оказались включенными в советскую зону влияния. Москва получила возможность ликвидировать любую полемику о границах и меньшинствах между своими сателлитами. Для Чехословакии СССР стал гарантом ее границ с Венгрией, что было оформлено венгерско-чехословацким союзническим договором 16 апреля 1949 г.⁷

**Венгерско-чехословацкий конфликт
в формате международного
коммунистического движения
и межпартийных отношений**

Отношения между Чехословакией и Венгрией, осложненные конфликтом в Южной Словакии, были подробно рассмотрены на Первом совещании Коминформа в Шклярской Порембе (Польша), состоявшемся 22–28 сентября 1947 г. Первоначально лидеры компартий выступили на совещании с докладами о деятельности своих партий. Генеральный секретарь КП Чехословакии Рудольф Сланский прямо не коснулся конфликта, упомянув лишь

⁴ История Словакии / отв. ред. Е. Маннова. С. 339.

⁵ Čierna-Lantayová Dagmar. Podoby československo-maďarského vzťahu 1938–1949 (východiská, problémy a medzinárodné súvislosti). Bratislava, 1992. S. 160.

⁶ Pástor Zoltán. Slováci a Maďari. S. 113–114.

⁷ Рихлик Я. Венгерское меньшинство в Чехословакии 1948–1992 гг. // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение. С. 390.

обстоятельства, косвенно с ним связанные. Член политбюро и секретарь ЦК Венгерской КП Йожеф Реваи в своем докладе, напротив, прямо указал, что «однотолько момент осложняет союз Венгрии с соседними народами и является “водой на мельницу” реакционного венгерского шовинизма – положение венгров в Словакии». В несокращенном варианте протокола содержались еще более откровенные положения – в период ПМК была принята точка зрения «этнографических границ» Венгрии, что означало возвращение всех территорий, на которых живут венгры; Венгрия намерена заключить договоры о дружбе со своими соседями, но «по тактическим соображениям» Чехословакия стояла на последнем месте в перечне этих стран¹.

После доклада А. А. Жданова «О международном положении» прошли выступления в прениях, в которых затрагивался и венгеро-словацкий конфликт. Р. Сланский оправдывал жесткое отношение к венгерскому меньшинству в ЧСР ссылками на историю. Он утверждал, что словаки пережили мадьяризацию в таких формах, «какие мало знает история», а в лице венгров словацкий народ видит «постоянную опасность ревизионизма и угрозу для существования своей нации»².

Выступление Й. Реваи было целиком посвящено положению венгров в Словакии и содержало вывод: «соревнование между коммунистами и националистами по национализму может быть выигранным только националистами». Весьма интересным был его довод о неправильном понимании в КПЧ идеи славянской солидарности, которая «не означает этнографической солидарности» и не должна исключать из союза славянских народов другие демократические народы только потому, что они не являются славянскими³. Ответом

¹ Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / ред. Г. М. Адиебеков. – М., 1998. С. 107, 149–150; Примеч. 196, 198. С. 287–288.

² Там же. С. 190.

³ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. Док. 176. С. 493–495.

послужило выступление генерального секретаря КП Словакии Штефана Баштёванского, который, ссылаясь на ст. 5 мирного договора с Венгрией, прямо обвинил Й. Реваи в противодействии договору и начале его ревизии⁴.

Перепалка между руководителями чехословацкой и венгерской делегаций для советской стороны была вполне ожидаемой. Еще накануне совещания в ОБП ЦК ВКП (б) была подготовлена записка «О современном экономическом и политическом положении Чехословакии», носившая характер сугубо внутреннего, закрытого материала для аппарата ЦК. В ней вполне адекватно отмечалось, что создавая однородное по национальному составу население страны, «компартия, однако, применяет неправильные методы по отношению к венгерскому меньшинству...». В выводах констатировалось, что «Словакия стала самым слабым политическим и экономическим пунктом в республике (в ЧСР. – А. С.), обстановка в Словакии является серьезной и опасной»⁵.

По ходу работы А. А. Жданов и Г. М. Маленков направляли И. В. Сталину регулярные отчеты. В двух сообщениях от 24 сентября 1947 г. говорилось о сепаратистском движении в Словакии, где саботируются указания Праги, при том что аппарат региональной власти «засорен фашистами, в частности бандеровцами». Трудности же усугублялись ошибками словацкой компартии в национальном вопросе. Положительно оценивая доклад Й. Реваи, советские руководители формулировали рекомендацию «не допустить, чтобы Венгрия стала англо-саксонским клином на Балканах» и считали перспективы союза венгров со славянскими народами хорошими, «за исключением трудностей, связанных с бесправным положением венгерского меньшинства в Чехословакии»⁶.

Упомянутые «трудности», которые отнюдь не шли на убыль, вновь всплыли в

⁴ Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы... С. 224.

⁵ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. Док. 177 и примеч. 1. С. 499, 503.

⁶ Совещания Коминформа. Документы и материалы. Приложение. В. Док. 4–5. С. 319, 324.

беседе М. А. Сулова с М. Ракоши в Москве 19 февраля 1948 г. Последний поставил вопрос о созыве Второго совещания Коминформа, предложив в повестку дня несколько пунктов, в том числе и необходимость «отрегулировать венгеро-чехословацкие отношения». Сулов фактически отклонил это предложение (в том числе и по причине нараставшего политического кризиса в ЧСР) и высказался в пользу двусторонней договоренности «без всякого вмешательства извне». Все же Ракоши оставил за собой последнее слово: «... вряд ли это будет возможно при условии, если чехи не изменят своей позиции»¹.

Когда же весной 1948 г. под руководством Сулова развернулась подготовка секретных аналитических записок с критикой руководства компартий Югославии, Польши, Чехословакии и Венгрии, то материалы о словацко-венгерском конфликте, оказались весьма востребованными². При этом венгерская сторона отнюдь не выглядела пострадавшей. В ОВП была подготовлена справка «О националистических ошибках руководства Венгерской коммунистической партии и буржуазном влиянии в венгерской коммунистической печати» от 24 марта 1948 г. В ней без особых оснований выводилось, что у ВКП «несомненно, имеются националистические ошибки»³.

5 апреля 1948 г. ОВП направил Сулову огромную по объему справку «О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии» в пяти разделах. Один из них – «Ошибки КПЧ по национальному вопросу» – содержал разбор государственной политики «в отношении неславянских меньшинств в Чехословакии» со времен Кошицкой программы. Особо указывалось, что в ЧСР «организованно проводилась открытая антинемецкая и анти-

венгерская кампания», реализовывалась «официальная программа дискриминации венгров». В разделе жестко констатировалось, что руководство КПЧ оказалось втянутым в кампанию, «остро попахивавшую шовинистическим угаром». При этом в Праге стремились «оправдать правомерность антивенгерской политики всякого рода антимарксистскими концепциями», недооценивали «важности и сложности словацкого вопроса»⁴.

Данная справка не была напрямую использована как обвинительный документ против КПЧ, а сделанные в ней выводы не стали предметом публичного обсуждения в Коминформе. Однако они в полной мере отразили эволюцию советских подходов к решению конфликта в Южной Словакии. Если его территориальная составляющая всегда оставалась неизменной, то позиция Москвы касательно положения и судьбы венгерского меньшинства в Словакии на протяжении коротких четырех лет изменилась кардинально – от безусловной поддержки репрессивных мер Праги и изгнания словацких мадьяр до квалификации тех же действий как шовинистических и дискриминационных.

Подготовка Второго совещания Коминформа проводилась в условиях глубокого советско-югославского конфликта. Буквально накануне открытия совещания, проходившего 19–23 июня 1948 г. в Бухаресте (Румыния), ОВП ЦК ВКП (б) разработал объемные справки под названием «Уроки из ошибок компартии Югославии», адресно предназначенные ряду компартий, членов Коминформа.

В справке для Венгерской партии трудящихся эти уроки были сведены в шесть разделов, но «вопрос о словацких венграх» был вынесен за рамки этих разделов, составив отдельный параграф документа. Венгерским коммунистам вменялось в вину следующее. Во-первых, решение вопроса о словацких венграх они «ставят условием для существования общедемократического фронта между Венгрией и Чехословакией». Во-вторых,

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. Док. 259. С. 761–763.

² Мурашко Г. П. Судьбы венгерского меньшинства в Словакии после Второй мировой войны. Переселение или словакизация? (Трансформация позиций Москвы) // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века... С. 552.

³ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. Док. 269. С. 804–806.

⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. Док. 274. С. 847, 852.

не учитывая «общей обстановки в Словакии», они «возводили вопрос о словацких венграх в “абсолют”... чем проявили узконациональные интересы. В-третьих, они исходили «не из общих, а из частных интересов», ставили вопрос «не дифференцированно... а о венграх вообще». Общий вывод был неутешительным: проблема не урегулирована, отношения «между двумя братскими партиями продолжают оставаться натянутыми»¹.

Справка для компартии Чехословакии явно свидетельствовала о сгущавшихся над ней тучах. Документ был единственным в ряду подобных, чье название носило более императивный характер, – «Уроки, которые должно извлечь руководство КПЧ из ошибок руководства ЦК компартии Югославии». Такие тонкости, конечно, не были проявлением случайной вариабельности в работе московской коммунистической канцелярии. Кроме того, чехословацкая справка, излагавшая шесть уроков, была самой масштабной, а четвертый урок – по национальному вопросу – составлял почти половину всего объема справки. Руководству КПЧ инкриминировались следующие идеологические прегрешения. Во-первых, оно проявило единство взглядов с лидерами буржуазных партий «в отношении неславянских меньшинств», исходя из убеждения о необходимости создании Чехословакии как государства двух славянских народов. Во-вторых, оно породило «сознательно проводившуюся в Чехословакии антивенгерскую и антинемецкую кампанию, в которую оказалась втянутой и компартия». В-третьих, под прикрытием классового принципа проводилось тотальное выселение меньшинств. Общий вывод был грозным: «нет сомнения в том, что политика и практика КПЧ в национальном вопросе находится в явном противоречии с ленинско-сталинской национальной политикой»².

В ходе заседаний Второго совещания Коминформа, полностью погрузившего-

¹ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. Док. 209. С. 597–599.

² Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. Док. 212. С. 613–616.

ся в обстоятельства конфликта между ВКП (б) и КПЮ, проблема положения словацких мадьяр в ЧСР не затрагивалась. Однако в информационном сообщении И. В. Сталину, которое 20 июня отправили А. А. Жданов, Г. М. Маленков и М. А. Суслов, проскользнул интересный факт. Он касался того, что Ракоши предложил приступить к организации подпольной работы в Югославии против ее руководства, опираясь «в частности на коммунистов из венгерского меньшинства в Югославии» с использованием средств подпольного радиовещания³. Прямые аналогии неуместны, но именно чего-то подобного в своих антивенгерских фобиях и риторике опасались и в Праге, и в Братиславе.

После совещания председатель КПЧ К. Готвальд начал проявлять беспокойство и по поводу растущей напряженности в отношениях между КПЧ и ВПТ, и по поводу явно меняющейся позиции Москвы. В июле 1948 г. он вызвал председателя КП Словакии Вильяма Широкого и генерального секретаря ЦК КПЧ Рудольфа Сланского и предложил «окончательно разрешить венгерский вопрос». Предполагалось наделить венгров всеми конституционными правами и разрешить им вступать в КПЧ, но не создавать новые партии⁴.

24–25 июля 1948 г. в Братиславе прошли переговоры между представителями КПЧ (Р. Сланский, В. Широкий, член политбюро ЦК Вацлав Копецкий, министр иностранных дел ЧСР В. Клементис) и ВПТ (заместитель генерального секретаря ЦК Михали Фаркаш, секретарь ЦК Й. Реваи) по вопросу о положении национальных меньшинств. Обе стороны согласились со следующим: предоставить гражданство венграм в Словакии, словакам в Венгрии (за исключением коллаборационистов и «реакционных католических священников»); открыть школы с преподаванием на словацком и венгерском языках; вернуть венграм конфискованную землю (до 50 га); возвратить на прежнее место жительства

³ Совещания Коминформа. Документы и материалы. Приложение. А. Док. 4. С. 486–487.

⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. Примеч. 3 к док. 297. С. 912.

в Словакии венгров, выселенных в чешские земли; издавать в Словакии газету на венгерском языке; разрешить венграм вступать в компартию (но только в КПЧ), а также в чехословацкие профсоюзы¹.

Выводы

В условиях острого и длительного чехословацко-венгерского конфликта советское руководство приобрело и умело использовало политически выгодную для себя роль квази-арбитра. Причем задействовало эту роль как в сфере межгосударственных отношений со своими сателлитами, так и в формате руководящей функции ВКП (б) в коммунистическом движении внутри советского блока. Оказывая поддержку то одной, то другой стороне, Москва разыгрывала «национальную карту» как инструмент для возможности влиять на релевантные советским целям идеологические процессы в обеих странах. Цели же Москвы были очевидны – усиление позиций коммунистов в системе власти вплоть до установления их властной монополии в Чехословакии и Венгрии. В отличие от советской позиции, глубоко идеологизированной и во многом формальной, позиция Праги и Будапешта подчас тяготела лишь

к розыгрышу «идеологической карты» как инструмента для достижения выражено национальных целей и была хотя и пристрастной с обеих сторон, но по-своему убедительной и искренней. Цели Праги и Будапешта тоже были очевидными – отстаивание однобоко интерпретированных государственных интересов любыми средствами, включая максимальную активацию этнических и исторических аргументов в формате международных форумов и договоров, а также возможную помощь СССР ради приоритетного для себя решения национально-территориального конфликта. Чехословакии так и не удалось «освободить» себя от венгерского меньшинства. Тем более что для этой категории населения понятие родины, дома, гражданства, страны проживания часто не совпадали. После всех коллизий сегодня венгры составляют около 9,7 % населения Словацкой Республики, компактно проживая в южных и восточных районах страны. Венгрии в составе советского блока был преподан жестокий урок подчинения своих национальных интересов блоковым задачам и геополитическим раскладам.

Г. П. Мурашко

(Институт славяноведения РАН)

200

СТАЛИН И СУДЬБЫ ВЕНГЕРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА В СЛОВАКИИ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-х ГОДОВ

Вторая мировая война породила в чешском и словацком обществе устойчивый синдром боязни национальных меньшинств. Его появление, закрепленное в исторической памяти этих народов, было вызвано тем, что немецкое и венгерское население, проживавшее на территории довоенной Чехословацкой республики,

использовалось государствами фашистского блока в качестве инструмента экспансии и ликвидации территориальной целостности страны. Прямым следствием этого и стало стремление сложившегося в ходе антифашистской борьбы Национального фронта Чехов и Словаков ликвидировать проблему национальных меньшинств и возродить послевоенное государство как государство двух этнически родственных народов – чехов и словаков.

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. Док. 297. С. 910–911.

Этот принцип был закреплен в Кошицкой программе правительства Национального Фронта. Проект данной программы, разработанный коммунистической эмиграцией в Москве, как свидетельствуют документы российских архивов, проходил экспертизу в ЦК ВКП(б), а также в Министерстве иностранных дел СССР. С ним знакомились Г. Димитров, В. М. Молотов, В. А. Зорин. Наиболее обстоятельными были замечания Зорина, подготовленные в марте 1945 г. В них отмечалось, что в предложенном проекте программы практически отсутствуют обязательства правительства по обеспечению прав национальных меньшинств. При этом Зорин подчеркивал, что речь идет прежде всего об украинцах и русинах. Что же касается других меньшинств, в частности венгров и немцев, то суть замечаний Зорина сводилась лишь к тому, что для лиц венгерской и немецкой национальности нельзя автоматически утверждать чехословацкое гражданство. «Очевидно требуется персональный подход в каждом отдельном случае»¹.

Однако реальная политика в области национальных отношений оказалась весьма далекой от программных установок, разработанных весной 1945 г. Идея необходимости ликвидации в Словакии венгерского меньшинства преваляровала в национальной политике ЧСР весьма длительное время. Материалы российских архивов, особенно записи бесед чехословацких политиков с советскими руководителями и дипломатами, показывают сколь настойчиво чехословацкое правительство — буквально с момента, когда встал вопрос о заключении соглашения перемирия с Венгрией, — добивалось от советской стороны фиксации своего права на выселение с территории ЧСР всех венгров, а также фиксации обязательства венгерского правительства принять этих переселенцев. Посол Чехословакии в СССР З. Фирлингер 9 января 1945 г. в беседе с В. А. Зориным убеждал последнего, что «обстановка в Чехословакии может сложиться так, что венгры сами будут вы-

нуждены перебираться в Венгрию и могут оказаться в тяжелом положении»². Чехословацкая сторона считала необходимым внести в соглашение о перемирии специальный пункт о том, что «венгры, имевшие ранее чехословацкое гражданство и будучи лишенными его, будут признаны Венгрией венгерскими гражданами и впущены на ее территорию. Венгрия будет нести заботы об этих лицах с момента перехода ими венгерской границы и заботиться об их устройстве»³.

Однако советская сторона, учитывая позиции своих западных союзников, особенно Великобритании, официальные круги которой на завершающем этапе войны весьма сдержанно относились к идее массовых переселений, не считала возможным поддерживать такие инициативы чехословацкого правительства. Советские дипломаты, и на это следует обратить особое внимание, настоятельно рекомендовали чехословацкой стороне отложить рассмотрение вопроса о переселении венгров до заключения мирного договора⁴.

Реальная обстановка в самой Чехословакии ко времени завершения советской армией ее освобождения, оказалась более сложной, чем представлялось в момент заключения перемирия с Венгрией. В апреле 1945 г. В. А. Зорин, назначенный послом в Чехословакию, срочно сообщал в Москву, что, по полученным от министра внутренних дел коммуниста В. Носека сведениям, Словацкий Национальный Совет, являвшийся фактически высшим органом власти в Словакии, предполагает в ближайшее время провести операцию по выселению венгров с территории Словакии. «Причем словаки намерены выселить всех венгров, что Носек считает неправильным»⁵, — подчеркивал Зорин. Он подробно информировал Москву о расхождениях в этом вопросе СНС и министра централь-

² Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. М., 1997. С. 134.

³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВПРФ). Ф. 07. Д. 195. Л. 1-а.

⁴ Там же.

⁵ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 199.

¹ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1. — М., 2000. С. 176.

ного правительства В. Носека. Последний, по словам советского дипломата, исходил из того, что в первую очередь следовало выселять лишь тех венгров, которые прибыли в Словакию после ее оккупации Венгрией в 1938 г. Таких венгров, по мнению Носека, насчитывалось около 3–4 тысяч. «...остальных венгров, – считал он, – нельзя сейчас выселять, не проделав предварительной работы, в частности надо объявить трудовую повинность для всех немцев и венгров, находящихся в Словакии, затем создать концлагеря, куда направить тех венгров, которые были не лояльны по отношению к Чехословацкой республике, а затем уже из них отобрать тех, кого надо выселить за пределы Чехословакии»¹. Носек считает неправильным проводить сейчас общее выселение венгров – таков был вывод Зорина.

Однако со стороны президента страны Э. Бенеша позиция СНС находила более значительную поддержку, чем со стороны министра внутренних дел правительства. Э. Бенеш уже с первых месяцев 1945 г. в своих выступлениях ставил вопрос о необходимости выселения из страны не только немцев, но и 550 тысяч венгров. Такая позиция главы государства была отнюдь не случайной. Он располагал информацией, с одной стороны, о наличии сильных антивенгерских настроений в словацком обществе, а с другой – об определенном недоверии к нему, Бенешу, ряда ведущих словацких политиков. Для укрепления своего влияния в их среде он и шел им на уступки по вопросу о судьбах венгерского меньшинства, опираясь на пока еще неофициальное согласие советского руководства. Об этом, в частности, свидетельствует письмо А. Керра В. М. Молотову от 11 апреля 1945 г., в котором Керр пишет: «Когда президент Бенеш был в Москве, я узнал от него, что советское правительство согласилось с его предложениями о выселении примерно двух третей германского и венгерского меньшинства из Чехословакии...»².

¹ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 199.

² Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 66. Л. 6.

Выступления Э. Бенеша, и особенно принятие декрета о наказании военных преступников от 19 мая 1945 г., стимулировали активность местных словацких властей. Свидетельством тому является весьма любопытный документ, поступивший в ЦК ВКП(б) на имя Г. Димитрова от начальника УП управления ПУРККА генерала Бурцева. Последний сообщал 19 июня 1945 г.: « В настоящее время в связи с заявлением Бенеша от 12 мая с. г. о том, что все немцы и венгры будут выселены с территории Чехословакии, местные административные органы принимают меры для практического выполнения этого указания»³. К этому времени Словацкий Национальный Совет, обсудив вопрос о выселении венгров, принял решение провести эту акцию «возможно быстрее и сделать это до того, как другие союзники начнут заниматься этим вопросом. Словацкий Национальный Совет подготавливает выселение в течение трех месяцев до 400 тыс. венгров из южных районов Словакии»⁴.

Генерал Бурцев, информируя ПУККА о ситуации в Словакии, сообщал: «Принимать венгров в партию (имеется в виду компартия Словакии – прим. Г. М.) приостановлен. Новым членам партбилеты не выдаются. О старых членах ЦК решает в индивидуальном порядке... Происходит активизация шовинистических элементов. В Левице комендант чехословацкого гарнизона капитан Куница велел напечатать и расклеить лозунги: «Кто не хочет говорить по словацки, будет выселен за Ипель! Мы у себя здесь дома, мы господа! Словаки, говорите громче!»... Выселение венгров проводится грубыми методами. Венграм не предоставляется ни времени для продажи или сдачи на хранение своего имущества, ни транспорта; поэтому дети, старики, больные, беременные женщины вынуждены идти пешком десятки километров до венгерской границы. Старые работники компартии венгерской национальности, будучи не в состоянии прекратить незаконные действия местных властей,

³ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 224.

⁴ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 17.

уезжают в Венгрию»¹. В заключении Бурцев отмечал, что действия местных властей, направленные против венгров, не согласовываются с советскими военными комендатурами, а иногда местные власти поступают вопреки распоряжениям комендантов. Нередки случаи, когда красноармейцы по собственной инициативе препятствуют применению грубых методов по отношению к венграм.

Эта информация, как свидетельствуют материалы Архива Президента РФ, Г. Димитровым была направлена В. М. Молотову. В своем сопроводительном письме Димитров писал: «Из этого и других материалов, которыми мы располагаем, видно, что методы, применяемые словацкой администрацией при решении венгерского вопроса, неправильны и могут повлечь за собой неблагоприятные последствия. По нашему мнению, следовало бы в соответствующей форме обратить на это внимание представителей чехословацкого правительства»². Оба вышеприведенных документа позволяют констатировать, что в них осуждается не столько факт принудительного переселения венгров, сколько жесткие методы проведения этой акции.

Начавшееся переселение не могло не вызвать в Венгрии острой реакции всех политических партий, включая коммунистов. Некоммунистические партии напрямую связывали начавшиеся акции по переселению «с рукой Москвы», называя их «пробным шагом Молотова»³. Некоторые материалы российских архивов, хотя и не дают прямых подтверждений такой оценке, тем не менее «высвечивают» и проясняют позицию советского руководства. На встрече И. В. Сталина и В. М. Молотова с премьер-министром Чехословакии З. Фирлингером и зам. министра иностранных дел В. Клементисом, состоявшейся 28 июня 1945 г., в ходе обсуждения ситуации в Закарпатской Украине и Тешинской области чехословацкой стороной был поставлен вопрос о выселении немцев и

венгров. В протоколе беседы записано: «Фирлингер спрашивает, как быть с выселением немцев и венгров из Чехословакии. И. В. Сталин говорит: „Мы мешать Вам не будем. Прогоняйте их. Пусть испытают на себе, что значит господство над другими“. Фирлингер просит в связи с этим дать указание советским военным о содействии этому выселению немцев и венгров. И. В. Сталин спрашивает: „А разве наши военные препятствуют этому?“ Фирлингер говорит, что препятствий нет, но хотелось бы иметь активное содействие». Однако, как вытекает из протокола, Сталин уходит от прямого ответа, переключив внимание собеседников на проблему необходимости урегулирования отношений с Польшей в районе Тешина⁴. На основе этой записи можно сделать вывод, что Сталин летом 1945 г. по существу еще ставил знак равенства между акциями по выселению немцев и венгров.

Но в кругах официальной дипломатии во второй половине 1945 г. все более широко обсуждалось предложение отложить решение вопроса о венгерском меньшинстве в Словакии до будущей мирной конференции, с тем чтобы вывести его из одной плоскости с решением вопроса о немцах. Думается, что важную роль в этом сыграло соглашение между Чехословакией и Венгрией об обмене населением, заключенное в феврале 1946 г. Его принятием проблема венгерского меньшинства в Словакии была переведена в плоскость двухсторонних отношений и четко отделена от решения немецкого вопроса.

Однако на практике реализация заключенного соглашения столкнулась с большими трудностями, поскольку стороны, подписавшие его, стояли на позициях, существенно различавшихся по конечным целям. Чехословацкая сторона рассчитывала провести обмен населением таким образом, чтобы превратить районы компактного проживания венгров в чисто словацкие. Венгерская же сторона категорически отказывалась принять то количество переселенцев, на которое рассчитывали

¹ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 224–225.

² АП РФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1357. Л. 210.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 28. Д. 32. Л. 71.

⁴ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 232.

словацкие власти. Венгры мотивировали свою позицию тем, что не смогут обеспечить для 650 тыс. переселенцев соответствующих экономических условий жизни. Они настаивали на предоставлении остающемуся в Словакии венгерскому меньшинству равных со словаками гражданских прав, которых оно было лишено сразу после окончания войны.

Создавалась по существу тупиковая ситуация. Соглашение об обмене населением фактически не выполнялось. Дело доходило до открытых конфликтов. Чехословацкая сторона, стремясь ускорить процесс переселения венгров, в ответ на отказ Венгрии принять транспорт с переселенцами, запретила пропуск через свою территорию эшелонов с немецким населением, переселяемым из Венгрии в советскую зону оккупации Германии¹.

В условиях такого острого чехословацко-венгерского противостояния Москва получала весьма выгодную роль арбитра. Поддерживая то одну, то другую сторону советское руководство использовало «национальную карту» для того, чтобы влиять на проходящие в обеих странах политические процессы постепенного усиления позиций коммунистов в системе власти, способствуя тем самым продвижению их к установлению властной монополии.

По мере приближения сроков мирной конференции нажим советской стороны и на Чехословакию, и на Венгрию стал усиливаться. В апреле 1946 г. Сталин принял венгерскую делегацию во главе с Ф. Надем. Этой встрече предшествовала беседа Молотова с министром иностранных дел Дьендеша, где вопрос о положении венгерского населения в Словакии был представлен Венгерской стороной как требующий неотложного решения. На встрече со Сталиным венгерская делегация дала аргументацию своей позиции «о судьбе венгерского народа, проживающего в Чехословакии». Для решения данного вопроса венгерские представители предлагали советским лидерам два варианта. Первый – мирный договор должен обязать Чехословакию обеспечить для венгерского мень-

шинства условия полного равноправия, чтобы «венгры могли свободно жить и развиваться, как это осуществлено в Югославии, и в соответствии с тем, как решен национальный вопрос в СССР». Думается, что такая аргументация была или наивной идеализацией национальных отношений в СССР, или это был тонкий дипломатический ход, обращенный к Сталину, считавшему себя теоретиком по национальному вопросу. В ходе беседы И. Надь акцентировал внимание собеседников на том, что со стороны государственных деятелей ЧСР неоднократно делались заявления о намерениях ликвидировать венгерское меньшинство. Учитывая это, венгерская сторона предлагала второй вариант решения рассматриваемой проблемы. Теперь речь шла о том, «чтобы часть чисто венгерских областей, населенных компактными венгерскими массами... вернуть Венгрии, с тем чтобы в случае дальнейшего стремления Чехословакии ликвидировать национальные меньшинства, иметь возможность разместить там население»². Ф. Надь уверял советскую сторону, что правильная реализация любого из этих решений успокоит венгров и создаст базу для установления добрососедских отношений между двумя странами.

Сталин же в ходе беседы предложил венгерской стороне все-таки встать на путь обмена населением, подчеркнув при этом, что при обмене дело не только в количественном равенстве: «...количество не играет роли, – говорил он. – Кто хочет, тот может вернуться на Родину, а кто остается, тот должен пользоваться свободой и правами»³. В ходе обсуждения Сталин изложил свое понимание позиций чехословацкой стороны, разъясняя венгерским собеседникам: «Чехи хотят удовлетворить все просьбы словаков, которые неохотно остались в составе Чехословакии. Словаки хотят расправиться с венграми, а чехи не препятствуют этому. Это несправедливо, что венгерскому населению не предоставляют прав, школ и т. д., – заключил

¹ АВП РФ Ф. 0138. Оп. 31. П. 150. Д. 31. Л. 17.

² Восточная Европа в документах российских архивов ...Т.1. С.413–414.

³ Там же.

Сталин свои рассуждения и вновь возвратился к идее обмена населением: – Обмен населением мог бы быть произведен, такой подход был бы аналогичен разрешению вопроса между Польшей и Литвой... для Венгрии лучше получить из Чехословакии венгров, так как они будут денационализированы. Таким образом, с точки зрения национальной политики целесообразнее получить венгров», – подвел он итог обсуждению вопроса¹.

Насколько позволяют судить доступные на сегодняшний день документы, реализация мер, предлагаемых Сталиным венгерской делегации, началась незамедлительно. 30 апреля Молотов в Париже говорил с полномочным представителем чехословацкого правительства В. Гайду по вопросам переселения венгерского населения из южных районов Словакии. Гайду информировал Молотова, что чехословацкое правительство не видит никакой другой возможности, кроме как постановки этого вопроса на мирной конференции. Молотов в свою очередь настаивал на том, что по вопросам переселения немцев и венгров следует делать различия. Он настойчиво рекомендовал чехословацкой стороне принять энергичные меры, чтобы договориться с венграми об обмене населения на той же основе, на которой СССР договорился о переселении населения с Польшей. Гайду, ссылаясь на опыт прошлого, упорно доказывал, что между венграми, живущими в Чехословакии, и немцами нет различия. «Венгры проявили себя также нелояльно по отношению к Чехословакии, как и немцы, ратуя за расчленение Чехословакии. С чехословацкой точки зрения венгры в Чехословакии будут всегда представлять опасность для чехословацкого государства»². В ходе обмена мнениями Молотов настойчиво выяснял у чехословацкого дипломата, какой информацией последний располагает относительно позиции США и Англии. Гайду вынужден был признать, что «представители чехословацкого правительства неоднократно делали демарши перед послами

Англии и США, но до сих пор не получено официального ответа». По сведениям Гайду, английская сторона высказала сомнение, что подобный вопрос должен быть включен в проект договора с Венгрией. Получив такую информацию, Молотов в конце беседы делает заключение: надо было более энергично действовать после окончания войны. Такая позиция советского министра иностранных дел по существу перечеркивала те рекомендации, которые давались чехословацкому правительству советскими дипломатами ранее, во время заключения перемирия с Венгрией.

Было очевидно, что чехословацкой стороне не удастся добиться на мирной конференции согласия Великих держав на тотальное переселение венгров из Словакии. Оставался лишь путь обмена населением через договоренности с венгерским правительством. Но он, по-видимому, чехословацким политикам представлялся малоэффективным для достижения их целей. Поэтому неслучайно Готвальд говорил, что после окончания обмена «мы будем продолжать добиваться, чтобы остающаяся часть венгерского населения была выселена в Венгрию, а южные границы Словакии стали снова словацкими»³.

В такой напряженной обстановке в течение 1946–1947 г. власти Праги и Братиславы стали расширять начавшиеся еще в 1945 г. акции по принудительному переселению венгерского населения из мест их компактного проживания в западные и северо-западные районы Чехии. Здесь создавались так называемые трудовые поселения. Для юридического обоснования этой акции был использован декрет президента о трудовой повинности лиц, не занятых полезным трудом. В соответствии с этим декретом, по поступившим в МИД СССР данным, около 50 тыс. венгров было отправлено на работу предприятий промышленности и сельского хозяйства Чехии⁴. Советское посольство в своем политическом отчете, анализируя состояние межнациональных отношений в Чехословакии, вынуждено было констатиро-

¹ Восточная Европа в документах российских архивов ...Т.1. С. 415.

² Там же. С. 431–432.

³ Там же. С. 849.

⁴ АВР РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П.160. Д. 107. Л. 102.

вать «бесправное положение венгерского меньшинства» «Это, как отмечалось в отчете посольства, вызывало возмущение народно-демократической Венгрии. Сама Венгрия проводила совсем другую национальную политику в отношении словацкого меньшинства на венгерской территории. Она дала словакам все права и требовала от ЧСР такого же решения вопроса»¹.

Венгрия и ЧСР, по сути, оказались в состоянии конфликта, как в состоянии конфликта оказались лидеры КПЧ и ВКП. М. Ракоши с весны 1947 г. предпринимал весьма энергичный нажим на советское руководство, добиваясь помощи СССР в деле урегулирования вопроса о венгерском меньшинстве в Словакии. Беседуя с Молотовым 27 апреля 1947 г., он подчеркивал, что отношения с Чехословакией очень плохие: «...Сейчас идет обмен населением между двумя странами. Это стоит нам 200 млн форинтов, что составляет 7 % бюджета. Чехословаки берут у нас пролетариев, а нам присылают крестьян-богачей. Мы все делаем, чтобы урегулировать отношения с чехословаками, но до сих пор это не удается... Венгерских коммунистов в Чехословакии преследуют. Чехословаки хотели расселить венгров, направив их в Судетскую область, но потом отказались от этого. Тогда они стали использовать венгров как чернорабочих. Дело зашло в тупик. Контакты с компартией Чехословакии у нас нет»². В российских архивах хранятся письма Ракоши на имя Сталина, Молотова, записи его бесед в ЦК ВКП(б). Везде красной нитью проходила одна идея: чехословацкие коммунисты политикой преследования венгерского меньшинства в Словакии наносят вред политическим позициям венгерских коммунистов в стране. В некоторых письмах он доходит до прямой клеветы на отдельных наиболее тогда популярных в Словакии коммунистических политиков, таких как Г. Гусак, В. Клементис, Л. Новомеский, обвиняя их в словацком национализме и антисемитизме³.

¹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П.160. Д. 107. Л. 102.

² Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 618.

³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д.803. Л.156.

Запоздалые попытки Готвальда осенью 1947 г. получить поддержку своих позиций в Москве оказались малоэффективными. Москва теперь твердо исходила из того, что Праге более целесообразно будет добиваться договоренностей об обмене населения с новым венгерским правительством, в котором к этому времени наконец-то существенную роль стали играть коммунисты. К сожалению мы не располагаем материалами о тех конкретных шагах по урегулированию отношений между руководствами двух компартий в вопросе о положении венгерского меньшинства в Словакии, которые были предприняты ЦК ВКП(б). Но о том, что такие шаги предпринимались, косвенно свидетельствует тот факт, что рубеже на 1947–1948 гг. официальная позиция руководства КПЧ стала заметно меняться. В январе 1948 г. венгерская сторона получила неофициальную информацию из международного отдела ЦК КПЧ, что после парламентских выборов в Чехословакии, которые должны состояться в мае 1948 г., венгерскому населению Словакии будут предоставлены равные с чехами и словаками права, и вопрос о выселении будет вообще снят. К этому же времени относится и беседа посла СССР в Праге М. А. Силина с Р. Сланским и В. Широки. В ходе беседы последние рассказывали, что их недавно вызывал Готвальд и «предложил окончательно решить венгерский вопрос... венгерцам (так в тексте. – Г. М.) дадут все конституционные права, им предоставят возможность вступать в компартию, но не разрешат вступать в другие партии»⁴.

Однако, несмотря на такие обнадеживающие обещания, ни установление властной монополии КПЧ в феврале 1948 г., ни победа этой партии на майских парламентских выборах в мае 1948 г. не привели к сколько-нибудь заметному снижению напряженности в межнациональных отношениях словаков с венгерским меньшинством. Это было связано с рядом существенных моментов. Один из них – это курс на словакизацию венгерского населения, который имел поддержку новой поли-

⁴ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 150. Д. 31. Л. 17–18.

тической элиты, закрепившейся в системе власти. Именно о таком как весьма возможном варианте предупреждал венгерскую сторону Сталин еще в 1946 г.

Весной 1948 г. советское посольство в Праге информировало Москву, что венгерские власти находятся на распутье: «...они должны или согласиться с предложением словаков и передать в словацкое гражданство 250 тыс. из числа венгров, имевших словацкое происхождение, а остальных забрать, или согласиться на оставление венгерского меньшинства и заставлять его поддерживать мероприятия коммунистического правительства»¹.

По данным, поступившим в МИД СССР к началу 1949 г., уже 20 тыс. венгров объявили себя словаками. Словацкие историки приводят данные о том, что всего в ходе этой кампании поменяли свою национальность (ресловакизировались) 326 697 венгров². Что же толкало людей на этот шаг? Думается, немалую роль играло то обстоятельство, что в словацком обществе продолжали превалировать настроения добиваться выселения венгров из Словакии. Об этом со всей очевидностью свидетельствует предпринятый еще летом 1948 г. опрос словацкого населения. В ходе него на вопрос «Вы за переселение мадьяр?» «ДА» ответили 55 % опрошенных, «НЕТ» – 21 %, «НЕ ЗНАЮ» – 24 %³.

Поэтому неудивительно, что и в 1948, и в 1949 г., несмотря на то что еще 28 октября 1948 г. было принято чехословацким правительством решение о восстановлении всех прав венгерского населения, на практике продолжал реализовываться курс на расселение компактно проживающего венгерского меньшинства. Но теперь он стал воплощаться в жизнь в явно завуалированной форме – под лозунгами борьбы с классовыми врагами. В 1949 г. советские дипломаты сообщали из Братиславы, что «длительное время идет подготовка к выселению из южных районов Словакии в чешские области некоторых категорий

венгерского населения»⁴. К октябрю 1949 г. было подготовлено к переезду 600 венгерских семей. Как информировал советское посольство Г. Гусак, возглавлявший тогда словацкое правительство, «больше половины этих людей составляли венгерские кулаки, кустари и мелкая буржуазия»⁵. Таким образом, теперь национальный аспект акции по выселению национального венгерского меньшинства формально исчезал.

На венгров, оставшихся в Словакии, оказывался весьма жесткий нажим и на чисто бытовом уровне. В советское консульство в Братиславе поступали сведения о том, что Венгерское культурное общество в Словакии вынуждено было обращаться с жалобами к уполномоченному по делам школ в правительстве Словакии о насильственной записи венгерских детей в словацкие школы.

Столь напряженная ситуация в сфере межнациональных отношений в Словакии давала повод Ракоши для обращений в ЦК ВКП(б) с предложениями обсудить этот вопрос на одном из заседаний Коминформбюро. Еще в 1948 г. Й. Реваи и М. Ракоши добивались согласия Суслова на такую акцию. Но их предложение не получило прямой поддержки советской стороны. Суслов в состоявшейся беседе убеждал венгерских собеседников в желательности и необходимости урегулирования отношений с Чехословакией на основе взаимных договоренностей, без вмешательства извне. Однако было бы наивно полагать, что получаемая из Будапешта информация оставалась без внимания главного идеолога ЦК ВКП(б). Когда весной 1948 г. под его руководством развернулась в Москве интенсивная подготовка секретных аналитических записок с развернутой критикой руководства компартий четырех стран: Югославии, Польши, Чехословакии и Венгрии, материалы, получаемые из Будапешта о словацко-венгерских отношениях, оказались весьма востребованными. В многостраничном документе, названном «О некоторых ошибках коммунистической

¹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 47. Д. 9. Л. 13.

² История Словакии. – М., 2003. С. 339.

³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 164. Д. 43. Л. 106.

⁴ Там же. Ф. 023. Оп. 1. П. 3. Д. 80. Л. 1.

⁵ Там же. Ф. 023. Оп. 1. П. 3. Д. 80. Л. 1.

партии Чехословакии», имелся специальный раздел, посвященный анализу политики КПЧ в сфере национальных отношений. В нем весьма жестко констатировалось, что, несмотря на произошедшие серьезные изменения во внутривнутриполитическом развитии Чехословакии и радикальные изменения положения дел в Венгрии, позиция компартии Чехословакии (а также и компартии Словакии) относительно положения венгров республике фактически не изменилась. «До самого последнего времени в государственной политике Чехословакии оставалась в силе установка на лишение венгров, еще находящихся в стране, основных демократических свобод, то есть по существу реализовывалась официальная программа дискриминации венгров...»¹. И хотя этот документ не был Кремлем использован так, как аналогичный документ об ошибках КПЮ, и сформулированные в нем обвинения в адрес руководства КПЧ не стали предметом публичного обсуждения в Коминформбюро, он бесспорно представляет большой интерес для исследователей. Именно он позволяет выявить в полной мере эволюцию взглядов советского руководства по вопросу о судьбах национальных меньшинств, на конкретном примере венгерского меньшинства в Словакии. Если в 1945 г. исходная позиция определялась словами Сталина «гоните их, мы мешать не станем», то в апреле 1948 г. речь шла уже об обвинении чехословацких коммунистических политиков в «шовинистическом угаре». Такая трансформация советской позиции показывает, что для руководства СССР проблема судеб того или иного нацио-

нального меньшинства никогда не рассматривалась как самостоятельная. Ей всегда отводилась роль инструмента в решении какой-либо другой, более приоритетной, с советской точки зрения, задачи.

Рассмотренный материал позволяет утверждать, что в 1945–1947 гг. вопрос о судьбах венгерского меньшинства в Словакии, безусловно, рассматривался Москвой, прежде всего через призму продвижения коммунистов к власти. Поэтому подходы советского руководства к проблеме переселения венгров из Словакии постоянно менялись. Если в 1945 г. Кремль, учитывая общественные настроения в Чехословакии, гласно или негласно в разном словесном оформлении все же отдавал предпочтение переселению венгров из Словакии, то к 1948 г., когда компартии в Восточной Европе стали монополично правящими, ситуация изменилась. Теперь на первый план выдвигалась в качестве главной задача формирования «лагеря мира и социализма», находящегося в капиталистическом окружении. Модель ускоренного построения «социализма по Сталину» провозглашалась универсальной. Реализовываемая в Словакии политика в отношении венгерского меньшинства, вызывающая напряженность в межгосударственных отношениях ЧСР и Венгрии, не сопрягалась со сменой стратегического курса советского руководства. Она была квалифицирована им теперь как «буржуазный национализм». Носителями его объявлялись словацкие коммунистические политики тех лет: Г. Гусак, Л. Новомеский, В. Клементис, ставшие жертвами репрессий на рубеже 40–50-х годов.

¹ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 850.

А. Хорняк

(Институт истории Венгерской академии наук)

ВЕНГЕРСКО-ЮГОСЛАВСКАЯ ПОГРАНИЧНАЯ ПОЛОСА В ГОДЫ РАЗРЫВА И. В. СТАЛИНА и Й. Б. ТИТО¹

Анализ положения в венгерско-югославской пограничной полосе в годы разрыва и последующего жесткого противостояния СССР и Югославии (1948–1953 гг.) было бы целесообразно предварить историческим экскурсом, посвященным формированию самой этой границы. Пограничная линия, разделяющая Венгрию и Югославию, которую предстояло провести по итогам Второй мировой войны, должна была в основном соответствовать линии, установленной Трианонским мирным договором 1920 г., что, впрочем, не означало некоторых допустимых отступлений от этой линии. Возможность такого рода изменений возникала, как правило, не с венгерской стороны (хотя там тоже иногда звучали нерешительные голоса), а со стороны югославянского государства или, точнее, некоторых сербских и хорватских политических кругов, деятельность которых с той или иной интенсивностью получала официальную поддержку.

Что касается официальных межгосударственных отношений, можно утверждать, что в соответствии со своими сформулированными внешнеполитическими целями Югославия отказалась от любого рода территориальных притязаний в отношении Венгрии, которые бы переходили линию, установленную по итогам Первой мировой войны. Никакие территориальные вопросы официально перед венгерскими представителями не ставились. Тем не менее некоторая возможность исправлений границы в пользу Югославии время от времени рассматривалась в самых высоких белградских кругах. Надо при этом иметь в виду, что югославское правительство не было абсолютно монолитным об-

разованием, особенно в 1945 г. в условиях коалиционного правления. Помимо различий в политической ориентации отдельных партий существовали также различия национальных интересов сербов, хорватов и словенцев, проявлявшиеся и в рамках коммунистической партии. У каждой из национальных партийных элит был свой специфический взгляд на проблему корректировки границ. В любом случае вопрос о ревизии границ был в руках югославского руководства козырной картой, которую можно было задействовать против Венгрии. Это находит подтверждение во многих источниках, дающих представление о различных формах давления в отношении Венгрии.

Так, 13 января 1945 г., когда на повестке дня стоял вопрос о заключении перемирия с Венгрией, министр иностранных дел Югославии И. Шубашич отправил в Москву послу С. Симичу письмо, в котором предписал ему согласовать с советским руководством вопрос о передаче под контроль Югославии определенных венгерских территорий, которые Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ) могла бы занять сразу же после заключения перемирия². Командир партизанского соединения, активно участвовавшего в освобождении Воеводины, генерал Коста Надь (сам имевший венгерские корни) в разговоре с британским военным представителем генералом Ф. Маклеаном также затронул вопрос о необходимости коррекции венгеро-югославской границы в южной венгерской области Баранья в пользу Югославии. При этом трудно сказать, в какой мере он выражал собственное мнение и в какой продвигал бытовавшую в более

209

¹ Работа подготовлена в рамках проекта: ОТКА К 101 629.

² Arhiv Josipa Broza Tita, I-3-b/412

ной беседе с британским функционером¹. Надо иметь в виду, что югославские партизанские формирования участвовали в освобождении Бараньи, при этом на занятых ими территориях вели активную пропаганду в пользу присоединения соответствующих районов к Югославии². Одновременно с появлением частей НОАЮ активизируется общественно-политическая деятельность южных славян Венгрии. В составе НОАЮ сражались и выходцы из югославянских сел Южной Венгрии, которые, вернувшись домой, пытались создавать (при содействии партизанских командиров и югославских органов безопасности) местные органы власти по югославскому образцу с военизированными дружинами³. Депутации из населенных сербами приграничных сел Венгрии и Румынии (в том числе из венгерской Байи) приезжали в Белград, где ставили вопрос о присое-

¹ Помимо требования о корректировке границ в Баранье Югославия, по мнению военачальника, не выступала бы с какими-либо иными территориальными притязаниями к Венгрии. См.: The National Archives, UK (далее – TNA), Foreign Office: Political Departments: General Correspondence from 1906–1966 (FO 371), 44040, R20605/20605/92. В одном из своих донесений Маклеан, упомянув о беседе с К. Надем, отметил, что югославская сторона хотела достичь своих целей исключительно мирным путем.

² Источники отражают атмосферу некоторого недоверия городских властей крупного города Печа (главного города Бараньи) к посещавшим город функционерам венгерской компартии, не ведут ли те какой-либо деятельности в пользу Югославии. См.: Politikátörténeti Intézet Levéltára (PIL), 876. f., 4. ő. e. С другой стороны, политкомиссар одного из партизанских соединений 5 января 1945 г. доносил в Белград в ЦК КПЮ о хороших отношениях между частями НОАЮ и местным населением, чему способствовала, на его взгляд, и эффективная пропаганда не только на сербском, но и на венгерском языке. См.: Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslavije. Tom IX. Knj. 8. Urednik Miloš Krstić. – Beograd, 1969. S. 77.

³ Как явствует из донесений югославских функционеров, посещавших эти села, на административных зданиях в них вывешивали югославские флаги, люди часто носили шапки, распространенные среди бойцов НОАЮ («титовки»), многие жители свято верили в то, что эти территории отойдут к Югославии. См.: Arhiv Jugoslavije (далее – AJ). 507–IX. 75/III–1. 92.

динении своих земель к Югославии. Эти поездки не находили отражения в прессе⁴.

Может возникнуть резонное предположение о том, что югославы, вынашивавшие планы пересмотра границ, получили «отбой» вследствие давления Москвы, не желавшей настраивать друг против друга страны своей будущей сферы влияния, тем более по таким мелочам. Однако это предположение не подтверждается некоторыми известными документами⁵. Что ка-

⁴ Официальное югославское информационное агентство ТАНЮГ дало сообщение о такой поездке 11 декабря 1944 г. Не нашла отражения в прессе и поездка в Белград в январе 1945 г. делегации южнославянских активистов из окрестностей венгерского города Байи во главе с писателем-народником А. Караджичем, а между тем она была принята самим Тито. Об этой поездке см.: Pavlović, Radoslav: O nepoznatom „odboru Baranjaca i Baranjskih optanata” i neuspelim pokušajima da Baranja ostane u sastavu Vojvodine 1945. godine. In: Sentandrejski Zbornik. Tom 2. Ured. Dejan Medaković. – Beograd, 1992. S. 224.

⁵ Среди таких документов советская запись беседы Сталина от 9 января с руководителем прибывшей в СССР югославской делегацией А. Хебрангом. Как явствует из этой записи, Хебранг зондировал почву относительно возможной передачи Югославии города Печа с окрестностями, а также так называемого Байского треугольника (г. Байя с близлежащими территориями). Югославский деятель ссылался при этом как на исторические традиции, так и на этнические аргументы, а также хозяйственные соображения. Принимался во внимание и сам факт частичной югославской оккупации этих территорий. Выслушав Хебранга, Сталин призвал югославскую сторону не мешкать: югославы, проживающие на указанных территориях, должны сами активнее поднимать вопрос об их присоединении к Югославии. См.: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 / отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. 2. – М.; Новосибирск, 1997. С. 126. Существует также югославская версия беседы Сталина и Хебранга (см.: Odnosi Jugoslavije i Rusije (SSSR) 1941–1945. Dokumenti i materijali. Ured. Branko Petranović. Beograd, Savezno ministarstvo za inostrane poslove i Vojnoistorijski institut – Ministarstvo inostranih poslova Ruske Federacije, 1996. S. 652–659). Она довольно существенно отличается от советской версии. О территориальных претензиях к Венгрии речи в ней не идет, Венгрия упоминается лишь в контексте получения с нее репараций, а также в связи с необходимостью поставок венгерского угля, что было призвано восполнить нехватку в Югославии этого топлива.

саются югославских претензий на Байю и ее окрестности, то делегация южных славян с этих территорий во главе с вышеупомянутым А. Караджичем, приехавшая в Белград 10 января 1945 г., действительно ставила на встречах с югославскими лидерами вопрос о присоединении к Югославии этих территорий¹. И хотя, как уже отмечалось, югославская пресса не уделила внимания этой встрече, можно предполагать, что именно под влиянием состоявшихся бесед Тито месяцем позже, 11 февраля, в телеграмме командующему 3-м Украинским фронтом маршалу Ф. Толбухину упомянул о 50 тыс. венгерских югославын, проживающих в пограничной полосе, что, по его оценке, давало основания для претензий Югославии на соответствующие территории со ссылкой на историческое право².

О существовавших с югославской стороны территориальных притязаниях свидетельствует и то, что 25 января министр иностранных дел Иван Шубашич принял другую делегацию, составленную из югославских общественных активистов и интеллигентов области Баранья (с г. Печ). Он при этом заверил их, что официальный Белград приложит все усилия в целях присоединения к Югославии этих территорий. Министр иностранных дел отметил, что при осуществлении этих планов надо исходить из проживания на этих землях компактного югославского населения, что давало основания для постановки вопроса на ответственных международных форумах, где справедливые требования южнославянского населения Венгрии будут доведены до международного общественного мнения. Участвовавшие в беседе зам. министра иностранных дел С. Гаврилович и генерал В. Велебит призвали активистов Бараньи заняться формированием югос-

лавянских национальных комитетов на спорных территориях³.

О том, какое внимание уделялось проблеме границ и приграничных спорных территорий, свидетельствует и то, что 1 июня 1945 г. в Хорватии была создана специальная комиссия, в задачи которой входило определение ее границ как в рамках югославской федерации (среди других составляющих ее административных единиц), так и с соседями Югославии, включая Венгрию. Деятельность подобного рода экспертных групп, занимавшихся определением оптимальных границ, координировал научный институт по изучению международных проблем, созданный при МИДе Югославии⁴. Здесь важно заметить, что установление государственной границы Югославии с Венгрией находилось в некоторой зависимости с проведением внутренних границ, т. е. границ между субъектами югославской федерации или административно-территориальными образованиями в ее составе. Это касалось, в частности, границ Воеводины. Поскольку в Сабадке (Суботице) и ее окрестностях среди славянского населения преобладали хорваты, со всей правомочностью всплыл вопрос о целесообразности присоединения этих территорий именно к Хорватии (как элементу в составе федерации). Это требование было отвергнуто, исходя прежде всего из аргументов экономического характера: речь шла о том, что эти территории как в хозяйственном, так и в транспортном отношении тяготеют более не к западу, а к югу, что делает более целесообразным включение их в Сербию, иначе они будут обречены на глубоко периферийное положение (вопрос о том, не могут ли они в какой-то мере экономически тяготеть к северу, т. е. к Венгрии, разумеется, оставался без рассмотрения)⁵.

¹ По возвращении в Венгрию Караджич был арестован венгерскими властями и затем освобожден только по настоянию югославской стороны. См.: *Diplomatski Arhiv Ministarstva spoljnih poslova Srbije*. – Mađarska 1946. LIIV/487. pov broj. 2472/45.

² В этой связи были упомянуты не только город Печ и Байский треугольник, но и (видимо, по ошибке) румынский Арад. См.: *Arhiv Josipa Broza Tita KMJ I-3-b/400 1945. 02. 11.*

³ *Diplomatski Arhiv Ministarstva spoljnih poslova Srbije. Mađarska 1945. XXIII/436. 1945. március 12.*

⁴ Bagarić P. The Croatian Contribution to Plans for Revision of the Yugoslav – Hungarian Border in 1945–1946 // *Review of Croatian History*. 2012/1. P. 152.

⁵ См.: Zečević M., Lekić B. *Državne granice i unutrašnja teritorijalna podela Jugoslavije*. Beograd, 1991. S. 129.

Сразу следует заметить, что деятельность ни хорватской комиссии, ни вышеупомянутого белградского института не имела какой-либо практической пользы. Решения о границах и территориальных требованиях принимались на самом вер-ху, исходя из других соображений. Как бы то ни было, на их деятельность стоит обратить внимание, поскольку она хорошо показывает, каковы были в хорватских и сербских интеллигентских, академических кругах представления относительно идеальной венгеро-югославской границы и какими аргументами подкреплялись требования. Не следует забывать и о том, что за созданием таких институций стояла центральная власть, которая использовала их для оказания давления и обеспечения своих политических интересов.

На первом заседании хорватской комиссии была сформулирована принципиальная позиция, согласно которой рассмотрение вопроса о северных границах Югославии должно было быть совершенно беспристрастным и всячески избегать какой-либо шовинистической риторики¹. Решающее значение придавалось национальному принципу, исходя из которого только и можно было выдвигать какие-либо территориальные требования. На этом основании предлагалось, в частности, передать Югославии левобережье реки Драва. Хорватская комиссия, естественно, время от времени согласовывала свою позицию с вышеупомянутым белградским институтом, при этом обозначилось различие позиций двух структур (как это проявилось, кстати говоря, в подходе сербских и хорватских кругов к установлению линии венгеро-югославской границы после Первой мировой войны). Сербь в новых условиях предлагали провести несколько иную, чем хорваты, линию границы, апеллируя к требованию естественности границ, т. е. их обусловленности в том числе и природными факторами. Это означало включение в пределы Югославии наряду с так называемым «байским треугольником» значительной части области Баранья к югу от гор Мечек (вместе с крупным

городом Печ!), а также территорий к югу от г. Надъканижи (с нефтеносными полями), некоторых окрестностей г. Сегеда и населенных словенцами земель по реке Раба. В то же время белградский институт не поддержал идею включения в Югославию всего левобережья Дравы, поскольку это не отвечало принципу стабильных границ. Хорватская комиссия, в свою очередь, ссылаясь на этнический принцип, отвергала эти притязания как не всегда обоснованные, поскольку речь шла и о включении территорий, где проживали не только южные славяне². Одновременно в самой Югославии активизируются нападки на проживавших в Воеводине венгров. Так, на одном из белградских совещаний известный филолог академик Александр Белич, возглавлявший вышеупомянутый институт, требовал от венгров компенсации за преступления, совершенные против южных славян в годы войны на оккупированных территориях, что означало в его понимании, в частности, полное изгнание венгерского населения не только с территории Югославии в ее довоенных границах, но и с тех новых земель, которые могут к ней отойти³.

В первые три месяца 1945 г. югославское правительство оказывало все более сильное давление на Венгрию, заметное и на дипломатическом фронте, причем основным инструментом такого давления выступали югославянские национальные меньшинства. Аккредитованным в Бел-

² Белградские эксперты, в свою очередь, указывали на то, что проживавшие на этих территориях немцы будут выселены в Германию, а переселение на их место новых южных славян позволит устранить эти этнические диспропорции (Bagarić. Op. cit., S. 159). Существовали также представления о том, что венгерское правительство само предпримет переселение части неимущего, малоземельного южнославянского крестьянского населения из областей Ваш, Дёр-Мошон-Шопрон и Зала на более южные земли, в Бачку и Баранью, привязав их к земле, а это в свою очередь повысит долю и вес славянского элемента в приграничных районах.

³ Лишь от нас одних зависит, говорил Белич, получим ли мы определенные территориальные компенсации за ту кровь, которую пролили венгры на нашей земле (Bagarić. Op. cit., S. 160).

¹ См.: Bagarić. Op. cit. S. 157.

граде югославским дипломатам бросился в глаза большой интерес к подписанию мирного договора с Венгрией, проявленный заместителем министра иностранных дел Алешем Библером, курировавшим в МИДе отдел, занимавшийся проблемами установления мирных договоров¹. 17 января в главных газетах «Политика», «Борба» и «Глас» появляются статьи с осуждением традиционных антиславянских проявлений в венгерской политике. Всё это, разумеется, не могло не повысить интерес больших держав к состоянию венгеро-югославских отношений. В Форин офисе запросили свою будапештскую миссию, нет ли знаков того, что развернувшаяся в Югославии острая антивенгерская кампания вызвана реально проявившимися в Венгрии устремлениями к некоторой корректировке в свою пользу довоенных границ. Британские дипломаты в Венгрии, однако, не заметили какой-либо ревизионистской агитации². Англичане правильно оценили ситуацию, сделав вывод о том, что внезапно участвовавшие в югославской прессе антивенгерские выпады (как и ужесточение риторики в отношении собственного венгерского меньшинства) объяснимы в первую очередь результатами состоявшихся в начале ноября 1945 г. в Венгрии парламентских выборов, на которых к неудовольствию в том числе и югославских коммунистов одержала уверенную победу партия мелких сельских хозяев³. В Лондоне в этих условиях вполне допускали активизацию территориальных требований Югославии в отношении Венгрии, и этот фактор Советский Союз мог использовать в качестве повода для усиления давления на венгерское правительство в целях проведения им внутренней политики, угодной СССР⁴.

¹ Донесение британского посла в Белграде С. Стивенсона от 29 марта 1946 г. См.: TNA, FO 371/59524, R5795/844/92.

² См. переписку британского внешнеполитического ведомства со своими представителями в Венгрии от 26 и 28 января 1946 г.: TNA, FO 371/59524, R1178/844/92, R1516/844/92.

³ См. там же донесение британского дипломата в Форин офис от 31 января 1946 г.

⁴ См. там же записку сотрудника британского внешнеполитического ведомства Дж. Р. Уильямса

О том, насколько точно британские эксперты оценивали сложившуюся ситуацию, можно судить по посланию от 9 февраля 1946 г., которое зав. политическим отделом югославского МИДа Йоже Прилеж направил находившейся в Венгрии югославской делегации: «В связи с приближающимся заключением мирного договора с Венгрией для нас имеет большое значение с точки зрения воплощения наших чаяний продолжение работы с югославским меньшинством». Далее содержалось поручение к югославской делегации вступить в контакт со Славянским антифашистским фронтом Венгрии, с тем чтобы он активизировал свою деятельность, направленную на то, чтобы «югославские меньшинства все чаще и решительнее выражали желание относительно присоединения к Югославии»⁵. В Белграде в это время, летом 1946 г., был подготовлен план, предназначенный для ознакомления с ним лидеров Советского Союза, Великобритании и США,

от 16 апреля 1946 г. Интересна в этой связи позиция как югославской стороны, так и руководства венгерской компартии. М. Ракоши, обсуждая в беседе с послом Югославии К. Мразовичем 16 апреля 1946 г. вопрос о несправедливостях, имеющихся в Венгрии в отношении собственных югославянских нацменьшинств, заметил, что, если вопрос этот не будет срочно решен венгерской стороной, тогда в дело включится сам Тито (югославскую версию записи этой беседы см.: AJ, 507–IX. 75/1–1–67). Такого рода опасения венгерского коммунистического лидера были только усилены самим Тито в дни пребывания в Югославии в апреле 1946 г. делегации венгерской компартии. Югославский лидер сообщил послу СССР А. И. Лаврентьеву, что донес до сведения венгров: официальный Белград лишь в том случае не вынесет на обсуждение Парижской мирной конференции вопрос о территориальных претензиях Югославии к Венгрии, если будапештские власти предоставят южным славянам Венгрии такие же права, какими обладают венгры в Югославии. См.: Iratok a magyar-szovjet kapcsolatok történetéhez 1944. október – 1948. június. Dokumentumok. Szerk. Vida István. – Budapest, 2005.

⁵ Югославская делегация получила также предписание запросить у руководства фронта дополнительную информацию о югославянских меньшинствах в Венгрии, а также сообщать в МИД о любых событиях, связанных с деятельностью меньшинств. См.: Diplomatski Arhiv 1946. F-55. Pov. 1368 1946. 02. 09.

хотя и не адресованный им официально. В этом проекте, подкрепляя свою позицию этническими, стратегическими и прочими (в том числе гидротехническими) аргументами, югославское правительство обосновывало свои территориальные притязания в отношении Венгрии – речь шла о «байском треугольнике», северо-востоке области Баранья и заселенных словенцами территорий вдоль реки Раба. Наиболее весомо выглядел аргумент, согласно которому установление прочных дружеских отношений с Венгрией было возможно лишь при условии присоединения к Югославии соответствующих территорий¹.

Вследствие политических игр, происходивших на высшем уровне, границы между двумя странами остались неизменными, и это внешне не доставляло никому каких-либо забот, ведь, в конце концов, это оказались границы между государствами с одинаковым государственным устройством и сходной идеологией. Вынужденно или добровольно, но обе они попадают в сферу влияния одной и той же великой державы, не заинтересованной в том, чтобы существовали противоречия в отношениях между сателлитами. Впрочем, на самом деле положение было не таким уж розовым.

Участь венгеро-югославской пограничной полосы разделило проживавшее на ней население, в том числе и югославянское меньшинство Венгрии, проживавшее (и проживающее до сих пор), хотя и с разной степенью густоты, на длинной полосе, протянувшейся начиная от Шопрона (в северо-западной Венгрии, близ австрийской границы), вдоль рек Дравы и Муры и далее к востоку. Это были не только сербы, хорваты и словенцы, но и мелкие южнославянские группы, называвшие себя буневацами, шокацами, вендами. Точную их численность довольно трудно определить. С югославской стороны чаще всего ссылались на венгерского премьер-министра Пала Телеки, непосредственно причастного к заключению в декабре 1940 г.

¹ Arhiv Josipa Broza Tita. I-3-4/462. Документ не датирован и не подписан, во всяком случае, он был подготовлен не ранее декабря 1945 г.

венгеро-югославского договора о мире и вечной дружбе. Телеки при заключении договора говорил о 200 тысячах южных славян, проживавших в пределах тогдашней Венгрии². Однако перепись населения в Венгрии 1949 г. дала цифру 30 504 человека. Столь разительное падение численности южнославянского населения было обусловлено историческими условиями того времени, явилось следствием острого противостояния Венгрии и Югославии в годы Второй мировой войны³. Важно обратить внимание на произошедшие после войны значительные изменения в отношении официальной югославской стороны к проблеме венгерских югославян. В межвоенный период во внешней политике королевской Югославии этой проблеме не уделяли много внимания, она нашла свое отражение лишь в единичных документах, относившихся к 1930-м годам. По контрасту с этим внимание новой югославской элиты и общественного мнения к югославянской диаспоре у северных соседей было очень велико, и трудно определить, в какой мере здесь проявилась потребность политической нации в ощущении своего единства с соотечественниками за рубежом, а в какой – соображения реальной политики. Многие зависело от конкретных обстоятельств. В свою очередь в Венгрии в межвоенный период, напротив, проблеме национальных меньшинств придавалось большое значение как инструменту для достижения внешнеполитических целей (как это было в случае с послевоенной Югославией, где вопрос о меньшинствах стремились использовать в интересах корректировки в свою пользу межгосударственных границ, но также и для решения более долгосрочных задач стратегического сотрудничества с Советским Союзом, а также установления более тесных связей с Чехословакией).

С конца 1944 г. по 1946 г. вопрос о югославянском меньшинстве в Венгрии

² Diplomatski Arhiv 1957. F 61. 425837.

³ Вообще имеющиеся источники дают разные и зачастую противоречивые цифры о численности южнославянской диаспоры в Венгрии после Второй мировой войны. Югославские источники оперируют цифрой 150 тыс. человек.

входил, как мы видим, в круг вопросов пограничного характера. В нашем распоряжении существует немало источников (в том числе официальные жалобы венгерской стороны), свидетельствующих о нарушениях границы и разного рода злоупотреблениях со стороны югославских партизан. Но в таком же количестве имеются также и югославские документы, в которых речь идет о превышениях власти и злоупотреблениях венгерской администрации в отношении собственных югославянских нацменьшинств. В подобного рода антиславянских внутривластных проявлениях венгерских властей чрезвычайно существенную роль играло то обстоятельство, что в них видели центробежный элемент, угрожающий единству страны. Это, собственно говоря, с югославской стороны и не оспаривалось. Как явствует из отчета руководителя югославской миссии в Союзной Контрольной Комиссии (СКК) полковника Обрада Цицила, югославянское население в области Бараня после прихода Красной Армии и югославских партизанских соединений не только в массовом порядке и открыто выражало симпатии титовской, антифашистской Югославии, но и прямо, без обиняков, высказывалось за присоединение населенных ими территорий к Югославии. Уже упоминалось о местных славянских антифашистских комитетах, бравших в отдельных селах всю полноту власти в свои руки, формировавших свои вооруженные отряды. Деятельность этих органов и этих отрядов пресекалась венгерскими властями, формировавшими свои официальные структуры на местах, что, впрочем, не всегда происходило беспрепятственно. Некоторые из местных славянских комитетов не хотели прекращать свою деятельность и часто продолжали функционировать нелегально, причем при неофициальной поддержке из Югославии¹.

В 1945 г. югославские власти, а в не столь массовом порядке и венгерские, приступили к выселению из своих стран

этнических немцев. Программа депортации предполагала и выселение из Югославии тысяч венгров, прежде всего тех, кто поселился в Воеводине в период венгерской оккупации, начиная с весны 1941 г. (в первую очередь депортации подверглись присланные хортистскими властями чиновники). Вести о грядущих массовых переселениях нервировали население. В этой обстановке югославская миссия неоднократно обращалась к компетентным венгерским органам с требованием обеспечить гражданские права своих югославянских меньшинств, включая право на собрания, создать условия для получения образования на родном языке. В донесениях, адресованных в Белград, неоднократно речь заходила о том, что венгерские власти в «байском треугольнике» систематически «терроризируют» местное югославянское население, правда, в некотором противоречии с этим югославские представители в своих донесениях в центр замечали, что не могут обратиться в СКК с какими-либо конкретными подтверждениями террора против венгерских югославян².

Наряду с проявлениями негативного отношения венгерских властей к своим югославянским нацменьшинствам, обеспокоенность югославских властей, причем еще большую, вызывали мнимые проявления территориального ревизионизма во внешней политике Венгрии, якобы усилившиеся с конца 1945 г., после победы партии мелких хозяев на ноябрьских парламентских выборах. Этот ревизионизм, придававший решающее значение этническому фактору, находил выражение, по югославским оценкам, во многих

¹ Отчет полковника Цицила в адрес Тито от 19 мая 1945 г. См.: Diplomatski Arhiv 1945. F-23 pov. broj. 14.

² На основании документов у нас складывается впечатление, что советская сторона, контролировавшая СКК, любой ценой стремилась сохранить спокойствие, избежать лишней остроты в венгеро-югославских отношениях. Существовала установка не вмешиваться в разрешение такого рода конфликтов (если они не были вопиющими), временному венгерскому правительству предоставлялось право разрешать их собственными силами. См. отчет полковника Цицила, адресованный Тито, от 19 мая 1945 г.: Diplomatski Arhiv 1945 F-23. pov. broj. 14.

газетных статьях и мог в конечном итоге выкристаллизироваться в официальной позиции венгерской внешней политики. Суть этой позиции заключалась в том, что установление границы Венгрии по мирному договору должно находиться в тесной зависимости от этнического момента, т. е. государственная граница Венгрии должна максимально совпадать с границей проживания венгерского этноса¹.

Ответом на внутривнутриполитические изменения в Венгрии и мнимое усиление ревизионистских тенденций в венгерской политике стала развернувшаяся с конца 1945 г. в югославской прессе пропагандистская кампания. Главное внимание в ней наряду с критикой гипотетического венгерского территориального ревизионизма уделялось напоминанию об исторических обидах, нанесенных югославам венграми, и продолжающейся сохраняться дискриминации. 12 января 1946 г. информационное агентство ТАНЮГ выступило с обширным комментарием под заголовком «Великовенгерские шовинисты продолжают». Главный вывод, к которому пришли авторы, заключался в том, что добрая воля Югославии в отношении Венгрии находится в зависимости от того, в какой мере удастся устранить ревизионистские элементы из венгерской внешней политики². За подобного рода антиревизионистской риторикой и выражением озабоченности в связи с ущемлением прав южнославянских меньшинств стояло стремление (и, как увидим, зачастую небезуспешное) оказать давление на Венгрию.

Нападки югославской прессы, понятным образом, вызвали в Венгрии обеспокоенность. Вместе с тем единственным политиком, который на них публично отре-

¹ Главным пропагандистом этого комплекса идей считался еженедельник партии мелких хозяев «Igazság», что было явным преувеличением. Сами югославы, судя по многим документам, признавали, что ни один сколько-нибудь серьезный венгерский политик не проповедовал таких взглядов, правда, и не отмежевывался открыто от них.

² Донесение британского дипломата Стивенсона от 15 января 1946 г. См.: TNA. FO 371/59524, R1178/844/92.

агировал, явился глава коммунистической фракции в парламенте Йожеф Реваи, заявивший, что неизжитые венгерским политическим сознанием ревизионистские тенденции угрожают охлаждением отношений Венгрии с соседями. Реваи при этом конкретно не назвал Югославию, но всем было ясно, кого из соседей он имеет в данном случае в виду. В венгерском МИДе пытались выяснить, в чем заключались причины столь резкого изменения тональности в выступлениях югославской прессы. Зав. административным отделом венгерского МИДа Пал Шебестен 19 декабря 1945 г. в беседах с влиятельным сотрудником югославского представительства в СКК Л. Бранковым, а затем и с О. Цицилом говорил о причинах ухудшения отношения к Венгрии в Югославии. Оба югославских функционера назвали целый ряд причин: проволочка с выдачей Югославии венгерских военных преступников, воспрепятствование открытию новых школ для югославянских меньшинств Венгрии (в то время как в Югославии сеть учебных заведений для венгерского меньшинства расширялась). Приводились и другие примеры плохого обращения в Венгрии с югославянскими меньшинствами³. Хотя обе стороны прекрасно понимали, что речь идет о политическом давлении, вопрос этот в беседе, разумеется, не поднимался.

Несколькими днями позже Цицила принял министр иностранных дел Венгрии Я. Дёндёши. В ходе длительной беседы была, по сути, изложена официальная венгерская позиция по данному кругу проблем. Она сводилась к следующему: 1) венгерское правительство не имеет никаких территориальных претензий, оно также считает вполне удовлетворительным положение венгерского меньшинства в Югославии; 2) в свою очередь венгерское правительство просит Югославию не выдвигать территориальных претензий к Венгрии и тем самым облегчить положение молодой венгерской демократии;

³ Magyar Országos Levéltár XIX.-J-1-k. 4/af tétel.

3) Дёндёши также обещал, что венгерское правительство как в вопросе о югославянских меньшинствах, так и в других вопросах (если они будут поставлены) готово выполнить просьбы Югославии¹. В соответствии со своими обещаниями и как свидетельство доброй воли венгерское правительство в январе 1946 г. провело перепись населения в местах проживания южных славян, чтобы определить их точное число в Венгрии². Был принят ряд мер по улучшению функционирования национальных школ, преодолению административных злоупотреблений, что вызвало позитивный отклик в Югославии.

После того как выяснилось, что югославское правительство сняло с повестки дня выдвигание территориальных претензий к Венгрии, положение национальных меньшинств на время выпало из инструментария внешнеполитического давления югославской стороны³. Ситуация ре-

¹ Diplomatski Arhiv 1946. F-55. Str. Pov. Br. 2. 1946. 01. 14.

² Методы проведения переписи подвергались критике в югославской прессе, в том числе на страницах газеты «Политика». Согласно мнению югославских комментаторов, южные славяне Венгрии не получили гарантий, что выбор ими невенгерской национальной идентичности не вызовет для них негативных последствий. Кроме того, национальные меньшинства Венгрии были деморализованы и напуганы вследствие депортации немцев. Речь шла и о том, что подлинное национальное самоопределение жителей южнославянских сел невозможно в условиях давления бюрократического госаппарата на местах, реакционного духовенства и учительства; настоящая, адекватно отражающая реалии перепись могла бы быть проведена только при участии Венгерского Антифашистского Славянского фронта. Вывод, к которому приходили белградские эксперты, заключался в том, что венгерские власти возвращаются к прежней, традиционной политике раздробления южных славян на мелкие этнические группы (не только сербы, хорваты, словенцы, но буневацы, шокацы и т. д.) в целях ослабления национальной идентичности. Обособление в ходе переписи родного языка от национальности также подвергалось критике как уловка, призванная увеличить число венгерских югославян, для кого родной язык венгерский.

³ О поддержании связей с югославянскими меньшинствами Венгрии по-прежнему проявлялась забота, так, в структуре хорватского респу-

шитительно изменилась весной 1948 г., когда вследствие советско-югославского конфликта произошло резкое ухудшение венгеро-югославских отношений. По мере того как они становились все более враждебными, в качестве одного из главных объектов притеснений выступили именно югославянские меньшинства.

Еще до июньского постановления Коминформа о положении в Югославии в первой половине 1948 г. в югославское посольство в Будапеште постоянно поступали жалобы со стороны венгерских южных славян о том, что власти (особенно в областях Ваш и Шопрон) якобы планируют выселение части из них в Германию под видом этнических немцев. При этом ссылаются на то, что часть мужского южнославянского населения была причастна к деятельности немецкого фольксбунда Венгрии, некоторые воевали в годы войны в частях гитлеровского вермахта⁴. В ряде южнославянских сел Западной Венгрии в начале 1940-х годов действительно были весьма сильны позиции фольксбунда, 80 % учителей составляли этнические немцы, которые принимали участие в работе этой организации и во время проведения в марте 1941 г. переписи населения, подчас прибегая к угрозам, заставляли сербов, хорватов и словенцев указывать свою немецкую идентичность⁵.

блканского правительства в феврале 1948 г. был создан специальный отдел.

⁴ Донесение посольства от 14 июня 1948 г.: Diplomatski arhiv 1948. F-101. Br. 424185.

⁵ В ряде сел Западной Венгрии неимущие крестьяне южнославянского происхождения обрабатывали землю богатых землевладельцев из числа этнических немцев и находились от них в полной экономической зависимости. Режим Хорти никак не препятствовал деятельности прогитлеровского фольксбунда в этой среде и даже вовлечению южнославянской молодежи в соответствующие военизированные формирования. «Записавшись» в ходе переписи немцами, южнославянские крестьяне в тех конкретных исторических условиях рассчитывали (через приобщение к привилегированной этнической группе) повысить свой социальный статус, поставить себя в более выгодное экономическое положение. Между тем, официальная позиция Белграда не проводила различий между службой тех или иных лиц в годы

Югославские источники показывают в очень мрачном свете положение южнославянских меньшинств Венгрии в этот период, и для этого были, безусловно, основания¹. После публикации в конце июня 1948 г. коминформовской резолюции с осуждением политики КПЮ так и не удалось добиться от Демократического союза южных славян Венгрии резко антитовского заявления, и это дало повод для начавшегося свертывания деятельности этой организации, из ее руководства удалялись лица, противившиеся новой линии. По требованию органов безопасности, в селах, расположенных в непосредственной близости от венгеро-югославской границы, деятельность структур этого союза фактически была прекращена². Почти все представители собственных южнославянских меньшинств воспринимались венгерскими властями как заведомо враждебные элементы, потенциальная база для оппозиционной деятельности, и с ними обращались соответствующим образом. В этой среде получила более широкий размах, нежели среди других категорий населения страны, агентурная работа органов безопасности³. Повседневными стали аресты,

войны в гитлеровском вермахте и венгерской армии, и те, и другие формирования в одинаковой мере считались вражескими, нанесшими огромный ущерб Югославии. Югославское посольство в июне 1948 г. выступило с нотой протеста против планов переселений венгерских южных славян вместе с этническими немцами. См.: *Diplomatski arhiv 1948. F-101. Br. 181/48.*

¹ Югославское посольство в своей ноте обращало внимание на то, что южнославянские крестьяне Венгрии при отсутствии должного количества национальных школ, учителей, национально ориентированной интеллигенции, отсталые в культурном отношении и зачастую малограмотные, нередко попадают под реакционное политическое влияние, в частности кардинала Миндсенти. См.: *Ibid.*

² Orgoványi István: *Déli határsáv 1948–1956 között.* In: Tóth Ágnes (szerk) *Bács-Kiskun Megye múltjából XVII. Kecskemét, Bács-Kiskun Megyei Önkormányzat Levéltára, 2001, 253–285 o.*

³ Югославские источники также свидетельствуют о расширении в Венгрии на областном уровне, особенно в Пече, структур, призванных вести работу в среде южнославянских меньшинств и осуществлять контроль над ними. См.: *Diplomatski arhiv 1950. F-50. br. 417330.*

многие люди были подвергнуты шантажу и поставлены перед выбором: начать заниматься доносительской работой в качестве агентов тайной полиции либо оказаться в лагерях для интернированных лиц.

Резкое ухудшение отношений двух стран сопровождалось увеличением количества инцидентов, связанных с действительным или мнимым нарушением пограничного контроля. К началу 1949 г. возросло число соответствующих дипломатических нот, поводы для которых давали даже малозначительные эпизоды. В этих нотах от имени МИДа Венгрии положение на границе называлось нетерпимым, содержались угрозы принять ответные меры⁴. В югославском МИДе едва ли были далеки от истины, когда считали, что официальная Венгрия такими нотами хочет создать впечатление об антивенгерской настроенности югославских властей, и это можно будет использовать в кампании против режима Тито для обоснования тех или иных политических шагов. В этих условиях югославское руководство считало необходимым держать в состоянии повышенной бдительности свои пограничные органы в целях недопущения малейших провокаций со стороны южного соседа. В первые месяцы конфликта, когда в Белграде доминировали надежды на предотвращение более острой конфронтации, югославская сторона придавала большое значение как можно более оперативному разбирательству произошедших инцидентов и ответам на поступившие ноты, существовала готовность к обсуждению даже малозначительных эпизодов на довольно высоком межгосударственном уровне. Как бы то ни было, никакое повышение бдительности с югославской стороны не могло воспрепятствовать венгерским властям в проведении избранной линии на югославском направлении.

В апреле 1949 г. Венгрия приступила к зачистке приграничной полосы. По всей многокилометровой пограничной линии вырубались деревья, зачищался растительный покров на расстоянии в преде-

⁴ См.: *Diplomatski arhiv 1950 F-69. br.42750.*

лах 50 м от границы. В основном это коснулось югославских крестьян, которые имели земельные наделы по обе стороны границы¹. Новые трудности возникли при пересечении ими границы – некоторые крестьяне, перешедшие границу по требованию венгерских пограничников для того, чтобы срубить дерево в пограничной полосе, были арестованы именно за несоблюдение правил пересечения границы (вопреки ранее подписанным двусторонним соглашениям о свободном пересечении этими категориями лиц границы и беспрепятственном перевозе ими произведенной сельхозпродукции)². Выстроилась новая сеть наблюдательных пунктов по обе стороны границы. В феврале 1949 г. на словенском участке венгеро-югославской границы полностью была перекрыта возможность въезда для вышеупомянутой категории крестьян без специальной визы. Для обеспечения прав свободного пересечения границы землевладельцами, имевшими наделы по обе ее стороны, еще 28 ноября 1949 г. в соответствии с подписанным двусторонним соглашением была создана специальная комиссия, но с самого начала возникновения острого венгеро-югославского конфликта ее положения стали грубо нарушаться, особенно с венгерской стороны. Закрывались пункты паспортно-таможенного контроля, осложнялись возможности получения виз, незаконно изымалась сельхозпродукция у крестьян, пересекавших границу³. Среди данной категории землевладельцев на словенском участке, где были созданы главные трудности, жители Югославии заметно преобладали над жителями Вен-

грии⁴, поэтому все происходящее ударило прежде всего по ним. Среди прочего на ухудшение коммуникации между странами сильно повлияло закрытие моста через реку Муру близ населенного пункта Летене, где проходила международная трасса. Особенно сильно в результате пострадали опять-таки югославские крестьяне, имевшие наделы в Венгрии; им пришлось теперь преодолевать в одну только сторону дополнительное расстояние в 16 км⁵. Кроме того, венгерские власти нашли подходящим время для того, чтобы взыскать накопившийся после войны долг за право пользования югославскими землевладельцами наделами на территории Венгрии (в случае неуплаты продукция полностью изымалась, а югославские земледельцы лишались права дальнейшей обработки своих наделов на территории Венгрии)⁶.

В конце концов состоялись двусторонние переговоры в Сегеде и 19 мая 1949 г. было подписано новое соглашение, регулирующее права перехода границы земледельцами, имеющими наделы на территории соседнего государства. Но оно не привело к устранению препятствий, продолжали то и дело возникать инциденты, связанные с нарушением соглашения, и это нашло отражение в новых дипломатических нотах. В результате часть югославских крестьян вообще бросила обрабатывать наделы, находящиеся по другую сторону границы. Такая цель, собственно говоря, и преследовалась венгерскими властями. Если в межвоенный период именно с югославской стороны видели

¹ На положении этой категории лиц в сравнении с другими быстрее сказывались трения в двусторонних отношениях, так было и в межвоенный период, когда препятствия чаще создавались с югославской стороны, так было и в рассматриваемый период, когда они создавались с венгерской.

² Документ МИДа Югославии от 18 апреля 1949 г.: *Diplomatski arhiv 1949 F-69. br. 47094.*

³ В октябре 1948 г., во время сельхозработ, из более чем 6 400 заявок с югославской стороны на пересечение границы венгерские власти удовлетворили только 850. См.: *Diplomatski arhiv 1948 F-100. br. 426201.*

⁴ При том, что соответствующие данные венгерских и югославских архивов разноречивы.

⁵ При закрытии моста ссылались на его частичное обрушение. С югославской стороны была проявлена инициатива ремонта моста за счет лиц, заинтересованных в его использовании (таких было в Югославии около 1500 человек), но она оказалась безрезультатной.

⁶ Посланная югославской стороной для компромиссного решения этой проблемы составленная из самих земледельцев делегация так и не решила ее, венгерские власти стояли на своем. Характерные для этих первых месяцев конфликта попытки решить спорные вопросы на местном уровне, не втягивая центральные власти, оказались в этом, как и в других случаях, безуспешными.

в подобной категории землевладельцев (в том случае венгерских) определенную угрозу государственной безопасности, то после 1948 г. ситуация изменилась, препятствия исходили теперь от Венгрии. В венгерских документах прямо отмечалось, что эта категория югославских земледельцев, постоянно пересекающая границу, легко может стать орудием в руках реакции, такую угрозу надо ликвидировать¹. В свете этого была принята установка свести к минимуму число граждан соседнего государства, регулярно пересекавших границу в целях осуществления сельхозработ.

В условиях с каждым месяцем усиливающейся истерии в двусторонних отношениях, чреватой перерастанием в настоящую войну, предметом первостепенной важности стала охрана границы, для которой использовались как традиционные, так и более новые методы. Уже в апреле 1948 г. началась зачистка 50-метровой пограничной полосы. В начале декабря на заседании Центрального Руководства Венгерской партии трудящихся было принято решение о том, чтобы функция охраны границы была передана в ведение политической полиции (AVH). Было высказано мнение о том, что с югославской стороны вдоль границы сосредоточены крупные силы, значительно превосходящие те, которые стоят с венгерской стороны. Это делает затруднительным проникновение в Югославию венгерской разведки, тогда как югославские агенты с большей легкостью попадают в Венгрию. Для того чтобы наблюдение за границей превратить, как отмечалось, в подлинную охрану границы, было принято решение о создании технических заграждений (в частности, минных полей), численность пограничных войск увеличивается с 11 500 до 19 тыс. человек, из которых 6 400 служило на южном, югославском участке длиной 630 км. На каждый километр там приходилось 10 пограничников. Согласно новым инструкциям, пограничники получили право более активного применения оружия, даже без

предупреждения. Как отмечалось в документе, пара инцидентов со смертельным исходом вследствие выстрелов пограничников получит такую огласку, что охладит решимость многих людей незаконно пересекать границу².

Для создания более гарантированной системы была выделена имеющая особый статус 15-километровая полоса, куда вошли 310 населенных пунктов с 290 тыс. жителей (не считая расположенных в непосредственной близости от границы крупных городов). На каждом 14-километровом участке функционировали пограничные заставы. На наиболее ответственных участках были созданы две линии проволочных заграждений. Были построены 120 смотровых башен с мощными осветителями, оснащенные сильными прожекторами, способными гарантировать наблюдение за границей под покровом ночи, и телефонной связью. При пересечении границы реками строились лодочные станции со специальными штурмовыми лодками.

Находиться в этой пограничной полосе с 1 июля 1950 г. можно было только по особому разрешению. По мере приближения к границе возникали все новые запреты – нельзя было охотиться, строить дома, пребывать в ночное время и т. д. Летом 1951 г. вдоль границы с венгерской стороны началось строительство так называемой Южной системы защиты, своего рода венгерской «линии Мажино», призванной предотвратить возможное военное нападение с юга, со стороны Югославии. В рамках этой линии к 1955 г. была выстроена многокилометровая сеть хорошо укрепленных железобетонных бункеров, способных отразить атаку не только пехоты, но и бронемашин. Общее количество разного рода бункеров, укрепленных убежищ, огневых точек, смотровых площадок и прочих военных объектов превысило 5 000. Для строительства этой оборонительной системы пришлось освободить большие территории земли, что коснулось

¹ Magyar Országos Levéltár. 276. f. 84. cs.

² Orgoványi I. Kitelepítés a déli határsávból 1950-1953 között // A 20. század egyház-és társadalomtörténetének metszéspontjai. Pécsi Egyháztörténeti Intézet. – Pécs, 2012. P. 173–174.

примерно 10 тыс. крестьянских хозяйств¹. Таким образом, обеспечить охрану границы на случай войны предполагалось как с помощью заметно выросшей в численности военной силы, так и посредством целой системы технических сооружений. Весной 1950 г. югославский МИД направил Венгрии дипломатическую ноту с протестом против систематического освещения прожекторами с венгерской стороны территории Югославии на глубину до 200 м, что не только затрудняло работу югославских пограничников, но, по сути, нарушало суверенитет страны (вступая к тому же в противоречие с некоторыми нормами международного права). На основании разного рода случившихся инцидентов югославская сторона пришла к выводу, что это делалось сознательно, чтобы ослепленные ярким светом прожекторов югославские пограничники не смогли обезвредить засылаемых из Венгрии шпионов и диверсантов, которых в таких случаях трудно было заметить и обезвредить². В случае продолжения той же практики югославская пограничная служба намеревалась принять действенные ответные меры.

Естественно, для венгерских властей не был несущественным вопрос, какую долю среди примерно 300 тыс. человек, проживавших в примыкающих к границе с Югославией районах, составляли нелояльные режиму, потенциально враждебные элементы. Одной из приоритетных задач политической полиции (AVH) стало выявление неблагонадежных элементов. К ним были отнесены (как это было в общем не только в пограничье с Югославией, но и в масштабе всей Венгрии) прежде всего люди, связанные с прежним режимом (хортистские офицеры, чиновники, бывшие члены буржуазных партий), а также имевшие связи на Западе. Кампания по переселению наиболее потенциально опасных для режима лиц в глубь страны происходила в течение 3 месяцев. Эта волна охватила примерно 1 500 человек. Затем наступила вторая волна переселений. Чистки политического характера

охватили такие категории населения, как служащие системы местного самоуправления, в разряд подозрительных лиц попали владельцы гостиниц и ресторанов. Не удивительно, что в условиях, когда Югославия из друга и образца для подражания превратилась в главного врага, представители югославянских меньшинств Венгрии воспринимались как подозрительная категория населения во всей своей массе, причем подозрения распространились и на венгров, имевших родственные или просто дружеские связи с южными славянами. Хотя общее количество выселенных из приграничных с Югославией районов не составило большого процента населения (примерно 3 500 человек, не считая несовершеннолетних членов семей), гораздо большее количество лиц было напугано, ожидая, что может прийти и их черед. В дома, которые оставляли депортированные лица, въезжали новые хозяева – партийные и государственные функционеры, пограничники, сотрудники органов безопасности; реквизированное движимое имущество, домашний скот передавались госхозам и сельхозкооперативам. Право собственности на землю, если и сохранялось, реально она передавалась в распоряжение сельских органов власти³. Предпринятые меры, коснувшиеся тысяч людей (не только южных славян, но и венгров), негативно сказались на экономическом развитии соответствующих районов.

Привлечение к коллективной ответственности представителей той или иной национальности (в данном случае венгерской) в условиях резкого обострения двусторонних отношений имело место и в титовской Югославии, хотя и в меньшей мере. Можно назвать в качестве примера выселение этнических венгров из небольшого села Петешхаза, имевшего стратегическое значение в силу находившегося рядом с этим селом действующего нефтяного источника, едва ли не самого

¹ Ibid.

² MOL 276. f.53. cs. 144.

³ Munda H.K. Deportálások Magyarország nyugati határszélén az 1950-es években // Görbe háttal. Interetnikus konfliktusok Közép-Európában a múltban és a jelenben. – Pécs, 2011.

значительного в Югославии¹, причем его значение только возросло в годы разрыва, поскольку прекратились поставки нефти из стран советского блока. Власти, собственно говоря, опасались саботажа со стороны венгерских рабочих. Хотя для выселенного населения были созданы определенные условия, чтобы обосноваться на новом месте, оно было крайне недовольно переселением в те места, где в округе совсем не было венгерских, а только словенские села. Переселение коснулось с декабря 1948 г. по 1951 г. 215 семей. Позже с урегулированием конфликта переселенцы получили возможность вернуться домой и даже в конце 1950-х годов определенное возмещение убытков со стороны югославского государства.

Активная пропагандистская деятельность велась каждой из враждующих сторон. Объектом наиболее массивной пропаганды было население, проживавшее в пограничье. В то же время разведывательная деятельность была не слишком эффективной в силу выстроенных в пограничье с обеих сторон

мощных оборонительных линий². По сути дела прифронтовые условия существовали в венгеро-югославском пограничье вплоть до смерти Сталина в марте 1953 г. 26 июля 1953 г. венгерский Совет министров принял решение о прекращении интернирования и депортаций жителей приграничных районов, в январе 1956 г. произошли существенные ослабления режимного характера пограничной территории, к прежнему положению временно вернулись лишь вследствие венгерских событий 1956 г., когда в Югославию устремились многочисленные беженцы из Венгрии. В мае 1965 г. особый режимный статус венгеро-югославского пограничья был отменен, установившиеся к этому времени хорошие отношения между соседними социалистическими странами не делали в этом никакой необходимости.

*Перевод А. С. Стыкалина
при поддержке Архивного
института Венгрии в Москве
(руководитель А. Шереш)*

Т. А. Булыгина

(Северо-Кавказский федеральный университет)

СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И СОВЕТСКИЕ ГУМАНИТАРИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ В 1960–1970-е ГОДЫ

Изменение политического курса руководства СССР в середине 1950-х гг. не могло, несмотря на усиление консервативных тенденций, не повлиять на разные стороны социальной жизни страны и в последующие десятилетия. Это касалось и такой сферы интеллектуальной жизни общества, как гуманитарная наука и ее

носители. В это время приобретают новую силу так называемые общественные науки. Речь идет не только о попытке усилить их роль в идеологической работе, но и о повышении их научного престижа как символа прочности советской политической системы.

Приводя в действие механизм повышения авторитета общественных наук, власть, не желая этого, активизировала и скрытые стимулы развития собственно

¹ Kovács A. Jugoszlávia Kominformból való kizárásának (ki)hatásai a jugoszláviai magyar és magyarországi szlovén kisebbségre. Muravidéki és Rába-vidéki példák // Kupa László (szerk.) Görbe háttal : interetnikus konfliktusok Közép-Európában a múltban és a jelenben: tanulmányok. – Pécs, 2011. P. 127.

² Ritter L. Titkos háború Magyarország és Jugoszlávia között. Jugoszláv és magyar hírszerzés: 1948–1953 // História. 2010. 1-2. 50-51. o.

науки, а не только ее идеологического воздействия. Это наиболее очевидно проявилось в развитии международных связей советских гуманитариев. При этом оговоримся, что со второй половины 1960-х гг. эти связи в основном касались официально лояльных обществоведов.

Открытие «железного занавеса» и развитие культурных связей с зарубежной наукой, в том числе с Западом, формировали дополнительные мотивы разработки советскими гуманитариями актуальных теоретических вопросов. С другой стороны, ужесточение идеологического контроля и скатывание в неосталинизм создавали непреодолимые препятствия для реализации их научных интересов. Это противоречие порождало двойственность поведения советских обществоведов, когда свежие идеи маскировались цитатами из классиков марксизма-ленинизма и клятвами в верности партии и правительству. Знакомство мировой гуманитарной науки с советским обществоведением вызывало взаимный интерес коллег по обе стороны ослабленного «железного занавеса». Так, о повышенном внимании научных и идеологических институтов капиталистических стран к литовской истории и филологии заявлял секретарь ЦК Компартии Литвы Снечкус, в связи с чем в АН СССР эти темы стали особо востребованы. Для этого осуществлялась координация гуманитариев столицы с учёными Литвы, Эстонии и Латвии. Особое внимание стало уделяться подготовке специалистов по истории Литвы¹.

Особенно активно развивались научные связи советских учёных с обществоведами Восточной Европы в рамках расширения культурных отношений стран СЭВ. Как отмечалось в одном из рабочих документов ЦК КПСС, в 1966 г. наиболее бурно развивались связи советских гуманитариев с коллегами из Чехословакии, Югославии, Монголии, Польши². Любопытно, что авторы этого документа, отражавшие коллективную волю Политбюро, считали

эти отношения опасными для идейной чистоты советского обществоведения, т. к. гуманитарии стран «социалистического лагеря» позволяли себе большие вольности в трактовке догматов марксизма-ленинизма. Особый интерес советских философов к трудам зарубежных коллег как раз и объяснялся творческой трактовкой ряда положений философии, которые существенно выходили за рамки, установленные советскими идеологами.

Борьба с культом личности и проявлениями догматизма в общественных науках этих стран сопровождалась использованием ряда идей западного обществоведения. Такое новаторство было характерно для югославских, польских, чешских и словацких обществоведов. Они разрабатывали теорию «гуманистического марксизма», которая была противопоставлена идеологии сталинизма как проявлению отчужденной формы марксизма. Такие идеи высказывались учеными Югославии, создавшими «школу праксиса». Эта группа объединилась вокруг журнала «Праксис», который стал выходить с сентября 1964 г. и просуществовал до 1974 г.

Редактором и основателем журнала был серб Г. Пётрович, профессор философского факультета университета в Загребе. Г. Пётрович был членом Союза коммунистов Югославии, но, еще учась в СССР в первые послевоенные годы, он выступал с критикой сталинских идей, за что был репрессирован. Однако вся его дальнейшая научная жизнь (умер Гойо Пётрович в 1993 г.) была связана с отрицанием сталинских взглядов и поиском неортодоксальных путей развития марксизма. Он первым предложил рассматривать марксистское учение с позиций ранних трудов К. Маркса. Пётрович и его соратники развернули критику не только сталинизма, но и режима власти И. Б. Тито. После поддержки ученым студенческих протестов в 1968 г. его исключили из партии. Среди создателей «школы праксиса» был и старший по возрасту выпускник Сорбонны социолог хорват Р. Супек, также один из создателей журнала и руководитель Летней школы в Корчуле.

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 58. Р. 9460. Д. 53. Л. 44.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Р. 9460. Д. 53. Л. 66.

Позиция философов «Праксиса» была близка взглядам Э. Фромма. Они считали, что современные общества в лагере социализма не имеют ничего общего с идеями теории К. Маркса, поэтому социализм не построен. В основе их теоретических построений была идея самоуправления и демократии, которые не были развиты ни в сталинском СССР, ни в титовской Югославии. Они рассматривали члена общества не только как субъект труда, но и как творческую личность, которая в своей деятельности самореализовывается и одновременно преобразовывает мир. На этом творческом пути, который ведет к счастью и осмысленному существованию, препятствиями могут стать такие общественные институты, которые ведут к отчуждению. Таким образом, в основе школы праксиса лежали идеи гуманизма и исторической антропологии. Ортодоксы от марксизма, в том числе в Советском Союзе, видели в этих взглядах проявления ревизионизма и левацко-анархистского уклона. Критика современного им социалистического общества привела многих участников школы к эмиграции.

В Польше философы во главе с директором Института философии Польской Академии наук А. Шаффом пытались также развивать марксизм, используя идеи школы Л. Колаковского. Последний, будучи убежденным сталинистом, побывав в начале 1950-х гг. в СССР, резко изменил свои идеологические и научные позиции. Это отразилось в критической статье Л. Колаковского, опубликованной в журнале Варшавы «Новая культура». В 1966 г. ученый был исключен из ПОРП, а в 1968 г. эмигрировал в США. Колаковский рассматривал марксизм с позиций философской антропологии. По его мнению изменения в обществе, постулируемые марксизмом, необходимы для реализации внутренней сущности человека. На его взгляд, исторический материализм – важный инструмент понимания исторического процесса, а вот идеология коммунизма глубоко ошибочна.

А. Шафф также с середины 1950-х гг. отошел от взглядов ортодоксального философа-марксиста и, базируясь на обо-

значенных выше идеях, а также на отдельных идеях теорий А. Тарского, Э. Сепира, Б. Уорфа и экзистенциализма Ж. П. Сартра, считал осуществление подлинного социализма невозможным без демократии, свободы и автономии человеческой личности. Он рассматривал марксизм не как собрание непререкаемых догм, а как творческое учение, нуждавшееся в развитии под влиянием новых условий и обстоятельств, поэтому и увидел некие лакуны в учении Маркса, в частности невнимание к антропологической стороне прогресса. Как и другие неортодоксальные гуманитарии, А. Шафф подвергся в 1960-е гг. грубой критике и гонениям.

Антропологический подход к марксизму был характерен и для ученых Чехии и Словакии, Венгрии, Румынии. Многие из них противопоставляли взгляды раннего и позднего Маркса и категорически отрицали ленинизм как оригинальное философское течение. На четвертом совещании главных редакторов философских и социологических журналов социалистических стран Европы в октябре 1996 г. в Будапеште выступавшие открыто заявляли о необходимости трансформировать модель социализма так, чтобы человеческая личность переместилась в центр политики социалистических правительств. Фактически в этом состояла суть «социализма с человеческим лицом». Это вызвало панику у представителей советской и партийно-государственной власти. Они потребовали, чтоб советские обществоведы разработали контраргументы в научной обертке. В частности, философам и историкам предлагали развернуть исследования по проблемам гуманизма и личности. Кроме того, было решено в Академии Общественных Наук при ЦК КПСС развернуть подготовку специалистов гуманитарного профиля со знанием языков социалистических стран¹.

Консервативные тенденции в советской политике стремительно усилились после событий 1968 г. в Чехословакии, что в полной мере это отразилось на гуманитаристике. Критический настрой гу-

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп.58. Р.9460. Д.53. Л. 150.

манитариев Восточной Европы создавал неблагоприятные условия для ортодоксального обществоведения. Либерализация духовной жизни в этих странах и критика официоза в науке в 1960-е гг. проявлялись на различных международных форумах, например, в апреле 1969 г. на заседании Проблемной комиссии академий наук стран социалистического содружества, созданной в начале десятилетия, которая собралась уже в четвертый раз в Варшаве. Темой совещания были методы идеологической борьбы в связи с существованием двух мировых систем. В ответ на предложение советских обществоведов провести международную научную конференцию по критике современного антикоммунизма представители Румынии и Венгрии ответили ультимативным отказом, а представитель ЧССР выступил с критикой догматизма¹.

Следует отметить, что в Чехословакии, где помимо учебных заведений обществоведы были объединены в более чем 20 научно-исследовательских учреждений, с 1968 г. большинство учёных-обществоведов заняли позицию поддержки новой модели социализма с «человеческим лицом». Это были коллективы Института истории АН, Института социализма при ЦК КПЧ, Института социально-политических наук Карлова университета в Праге, Высшей политической школы при ЦК КПЧ. Симптоматичным стало переименование Института европейских социалистических стран в Институт Восточной Европы. Институт истории партии был разделён на институт истории социализма и институт политических наук. Кроме того, представители общественных наук (1 400 специалистов) были выведены из состава партийно-государственной номенклатуры. Пользуясь правом самостоятельно определять характер преподавания общественных наук, которое было предоставлено Законом страны о высшей школе, руководство учебных заведений ЧССР сократило время на изучение обществоведения до 8 % всего учебного времени. За это время из

учебных планов вузов был исключен такой предмет, как история Коммунистической партии Чехословакии. Изучение марксизма-ленинизма было заменено преподаванием политологии и социологии². В начале 1970-х гг. подобная ситуация сложилась и в Польше. Тогда польские обществоведы-коммунисты жаловались, что в польской высшей школе научный коммунизм подменен «наукой о политике»³.

Партийное руководство Советского Союза видело свою миссию в том, чтобы предотвратить возможность проникновения «ревизионистских» идей и настроений в среду советских обществоведов и одновременно искоренить их в странах Варшавского содружества, что естественно вело к идеологическому ужесточению в СССР в начале 1970-х гг. В это время разрабатывались пути более эффективного взаимодействия между социалистическими странами в области общественных наук в духе официальной идеологии и коммунистического воспитания. Регулярно организовывались совещания экспертов государств Восточной Европы по проблемам коммунистического воспитания. К 1976 г. было проведено восемь таких совещаний⁴, и впоследствии они стали регулярными.

Так, в 1982 г. подобная встреча была посвящена вопросам воспитания студенческой молодёжи⁵. На четырнадцатом совещании в 1984 г. был принят координационный план научно-исследовательской работы по проблемам коммунистического воспитания студентов социалистических стран на 1981–1985 годы⁶. В октябре 1985 г. совещание экспертов по этой проблеме прошло в пятнадцатый раз⁷. С конца 1970-х гг. руководители кафедр общественных наук СССР регулярно встречались с коллегами из одной из социалистических стран

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Р. 9860. Л. 150.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Р. 9860. Л. 199–200, 206, 207.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9606. Оп. 3. Д. 438. Л. 59.

⁵ ГАРФ. Ф. 9606. Оп. 1. Д. 9806. Л. 135.

⁶ ГАРФ. Ф. 9606. Оп. 3. Д. 448. Л. 53.

⁷ ГАРФ. Ф. 9606. Оп. 3. Д. 831. Л. 61.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 58. Р. 9460. Д. 53. Л. 150.

для обмена опытом и координации действий. Первый такой семинар состоялся в Москве в 1979 г. с обществоведами ГДР, в 1980 г. – с преподавателями Польши, а в 1981 г. – с учеными из Монголии. Второй семинар заведующих кафедрами социально-политических дисциплин Советского Союза и Германской Демократической Республики прошёл в Берлине в 1982 г., а с обществоведами Болгарии – в 1983 г.¹

На этих совещаниях участники не ограничивались обменом мнениями, а принимали конкретные решения. Так, на встрече с советскими коллегами венгерские обществоведы поставили вопрос о создании интегрированного учебного курса по марксизму-ленинизму для высших учебных заведений с трехгодичным обучением². Проводились и специализированные многосторонние и двусторонние встречи. В июне 1982 г. собрались редакционные коллегии социалистических стран по подготовке типовых макетов учебников по общественным наукам³. В 1984 г. в Люблине состоялось методическое совещание заведующих кафедрами социально-политических наук СССР и Польской Народной республики. На нем рассматривались перспективы подготовки обществоведов Польши в Советском Союзе. Намечалось послать в советские вузы 40 студентов и 40 аспирантов для подготовки специалистов по всем общественным дисциплинам, в также 100 слушателей – в Институт повышения квалификации при МГУ. 15 человек были направлены для подготовки докторских диссертаций. С другой стороны, в Польшу для долгосрочной работы было командировано 20 советских обществоведов⁴.

В эти годы общая тенденция расширения воздействия СССР на политическую и экономическую области жизни «третьих стран» коснулась и идеологического развития. Поэтому в развивающихся странах усиливалось советское влияние на сферу обществоведения. В силу отсутствия сло-

жившейся системы образования в этих государствах речь шла не о преподавании общественных наук как базовых учебных дисциплин, а о создании некоего подобия структур партийно-политического просвещения, которые полностью формировались под руководством инструкторов из Советского Союза. Например, в Конго был построен современный комплекс партийной школы. Партийная школа была открыта также в Лаосе, а в Афганистане было создано высшее партийное учебное заведение – институт общественных наук⁵.

Надо заметить, что усиление консерватизма в общественных науках после попытки демократизации в странах Восточной Европы было не только инициировано новым партийным руководством Советского Союза, но отражало настроение части советских обществоведов, не желавших мириться с «попранием» идеологических основ сталинского режима. Это касалось и процессов, которые проходили в обществоведческой науке социалистических стран.

Были и такие представители науки, которые продолжали отстаивать прежние позиции, призывали свернуть критику культа личности Сталина и соблюдать былую идеологическую чистоту. Например, на одном из упомянутых совещаний обществоведов Восточной Европы советский философ Г. Е. Глезерман возмущался тем, что советские социологи слишком рьяно и некритически перенимают методы западных ученых, забывая о марксистской теории. Такие, как он, были абсолютно убеждены в идеологической, классовой характеристике науки. Этот обществовед считал, что чуждое советской науке влияние с Запада проникает через социалистические страны Европы Польшу и Югославию. Он с искренней тревогой говорил о попытке подменить марксистско-ленинскую теорию классов принципами социальной стратификации⁶. В исторической науке противники неординарных взглядов

¹ ГАРФ. Ф. 9606. Оп. 1. Д. 9831. Л. 61.

² ГАРФ. Ф. 9606. Оп. 1. Д. 459. Л. 43.

³ ГАРФ. Ф. 9606. Оп. 1. Д. 9806. Л. 135.

⁴ ГАРФ. Ф. 9606. Оп. 3. Д. 438. Л. 56, 59.

⁵ ГАРФ. Ф. 9606. Оп. 3. Д. 458. Л. 14.

⁶ Социология и власть: Документы и материалы. 1953–1968 / под ред. Л. Н. Москвичева. – М., 1997. С.70.

также использовали не столько научные, сколько идеологические средства. Идеологией возврата к сталинизму была пронизана статья, подготовленная в 1969 г. по заданию партийного начальства группой историков для журнала «Коммунист». «Обличая» идеологическую уязвимость взглядов обществоведов Чехословакии и Польши, которые призывали к обновлению социализма, авторы одновременно направляли стрелы критики против отечественных ученых, «забывших» ленинский принцип партийности и историзма¹.

Столь же неоднородными были и взгляды в среде высокопоставленных партийных руководителей. Безусловно, абсолютное их большинство были ортодоксально мыслящими идеологами. Однако наряду с ними были деятели, верившие в необходимости реформирования курса нашей страны, включая и гуманитарную науку. К примеру, член ЦК КПСС, бывший заведующий отделом науки и культуры ЦК КПСС, главный редактор газеты «Правда» ученый-экономист А. М. Румянцев прямо указывал на ценность комплексных социологических исследований для осуществления новой экономической реформы. В частности, это касалось вопросов труда и воспроизводства рабочей силы, а также социальной структуры общества в СССР². Не случайно А. М. Румянцев часто упоминается в информации КГБ, где отмечалась его «мягкотелость, склонность к общечеловеческим ценностям». Он возглавлял международный журнал «Проблемы мира и социализма» до 1965 г., т. е. тогда, когда гуманитарии Восточной Европы активно искали пути обновления марксизма и реформирования социализма. Вызревание «Пражской весны» проходило на его глазах. Один из тогдашних сотрудников журнала, академик И. Т. Фролов замечал, что если в стране «оттепель»

сменилась «похолоданием», то в редакции журнала она еще продолжалась³. Этот «пражский хвост» тянулся за Румянцевым и в последующие годы, когда он возглавил первый в стране академический институт социологии.

Ученый и политик, А. М. Румянцев считал, что настало время тесного сотрудничества государства и общественных наук в разработке стратегии общественного развития. Он предлагал использовать в этом вопросе опыт США, отмечая, что там ежегодно тратилось до 500 млн долларов на обществоведческие исследования по государственному заказу, т. к. достижения общественных наук имели прикладное значение. Это относилось к таким вопросам, как анализ общественного мнения, количественные или математические методы в исследовании экономики, истории, социологии, формы отбора и хранения информации, использование кибернетики как методики и метода в общественности, комплексные междисциплинарные исследования. Однако все предложения А. М. Румянцева по расширению неправительственных связей АН СССР с научными центрами США, все его проекты по использованию в Советском Союзе американского опыта в развитии практического обществоведения, изложенные им в 1969 г., были решительно отвергнуты аппаратом ЦК КПСС на совещании 14 апреля 1969 года⁴.

Наиболее интенсивно начиная с 1966 г. международные связи советских обществоведов со своими зарубежными коллегами развивались в сфере социологии. Делегации советских социологов на международных форумах стали более многочисленными и «молодыми» по составу. Так, на VI Социологический конгресс прибыла советская делегация в составе 83 чел., среди которых были исследователи с хорошим знанием иностранных языков⁵. Как отмечали иностранные участники,

¹ Голиков В. За ленинскую партийность в освещении истории КПСС / В. Голиков, С. Мурашов, И. Чхиквишвили, Н. Штагин, С. Шаумян // Коммунист. 1969. № 3.

² Социология и власть: Документы и материалы. 1953-1968 / под ред. Л. Н. Москвичева. – М., 1997. С. 81.

³ Там же. С. 94.

⁴ Интервью с И. Т. Фроловым // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 26.

⁵ Социология и власть: Документы и материалы. 1953-1968 ... С. 127.

представители советской делегации не ограничились традиционными докладами «мэтров» советского обществоведения, которые склонны были связывать все теоретические проблемы с марксизмом-ленинизмом. Сообщения чисто эмпирического характера отличали готовность к диалогу с учеными других стран; глубокое знакомство с теоретической западной социологией, критический анализ социологических теорий, серьезное использование научных аспектов марксистского анализа, общность технико-методического языка советских и западных социологов, их интеллектуальное единство при всех идейно-политических расхождениях¹.

Один из создателей Народно-трудового Союза В. Д. Поремский, стремившийся к пониманию настроений в советской интеллектуальной элите, составил специальную анкету «Советская социология глазами западных ученых». Шведский ученый Руне Персон, отвечая на вопросы этой анкеты, отметил: «Я был поражен, что в настоящее время и советские, и западные социологи говорят на одном языке»². Активность советских обществоведов в разработке практической социологии объяснялась в том числе стремлением заняться точной наукой, далекой от идеологических

схем, когда можно было обратиться к изучению реальных противоречий общества и разрабатывать методы их преодоления. Об этом же мечтал А. М. Румянцев, когда говорил о сближении социологии с уровнем естественнонаучного знания³.

Таким образом, перед нами предстает достаточно сложная картина советской интеллектуальной жизни в условиях усиления партийно-идеологического давления на обществоведение. Ослабление «железного занавеса» не прошло бесследно для советской гуманитаристики, которая характеризовалась наличием разнонаправленных тенденций. Противоречивость и неоднозначность взглядов советских обществоведов отразились и на отношениях с зарубежными коллегами из Восточной Европы, значительная часть которых выступала за обновление марксистских идей в контексте современных реалий социализма. Эта картина ломает стереотип, согласно которому советское обществоведение было исключительно инструментом официальной идеологии. В противном случае непонятно, каким образом во второй половине 1980-х гг. появились в советском общественном сознании идеи преобразований советского общества.

¹ Социология и власть: Документы и материалы. 1953–1968 ... С. 102–103.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Р. 9569. Д. 42. Л. 68–84.

³ Там же. Л. 68.

Раздел V ПУБЛИКАЦИИ

М. В. Ковалев

(Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина /
Институт всеобщей истории РАН)

К ИСТОРИИ ОДНОГО ЗАБЫТОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: А. В. ФЛОРОВСКИЙ И ЕГО СТАТЬЯ О ПРЯШЕВСКОМ ПЛАНЕ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОГО ПРИМИРЕНИЯ 1710 г.¹

Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968 гг.) принадлежал к числу ярчайших отечественных историков, чья жизнь и научное творчество оказались расколоты революцией, Гражданской войной и эмиграцией. Он родился 1(13) декабря 1884 г. на Украине в Елизаветграде, но его детство и юность связаны с Одессой. Именно там, в 1894–1903 гг. он учился в Четвертой классической гимназии, именно там поступил на историко-филологический факультет университета. Будучи студентом, А. В. Флоровский увлекся научной работой, был удостоен золотой медали за сочинение о решении крестьянского вопроса Уложенной комиссией 1767–1768 гг. и в 1908 г. был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию. В 1911 г. после сдачи магистерских экзаменов он стал приват-доцентом Новороссийского университета. В 1916 г. А. В. Флоровский защитил в Москве магистерскую диссертацию «Состав Законодательной комиссии 1767–1774 гг.» и вскоре был удостоен звания профессора. Осенью 1922 г. по решению властей историк вместе с женой были высланы из Советской России. После недолгого пребывания в Константинополе, Софии и Белграде в сентябре – декабре 1922 г. они перебрались в Чехословакию, где как раз разворачивалась «Русская акция» – уникальная программа помощи эмигрантам. С Прагой была

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 13-31-01251а2.

связана вся последующая жизнь ученого, и именно там он нашел свое последнее пристанище в 1968 г.² После Второй мировой войны А. В. Флоровский принял советское гражданство, правда, остался жить в Чехословакии. Этот период его биографии пока изучен в наименьшей степени, хотя именно с ним связаны активные действия ученого по интеграции в европейское научное пространство, установление и развитие контактов с советскими учеными, а также многочисленные публикации новых исследований.

Научное наследие А. В. Флоровского обширно и многообразно. Если до революции он занимался социальной политикой и законодательными инициативами Екатерины II, историей Новороссийского края, то уже в эмиграции в 1920–1930-е гг. открыл для себя историю русско-чешских отношений, став впоследствии одним из

² Биография А. В. Флоровского // Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. – М., 1992. С. 234–244; Аксенова Е. П. Из переписки Г. В. Вернадского и А. В. Флоровского // Славяноведение. 1994. № 4; Досталь М. Ю. Историк-эмигрант А. В. Флоровский в Чехословакии: страницы научного творчества // Новый исторический вестник. 2011. № 28. С. 80–87; Аксенова Е. П. Жрец «Клио» (к научной биографии А. В. Флоровского) // Вестник славянских культур. 2009. Т. XI. № 1. С. 32–47; Афиани В. Ю., Лаптева Т. Н. Мастера российской историографии: Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968) // Исторический архив. 2013. № 3. С. 149–163; Šaur J. A. V. Florovskij (1884–1968) // Slovanský přehled. 2005. № 1. S. 131–14 и др.

ведущих специалистов в этой области¹. Кроме того, А. В. Флоровский внес значительный вклад в изучение деятельности иезуитов в России, русско-австрийских отношений в XVIII в., царствования Петра Великого.

После смерти историка его обширный архив оказался разделенным на две части, одна из них была отправлена в Москву в Архив АН СССР (ныне – Архив РАН), вторая же осталась в Праге и поступила в фонды Славянской библиотеки². Среди обширного и многообразного документального наследия большой и несомненный интерес представляют рукописи научных работ А. В. Флоровского. Его всегда отличала высокая степень трудолюбия, на протяжении всей жизни он много и энергично работал, даже в 1950–1960-е гг., когда возраст и болезни заметно ограничили прежние возможности. Беглое знакомство с бумагами А. В. Флоровского в Праге и Москве дает отчетливое представление о том, сколь большое внимание он уделял попыткам опубликовать написанное им и за границей, и в Советском Союзе. По разным причинам они не всегда заканчивались успехом. Так, А. В. Флоровский имел пристрастие к работам большого объема, что далеко не всегда могло удовлетворить редакции научных журналов. При этом сокращать рукописи он не любил, и поэтому после отказа в публикации статьи оставались в его личном архиве в ожидании лучших времен. Некоторые начинания он просто не успел довести до конца; рукописи незавершенных трудов также сохранились в архиве ученого. Не будем также забывать, что технологические возможности того времени были принципиально иными, чем сегодня, а потому путь от написания работы до ее публикации мог занимать

несколько лет. В 1965 г. в письме к советскому литературоведу П. Н. Беркову историк с грустью сетовал: «Стараюсь теперь устраивать в печати хотя бы по частям уже написанное о Петре I и Австрии, об издании в виде книги не думаю, очень много – и где? Везде ведь своя очередь и для “чужих” – и место в ней едва ли найдется. Да и ждать мне уже нет времени»³. Таким образом, засвидетельствуем, что далеко не все из написанного А. В. Флоровским в 1940–1960-е гг. увидело свет, немалое число его работ оказалось в архивах и вовремя не попало в поле зрения исследователей.

Как уже было сказано, А. В. Флоровский неизменно стремился расширить географию своих публикаций, чему способствовало его общение с историками из СССР, ФРГ и ГДР, Франции, Великобритании, США и других стран⁴. В 1950–1960-е гг. он уделял большое внимание сотрудничеству с венгерскими коллегами, что было обусловлено тематикой его научных интересов в тот момент. Еще с конца 1930-х гг. А. В. Флоровский заинтересовался русско-австрийскими отношениями в первой четверти XVIII в., его работы 1940–1960-х гг. в основном посвящены именно связанным с этой темой сюжетам. Естественно, ученый не мог обойти стороной венгерский след в этих отношениях, особенно в свете освободительного движения Ференца II Ракоци и дипломатических акций Петра Великого. А. В. Флоровский высоко ценил венгерскую науку и отмечал важность венгерских источников для изучения российской истории, как изданных, например «Archivum Rákócziánium», так и архивных. В переписке со своей коллегой Е. П. Подъяпольской он говорил о необходимости включения венгерских материалов в готовящиеся к изданию новые выпуски «Писем и бумаг императора Петра Великого»⁵.

¹ Лаптева Л. П. Русский историк-эмигрант А. В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1994. № 1. С. 55–63.

² Ковалев М. В. Личный фонд А. В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге: состав документов и история формирования // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. – М., 2013. С. 131–138.

³ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1047. Оп. 3. Д. 657. Л. 20 об.

⁴ Ковалев М. В. А. В. Флоровский и его немецкие корреспонденты // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога / под ред. М. В. Ковалева и И. Р. Плева. – Саратов, 2015. С. 136–183

⁵ SK. T-FLOR, křab. VIII. № 210. Pod'japol'skaja, Jelena Petrovna; Ковалев М. В., Лаптева Т. Н.

С конца 1950-х гг. А. В. Флоровский работал над статьей о русской оккупации Спиша в 1710 г. Это исследование было основано на широком круге источников, среди которых особо стоит отметить документы из Венского государственного архива (Haus-, Hof- und Staatsarchiv), созданного еще волей императрицы Марии-Терезии, а в 1945 г. включенном в состав Австрийского государственного архива (Österreichischen Staatsarchivs)¹.

О своих исследованиях А. В. Флоровский регулярно информировал венгерских коллег, особенно профессора Йожефа Перени (József Perényi; 1915–1981 гг.), крупнейшего специалиста по истории Центральной и Восточной Европы². Обращение к нему А. В. Флоровского было не случайным. Венгерский историк с конца 1950-х гг. работал над составлением сборника документов о дипломатических отношениях между Петром Великим и Ф. Ракоци. В 1960 г. он писал А. В. Флоровскому в Прагу, что у него накопилось уже 60 печатных листов архивных материалов, из которых 85 % – документы венгерского происхождения, 10 % – русского и 5 % – австрийского³. Й. Перени часть материалов собрал в фондах Центрального архива древних актов в Москве, то есть у него была возможность, которой до определенного момента был ли-

шен А. В. Флоровский (он посетил СССР в 1967 г., уже незадолго перед смертью)⁴. Но и для Й. Перени русский историк представлял большой интерес, поскольку тот был хорошо знаком с материалами австрийских и чехословацких архивов. Й. Перени регулярно информировал А. В. Флоровского об исследованиях венгерских коллег, например о важной в тот момент для русского историка статье Яноша Варади-Штернберга (János Váradi-Sternberg; 1924–1992) о посольстве Е. И. Украинцева, направленного Петром Великим к Ф. Ракоци, и умершего во время переговоров в Эгере⁵.

А. В. Флоровского же живо интересовала возможность публикации своих работ в Венгрии. В марте 1960 г. он написал письмо своему давнему знакомому ведущему венгерскому византинисту Дюле Моравчику (Gyula Moravcsik; 1892–1972 гг.), который имел давние и тесные связи с русскими учеными. В нем А. В. Флоровский просил помочь с печатанием в Будапеште некой своей работы. К сожалению, само письмо русского историка не сохранилось, и о нем мы знаем лишь из ответного сообщения его венгерского коллеги⁶. Название работы не приводится, но в контексте иных документов становится понятным, что речь идет о статье про русскую оккупацию Спиша в 1710 г. Д. Моравчик написал, что статья слишком велика по объему да еще и написана по-русски, поэтому напечатать ее в Венгрии будет затруднительно. Однако он рассказал о готовящемся сборнике, посвященном русско-венгерским связям, для которого работа А. В. Флоровского может как нельзя кстати подойти.

«В Москве я был последний раз ровно 50 лет назад...» Из переписки А.В. Флоровского с советскими историками В. Т. Пашуто, А.А. Зиминим и Е. П. Подъяпольской // Исторический архив. 2014. № 4. С. 66–87.

¹ Hochedlinger M. «Geistige Schatzkammer Österreichs». Zur Geschichte des Haus-, Hof- und Staatsarchivs 1749–2003 // Das Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Geschichte – Gebäude – Bestände / hrsg. L. Auer, M. Wehdorn. – Innsbruck, 2003. S. 16–40; Hutter H., Just T. Zur Geschichte des Reichsarchivs Wien 1938–1945 // Das deutsche Archivwesen und der Nationalsozialismus. 75. Deutscher Archivtag in Stuttgart (Tagungsdokumentationen zum Deutschen Archivtag 10). – Essen, 2007. S. 313–325.

² Свак Д. На службе у Клио и у власть предержащих (этюды по руссиеведению). – Будапешт, 2014. С. 57–67.

³ Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-FLOR (далее: SK. T-FLOR). Krab. XLVIII. Korespondence A. V. Florovského odeslaná: osoby, № 9: J. Perényi A. V. Florovskému, b.

⁴ В письме от 12 января 1961 г. А. В. Флоровский специально интересовался: «Как подвигается обработка Вашего сборника архивных материалов о дипломатических отношениях между Петром Великим и Ракоци? Нашли ли Вы что-либо интересное при последней поездке в Москву?» (SK. T-FLOR. Krab. XLVIII. № 9: J. Perenyiovi (katedra historie Vých. Evropy na FF Budapešťské univerzity), f).

⁵ SK. T-FLOR. Krab. XLVIII. № 9: J. Perenyiovi (katedra historie Vých. Evropy na FF Budapešťské univerzity), g; Váradi-Sternberg J. Ukrainev, Péter cár követe Magyarországon 1708-ban // Századok. 1959. № 2–4. 233–251. old.

⁶ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 320. Л. 7–7об.

Она будет переведена на венгерский язык, но, правда, в сокращенном виде. Д. Моравчик направил своего русского коллегу к Й. Перени для дальнейшего решения всех технических вопросов¹. Й. Перени восторженно воспринял эту идею и сообщил в Прагу 10 мая 1960 г.: «Относительно возможности опубликовать у нас, я могу Вам писать только то, что теоретически это не только возможно, но прямо желательно. Однако из-за недостатка бумаги наши возможности очень ограничены. Но, если Вы можете сократить Вашу статью о занятии Спиша на 1½–2 печ[атных] листа, то мы сразу можем ее издать. И другую статью о вопросе восстания Ракоци в развитии русско-австрийских отношений мы можем опубликовать, если она не выходит слишком отрицательно с точки зрения венгеро-русских отношений»². Первую из названных статей А. В. Флоровский представил в срок. Ее черновая рукопись сохранилась в личном архиве историка в Праге³. Однако работа в течение нескольких лет лежала без движения. С явной досадой А. В. Флоровский писал Й. Перени: «А как обстоит дело с моим очерком о русской оккупации Спиша в 1710 г.? Есть ли какая-нибудь надежда на опубликование его – ведь он у Вас лежит уже скоро пять лет⁴! За сообщение был бы очень Вам признателен»⁵. Видимо, Й. Перени судьбу статьи так и не смог прояснить, ибо уже в мае 1966 г. А. В. Флоровский был вынуж-

ден обратиться за помощью к Д. Моравчику, сетуя, что «за эти потерянные годы... мог бы издать эту работу где-либо в ином месте»⁶. Лишь после такой «жалобы» Й. Перени ответил А. В. Флоровскому, прислав извинительное письмо. Он сообщал, что предлагал статью нескольким венгерским изданиям, но те неизменно требовали сократить статью. Он смог договориться о публикации работы в полном объеме с академиком Иштваном Книежа (István Kniezsa; 1898–1965), который редактировал журнал «Studia Slavica». Однако, по словам Й. Перени, И. Книежа затерял рукопись среди своих многочисленных бумаг и не мог найти, а в марте 1965 г. он скоропостижно скончался. Обнаружить статью А. В. Флоровского Й. Перени смог только при разборе архива покойного ученого в мае 1966 г. Он предложил своему русскому коллеге подождать ее напечатания все в том же журнале «Studia Slavica»⁷. Однако А. В. Флоровский до этого момента не дождался – в марте 1968 г. он скончался в Праге. В результате его работа о русской оккупации Спиша в 1710 г. так и не была опубликована. В рукописях остались и другие его специальные работы о русско-венгерских связях в первой четверти XVIII в. Среди них – примечательная статья о попытках посредничества России в примирении австрийских властей с Ференцем II Ракоци в 1710 г.⁸

В основу этой работы историк положил уникальные архивные документы, на основе которых сумел реконструировать интересный эпизод из истории международных отношений в Центральной и Восточной Европе в первой четверти XVIII в. Увы, законченной рукописи статьи А. В. Флоровского ни в Москве, ни в Праге, ни в Будапеште обнаружить не удалось. Мы имеем дело лишь с черновой версией, что создает немало проблем для изучения. Основной текст напечатан на пишущей машинке, но

¹ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 320. Л. 7–7об.

² K. T-FLOOR. Krab. XLVIII. Korespondence A.V. Florovského odeslaná: osoby. № 9: J. Perenyi A.V. Florovskému, b.

³ Ibid. Krab. XXIV. А. В. Флоровский «Русская оккупация Спиша в 1710 г. (Эпизод из истории Великой Северной войны 1700–1721 гг.)».

⁴ Увы, письмо А. В. Флоровского известно лишь по черновику в его пражском архиве, на котором имеется карандашная приписка «18.V.63». Вероятнее всего, письмо датировано ошибочно, а на самом деле речь идет о 1965 / 1966 гг., ибо доподлинно известно, что А. В. Флоровский отправил свою статью в Будапешт в 1960 г. Таким образом, в 1965 / 1966 г. как раз прошло пять лет со дня ее представления к публикации.

⁵ SK. T-FLOOR. Krab. XLVIII. № 9: J. Perenyiovi (katedra historie Vých. Evropy na FF Budapeštské univerzity), g.

⁶ Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár, Kézirattár és régi könyvek gyűjteménye (далее: MTA Könyvtár), G. Moravcsik, Ms. 1233/252.

⁷ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 360. Л. 1.

⁸ SK. T-FLOOR. Krab. XXXI. Пряшевский план австро-мадьярского примирения 1710 г. Strjp.

при этом он имеет обширные рукописные вставки, сделанные самим А. В. Флоровским. В особенности это касается цитат из источников и названий научных трудов на латинице, которые невозможно было впечатать на машинке с кириллическим шрифтом. К сожалению, черновой характер текста, очевидно, не предполагал должной аккуратности со стороны автора, поэтому в некоторых местах его работы рукописные вставки прочесть крайне трудно, а иной раз вообще невозможно. А. В. Флоровский не везде давал подробные библиографические описания использованных им научных работ, ограничиваясь лишь фамилией автора и указанием цитируемой страницы, например, «Theiner, A., II, 432–3». Таким образом, возникает потребность реконструировать научный аппарат статьи, что удалось сделать практически в полной мере, за исключением лишь нескольких названий. Но главная трудность заключается в том, что к основному тексту статьи примыкают дополнительные фрагменты, напечатанные на отдельных листах. Поэтому перед публикатором стоит непростая задача – попытаться восстановить авторский замысел. Текст статьи публикуется по машинописи, хранящейся в личном фонде А. В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге. Все рукописные вставки при публикации заключены в <...>. Пропуски слов и неразборчивые фрагменты отмечены следующим образом: [пропуск в тексте], [нрзб.]. Кроме того, в аналогичные квадратные скобки заключены пропущенные слова и сокращения, которые необходимо было восстановить для понимания смысла текста, например: «A[rchivum] R[ákóczianum]». В тексте публикации сохранены авторские подчеркивания, зачеркнутые фрагменты выделены соответствующим образом (н-р, «ер. и записку Берчени генералу русской службы Ренне»). Все эти меры предприняты для того, чтобы максимально полно и

одновременно бережно реконструировать текст забытой работы видного русского историка.

Публикация статьи о Пряшевском плане австро-венгерского примирения важна не только в контексте изучения биографии и научного наследия А. В. Флоровского, забытых страниц российской историографии, но и для более глубокого понимания малоизвестных сюжетов в истории международных отношений Нового времени, русско-венгерских и русско-австрийских связей. Небольшой и, казалось бы, не имевший серьезных последствий эпизод из истории внешней политики разбирается А. В. Флоровским всесторонне и выходит за узкие локальные рамки. Лично знавшая его Е. П. Подъяпольская отмечала, что в теме своих исследований профессор «держался, как дома, словно сам он был современником, тонким политиком, знавшим все нюансы международной жизни 18-го века»¹. Читая статью А. В. Флоровского, мы имеем возможность проникнуть в закулисы дипломатической игры, в которой участвовали различные европейские страны, попытаться взглянуть в лица самих ее участников, таких как немецкий барон Иоганн Кристоф фон Урбих, ставший русским послом в Вене. Работа А. В. Флоровского актуальна и в историко-ведческом ключе: она наглядно демонстрирует важность привлечения иностранных источников для изучения истории внешней политики Российской империи. Кроме того, исследуемые А. В. Флоровским сюжеты до сих пор не привлекали специального внимания ученых и на получили должной оценки в историографии². И в заключение хочется надеяться, что эта скромная публикация привлечет внимание к творческому наследию русского ученого, в том числе к его исследованиям о российском присутствии в Центральной и Восточной Европе в XVIII в.

¹ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 223. Л. 20 об.–21.

² См., например: Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I. – СПб., 2013.

А. В. Флоровский

ПРЯШЕВСКИЙ ПЛАН АВСТРО-МАДЬЯРСКОГО ПРИМИРЕНИЯ 1710 ГОДА (СТРАНИЦА ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-АВСТРИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XVIII в.)

234

Мадьярское освободительное движение против Габсбургов, развернувшееся в самом начале XVIII века под руководством князя Франциска II Ракоци, к 1710 году находилось уже в стадии решительного ослабления и упадка. После нескольких лет значительных успехов движение это стало слабеть под ударами австрийской военной силы и постепенно теряло свою широкую некогда территориальную базу, сосредотачиваясь к 1710 году в ограниченных пределах Восточной Словакии и русского Закарпатья. Вместе с тем и общие политические перспективы успеха руководимого Ракоци движения становились все более и более сомнительными, хотя Ракоци и его сотрудники все еще излишне оптимистически рассчитывали на возможность использовать в интересах своего дела международно-политическую обстановку, сложившуюся в это время в Европе вообще. Между тем и внутри самого активного круга участников освободительного движения нарастали уже скептические настроения, и многие задумывались над вопросом о том, не надлежит ли стать на путь соглашения с Австрией, военная победа которой над мадьярским движением представлялась все более и более несомненной. В этой обстановке и сам вождь движения Ракоци вместе со своими ближайшими сотрудниками, во главе с графом М. Берчени, уже учитывали неизбежность этого компромиссного решения мадьярской проблемы.

Вопрос об урегулировании конфликта между Австрией и Ракоци путем мирного соглашения был поставлен уже при самом начале венгерского освободительного движения (1703), притом был поставлен в рамках международных, поскольку в ликвидации борьбы венгров против Австрии

были живо заинтересованы великие державы того времени: Англия и Голландия, – совместно с Австрией ведшие борьбу против поддерживавшей Ракоци Франции. Англо-голландское посредничество не привело к какому-либо положительному результату – в значительной мере в виду упорного отказа венского двора от каких-либо серьезных уступок венграм. Позже в несколько изменившейся международной обстановке роль посредника между Веной и Ракоци заявила готовность взять на себя Россия.

В последние перед 1710 годы царь Петр Великий вошел в ближайшие отношения с князем Ракоци и оказывал ему уже самым этим фактом известную политическую поддержку. Эти отношения достигли своего апогея в 1707 году, когда царь Петр выдвинул кандидатуру Ракоци на польский престол после отречения Августа II и возведения на этот престол шведским королем Карлом XII Станислава Лещинского. В связи с этим польским делом Петр Великий заключил особый договор взаимопомощи с Ракоци, обеспечивавший последнему русскому поддержку. Из этого плана ничего реального не вышло, после великой победы России над шведами у Полтавы летом 1709 года в Польшу вернулся опять Август II. Однако отношения царя с Ракоци продолжались, несмотря на то что они, конечно, весьма осложняли взаимоотношения России с Австрией. С русской стороны этот узел австро-венгерских и австро-русских отношений предполагалось тогда развязать путем посредничества между Веной и Ракоци, путем известного их замирения, что Ракоци воспринимал как положительную и желательную помощь со стороны царя, Вена же оценивала как известное содей-

ствии враждебному ей мадьярскому движению. Тут был, конечно, и известный элемент политической игры со стороны царя Петра, поскольку он таким образом мог держать Вену в известном напряженном выжидании и в то же время мог использовать связи Ракоци с Францией в интересах русского с нею сближения.

Вопрос о русском посредничестве между Ракоци и Веной в целях их примирения на условиях, приемлемых для вождей мадьярского движения, был включен в текст русско-мадьярского договора 4/15 сентября 1707 года. Царь тут брал на себя заботу склонить («приводить доступными способами») императора к предоставлению («возвращению») вольности «Угрии и Седмиградью» (Трансильвании) и «к содержанию», т. е. утверждению Ракоци на княжеском престоле последней¹.

Осуществление этих царских обязательств было включено в круг обязанностей русского посла при венском дворе барона Иоганна Христофа Урбиха, которому, кстати, заметим, как немцу Ракоци не склонен был особенно доверять².

Нужно иметь в виду, что отношения Петра Великого с Австрией в это время –

¹ Текст – Письма и бумаги Петра Великого, VI, СПб., 1912, [с.] 73–80, номер 1944, особенно стр. 76, параграфы 9 и 10, ср. 219–221, 510, 517 – донесение русского агента при Ракоци Корбе, см. и Полное собрание законов, VI, [СПб.] 1830, номер 2156, стр. 385–[38]7, латинский текст ратификации см.: <Fiedler, J., Aktenstücke zur Geschichte Franz Rákóczy's [und seiner Verbindungen mit dem Auslande. Teil 1: Aus den Papieren Ladislaus Kökenyesdi's von Vetes, seines Agenten in Baiern, Frankreich, Preussen und Russland 1705–1715], Wien, 1855, [s.] 308–312.>

Разбор договора и обстоятельств его заключения см.

<[нрзб.]>

<Мад[ьярское] изд[ание] – [с.] 89 и сл.>

<Gašparíková,> [A.] [Povstanie Rákocziho a Slovakia, Bratislava, 1930].

<особ. [с.] 67 и сл.>

Ср. автореферат Я. И. Штернберга, Освободительная война в Венгрии и русско-венгерские отношения в начале XVIII века, Ужгород, 1955, [с.] 12. В работах этих авторов о пряшевском плане нет упоминаний, в их изложении вообще нет сколько-нибудь подробного обзора событий 1710 года.

² Письма и бумаги Петра Великого, [т.] XVIII, М., 1954. С. 458 и сл.

1707–1709 [гг.] – перед лицом предстоящей решающей встречи русских военных сил с увенчанной лаврами победы армией Карла XII – развивались по довольно извилистой и своеобразной линии. Петр Великий в это время одновременно добивался от Австрии и ее союзников Англии и Голландии принятия в состав «великого союза» против Франции и в то же время заинтересован был в сближении с Францией в расчете на примирение со Швецией при посредстве Версаля, а это представлялось царю возможным при помощи Ракоци. Ввиду этого царь предлагал «великому союзу» значительные военные вспомогательные силы, которые эти «аллеаты» хотели бы направить против Ракоци, но в то же время старался помирить Вену с Ракоци и этим помочь делу последнего. Неудивительно, если в выступлениях Урбиха при венском дворе и в иных местах эта двойственность находила себе известное проявление.

В своем меморандуме венскому двору от 12 января 1708 года Урбих заявил о горячем желании царя употребить свои услуги («*«bono official»*») в деле успокоения венгерского движения³ («Царь хотел бы всячески провести сих (т. е. мадьяр) к покою», из чего великая может произойти польза», что «зело нужно есть»)⁴. В связи с этим были выработаны дипломатией и конкретные условия этого примирения. Одни были изложены в инструкции (30.V.1708) направленному к Ракоци в апреле 1709 г. старому опытному русскому дипломату Е. Украинцеву. Последний должен был внушить Ракоци необходимость согласиться на эти предложения царя, угрожавшего Ракоци в ином случае отказаться от поддержки его дела⁵.

К содержанию этих условий мы еще вернемся. Украинцев, который должен был о результатах своих переговоров с

³ Венский Государственный Архив, отдел Рос-сика, 1708. Л. 4–7 – «*ad [нрзб.] motus Hungariae officio sua fervide [нрзб.]»*

⁴ Письма и бумаги Петра Великого, VII, [с.] 130, см. и 540, запись марта 1707 г.

⁵ Письма и бумаги Петра Великого, VII, [с.] 792–[79]3, параграфы 5 и 8, см. и 156, 172, 173, 185.

Ракоци сообщить для дальнейших шагов Урбиху, между тем умер вскоре после приезда ко двору Ракоци. Переговоры с последним продолжал тогда Б. И. Куракин, занимавший, впрочем, несколько скептическую позицию в отношении этой русской «медиации», поскольку в Вене, по его мнению, стояли на точке зрения, что не может быть и речи о постороннем посредничестве при сношениях с подданными императорами¹. Вспомним, впрочем, что Вена, однако, сама участвовала в переговорах при посредничестве Англии и Голландии с Ракоци.

Между тем и Урбих от имени царя и в Вене, и в Угрии подготавливал почву для такого примирения. Он убеждал венский двор в опасности дальнейшего затягивания венгерского конфликта, могущего найти отзвук и среди населения иных владений Австрии, как бы и <«les autres provinces héréditaires» (т. е. Чехия и Моравия), «mécontentes des grandes exactions, dont elles sont continuellement affligées, se joindrent par désespoir aux rebelles, et voila tout allant de mal en pis»>.

А Ракоци Урбих уверял, увещал пойти на путь мира и соглашения хотя бы и ценою отказа от притязаний на Трансильванию ради мирной жизни в условиях покоя и личной свободы и т. д.²

Усилия Урбиха в 1707–[170]9 гг. не привели ни к какому положительному результату. Ракоци в это время занимал позицию неуступчивости и все еще верил в успех мадьярской революции³, и в Вене рассчи-

¹ Заметки 5 (16 сент[ября] 1708 г., Архив кн[язя] Ф. А. Куракина, [Т.] IV, [с.] 37, номер 52.

² Изложение русских аргументов в записи Урбиха 8 сент[ября] 1708 г., <Theiner, [A.] Monuments Hist[oriques] [relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III, et Pierre le Grand, czars de Russie, extraits des Archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859], [р.] 431–4[32]>. Урбиху в этой акции значительно содействовал епископ кунявский Константин Шанявский, <Feldman, [J.] Polska w dobie wielkiej wojny [rólnosnej], 1704–1709. – Krakow, 1925] 263 прим[ечание]>.

³ См. его указания в 1709–1710 гг., <Fiedler [J.] Actenstücke [zur Geschichte Franz Rákóczy's und seiner Verbindungen mit dem Auslande. Teil 2: Aus den Papieren Johann Michael Klement's, seines Agenten in Preussen, England, Holland und bei dem

тывали на скорое полное поражение мадьярского движения.

В середине 1707 г. Россия сделала новую попытку ускорить мирное разрешение мадьярского вопроса и решила сделать обеим сторонам новые предложения о соглашении. Этот опыт русского посредничества доньше не был достаточно отчетливо описан в исторической литературе и в русских архивах, видимо, не оставил достаточных письменных следов. Кое-какие данные имеются в источниках мадьярского происхождения. Сохранившиеся в Венском Гос[ударственном] Архиве документы позволяют между тем значительно дополнить эти сведения и разъяснить всю обстановку этой политической акции русского правительства. Называем это новое русское выступление – пряшевским планом, потому что этот план соглашения сформулирован и обсужден был с Ракоци и др. именно в городе Пряшеве в мае 1710 г. И хотя этот план и не имел практических результатов, однако в рамках истории разработки самых условий австро-мадьярского компромисса его тезисы представляют свои интересы и должны быть соответственно учитываемы.

Об этом пряшевском плане сообщил некоторые сведения еще в XVIII веке известный биограф императора Карла VI иезуит Вагнер. Однако конкретная обстановка выработки этого плана остается до сих пор невыясненной, и в исторической литературе он не получил соответствующего его значению места в истории мадьярского освободительного движения. Как известно, в 1711 году это движение получило решительный и завершительный удар, когда весьма значительная часть участников движения во главе с графом А. К. Роли вошла в Сатмаре в соглашение с Веной о сложении оружия и прекращении борьбы против австрийской власти. Это Сатмарское соглашение в известных частях повторяет содержание пряшевского плана, но между тем специально ис- Utrechter Congresse: 1708–1715. – Wien, 1858], II, [с.] 33, 75, 78, 88–89, 93, 98–99; Fiedler [J.] Archiv für Österreichische Geschichte, 44 B[and], 1871, [с.] 464 и сл., [с.] 479 и сл., и др.>

следовавший историю сатмарского соглашения профессор Имре Лукинич не учел этого пряшевского плана и этапа переговоров, представляющего между тем существенное значение в общей перспективе развития австро-мадьярских и русско-австрийских отношений. И хотя пряшевский план и не имел практических и политических следствий, не встретив со стороны Вены сколько-нибудь серьезного внимания, однако в рамках разработки самых условий австро-мадьярского компромисса его тезисы представляют свой интерес и должны быть соответственно учитываемы.

И на этот раз главную роль по посредничеству должен был сыграть Урбих, хорошо уже осведомленный в этом вопросе. В конце 1709 г. он был вызван из Вены в Россию для получения новых инструкций и указаний¹. В ноябре он был в Галиции и в г. Ярославле, где виделся с кн[язем] А. Д. Меншиковым, а в конце декабря он проехал в Москву². В числе этих поручений было и поручение на обратном пути в Вену войти в непосредственные отношения с Ракоци и его окружением относительно условий их примирения с венским правительством и затем представить в Вене эти условия для дальнейшего практического решения этого вопроса. Руководители русской дипломатии канцлер [Г. И.] Головкин и вице канцлер [П. П.] Шафиров впоследствии разъясняли имперскому послу при русском дворе графу Г. В. Вилчеку, что первоначально царь не был склонен разрешить Урбиху ехать через Угriu, однако сам посол настаивал на этом, заявляя, что это никак не будет неприятно императору ([пропуск в тексте]), царь в конце концов согласился, ограничивая, однако, роль Урбиха лишь принятием от Ракоци и др. их предложений относительно соглашения и передачей их в Вене. Урбих отнюдь не должен был вести какие-либо переговоры или пертрактации с мадьярскими вождями³.

¹ См. Письма и бумаги Петра Великого, [Т.] IV. – Москва, 1952, [с.] 1300, 1413.

² Письма и бумаги Петра Великого, [Т.] IX. – Москва, [с.] 1300, 1413.

³ Донесение Вилчека 22.VII/3.VIII. 1710, В[енский] Гос[ударственный] А[рхив], 1710. Л. 47–49,

Когда вокруг поездки Урбиха в Угriu в связи с дели Шуго (см. ниже) возникли серьезные трения между Веной и царским двором, руководители русской дипломатии настаивали на том, что Урбих имел от царя поручение лишь истребовать от «мятежников их предложения и передать императору, если же Урбих выступил с иными заявлениями и действиями, то этот делал он уже <motu proprio>, поскольку царь отнюдь не хотел оказывать мятежникам» какую-либо протекцию и нарушать этим добрые отношения с императором⁴, царь имел в виду якобы предложить свое посредничество «adinstar suum boni vicini», как добрый сосед⁵.

Головкин и Шафиров подчеркивали, что царь хотел этим посредничеством сделать императору приятное, поскольку в виду близкого соседства Угрии и Польши было совершенно необходимо осуществить наконец замирение Угрии, находившейся все время в состоянии восстания⁶.

Мы не можем здесь входить в обсуждение вопроса о том, каковы были искренние намерения царя в его отношениях с Ракоци, это требует широкого сопоставления всего материала по этому вопросу вне узких рамок пряшевского эпизода, но стоит отметить, что в позднейшем освещении видного ракоциевского дипломата Клемента представляется далеко не так безобидно с точки зрения Вены, Урбих якобы обещал Ракоци значительную военную помощь, дипломатическую поддержку в Лондоне и Гааге и т. д.⁷

55–57, 51–54, 58–63, см. и донесение 28.VII. 1710, пункт 5. Л. 71–78.

⁴ Разъяснение, переданные Вилчеку польским послом, донесения 23.VII./3.VIII.1710 г., В[енский] Гос[ударственный] А[рхив], Россия, 1710. Л. 47 и сл., 50 и сл., 58 и сл.

⁵ Формулировка в донесении английского посла в Вене 8.XI.1710, <Fiedler, [Т.] I>, [р.] 124.

⁶ Эти объяснения изложены в пунктах, обсуждавшихся русскими дипломатами с Велчком 14 июня 1710 г., донесение 16 июля из Петербурга, В[енский] Гос[ударственный] А[рхив], Россия, 1710, связка июнь – декабрь. Л. 9–18, пункт 5, ср. и донесение 28.VII–8.VIII.1710. Л. 71–78.

⁷ Мемуар Клемента императору Карлу VI, 23.IX.1718 г., <Fiedler, [Т.] I, [р.] 8>. См. и письмо Ракоци Клементу 8.VII.1710, там же, [р.] 106–107.

Не исключено, конечно, что Урбих несколько превысил пределы данного ему поручения и по своему собственному разумению сделал ряд шагов, которые могли естественно вооружить против него венское правительство и вообще недовольных его деятельностью при венском дворе. Вся акция Урбиха по делу этого примирения оказалась значительно испорченной тем, что он попытался провести в Вену в составе своего конвоя генерал-квартирмейстера армии Ракоци без разрешения императорских властей. Из-за этого возникли большие неприятности между венским правительством и Урбихом. Шуго был арестован и т. д., хотя вскоре его освободили ради дружественных отношений с царем, однако положение Урбиха при дворе в Вене было подорвано¹.

После проезда через Галицию Урбих встретился на польско-венгерской границе с занимавшим там посты русским генералом Янусом, оккупировавшим тогда и часть Спишского края в Северной Словакии. Здесь у Януса Урбих встретился с присланным от Ракоци ген[ералом] Георгием Шуго (György Szugo, Sùgo), привезшим Янусу разрешение разместить часть русских сил в случае необходимости и в области Шариша².

Шуго затем сопровождал Урбиха через Кошице далее в Пряшев, где и произошла встреча русского посла с самим Ракоци и правой рукой графом М. Берчени, специально для этого прибывшим в Пряшев. Урбих предполагал ранее проехать к Ракоци в Мукачев, однако Берчени отсоветовал это, ссылаясь на опасность чумы и под[обное]³. Русскому послу были на территории владений Ракоци оказаны разные знаки внимания от <вождей> (<«Capi deret Rebellet»>) «мятежников». На пути в Пряшев Урбих в Левоча дружески беседовал с

¹ <Ср. Vehse, [Т.] IV, [р.] 187–188.>

² См. рапорт генерал-аудита Ромейнена на основании рассказа Шуго, В[енский] Г[осударственный] А[рхив], Россия, 1710. Л. 166–167.

³ Письмо Берчени Урбиху 1 мая 1710, <Arch[ivum] Rákócz[ianum], [t.] VIII, 256–271 [old.], ср. 254 [old.];> см. и записку <«ex consilio bellico»> Вена 3.VI.1710, [Венский] Гос[ударственный] Архив, Россия, 1710, [4]я тетрадь. Л. 55.

заявившим недавно этот город после длительной осады австрийским генералом Леффельгольцем и получил от него разрешение на дальнейшее следование через императорские земли. Генерал не советовал русскому послу заезжать в Пряшев, ссылаясь на опасность чумы, позже он объяснил, что эта была лишь уловка с его стороны, и рекомендовал ехать или через Моравию, или же на Тренчин – Трнаву и т. д., имея в виду отклонить Урбиха <«aus gewissen Morhen»> от намерения посетить Ракоци⁴. Беседа эта, конечно, касалась прежде всего венгерских дел, относительно чего генералы осведомили Урбиха, что венский двор решительно отрицательно настроен в отношении ряда деятелей (особенно пяти) этого движения⁵. Эти указания на позиции Вены Урбиху должны были, конечно, учесть при последовавшей встрече в Пряшове, которая состоялась, как можно думать, в течение нескольких дней, начиная от 16 мая и до 24 мая, когда Ракоци уже был снова у себя в Мукачево⁶.

Любопытно, что уже самое появление русского посла в кругу «мятежников» вызвало – по сообщению имперского генерала Леффельгольца (Левоча) – <«ein grossen [нрзб.]»> надежды на то, что московские войска уже на польских границах (у Сколы) и что мадьярам надлежит теперь соединить с ними свои силы на фронте от Бардейова до Мукачева для совместного выступления против австрийцев и т. д.⁷ Этот слух оказался ложным, однако он представляет большой интерес, свидетельствуя я том, что в среде участников мадьярского движения была известная вера в русскую помощь, та самая вера, которую и ранее в 1708 г. наблю-

⁴ Копия письма 16 мая 1710, В[енский] Г[осударственный] А[рхив], Россия, 1710, 4-я тетрадь Л. 175–[17]6, ср. записку <«ex consilio bellico»>, там же, л. 155 и сл., письмо Леффельгольца военному совету в Вену 19 мая 1710. Л. 179–180.

⁵ См. письмо Ракоци Урбиху 24 мая 1710 г., <Fiedler, [Т.] II, 1871, [р.] 501>

⁶ <Fidler, [Т.] II, 1871, [р.] 500–[50]1.>

⁷ Выписка из письма Леффельгольца военному совету в Вене 19 мая 1710, В[енский] Г[осударственный] А[рхив], 1710 <4>ая тетрадь, [л.] 179–180.

дал в среде сторонников Ракоци и кн[язь] Б. И. Куракин¹.

Но что же собственно происходило при встрече Урбиха с Ракоци, Берчени, Шуго и др. в Пряшеве? Совещание, на котором не был, однако, никто из числа мадьярских <proceres> и <senatores>, что особо отметил в своем рассказе Шуго, и продолжавшемся <«guten Stand»>, по его же словам, началось с того, что Урбих ознакомил Ракоци и др. с готовыми уже пунктами относительно примирения мадьяр с императором. Берчени якобы проявил при этом особую радость, публично заявляя, что скоро, конечно, Бог даст им мир.

В плане Урбиха было более десяти пунктов, и не все они встретили одобрение мадьяр. Едва ли можно сомневаться в том, что наиболее возражения вызывал пункт о сохранении за Ракоци только титула князя Седмиградья, не обладания им. Сохранение этого владения и освобождение Седмиградья из-под власти императора было одним из <conditionum sine qua non> соглашения Ракоци с Веной, как подтвердил Урбиху гр[аф] Берчени еще накануне встречи в Пряшеве в письме от 13 мая 1710 года, ссылаясь на Баравский договор 23 мая 1710 года. С другой стороны, Берчени выдвигал тут желательн[ость] освобождения Угрии <«a dominio Austriaco»> от <«sua iugo et praescribendis victoris legilut»> в порядке <свободного> договора между Веной и конфедератами в Будапеште или в Пошоне (Братиславе). При всем том Берчени при встрече с Урбихом якобы проявил особую радость и публично заявлял, что вскоре наконец Бог даст им мир. Ракоци и Берчени, по рассказу Шуго, предложил включить в план Урбиха еще два пункта, не знаем, о чем именно. Но Урбих отказался от них. Шуго передает, что Ракоци и Берчени не получили при разговорах с Урбихом впечатления, что Урбих уже располагает согласием Вены на его посредничество, но Урбих уверял их, что он убежден в возможности добиться от императора чего-либо доброго для них <«[нрзб.]»>. Для получения

«милостивой резолюции» от императора Урбих согласился взять с собою генерала Шуго в составе своего конвоя, но без каких-либо иных особых поручений Ракоци².

Тот текст пряшевского плана, которым мы располагаем, был представлен ген[ералом] Шуго при его аресте. Среди дипломатических документов сношений Вены с Урбихом нет текста, который можно было считать официально предложенным им. Возможно, что он формально и не был от Урбиха принят. В Вене стояли на той позиции, что «мятежники» против императора не могут быть стороной в переговорах, но от них можно ждать лишь капитуляции. Восстание, как выразился в России императорский посол Вилчек, должно быть <«als die Pest zu vertrages»>³.

<«Propositio, ad futuram pacem Hungariae articularis protecte»> разделена на 10 пунктов. Эти пропозиции отчасти повторяют текст предложений, которые должен был от имени царя передать Ракоци Е. Украинцев, но в инструкции последнему эти условия соглашения изложены по-русски, пропозиции Урбиха известны нам только в латинском тексте. Сравнение этих двух проектов условий соглашения не лишено серьезного интереса, поскольку в них отражаются разные этапы развития мадьярского движения и разные оценки создавшейся общей политической обстановки. В 1708 г. движение Ракоци еще далеко не было потрясено в своих основах, хотя и переживало критические минуты после успешного наступления австрийцев в Словакии⁴. Но в половине 1710 года картина была существенно иной, для Ракоци уже было ясно перспектива незамедлительного полного крушения его дела. Это

² Показания ген[ерала] Шуго, изложенные генерал-аудитором Ромейненом, В[енский] Г[осударственный] А[рхив], Россия, 1710, 4-ая тетр[ада], л. 166 и сл., 171–[17]2, 177–[17]8, <см. и <A[рхивум] R[ákócziánium], [Т.] VI, 130 [old.]>

³ Донесение 16.VII.1710, В[енский] Г[осударственный] А[рхив], Россия, 1710, папка июнь – дек[абрь] 1710 г. Л. 8 и 20.

⁴ О военной стороне дела см. <Swieteczky> [B., Kurucké války na Slovensku: náčrt válečných událostí na Slovensku a v Podkarpatské Rusi koncem XVII. a počátkem XVIII. století. – Praha, 1928.].

¹ Архив Куракина, [Т.] IV, [с.] 137, см. Штернберг, Освободительная война и т. д., [с.] 14.

изменение общего положения не могло быть учитываемо и русской дипломатией, которая стояла и за планом 1708 г. и за пряшевским планом 1710 года.

В пункте первом пряшевского плана объявляется вечный мир между борющимися сторонами, генеральная всеобщая амнистия и полное на веки забвение былого для всех и каждого и взаимное доверие между обывателями королевства и ее королем (<«Regem»>), т. е. императором. Эти условия <по существу> соответствуют первому пункту условий, предлагавшихся через Украинцева. Но тут нет условия, изложенного во втором пряшевском пункте. Тут намечается возвращение всех, восстановление всех тех имений (<«bona»>), которые в условиях (<«assasione»>) этих волнений были отобраны (<«adempte»>), законно занимаемы или приобретены владельцами, они не изгоняются (<«pelleander»>) из имения ни под каким претекстом.

В пункте третьем устанавливается неприкосновенность религии в том состоянии, в каком сейчас находится (<«[нрзб.]»>), причем прекращаются навсегда все преследования веры. Этот вопрос о свободе исповедания в инструкции Украинцеву затронут лишь отчасти, тут идет речь лишь о регламентации положения иезуитов в Угрии и соответствии практики времени коронации Леопольда I (параграф 4). Пряшевский проект соглашения предусматривает в 4 пункте признание на будущее время неприкосновенности и прочности (<«[нрзб.]»>) всех прав, привилегий, свобод и порядка политической жизни Угрии соответственно законам, конституциям и обычаям (<«[нрзб.]»>). Это предусматривалось и в 1708 г. в пункте 3, где идет речь о возвращении «королевскому венгерскому всех маестностей, честей, привилегий светских и духовных» и отмена всех обид, «в том им учиненных» (параграф 3). В пункте пятом признается для королевства Угрии вместе с Трансильванией право свободного избрания государя в случае действительного прекращения (<«quod Deus avertat»>) эрцгерцогского дома (<«Domus Archiducalis haereditare sic

ea vero [нрзб.]»>). Этот пункт является по существу новым сравнительно с планом 1708 г. Этот последний еще признает за Ракоци как титул, так и владение княжеством Трансильвании, Седмиградским, однако под верховенством власти цесарской с правами, определенными старыми традициями и договорами с предками императора (параграф 2). Правда, Урбих и в 1708 г. уже убеждал Ракоци в необходимости для него отказаться от Седмиградья, поскольку Вена никогда не пойдет на это, и никто не может ее к этому привести. Урбих советовал Ракоци подумать лучше об эквиваленте в виду княжества в Эльзасе, Италии и под[обном]. Или же получении нескольких миллионов¹. Но теперь в 1710 г. уже нет речи о сохранении за Ракоци прав на обладание Трансильванией-Седмиградьем, но, как сейчас увидим, <для> Ракоци оспаривается только титул этого княжества.

Следующий параграф пряшевского плана касается уже вопросов ликвидации военных действий в Угрии, о чем в 1708 г. совсем еще не упоминается. Так, в шестом пункте предусматривается, что императорская «милиция» будет выведена из Угрии вслед за подписанием мира – кроме оборонительных отрядов (<«[нрзб.]»>). Подобным образом и войска конфедератов тотчас будут отведены – кроме <«quotam praesidii»>. Императору будут они предоставлены вне королевства для иных служб, а охранные отряды будут оставлены из германцев и мадьяр поровну, причем для мирного их сосуществования последние будут носить немецкие костюмы. Для переговоров об этих и иных делах предлагается в параграфе 7 созвать совещание духовных и светских лиц в Прешпурке, куда отправятся и представители конфедератов – при условии гарантии их неприкосновенности со стороны императора. Они смогут там декларировать свое подчинение (<«Submistrio»>) и принять иные соглашения в интересах мира благополучия отечества. Этими решениями, читаем в восьмом параграфе,

¹ <Theiner A., [Т.] II, [р.] 432–[43]3; Kroner, 42, [р.] 353–[35]4.>

не только будет прекращено проливание крови и разорение страны, но откроется и возможность сговор[а] и взаимного принятия перемирия. Пока же – в период переговоров и на случай их перерыва (<«quod quidem non speratus»>) – обе стороны имеют право усиливать свои войска и принимать иные военные меры. Ввиду того что Ракоци для блага королевства истратил большие средства для укрепления Уйвара, Кошиц и Эгера и иных пунктов и обременил свои имения ради этого большими долгами (<«[nrзб.]»>), он рассчитывает – по 9-му пункту – на благосклонность императора в смысле сохранения за Ракоци хотя бы титула князя Трансильвании, за это Ракоци со своей семьей навеки обязуется быть верным и усердным слугой австрийского августейшего дома. Записка заканчивается указанием (пар[аргаф] 10), что в случае неудачи этих переговоров все возвращается на свои места, и стороны могут добиваться своих целей войною¹.

В пряшевском плане отсутствуют указания на два обстоятельства, которые особо оговорены в условиях соглашения 1708 г., тут в пар[аргрфе] 5 упоминается о необходимости уравнивания податей и пошлин с угорских земель и мадьяр с практикой для австрийских подданных и о представлении мадьярам в делах торговых и иных «промыслах» равных австрийцам привилегий. А в пар[аграфе] 6 признается возможность сохранения <за> иноземцами получ<енных> от цесаря венгерских чинов с запретом впредь подобной практики раздачи без согласия венгерского сейма. Для 1710 г., видимо, подобные требования, означавшие известное ограничение прав имперской власти в Угрии и осуждение прежней ее практики, уже не представлялось возможным, признавалось возможным ограничиться лишь общими притязаниями на восстановление прежних правовых отношений с Угрией вслед за общей амнистией.

¹ Венский Гос[ударственный] Архив, Россия, 1710. Л. 168–[16]9 ср. и [л.] 166, см. сжатое изложение у <Wagner F., S.D., Historia Josephi I. Caesaris, [Augusti, Felicis: cum appendice usque ad pacem Badensem]. – Viennae, MDCCXLV [1745], [p.] 390 etc.>

Прочтение пряшевских пунктов естественно поставит вопрос: в какой мере они отвечали подлинным пожеланиям вождей мадьярского освободительного движения? Из контекста нашего изложения можно сделать заключение, что это Урбих на основании царских указаний формулировал эти пожелания и ознакомил с ними вождей движения, которые далеко не во всем с Урбихом соглашались. Нужно, однако, иметь в виду, что в это время – к середине 1710 г. – в окружении Ракоци созревало убеждение в неизбежности и своевременности закончить его дело тем или иным соглашением с Венной. С военной точки зрения венгерское освободительное движение было настолько ослаблено и расстроено, что не могло быть и речи об успешном обороте дела. Движение вместе с тем переживало и внутренний кризис в связи с острыми хозяйственными затруднениями, социальными противоречиями и упадком самого духа сопротивления воли и готовности к дальнейшим испытаниям.

С военной точки зрения венгерское освободительное движение в это время было настолько ослаблено и расстроено, что не могло быть и речи об успешном обороте дела и о возможности благоприятного его завершения. Военные силы Ракоци и его конфедератов были стеснены в небольшом восточном углу Словакии и Закарпатья и подвергались все большему и большему стеснению и ослаблению, переживая вместе с тем и внутренний кризис в связи с острыми хозяйственными затруднениями, социальными противоречиями, и упадком самой бодрости духа и воли и готовности к дальнейшим испытаниям. Ракоци и его сотрудники ищут тогда повсюду пути примирения с Венной на приемлемых для Мадыар условиях. Еще в феврале 1710 г. в Париже французскому правительству был представлен обзор тех пожеланий, которые должны были быть положены в основу соглашения Угрии с Венной, тут речь идет о праве свободного избрания князя Трансильвании, о полной общей амнистии для всех конфедератов с сохранением за Ракоци всех прав, имущества и пр., о разборе всех споров и жалоб конфедератов

на сейме с участием мадьяр и т. д. Соглашение это – по тогдашним представлениям Ракоци – должно было быть включено в договор об общем европейском мире и т. д. Ракоци признавал данным момент возможным и резонабельным, не просит у конфедератов ничего более, как амнистии (<bonne amnistie>) и разбора их жалоб на сейме, такие же предложения были включены и в пункты Урбиха¹.

В марте 1710 г. Ракоци обращался и к членам «великого союза» Англии и Голландии с просьбой о содействии в замирении Угрии с Веной на условиях всеобщей амнистии, обеспечения религиозной свободы, восстановления и обеспечения имущественных прав собственников, исключения возможности деспотического режима (его связывали в Венгрии тогда часто именно с восстановлением наследственной королевской власти Габсбургов² и т. д., т. е. во всяком случае на условии восстановления власти императора в Угрии с рядом правовых гарантий и под[обного]³.

Важнее и надежнее этих обращений Ракоци к великим державам Западной Европы, однако, тот факт, что мы не можем здесь входить в рассмотрение истории этого этапа мадьярского освободительного движения вообще и следить за его развитием на этом этапе, но для нашего изложения важно установить, что посредничество России через Урбиха по своему смыслу и содержанию составляло лишь некоторый эпизод длительного процесса поисков Ракоци путей примирения с Веной. И в этом смысле пункты Урбиха могут быть рассматриваемы как один из этапов в отыскании наиболее подходящей формулировки пожеланий венгерской стороны в области этого примирения.

И что же мог получить Ракоци и его сотрудники от того посредничества, которое развернул в 1710 г. Урбих? Сохранение жизни и имущественных прав и достоинств, однако без тех политических

привилегий, какие давало звание Трансильвании (Седмиградья) и фактического возглавления венгерского движения за свободу Угрии от подчинения Вене. Угрия же вместе с Трансильванией получала бы в неопределенном будущем право избрания своего государя в случае прекращения австрийской династии, т. е. в данный момент возвращалась в ведение дома Габсбургов, только что недавно в 1707 г. неизложенного в Оноде. Все это было весьма и весьма далеко от идеалов и целей, какие выдвинуло мадьярское освободительное движение в самом начале своего [в оригинале фраза прерывается].

И сам Ракоци не возлагал особенных надежд на акции Урбиха в 1710 г. Он знал, что венский двор не имел тогда никаких иных стремлений в отношении Угрии, как насильственное подчинение ее имперской власти и уничтожение всех активных борцов против Вены⁴.

Учитывая всю эту обстановку и особенно то, что Урбих в связи с делом Шуго оказался в тяжелом конфликте с венским правительством, легко понять, что на свои ходы по делу посредничества между Веной и Угрией Урбих мог получить только решительно отрицательный ответ. Вена отказалась входить с Россией в обсуждение условий примирения с Ракоци, отвергая самую мысль о посредничестве в этом деле, ожидая от Угрии и ее вождей полного подчинения ее воле и просьбы пардона⁵. Вена в конце концов и добилась

⁴ <Fiedler, [Т.] I, [р.] 177, пар[аграф] 8, инструкция послу d'Epré 26.V.1710.>

⁵ В этом смысле изложил ответ Вены Урбиху гр[аф] Вратислав, см. отчет Урбиха 18 июля 1710 г., <A[rchivum] R[ákóczi]anum], [Т.] VI, 532 [old.], Kloss. [Т.] XIII, [р.] 518–519; Weber, Der Weiden einer [нрзб.], 1942, [р.] 2–3, 196, 384> Ср. и запись Берчени со ссылкой на Урбиха в письмах ген[ералу] Ренне 19.VII.1710, там же <[Т.] VIII> 266–[26]7 [old.], <268 – Вена предлагает князю и всем конфедератам «[нрзб.]»> ср. [пропуск фразы], 177, пар[аграф] 8 инструкция послу в Россию д'Эрбе 30 мая 1710 г., ср. и записку Берчени генералу русской службы Ренне 19.VII.1710 там же, VII, 268, ср. и запись Берчени Вена предлагает князю Ракоци и всем конфедератам в чем Ракоци готов был видеть унижение для царя и пренебрежение его доброй волей помочь Угрии, хотя, как выразился как-то Берчени,

¹ <Fiedler, [Т.] I, [р.] 159.>

² <Arch[ivum] Rák[ó]czi]anum], [Т.] II, 505 [old.], 1706.>

³ См. изложение в мемуаре Клементя герцога Мальборо 28 марта 1710 г., <Fiedler, [Т.] II, [р.] 98.>

такого исхода всего мадьярского дела, когда в Сатмаре Кароли и др. подчинились Австрии и сложили свое оружие к ногам имперской власти¹.

Пряшевский план замирения Угрии путем компромисса с Австрией при участии России оказался неудавшимся. Но он еще раз подтверждал охоту Петра Великого подействовать более или менее достойному выходу Ракоци и его сотрудников из создавшегося сложного и безнадежного для них положения. Не вступая в серьезный конфликт с Веной и отнюдь не желая осложнить свою политическую линию вообще конфликтом с империей, Петр Великий все же хотел помочь мадьярскому народу и его вождям в деле неизбежного окончания освободительного движения, потерпевшего уже военное поражение...

Дело русского посредничества не кончилось этим пряшевским эпизодом, хотя он и показал известную безнадежность

добиться от Вены уступки. Русская дипломатия и позже считала желательным, чтобы император обратил благосклонное внимание на предложение услуги замирения, после которого Ракоци и Берчени могли бы затем лично письменно просить императора о милости к ним с сохранением их имущественного положения и пр. В этом смысле беседовали с имперским послом в России и Меншиков, и Шафиров в середине июля 1710 г.², как известно, впрочем, Ракоци и Берчени не пошли на этот путь личного подчинения Вене и даже после Сатмарского соглашения 1711 г. уклонились от его признания и не отказались от своих прежних требований и ожиданий. Россия в эти дальнейшие годы их жизни и деятельно[сти] уже вне пределов занятой имперскими войсками Угрии занимала важное место в их расчетах и планах, оставшихся, впрочем, уже лишенными всяких шансов и на осуществление...

ДЕЛО РАЙКА 1949 г.: ВЗГЛЯД ИЗ ЮГОСЛАВИИ³

Вниманию читателя предлагается яркий образец политической публицистики периода апогея «холодной войны» – отклик жившего в Югославии и лояльного титовскому режиму известного венгерского писателя Эрвина Шинко на нашумевший судебный процесс по делу Ласло Райка (сентябрь 1949 г.), имевший широкий международный резонанс: вследствие суда над Райком инициированная Сталиным весной 1948 г. антиюгославская кампания возшла на новый виток. В соответствии с резолюцией третьего совещания Коминформа (ноябрь 1949 г.) титовская Югославия

с Россией Вена должна была особо считаться, поскольку <«Aula haec Viennensis neminem credit esse considerabilem nisi quem sentire esse formidabilem»> <Archivum Rákócziánium, [Т.] VIII, 268 [old.]>

¹ <I. Lukinich, Szatmári Béke [története és okirattára, Budapest], 1952>

лавия, быстрее и успешнее других стран «народной демократии» продвигавшаяся по пути приближения к сталинской модели социализма, была объявлена страной, находящейся во власти не просто националистов, правоуклонистов и ревизионистов, но шпионов и убийц.

К началу 1948 г. югославско-венгерские отношения переживали настоящий подъем. Конечно, тяжелое наследие военных лет трудно было до конца изжить за столь

² Донесение Вилчека от 18.VII.1710 г, В[енский] Г[осударственный] А[рхив], 1710, тетрадь 4-я июль – дек[абрь] 1710. Л. 26 и 33, см. и указания Урбиха, цитируемые Велчком и донесении 2.VII–8.VII.1710, там же, [л.] 71–78 пункт 5.

³ Работа выполнена в рамках проекта «Советско-югославский конфликт и страны «народной демократии». 1948–1953», поддержанного РГНФ. Грант 12-01-00125 (руководитель А. С. Аникеев).

короткий период. Военные столкновения весны 1941 г., расправы хортистской жандармерии над югославскими партизанами в оккупированной Воеводине и ответные (не менее кровавые) карательные акции югославских партизан против мирного венгерского населения – все это сохранялось в исторической памяти соседних народов, питая взаимные предубеждения. Вместе с тем маршал Тито и его окружение были заинтересованы в укреплении позиций левых, прокоммунистических сил в соседней Венгрии, своих потенциальных союзников в деле осуществления планов далеко идущих социальных реформ. В свою очередь для Венгрии налаживание взаимопонимания с Югославией, относившейся к лагерю победителей и завоевавшей немалый международный авторитет своим смелым сопротивлением нацистским оккупантам, имело особое значение, поскольку оно способствовало выходу этой побежденной страны из политико-дипломатической изоляции. Ситуация, правда, осложнялась тем, что Югославией были поначалу заявлены претензии на некоторые территории, принадлежавшие до войны Венгрии. Однако руководство СССР не было склонно всецело потакать амбициям Тито, резонно полагая, что это подорвет советское влияние и позиции прокоммунистических сил в Венгрии. Не сумев заручиться советской поддержкой при осуществлении своих планов, югославское руководство в конце концов в 1946 г. отказалось от территориальных претензий к северному соседу, что избавило отношения двух стран от нового груза.

Начиная с 1945 г. между Венгрией и Югославией развивалось взаимовыгодное сотрудничество в разных областях. Изначально инициатива установления и налаживания двусторонних связей принадлежала именно Югославии, ибо Венгрия как побежденная страна, ожидавшая подписания мирного договора, была не в том положении, чтобы выступать здесь в роли инициатора; вместе с тем она с готовностью откликнулась на югославские предложения о сотрудничестве, тем более что Югославия в 1945 г. первой из стран, в ко-

торых проживало венгерское национальное меньшинство, приняла ряд конкретных мер в целях обеспечения его прав, в том числе на получение образования на родном языке и полноценное культурное развитие. Оба правительства, таким образом, проявили склонность к тому, чтобы начать послевоенную политику «с чистого листа», не муссируя старых обид. Решение проблем с культурным обеспечением национальных меньшинств (многочисленное венгерское меньшинство в Югославии и менее значительное югославянское меньшинство в Венгрии) способствовало быстрейшему налаживанию общего взаимопонимания, и это повлияло на межгосударственные отношения. Обсуждались перспективы тесного экономического сотрудничества в рамках более широкого проекта – союза Дунайских государств. Особенно большие реальные успехи были достигнуты в области культурных связей¹. Как бы то ни было, активизация неблагоприятных внешних факторов могла возродить старые обиды и привести к значительному откату в двусторонних отношениях. Именно это произошло весной 1948 г.

В Москве хорошо знали не только о многосторонних, с каждым годом активизировавшихся межгосударственных связях, но и об особой близости партийных элит венгерской и югославской компартий, что особенно проявилось во время приезда Тито в Будапешт в декабре 1947 г. для подписания двустороннего договора. Еще задолго до этого, 29 апреля 1947 г. в беседе с В. М. Молотовым в Москве лидер венгерских коммунистов М. Ракоши заметил, что Венгрия хотела следовать югославскому примеру, в частности, там, где дело касается силовых структур. Более того, он ответил на вопрос Молотова, «популярна ли в Венгрии Югославия», следующим образом: «Да, она в Венгрии популярна. Надо сказать, что даже популярнее, чем Советский Союз. Дело в том, что венгерский народ не боится югославов, а вот тра-

¹ См.: Кимура К. Под знаком дунайского сотрудничества. Венгерско-югославские культурные связи в 1945–1948 гг. // Славяноведение. 2010. № 5.

диционную боязнь к русским не удалось еще изжить»¹. Как отмечалось в более позднем документе (записи совещания в МИД СССР 11 июня 1949 г.), «до резолюции Информбюро (с осуждением компартии Югославии, июнь 1948 г. – Прим. А. С., К. К.) у венгров с югославами была трогательная дружба, настолько трогательная», что министр внутренних дел Венгрии Л. Райк «ухитрился» утвердить – явно в угоду югославам – устав Демократического союза южных славян Венгрии, в котором был пункт, что этот союз является объединением по национальному признаку и членство в нем ставится выше партийной принадлежности. По сути говоря, национальные интересы тут были поставлены над интересами партии»². Сталин всегда с подозрением относился к любым горизонтальным, плохо контролируемым из Москвы и расширяющим поле самостоятельных внешнеполитических маневров связям между странами советской сферы влияния, не говоря уже о проектах единения дунайских стран под эгидой амбициозного югославского лидера. Осознавая, что рассерженный на югославов советский вождь может нанести удар и по руководству венгерской компартии, М. Ракоши предпринял кардинальный поворот, можно даже сказать, головокружительный кульбит в своей политике.

В марте 1948 г. в Будапеште под знаком содружества дунайских народов прошли крупномасштабные торжества по случаю столетия венгерской революции 1848 г. Как культивирование венгерских патриотических традиций, так и актуализация идей позднего Л. Кошута о Дунайской федерации (а тем более участие в празднествах представителей выбывавшегося из-под советского контроля югославского лидера И. Б. Тито, стремившегося к региональному лидерству) вызвали явное неудоволь-

ствие в Москве, дав повод для новых подозрений³. Однако всего через три недели М. Ракоши, желая вывести из-под удара себя, первым из руководителей партий-участниц Информбюро совершил жест лояльности Сталину, присоединившись к инициированной ВКП(б) антиюгославской кампании. 27 марта 1948 г. в адрес руководства КПЮ было отправлено письмо от ЦК ВКП(б) за подписью Сталина и Молотова с суровыми обвинениями по целому ряду принципиальных вопросов двусторонних отношений⁴. Спустя четыре дня, 31 марта 1948 г., это письмо было направлено также лидерам девяти партий – членов Коминформа, и в том числе венгерской компартии для информации⁵. Из всех партий, информированных о серьезных разногласиях, возникших между ВКП(б) и КПЮ, венгерская компартия отреагировала быстрее и жестче других, первой подключившись к антиюгославской кампании. Уже 8 апреля М. Ракоши отправил И. Б. Тито письмо от имени Политбюро своей партии. В нем не только была всецело поддержана позиция официальной Москвы, но и выражено недоверие югославской компартии⁶. Через два с лишним

³ См. написанную по свежим следам юбилея революции справку от 24 марта 1948 г. «О националистических ошибках руководства Венгерской компартии и буржуазном влиянии в венгерской коммунистической печати», подготовленную в отделе внешней политики ЦК ВКП(б): Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 гг. Документы. Т. 1. М.; Новосибирск, 1997. С. 802–806.

⁴ 18 марта 1948 г. отдел внешней политики ЦК ВКП(б) представил секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Сулову подготовленный по заданию руководства пространный материал под названием «Об антимарксистских установках руководителей компартии Югославии в вопросах внешней и внутренней политики». См.: Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 гг. Документы. Т. 1. С. 787–800. Он лег в основу письма Сталина и Молотова югославскому руководству. См.: Секретная советско-югославская переписка 1948 года / вступ. статья и прим. Л. Я. Гибианского // Вопросы истории. 1992. № 4/5, 6/7, 10.

⁵ Politikatörténeti és Szakszervezeti Levéltár, Főcsoport 274 (Magyar Kommunista Párt), Állag 10, ő.e.szám 16, list 3.

⁶ Arhiv Jugoslavije (далее AJ), fond 507/IX – Komisija za međunarodne odnose i veze Centralnog komiteta SKJ (далее KMOV SK SKJ). 75/I – 14.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1151. Л. 81.

² Архив внешней политики Российской Федерации (АВПР). Ф. 077. Оп. 29. Папка 137. Д. 56. Л. 34. Цит. по: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 / отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. 2. – М.; Новосибирск, 1998. С. 150.

месяца венгерские коммунисты также первыми вслед за Москвой приняли решение не посылать своих представителей на съезд компартии Югославии, который был запланирован на июль.

Всего этого было, однако, недостаточно, чтобы развеять недоверие Сталина. Судя по имеющимся документам, в Москве продолжали выискивать крамолу в Будапеште, в структурах ВКП(б), ответственных за межпартийные связи и деятельность Коминформа, составлялись записки о националистических, правооппортунистических тенденциях в деятельности венгерской компартии (с лета 1948 г. Венгерской партии трудящихся), имевшие много общего с записками, характеризующими деятельность югославской компартии. Они вполне могли быть востребованы в случае, если бы Сталин поставил вопрос о замене руководства венгерской партии. В Москве были среди прочего недовольны деятельностью пропагандистских органов ВПТ, их пассивностью. Так, в документе, относящемся к маю 1949 г., отмечалось, что «руководящие деятели партии, и в частности т. М. Ракоши, заняли совершенно неправильную позицию выжидания по работе с югославской эмиграцией и усиления борьбы против клики Тито, ожидая соответствующих указаний Москвы»¹. Мы не знаем, насколько М. Ракоши был информирован о подобных оценках своей деятельности. Во всяком случае, он с первых месяцев стремился отвести любые обвинения Кремля в недостаточной лояльности, скрытых проюгославских симпатиях, попытках уклониться от магистрального советского пути к социализму и т. д.

Общий климат в двусторонних отношениях стал меняться. Поступательное их ухудшение привело к развертыванию в Венгрии мощной антиюгославской медиакампании. Если до опубликования в конце июня 1948 г. резолюции второго совещания Коминформа с осуждением КПЮ венгерские газеты и журналы регулярно писали о дружбе с Югославией, о важности дунайского сотрудничества и т. д., то через считанные недели тон публикаций

резко меняется. Наиболее чувствительным для Белграда недружественным шагом Будапешта на начальном этапе противостояния лагеря «народной демократии» и ФНРЮ стала полная приостановка венграмми уплаты предусмотренных мирным договором 1947 г. репараций в объеме 70 млн долл. США.

Антиюгославская кампания в Венгрии развивалась по нарастающей и достигла своего апогея в середине – второй половине 1949 г. В это время Ракоши, стремившийся завоевать расположение Сталина, в угоду официальной Москве организовал при помощи советских «экспертов»-силовиков наиболее громкий в Восточной Европе показательный судебный процесс антиюгославской направленности – процесс по делу видного деятеля венгерской компартии Л. Райка, позволивший вывести антиюгославскую кампанию в международном масштабе на новый уровень.

В докладе А. А. Жданова на втором совещании Коминформа (21 июня 1948 г.) была подчеркнута необходимость «чистки» компартий стран «народной демократии» от чужеродных и враждебных элементов. Это способствовало обострению внутривнутрипартийной борьбы, которой придавалась специфическая антиюгославская окраска. Развертывались усиленные поиски «титоиство» в собственных рядах. В 1949 г. были организованы судебные процессы по делам видных деятелей компартий на основании действительных или мнимых югославских связей – К. Дзодзе (Албания), Т. Костова (Болгария), Л. Райка (Венгрия) и т. д.

В сравнении с другими процессами будапештский суд над Ласло Райком представлял собой, вне всякого сомнения, самый громкий пример открытого суда, призванного осудить руководство КПЮ. Суд по делу Райка получил широкий международный резонанс как ключевое звено в массивной антиюгославской кампании, инициированной Сталиным. Ветеран компартии, видный деятель венгерского коммунистического движения стал главным действующим лицом грандиозного политического спектакля, срежиссиро-

¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 188. Л. 25.

ванного в угоду Сталину и призванного послужить компрометации его заклятого политического врага – не покорившегося сталинскому диктату югославского лидера Тито. При всем вопиющем несовершенстве режиссуры, о чем пойдет речь в предлагаемом читателю публикуемом ниже источнике, суд в общем выполнил поставленные перед ним задачи – организацией судебного процесса по делу Райка Ракоши заявил о себе на весь мир как предельно лояльный Москве и приверженный сталинской линии (и более того, зачастую идущий впереди других лидеров стран советской сферы влияния по пути ее осуществления) коммунистический политик. Суд над Л. Райком в соответствии с замыслом своих организаторов возымел большой международный пропагандистский эффект, послужив толчком к дальнейшему разжиганию антиюгославской кампании в масштабе не только Венгрии, но всего формирующегося советского блока

Чем был мотивирован выбор Ласло Райка в качестве центральной фигуры показательного судебного процесса и какова была роль Москвы? В августе 1948 г. во время беседы посла СССР в Венгрии Г. М. Пушкина с членом политбюро Центрального Руководства (ЦР) ВПТ Э. Герё речь шла об освобождении Л. Райка от обязанностей министра внутренних дел из-за его «бонапартистских тенденций» в политической практике и «недружелюбного отношения к Советскому Союзу». При этом Э. Герё сообщил, что Л. Райк последнее всячески отрицал¹. В те же дни, 16 августа, теперь уже М. Ракоши снова акцентировал внимание советского посла на недружелюбном отношении Л. Райка к СССР как главной причине его перевода на пост министра иностранных дел. Г. М. Пушкин высказал свое беспокойство в сообщении в Москву: по итогам беседы с М. Ракоши у него возникло такое ощущение,

что у Л. Райка, видимо, создалось неправильное впечатление, что его удалили с поста министра внутренних дел по требованию СССР. Это могло негативно сказаться на общении посла с Л. Райком теперь уже в роли министра иностранных дел².

В советских партийных документах о ситуации в венгерской компартии не столько Райк, сколько сам лидер партии Ракоши обвинялся в «националистических ошибках», игнорировании СССР и т. д. Но складывается впечатление, что Ракоши, который, судя по документам, в свете своей прежней близости с югославами не вызывал доверия в Москве и, очевидно, мог опасаться за свое будущее, сумел в течение считанных месяцев «перевести стрелку» на Л. Райка как на главного «титоиста» и югославского агента в Венгрии. Дело облегчалось тем, что у Райка не было тесной связи с Москвой и он едва ли мог рассчитывать на заступничество КПСС или советских спецслужб. Если пытаться выявить роль советского фактора (во всех его разносторонних проявлениях), его влияние на подготовку судебного процесса, важно заметить, что отношение к Л. Райку в Москве не всегда было одинаковым, недоверие к нему постепенно углублялось.

В биографии Райка, уроженца Трансильвании, с 1931 г. активного участника коммунистического движения в Венгрии, Чехословакии и других странах, было немало темных моментов, дававших повод для подозрений в его «двойной игре». Впоследствии М. Ракоши, пытавшийся снять с себя ответственность за дело Л. Райка и переложить ее на Л. Берию и его людей, признал в мемуарах, что личность Райка была «удобна для провокаций»³. В самом деле, еще в 1931 г., во время первого своего ареста в хортистской Венгрии, 22-летний Л. Райк, для того чтобы оказаться на свободе, давал подписку, что не будет заниматься политикой, хотя вскоре нарушил свое обязательство. Во второй

¹ Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Советское руководство и политические процессы Т. Костова и Л. Райка // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М., 1999. С. 28. Авторы опираются на: АВПР. Ф. 077. Оп. 28. П. 125. Д. 6. Л. 77.

² Там же. Авторы опираются на: АВПР. Ф. 077. Оп. 28. П. 125. Д. 6. Л. 83.

³ «Любим свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1997. № 3. С. 112–113.

половине 1930-х годов, после поражения республиканцев в гражданской войне в Испании, Л. Райк в числе других коммунистов-интернационалистов, сражавшихся на стороне республиканской армии, оказался в лагере для интернированных во Франции, где в принципе легко мог быть завербован различными спецслужбами. Был в его биографии и эпизод, связанный с временным исключением из компартии в конце 1930-х годов по обвинению в принадлежности к троцкистам. Покрыты мраком неизвестности также обстоятельства возвращения Л. Райка в Венгрию в годы Второй мировой войны, неясной была его роль в самороспуске подпольной венгерской компартии в 1943 г., начавшей вскоре функционировать под другим названием («Партия мира»). Арестованный крайне правым, нилашистским правительством в декабре 1944 г. и оказавшийся затем в концлагере на западе Германии, Л. Райк не только выжил и сохранил здоровье, но был в числе первых освобожден американскими оккупационными войсками, посодействовавшими ему к тому же в возвращении на родину в мае 1945 г. Это также вызывало подозрения в том, что он был заброшен в Венгрию в качестве агента. Между тем огромное влияние Л. Райка в среде венгерских коммунистов-подпольщиков способствовало его избранию в политбюро венгерской компартии через считанные недели после возвращения домой. Вдобавок ко всему родной брат Л. Райка был видным членом крайне правой нилашистской партии, бежавшим в начале 1945 г. на Запад (именно он в конце 1944 г., по некоторым сведениям, сумел спасти брата от расстрела нилашистами), тогда как жена Л. Райка, будучи участницей подпольного коммунистического движения, обладала связями с троцкистскими группами и имела репутацию троцкистки.

Компрометирующие Л. Райка факты биографии были известны в Москве от унаследованных от распущенного в 1943 г. Коминтерна структур, ведавших кадровыми вопросами мирового коммунистического движения (так называемые НИИ № 100 и 205). Существовало к тому же преду-

беждение, что «движение Сопротивления в Венгрии руководилось английской разведкой»¹, что, разумеется, бросало тень на одну из виднейших фигур в этом движении в 1943–1944 г. Таким образом, Ласло Райк явно не был «человеком Москвы», а его деятельность с марта 1946 г. по август 1948 г. в должности министра внутренних дел Венгрии дала повод для нового недовольства со стороны советских спецслужб. В частности, уже в 1946 г. он попытался несколько отодвинуть от руководящих должностей в политической полиции тех венгерских коммунистов, которые находились ранее в СССР, воевали в советских партизанских отрядах, что привело его к конфликту с Союзной контрольной комиссией (СКК), всецело контролируемой Советским Союзом. Он отказался также от создания института советских советников при министре внутренних дел, а в 1947 г., при ликвидации СКК, потребовал передачи венгерскому МВД списков советской агентуры, находящейся в Венгрии (это не могло не быть воспринято как неслыханная дерзость). Москва терпела слишком самостоятельного и амбициозного Л. Райка в роли министра внутренних дел побежденной и ждавшей определения своего послевоенного статуса Венгрии только в силу его активности в деле устранения из политической жизни противников компартии. Роль этого не слишком разборчивого в средствах политика в установлении коммунистической диктатуры в Венгрии была весьма велика, а его реальный облик мало походил на тот мифологизированный образ борца со сталинизмом, который возник в 1956 г., после реабилитации Л. Райка, на реформ-коммунистической волне, порожденной XX съездом КПСС.

Будучи сторонником жестких мер в борьбе с противниками коммунистов, Л. Райк вместе с тем (хотя это может показаться парадоксальным) давал повод

¹ См. справку канцелярии Секретариата Информбюро о члене Политбюро и Оргбюро ЦК ВПТ Л. Райке. Март – апрель 1949 г.: Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 65 (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 99–102).

упрекать себя в недооценке партийного влияния в органах МВД. Так, в начале ноября 1947 г., во время пребывания М. Ракоши в СССР, он издал приказ о роспуске всех парторганизаций в полиции. Поскольку там уже с 1945 г. преобладали коммунисты, это коснулось прежде всего их. Тем самым министр внутренних дел, стремившийся ко все большей независимости, вступил в конфликт с руководством своей партии. Ракоши опасался слишком амбициозного Райка, пытавшегося не только всецело подчинить себе политическую полицию (а значит, сделать ее потенциальным орудием в собственных политических играх), но и установить непосредственные связи с Москвой по линии спецслужб. В августе 1948 г., когда в Венгрии уже существовала монополия ВПТ на власть, он добился перевода его на пост министра иностранных дел, менее влиятельный, в силу того что Венгрия в тех условиях не обладала значительным полем для самостоятельных маневров на международной арене. В должности министра внутренних дел Райка сменил считавшийся в то время менее самостоятельным коммунистическим политиком Я. Кадар.

В аппарате ЦК ВКП (б) знали о Л. Райке и как об активном стороннике сближения Венгрии с титовской Югославией. Впрочем, линия на активизацию всесторонних связей с Югославией, представительницей победоносной антифашистской коалиции, страной, с резко возросшим за годы войны международным престижем и к тому же быстро продвигавшейся по пути коммунистических реформ, была вплоть до весны 1948 г. общей установкой руководства венгерской компартии, и Райк здесь особенно не выделялся. Известны более поздние, относящиеся к октябрю 1956 г., нашумевшие в то время вследствие сенсационной публикации¹ свидетельства социал-демократа П. Юстуса, проходившего с Л. Райком по одному судебному делу, но

¹ См. обзор оппозиционной венгерской печати от 15 октября 1956 г.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 г.: документы / ред.-сост. Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. – М., 1998. С. 310–314.

выжившего. Согласно П. Юстусу, весной 1948 г. Л. Райк якобы выступил вразрез позиции ВКП (б) и М. Ракоши за сохранение близких отношений с Югославией и за венгерское посредничество в разрешении советско-югославского конфликта. Однако эти свидетельства не подтверждаются другими известными нам источниками. Нам представляется, что верность Л. Райка своим прежним проюгославским симпатиям делала невозможным его назначение на пост министра иностранных дел в августе 1948 г., в условиях, когда внешнеполитические ориентации страны следовало резко изменить именно на югославском направлении.

Как бы то ни было, компрометирующих фактов было в биографии Л. Райка достаточно – при фабрикации в 1949 г. судебного дела охотно использовалось все, что подтверждало концепцию, в соответствии с которой Л. Райк с 1931 г. был агентом венгерской охраны, а с 1943 г. англо-американским шпионом, работавшим совместно с югославскими агентами тех же разведок. Таким образом, существовавшее в Москве стойкое недоверие к Л. Райку, как и стоявшая за ним репутация последовательного приверженца венгерско-югославского сближения, делали его очень удобной фигурой для выдвижения на роль главного подсудимого, причем именно на процессе по делу антиюгославской направленности. В условиях, когда Сталин ждал от «проштрафившихся» близостью к Тито венгерских коммунистов все новых и новых свидетельств лояльности генеральной линии мирового коммунистического движения, организация такого процесса выглядела вполне закономерной.

М. Ракоши задумал проведение суда по делу Райка, в определенной мере играя на опережение. Как уже говорилось, он знал, что и над ним могут сгуститься тучи. В Москве были хорошо информированы о том, что и он, едва ли в меньшей степени (!), нежели Л. Райк, был в 1945–1947 гг. активным протагонистом венгерско-югославской дружбы. Посол СССР в Венгрии Г. Пушкин в мае 1949 г. выражал недоверие также стремлением М. Ракоши

создать ручную политическую полицию, не имеющую связей с СССР, «или, в крайнем случае, связь должна проходить только через него»; по словам Пушкина, М. Ракоши внимательно следил за тем, чтобы в Москву не проникала нежелательная для него информация о положении в Венгрии – в той мере, в какой это было возможно¹.

В этих условиях М. Ракоши приступил к подготовке большого судебного процесса, который должен был подтвердить наличие мощной югославской агентуры в венгерской компартии, выведя вместе с тем из-под удара самого себя как лидера ВПТ. Проведение такого процесса в полной мере соответствовало ожиданиям Сталина, жаждавшего новых громких разоблачений Тито и его окружения. В качестве ведущего фигуранта судебного дела был избран видный деятель ВПТ Ласло Райк, к которому в Москве, как уже отмечалось, испытывали мало доверия.

Конкретные обстоятельства ареста Л. Райка и подготовки судебного дела неоднократно становились предметом исследований². Здесь стоит лишь заметить, что на первых допросах Л. Райк, арестованный 30 мая 1949 г., несмотря на жестокость обращения с ним, категорически отрицал свои какие-либо шпионские связи, отвергал все обвинения. Дело сдвинулось с мертвой точки лишь с приездом в Будапешт советских советников во главе с генерал-лейтенантом госбезопасности М. И. Белкиным, хорошо знавших технологию фабрикации показательных процессов. По версии «следствия», Л. Райк впервые встретился с Тито в Париже, когда тот занимался комплектацией интербригад

¹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 92.

² Из исторической литературы, в которой нашли отражение обстоятельства подготовки и проведения процесса по делу Райка, см.: Желицки Б. Й. Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 2, 3; Волокитина Т. В. Москва и Восточная Европа. Становление политических разумов советского типа (1949–1953) / Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова, Т. А. Покивайлова. – М., 2002; Петров Н. В. По сценарию Сталина: роль органов НКВД-МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. – М., 2011.

для помощи республиканской Испании, а с будущим шефом югославской госбезопасности А. Ранковичем находился в лагере для испанских беженцев во Франции уже после победы генерала Франко в гражданской войне. Используя имевшиеся данные о реальных контактах Райка с югославскими коммунистами и прибегая во многих случаях к домыслу, организаторы дела разработали версию, согласно которой он еще в 1930-е годы установил прямые связи с югославскими агентами иностранных разведок, а позже сам был завербован для шпионажа в пользу разведок – сначала английской, затем американской, а к 1945 г. и югославской. Стремление к криминализации своих политических оппонентов М. Ракоши в полной мере унаследовал от фабрикаторов больших московских процессов 1930-х годов – ему важно было показать, что его противники были не людьми идеи, а заурядными провокаторами, орудием в руках Тито и А. Ранковича (правда, как будет показано ниже, избранные методы разоблачения Райка в ходе процесса были не слишком адекватны для решения этой задачи). В соответствии с поставленными задачами и разрабатывалась вся концепция обвинения. Ракоши был осведомлен о готовившемся в Болгарии процессе по «делу Трайчо Костова», оба разоблачительных процесса готовились параллельно и с участием советников из СССР, причем ставилась задача доказать, что Тито и А. Ранкович «хотели сделать в Болгарии на базе личности Т. Костова то же, что сделали на базе личности Райка в Венгрии»³.

В момент приезда в Будапешт Белкина и его команды недоверие к М. Ракоши в Москве сохранялось, советские «эксперты» приехали с определенным предубеждением против венгерского лидера, в ходе совместной работы возникали конфликты. Однако масштабный показательный процесс антиюгославской направленности был нужен Сталину для дальнейшей эскалации обвинений против

³ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: документы / отв. ред. Т. В. Волокитина. – М., 2002. Т. 2. С. 177.

Тито, для консолидации стран-сателлитов СССР на антиюгославской платформе. Поэтому инициативе Ракоши по проведению процесса по делу Райка уже в конце мая был дан ход из Москвы. За подготовкой этого дела все более внимательно следили в Кремле, конкретные детали обсуждались в относящейся к августу – сентябрю переписке Сталина и Ракоши¹, а также во время приема Ракоши советским вождем². Судя по имеющимся документам, у венгерского коммунистического лидера непросто складывались отношения с советским послом Г. М. Пушкиным, отзыв которого совпал с активизацией работы по фабрикации дела. Еще в середине мая 1949 г. посол жаловался эмиссару Информбюро С. Заволжскому на то, что М. Ракоши по сути дела запретил политической полиции заниматься разработкой троцкистов и других враждебных лиц в партии, что слишком большое доверие оказывается коммунистам, вернувшимся в Венгрию с Запада, тогда как в аппарате МИДа до сих пор остаются неразоблаченными явные шпионы³. На самом деле в эти дни уже началась волна арестов, захватившая среди прочего и коммунистов, приехавших с Запада, и работников МИДа.

Процессом по делу Л. Райка Ракоши, таким образом, стремился убить сразу двух «зайцев» – избавиться от опасного конкурента и выслужиться перед Сталиным, развеяв его недоверие. Неменьшую активность в реализации дела Райка проявил давно находившийся с ним в соперни-

ческих отношениях влиятельный министр обороны и заместитель генерального секретаря ЦР ВПТ М. Фаркаш. Есть основания считать, что именно ему первым пришла в голову идея сделать Райка главной фигурой большого показательного процесса. Это дало возможность М. Ракоши уже после XX съезда КПСС, весной 1956 г., в условиях активизировавшихся нападков со стороны внутривластной оппозиции, попытаться переложить главную ответственность за суд над Л. Райком с себя именно на Фаркаша. Внушавшие подозрение эпизоды были и в биографии партийного работника Т. Сёни, приобщенного к делу Л. Райка. Живя во время войны в эмиграции в Швейцарии, он, как и некоторые другие коммунисты, работавшие в пользу СССР, получал деньги от американской благотворительной организации, контролировавшейся шефом американской разведки в Европе Алленом Даллесом (будущим директором ЦРУ и родным братом будущего госсекретаря в администрации Д. Эйзенхауэра Джона Фостера Даллеса). Полученный весной 1949 г. новый компромат на Т. Сёни, касавшийся его связей времен войны, стал отправной точкой в процессе фабрикации дела Райка.

Усилиями генерала Белкина и его сподручных концепция будущего процесса постепенно обретала свои очертания и антиюгославская составляющая в ней усиливалась. Приданию делу Л. Райка антититовской направленности способствовало подключение к нему югославского коминформовца, одно время дипломата в Будапеште Лазара Бранкова, который был специально доставлен из Москвы. Согласно выработанной концепции, Бранков не только активно вербовал агентуру в Венгрии для подрывной работы в пользу Югославии, именно через него как посредника осуществлялась связь Райка и ряда его сообщников в высших органах власти Венгрии с Тито и Ранковичем в целях свержения действующего правительства и установления проюгославского.

Наряду с антиюгославской сохраняла, впрочем, актуальность и антиамериканская составляющая следственно-судеб-

¹ См. публикацию, подготовленную на основании венгерских архивов: Rainer M. J. Távirat "Filippov" elvtársnak. Rákosi Mátyás üzenetei Sztálin titkárságának, 1949–1952 // 1956-os Intézet Évkönyv. VI. – Budapest (далее – Вр.), 1998. 103–118 о.

² Венгерский коммунистический лидер отразил это в своих воспоминаниях. См.: Исторический архив. 1997. № 3. С. 131. Все встречи Ракоши со Сталиным, происходившие в кремлевском кабинете Сталина, нашли отражение в дневнике посетителя. К периоду подготовки суда над Райком относится продолжавшаяся более 2 часов встреча от 20 августа. См.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.) / науч. ред. А. А. Чернобаев. – М., 2008.

³ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 92–95.

ной конструкции, которую обеспечивал арестованный в мае 1949 г. в Праге и доставленный по настоянию Ракоши в Будапешт левый американский журналист Н. Фильд, одно время сотрудничавший с советской разведкой. Именно руководимая Фильдом в годы войны благотворительная структура, находившаяся в Швейцарии, с санкции ЦРУ перечисляла средства восточно-европейским коммунистам, борющимся с нацизмом. Согласно разработанной версии, Райк якобы был завербован американскими спецслужбами в лице Фильда и после освобождения из концлагеря получил задание вернуться на родину с тем, чтобы сразу же приступить к дезорганизации коммунистического движения. Его связи как с американцами, так и с югославами были по замыслу звеньями единой разведывательной сети. При отборе конкретных персонажей для участия в показательном процессе учитывались любые биографические детали, подтверждавшие связи с Югославией. Так, один из главных осужденных, бывший заведующий отделом кадров в центральном аппарате венгерской компартии уже упомянутый Т. Сёни вернулся в Венгрию в 1945 г. из Швейцарии через Югославию, имел определенные связи в этой стране, которым была дана соответствующая интерпретация, подтверждавшая сконструированную версию о шпионской деятельности. Широко использовались против Райка показания бывшего при нем руководителем пресс-службы МВД Ш. Череснеша, которому в 1945 г. разведка югославских партизан действительно предлагала заняться в Венгрии агентурной работой; сам Череснеш, вернувшись в Венгрию, уведомил компартию о своих югославских контактах. Что касается Л. Райка, то его, по всей вероятности, единственная рабочая встреча в декабре 1947 г. в роли министра внутренних дел с шефом югославской госбезопасности А. Ранковичем, будучи преподнесенной в криминализированном виде, интерпретировалась как важнейший этап в подготовке заговора.

С конца мая в Венгрии началась волна арестов. В ходе фабрикации дела Л. Рай-

ка всего через допросы прошло около 200 человек, в том числе группа генералов и офицеров – параллельно с делом Райка велась подготовка дела о военном заговоре во главе с генералом Д. Палфи. В соответствии с задуманным действия проюгославски настроенных генералов при прямой военной поддержке маршала Тито и усилия партийно-государственных функционеров во главе с Л. Райком рассматривались как звенья одной цепи в процессе достижения общей цели – захвата власти, устранения правящей верхушки во главе с М. Ракоши, отрыва Венгрии от СССР, установления проюгославского режима, а затем и реставрации капиталистических порядков.

Политический спектакль по «делу Райка» открылся 16 сентября 1949 г. во Дворце профсоюза металлистов в Будапеште. 47 корреспондентов коммунистической и левой печати из 14 стран получили разрешение присутствовать на процессе, югославские журналисты не были допущены в зал заседаний. В качестве корреспондента газеты «Правда» присутствовал и в «нужном» духе освещал события лауреат сталинской премии Борис Полевой. В опубликованном еще 10 сентября обвинительном заключении подсудимым инкриминировалось руководство организацией, ставившей своей целью свержение народно-демократического строя, ликвидацию независимости Венгрии при вооруженной поддержке «банды Тито», отрыв страны от СССР. Дело Райка было представлено как заговор международного масштаба, все обвиняемые признали себя виновными, выступив в соответствии со сценарием с четко прописанными, заученными ролями. В признаниях акцент был сделан на югославские связи, выступавшие ссылались на якобы имевшие место непосредственные указания Тито и Ранковича, которые в свою очередь согласовывали свои планы с США. Югославские связи «банды Райка» персонифицировала на процессе очень удобная фигура Бранкова (тоже сидевшего на скамье подсудимых и приговоренного к пожизненному заключению – его, как и Череснеша, решено было «приберечь»

для новых разоблачений югославских деяний), который, как «выяснилось», завербовал в 1945 г. Л. Райка в югославскую разведку, зная о его симпатиях к Тито. С каждым днем, по мере выступлений подсудимых, всплывали все новые и новые «коварные замыслы» югославских лидеров – причем в отношении не только Венгрии, но и других стран. Тесные связи Венгрии с Югославией в 1945–1947 гг., планы дунайского и балканского сотрудничества с участием Венгрии – все это подавалось как результаты сознательной подрывной работы Райка и его приспешников, завербованных Белградом.

Вынесение окончательных судебных приговоров было вновь согласовано со Сталиным, который в письме от 22 сентября в свете прозвучавших на показательном процессе признаний обозначил свое мнение: «Считаю, что Л. Райка надо казнить, так как любой другой приговор в отношении Л. Райка не будет понят народом»¹. По сути дела, именно Сталин решил судьбу Л. Райка, хотя иногда, разыгрывая свой собственный спектакль, он давал понять М. Ракоши, что предоставляет венгерской стороне самостоятельность в ведении следствия и выборе меры наказания. Детали действительно определялись Ракоши и его советниками из советских спецслужб. Это касалось и подбора «актеров» на определенные роли (в том числе судей и адвокатов). Источники свидетельствуют о многочисленных указаниях М. Ракоши, подобных указанию подобрать на роль адвоката «еврея неприятной наружности», не способного вызвать симпатий у большинства присутствующих в зале суда. Об этом хорошо известно, в частности, из относящихся к 1956 г. показаний Г. Петера, шефа венгерской политической полиции, впоследствии арестованного.

¹ См.: Желицки Б. Й. Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 181. Документ также приводится и анализируется в послесловии В. Середы к книге: Сас Б. Без всякого принуждения. История одного сфабрикованного процесса. – М., 2003. С. 270. См. также примечания к воспоминаниям М. Ракоши: Исторический архив. 1997. № 3. С. 155.

Л. Райк до самого конца процесса послушно играл роль, отведенную ему по сценарию. В последнем слове он осудил Тито и его «американских хозяев». Главный обвиняемый временами проявлял даже слишком большую готовность признать собственные преступления и, более того, выступить в качестве рупора для изложения коминформовской версии событий, что заставило многих западных (и югославских вроде Шинко) наблюдателей решительно усомниться в достоверности показаний, проводя при этом параллели с большими московскими процессами 1936–1938 гг., выполненными менее «топорно». По сообщениям западных посольств, многие венгерские коммунисты верили в невиновность Райка, который был довольно популярен в партийной среде. В свою очередь люди, далекие от партии, зачастую оставались безразличны к процессу, считая его внутренней разборкой в среде коммунистов.

Что заставляло людей оговаривать себя? В этом пытался потом разобраться один из оставшихся в живых подсудимых, бывший зав. отделом печати МИД Венгрии и талантливый публицист Бела Сас в известной книге «Без всякого принуждения», написанной и впервые опубликованной в эмиграции². Несомненно, наряду с угрозами применялись и другие средства – стремление сыграть на коммунистической убежденности Л. Райка, Л. Бранкова и др., убедить их в том, что своими признаниями они окажут неоценимую услугу комдвижению. Процесс нужен был для свержения

² Сас Б. Без всякого принуждения. История одного сфабрикованного процесса. – М., 2003. Журналист и редактор Бела Сас (1910–1999 гг.), участник нелегального коммунистического движения в Венгрии 1930-х годов, в 1937–1946 гг. находился в эмиграции во Франции и Аргентине. Арестован в Венгрии в мае 1949 г., освобожден по амнистии в 1954 г. 6 октября 1956 г. выступил с яркой речью на торжественной церемонии перезахоронения Ласло Райка, реабилитированного еще в ноябре 1955 г. После драматических октябрьских – ноябрьских событий 1956 г. эмигрировал, работал в эмигрантской прессе и на BBC. Книга «Без всякого принуждения», анализирующая механизмы судебного процесса 1949 г., была опубликована в 1963 г. Переведена на целый ряд языков.

власти Тито, и ради этого убежденных коммунистов просили взять вину на себя ввиду сложности международной обстановки. При этом нельзя исключать, что организаторы процесса обещали сохранить подсудимым жизнь и применительно к некоторым выполнили свое обещание.

В советских внешнеполитических структурах не было полной удовлетворенности проведенным показательным процессом. Эмиссар внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б), курировавший Венгрию, С. Г. Заволжский, констатировал решение задачи по разоблачению Тито, вместе с тем выразил недоумение в связи с нелепостью отдельных сцен показательного процесса, заставляющих усомниться в справедливости обвинений и достоверности всей конструкции. Ему не понравилось, в частности, что части подсудимых и в первую очередь самому Л. Райку «удалось разыграть из себя на процессе политических деятелей, идейных людей. Часто Л. Райк выступал на процессе не как свидетель, а как лектор, дающий марксистский анализ прошедших событий. Вряд ли целесообразно было давать подсудимым политически разглагольствовать, а тем более, когда преступники начали в своих выступлениях агитировать за Советский Союз, за вождя трудящихся М. Ракоши и т. д. Средний человек, слушая такое выступление, мог подумать, что это инсценировка»¹. Эти слова полностью подтверждают справедливость впечатлений югославского венгероязычного писателя и публициста Эрвина Шинко, отклик которого на процесс по делу Райка предлагается читателю ниже.

Сомнений в инсценированности процесса не было и у многих восточноевропейских коммунистов. Так, в документе от 30 сентября 1949 г. зафиксировано, что чехословацкие дипломаты в частных беседах со своими румынскими коллегами рассматривали процесс по делу Л. Райка как инсценировку, главную роль в подготовке которой сыграли московские «эксперты».

¹ Докладная записка в Секретариат Информбюро от 29 сентября 1949 г. См.: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 2. С. 231–232.

«При этом они заявляют в частных беседах, что эта инсценировка подготовлена очень плохо, что в ней не сходятся концы с концами, что ряд фактов, приводимых на процессе, явно неправдоподобны и вообще процесс совершенно недокументирован»; большие московские процессы также могли быть инсценированными, однако там все же фигурировали более убедительные факты².

Смертные приговоры Л. Райку, Т. Сёни, А. Салаи, вынесенные 24 сентября, были приведены в исполнение 15 октября. Более кровожадный Фаркаш предлагал такую меру для всех подсудимых, но более предусмотрительный Ракоши с этим не согласился исходя из сугубо прагматических соображений – он строил планы проведения новых процессов. По его мнению, в частности, Л. Бранкову необходимо было, как уже отмечалось, сохранить жизнь для дальнейшего разоблачения «клики Тито» (эта задача отнюдь не считалась исчерпанной), а деятелю социал-демократии П. Юстусу для разоблачения некоторых бывших социал-демократов. Не мифический, как Л. Райк, а реальный враг венгерского коммунистического режима кардинал Миндсенти, за полгода до этого поносившийся министром иностранных дел Л. Райком на пресс-конференции, мог теперь наблюдать за его казнью из окна своей тюремной камеры, что отразил впоследствии в воспоминаниях³.

В дни процесса по делу Райка югославская пресса и агентство ТАНИЮГ выступили с опровержением звучавших на нем обвинений в адрес белградского руководства. Так, еще накануне первого заседания суда, 15 сентября, газета «Борба» опубликовала протест 100 ветеранов югославской компартии, находившихся во время гражданской войны в Испании в рядах республиканских войск, по поводу предъявленных в предварительно опубликованном судебном заключении обвинений в адрес югославских лидеров. Среди

² Из дневника советника посольства СССР в Югославии Г. П. Шнюкова. См.: Советский фактор в Восточной Европе. Т. 2. С. 176.

³ Mindszenty J. Emlékirátaim. – Бп., 1990.

подписантов был и К. Мразович, действующий посол Югославии в СССР, находившийся в это время в Белграде. В обвинительном акте по делу Райка было указано, что Мразович занимался «шпионской провокационной деятельностью в Испании и затем в концлагере», был тесно связан с Райком и позже, организовав (уже в роли посла в Венгрии) тайную встречу Райка с Ранковичем в октябре 1948 г., на которой будто бы обсуждался план вооруженной оккупации Югославией части венгерской территории и «физического уничтожения» отдельных членов венгерского правительства (после этой публикации Мразович был объявлен в СССР персоной *non grata*, ему было запрещено возвращение в Москву). С обвинениями в адрес югославов был связан наибольший «прокол» на показательном процессе – в ходе выступлений обвиняемых, в том числе самого Райка, был назван ряд членов КПЮ, которые якобы воевали вместе с Райком в Испании, хотя на самом деле их там не было. Эрвин Шинко называет в этой связи видного деятеля КПЮ (а позже СКЮ), многолетнего члена ее руководства Светозара Вукмановича (известного также по партийной кличке Темпо). Все это не только давало югославам повод для громких протестов, но и указывало на явную надуманность обвинений, направленных на то, чтобы подлить масла в огонь антиюгославской истерии. Именно в таком ключе и комментировала процесс по делу Райка западная пресса¹.

То, что М. Ракоши взял на себя инициативу организации большого судебного про-

¹ Эмиссар Коминформа Заволжский следующим образом комментирует этот «прокол»: «Суд прошел мимо таких фактов, когда Райк, может быть, с провокаторской целью, назвал ряд югославских государственных деятелей как лиц, якобы бывших с ним в Испании и в лагерях во Франции, когда на самом деле они никогда там не находились. Венгерские товарищи, не уточнив этого факта, опубликовали сказанное Райком в печати. Это дало в руки клике Тито единственный козырь заявлять, что судебный процесс в Будапеште – инсценировка, направленная на клевету югославского правительства» (Записка от 29 сентября 1949 г. См.: Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 232).

цесса по делу Л. Райка, видимо, прибавило ему самоуверенности – амбициозный венгерский коммунистический политик претендовал на главную роль в проведении антиюгославской кампании в масштабе всей Восточной Европы, по крайней мере, на роль первой скрипки в дирижируемом Сталиным оркестре. С этим связаны и направленные им в Прагу и Варшаву «для информации» лидерам соответствующих партий показания на некоторых видных деятелей этих партий, выбитые из Райка и других подсудимых (в этом списке фигурировал даже временно попавший в опалу виднейший деятель польского коммунистического движения В. Гомулка). Некоторые из этих показаний были действительно впоследствии востребованы в острой и подчас кровавой внутрипартийной борьбе.

Вынесение смертных приговоров по делу Райка 24 сентября 1949 г. привело к дальнейшей эскалации напряженности в отношениях между Югославией и странами формирующегося советского блока. Уже 27 сентября Будапешт потребовал от Белграда отзыва 10 членов югославской миссии в течение 24 часов. В конце сентября сначала СССР, а затем и Венгрия, а также другие страны «народной демократии» расторгают в одностороннем порядке договоры о дружбе и сотрудничестве с Югославией. Белград сразу же выступил с жесткими антисоветскими заявлениями. Международный резонанс имело, например, заявление видного деятеля КПЮ М. Пьяде о том, что нельзя считать свободной страной, экспортирующую виселицы.

В свете процесса по делу Райка прежние обвинения в адрес югославов уже казались Сталину недостаточными. 16–19 ноября 1949 г. в Будапеште состоялось третье (последнее) совещание Коминформа, принявшее резолюцию «Компартия Югославии во власти убийц и шпионов». В ней утверждалось, что руководство Югославии установило в стране фашистскую диктатуру и является «наймитом империалистической реакции». Борьба против него была объявлена одной из важнейших задач коммунистических партий и всех «прогрессивных сил» в мире. Ставил-

ся вопрос о целесообразности создания в Югославии новой, подпольной компартии, которая была бы «революционной и интернационалистической», способной на «решительную борьбу» за освобождение «от ига узурпаторов». После третьего совещания Коминформа в странах советского блока поднялась кровавая волна репрессий, в каждой из них искали своих «райков».

Вследствие процесса по делу Райка резко возросла напряженность на венгерско-югославской границе. Югославы, опасаясь провокаций, пододвинули к границе с Венгрией дополнительные воинские соединения. Венгерское правительство в свою очередь попросило СССР увеличить советский воинский контингент, находившийся на территории Венгрии в соответствии с Парижским мирным договором 1947 г. для поддержания коммуникаций с советской зоной оккупации в Австрии, и эта просьба была выполнена. Численность венгерской армии также увеличилась вопреки положениям мирного договора. Как писал Ракоши в мемуарах, «югославы, вполне понятно, ожесточенные тяжелыми и, как потом выяснилось, беспочвенными обвинениями в свой адрес, которые прозвучали во время процесса, с пеной у рта нападали на нас и, в особенности, на меня лично. Отношения с ними все более ухудшались, один инцидент следовал за другим»¹.

Таким образом, интенсивное многостороннее сотрудничество, наладившееся к весне 1948 г., в течение считанных месяцев уступило место с обеих сторон крупномасштабным идеологическим акциям разоблачительной направленности, осуществлявшимся в соответствии с актуальным политическим заказом. Нанесенные при этом Югославии психологические травмы оказались настолько тяжелыми, что весьма затруднили новый процесс взаимного сближения, начавшийся в середине 1950-х годов, после смерти Сталина².

¹ Исторический архив. 1997. № 3. С. 132–133.

² См.: Стыкалин А. С. Советско-югославское сближение (1954 – лето 1956 гг.) и внутривнутриполитическая ситуация в Венгрии // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкно-

Процесс по делу Райка проходил в самый разгар «холодной войны», в условиях, когда господствовал принцип «кто не с нами, тот против нас» и западные интеллектуалы были поставлены перед выбором – быть другом (а значит апологетом) или врагом сталинского СССР. Многие симпатизанты коммунистического движения предпочитали закрывать глаза на явные изъяны судебной конструкции, небудительность организованного политического спектакля, объяснять политическую целесообразность проведенного действия необходимостью разоблачения главного сталинского врага – маршала Тито. Альтернативой такой позиции было открыто порвать с компартиями, левыми, просоветскими движениями, а значит быть объявленным ренегатом. Граф Михай Каройи, первый президент Венгерской республики в 1918–1919 гг., а с 1947 г. посол Венгрии в Париже, настойчиво пытался убедить свое правительство в том, что открытый процесс по делу Райка сильно ударит по репутации Венгрии в мире, а когда убедился в бесперспективности своих усилий, подал в отставку. В конце августа он еще раз приехал в Будапешт, но услышал лишь циничное предложение Ракоши понаблюдать за процессом с галёрки. Герё, приняв Каройи, не менее цинично ему заявил, что дело, собственно говоря, не в виновности или невиновности Райка, а в том, что югославская схизма представляет угрозу для мирового коммунистического движения и для ее искоренения хороши все средства. Выехав – теперь уже навсегда – во Францию, Каройи 13 октября отправил в Будапешт телеграмму с предложением о повторном слушании дела, но она даже не удостоилась ответа, и леволиберальный по своим убеждениям граф предал ее гласности, после чего режим Ракоши объявил Каройи своим заклятым врагом (Райка же поспешили казнить). Ушел в отставку (с поста атташе посольства Венгрии во Франции) и зять Каройи Золтан Сабо, впоследствии один из виднейших

публицистов венгерской эмиграции. Ференц Фейтё, позже ведущий французский эксперт по восточноевропейским делам Франсуа Фейто (а в 1949 г. пресс-атташе венгерского посольства), участвовал в левых движениях хортистской Венгрии, был лично знаком с Л. Райком еще по 1930-м годам. Он также порвал с дипломатической службой в пользу режима Ракоши, а в ноябре 1949 г. выступил в левой газете «Эспри» со статьей под заголовком «Дело Райка: международное дело Дрейфуса». В статье автор убедительно показал, что весь процесс был сконструирован, главная же его функция – довести до сознания общества идею о том, что «вне советской модели нет благодати»¹.

Особым было положение интеллектуалов в самой Югославии – встать на сторону Сталина и Коминформа в развязавшемся конфликте означало предательство режима, сурово каравшееся. При всей вынужденности позиции защиты Тито и его режима для интеллектуала, жившего в Югославии, знание духовной и творческой эволюции писателя-коммуниста Эрвина Шинко (1898–1967 гг.) дает мало оснований заподозрить его в неискренности. А с другой стороны, писателю не откажешь в праве проводить параллели исходя из собственного жизненного опыта. Так сложилось, что Шинко провел более года в СССР как раз в период больших московских показательных процессов, свидетелем которых стал и описал свои впечатления о сталинской Москве второй половины 1930-х годов, ее духовной атмосфере в дневниковых заметках, позже изданных под названием «Роман вокруг романа»: фрагменты недавно опубликованы на русском языке в прекрасном переводе, с предисловием и примечаниями Т. Воронкиной в «Киноведческих записках» (№ 100/101), ждет выхода в свет и полный перевод.

¹ О влиянии процесса Райка на судьбы некоторых видных венгерских интеллектуалов см. в предисловии Йожефа Кишша к публикации эссе Эрвина Шинко в 1990 г.: Társadalmi Szemle. 1990. № 12. При подготовке примечаний к настоящему изданию использованы некоторые примечания к той публикации.

Эрвин Шинко был членом венгерской компартии с момента ее основания в ноябре 1918 г.; в период венгерской революции 1918–1919 гг., увенчавшейся установлением на 133 дня коммунистического режима, вошедшего в историю как Венгерская Советская республика, он в свои 20 лет был членом будапештского центрального рабочего совета, военным комендантом г. Кечкемета. Эмигрировав после падения коммунистической диктатуры в Вену, занялся журналистикой, затем обратился и к художественному творчеству, писал прозу, эссе, пьесы и стихи. В 1926 г. поселился в Югославии, с 1932 г. жил в Париже, где сблизился с графом Каройи, познакомился с Ромэном Ролланом, симпатизировавшим СССР. Поездка Шинко в Москву, где ему пришлось задержаться, была связана с предполагаемой (в то время так и не состоявшейся) публикацией его романа «Оптимисты», яркого произведения, создающего образ революционной Венгрии 1918–1919 гг. Принадлежит перу убежденного коммуниста, оно в то же время не вписывалось в приемлемые для СССР 1930-х годов схемы изображения социалистической революции.

После Москвы – опять Париж. А в 1939 г. Шинко навсегда поселился в Югославии, был свидетелем ее распада после нападения в апреле 1941 г. нацистской Германии, к которой присоединились Италия, Венгрия и Болгария (каждая из этих стран имела к Югославии территориальные претензии). Как неблагонадежный элемент был интернирован в Далмации итальянскими войсками. После войны жил по преимуществу в Загребе, но долгие годы возглавлял главную в Югославии кафедру венгерской филологии в Нови-Саде, где продолжают и сегодня хранить память о Шинко и сложившиеся при нем традиции. Едва ли можно назвать другого венгерского интеллектуала, который оставил столь неизгладимый след как в сербской, так и в хорватской культурной жизни XX века.

Отклик Шинко на процесс по делу Райка заставляет задуматься над масштабом и абсурдностью сталинских фальсификаций, заставлявших народ поверить в

то, что в корне противоречило не только здравому смыслу, но и пережитому опыту (нельзя забывать о том, что в Югославии с ее массовым движением сопротивления погиб примерно каждый десятый). Прошло всего 4 года по окончании Второй мировой войны, еще не зажили раны и были совершенно свежи у всех воспоминания о войне и раскладе сил на полях сражений. Но политическая конъюнктура требовала, чтобы миллионы людей «забыли» о том, на чьей стороне воевала народно-освободительная армия Югославии под предводительством маршала Тито. Оказывается, вся освободительная борьба народов Югославии была чистейшим обманом, никакого вооруженного сопротивления не было, одна имитация, ведь во главе его якобы стояли не антифашисты, а лица, действовавшие по приказу гестапо. Для того чтобы объявить Тито и его окружение союзниками нацистской Германии, надо было оскорбить миллионы живых участников героической эпопеи, назвав их в лучшем случае слепыми жертвами гитлеровской провокации, и фальсифицировать всю историю Второй мировой войны, поставив фундаментальные вещи с ног на голову. Подобного рода обвинения против Югославии не только оттолкнули от СССР немало симпатизантов из числа западной леволиберальной интеллигенции, но сплотили на платформе безоговорочной поддержки своего режима граждан весьма проблемного многонационального государства, заставив их на время забыть

о межэтнических распрях и взаимных обидах. Внести раскол в югославское общество по большому счету не удалось, процесс по делу Райка, как и вся антититовская кампания, явился в конечном итоге поражением Сталина, продемонстрировав миру его неспособность решить главную задачу. Контрэффективность антиюгославской кампании в том виде, в каком она проводилась, осознавалась и в окружении Сталина, о чем лучше всего свидетельствует тот факт, что уже в самые первые месяцы после кончины «отца народов» его соратники взяли курс на нормализацию отношений с Югославией. Позже Н. С. Хрущев на закрытых партийных форумах неоднократно называл в качестве наглядного примера неразумной сталинской внешней политики именно абсурдные обвинения в адрес югославов (как можно обвинять их в том, что они воевали на стороне Германии, хотя всем известно, что они воевали с фашистами так, как дай Бог каждому, говорил он). О невиновности Райка и надуманности обвинений впервые на пленуме ЦК КПСС заговорили еще в июле 1955 г., правда, в духе того времени все валили на Берию.

Анализ Эрвином Шинко несовершенства сценария и режиссуры, разоблачение многочисленных несостыковок в искусственно созданной следственно-судебной конструкции представляют и сегодня интерес для исследователей механизмов сталинской репрессивной практики.

А. С. Стыкалин

ЭРВИН ШИНКО. ТЕ КТО, НЕ ЗНАЕТ СТЫДА, ИЛИ ПУБЛИЧНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ ОТЦА ЭСКОБАРА

Автор этих строк – не юрист. Он профессионально занимается плодами собственного и чужого воображения. И, как ему кажется, имеет все основания – исключительно с профессиональной точки зрения – выразить упрек устроителям будапештского процесса¹ в том, что те отработали явно спустя рукава как с точки зрения деталей, так и композиционно. Теперь-то, конечно, и они уже знают то, что им надо было знать с самого начала, – действие романа срежиссировать не так-то легко. Криворукие непрофессионалы всегда недооценивают трудности. А ведь для того, чтобы плоды воображения действовали «как в жизни», или для достижения *правдоподобия* – если воспользоваться замечательным русским словом, – требуется преодолеть серьезные трудности. Не хочу, чтобы кто-то подумал, будто я упомянул русское слово с целью продемонстрировать свои скромные лингвистические познания: для сценаристов будапештского процесса русское выражение было привычной венгерского², именно поэтому я его и употребил – исключительно из вежливости.

Если не учитывать вероятность того, что эти сценаристы намеренно работали так неряшливо, специально, чтобы их скандально неуклюжая режиссура скомпрометировала заказчиков; если не учитывать вероятность того, что эти сценаристы сами были тайными троцкистами-заговорщиками – вдруг это обнаружится в буду-

щем, в ходе какого-нибудь сенсационного судебного разбирательства – если мы отрицаем такую возможность, придется признать: «разработчики» будапештского процесса недооценили значимость усилий, которые обязательно требуются при создании детективного романа, пусть и самого среднего пошиба.

Однако, скорее всего, будапештский процесс оказался настолько вызывающе неудачным и шитым белыми нитками во все не из-за дилетантизма и тайных троцкистов. В этом случае возможен и третий вариант. Давняя практика Святого престола состоит в том, чтобы провозглашать «истины», противоречащие здравому смыслу. Догмы Святого престола способны взорвать любую логику. Почему? Да потому, что они призваны унижить греховную человеческую гордыню, убить в человеке веру в разум, человеческое достоинство, независимость, задавить всякое сопротивление власти и авторитету Святого престола. Задача состоит в том, чтобы воспитать такую паству, которая будет подчиняться без условий и рассуждений. Именно так с древних времен действовала Церковь.

И действительно, может, этот процесс специально был организован так по-дурачки, а каждое слово, обвинение и самоговор стали такой звонкой пощечиной любой логике, чтобы коммунисты усвоили: правда, логика, право и смысл не значат вообще ничего, идет ли речь о непокорных, или о приказах Великого Кормчего? Последователи должны знать, а если не знают, пусть усвоят: Иегова делает то, что захочет, вопреки любой возможной правде, смыслу, свидетельству или логике, а если захочет, прикажет выдвигать абсолютно бессмысленные обвинения и оговаривать себя. Каждая голова должна

¹ Открытый процесс по делу Ласло Райка продолжался шесть дней – с 16 по 17 и с 19 по 22 сентября 1949 г. во Дворце профсоюза металлистов в Будапеште.

² Как уже отмечалось, в подготовке суда по делу Райка начиная с июня 1949 г. принимали активное участие советские «эксперты» во главе с генерал-лейтенантом МГБ М. И. Белкиным.

помнить о возможности оказаться в петле. Останутся ли головы (любые головы) на плечах, или полетят в корзину, зависит от Великого Кормчего и только от него. Почему? Да потому, что Иегова – это Иегова, и ему надо служить в покорности и страхе – в страхе и без рассуждений.

То, что было устроено в Будапеште под названием судебного разбирательства, гроша ломанного не стоило даже в качестве карикатуры на детективный роман. Карикатура может развлечь, когда в ней есть разнообразные, явно неправдоподобные придумки, но в таком случае неизменно условием становится энтузиазм. А эти режиссеры, эти авторы – как они работали? При самом беглом взгляде на их слабый, дурно сыгранный бульварный роман, любой здравомыслящий человек начинает размышлять об одном, задает себе один-единственный неразрешимый вопрос: неужели авторы исходили из того, что я, зритель, – полный идиот, или они, эти авторы, сами идиоты?

Ясно одно: устроители процесса недооценили трудности своей грязной профессии. Они думали, стоит придумать какое-нибудь действие, которое соответствует указаниям Коминформа¹, подобрать и

¹ Созданное в сентябре 1947 г. для «обмена опытом и координации деятельности компартий на основе взаимного согласия» (см.: Гибианский Л. Я. Как возник Коминформ. По новым архивным материалам // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 131–152) Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформ) стало фактически механизмом централизации мирового коммунистического движения, инструментом идейно-политического руководства деятельностью компартий со стороны КПСС, переняв в этом смысле функции распущенного в 1943 г. Коминтерна. С первых месяцев своего существования эта структура активно использовалась официальной Москвой для достижения внешнеполитических целей. Особенно отчетливо это проявилось в условиях советско-югославского конфликта 1948 г. Убедившись в неудаче антиюгославской кампании, Сталин вскоре утратил интерес к главному орудию ее осуществления – Информбюро. Преемники Сталина также не предприняли серьезных попыток активизировать деятельность Коминформа. Эта структура была распущена в апреле 1956 г. См. также: Адибеков Г. М. Коминформ и послевоенная Европа. – М., 1994.

сгруппировать под это действие персонажей, которые послушно «признаются» во всем, что напишут им авторы, – и все пойдет как по маслу.

Что касается самой задумки, следует признать – сама по себе как идея она не так уж беспомощна, пусть и не оригинальна и является лишь подражанием московским процессам², но чего стоит эта задумка! Все решает исполнение, а исполнение передано было в такие кривые руки, что тут и критиковать нечего. Задумка была не просто не беспомощна – она была почти великолепна. Представим себе: те самые знаменитые письма³ «товарищеская» критика, подписанная величайшим из живущих ныне авторитетов рабочего движения, следующий шаг – нагнетание атмосферы посредством известного Постановления⁴ ситуации, сложившейся в коммунистической партии Югославии, и далее – постоянное нагнетание, все яростней, все агрессивнее, все менее «критически», с нарастающим пылом, угрозами с пеной у рта, вплоть до дипломатических протоколов⁵, которые «неопровержимо» доказали, будто Югославия перешла в империалистический лагерь, да и вообще принадлежала к нему с самого начала, а вся эта народно-освободительная вой-

² Речь идет о больших показательных судебных процессах 1936–1938 гг.

³ Имеется в виду закрытая переписка между руководствами ВКП(б) и компартии Югославии с 18 марта по 22 мая 1948 г., в ходе которой лидеры КПЮ пытались показать необоснованность предъявленных им обвинений. После разрыва двух партий была обнародована югославской стороной. См.: Вопросы истории. 1992. № 4/5, 6/7, 10.

⁴ Речь идет о резолюции «О положении в Коммунистической партии Югославии», принятой на втором совещании Коминформа, состоявшемся 19–23 июня 1948 г. в Бухаресте. Опубликованная 29 июня в центральных органах всех компартий, входивших в Информбюро, положила начало публичной резкой критике националистических тенденций в деятельности КПЮ. Уже в этой резолюции содержался призыв к членам КПЮ сменить руководство своей партией.

⁵ Речь идет о том, что в течение шести дней, начиная с 29 сентября 1949 г., все восточно-европейские сателлиты СССР по очереди разорвали договоры о дружбе и сотрудничестве, ранее заключенные с Югославией.

на была чистым обманом, и в Югославии в конечном итоге был введен фашистский гестаповский режим, а коммунистам в Югославии ничего не светит, ведь там все цветы расцветают только для капиталистов и кулаков, а страной там управляют заклятые националисты, враги прогресса, мира во всем мире и вообще всего человечества, а главное – враги Советского Союза и стран народной демократии.

Если не задействована дружеская критика, приходит черед призывать к «здоровым элементам», а если и на это никто не реагирует, то, чем меньше действуют перечисленные доводы, тем сильнее голоса обвинителей срываются на фальцет, тем агрессивнее и мрачнее становятся сами обвинения, – действовать-то они действуют, только не в задуманном направлении, а совсем наоборот, ведь с тех пор, как вокруг Югославии устроен весь этот концерт, югославский народ еще решительней и упрямей принялся следовать по избранному пути под руководством партии и Тито.

И что прикажете делать с таким неисправимым народом? Как повлиять на народ, который не намерен идти на смерть, даже в том случае, когда из Москвы доносится призывный свист? Апеллировать к нему бесполезно, поэтому устроители безумного концерта меняют тактику. Точнее, отказываются от нее, дирижер теряет голову, топает ногами и машет руками в разные стороны. Появляются разные новости, например, 26 августа 1949 г. в газете «Мадьяр Неп» («Венгерский народ») на главной странице огромными буквами, занимающими четверть листа, набран заголовок:

*По нацистскому рецепту:
ТИТО ПРИКАЗАЛ ПОДЖЕЧЬ
СУХОГРУЗ «ПАРТИЗАНКА»*

И под заголовком текст, похожий на лихорадочный предсмертный бред – нагромождение ужасов, без намек на логику, только чтобы повизжать, и в конце утверждение, будто Тито, кроме «Партизанки», распорядился поджечь почему-то именно 17 августа: «Огромные зернохранилища, находящиеся в Триесте, на территории, находящейся под контролем Югославии,

где – а этот фрагмент уже набран шрифтом помельче, зато курсивом, – *было уничтожено огромное количество пшеницы*». В финале указано, что все эти, безусловно, интересные новости сообщают из Вашингтона, а источник информации – «одна албанская газета».

Подобное принято называть безумием бессильного гнева. Поскольку в самой Югославии, несмотря на оглушительный вой, блокаду и воинственные угрозы, продолжается и даже набирает обороты работа по строительству социализма, строятся новые цеха, гидроэлектростанции, жилые дома, шоссе, железные дороги, множатся крестьянские кооперативы, и нет ни малейших признаков того, что югославский народ собирается совершить самоубийство, остается лишь одно – попытаться изолировать эту непокорную, упорствующую в своей глухоте, но на самом деле обладающую отличным слухом кучку еретиков от остальных свободолюбивых народов мира, как в Средние века изолировали прокаженных. Как этого добиться? Следует создать видимость, попробовать убедить мир, особенно соседние народы, которым югославская зараза угрожает в первую очередь, что нет большей опасности для мирового счастья, чем непослушная Югославия. Надо попытаться внушить, что Югославия – источник всех бед, очаг пожара, представляющий угрозу для всех и вся, и что эта Югославия тайком готовится поработить, колонизировать все близлежащие страны и даже те, что расположены чуть подальше.

Как можно такое подтвердить, если все факты говорят о том, что Югославия – отнюдь не воплощение зла или исчадие ада, а обычная земная страна, где с необычайным упорством строят новую, свободную социалистическую жизнь и культуру с глубочайшим стремлением к миру и братскому сотрудничеству. Ведь речь идет о стране, где во время последней войны один из десяти жителей отдал жизнь в борьбе против милитаризма, борьбе за мир для всех народов, речь о стране, которая сумела освободиться, проявив беспримерное мужество, а теперь вся пре-

вратилась в стройку, и жажда созидания, построения новой жизни свидетельствуют о единственном желании: установить мирное и братское сотрудничество между свободными народами, не теряя собственной свободы.

Убедить надо как раз в том, что факты, однозначно свидетельствующие о положительном, – лишь бесовское наваждение, пускание пыли в глаза, а чтобы мир поверил в это, надо всем внушить, что руководители этой страны все поголовно, начиная с лидера, с рождения являются опасными, грязными шпионами, врагами всего на свете, наймитами, заговорщиками, бессовестными предателями и, вероятно, отъявленными убийцами.

В Средние века инквизиторам удавалось находить свидетелей, которые своими глазами видели, как женщина, подозреваемая в ведьмовстве, тайком ходила на свидания с дьяволом. Эти люди видели, как ведьма ласкала, обнимала черта, слышали ее разговоры с ним, им даже удавалось расслышать, как ведьма и дьявол обсуждали, каким образом лучше всего уничтожить урожай, деревню, город, а то и весь мир. Инквизиторы умудрялись находить тех, кто клялся, будто видел подобные сговоры и своими ушами слышал непотребные разговоры.

Режиссеров будапештского процесса осенила гениальная идея: зачем привлекать в свидетели простых смертных – против ведьмы, групп ведьм перед судом должен свидетельствовать сам дьявол и его черти. Именно дьявол должен признаться, что состоял в постоянном сговоре со злонамеренными югославскими душами, он должен сам появиться перед народным судом и подробно, во всех деталях поведать о разнообразных тайных договоренностях и пактах, заключенных между ним и югославским государством, лидерами югославских коммунистов. Авторы талантливой выдумки руководствовались следующей логикой: если дьявол сам скажет, что эти пропащие югославские души являются его приспешниками, друзьями, старыми товарищами и даже застрельщиками всех безобразий, поскольку они, эти пропащие

югославские души чернее самого дьявола, – тогда никакие доказательства уже будут не нужны, и будет неопровержимо доказано, что все руководящие лица Югославии – злодеи и обманщики.

Единственная проблема – представить перед народным судом воплощенное зло, самого дьявола, – но она легко решается. Наивные устроители решили проблему следующим образом: несчастный Райк, точно так же, как и Палфи¹, и все остальные должны во всеуслышание продемонстрировать, по-настоящему убедить нас, чтобы мы поверили, будто в них нет ни тени человеческого, а сами они – негодяи, предатели, шпионы, пусть сами скажут, что заслужили всяческие наказания, унижение и виселицу.

Именно так поняла задание, цель спектакля и венгерская пресса, которая на протяжении всего процесса изобиловала «поэтичными описаниями настроений». Так, например, госсекретарь / начальник департамента Иван Болдижар² в номере газеты «Фюггетлен Мадьярорсаг» («Независимая Венгрия») от 19 сентября в пространных, на две страницы, рассуждениях произвольно выбалтывает цель процесса: «Все то, что мы за последнее время узнали о предательстве Тито и его клики из дипломатических меморандумов СССР и речей Матяша Ракоши, обретает плоть и кровь, принципиальные заявления приобретают драматический характер, предательство распадается на отдельные действия...».

После чего следует пропаганда дьявола. Иван Болдижар пишет: «...в эту минуту открывается дверь, охранник изолятора в лилово-синей форме, а за ним, в черном, Райк, Палфи, Бранков³ ... В том, как они

¹ Заместитель министра обороны генерал Д. Палфи (1909–1949 гг.) был приговорен к смертной казни в сентябре 1949 г. по итогам смежного судебного процесса о военном заговоре.

² Иван Болдижар (1912–1988 гг.) – писатель, публицист, в 1947–1951 гг. был статс-секретарем по вопросам информации и заместителем министра иностранных дел.

³ Лазар Бранков (1912–2011 гг.) – бывший советник посольства Югославии в Будапеште. Как и некоторые другие югославские дипломаты (так называемые «коминформовцы»), поддержал

ненавидящим взглядом обводят зал суда, демонстрируя при этом превосходство и равнодушие, выражается вся их сущность... Способны ли эти люди вообще на какие-либо чувства?... Этот человек прямо перед микрофоном спокойно, используя тщательно продуманные фразы, не моргая признается... Человек с нормальным мозгом и совестью даже не в состоянии осознать все то, что перечисляет и подтверждает здесь эта личность (Райк) в таких подробностях. На часах почти одиннадцать, многие присутствующие потянулись в буфет. Предлагаю одному венгерскому писателю угощение. «Не могу есть, – отвечает он. – Кусок в горло не лезет».

Легко можно понять, отчего этот венгерский писатель потерял аппетит, особенно, если он по опыту может предположить, что напишет этот недалекий, невежественный Иван Болдижар в завтрашней передовице «Фюггетлен Мадьярорсаг». У того же Болдижара мы обнаруживаем еще и такие утверждения. Вот подзаголовок: «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ». Именно так, сплошные прописные буквы, а за ними текст – и это не шутка, излагает он буквально следующее: «Мы находимся лишь в начале погружения. До сих пор мы лишь видели, как человек может пасть ниже дантовых фантазий. (!) Средневековым преступникам было бы чему поучиться у этих предателей».

В этом бессмысленном, нескладном утверждении интересно только одно – господин государственный секретарь тоже упоминает в связи с процессом Средние века, инквизицию и суды над ведьмами.

18 сентября другая венгерская газета – «Мадьяр Неп» («Венгерский народ») соревнуется с коллегой Болдижаром в пролинию Коминформа в критике КПЮ, порвал со своим правительством, выполнял определенные функции в антититовских структурах югославской эмиграции. Был арестован в Москве и 19 июля 1949 г. доставлен в венгерскую столицу на допросы. Подключение Бранкова к судебному делу Райка, как уже отмечалось, способствовало приданию ему антиюгославской направленности. После освобождения из заключения в 1955 г. Бранков жил во Франции, состоял во французской компартии.

паганде дьявола: «Райк выдает текст чуть ли не с удовольствием: говорит о том, как ему удалось привести в полицию двести строительных рабочих. Кичится, объясняет, что не только сотрудничал с Палфи, но и давал тому распоряжения. Гордится тем, что именно он был главным предателем из всех, первым среди палачей... Это политические азы в духе Тито и Райка, уничтожение рабочих и трудящихся крестьян, восстановление власти капитала, яростная гримаса антисоветчины, животный национализм».

После чего пропаганда дьявола перекакивает с непосредственных обвиняемых на тех, против кого выдвинуты косвенные обвинения. В этом всех превзошел центральный орган Венгерской партии трудящихся «Сабад Неп» («Свободный народ»), где во время процесса вместо передовиц публиковались «яркие зарисовки», так, к примеру, 21 сентября первую страницу издания украсило набранное курсивом лирическое размышление: «С точки зрения безнравственности члены банды Райка все на одно лицо: самым мерзким и отвратительным кажется тот, кто дает показания в данную конкретную минуту, свидетельствуя о том, какие вампиры (снова Средние века! – Прим. автора) жиреют на вонючем болоте империализма. ТИТО – ТАКОЙ ЖЕ ВАМПИР».

В оригинале последнее предложение тоже набрано заглавными буквами, между делом встречается и элемент самолюбования, что даже при этих невеселых обстоятельствах делает статью невозможно комичной: «Мы уже знали из признания Райка, что Ранковичу¹ ничто не доставляет

¹ Александр Ранкович (1909–1983 гг.) – в 1940–1966 гг. член ЦК и Политбюро (Исполкома) КПЮ (СКЮ). Кум И. Броза Тито. В условиях советско-югославского конфликта 1948–1953 гг. разоблачение «преступной клики Тито – Ранковича» считалось приоритетной задачей пропаганды в СССР и странах-сателлитах. С 1946 г. наделенный большими полномочиями министр внутренних дел и шеф политической полиции. Был также заместителем председателя Союзного исполнительного вече (правительства) Югославии. В 1966 г. освобожден от всех должностей и исключен из партии за злоупотребления властью после того, как Тито обнаружил подслушивающие устройства

таких хлопот, как смелость, решительность, знания и авторитет лучших лидеров венгерских коммунистов и венгерского народа».

Газета «Сабад Со» («Свободное слово») не допускает и мысли, чтобы уступить коллегам в соревновании по пропаганде дьявола. 17 сентября и здесь на месте передовицы выходит дайджест лирических впечатлений. Цитировать можно прямо с первого предложения: «Перед судом народа предстали хищные волки: неприкрытым цинизмом веет от пустых взглядов Райка и его подельников... Из уст Ласло Райка исторгается бесконечное перечисление преступлений, он признает все, в чем обвинил его народ. А что ему еще остается?» – спрашивает автор статьи и тут же одним махом силой поэтического воображения превращает волков в крыс, совершая новое открытие в крысиной психологии. Мы узнаем, что крысам перед смертью свойственно чуть ли не священника звать для исповеди. Кто не верит – прочтите на первой странице газеты «Сабад Со» за 17 сентября, что делает крыса, когда попадает в ловушку? «Скулит и – еще раз подводит итоги собственной жизни».

Автор этих строк готов под присягой подтвердить, что все это действительно было напечатано жирным шрифтом, нелегкими трудами венгерского народа на им же заработанные деньги в венгерской газете. В этой же статье можно прочесть о видениях, посещающих автора: «Райк стоит спиной к публике, и порой кажется, будто у него из горла с ухмылкой тарачится лицо Тито». В лирическом порыве и, судя по всему, находясь еще под влиянием сравнения с крысой, он продолжает фантазировать: «Райк был грязными руками тех, кто обирает народ, опасными руками,

в своем рабочем кабинете. В период опалы жил под домашним арестом на вилле в Дубровнике, пользуясь немалым неформальным влиянием, прежде всего в сербской среде, на похороны Ранковича приехало около 100 тыс. человек. Вопреки сценарию процесса по делу Райка, уделившего большое внимание связям Райка и Ранковича, в реальности единственная рабочая встреча министров внутренних дел двух соседних государств состоялась в 1947 г.

источающими яд... злодей, один из тех, которые жаждут лишь одного – вредить, вредить всему миру, как можно больше...».

Если после всего этого кто-то еще сомневается в том, что перед будапештским народным судом предстал дьявол собственной персоной, ему будет достаточно ознакомиться с самими «признаниями»¹, и сразу станет очевидно: они составлены таким образом, что даже сам черт не смог бы нарисовать себя страшнее, чем это сделали сами обвиняемые.

Таким образом, сам дьявол, сами черти первыми признаются в том, что они черти, а руководители югославского государства – злые колдуны, вступившие с ними в сговор. Тем самым подтверждается, что руководители партии и правительства Югославии суть дети Сатаны. И вот, пожалуйста, сразу после публичного предъявления обвинения и еще до начала судебных слушаний газета «Сабад Неп» в редакционной статье попросту объявляет признание дьявола абсолютным доказательством вины. «Неопровержимые обвинения, тысячи доказательств и отягчающих обстоятельств», – так говорится в статье «От редакции “Сабад Неп”» 16 сентября². Там же узнаем, что в Югославии «подражают ужасам гестаповского режима и даже превосходят их», а с другой стороны, в Венгрии в связи с процессом над Райком «страна с песней приветствует мудрого руководителя нашей великой партии товарища Ракоши».

Отправной точкой в конструкции всего спектакля служит то, что произошло во французском лагере для интернированных борцов за свободу Испании. Эти события становятся фундаментом для всего здания, ведь в этих лагерях Райк

¹ Материалы суда были опубликованы не только в коммунистической прессе Венгрии, СССР и стран советского блока (а также в западной коммунистической прессе), но и отдельными брошюрами на разных языках. См. на русском языке: Ласло Райк и его сообщники перед народным судом. – Будапешт, 1949. В 1972 г. были переизданы в Париже на французском языке со вступительной статьей одного из обвиняемых – Белы Саца.

² Т.е. в статье, опубликованной уже в первый день политического спектакля.

должен был связаться со ста пятьюдесятью югославскими борцами за свободу, которых перевербовало гестапо и в качестве собственных агентов заслало обратно в Югославию. Замысел великолепный, совершенно в духе упомянутого выше крещендо. Ведь если в известном письме руководству советской коммунистической партии от 4 мая 1948 г.¹ речь идет лишь о том, что успехи польской, чехословацкой, венгерской, румынской, болгарской и албанской компартий не уступают достижениям югославских коммунистов, то здесь уже делается следующий важный шаг в нагнетании обстановки, тут уже нас заставляют заподозрить, что югославские бойцы, которые участвовали в организации народно-освободительной борьбы в Испании, а затем столь успешно использовали опыт ведения военных действий, полученный в Испании, в ходе народно-освободительной войны в Югославии под предводительством Тито на самом деле никакого вооруженного сопротивления и антифашистской борьбы не организовывали, а действовали по приказу гестапо. В обвинении данный тезис обрисован лишь в общих чертах, однако в ходе театральное представление, названного процессом, он будет расширен, углублен, снабжен подробностями, так что в финале как раз на основании прозвучавших в суде «признаний» – раз сам Дьявол говорит, что это так, значит это правда – выяснится, что «Тито уже в начале войны жаждал крови лучших сыновей югославского народа», отправляя их на верную смерть, как было заявлено в выпуске «Сабад Неп» от 21 сентября. «Оказалось», что вся народно-освободительная война и миллион семьсот тысяч ее жертв – отнюдь не героическая эпопея, но очевидный результат провокации со стороны гестапо.

Утверждение, надо признать, исключительно оригинальное, с этим не поспоришь. В радикально новом свете предстает не только национально-осво-

¹ Большое письмо ЦК КПСС, адресованное Тито и Карделю, с наиболее жесткими обвинениями в адрес руководства КПЮ. См.: Вопросы истории. 1992. № 10. С. 141–152.

бодительное движение в Югославии, но и гестапо. Из данного утверждения следует, будто горы и долины, леса и реки, луга и поля этой страны стали братской могилой для немецко-фашистских и итальянских дивизий, а также их союзников – хорватских усташей, сербских четников, болгар и венгров только потому, что гестапо именно в Югославии заразилось непреодолимым стремлением к массовым самоубийствам. Причина, по которой война югославов за национальную независимость разворачивалась при поддержке гестапо, могла быть только одна: все эти дивизии и полки, потерпевшие многочисленные поражения в тяжелых боях с югославской народной армией, искали вечного покоя, и вот неожиданность – именно югославские партизаны сумели с поразительной обстоятельностью исполнить это необычное и неутолимое желание.

Очень хорошо понимал, что нужно для придания будапештскому процессу «доказательности», писатель Федор Гладков² (это его Максим Горький упрекал когда-то в отсутствии уважения к читателю). 25 сентября он пишет в московской «Литературной газете»: «уже в 1941 г. сердце политического карьериста и авантюриста себя разоблачило». Сердце это, если верить Гладкову, – сердце Тито. Работник советской литературы вывел югославского лидера на чистую воду: «Он уже тогда пообещал Гитлеру, что капитулирует, если тот даст ему возможность возглавить марионеточное правительство в Югославии. Молниеносное наступление советских войск не оставило камня на камне от намерений Тито».

То, в чем Горький упрекал молодого Гладкова, судя по цитируемой статье, приобрело у писателя в старости болезненные масштабы. Не мог же он считать своих читателей за полных идиотов, полагая, будто у них не хватит ума понять, что между 1941 и 1944 г., когда советские войска подошли к границам Югославии, прошло определенное время, которое никак не со-

² Фёдор Гладков (1883–1958 гг.) – русский, советский писатель. Самый известный роман Гладкова – «Цемент».

ответствует идее молниеносности. Однако Гладков, похоже, решил не утруждать себя правдоподобием: с чего это именно он должен принимать во внимание доводы разума, а не устроители процесса, которые наделали аналогичных ошибок уже в прологе театрального представления.

Даже если дьявол существует, и мы ему – как дьяволу – верим, то и тогда ему не позволительно обманывать нас так беспомощно, чтобы раскрыть обман мог любой ребенок. Райку и тут не повезло – таким же неубедительным оказался и обвинительный документ, в котором Библер, Коста Надь, Гошняк, Масларич и Мразович¹ были названы агентами шпионской организации. В довершение своих неудач, выступая перед судом, Райк добавил имя Вукмановича, «известного как Темпо»², – и по всей Югославии разнесся хохот, услышанный во всем мире. Выяснилось – позволю себе употребить столь любимое газетой «Сабад Неп» слово – действительно выяснилось, что дьявол слишком хорошо выдрессирован: он, бедняга, думал, чем больше югославских имен назовет, тем

лучше. Но в этом проклятом мире на добрых намерениях далеко не уедешь. Люди не позволяют себя оскорблять, даже когда клеветники лгут по приказу Великого Кормчего – тут люди настолько теряют страх, что готовы назвать обман обманом. Так они, например, говорят и доказывают, что Светозар Вукманович не только никогда не был во французских лагерях для интернированных, но и в Испанию-то не ездил и до начала войны вообще ни разу не покидал пределы Югославии³.

Райку велели по возможности назвать имена всех виднейших югославских коммунистов, военных и политических деятелей, которые во время нашей борьбы и после победы народной революции приобрели известность за границей. Перед Райком была поставлена задача – одним решительным движением переместить носителей этих имен из настоящего в мир собственных воспоминаний, полученных во французских лагерях для интернированных бойцов испанского сопротивления. Имя Вукмановича-Темпо было Райку знакомо; обвиняемый послушно вставил в свое признание Вукмановича и с той же исключительной покорностью послушного клеветника присовокупил к его имени фатальную фразочку: «известного как Темпо». Выходило, что Райк не только встречался с Вукмановичем во французском лагере, но и знал, что того прозвали Темпо. Райк умудрился поместить Вукмановича в лагерь для интернированных как раз на тот момент, когда товарищ Вукманович сидел в тюрьме в Черногории и ни он сам, ни все остальные не подозревали, что в

¹ Доктор Алеш Библер (1907–1981 гг.) – юрист, публицист, член партии с 1927 г., в 1937 г. в Испании стал заместителем политкомиссара 15-й интербригады; после 1945 г. – министр словенского правительства, постоянный представитель Югославии в ООН. Коста Надь (1911–1986?) – рабочий, с 1937 г. член КПЮ; командующий балканским батальоном в испанской республиканской армии; в 1939 г. вернулся на родину после пребывания во французском лагере для военнопленных; после 1945 г. – командующий армией, генерал. Божидар Масларич (1895–1963 гг.) – учитель, партийный работник, впоследствии – представитель КПЮ в Коммунистической партии Испании; после 1945 г. – министр федеративного правительства. Карло Мразович (1902–1987 гг.) – рабочий, участник гражданской войны в Испании, после 1945 г. – член Скупщины Хорватии, затем ее председатель, с 27 марта 1947 г. – посол ФНРЮ в Будапеште. В конце 1948 г. был назначен послом в Москве.

² Светозар Вукманович (Темпо) (1912–2000 гг.) – по национальности черногорец, изучал право, но затем стал профессиональным революционером, после 1945 г. – начальник Главного политического управления югославской армии, позже был министром экономики, зампредом Союзного исполнительного веча ФНРЮ. На протяжении многих лет член Исполкома ЦК СКЮ.

³ «Прокол» с Вукмановичем, ставивший под сомнение правдоподобность всей конструкции, хорошо осознавался и советским руководством. В докладе Н. С. Хрущева на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 г., посвященном поездке в Белград в целях нормализации советско-югославских отношений, приводится следующий эпизод: «Между прочим, когда мы ехали в машине вместе с т. Вукманович-Темпо (это очень непосредственный человек), он нам сказал: “Я, по утверждению вашей печати, шпион и убийца и завербован, как это писали, во время пребывания в Испании. Но ведь в Испании я никогда не был...”» (См.: Исторический архив. 1999. № 2. С. 42).

будущем к его имени добавят прозвище «Темпо» – ведь так его стали звать только с 1940 года.

«Это произошло в октябре 1940 г. на пятом съезде партии. Будучи делегатом сербской партийной организации, я говорил о необходимости ускорить темпы партийной работы. Товарищ Тито был со мной согласен, но, поскольку мы все тогда жили на нелегальном положении, не знал, как меня зовут, и в своем выступлении заявил, что поддерживает идеи, высказанные товарищем Темпо. Так я и получил это прозвище». Приведенная цитата – заявление товарища Светозара Вукмановича, сделанное им корреспонденту информационного агентства «Танюг» в связи с данным вопросом.

Что же касается остальных упомянутых Райком персонажей, то ни Беблер, ни Мразович, ни Масларич вообще никогда не видели этих лагерей, получается, что и Райк познакомился там с ними исключительно по доброй воле вымысла, причем весьма неудачного. Таким образом, уже с самого начала вся выдуманная конструкция пошла трещинами. Если сюда добавить уже упоминавшийся факт, что Райк был не единственным, кто остался в живых из венгерских участников испанского сопротивления, и что все до единого ветераны испанских событий до самого процесса не подозревали, что их партийный секретарь Ласло Райк был предателем и якобы еще в Испании был изгнан из партии¹ – то пора говорить уже не о трещинах, которыми покрылось это выдуманное строение, но и об опасном расшатывании самого фундамента.

И еще кое-что. Понаблюдаем за стилем Райка, за тем, как он говорит, как описывает и оценивает ход событий и политическую ситуацию. Был ли он когда-ни-

¹ Среди туманных эпизодов в биографии Райка, которые легко могли быть использованы против него, был и уже упомянутый во вступительной статье эпизод, связанный с временным исключением из компартии в конце 1930-х годов по обвинению в принадлежности к троцкистам. Это было как раз вскоре после войны в Испании и пребывания Райка в лагере для интернированных во Франции.

будь полицейским шпионом² – не знаю, но очевидно, что на этот момент, то есть в ходе процесса, говоря о Югославии, об освободительной роли Советского Союза, о югославских учреждениях и политических методах, он будто бы диктует или читает передовицу печатного органа Информбюро³ – Райк стопроцентно смотрит на все глазами этого учреждения, выступая как последовательный выразитель его идеологии. Предполагаемый троцкист рассуждает о троцкистах с таким же идейным пафосом, что и Вышинский⁴ в бытность свою государственным прокурором на московских процессах. Если Райк троцкист, как он может соглашаться с Вышинским? Говоря о Югославии, обвиняемый упоминает «националистическую и, по сути, антисоветскую политику» Тито, югославский народный фронт у него «строится на националистических принципах», мы слышим, как его голос произносит: «Тито в своей политике ориентируется на Соединенные Штаты Америки» и «ни Тито, ни остальные члены югославского правительства никогда не хотели, чтобы в Югославии был социализм... они были вынуждены делать вид, будто хотят социализма, ведь им приходилось считаться с *Советским Союзом и вновь образованными странами народной демократии*», – редакция «Сабад Неп» удовлетворенно подчеркивает последние слова. Венгрия теперь одна из стран Информбюро, и Райк, предполага-

² Как уже отмечалось во вступительной статье, еще в 1931 г., во время первого своего ареста в хортистской Венгрии, 22-летний Л. Райк для того, чтобы оказаться на свободе, давал подписку, что не будет заниматься политикой, хотя вскоре нарушил свое обязательство. Это могло вызвать в среде коммунистов подозрения, что он был внедрен в коммунистическое движение в качестве полицейского агента.

³ Печатный орган Информбюро назывался «За прочный мир, за народную демократию». Существовал в 1947–1956 гг. Выходил на разных языках (в 1952 г. на 19). Редакция находилась в Белграде, а с началом советско-югославского конфликта 1948 г. переехала в Бухарест.

⁴ Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954 гг.) – печально известный государственный обвинитель на московских процессах 1936–1938 гг.; с 1949 по 1953 г. – министр иностранных дел СССР.

емый враг этой страны, рассуждает так, будто зачитывает решение этого Информбюро или советский меморандум, адресованный Югославии. Точно так же считает и «Сабад Неп», печатая жирным шрифтом признание Райка о том, что в Югославии «коммунистическая партия не играет самостоятельной, независимой роли», и, если все это прочесть, возникает вопрос: кто предстал перед судом – шпион или пламенный ортодоксальный пропагандист, говорящий на сербо-хорватском эмигрантском будапештского радио, призванный просветить югославских товарищей относительно правильного понимания марксизма, основательно переработанного силами Информбюро. Этот обвиняемый заявляет то же самое, что написано в последних меморандумах советской дипломатии, т. е. что тут у нас преследуют коммунистов, что наша пресса вынуждена поносить Советский Союз и что мы просто-напросто фашистская страна. Председатель суда¹ совершенно согласен с Райком и мешает в одну кучу свет наших очей, нашу гордость, югославскую народную армию и вооруженные фашистские банды.

«Райк: В ходе разработки своего плана Тито, наряду с этой вооруженной бандой, рассчитывал привлечь также подразделения бывших полицейских и фашистских охранников, состоявшие из солдат Хорти и Салаши², которые находились на Западе, в англо-американской зоне... на тот момент, когда надо будет развязать путч, эти силы также будут находиться в его распоряжении.

Председатель: Скажите, как по-вашему, если бы эти фашистские и югослав-

¹ Доктор Петер Янко – судья кассационного суда, председатель будапештского Народного трибунала, председатель суда на процессе Райка и многих других политических процессах; в 1955 г. вынес смертный приговор сам себе – покончил жизнь самоубийством.

² Регент Королевства Венгрии адмирал Миклош Хорти, в ближайшем окружении которого активно искали пути разрыва с нацистской Германией, был отстранен от власти в результате путча 15–16 октября 1944 г. На смену ему пришло крайне правое, нилашистское правительство во главе с Ференцем Салаши, до конца остававшееся верным «третьему рейху».

ские подразделения попали на территорию Венгрии, что бы они стали тут делать? Вы думали тогда об этом?

Райк: Наверняка это превратилось бы в жестокую расправу с этими демократическими силами, что повлекло бы за собой самые серьезные последствия...».

Чтобы этот ответ Райка насчет югославской армии прозвучал еще более жутко и устрашающе, «Сабад Неп», в духе романа ужасов, набирает приведенные выше слова пугающе жирным шрифтом. И если теперь кто-нибудь осмелится заявить, будто подстрекательство против югославского народа может быть еще более низким, демагогическим, искусственным и клеветническим, а способы ведения подобной пропаганды еще менее честными, то, по моему убеждению, подобное заявление – обман.

Что же до авторов, то придется упрекнуть их в незнании самых элементарных законов композиции, иначе все до одного обвиняемые не стали бы изъясняться на языке Информбюро – все, без исключения. Никаких «идеологических» отклонений или следов индивидуального стиля. Палфи, например, сообщает, будто стремился к тому, чтобы «и в Венгрии вместо партии руководство перешло к народному фронту, общественной организации, где правила будет диктовать городская и деревенская буржуазия». В точности, как это имеет место в Югославии. Редакция «Сабад Неп» восторженно и не без удовлетворения печатает это «признание» курсивом, подобно тому, как учитель красной ручкой пишет на сочинении «отлично», а потом еще и подчеркивает оценку. Этот бывший хортистский офицер цитирует решение Информбюро – без ссылки на источник, естественно, – когда заявляет, что хотел внедрить в венгерской коммунистической партии такой же «диктаторский режим без внутренней демократии», как и тот, что царит в югославской партии. Что касается статей и речей, в которых наши (т. е. югославские. – *Примечание переводчика*) лидеры подчеркивают, что между социалистическими странами должны

сформироваться равноправные социалистические отношения, то, по утверждению Палфи, это не более чем «пропаганда, направленная против СССР и стран народной демократии». Тот же Палфи «признается», что «Югославия, как известно, собиралась сделать из Албании свою колонию»¹, а товарищ Ранкович «проводит шовинистическую политику» – и не только в Югославии, но и в Венгрии! Также Ранкович якобы давал Палфи указания «проводить шовинистическую политику среди венгров в Венгрии» в интересах югославского империализма. Странный империализм: стремится разжечь националистические страсти в народах стран, которые намеревается завоевать – то есть, действует против себя же! Это уже какой-то особенный, возведенный в высшую степень интернациональный шовинизм, а если точнее, то чистая фантастика.

Еще один стопроцентно идеальный идеолог Информбюро – доктор Тибор Сёни². Этот обвиняемый тоже говорит о «югославской ситуации», где «партия не играет заметной роли в политической жизни страны, ее место занимает народный

¹ Югославская компартия действительно с самого начала играла патронирующую роль по отношению к созданной в 1941 г. компартии Албании. Она продолжала сохраняться и после прихода коммунистов к власти в своих странах. По донесению посла СССР в ФНРЮ А. И. Лаврентьева, в ходе его беседы с Тито от 22 апреля 1946 г. у югославского маршала «проскальзывали нотки такого рода, что в конечном счете Албания должна войти в состав Федеративной Югославии» на правах одного из субъектов федерации (См.: Последний визит Й. Броза Тито к И. В. Сталину. Советская и югославская записки беседы 27–28 мая 1946 г. // Исторический архив. 1993. № 2. С. 18). В Москве видели в такой политике стремление режима Тито к доминации на Балканах и ослаблению советского контроля над регионом. Этот фактор наряду с рядом других сыграл свою роль в подготовке острого советско-югославского конфликта 1948 г.

² Тибор Сёни (1903–1949 гг.) – врач-психиатр по образованию, участник коммунистического движения с довоенных лет, перед арестом в 1949 г. был заведующим отделом кадров в аппарате Центрального руководства Венгерской партии трудящихся. Был одним из главных обвиняемых на процессе по делу Райка. Казнен.

фронт», – буквально заимствуя текст постановления Информбюро³.

Все это стиль Юдина⁴, юдинская дикция, юдинская глубина, юдинский «марксизм» и юдинский бездуховный дух – можно подумать, будто все обвиняемые прилежно зазубрили его уроки. И тот, кто так подумает, не ошибется.

Главное требование, которое предъявляется всякому порождению фантазии, – сделать так, чтобы публика забыла, что имеет дело с плодом воображения. Добиться этого автор может только в том случае, если досконально изучит место и время обсуждаемого деяния, подробнейшим образом ознакомится с материалами по теме. Автор должен снабдить плод своей фантазии реальными атрибутами, а уж если он размещает действие в конкретном пространстве, скажем, в Венгрии 1945 года, то необходимо разбираться в отношениях, существовавших в это время в соответствующей стране.

Хочу, чтобы мы друг друга правильно поняли: Шекспиру позволительно расска-

³ Имеется в виду антиюгославская резолюция второго совещания Коминформа (июнь 1948 г.).

⁴ Юдин Павел Федорович (1899–1968 гг.) – партработник идеологического фронта, ортодоксальный философ-марксист, дипломат. Академик АН СССР (1953). В период сталинской культурной революции рубежа 1920–1930-х годов принял деятельное участие в чистке Института Маркса-Энгельса и разгроме школы Д. Б. Рязанова, позже репрессированного. В 1938–1944 гг. был директором Института философии АН СССР (1938–1944 гг.), позже недолго шеф-редактором газеты Информбюро «За прочный мир, за народную демократию» (начиная с этого периода о нем ходила шутка: «Лучший философ среди разведчиков и лучший разведчик среди философов»). Будучи послом в Китае (1953–1959 гг.), призван был советским партийным руководством влиять на формирование «правильного» марксистского мировоззрения Мао Цзэдуна, однако с этой задачей явно не справился, как и не смог предотвратить ухудшение советско-китайских отношений, обусловленное соперничеством двух больших коммунистических держав в борьбе за гегемонию в мировом коммунистическом движении. Шинко сильно переоценил «демоническое» влияние Юдина, который был в этот период не более чем высокопоставленным функционером сталинского агитпропа и проводником определенной идеологической линии.

зывать о чешском море, Шекспир может себе позволить вывести на сцену фей и призраков. А почему? Да потому, что он тем самым никого не обманывает, но сообщает, что творцом здесь становится воображение. И это правда.

Совсем иначе обстоит дело с нашими горе-авторами, чьи фантазии пополнили коллекцию постыдных проявлений человеческого разума под заголовком «будапештский процесс». Задача их состояла в том, чтобы «разогнать» собственное воображение и нагромоздить преступления кучей друг на друга, а там, где нельзя сконструировать преступление, как, например, в случае с югославскими политиками, присочинить преступные намерения – но, увы, в отличие от Шекспира, сделать это надо было таким образом, чтобы скрыть, насколько все это является лишь продуктом богатой фантазии сочинителей. Так что у них не было той творческой свободы, которая позволила бы поместить чешскую империю на берег моря. Каждый атрибут их «действия» должен был сохранять видимость настоящего.

Режиссеры будапештского процесса не уделили должного внимания этому требованию. Слабое представление о месте действия, бездумное игнорирование общеизвестных фактов, полное пренебрежение элементарнейшей логикой и поверхностное отношение к оформлению отдельных фрагментов привели к тому, что сценаристы сами постоянно разрушали систему, на которой зиждилось все их здание¹. Публика не склонна прощать: если задуманный эффект пропадает из-за слишком большой географической удаленности, или из-за того, что авторы не сумели как следует освоиться в стране, выбранной в качестве места действия, винить придется лишь себя. Неблагодарные зрители испытывают одно чувство – отвращение, воспринимая топорные и во-

¹ Поверхностное отношение к проработке отдельных, даже весьма существенных деталей сочеталось, впрочем, с размахом замысла. Уже упоминалось, что М. Ракоши претендовал на главную роль в проведении антиюгославской кампании в масштабе всей Восточной Европы.

пиюще глупые страшилки как нечто низкопробное.

Авторы сценария будапештского процесса полагали, будто следует как можно меньше говорить об отдельных не слишком «удобных» поворотах сюжета – в противном случае могла пострадать достоверность, и их могли уличить в обмане. Сам по себе этот принцип не так уж плох, но бывают ситуации, когда чрезмерная немногословность свидетельствует, как минимум, о неуверенности.

«В конце мая 1945 г. Ласло Райк вернулся в Венгрию. Ему удалось скрыть свое прошлое и представить себя в роли закаленного в испанской войне коммуниста, пережившего многочисленные гонения. Райк стал секретарем партийной организации Будапеште, депутатом парламента, министром внутренних, а затем иностранных дел».

Так выглядит соответствующий пассаж обвинительного заключения. Удалось скрыть свое прошлое. Удалось. Как поется в популярных будапештских куплетах: «Одному удалось, а другому – нет...». Только речь здесь идет не о песенке, а о выяснении кровавых, очень даже кровавых обстоятельств. Сам Райк, который часами наговаривал целые диссертации о том, какой он подонок и мразь, упоминает об этом лишь вскользь. Мол, удалось скрыть свое прошлое. И все. Ни слова больше. Как удалось? Удалось.

Если бы кто-то вдруг решил заработать денег на этом сценарии, сняв по нему фильм, то наверняка помер бы с голоду, не заработав ни форинта. Ведь, чтобы казаться правдоподобными, порождения фантазии должны быть осязаемыми, обладать конкретикой. Даже не самые талантливые писатели знают: для создания иллюзии реальности необходимо точно описать место и время действия. Подобное бегство от деталей свидетельствует об осторожности, но никак не о присутствии таланта. Устроители халтуры под названием «будапештский процесс» рассчитывали на деликатность и такт со стороны народного обвинителя и заседателей. И правильно делали. Ни один из

заседателей не нарушил ход представления неделикатным вопросом. Они вообще не задавали вопросов. Адвокаты защиты также проявили себя наилучшим образом: обвиняемые чернили себя так, будто появились на свет без каких-либо представлений о человеческом достоинстве, – и адвокаты им в этом ни разу не помешали. Да и председатель строго следовал предписанной роли, выступая как суфлер, а не как судья, задающий вопросы. Все это, однако, лишь видимость решения. Создателям всей этой конструкции следовало меньше экономить на усилиях и внести в сценическое действие побольше остроты. Суд может быть деликатным, но человеческий мозг по природе своей дьявольски любопытен, и чересчур сдержанный суд не вызывает у него доверия, дает повод заподозрить плохую режиссуру¹.

Спасая свою халтурную работу от гнева заказчиков, авторы, наверняка, будут ссылаться на вынужденную необходимость как можно скорее и без огласки обойти некоторые щекотливые вопросы. Чтобы ни у кого не возникло сомнений, надо признать: задача перед ними стояла непростая. Но, несмотря на это, хозяева будут с полным правом упрекать горе-драматургов в том, что те проявляли порой полное легкомыслие, забывали о мелочах, которые каждый может проверить, а ведь именно мелочи могут поставить под угрозу столь дерзкое предприятие². Позволю себе выделить одну такую мелочь из целой череды деталей – ту часть признания Райка, которую вкладывали в уста каждому из обвиняемых. В сокращенном виде она изложена в обвинительном заключении: «Американский шпионаж в Венгрии все чаще выдвигал на первый план югославских агентов иностранной разведки, посланцев Тито. Дипломатические

представители Тито и прочие официальные лица принялись самым бесстыдным образом выстраивать свою шпионскую сеть с той самой минуты, когда в начале 1945 г. ступили на венгерскую землю, подло злоупотребив при этом братской симпатией, которую венгерская демократия испытывала к рабочему народу Югославии. В первую очередь они поставили себе на службу Ласло Райка, зная, что в прошлом тот был полицейской ищейкой и шпионом. Райк с готовностью передавал самые разнообразные сведения главе югославской военной миссии полковнику Цицимилу³, послу Югославии Мразовичу, поверенному в делах при посольстве Бранкову и целой веренице югославских шпионов, обращавшихся к нему».

«Братская симпатия», значит, «которую венгерская демократия испытывала к рабочему народу Югославии». Обратим внимание на дату: «начало 1945 г.». Так говорится в обвинительном заключении. Но кому мы должны верить: обвинительному заключению или генеральному секретарю Венгерской коммунистической партии, чье мнение относительно венгерской демократии отнюдь не было столь положительным даже в 1946 г., ведь он еще 28 сентября 1946 г. заявил: «Безусловно, необходимо начать и демократизацию венгерской дипломатии (одобрительные возгласы, аплодисменты). В этой области мы еще находимся в самом начале пути. Наша партия должна сделать все для того, чтобы на место старых сотрудников внешнеполитического ведомства, которые в большинстве своем не симпатизируют демократии, быстро пришли демократические силы, обладающие соответствующими профессиональными навыками и знанием языков. Наша партия довольно слабо представлена в структурах венгерского МИДа – в этой области еще очень много надо наверстать, и мы наверстаем (аплодисменты)».

Кому мы должны верить: тексту обвинительного заключения или заявлению

¹ Ответственность за плохую режиссуру несут как венгерские организаторы процесса, так и работавшие вместе с ними советники из СССР во главе с Белкиным.

² См. в этой связи процитированный выше отклик советского эмиссара Заволжского о показаниях против тех югославов, которые не участвовали в гражданской войне в Испании.

³ Полковник Обрад Цицимил (1904–1976 гг.) был в 1945–1947 гг. руководителем югославской миссии в Союзной Контрольной комиссии (СКК) в Венгрии.

Ракоши, который утверждал в отношении партии мелких хозяев, участвовавшей в тогдашнем венгерском правительстве в качестве коалиционной партии, что «на сегодняшний день в партии мелких хозяев большинство уже составляют те, кто противится мощному продвижению демократии... пытаюсь распространить свою власть на всю страну»¹.

Кому мы должны верить: тексту обвинительного заключения или министру (от компартии. – *Прим. переводчика*) Эрнё Герё, который и в 1946 г. видел ситуацию совсем не так, как описывается 1945 г. в самом обвинительном заключении: «Наша дипломатия, за небольшими исключениями, остается хортистской дипломатией. Самые червивые ветви действительно отвалились, но ствол-то остался. С такой дипломатией, с таким дипломатическим аппаратом невозможно проводить внешнюю политику, которой требует от нас новая народно-демократическая Венгрия... И в этой сфере мы также можем взять пример с наших южных соседей – с обновленной, демократической народной Югославии»².

Достоверные материалы, представленные в другой книге, изданной венгерским Министерством информации в 1947 г., подтверждают, что ни Ракоши, ни Герё отнюдь не сгущали краски. Издание называется «Белая книга», подзаголовок: «Документы – свидетельства заговора против венгерской республики и демократии»³. Из книги следует, что еще в 1947 г. лидеры крупнейших правящих партий участвовали в заговоре против венгерской республики и демократии. Целью заговорщиков было «возвращение «законного» правителя, адмирала Хорти, и весь заговор был проникнут расистским духом империалистического венгерского шовинизма.

К чему преуменьшать заслуги венгерских коммунистов, которые лишь ценой упорной борьбы сумели очистить страну

от гнезд мрачайшей реакции? Но правомочно ли рассуждать в обвинительном заключении о тогдашней венгерской демократии как о питающей братские чувства к рабочему народу Югославии? Разве могли Ференц Надь, Бела Ковач, д-р Дёрдь Донат, Балинт Арань, Янош Хедер, Эндре Миштет⁴ и им подобные симпатизировать рабочему народу Югославии? Подобные построения явно предназначены для создания мелодраматической оппозиции: с одной стороны, злобные-презобные югославы, а с другой – благородные, добросердечные, простодушные венгры.

Что же касается югославской шпионской сети в 1945 г. и полковника Цицмила, о котором авторы обвинительного заключения случайно проговариваются, что он прибыл в Венгрию в качестве главы югославской военной миссии, тут можно лишь посетовать на халатность создателей документа – в этой части они оказались настолько некомпетентными относительно места и времени действия, что их хозяева могли бы с полным правом призвать их к ответу. Югославская шпионская сеть в начале 1945 г.! Зачем югославам была нужна тогда шпионская сеть? Венгрия – оккупированная территория. Высшая инстанция в стране – Союзная контрольная комиссия, состоящая из представителей СССР, Великобритании, США, Чехословакии и

¹ Цитируется речь Ракоши на III съезде венгерской компартии. См.: A Magyar népi demokrácia útja. – Вр., 1946. 65, 76 о.

² Ibid., 101. о.

³ A Magyar Köztársaság és demokrácia elleni összeesküvés okmányai. – Вр., 1947.

⁴ С 4 февраля 1946 г. деятель партии мелких хозяев Ференц Надь (1903–1979 гг.) являлся премьер-министром Венгрии. В мае 1947 г. находился в Швейцарии, когда в коммунистической прессе были опубликованы сведения о его причастности к антиреспубликанскому заговору, на самом деле сфальсифицированные. Ф. Надь подал в отставку и навсегда остался за границей. На основании ложных обвинений в шпионаже против СКК и попытке организовать контрправительство 25 марта 1947 г. агенты советских спецслужб арестовали, а затем насильственно вывезли из страны Белу Ковача (1908–1959 гг.), генерального секретаря партии мелких хозяев. Вернуться в Венгрию он получил возможность только осенью 1955 г., после реабилитации. Процессы фабрикации незаконных обвинений против деятелей партии мелких хозяев начались еще в феврале 1947 г. Шинко в данном случае совершает серьезную ошибку, поверив официальной «полицейской» версии, подававшейся коммунистической пропагандой.

Югославии. Члены этого совета обладали неограниченными правами, они имели право контролировать весь госаппарат Венгрии, занятой войсками союзников. Кроме этого, в рамках договора о возмещении ущерба, в Будапеште заседала комиссия по возмещению ущерба в составе СССР, Югославии и Чехословакии. Комиссия была уполномочена контролировать все предприятия и имела доступ к их документации¹. Любой участник комиссии мог при желании завладеть какой-нибудь «тайной» – для этого ему нужно было просто официально запросить интересующие его сведения. Какие «секреты» мог поставлять «югославским шпионам» обвиняемый Райк? Вот его показания об этом:

«Председатель: Какой характер носила эта передача данных? На что фактически распространялись эти данные?»

Райк: Например, на венгерский бюджет – эта информация особенно интересовала югославское правительство. Также на сведения о Ференце Наде, о заговоре под предводительством Белы Ковача и прочих. Они получали от меня данные по функциональному и служебному регламенту полиции. Югославские круги получали все это от меня через Бранкова как государственную тайну».

Райк перечисляет выданные им «тайны», и что может быть характернее: те, кто формулировал это «признание», и сами посчитали необходимым, чтобы

Райк назвал эти данные «государственной тайной».

Согласно сочинителям процесса, Югославия – самое беспомощное государство на Земле, каких свет не видывал, если ей нужно держать в соседней побежденной Венгрии шпионов, целую шпионскую организацию, агентурную сеть, для того чтобы вызнать тайны – такие, например, как функциональный и служебный регламент полиции и документы о контрреволюционном заговоре, которые венгерское Министерство информации уже опубликовало, снабдив фотокопиями, в «Белой книге»; саму книгу потом даже послали из Будапешта в Загреб автору этих строк с просьбой перепечатать ее в югославской прессе целиком, а если это окажется невозможным, то хотя бы частично... У кого хватило глупости прижать ухо к стене, чтобы услышать то, о чем говорят во весь голос с целью донести свои слова до всего мира?

*Вступительная статья
Александра Стыкалина
(Институт славяноведения РАН)
и Каори Кимуры (Япония)
Примечания Александра Стыкалина
Перевод с венгерского языка
Оксаны Якименко
перевод выполнен по публикации
в журнале: Társadalmi Szemle
(Budapest). 1990. № 12.*

¹ Подробно о деятельности комиссии см.: Чех Г., Лазар Д., Сюч Л., Вида И. Образование и деятельность Союзной Контрольной комиссии по Венгрии (1945–1947 гг.) // Центральная Европа в новое и новейшее время / отв. ред-р А. С. Стыкалин. – М., 1998.

А. Шереш

(Институт истории Венгерской академии наук)

ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ И РЕФЛЕКСИИ НА ВЕНГЕРСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ 1956 г. в БОЛГАРИИ. ДОКУМЕНТЫ ИЗ РГАНИ 1956–1957 гг.

274

Вниманию читателя предлагаются документы из Российского государственного архива новейшей истории, отражающие рефлексии на венгерскую революцию 1956 г. в политических и общественных кругах Болгарии. Главным вопросом для нас является то, как оценивались события конца октября – начала ноября на улицах Будапешта в болгарском государственном, партийном и соответственно дипломатическом аппарате, а также, какое – посредственное и, может быть, непосредственное – воздействие имела кризисная ситуация социалистического политического устройства Венгрии на болгарское общество, и в первую очередь на альтернативы разных оппозиционных начинаний в Болгарии. Данную публикацию документов мы считаем лишь предпосылкой более обширной и основательной исследовательской программы для написания монографии об откликах и влиянии венгерской революции 1956 г. в Болгарии на основе источниковой базы архивов самой Болгарии, а также Венгрии и России.

Согласно документам из Российского государственного архива новейшей истории, мы в первую очередь имеем возможность судить о том, какой информацией располагало советское государственно-партийное руководство о внутриполитических процессах самой страны и, соответственно, о внутривнутрипартийном положении руководящей политической организации страны, Болгарской коммунистической партии во время и после «польских и венгерских событий» лета – осени 1956 г. Изучение этого вопроса является не второстепенным, потому что согласно информации, полученной с места из достоверных источников своих диппредставительств,

советское руководство имело возможность анализировать ситуацию и на основе этого принимать соответствующие решения о необходимости усиления своего политического давления и контроля, а также экономического влияния в Болгарии.

Надо отметить, что изучить вопрос о воздействии венгерской революции 1956 г. в Болгарии считается целесообразным в рамках процесса т. н. «десталинизации» в самой Болгарии и во всех странах социалистического лагеря. Очевидно, что интерпретация политических потрясений Польши и Венгрии лета – осени 1956 г. не может быть оторвана от фона начатой XX съездом хрущевской «оттепели» и связанной с ней «десталинизации», т. е. стремления к смене старой политической верхушки в странах Восточной Европы и сложившейся вместе с этим внутривнутрипартийной борьбы в коммунистических партиях «братских стран». Революционные события в Венгрии привели к радикальным переменам в этом процессе, но даже поражение возглавляемого Имре Надем венгерского революционного правительства 4–5 ноября 1956 г. не могло уже сопутствовать победе старой венгерской «сталинской» элиты, а наоборот, эти события явно указали на необходимость замены прежнего руководства, поэтому закончились приходом к власти в основном «обновленного» поколения руководителей при поддержке Кремля. Хорошо известно и в российской историографии, что процесс «десталинизации» в Болгарии от Апрельского пленума ЦК БКП в 1956 г. еще долгое время затягивался, и болгарское руководство шло медленно по пути преодоления последствий культа личности. Немаловажную роль играла в этом и затяжка окончательной победы

Н. С. Хрущева над т. н. «группой Молотова» в 1957 году¹.

Публикуемые нами документы глубоко анализируют ситуацию внутри БКП, отражают происходящую за кулисами внутривластную борьбу и одновременно указывают по сравнению с «венгерским сценарием» на возможность совершенно другого исхода событий, на реальность перевеса сил на стороне «просталинской» верхушки, которая могла истолковать польские и венгерские события как опровержение идей хрущевской оттепели². На лабильность позиций и различие взглядов даже отдельных членов госаппарата указывает сохраненная тоже в РГАНИ запись беседы с первым секретарем посольства Болгарии в Венгрии. В этом чиновник посольства намекает на «неправильную» позицию, занятой своим начальником не только в «венгерском вопросе», но и в вопросе сближения Венгрии с титовской Югославией и адаптации Венгрией югославской модели социализма. Этот случай беспрецедентный: чиновник дипломатической службы, если даже речь идет о личной неприязни, открыто критикует посла, своего начальника, перед представителем той державы, которая во всех отношениях политической и общественной жизни может повлиять на судьбу своей страны³.

¹ Подробнее см.: Волокитина Т. В. Борьба за политическое лидерство в СССР и Болгарии (Исторические параллели) // 1956 год. Российско-болгарские научные дискуссии: сборник статей / отв. ред.: Г. Г. Литаврин, Т. В. Волокитина, Р. П. Гришина. – М., 2008. С. 109–146; Волокитина Т. В. Апрельский пленум ЦК БКП в контексте либерализации политического режима в Болгарии // StudiaBalkanica. К юбилею Р. П. Гришиной: сборник статей / отв. ред. А. Л. Шемякин. – М., 2010. С. 294–322.

² Мигев В. Отзвуки венгерской революции 1956 г. в Болгарии. Некоторые аспекты проблемы // 1956 год. Российско-болгарские научные дискуссии: сб. статей / отв. ред.: Г. Г. Литаврин, Т. В. Волокитина, Р. П. Гришина. – М., 2008. С. 285–296.

³ См. док. № 4. В РГАНИ нами найден и документ, который тоже может подтвердить непрочность в болгарском руководстве перехода от сталинских методов управления властью к десталинизации. Это донесение посла СССР Ю. К. Приходова от 23 ноября 1956 г., в котором он прилагает два письма бывшего секретаря ЦК БКП Петко Кумина

Полагаем, естественно, что представленную нами в рамках данной публикации источниковую базу можно дополнить новыми документами, главным образом из Архива внешней политики Российской Федерации. Ведь из публикуемых документов, несмотря на то что особенно квартальные политписьма посольства СССР в Софии, как уже отмечалось нами, содержат глубокий анализ внутривластных процессов страны⁴, не отражают всех тонкостей изучаемой нами исторической проблемы. Политический отчет посольства СССР в Болгарии за 4-й квартал 1956 г. однозначно намекает на репрессии государственного руководства против тех лиц, которые считались «враждебными элементами»⁵, однако все-таки не отражает их массового характера. Сразу после ввода советских войск в Венгрию, рано утром 5 ноября 1956 г., по заранее подготовленному списку были арестованы 372 человека, которых отправили в восстановленный концлагерь у села Белене⁶. По материалам Президиума ЦК КПСС стало известно, что во время венгерского кризиса был поднят вопрос об использовании армий двух братских стран, Румынии и Болгарии, в военной акции в Венгрии, но затем сам Хрущев отверг предложение о подключении, в том числе и Болгарской народной армии, к намеченной на 4 ноября решающей советской военной акции⁷.

Документы, однако, по нашему мнению сами могут ответить на вопрос, почему в Болгарии ситуация не могла развиваться

к ЦК БКП. В этих письмах Кумин критикует руководство БКП и опровергает оценку ЦК о событиях в Венгрии. Он ссылается на то, что «империалистические элементы» могли воспользоваться реальным недовольством венгерских трудящихся, вызванным неправильной общественной, партийной и экономической политикой ВПТ. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 392. Л. 216–227.

⁴ См. док. № 1 и 3.

⁵ См. док. № 3.

⁶ Мигев В. Указ. соч. С. 287.

⁷ Стыкалин А. С. Советско-болгарские отношения в 1953–1964 гг. по материалам Президиума ЦК КПСС // Россия – Болгария. Векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв. Российско-болгарские научные дискуссии / отв. ред. Е. Л. Валева. – М., 2010. С. 529.

до радикального изменения общественных настроений. Это объясняется в первую очередь тем, что власть и без помощи СССР успела контролировать ситуацию и заблаговременно предотвратить развитие хода событий наподобие Венгрии как путем предупреждающих репрессивных мер, так и путем принятых мер по решению наиболее острых социальных проблем рабочих и крестьянства. Для массового выступления оппозиционно настроенных, в первую очередь интеллигентских, слоев населения осталось очень мало сферы для действия. Возникшая обстановка наглядно отражается в одной из поздних докладных записок Посольства СССР в Болгарии, в которой в сжатой форме описывается результат курса на «успокоение» и «умиротворения» общества, проводимого БКП: «События в Польше и Венгрии не оказали, как известно, сколько-нибудь заметного влияния на трудящихся Болгарии, хотя, конечно, активизировали деятельность различных антипартийных, политически неустойчивых и враждебных народному строю элементов, в том числе и среди студенческой молодежи. Однако правильно анализируя эти события, ЦК БКП вновь подчеркнул необходимость для партии коренного улучшения идеологической работы, особенно в области идейно-политического воспитания

интеллигенции и молодежи, повышения бдительности ко всякого рода проявлениям буржуазной идеологии, неустанной борьбы за марксистско-ленинскую выдержанность и высокую партийность всей идеологической работы. Дав правильный марксистско-ленинский анализ событиям в Венгрии и всей международной обстановке, ЦК БКП и партийные организации развернули широкую разъяснительную работу среди трудящихся. По стране прошли партийные активы и собрания коммунистов, многотысячные митинги и собрания трудящихся, на которых с разъяснением международной обстановки и событий в Венгрии выступали члены Политбюро и другие руководящие деятели партии и государства. Важнейшим результатом всей этой проведенной на высоком идейно-политическом уровне работы и с широким размахом явилось дальнейшее сплочение народа вокруг партии, большой политический и трудовой подъем в стране. Серьезное значение имела эта работа и в деле интернационального воспитания трудящихся, а также укрепления болгаро-советской дружбы. Именно в этот период по инициативе снизу в стране возобновились месячники болгаро-советской дружбы, прошли многолюдные митинги и собрания трудящихся, посвященные этой дружбе, и т. д.»¹.

¹ Донесение советника Посольства СССР в Болгарии А. Порываева «О некоторых вопросах идеологической работы в БКП». София, 13 апреля 1957 г. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 478. Л. 112.

Документ № 1¹
Политическое письмо посла СССР в Болгарии Ю. К. Приходова²
о внутривнутриполитическом положении Болгарии

София, 26 октября 1956 г.

Оригинал. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 392. Л. 147-184³.

Секретно⁴

Экз. № 1⁵

Посольство СССР в Народной Республике Болгарии.

26 октября 1956 г.

№ 0223

**Политическое письмо о внутривнутриполитическом и внешнеполитическом положении
Народной Республики Болгарии за период июль – сентябрь 1956 г.**

В отчете Посольства за предыдущий квартал отмечалось, что внутривнутриполитическая обстановка в Болгарии определялась в этот период прежде всего событиями, происходившими во внутренней жизни Болгарской коммунистической партии.

Эти события продолжали оставаться в центре всей внутривнутриполитической жизни Болгарии и на протяжении последующего времени до Сентябрьского (состоявшегося 6–7 сентября) пленума ЦК БКП, имевшего большое значение в жизни партии.

Значение Сентябрьского пленума состояло в том, что в ходе его подготовки и проведения Политбюро сумело преодолеть те нездоровые настроения, которые проявлялись среди известной части членов партии и даже партийного актива после Апрельского пленума ЦК БКП и таили в себе опасность идейного и организаци-

онного ослабления партии, подрыва доверия со стороны трудящихся к партии как руководящей силе и ее политике.

Преодолев эту опасность, Политбюро ЦК БКП сумело сохранить единство партии, ее сплоченность вокруг ЦК, сохранить единство в самом Центральном Комитете и Политбюро, оздоровив тем самым и укрепив всю внутривнутриполитическую обстановку в партии и стране. Следует отметить, что обстановка перед Сентябрьским пленумом ЦК была еще довольно сложной, несмотря на то что после Апрельского пленума Центральным Комитетом была проведена большая разъяснительная и организационная работа. Носители антипартийных настроений, активно поддерживаемые враждебной пропагандой извне, все еще оказывали в известной мере свое влияние на политически неустойчи-

277

¹ Первоначальная структура документов сохранена нами. Комментарии написаны нами лишь к именам самых существенных политических деятелей и важнейшим событиям. Биографические данные общеизвестных советских и зарубежных государственных лидеров и политических деятелей (напр.: И. В. Сталин, В. М. Молотов, Н. С. Хрущев, Л. П. Берия, А. И. Микоян, И. Надь, Й. Б. Тито, Т. Живков, Э. Кардель и т. д.) также не указываются. Сокращения в текстах-оригиналах оставлены в первоначальной форме.

² Приходов Юрий Кондратьевич (1906–1989 гг.) – дипломат, с 1954 г. по 1960 г. – чрезвычайный и полномочный посол СССР в Болгарии.

³ Отрывок из полного текста (Л. 147–154, 183–184). Отрывок из документа (Л. 147–154, 177–178) был еще опубликован: Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы / отв. ред. К. Аймермахер (Серия «Культура и власть от Сталина до Горбачева. Документы»). – М., 2002. С. 782–787.

⁴ На верхнем поле бумаги находится два штампа: 1) «МИД СССР. Секретариат Н. С. Патоличева. Секретно № 1449. 31. X. 1956 г.» 2) «МИД СССР. 5 Европейский отдел. Секретно. Вх. № 4712. 1. XI. 1956 г.».

⁵ Документ был направлен ЦК КПСС заместителем министра иностранных дел Н. С. Патоличевым 13 ноября 1956 г. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 392. Л. 146.

вые элементы, особенно из среды интеллигенции и других непролетарских слоев как в рядах партии, так и вне ее. Положение осложнялось тем, что на неправильных позициях стояли и некоторые члены ЦК БКП, такие например, как зав. международным отделом ЦК Драмалиев¹, зав. административным отделом ЦК Добри Терпешев, зав. отделом строительства и транспорта ЦК Раденко Виденски, Йонко Панов² и другие, о настроениях которых мы сообщали в наших предыдущих информациях. Все эти настроения по мере приближения предстоявшего пленума активизировались. Носители их под видом борьбы за «окончательное искоренение вредных последствий культа личности», «развертывания внутривнутрипартийной демократии» и т. п., по существу, вели линию на смену руководства партии и изменение ее политики. Этим настроениям в известной мере способствовали и события, происходившие в это время в Польше и Венгрии.

Большую активность развила в этот период вражеская пропаганда. Радиопередачи «Голоса Америки», «Свободной Европы» и других вражеских станций призывали болгарских коммунистов следовать примеру Польши и Венгрии, которые «продолжают давать все новые доказательства независимости и следования самостоятельным путем», болгарские коммунисты призывались к свержению нынешнего руководства партии как «закоренелых сталинцев», совершивших «преступления против партийных кадров» и «видных партийцев». ЦК БКП обвинялся в «слепом подчинении Кремлю», зажиме «инициативы и чувства ответственности у партийцев» и т. п.

Неблагоприятную роль играло в этих событиях югославское посольство в Болга-

рии. Посол Милкович и некоторые другие работники Посольства пытались влиять на внутренние дела болгарской партии, обрабатывали отдельных коммунистов и даже членов ЦК, известных им своими настроениями против руководства партии и проводимой ею политики. Югославские дипломаты всячески подогревали эти настроения, говоря о том, что после XX съезда КПСС в болгарской партии ничего не изменилось, что члены партии должны потребовать от ЦК сделать выводы из решений XX съезда и т. п. Ряд подстрекательских статей были опубликованы и в югославской прессе. В этих статьях также говорилось, что Болгария – это единственная страна среди стран народной демократии, которая не сделала надлежащих выводов из решений XX съезда КПСС, что нынешнее руководство ЦК БКП не способно и не желает сделать эти выводы и т. п. Работа, проводимая ЦК БКП по разъяснению решений Апрельского пленума, против проявлявшихся антипартийных и вражеских вылазок, третиновалась югославскими дипломатами и печатью как стремление со стороны ЦК БКП «зажать критику», «реставрировать старые порядки» и т. п.

Обстановка накалялась еще и тем, что на пленуме предстояло обсуждение доклада комиссии об итогах расследования дел по имевшим место политическим судебным процессам и другим нарушениям социалистической законности. Обсуждение этого вопроса казалось сторонникам «обновления» руководства подходящим поводом для достижения своей цели. Дело осложнилось тем, что в самом Политбюро были сторонники изменения его состава, в частности вывода из состава Политбюро т. Червенкова³ и Цанкова⁴. При такой об-

¹ Драмалиев Кирил (1892–1961 гг.) болгарский партийный деятель и дипломат, член ЦК БКП с 1947 г., в 1956–1958 гг. посол Болгарии в ГДР.

² Панов Йонко (1900–1962 гг.) болгарский партийный и военный деятель, в 1947–1953 гг. заместитель министра внутренних дел Болгарии, одновременно начальник Главного политического управления Болгарской народной армии, в 1956–1957 гг. член «группы Петёфи», внутренней партийной оппозиции Т. Живкова. В 1957 г. исключен из БКП.

³ Червенков Вылко (1900–1980 гг.) – болгарский партийный лидер, в 1949–1954 гг. генеральный секретарь ЦК БКП, одновременно в 1950–1956 гг. председатель, в 1956–1961 гг. заместитель председателя Совета Министров Болгарии. Был последовательным сталинистом, осуществлял репрессии в отношении своих противников. Проводил линию Сталина, после его смерти постепенно уступил влияние Т. Живкову.

⁴ Цанков Георги (1913–1990 гг.) – болгарский политический деятель, один из высших руково-

становке нельзя было созывать пленум, не проведя предварительно серьезной подготовки к нему. Исключительно большую помощь оказало болгарской партии опубликованное в это время постановление ЦК БКП «О преодолении культа личности и его последствий». Это постановление помогло не только Центральному Комитету, но и широким кругам членов партии глубже разобраться в существе решений XX съезда КПСС и понять опасность тех антипартийных настроений, которые проявились в отдельных местах после Апрельского пленума ЦК БКП. Познанские события и их последствия, как и события, происходившие в Венгрии, заставили не только здоровые силы партии, но и носителей «недовольства» по иному оценить все происходящее в жизни своей партии и подойти с более принципиальных позиций к решению вопросов, стоявших перед пленумом. Следует отметить положительную роль Секретаря ЦК БКП т. Живкова, который сумел в этой обстановке, проводя тактичную линию, добиться того, чтобы прежде всего в Политбюро сложилось единое мнение по вопросам, подлежавшим обсуждению на пленуме. После этого была проведена соответствующая работа среди определенной части членов ЦК и партийного актива. Все это способствовало тому, что и выводы комиссии Ганева, на которые рассчитывали антипартийные элементы, оказались не такими «сенсационными», как это кое-кто ожидал. Большое значение для болгарских друзей имела помощь, оказанная им со стороны Президиума ЦК КПСС, в частности беседа с Политбюро ЦК БКП т. Микояна, посетившего Болгарию после его пребывания в Венгрии¹, беседы

дителей БКП и Народной Республики Болгария. В 1950-х гг. – член Политбюро ЦК БКП (1954–1962 гг.), министр внутренних дел НРБ в 1951–1962 гг. Организатор политических репрессий.

¹ А. И. Микоян в 1956 г. два раза находился в Венгрии. Согласно решению Президиума ЦК КПСС от 12 июля, он на следующий день уезжал в Будапешт, где 19–20 июля принимал участие в работе пленума ЦК ВПТ. См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года: документы / ред. В. Т. Середя, А. С. Стыкалин. – М., 1998. С. 152–184. По поручению ЦК КПСС 24 октября 1956 г.

с членами Политбюро ЦК БКП, побывавшими с неофициальным визитом в Крыму, и советы, дававшиеся друзьям при их обращениях к ЦК КПСС. Все эти обстоятельства оздоровили обстановку и создали благоприятные предпосылки для проведения пленума ЦК, который состоялся 6–7 сентября и прошел под знаком полного единства, наглядно показав политическую зрелость и партийную принципиальность Политбюро и ЦК БКП в целом. На пленуме ЦК еще имели место отдельные отголоски непартийных настроений. Так например, в своем выступлении, по докладу т. Живкова «Об итогах проведенной работы по ликвидации последствий культа личности и очередных задачах партийных организаций» зав. международным отделом ЦК, член ЦК БКП Драмалиев пытался оправдать проявившиеся в отдельных местах после Апрельского пленума ЦК антипартийные вылазки среди интеллигенции и утверждал, что меры, принятые со стороны ЦК БКП по оздоровлению обстановки в партии, были излишне резкими, были «окриком», вновь сковавшим активность членов партии, что у ЦК «нет серьезных оснований для оптимизма», так как существуют и продолжают существовать серьезные недостатки в деятельности партии, вызывающие законное недовольство среди трудящихся и т. п. Однако это выступление оказалось единственным на пленуме и при принятии решений пленума как по первому вопросу повестки дня, так и по второму – по докладу комиссии Ганева², за эти решения, принятые единогласно, голосовал (хотя и с оговорками) и т. Драмалиев. Пленум полностью одобрил мероприятия, проведенные Политбюро после Апрельского пленума ЦК, отметив, что в целях дальнейшего осуществления задач, вытекающих из решений XX съезда КПСС и Апрельского пленума ЦК, необходимо неустанно повышать руководящую

он вместе с М. А. Суловым опять приехал в Будапешт для содействия стабилизации ситуации. См.: Там же. С. 325–332.

² Ганев Димитр (1898–1964 гг.) – болгарский государственный деятель, с 1954 г. – секретарь ЦК БКП, в 1958–1964 гг. – председатель Президиума Народного Собрания Болгарии.

роль партии, неуклонно вести борьбу за последовательное восстановление ленинских норм и принципов партийной жизни; повышать и укреплять роль Центрального Комитета как коллективного руководящего органа партии; внедрять и укреплять принципы коллективного руководства в работе местных партийных органов. В решениях пленума намечены также мероприятия по дальнейшему улучшению руководства хозяйством и деятельностью государственного аппарата. Что касается обсуждения на пленуме доклада комиссии т. Ганева, следует отметить, что несколько человек из числа выступавших по докладу, как то: т. Рубен Аврамов, Иордан Милев, Борис Велчев и другие, выступали против предложения комиссии о полной реабилитации Трайчо Костова¹, предлагая реабилитировать только по судебной линии и не восстанавливать посмертно в партии, однако пленум принял решение полностью реабилитировать Костова с восстановлением его и в правах членах БКП посмертно.

По нашему мнению, было бы более правильным, если бы по делу Костова было принято предложение, вносившееся вышеуказанными товарищами, поскольку в самом решении пленума отмечается, что расследование подтвердило националистические и антисоветские настроения Трайчо Костова, а также его непартийное поведение в подпольный период. Неясным остается, как указывали выступавшие товарищи, и вопрос о том, каким образом Костов будучи Секретарем ЦК был помилован по судебному процессу, когда весь остальной состав ЦК был казнен фашистскими властями. При этих обстоятельствах вряд ли было политически целесообразным реабилитировать Костова и по партийной линии.

Решения Сентябрьского пленума ЦК повсеместно были встречены в партии с полным одобрением и способствовали за-

¹ В документе здесь и во всех последующих местах фразы подчеркнуты от руки. Костов Трайчо (1897–1949 гг.) болгарский партийный деятель, с 1945 по 1948 г. – первый секретарь ЦК БКП. В декабре 1949 г. был приговорен к смертной казни. Жертва сталинской чистки в Болгарии.

метному сплочению партии, повышению ее идейного уровня, что не могло положительно не сказаться на укреплении всей внутривластной обстановки в стране. Было бы, однако, неправильным сделать на основании этого вывод, что в настоящее время в Болгарии нет уже политически ошибочных, вредных, а иногда прямо враждебных настроений и что они уже не представляют собой опасности, борьбу против которых можно ослабить. Это проявилось во многих вопросах и отдельных выступлениях в некоторых партийных организациях и при обсуждении решений Сентябрьского пленума ЦК. Особого внимания, по нашему мнению заслуживает тот факт, что среди этих настроений проявляются и настроения антисоветского характера. Так, например, при обсуждении решений Сентябрьского пленума ЦК в партийной организации Бяла Река, Павликенской околии один из выступавших сказал следующее: «Наша партия не решает вопросов самостоятельно, а делается то, что укажут из Советского Союза. Получается, что мы не самостоятельное государство. Я уже не знаю, кому верить. Раньше говорили о предательстве Трайчо Костова – сейчас о Берии, где гарантия, что через несколько лет мы не будем оправдывать и его?» В другой парторганизации в Старозагорском округе один из выступавших коммунистов сказал, что он не понимает, почему получается так, что то, что происходит в Советском Союзе происходит также и в Болгарии. Среди вопросов, задававшихся докладчикам при обсуждении решений пленума были и такие: «Самостоятелен ли ЦК БКП в своих действиях?» (задан в одной из партийных организаций Сталинского округа), «Не имеет ли место вмешательство со стороны СССР во внутренние дела Болгарии?» (Варненский округ), «Независимой ли является БКП от КПСС?», «Не был ли процесс Трайчо Костова создан при участии советских специалистов?», «Не русские ли проводили следствие по процессу Трайчо Костова?» и т. п.

Посольству известны и некоторые другие факты проявления антисоветских настроений отдельными лицами, главным об-

разом из числа интеллигенции (писатели, журналисты, работники искусства и т. п.). Так, например, известен факт, когда в товарищеской беседе с одним из польских журналистов, прибывшим в Болгарию, болгарский военный работник печати, некто Драганов с «удовлетворением» отметил тот факт, что в Польше проявляются антисоветские настроения, что, по его мнению, является выражением стремлений Польши к «независимости», причем, одобряя это, Драганов заявил, что он «верит» в то, что «и над Болгарией взойдет солнце». Известны также факты недружелюбных настроений по отношению к СССР среди некоторых работников болгарского кино, что они высказывали в беседах с нашим режиссером-постановщиком Арнштамом¹.

В какой-то мере свидетельствуют об этих настроениях и письма антисоветского и враждебного характера (хотя и анонимные), время от времени получаемые Посольством. Все это свидетельствует о том, что борьба против враждебной пропаганды, особенно усилившейся в период всех событий, происходивших в странах народной демократии за последнее время, не только не может быть ослаблена, но, наоборот, должна быть усилена точно так же, как должна быть усилена вся идеологическая и воспитательная работа болгарской партии [...]².

Таковы основные события, характеризующие внутривластную и внешнеполитическую обстановку в Болгарии за отчетный период. Исходя из этой обстановки, болгарские друзья намерены:

1) продолжать работу по дальнейшему укреплению партии, не ослабляя борьбы

против фактов проявления мелкобуржуазной распущенности, антипартийных настроений и враждебных вылазок, обратив особое внимание на усиление идеологической работы в партии, Союзе молодежи и среди трудящихся, особенно среди интеллигенции;

2) продолжать работу по осуществлению решений Апрельского и Сентябрьского пленумов ЦК по дальнейшему улучшению деятельности партийного и государственного аппарата;

3) особое внимание сосредоточить на вопросах экономики, в частности на улучшении финансового положения республики, подготовке народнохозяйственного плана на 1957 г., а также разработке плана развития Болгарии на период 1958–1960 гг.

До конца текущего года предполагается провести пленумы ЦК по вопросам промышленности и работы профсоюзных организаций, а также по идеологическим вопросам. Кроме того, до конца года предполагается провести съезд профсоюзов и национальный конгресс Отечественного фронта.

Все это в значительной мере определяет на ближайшее время и работу Посольства.

Отп. 4 экз. Посол СССР в Народной Республике Болгарии

1 – т. Патоличеву³ Ю. Приходов⁴

2 – т. Замчевскому⁵

3 – К. И.⁶

4 – в дело

Исп. Приходов

Маш. Ильина

№ 329

25. X. 1956 г.

¹ Арнштам Лео Оскарович (1905–1979 гг.) – кинорежиссер и сценарист, с 1945 г. работал на киностудии «Мосфильм».

² Пропущена вторая часть документа об экономическом положении страны и о внешней политике Болгарии за отчетный период.

³ Патоличев Николай Семенович (1908–1989 гг.) – политик, в 1958–1958 гг. – 1-й заместитель министра иностранных дел СССР, с 1958 г. по 1985 г. – министр внешней торговли СССР.

⁴ Автограф Приходова.

⁵ Замчевский Иван Константинович (1909–1979 гг.) – дипломат, в 1956–1957 гг. – заведующий V Европейским отделом МИД, в 1957–1960 гг. чрезвычайный и полномочный посол СССР в Югославии.

⁶ Т. е. Комитету информации при МИД СССР.

Документ № 2
Донесение консула СССР в Варне Шмакова о настроениях населения
Варненского округа в связи с венгерскими событиями

Варна, 14 декабря 1956 г.

Заверенная копия. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 392. Л. 201-207.

Консульство СССР в Варне Копия

Секретно.
Экз. един.¹

Вх. 5083/5.Е.о.
8. XII. 56 г.

О настроении среди некоторой части населения
в связи с венгерскими событиями

282

Происходящие за последнее время события в Польше и Венгрии внесли в некоторые слои населения Варненского и Коларовского округов нездоровые настроения. Окружные, городские и сельские парторганизации в начале ноября развернули среди населения широкую разъяснительную работу о положении в Венгрии. На промышленных предприятиях, в сельскохозяйственных кооперативах и в государственных учреждениях были проведены собрания, на которых выступили с докладами о положении в Венгрии и Польше руководящие работники округов. В своих решениях болгары клеймили позором фашистских провокаторов в Венгрии, призвали ещё теснее сплотиться вокруг Болгарской коммунистической партии, укреплению дружбы с Советским Союзом. Единство, любовь и верность к своей партии, стремление к дружбе с Советским Союзом болгарский народ продемонстрировал на собраниях и демонстрациях, посвященных XXXIX годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

В Варне, Коларовграде, Бургасе и других городах 7 ноября состоялись небывало многолюдные демонстрации трудящихся. Эти демонстрации показали непоколебимую веру болгарского народа в БКП, веру

в силу социалистического лагеря и никакие происки империалистов и фашистских провокаторов не смогут отвлечь болгарский народ от намеченной цели – строительства социализма.

Однако венгерские события дали толчок для распространения провокационных слухов и для оживления враждебной агитации. Иностранцы враждебные радиостанции ежедневно передавали на болгарском языке извращенную информацию о событиях в Венгрии, призывали болгар следовать этому примеру. Эти передачи оказали некоторое влияние на отсталые слои населения, а враждебные элементы воспользовались этим и оживили свою подрывную деятельность. Среди крестьян – членов кооперативов сел Суворово, Волчий Дол, Бяла, Султанци, Белослав и некоторых других был распространен слух, что в ближайшее время болгарское правительство распустит все земледельческие кооперативы, и будет восстановлено единоличное крестьянское хозяйство. В селе Калеманци Толбухинской околии 27 октября враждебно настроенные одиночники явились в правление ТКЗХ и сельский совет, и под угрозой расправы предложили председателю кооператива и председателю сельсовета немедленно покинуть

¹ Документ был направлен ЦК КПСС заместителем министра иностранных дел Н. С. Патоличевым 18 декабря 1956 г. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 392. Л. 200.

служебные помещения, говоря при этом: «...вашим порядкам пришел конец». Расследование показало, что эти люди действовали по указке реакционных элементов.

Имели место в сельской местности диверсионные и террористические акты. Так, например, в Кооперативном хозяйстве села Средне Соловейково Провадийской околии 27 октября одновременно был совершен поджог заготовленного для кооперативного скота сена и соломы. Характерно то, что эта диверсия была заранее подготовлена и совершена в момент кооперативного события, когда большинство членов ТКЗХ находилось в отдаленности от пожара. В начале ноября в селе Калново Коларовградской околии был убит председатель ТКЗХ.

В связи с событиями в Венгрии подняли головы бывшие офицеры болгарской царской армии. Органам безопасности удалось у некоторых бывших офицеров изъять тайно хранящееся оружие и патроны. Например, у бывшего командующего болгарским военно-морским флотом адмирала Вариклечкова¹ изъят маузер с большим количеством патронов. У него же обнаружен склад различной одежды на 120–150 человек. У бывшего подполковника обнаружено оружие с патронами. Характерно то, что всем бывшим офицерам было известно, что лица, укрывающие оружие, привлекаются к ответственности, однако они держали его на всякий случай, выжидали нужный момент для его применения.

В октябре месяце местные власти допустили ошибку в снабжении хлебом населения городов, рабочих поселков и сельской интеллигенции. В связи с низким урожаем в стране пшеницы и невыполнением по этой причине плана хлебозаготовок правительство пошло на ограничение расходов хлеба. Было определено количество расхода муки для каждого округа. Для того чтобы не допустить перерасхода хлеба, местные органы прикрепили

¹ Вариклечков Иван (1891–1974 гг.) – болгарский военный деятель, адмирал, в 1933–1935 гг. – командующий военно-морским флотом Болгарии. После 9 сентября 1944 г. был задержан и приговорен к тюремному заключению.

всех жителей городов и рабочих поселков к определенным магазинам, выдали им пропуска с указанием количества членов семей, а в некоторых городах, как, например, в Толбухине и Генерал-Тошеве установили даже норму отпуска хлеба по 300–350 граммов на человека. В первые дни создались трудности в снабжении хлебом. В магазины не завозилось достаточного количества хлеба и в связи с этим часть жителей иногда оставалась без хлеба. На почве этого среди населения начались распространяться нездоровые настроения, а подчас и явно враждебные. Например, 19 октября в квартале Максуда в городе Варне по халатности торговых организаций 50–70 семей не получили хлеба, причем большинство турецких семей. Возбужденные и недовольные этим стоявшие в очереди люди выбили в магазине окна, толпой направились на хлебозавод и в горсовет. В толпе выкрикивались враждебные возгласы по адресу болгарского и советского правительств. Только при вмешательстве окружных организаций вопрос был урегулирован. Следует отметить, что в связи с затруднениями в снабжении хлебом нездоровые настроения имели место и на промышленных предприятиях.

В начале ноября болгарское правительство сообщило, что советское правительство отпустило Болгарии необходимое количество пшеницы и ограничение на хлеб с 10 ноября по всей стране было отмечено. Сейчас снабжение хлебом населения вполне нормальное.

С событиями в Польше и Венгрии совпало переименование города Сталин в город Варна. Среди рабочих и даже партийного актива это вызвало много различных разговоров и недовольств. Одни говорили, что переименование города – это начало нового курса в Болгарии, отказ от прошлого пути партии и правительства. Другие заявили, что это сделано под давлением Югославии. При этом следует сказать, что болгары поторопились с переименованием города и досадно то, что это совпало с польскими и венгерскими событиями.

Вызывает некоторое беспокойство Варненский институт народного хозяй-

ства, в котором обучается свыше 1 200 студентов. Даже по мнению руководящих работников округа, этот институт является источником распространения враждебной пропаганды среди населения. Большую часть учащихся института составляют дети в прошлом привилегированных лиц из числа интеллигенции, промышленников, торговцев. В институте они создали свою касту, держат себя обособленно от студентов из семей рабочих и крестьян. Показательно то, что так называемая «золотая молодежь» группируется вокруг старых, реакционно настроенных профессоров и преподавателей вроде Ганчева, Георгиева, русской белоэмигрантки Демьянович, муж которой Долинский уже выгнан из института за систематическое распространение среди студентов враждебной пропаганды.

В связи с венгерскими событиями усилились в институте недовольства обязательным изучением русского языка и большой нагрузкой по марксизму-ленинизму. При этом высказывалось, что студенты Венгрии своим массовым выступлением добились от правительства уступок, значит, и мы можем добиться, если выступим организованно.

14 ноября в институте состоялось общее собрание студентов и преподавателей. С докладом о международном положении, и главным образом о событиях в Венгрии, Польше и Египте, выступил секретарь окружка Григоров. На собрании не было открытых враждебного характера выступлений, зато докладчику поступило множество провокационного и враждебного содержания анонимных записок. Это показывает, что в институте имеются скрытые враждебно настроенные элементы, которые, несомненно, ведут среди студентов разлагающую работу.

Нам кажется, корень зла неблагополучия в институте скрывается в самой системе набора студентов, в отсутствии партийного и классового принципа. В высшие учебные заведения принимаются лица, выдержавшие конкурсные испытания, набравшие наибольшее количество баллов, а опыт показал, что наибольшее количе-

ство баллов набирают дети из состоятельных семей, которые имеют лучшие условия для учебы, а дети рабочих и крестьян в институт не попадают. Для создания собственной интеллигенции, преданной своему народу, следовало бы пересмотреть систему приема в высшие учебные заведения с таким расчетом, чтобы основной контингент учащихся состоял из рабочих и крестьян.

Следует серьезно подумать о том, нужно ли в высших и средних учебных заведениях обязательное изучение русского языка. По нашему мнению, было бы целесообразнее в институтах и средних школах изучать один из иностранных языков по желанию учащихся.

Заслуживают серьезного внимания некоторые вопросы в болгарской деревне. Среди крестьян много недовольства существующей системой государственных поставок зерна. Известно, что подавляющее большинство крестьян объединено здесь в кооперативные хозяйства. В Варненском, Коларовградском и Бургасском округах от 75 до 88 процентов земли принадлежит кооперативным и государственным хозяйствам. За последние годы большинство кооперативов организационно и экономически окрепли, снимают высокие урожаи зерновых и технических культур, высоко оплачивается трудодень членов кооперативов. Однако в каждом округе ещё имеется значительная часть кооперативов, которые систематически получают низкие урожаи, даже не обеспечивают прожиточный минимум членов кооперативов. Например, в текущем 1956 году в Коларовградском округе в 37 кооперативах выдано на трудодень менее одного килограмма пшеницы, в Варненском – 51, и в Бургасском – свыше 40. Причем экономический анализ показывает, что на протяжении последних 5 лет количество таких кооперативов является почти постоянным. Конечно, такое положение во многом зависит от руководителей ТКЗХ и местных органов, но нельзя полностью отбрасывать и объективные причины. Изучение этого вопроса показывает, что, как правило, кооперативы, расположенные в горной местности

получают урожаи зерновых культур значительно ниже. А это происходит потому, что в горных районах земля более бедная, обработка ее производится главным образом примитивно, механизацию применить почти невозможно, а из этого, как следствие, низкие урожаи. Во многих кооперативах после выполнения всех видов государственных поставок почти ничего не остается для распределения на трудодни, и члены кооперативов вынуждены для себя покупать хлеб на свободном базаре. Например, уже в этом году кооператоры Коларовградского округа закупили свыше 200 тонн пшеницы по цене 2,5–3 лева за килограмм. Получается явно ненормальное положение, что кооперативы сдали зерно по госпоставкам по 55 стотинок за килограмм, а вынуждены покупать его в 5–6 раз дороже. Такое ненормальное положение вызывает массовое недовольство крестьян, и с этим нельзя не считаться.

По нашему мнению, система государственных поставок зерновых культур здесь далеко не совершенная, не учитываются особенности отдельных районов и кооперативов. Хотя формально округа разделены на 4 категории, в зависимости от категории взимаются и государственные поставки, но это сделано примитивно. В одной зоне имеются кооперативы, которые можно отнести к первой категории и в той же зоне кооперативы с плохими землями – низкоурожайные, а госпоставки одинаковые. Кооперативы с высокоурожайными землями без особого напряжения рассчитываются с государством, а другим это непосильно, и на почве этого имеет место много недовольств.

Показателен в этом отношении Коларовградский округ. Если в целом по округу в 1956 г. получен урожай пшеницы 13 центнеров с гектара, то кооперативы Омуртаг-

ской околии сняли урожай всего 6,6 центнера с гектара – в два раза меньше. После государственных поставок зерна, расчета за работу МТС и засыпки семян в среднем в кооперативах округа осталось по 200 кг на человека, а в Омуртагской околии – около 78 кг на человека. Конечно, этого количества зерна недостаточно кооператорам до нового урожая. Причем такое положение повторяется из года в год, если не в целом по Омуртагской околии, то во всяком случае в большинстве ТКЗХ. При этом нельзя не учитывать и то, что в Омуртагской околии проживает подавляющее большинство турецкого населения, которое в силу своей отсталости и религиозного фанатизма легко поддается враждебной агитации, а трудности с хлебом могут привести к нежелательным последствиям.

Следует отметить, что большое количество приморских и горных кооперативов Варненской, Провадийской и многих околий Бургасского округа из года в год едва рассчитываются хлебом с государством и не обеспечивают членов кооперативов и их семей достаточным количеством хлеба для питания.

Нам кажется, что основной причиной нездоровых настроений среди крестьян как членов кооперативов, так и единоличников является негибкая, а в ряде случаев дискредитирующая государственные органы система государственных поставок зерна. Болгарское правительство должно серьезно изучить систему государственных поставок зерна с учетом справедливого недовольства крестьян, проживающих в горных низкоурожайных районах и устранить имеющиеся недостатки в этом деле.

I Ю.К. / СПКонсул СССР в Варне – Шмаков
№ 5153/5. Е.о.Верно: Шмаков
14. XII. 56.

Документ № 3
Политическое письмо посла СССР в Болгарии Ю. К. Приходова о политической обстановке в Болгарии после венгерского кризиса 1956 г.

София, 2 февраля 1957 г.

Оригинал. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 478. Л. 34-74.¹

Посольство СССР в Народной Республике Болгарии. Секретно²

2 января февраля³ 1957 г. Экз. № 1⁴

№ 013

Политическое письмо о политической обстановке в Народной Республике Болгарии и мероприятиях по ее дальнейшему укреплению

286

Политическая обстановка, сложившаяся к началу текущего 1957 года в Народной Республике Болгарии предопределялась прежде всего событиями, происходившими во внутренней жизни страны после XX съезда КПСС, а также такими событиями в международной обстановке, развернувшимися в конце 1956 года, как события в Польше, контрреволюционный мятеж в Венгрии и англо-франко-израильская агрессия в Египте.

Как мы сообщали в нашей предыдущей информации, вся внутривнутриполитическая жизнь Болгарии на протяжении истекшего года была заполнена событиями, происходившими в Болгарской коммунистической партии после Апрельского пленума ЦК БКП, обсуждавшего выводы, вытекающие для БКП из решений XX съезда КПСС⁵.

Решения Апрельского пленума ЦК БКП, нацеливавшие партию на дальнейший подъем всей ее деятельности⁶, на решительное исправление ошибок и недостатков в партийном и государственном строительстве, являвшихся вредными последствиями культа личности, пробудили высокую активность в партийных органи-

зациях, которые на основе широко развернувшейся критики, смело вскрывали имевшиеся недостатки и ошибки, намечая конкретные пути для их исправления.

Однако на волне этой здоровой критики в отдельных партийных организациях, главным образом столичных, с непролетарским составом, проявились мелкобуржуазные и анархические настроения, бравшие под сомнение всю политику партии и правильность ее генеральной линии. Это активно подхватывалось как враждебными элементами, имеющимися внутри страны, так и враждебной пропагандой извне с целью компрометации политики партии, подрыва доверия к ней со стороны трудящихся, подрыва народно-демократического строя.

Всячески маскируя свои подлинные стремления, направленные в конечном счете на свержение народно-демократического строя в Болгарии, враждебная радио- и печатная пропаганда усиленно навязывала болгарскому слушателю примеры Югославии, Польши и Венгрии, обвиняя болгарских коммунистов в «фанатическом сталинизме» и даже в «извра-

¹ Отрывок из полного текста (Л. 34–56, 72–74).

² На верхнем правом поле бумаги находится штамп: «МИД СССР. 5 Европейский отдел. Вх. №. 358. 6. II. 1957 г.».

³ Название месяца вычеркнуто от руки и внесено правка «февраля».

⁴ Документ был переправлен ЦК КПСС для ознакомления членом ЦК заведующим 5-м Европейским отделом МИД СССР И. К. Замчевским 14 февраля 1957 г. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 478. Л. 33.

⁵ См. док. № 1.

⁶ В документе здесь, и во всех последующих местах фразы текста подчеркнуты от руки.

щении ими ленинского изучения», призывая их к смене руководства ЦК.

Большую активность проявляли в это время и разведчики империалистического лагеря в лице дипломатов западных стран, находящихся в Болгарии, а также дипломатические представители Югославии, группировавшие вокруг себя недовольные элементы и усиленно пропагандировавшие «югославский путь».

ЦК БКП развернул большую организационно-политическую работу в партии. Были проведены специальные активы и собрания партийных организаций по разъяснению решений XX съезда КПСС и Апрельского пленума ЦК БКП, активно использовалась для этого также и партийная печать. Проявившимся антипартийным настроениям был дан решительный отпор, разъяснена их враждебная сущность и опасность для дела партии и народно-демократического строя.

В то же время ЦК БКП не мог не считаться с тем фактом, что в стране имелись некоторые причины, порождающие отрицательные настроения в партийной среде и известное недовольство среди трудящихся. В области партийной жизни это были грубые нарушения норм партийной демократии – администрирование, парадная шумиха, тормозившие развертывание здоровой критики, наконец, серьезные недостатки в хозяйственной политике партии, выражавшиеся в излишнем напряжении капитального строительства, необъективной оценке положения в сельском хозяйстве, что не могло не сказываться и на материальном положении трудящихся, вызывая их недовольство.

После отмены карточной системы (1951–52 гг.), при которой повысились розничные цены на продукты питания и предметы первой необходимости и проведенной в мае 1952 г. денежной реформы, материальное положение значительной части рабочих и служащих ухудшилось. Для чувствительного улучшения его государство, осуществляя напряженное строительство, не имело средств, а периодически проводившиеся снижения розничных цен не могли полностью решить эту задачу.

Имелись основания для недовольств и среди крестьян. Изъятие доходов крестьян путем налогов, обязательных поставок, натуроплаты, низких заготовительных и закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию и т. д. без должного учета необходимости создания материальной заинтересованности крестьян в развитии сельского хозяйства – ухудшало их материальное положение, приводило к уходу крестьян из деревни в город, где постепенно накапливалась безработица, к забрасыванию земель и медленному подъему кооперативных хозяйств. К этому надо добавить имевшие место, особенно в конце 1955 и начале 1956 гг. при проведении так называемой «массовизации» кооперирования сельского хозяйства, административные перегибы, которые усиливали среди крестьян настроения недовольства.

Учитывая все это, ЦК БКП наряду с широким развертыванием политико-массовой разъяснительной работы, неуклонно осуществлял мероприятия, намеченные Апрельским пленумом ЦК по восстановлению ленинских норм партийной жизни, исправлению, имевших место в прошлом (в Болгарии это было в незначительных масштабах), нарушений революционной законности, улучшению деятельности государственного аппарата, решению назревших экономических вопросов в области как социалистического строительства, так и повышения материального положения трудящихся. Так, например, в целях улучшения материального положения трудящихся в апреле 1956 года было принято постановление ЦК БКП и Совета Министров Болгарии о сокращении рабочего дня для рабочих и служащих в субботники, предвыходные и предпраздничные дни, с 1 августа была восстановлена существовавшая ранее дотация питания в рабочих столовых, снижавшая стоимость питания для рабочих и служащих на 25–30 %. Принято было постановление о повышении с 1 августа размеров пенсий рабочим и служащим. Были проведены также некоторые мероприятия по сокращению имевшейся в стране безработицы.

В целях улучшения материального положения крестьян и создания их материальной заинтересованности в развитии сельского хозяйства, было проведено повышение заготовленных и закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, снижены размеры натуроплаты МТС, что в общей сложности увеличивало доходы кооператоров больше чем на 200 млн левов. Были приняты некоторые изменения в уставе ТКЗХ и т. д.

В результате всех этих мероприятий, политическая обстановка в партии и в стране в целом значительно оздоровилась и окрепла.

В сентябре состоялся пленум ЦК БКП, явившийся завершением всех событий, происходивших в жизни партии после Апрельского пленума (подробная информация о подготовке и проведении этого пленума была дана посольством в политписьме за III квартал прошлого года)¹. Сентябрьский пленум наглядно показал огромный политический рост Болгарской коммунистической партии, происшедший под влиянием решений XX съезда КПСС. Значительно повысилась активность партийных организаций, окрепло единство партии и ее руководящая роль в жизни страны. Пленум продемонстрировал полное единство Центрального Комитета, укрепление авторитета и руководящей роли Политбюро.

Всем этим и объясняется то, что события, развернувшиеся в Польше, как и контрреволюционный мятеж, вспыхнувший в конце октября в Венгрии, не могли найти в Болгарии сколько-нибудь благоприятной почвы и оказать чувствительное влияние на изменение в ней политической обстановке.

Контрреволюционный мятеж в Венгрии вызвал известное оживление враждебных элементов в Болгарии. Это нашло свое выражение в том, что реакционные элементы распространяли клеветнические слухи о событиях в Венгрии, некоторые из «бывших» стали открыто высказывать враждебные настроения, запугивать коммунистов террором, в Софии появились высланные ранее и отслуживавшиеся

в провинции бывшие домовладельцы, крупные торговцы и т. д. В университетах Варны и Софии имели место враждебные высказывания отдельных студентов, выходцев из социально чуждой среды. В Сельскохозяйственной академии были обнаружены листовки, призывающие к солидарности с «венгерскими революционерами». Среди студенчества раздавались голоса, требовавшие отмены преподавания марксизма-ленинизма в вузах, отмены обязательного посещения лекций и т. д.

Ожили антипартийные, особенно «югославские» настроения и среди некоторой части «обиженных» коммунистов, главным образом из числа реабилитированных по антиюгославским процессам. Эти лица, ссылаясь на события в Венгрии, которые выдавались ими за «проявление народного недовольства», пытались запугать ЦК БКП венгерскими событиями и в целях «предупреждения возможностей возникновения подобных событий в Болгарии», выступали с различными предложениями, приближавшимися к «югославскому образцу» и означавшим по существу требование изменения политики партии, а некоторые из них носили и просто авантюристический характер. Всем этим незамедлительно попыталась воспользоваться международная реакция, которая, со своей стороны, возлагала большие надежды на отзвуки венгерских событий в Болгарии.

Резко усилилась в эти дни подрывная пропаганда, направленная против Болгарии из-за границы. Все центры этой пропаганды вроде радиостанций «Свободная Европа», «Голос Америки», «Би-Би-Си», «Голос Италии» и даже специально созданная в эти дни на границе Болгарии с Грецией вражеская радиостанция «Христо Ботев» и др. усиленно призывали остатки реакции, сохранившейся в Болгарии, к активным действиям, пытались найти сторонников среди обиженных и неустойчивых элементов партии, среди интеллигенции и студенчества, усиленно рекламируя «венгерский пример борьбы за свободу», взывая к «национальным коммунистам», которым «разъяснялось», что

¹ См. док. № 1.

болгарская партия якобы не сделала никаких выводов из решений XX съезда и т. д.

В клеветнических целях вражеская пропаганда пыталась даже использовать Декларацию советского правительства от 30 октября, обвиняя болгарскую партию и правительство в том, что проводимая ими политика якобы находится «в явном противоречии с советской Декларацией». Все это сводилось, в конечном счете, к одному – болгарские «коммунисты-патриоты» призывались «решительно и бескомпромиссно» свергнуть нынешнее партийное и государственное руководство.

В числе этих «коммунистов-патриотов» вражеская пропаганда рассчитывала прежде всего на тех, кто проявил известные колебания в отношении к политике партии в период Апрельского пленума ЦК или проюгославские настроения, таких как Петко Кумин, Иван Масларов, генералы Славчо Трынский и Иван Кинов и др. Рабочие призывались к стачкам, крестьяне – к роспуску кооперативов и т. д.

Не отставала в этом и буржуазная печать особенно Западной Германии, Турции, Греции, Швейцарии и даже Англии. Весь этот непрерывный поток подрывной пропаганды не находил однако откликов в Болгарии. Если в начале событий, как мы уже указывали, и имело место некоторые колебания среди отдельных представителей интеллигенции и студенчества, в частности таких как писатели, журналисты, художники, бывшие адвокаты, отдельные лица из числа служащих государственного аппарата, которым подхватывались модные лозунги о «демократизации», «свободе критики», «свободе творчества» и т. п., то по мере того, как в польских и особенно в венгерских событиях все отчетливее проявлялись враждебные социализму тенденции, эти настроения шли на спад. Особенно резкий перелом в настроениях всего народа наступил с того момента, когда в Венгрии начался белый террор, ясно показавший контрреволюционный характер венгерских событий. Таким образом, в результате большой организаторской и политико-воспитательной работы, проведенной партией, политическая обстановка

в Болгарии во время венгерских событий оказалась устойчивой, тем не менее ЦК БКП не мог не сделать определенных выводов из этих событий. В первые дни их ЦК БКП развернул большую работу по разъяснению в партии и среди трудящихся контрреволюционной сущности вспыхнувшего мятежа, разоблачению вражеской пропаганды, повышению политической бдительности коммунистов и трудящихся. ЦК БКП также выступил с инициативой обсудить совместно с другими братскими партиями положение в Венгрии и оказать необходимую помощь венгерскому народу в защите его социалистических завоеваний.

Одновременно ЦК БКП и правительство продолжали осуществлять ряд мероприятий экономического характера, в частности по исправлению недостатков, имевшихся в промышленном строительстве и сельском хозяйстве, а также по дальнейшему улучшению материального положения трудящихся. Было принято постановление о значительном повышении с 1 января 1957 г. надбавок к зарплате рабочих и служащих, членов промысловых коопераций и пенсионеров, на многодетность, что существенно улучшало материальное положение значительного количества семей рабочих и служащих. Было принято постановление об улучшении с 1 апреля 1957 г. низких ставок зарплат. Насколько важными политически явились эти мероприятия, можно судить хотя бы по тому, что при средней заработной плате, существующей в Болгарии в 640–659 лева, число лиц, получавших зарплату всего лишь в размере от 280 до 400 лева составляло 40 % всей численности рабочих и служащих. Были осуществлены дальнейшие мероприятия по улучшению материального положения крестьян. Решением ЦК БКП и Совета Министров устанавливались пенсии для престарелых крестьян-кооператоров. Были освобождены от обязательных поставок зерна и некоторых других видов сельскохозяйственной продукции горные районы страны, крестьянство которых находилось в тяжелом материальном положении. Были приняты постановления, поощрявшие развитие ов-

цеводства и свиноводства, ранее широко развитого в Болгарии, и т. д. Все эти мероприятия способствовали дальнейшему улучшению политических настроений среди трудящихся и сплочению их вокруг партии и правительства.

Наряду с этим ЦК БКП и правительством были предприняты и некоторые предупредительные меры по отношению к враждебным элементам – наиболее активная часть их была изолирована. Были проведены соответствующие мероприятия по укреплению общественного порядка, улучшению охраны предприятий и государственных учреждений и т. д. Следует отметить, что все эти мероприятия проводились при активном участии трудящихся, что также являлось показателем их политических настроений.

Белый террор, развернувшийся в эти дни в Венгрии, показал всю опасность происходящих событий, что вызвало новый подъём политической активности буквально всех слоев болгарского народа. Подъем этот по своей силе сравнивался болгарскими друзьями только с тем, который проявился в народе в дни завоевания народной власти. По всей стране прокатилась волна митингов и собраний, на которых трудящиеся выражали свою готовность защищать социалистические завоевания и народно-демократический строй, выражали свою активную поддержку политики Коммунистической партии и народного правительства, свою преданность делу социализма и дружбы с Советским Союзом.

Развязанная в эти дни англо-франко-израильская агрессия против Египта еще убедительнее показала болгарскому народу, что события в Венгрии являются частью общего широко задуманного плана империалистов. Угроза делу мира и социализма еще больше усилила в болгарском народе чувства искренней дружбы к советскому народу, что особенно ярко проявилось в дни празднования 39-й годовщины Октябрьской революции. В эти дни посольство посетили десятки рабочих делегаций для выражения чувства братской дружбы к Советскому Союзу, готовности

болгарского народа крепить единство социалистического лагеря во главе с Советским Союзом.

В эти дни в болгарской печати было опубликовано сообщение о предоставлении Советским Союзом Болгарии займа зерна (из-за низкого урожая в Болгарии в это время ощущался недостаток хлеба и было введено временное ограниченное снабжение населения).

В ответ на это сообщение в Посольство, а также в адрес ЦК КПСС и советского правительства поступали многочисленные телеграммы от коллективов предприятий, организаций учреждений и отдельных лиц с выражением горячих чувств благодарности Советскому Союзу за оказываемую помощь, которую трудящиеся Болгарии расценивали как новое проявление братской заботы Советского Союза о болгарском народе, хранящем в своих сердцах чувства вечной дружбы к советскому народу, которую болгарский народ всеми силами будет укреплять и развивать.

Характерно, что в эти дни по инициативе, проявленной снизу в ряде округов и околий, были организованы месячники болгаро-советской дружбы (в свое время отмененные решением центральных органов), которые повсеместно прошли с большим политическим подъемом.

О чувствах, проявлявшихся болгарским народом в эти дни к Советскому Союзу можно судить даже по такому факту, например, что Декларация Правительства СССР от 30 октября «Об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами», в целом встреченная в Болгарии положительно, вызвала однако отдельные комментарии в том смысле, что в этой Декларации не следовало бы упоминать о каких-то нарушениях и ошибках во взаимоотношениях между Советским Союзом и странами социалистического лагеря, так как отношения Советского Союза с другими социалистическими странами всегда были равноправными и строились на основе уважения национального суверени-

тета этих стран. Что же касается взаимной выгоды и равенства в экономических отношениях, то эти отношения являются неравными не для стран народной демократии, а для Советского Союза, так как помощь, оказываемая Советским Союзом странам народной демократии всегда была и остается несравнимо большей по сравнению с той, которую могли и могут оказывать эти страны Советскому Союзу.

В политической жизни Болгарии большую роль играет входящий вместе с БКП в Отечественный фронт Болгарский Земледельческий Народный союз, который объединяет в своих рядах свыше 120 тыс. членов и имеет еще значительное влияние среди крестьян.

События, происходившие во внутренней жизни болгарской партии, естественно, находили отклик и БЗНС, который в эти дни, так же как и в дни венгерских событий, показал себя как верный союзник Коммунистической партии. После Апрельского пленума ЦК БКП, руководство БЗНС (т. н. Постоянное присутствие), возглавляемое Георги Трайковым¹, провело в местных организациях БЗНС (т. н. дружбах) большую работу по разъяснению решений XX съезда КПСС и Апрельского пленума ЦК БКП. Во всех организациях БЗНС эти решения были встречены с полным одобрением. Причем, следует отметить, что проявление мелкобуржуазных и враждебных настроений в организациях БЗНС носило характер лишь единичных случаев.

Для характеристики политических настроений в Болгарском земледельческом союзе показателен, например, тот факт, что в БЗНС были весьма отрицательно встречены события, происходившие в объединенной земледельческой партии Польши после VIII пленума ПОРП. Когда новое руководство земледельческой партии Польши обратилось со специальным

письмом к БЗНС, приложив к нему свою платформу, в которой, по существу, главный упор делался на «самостоятельную» и «независимую» политику этой партии от ПОРП, эта попытка подогреть в БЗНС настроения противопоставления себя Коммунистической партии была встречена весьма отрицательно не только руководством БЗНС, но и широкими кругами его членов. Желая подчеркнуть отношение БЗНС к линии, занятой Земледельческой партией Польши, Постоянное присутствие БЗНС на это обращение ответило лишь официальным подтверждением его получения.

Контрреволюционный мятеж в Венгрии, направленный на уничтожение народно-демократического строя, не только не вызвал каких-либо колебаний в рядах БЗНС, но, наоборот, в дни этих событий, ставивших под угрозу само существование народно-демократического строя в Венгрии, союз БЗНС с БКП еще более укрепился. На собраниях местных организаций БЗНС и митингах Отечественного фронта члены БЗНС единодушно показали признание ими руководящей роли БКП в Отечественном фронте, свою готовность активно поддерживать политику БКП и народного правительства и вместе с Коммунистической партией отстаивать социалистические завоевания болгарского народа. Политическая активизация БЗНС и ясная линия, занятая ими в происходивших событиях заметно изменили в лучшую сторону отношение к БЗНС местных организаций БКП, которые в ряде случаев допускали сектантские отношения к своему союзнику, недооценивая его сил и возможностей. С земледельцами мало считались, старались не допускать их на руководящие (особенно платные) посты, иногда даже высказывали сомнения в целесообразности существования БЗНС, считая, что он себя «изжил» и т.п.

События показали, что БЗНС еще нужен и полезен. Сейчас между организациями БКП и БЗНС все больше укрепляются отношения искреннего сотрудничества, пропагандируется обмен мнениями по наиболее важным вопросам политики партии, практикуется совместное обсуждение

¹ Трайков Георги (1895–1975 гг.) – болгарский политический деятель, член и в 1947–1975 гг. – лидер Болгарского земледельческого народного союза, в 1950–1956 гг. – заместитель председателя Совета Министров Болгарии, в 1956–1964 гг. – первый заместитель председателя Совета Министров.

разных вопросов, совместные встречи и собрания. Больше внимания стал уделять работе БЗНС и ЦК БКП.

О широкой поддержке политики БКП другими массовыми организациями трудящихся Болгарии наглядно свидетельствовала та большая политическая активность, которая проявилась в дни венгерских событий в организациях Отечественного фронта.

Не вызвали эти события каких-либо колебаний (за исключением единичных случаев) также среди болгарской интеллигенции и молодежи.

О настроениях молодежи свидетельствовал, в частности, состоявшийся в начале октября пленум ЦК ДСНМ, обсуждавший задачи организаций ДСНМ в свете решений XX съезда КПСС и Апрельского пленума ЦК БКП. Пленум показал полную поддержку организациями ДСНМ политики Болгарской коммунистической партии, сплоченность молодежи вокруг партии и народного правительства. Об этом свидетельствовал также многотысячный митинг молодежи, состоявшийся в эти дни в Софии.

События, происходившие на протяжении истекшего года во внутривнутриполитической жизни Болгарии, а также в международной обстановке, были серьезным испытанием отношения широких масс болгарского народа к политике, проводимой Болгарской коммунистической партией и народным правительством, серьезным испытанием прочности народно-демократического строя в Болгарии, и они наглядно подтвердили, что политика Болгарской коммунистической партии и народного правительства и существующий в Болгарии народно-демократический строй активно поддерживаются самыми широкими слоями болгарского народа, готового всеми силами отстаивать и защищать свои социалистические завоевания.

Опираясь на эту поддержку, ЦК БКП сумел в сложной обстановке происходивших событий сплотить широкие массы трудящихся вокруг партии и правительства, еще выше поднять политическую активность трудящихся, направив ее на борьбу за дальнейшие успехи в области социали-

стического строительства, за дальнейшее укрепление дружбы болгарского народа с Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря, на борьбу за дальнейшее укрепление единства и сил этого лагеря.

Для политической обстановки, сложившейся в настоящее время в Болгарии, немаловажное значение имел и тот факт, что в ходе происходивших событий, заметно укрепилось и сплотилось болгарское руководство. Как мы уже сообщали, в период, предшествовавший Апрельскому пленуму ЦК БКП и в первый период после этого пленума, проявились некоторые тенденции, угрожавшие единству в ЦК БКП и даже в Политбюро. Это нашло свое выражение в том, что отдельные члены ЦК БКП (Йонко Панов, Добри Терпешев, Иван Кинов, Раденко Видински, Кирил Драмалиев и некоторые другие), руководствуясь главным образом соображениями личного характера, а некоторые из них, будучи «проюгославски» настроенными, выступали накануне Апрельского пленума ЦК БКП и на самом пленуме с непартийной критикой деятельности Политбюро и ЦК БКП, продолжая придерживаться этих настроений в течение некоторого времени и после пленума. Не все гладко обстояло даже и в составе самого Политбюро, о чем мы подробно информировали в наших предыдущих сообщениях.

По мере того как широким партийным массам становилось все яснее опасность для дела партии проявившихся в отдельных местах антипартийных настроений, эти настроения получали решительный отпор в партии. В этой обстановке не могли не пересмотреть своих позиций и те из членов ЦК и Политбюро, которые в начале событий занимали неправильные позиции. В результате этого сплоченность внутри Центрального Комитета укреплялась, и Сентябрьский пленум ЦК показал полное единство как Центрального Комитета, так и Политбюро. Последующие события, развернувшиеся в международной жизни, такие как: события в Польше, контрреволюционный мятеж в Венгрии, прояснение роли Югославии в этих собы-

тиях и банкротство «югославского опыта» – способствовали еще большему сплочению, единству во всей партии, а также в ее Центральном Комитете и Политбюро. Заметно выросла руководящая роль ЦК БКП во всей жизни страны, вырос и окреп авторитет Политбюро, в котором на деле осуществляется принцип коллективного руководства. Положительным фактом является и то, что в Политбюро должное место занял первый секретарь ЦК т. Живков, который и сам заметно вырос в процессе всех событий и в настоящее время пользуется среди членов Политбюро должным уважением и влиянием. Улучшилась и работа Совета министров, где также все больше прививается принцип коллективного руководства. В деятельности правительства и ЦК БКП существует полная согласованность и повседневный деловой контакт, что благоприятно сказывается на руководстве жизнью Республики.

Таким образом, на основании всего вышесказанного можно утверждать, что внутриполитическая обстановка в Болгарии в настоящее время является здоровой и прочной. Это не дает, конечно, основания проявлять какую-либо беспечность и считать, что все необходимое якобы уже сделано. В жизни Республики еще имеются «слабые места», недостатки и трудности, которые необходимо продолжать настойчиво и последовательно преодолевать.

Прежде всего необходимо учитывать, что в стране продолжают существовать остатки реакционных элементов, которые, подняв голову в начале венгерских событий, в настоящее время лишь притихли, учитывая неблагоприятную для них политическую обстановку. Было бы неверным, однако, предполагать, что эти враждебные элементы отказались от своих убеждений и замыслов. Это подтверждается хотя бы таким фактом, что уже после того, когда основная волна событий, происходивших в Венгрии, прошла, т. е. в конце декабря прошлого года, болгарскими друзьями была раскрыта группа, поставившая своей целью создать широко развернутую нелегальную организацию для подготовки восстания против народно-демократиче-

ской власти, которое намечалось на весну текущего года. Эта группа, состоящая из трех сравнительно молодых людей, двое из которых являются лицами с высшим образованием (один из них бывший следователь прокуратуры в г. Хасково и другой – бывший студент), а третий – монтер, имеющий частную мастерскую, подготовили и программу будущей повстанческой организации, названной ими «Объединенный народный союз» (ОНС). Программа эта включала в себя требования: возвращение земли крестьянам (т. е. роспуск ТКЗХ); отмена каких бы то ни было государственных поставок; свобода частной инициативы; амнистия всем политическим и уголовным заключенным; освобождение от ответственности за какие бы то ни было преступления, совершенные при нынешней власти; восстановление тырновской конституции и национального гимна «Шуми Марица» и т. п., то есть открытая программа реставрации в Болгарии буржуазных порядков. Заговорщики установили связь с французской миссией в Софии, к которой они обратились за помощью в печатании за границей их программы и материалов, которые они намеревались распространять, а также за оказанием им материальной помощи. Заговорщики были приняты советником французской миссии, который после длительной беседы с ними пообещал им содействовать, назначив время встречи с посланником (в это время отсутствовавшим). Назначенная встреча не состоялась, однако, в связи с арестом заговорщиков.

Не исключено, конечно, что подобные попытки могут предприниматься со стороны враждебных элементов и в дальнейшем. Имеются еще отдельные враждебные проявления на идеологическом фронте, что также представляет собой потенциальную опасность. Так, например, среди некоторой части писателей продолжают иметь место настроения на «демократизацию» жизни, «независимость» творчества от партийного руководства и т. п. Имеются отдельные проявления подобных настроений и со стороны других представителей идеологического фрон-

та, как-то: журналистов, художников и т. д., – которые сочувственно относятся к «свободе творчества», развивающегося в Польше, отходят в своем творчестве от социалистического реализма, объявляя его «узким» и «тормозящим» свободу мысли и творчества и т. п. В то же время воспитательная работа среди интеллигенции и молодежи, особенно студенческой, еще не находятся на должном уровне.

Имеются еще нерешенные задачи и в области материального положения трудящихся, что может создавать настроения недовольства среди них.

Как мы уже указывали, с первого апреля текущего года будет повышена зарплата наиболее низкооплачиваемой категории рабочих и служащих, что с учетом надбавок на многодетность, введенных с первого января текущего года, несомненно, улучшит материальное положение этой категории трудящихся, однако при существующем прожиточном минимуме та категория рабочих и служащих, зарплата которой не будет превышать 400 левов в месяц, будет продолжать еще находиться в трудном материальном положении.

До установления народной власти рабочим классом Болгарии были завоеваны некоторые привилегии и права для отдельных категорий рабочих и служащих (такие, например, как удлиненные отпуска, бесплатная спецодежда, бесплатный проезд железнодорожников и т. п.). Всех этих привилегий и льгот рабочие были постепенно лишены при народной власти.

Все это не может не вызвать известного недовольства среди некоторой части рабочего класса.

Не менее серьезным является также вопрос о ликвидации имеющейся в Болгарии безработицы. Благодаря помощи, оказанной Советским Союзом в этом деле болгарским друзьям, положение с безработицей в текущем году должно стать намного легче, однако полностью этот вопрос решен еще не будет.

Среди болгарской интеллигенции имеется значительное количество лиц, материальное положение которых в настоящее время хуже, чем оно было до установле-

ния народной власти, что создает почву для недовольства и среди этой категории.

Серьезным вопросом для дальнейшего улучшения материального положения трудящихся является улучшение жилищных условий в городах Болгарии, особенно крупных, где в настоящее время чувствительно ощущается жилищный кризис.

Необходимо также исправить некоторые ошибки, допущенные в прошлом вследствие механического копирования советского опыта в государственном и культурном строительстве, что в отдельных случаях задевало и национальные чувства народа.

Наконец, большие задачи стоят перед болгарскими друзьями в области дальнейшего развития экономики республики, что, в частности, имеется в виду обсудить при предстоящих в ближайшее время переговорах между партийно-правительственными делегациями Болгарии и СССР. (Более подробные материалы по этим вопросам представлены нами отдельно.)

Решение всех этих вопросов в значительной мере будет определять в дальнейшем внутривнутриполитическое положение Республики и способствовать его укреплению.

Прочное внутривнутриполитическое положение Болгарии, несомненно, способствовало укреплению и ее внешнеполитических позиций, для чего болгарским правительством был предпринят в этом направлении на протяжении истекшего года ряд практических шагов, имея в виду при этом, что по мере укрепления международного положения Болгарии будут возрастать ее возможности более активного содействия осуществлению задач внешней политики Советского Союза, проводимой в интересах всего социалистического лагеря. Исходя из этого внешнеполитические шаги болгарского правительства за истекший год были направлены в первую очередь на активную поддержку всех внешнеполитических акций советского правительства, на дальнейшее укрепление дружбы и сотрудничества Болгарии с Советским Союзом и странами народной демократии в интересах дальнейшего укрепления единства и сил социалистического лагеря,

а также на дальнейшее улучшение отношений Болгарии с соседними странами и расширение ее международных связей.

Активная поддержка болгарским правительством внешней политики Советского Союза выражалась прежде всего в широкой публикации болгарской печатью всех важнейших внешнеполитических документов советского правительства, в поддержку которых выступала печать, пропагандируя и разъясняя их среди широких масс трудящихся.

По наиболее важным международным событиям болгарское правительство выступало со своими декларациями и заявлениями, полностью разделявшими позицию Советского Союза и выражавшими отношение болгарского правительства к этим событиям. Так, например, 19 августа Народное собрание Болгарии приняло специальную декларацию в связи с обращением Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 г. к парламентам всех стран мира по вопросу о разоружении. Это обращение обсуждалось на специально созванной сессии Народного собрания Болгарии. В связи с опубликованным заявлением советского правительства от 9 августа 1956 г. болгарское правительство выступило с декларацией по вопросу о национализации Египтом Суэцкого канала и созываемой в Лондоне конференции. В этой декларации болгарское правительство полностью разделяло и поддерживало позицию советского правительства, изложенную в его заявлении.

В связи с англо-франко-израильской агрессией против Египта правительство Болгарии 3 ноября 1956 г. выступило со специальной декларацией, в которой решительно осуждало агрессию и давало указание представительству Болгарии в ООН поддержать любую инициативу ООН в направлении немедленного прекращения огня и вывода иностранных войск из Египта. В этот же день аналогичная декларация была принята происходившей в это время VI Чрезвычайной сессией Народного Собрания Болгарии.

Большое значение в деле укрепления дружественных связей Болгарии с Совет-

ским Союзом и странами народной демократии имел также обмен парламентскими делегациями. За истекший год болгарские парламентские делегации посетили Советский Союз и Румынию, а Болгарию посетили парламентские делегации Румынии и Китая. Кроме того, на протяжении всего года между Болгарией и Советским Союзом, а также всеми странами народной демократии происходил взаимный обмен различными научными, экономическими и культурными делегациями, а также отдельными деятелями науки и культуры.

На протяжении года между Болгарией и Советским Союзом, а также всеми странами народной демократии был подписан целый ряд различных соглашений экономического, правового и культурного характера.

За истекший год заметно усилились также взаимные связи Болгарской коммунистической партии с КПСС и другими партиями стран социалистического лагеря. Все это свидетельствует о том, что укрепление дружбы и сотрудничества Болгарии с Советским Союзом и странами народной демократии, направленного на дальнейшее сплочение единства социалистического лагеря и укрепление его сил, являлось одной из важнейших задач внешней политики болгарского правительства.

Большое место во внешней политике болгарского правительства занимали отношения Болгарии с Югославией. Болгарское правительство, активно поддерживая политику ЦК КПСС и советского правительства в югославском вопросе, стремилось начиная с 1954 г. к нормализации своих отношений с Югославией. Следует отметить при этом, что до советско-югославских переговоров в Белграде эту политику болгарское правительство проводило довольно осторожно, после же этих переговоров оно стало активно стремиться не только к нормализации отношений с Югославией, но и к установлению между Болгарией и Югославией отношений дружбы и сотрудничества как по государственной, так и по партийной линии. Достаточно сказать, что за период, прошедший со времени белградских переговоров, между Болгарией и Югославией было заключено

в общей сложности 34 договора и соглашения, охватывающих различные области экономического и культурного сотрудничества. Эту линию болгарское правительство неуклонно продолжало, несмотря на встречавшиеся препятствия, выражавшиеся в попытках югославов вмешиваться во внутренние дела Болгарии, нелояльном поведении югославских дипломатов в Болгарии и т. д. Большое значение в развитии болгаро-югославских отношений как по государственной, так и по партийной линии имел обмен между Болгарией и Югославией парламентскими делегациями, состоявшийся летом и осенью прошлого года.

События в Польше и в Венгрии и роль Югославии в этих событиях, оказали определенное влияние на болгаро-югославские отношения, которые за последние месяцы, особенно после выступления Тито в Пуле и Карделя в Народной Скупщине, несколько охладилось и в настоящее время ограничиваются рамками государственных отношений, в которых болгарская сторона в последнее время также не проявляет прежней активности. Что касается отношений по партийной линии, то, кроме договоренности об установлении контакта между партиями, достигнутой во время пребывания болгарской парламентской делегации в Югославии, каких-либо практических шагов по этой линии не предпринималось. Резкий же отпор, который был дан болгарской партией, целиком и полностью разделяющей позицию КПСС и других братских партий в этом вопросе, проявившимся за последнее время в югославской партии отступлениями от марксизма-ленинизма и шагам, наносящим ущерб единству социалистического лагеря и международному рабочему движению, делают маловероятной возможность болгаро-югославского сближения по партийной линии в ближайшее время [...]¹.

В области отношений Болгарии с другими социалистическими странами:

¹ Пропущена часть документа с анализом об отношениях Болгарии с Грецией, Турцией, капиталистическими странами, странами Ближнего Востока и Азии, а также описание экономического положения страны.

1. В целях дальнейшего укрепления политических и экономических отношений Болгарии с другими социалистическими странами целесообразно было бы расширить взаимный обмен между Болгарией и этими странами партийно-правительственными делегациями для обмена опытом социалистического строительства, дальнейшего развития личных контактов руководителей, взаимных консультаций по различным вопросам внешней и внутренней политики социалистического лагеря. В частности, болгарским друзьям было бы целесообразно обмениваться такими делегациями с Румынией, Чехословакией, Венгрией и Польшей, что способствовало бы повышению значения связей Болгарии с этими странами и укреплению единства всего социалистического лагеря. В этих же целях целесообразно было бы обмениваться и парламентскими делегациями с этими странами, за исключением Румынии, с которой такой обмен уже состоялся.

2. Необходимо продолжать расширение экономического сотрудничества Болгарии с другими странами народной демократии как в общем плане кооперирования экономики социалистического лагеря, так и в целях взаимной помощи в их экономических связях с другими странами, в частности, в оказании технической помощи Болгарией другим странам.

3. Продолжать расширение всесторонних связей между Болгарией и другими социалистическими странами с целью широкого обмена опытом культурного строительства, совместной борьбы с враждебной пропагандой и чуждыми проявлениями в этой области.

Что касается других стран, основное внимание, по нашему мнению, должно быть обращено на отношения Болгарии с Югославией, а также с Грецией и Турцией. Соображения посольства по этим вопросам и конкретные предложения были сообщены нами в письме к материалам по предстоящим переговорам. В отношении Болгарии с другими капиталистическими странами в целях дальнейшей борьбы за уменьшение международной напряженности необходимо продолжать усилия

Болгарии в направлении улучшения ее отношений с этими странами путем урегулирования имеющихся спорных вопросов (главным образом мелкие финансовые, имущественные претензии и т. п.), развития торговых, культурных и спортивных связей, возможно, обмена парламентскими делегациями и т. п.

В области внутренней политики Болгарской коммунистической партии и правительства

1. В целях дальнейшего укрепления политического единства народа принять практические меры по укреплению организаций Отечественного фронта и повышению их политической роли в жизни страны, поскольку за последние годы значение Отечественного фронта явно недооценивалось, что привело к ослаблению его деятельности и влияния на политическую жизнь страны.

2. Обратить особое внимание на укрепление идеологического фронта, усилив руководство им со стороны ЦК БКП, а также на политико-воспитательную работу среди интеллигенции и молодежи, особенно студенчества и учащихся.

3. Усилить борьбу за строгое соблюдение законов в особенности в части защиты прав граждан, гарантируемых конституцией.

4. Продолжать работу по улучшению деятельности государственного и партийного аппарата, обратив особое внимание на усиление повседневных связей центральных и местных государственных и партийных органов с трудящимися.

5. В области дальнейшего развития экономики не допускать напряженности в капитальном строительстве, направляя ка-

пложения главным образом на окончание незавершенного строительства с учетом наиболее рационального их использования.

6. В сельском хозяйстве обратить особое внимание на дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление слабых кооперативов, имея в виду, что существование сравнительно значительного количества таких кооперативов наносит ущерб делу социалистического переустройства сельского хозяйства, способствует нездоровым политическим настроениям среди крестьян, а также используется враждебными элементами для подрывной агитации.

7. По мере улучшения финансовых возможностей продолжать осуществление мероприятий по дальнейшему улучшению материального положения рабочих, служащих и интеллигенции, особенно низкооплачиваемой категории, материальное положение которой продолжает оставаться еще довольно трудным.

Дальнейшее укрепление внутривнутриполитического и внешнеполитического положения Народной Республики Болгарии, в значительной мере будет зависеть от осуществления всех этих мероприятий.

Отп. 5 экз.

Посол СССР в Народной Республике Болгарии

1 – т. Шепилову¹ Ю. Приходов²

2 – т. Патоличеву

3 – т. Замчевскому

4 – К. И.³

5 – в дело

Исп. Приходов

Маш. Ильина

№ 28

2. II. 57 г.

¹ Шепилов Дмитрий Трофимович (1905–1995 гг.) – политический деятель, в 1956–1957 гг. министр иностранных дел СССР.

² Автограф Приходова.

³ Т. е. Комитету информации МИД СССР.

Документ № 4

Запись В. А. Крюčkова¹, третьего секретаря Посольства СССР в Венгрии, о беседе с первым секретарем Болгарского посольства в Будапеште Недялковым

Будапешт, 19 февраля 1957 г.
Оригинал. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 480. Л. 100-102.

Секретно.
Экз № 1²

Из дневника В. А. Крюčkова
19 февраля 1957 г.³
№ 44

Запись беседы с первым секретарем Болгарского посольства в Будапеште т. Недялковым

11 февраля 1957 г.

С разрешения Посла встретился с т. Недялковым по его приглашению. Из беседы заслуживают внимания следующие его высказывания.

Внутриполитическое положение Венгрии в основном стабилизировалось, однако еще предстоит многое сделать для того, чтобы исключить возможность новых контрреволюционных провокаций и создать крепкую народно-демократическую власть. По мнению Недялкова, венгерским товарищам для успешного решения этой задачи необходимо проводить еще более жесткую политику, «не стесняясь чаще показывать всю мощь железного кулака пролетарской диктатуры». Недялков выразил беспокойство по поводу быстрого роста рядов ВСРП. Имеется немало примеров, когда в ряды ВСРП принимают недостойных лиц, по карьеристским соображениям пролезающих в ряды партии. Все это может вновь привести к созданию такой пар-

¹ Крючков Владимир Александрович (1924–2007 гг.) – государственный деятель, в 1955–1959 гг. – третий секретарь Посольства СССР в Венгрии, в 1959–1963 гг. – референт в Секторе Венгрии и Румынии Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, с 1967 г. по 1991 г. работал в КГБ СССР, с 1988 по 1991 г. – председатель КГБ СССР.

² Наверху на правом поле бумаги находится два штампа: 1) «МИД СССР. Секретариат Н.С. Патоличева. Секретно. № 1881. 2. III. 1957 г.» 2) «МИД СССР. 5 Европейский отдел. Секретно. Вх. № 652. 5. III. 57 г.».

³ Наверху на левом поле бумаги находится почерк: «Т. Патоличеву. Эту информацию направить в ЦК КПСС. И. Замчевский». Документ был переслан в ЦК КПСС И. В. Замчевским для ознакомления членов ЦК 12 марта 1957 г. См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 480. Л. 99.

⁴ В документе здесь и во всех последующих местах фразы текста подчеркнуты от руки. Мюнних Ференц (1886–1967 гг.) – венгерский политический деятель, с 27 октября по 3 ноября 1956 г. – министр внутренних дел второго правительства И. Надя. 2–3 ноября вместе с Я. Кадаром участвовал в переговорах с Президиумом КПСС в Москве. С 4 ноября – министр вооруженных сил и внутренней безопасности в т. н. «Рабоче-крестьянском правительстве» Я. Кадара, с 1958 по 1961 г. – премьер министр Венгрии.

Документ № 5

Докладная записка И. И. Тугаринова¹, заместителя председателя Комитета информации при МИД СССР о внутривнутриполитическом положении Болгарии

Москва, 12 февраля 1957 г.
Заверенная копия. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 478. Л. 14-32²

Совершенно секретно
Экз. № 10

**О внутривнутриполитическом и экономическом положении
в Народной Республике Болгарии**

(Справка)

I. Внутривнутриполитическая обстановка.

Польские и венгерские события вызвали активизацию деятельности различных реакционных элементов в Болгарии. Характерно, что с возникновением венгерских событий в Софии сразу же начали съезжаться из провинции бывшие домовладельцы, крупные торговцы и т. д. В стране получили широкое распространение всякого рода провокационные слухи, было совершено несколько диверсионных и террористических актов. В своей подрывной деятельности враждебные элементы использовали переживаемые страной экономические затруднения. В болгарской деревне всячески разжигалось недовольство крестьян перегибами в кооперировании и широко муссировались слухи о якобы предстоящем роспуске сельскохозяйственных кооперативов. В с. Калеманцы Толбухинской околии толпа враждебно настроенных единоличников угрожала расправой руководителям кооператива и сельского народного совета, заявляя: «Вашим порядкам пришел конец». В с. Калново, Коларовградского округа был убит председатель кооператива.

Некоторые писатели, журналисты, художники, отдельные служащие государственного аппарата выражали солидарность с «венгерскими революционерами». Они подхватывали лозунги западной пропаганды

¹ Тугаринов Иван Иванович (1905–1966 гг.) – дипломат, в 1948–1960 гг. – заместитель начальника, затем начальник Управления МИД СССР.

² Отрывок из полного текста (Л. 14–18).

ной жизни страны БЗНС играет значительную роль. В настоящее время в БЗНС насчитывается свыше 120 тыс. крестьян, из них 95,5 процента мужчин, преимущественно пожилого и среднего возраста. На происходящих сейчас отчетно-выборных собраниях и конференциях местных организаций БЗНС активно обсуждается деятельность союза. Многие местные организации союза в контакте с партийными организациями проводят большую работу по подъему сельского хозяйства и укреплению ТКЗХ. На местах все чаще практикуется созыв совместных собраний коммунистов и членов БЗНС для решения текущих дел.

На апрель с. г. назначен также созыв очередного съезда болгарских профсоюзов. В честь съезда сейчас развертывается массовое социалистическое соревнование рабочих коллективов.

Активизация деятельности БКП и общественных организаций положительно сказывается на укреплении союза рабочих и крестьян Болгарии, на расширении советско-болгарской дружбы. Характерно, что даже враждебная буржуазная пропаганда вынуждена была признать, что Болгария представляет собой «спокойный фронт» и является верным другом Советского Союза [...]².

12 февраля 1957 г. Приложение к № 194 Заместитель Председателя Комитета информации при МИД СССР И. Тугаринов³

¹ Фраза в скобках в тексте-оригинале отмечается в сноске к главному тексту.

² Пропущена вторая часть документа об экономическом положении страны.

³ Автограф Тугаринова.

Раздел VI РЕЦЕНЗИИ

Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории / отв. редактор Е. П. Серапионова. – М.: Институт славяноведения РАН, 2015. 680 с.

В 2014 г. мир, как известно, отметил 100-летие со дня начала Первой мировой войны, одного из наиболее значительных событий всей мировой истории, ознаменовавшего собой вступление человечества в Новейшее время и «некалендарный XX век». Излишне было бы говорить о грандиозности этого события и его последствий как для всего человечества, так и для России, а также стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Четыре империи прекратили свое существование, была радикально перекроена вся политическая карта европейского континента. Для целого ряда центрально-европейских народов воплотилась в жизнь мечта об обретении либо (например, для поляков) восстановлении собственной государственности, другими (в частности, венграми, поставленными перед необходимостью обрести себя в новых, резко сузившихся и непривычных для национального сознания государственных границах) итоги войны были восприняты как беспрецедентная в их истории национальная катастрофа. В сотнях книг, принадлежащих перу выдающихся европейских интеллектуалов, (начиная от «Заката Европы» О. Шпенглера) осмысливается влияние войны на менталитет и систему ценностей многих миллионов людей, особенно в Европе. Здесь достаточно сказать лишь о том, что мощнейшая революционная волна, порожденная Первой мировой войной, сделала возможным революцию 1917 г. в России и опосредованно – возникновение фашизма в Германии, и таким образом вследствие Первой мировой войны возникают два самых серьезных вызова, брошенных в Новейшее время европей-

Научное издание

РОССИЯ И ВЕНГРИЯ
НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ
ВЫПУСК II

OROSZORSZÁG ÉS MAGYARORSZÁG
AZ EURÓPAI TÖRTÉNELEM KERESZTÚTJAIN

II szám

Редактор, технический редактор Н. Б. Копнина
Компьютерная верстка Н. П. Чивиджева

Подписано в печать 16.05.2016

Формат 1/8	Усл. п. л. 35,58	Уч.-изд. л. 35,12
Бумага офсетная	Заказ 69	Тираж 75 экз.

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029 г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2